

Библиотека
Литературы
Древней
Руси

ТОМ 8

(XIV - первая половина XVI века)

Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ; Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Понырко. – СПб.: Наука, 2003. – Т. 8: XIV – первая половина XVI века. – 581 с.

СОДЕРЖАНИЕ

О. В. Творогов. Переводная литература XIV-XVI веков

Александрия (Подготовка текста, перевод и комментарии Е. И. Ванеевой)

Из "Троянской истории" (Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова)

Повесть о создании и пленении Трои (Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова)

Стефанит и Ихниллат (Подготовка текста, перевод и комментарии О. П. Лихачевой)

Из "Тактикона" Никона Черногорца (Подготовка текста, перевод и комментарии Л. А. Герд)

Из "Диоптры" Филиппа Пустынника... (Подготовка текста, перевод и комментарии Г. М. Прохорова)

Из "Жития Василия Нового"... (Подготовка текста Ю. А. Грибова и А. В. Пигина, перевод М. Б. Михайловой и В. В. Семакова, комментарии А. В. Пигина)

Повесть о бесе Зерефере (Подготовка текста, перевод и комментарии А. В. Пигина)

Повесть о видении Антония Галичанина (Подготовка текста, перевод и комментарии А. В. Пигина)

Вступление

ПЕРЕВОДНАЯ ЛИТЕРАТУРА XIV — XVI ВЕКОВ

Этот том тематически продолжает второй и третий тома настоящего издания, посвященные переводной литературе Киевской Руси, и поэтому имеет смысл еще раз охарактеризовать эту значительную по объему и важности часть репертуара древнерусской книжности.

Приняв христианство, Древняя Русь оказалась перед необходимостью интенсивно освоить обширную христианскую литературу, уже существовавшую у ее единоверцев — в Византии, а также у болгар и сербов, обращенных в христианство столетием ранее. Д. С. Лихачев называл эту общую для южных и восточных славян литературу на едином для них старославянском языке литературой-посредницей (*Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X—XVII веков. Л., 1973. С. 23—41*). В первые века истории славянской книжности в каждой из национальных литератур к этой литературе-посреднице принадлежало около 90% репертуара. Она же в свою очередь состояла из переводов с греческого, ибо пришла к славянам из единоверной им православной Византии. В эту литературу входили переводы книг Священного Писания, богослужебных книг, творений отцов Церкви и других византийских богословов и проповедников, житий святых, патериков, хроник и других памятников, без которых не могло ни осуществляться богослужение, ни воспитываться нравственность и формироваться мировоззрение новообращенных христиан. Однако уже в XII—XIII веках к этому обязательному и необходимому репертуару были сделаны дополнения: интерес к истории побудил перевести обширный роман о деяниях Александра Македонского — «Александрию», вошедшую в славянские хронографические своды и поэтому называемую Хронографической, в отличие от Александрии Сербской, о которой речь пойдет ниже. Была переведена книга Иосифа Флавия, в которой повествовалось о взятии Иерусалима римлянами в первом веке нашей эры. Были переведены Повесть об Акире Премудром и Девгениево деяние. Все эти произведения читатели воспринимали в одном ряду, как историческое повествование (хотя таковым являлась лишь «История Иудейской войны» Иосифа Флавия), ибо возможность вымысла в литературе тогда казалась недопустимой. С такой же верой в достоверность воспринималась и апокрифическая литература, считавшаяся в ряде случаев естественным дополнением к библейскому повествованию. К началу XIII века Древняя Русь обладала обширной переводной литературой, основные памятники которой были изданы во втором, третьем и пятом томах настоящей серии.

Но в XIII веке на Русь обрушилась катастрофа монголо-татарского нашествия. Был нанесен огромный урон и русской культуре — ведь почти все крупные города Руси, за исключением Новгорода и Пскова, были захвачены, разграблены и сожжены. В XIV веке, оправившись от военных потрясений, Русь начинает интенсивно возрождать свои интеллектуальные богатства. Собираются и размножаются в новых списках уцелевшие остатки книжности Киевского периода, увеличивается поток книг, переписанных по заказам из Руси в монастырях Константинополя и Афона (См.: *Вздорнов Г. И.* Роль славянских монастырских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV вв. // *ТОДРЛ.Л.*, 1968. Т. XXIII. С. 171—198). Вновь активизируется освоение богатств византийской христианской литературы через новые переводы с греческого. В конце XIV века все в большей степени растет поток книг с Балкан, что стимулируется и турецкой экспансией: в 1389 году на Косовом поле терпит поражение сербское войско, и Сербия становится турецким вассалом. В конце XIV века турки полностью оккупировали Болгарию. В Московскую Русь устремляются не только рукописи, но перебираются и сами «книжные люди», среди которых были и такие выдающиеся писатели, как митрополит Киприан, Григорий Цамблак, Пахомий Логофет. За счет новых переводов и «трансплантации» рукописей существенно расширяется репертуар древнерусской книжности. Обратимся к переводным памятникам, включенным в настоящий том.

Он открывается так называемой Сербской Александрией. Ее появление на Руси, уже знакомой с Александрией Хронографической, отражает повышенный интерес древнерусских книжников к всемирной истории. Уже на рубеже XIV—XV веков составляется хронографический свод — Троицкий хронограф, в первой половине века создаются редакции Летописца Еллинского и Римского; вторая редакция Летописца представляет собой монументальный хронографический свод, в котором особенно обстоятельно с привлечением новых источников излагалась история Рима и Византии. Входила в Летописец и новая, дополненная, редакция Хронографической Александрии. Но русским книжникам этого показалось недостаточно: была переведена с сербского (откуда и ее название) еще одна версия Александрии, в которой содержались новые сюжетные мотивы, находившие аналоги в литературных памятниках европейского Предвозрождения: здесь чаще, чем в прежних редакциях Александрии, мы встретим обращение к античной мифологии, вводится рассказ о посещении Александром Трои и его восхищении героями Троянской войны; упоминается царица Поликсена: обреченная с Ахиллесом, она не хочет и не может его пережить и умирает на могиле героя. Мы найдем здесь и похвалы женской верности, что отражает уже новые представления о чувственной любви, которая в прошлом решительно осуждалась как нечто противопоставляемое благочестию христианина. Характерно, что только в Сербской Александрии подобным же образом поступает и жена Александра — Роксана: после смерти мужа она бросается на его меч и погибает.

Другой новой чертой Сербской Александрии по сравнению с Хронографической является присутствие в ней библейского мотива: Александр не только посещает Иерусалим и почтительно беседует с архиереем, как об этом рассказывается во второй редакции Хронографической Александрии, — теперь Александру покровительствует библейский пророк Иеремия. Он является ему во сне перед битвой с Дарием и призывает молиться Богу, а в другом сне тот же Иеремия поведал Александру о грядущем Страшном Суде и воскресении мертвых. Вообще, размышления о скоротечности и бренности жизни пронизывают все произведение. Исследователь отмечал неслучайность этого мотива: «Трагическая тема Сербской Александрии весьма характерна для литературы позднего средневековья. <...> Ощущение “горького вкуса жизни”, предчувствие смерти <...> все это общие черты позднесредневековой культуры» (*Лурье Я. С. Средневековый роман об Александре Македонском в русской литературе XV в. // Александрия: Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. М.; Л., 1965. С. 155*). Заметим при этом, что сам интерес к личности и деяниям Александра Македонского характерен и для западноевропейской литературы того времени.

Другой сюжет, также получивший широкое распространение во всех европейских литературах, — история Троянской войны. Впервые с подробным изложением легенд Троянского цикла (правда, не в соответствии с гомеровским эпосом, а в версиях мнимых участников Троянской войны — Диктиса и Дарета) древнерусский читатель мог познакомиться по пятой книге Хроники Иоанна Малалы (Древнерусский перевод книги опубликован: *Истрин В. М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе / Подг. издания, вступ. статья и приложения М. И. Чернышевой. М., 1994. С. 117—152*), но она не получила широкого распространения на Руси. Поэтому по существу Троянский цикл стал известен русскому читателю лишь в XV веке. Впервые, была переведена византийская хроника Константина Манассии, одна из глав которой содержала подробный рассказ о Троянской войне (см.: наст. изд. Т. 9. С. 120—131). Тогда же на Руси стала известна южнославянская повесть на тему Троянского цикла — «Притча о кралех». Древнерусский книжник, составитель Русского хронографа, в начале XVI века составил свою версию рассказа, объединив фрагменты из упомянутой выше главы Хроники Манассии и из «Притчи о кралех». Это новое произведение — «Повесть о создании и поплении Тройском» — публикуется в настоящем томе.

На рубеже XV—XVI веков переводится латинский роман XIII века «*Historia destructionis Troiae*» («История разрушения Трои») сицилийца Гвидо де Колумна, по предположению И. Н. Голенищева-Кутузова, придворного поэта Фридриха II Гогенштауфена — императора Священной Римской империи и короля Сицилии. Это типично рыцарский роман, восходящий через французское посредство к сочинениям многих участников Троянской войны — Дареса Фригийца и Диктиса Критянина, в действительности, неизвестных нам по имени авторов III—IV веков н. э. Хотя основное содержание романа — история захвата и разрушения Трои и описание подвигов греческих и троянских

героев, здесь большое место занимает и описание любовных коллизий — любви Язона и Медеи, Париса и Елены, Троила и Брисеиды (эти герои становятся популярными по существу лишь в средние века, у Гомера они лишь упомянуты) и наконец — Ахиллеса и Поликсены. Как и Сербская Александрия, Троянская история вводила в круг интересов древнерусского читателя тему земной, чувственной любви. Но значение романа Гвидо прежде всего в том, что он полнее других произведений отражал все легенды Троянского цикла — от похода аргонавтов за золотым руном до описания странствий Одиссея. В настоящий том включен лишь небольшой фрагмент из Троянской истории — первая, вторая и части третьей книги из 35 книг, составляющих «Историю».

Необычным для традиционной древнерусской системы жанров было и появление в конце XV века повести «Стефанит и Ихнилат» — басенного цикла, восходящего через греческое посредство к индийской «Панчатантре». Впрочем, как указывает исследователь и издатель памятника О. П. Лихачева, древнерусский читатель не придавал особого значения беллетристичности произведения, восприняв его как своего рода сборник нравоучительных притч, подобных тем, которые он встречал в святоотеческих сочинениях или сборниках афоризмов (см. подробнее в наст. томе: «Стефанит и Ихнилат». Комментарий).

Итак, повествовательные переводные памятники XIV—XVI веков отличает прежде всего напряженная сюжетность — читатель с интересом следит за рискованными поступками Александра, отправляющегося под видом посла к своему врагу Дарию или спускающегося в пещеру мертвых, откуда он может не вернуться. Вероятно, не оставляли равнодушным читателя и рассказы Троянской истории, например, о том, как хитроумные греки сумели обмануть троянцев, и те сами втащили за неприступные стены своего города рокового коня со спрятанными в его чреве воинами. Благочестивый читатель знакомился с античными языческими мифами, и языческие божества, правда с охранительными эпитетами, встречались ему на страницах псевдоисторических повестей и романов. Необычайно широк был мир, в котором разворачивалось действие: Греция и Рим, Египет и Персия, Индия и острова блаженных и вообще неведомые земли на краю ойкумены, где не светит солнце, где обитают диковинные звери, где произрастают говорящие деревья...

Но было бы ошибкой полагать, что в жанровой системе, в самом характере древнерусской литературы произошли кардинальные перемены и что литературу высокую и учительную сменила развлекательная беллетристика. Вспомним, что произведения об Александре Македонском и Троянской войне воспринимались как исторические повествования, и даже при этом Сербская Александрия, например, в XVI веке исчезла из читательского обихода. Если в XV веке, как убедительно доказала исследовательница памятника Е. И. Ванеева, существовало несколько ее списков, то от XVI века не сохранилось ни одного, и только XVII век с его светскими устремлениями поражает нас обилием списков и редакций этого памятника. Троянскому циклу повезло больше: «Повесть о создании и поплении Тройском» вошла в Русский хронограф — памятник чрезвычайно авторитетный и широко

распространенный, а полный текст перевода романа Гвидо де Колумна хотя и встречается в списках редко, но зато удостоился быть включенным в Лицевой летописный свод, гигантскую хронографическую компиляцию, созданную в 60—70-х годах XVI века по инициативе Ивана Грозного.

Однако самое главное в другом: исторические (точнее — псевдоисторические) повествования — лишь сравнительно небольшая часть репертуара переводной литературы XIV—XVI веков. Книжники этого времени, как и их предшественники, стремились к расширению своих богословских и философских познаний. Появлялись новые переводы книг Священного Писания, и именно в конце XV века был собран первый полный кодекс библейских книг — Геннадиевская библия, в которую, помимо переводов с греческого, осуществленных у южных славян и на Руси в X—XIV веках, вошли и переводы нескольких книг с латыни. В новых переводах появляются творения Василия Великого, Нила Синайского, Исаака Сирина и других отцов Церкви. Важное место в этом ряду занимает перевод корпуса сочинений Дионисия Ареопагита, атрибутируемый первому афинскому епископу, ученику апостола Павла, но созданный, однако, как полагают современные исследователи, неизвестным автором в V—VI веках, поэтому говорят обычно о Псевдо-Дионисии Ареопагите. Корпус Ареопагита состоит из четырех книг и десяти посланий. Эти сочинения с комментариями Максима Исповедника (XII век) были переведены с греческого сербом Исайей в 1371 году. Они знакомили читателя с достижениями античной учености, являя собой «органическое соединение христианской веры с платоническим искусством отвлеченного умозрения» (*Прохоров Г. М.* Корпус сочинений Дионисия Ареопагита // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. Л., 1988. Вып. 2. Ч. 1. С. 491). Творения Псевдо-Дионисия были переведены также на армянский, грузинский, сирийский, эфиопский, коптский и латинский языки. На Руси в XV веке уже были известны как южнославянские, так и русские списки. Влияние Ареопагита на развитие русской богословской и философской мысли вплоть до XVII века (к этому последнему периоду относится наибольшее число дошедших до нас списков) было исключительно велико. В настоящий том вошли Предисловие переводчика (Исаяи) и книга «О небесной иерархии».

Живо интересовались на Руси тайнами мироздания, географическими сведениями, описаниями животного и растительного мира, видя в многообразии и разнообразии мира свидетельство безграничных возможностей Творца. Восторженно повествует о искусном и премудром Создателе Хроника Константина Манассии (см. там рассказ о сотворении мира — в девятом томе настоящего издания). Все чаще появляются так называемые «энциклопедические» сборники, содержащие статьи по различным проблемам астрономии, географии, медицины, хронологии. Как нельзя более отвечала этим интересам переведенная в XIV веке «Диоптра» Филиппа Пустынника, фрагменты из которой публикуются ниже. Любопытно, что в содержащемся в «Диоптре» диалоге Души и Плоти именно Плоть объясняет Душе, своей госпоже и властительнице, что она бессильна без Плоти, ибо лишь с ее

помощью постигает окружающий мир и только посредством Плоти Душа «материализует» свои помыслы и желания. Тело отвечало Душе и на вопросы, чрезвычайно волновавшие людей средневековья: как могло произойти, что созданные Богом праотцы Адам и Ева все же поддались на ухищрения дьявола и тем самым утратили дарованное им бессмертие, как именно свершится величайшее таинственное событие — воскресение мертвых, как вновь сочетаются бессмертные души с тленными (и уже давно истлевшими!) телами и какой облик примут воскресшие. «Диоптра» содержит наиболее полный для своего времени свод сведений о человеке в его христианской интерпретации.

Судьба души после смерти — вопрос, постоянно задававшийся мыслящими христианами, ибо Библия не давала на него прямого ответа. Не случайно эта тема разрабатывалась в апокрифических легендах. Таковой является и рассказ о посмертных мытарствах Феодоры из византийского Жития Василия Нового, также публикуемый в настоящем томе.

Мы видим, что переводная литература XIV—XVI веков существенно пополнила репертуар древнерусской книжности, открыла новые возможности для богословского и философского осмысления бытия. Она пополнила знания о событиях и героях древности, расширила круг знаний о земле и природе. В это время бурно развивалась и оригинальная отечественная литература: в XIV—XVI веках составляются десятки летописных сводов, слагаются исторические повести, создаются сотни житий и гомилий. Эти века украшают собой имена Епифания Премудрого, Пахомия Серба, митрополитов Даниила и Макария, Иосифа Волоцкого, Максима Грека, царя Ивана Васильевича Грозного. Но несмотря на развитие национальной литературы, удельный вес литературы переводной все еще остается весьма значительным. Наглядным свидетельством станут «Великие Минеи Четьи» митрополита Макария, призванные собрать «все книги Четьи», читающиеся и чтимые на Руси. Минеи все же содержат в большей своей части переводные памятники. И это совершенно естественно, так как перед нами средневековая литература, основной задачей которой в то время оставалось утверждение христианского православного мировоззрения и христианской нравственности. А переводная, в значительной своей части святоотеческая, литература в наибольшей степени отвечала этой потребности.

О. В. Творогов

АЛЕКСАНДРИЯ

Подготовка текста, перевод и комментарии Е. И. Ванеевой

ВСТУПЛЕНИЕ

«Сербской Александрией» принято называть литературное произведение, которое является одной из поздних версий Александрии

Псевдокаллисфена, греческого сочинения II—III вв. н. э. Различают несколько версий (рецензий) Александрии Псевдокаллисфена: первоначальная рецензия α, остальные (β, γ, ε, λ) возникли на ее основе. К греческим рецензиям восходят латинские, армянские, сирийские, арабские версии Александрий. «Сербская Александрия» ближе всего стоит к рецензии ε (как предполагают, VII—VIII вв.). Возникшая, по своей вероятности, как и все главные версии Александрии Псевдокаллисфена, на греческом языке, она не позднее XIV века была переведена южными славянами. На Руси «Сербская Александрия» появилась в XV в.

В Древней Руси «Сербскую Александрию» называли просто «Александрией» (наиболее частое название — «Книга глаголемая Александрия»). Кроме нее были и другие сочинения об Александре Македонском, например так называемая «Хронографическая Александрия» (восходит к рецензии β Псевдокаллисфена), встречающаяся обычно в составе хронографов, где излагается всемирная история.

«Сербская Александрия», хотя она не является историческим сочинением, была в Древней Руси одним из источников сведений о царе Александре. Хотя речь идет не о вымышленном герое, а о действительном знаменитом историческом лице, однако внимание обращено не столько на исторический портрет Александра, сколько на его славу, на его избранность, необычность. Поэтому история Александра в значительной степени трансформирована в историю о событиях, в которых элементы необычного и чудесного соединены с назидательными рассуждениями. В отличие от исходного эллинистического сочинения Псевдокаллисфена «Сербская Александрия» имеет выраженный характер средневекового произведения, в котором отражен характерный для средних веков круг интересов и бытующих представлений, связанных, в частности, с эсхатологизмом. Это христианская переделка Александрии Псевдокаллисфена, в ней Александр совершает поход к земному раю, которого он, как и все смертные люди, не смог увидеть. Чудовищные народы и звери, встречающиеся Александру на его пути на восток за пределами Вселенной (т. е. обитаемой части земли), осмысляются здесь как видения ужасов и мучений, находящиеся перед Эдемом. В «Сербской Александрии» неоднократно говорится о конце мира, о человеческой душе и теле после смерти, о Страшном Суде.

Из исторических лиц, представленных в «Сербской Александрии» современниками Александра, некоторые жили совсем в другое время; но это не следует рассматривать как выражение невежества или незнания создателя «Сербской Александрии», для которой такие анахронизмы неважны. Собственные имена и географические названия, встречающиеся в «Сербской Александрии», лишь отчасти совпадают с известными нам историческими; в значительной же мере они либо вымышлены, либо передают несохранившуюся (у других) традицию. В переводе они оставлены в том виде, в каком читаются в древнерусском тексте.

О том, что «Сербская Александрия» привлекала к себе интерес в Древней Руси, свидетельствует большое число списков, относящихся к периоду от XV до начала XIX в.

Текст издается по списку XVII в. — *РНБ*, Q.XVII.169. От XV—XVI вв. дошел единственный русский список конца XV в. (в сборнике кирилло-белозерского писца Ефросина), который был издан в 1965 г. в серии «Литературные памятники»; он относится к особому виду русских текстов «Сербской Александрии», в котором много изменений по сравнению с первоначально появившимся на Руси текстом памятника. Издаваемый текст принадлежит к небольшой группе списков, которые наиболее близки к первоначальному русскому тексту «Сербской Александрии». Но, конечно, удаленность почти на два века сказалась, в частности, в том, что в тексте XVII в. встречается сравнительно много мест, где искажены отдельные слова или же целые фразы.

Все дополнения и исправления (сделанные по русским спискам, близким к издаваемому) выделены курсивом.

В примечаниях использованы следующие работы: *Веселовский А. Н.* Из истории романа и повести. Вып. I. СПб., 1886; издания сербских текстов: *Život Alexandra Velikoga*. Izdao V. Jagić, Zagreb, 1871; Приповетка о Александру Великом у старој српској књижевности / Критички текст и расправа од Ст. Новаковића. Београд, 1878; издания греческих текстов А. Н. Веселовским (в приложении к его исследованию) и В. М. Истриным (История «Сербской Александрии» в русской литературе. Вып. I. Одесса, 1909).

ОРИГИНАЛ

ПОВЕСТЬ И СКАЗАНИЕ ИЗВѢСТНО САМОДЕРЖЦА, ЦАРЯ ВЕЛИКИЯ
МАКЕДОНИЯ, И НАКАЗАНИЕ КО ХРАБРЫМЪ НЫНѢШНЯГО
ВРЕМЕНИ. ЧЮДНО ПОСЛУШАТИ, АЩЕ КТО ХОЩЕТЬ

К воинством устремляющесе полезно и честно слышати добродѣтелна и велеумна мужа Александра, великаго царя македонскаго, како и откуда бысть и како и отколе прииде, и сих ради добродѣтелей всей подсолнечной царь и самодержецъ назвася. Подобае же сего чтущимъ разумѣти, и разумевающимъ сего воинствомъ и добродѣтелемъ уподобитися и смысла да разумѣти елицы.

Бысть же великое Божие промышление создавши собѣ храмъ и сего седмь утвердивша столпѣ.[\[1\]](#) И в пять тысяч сего стояния, царствующу великаго Рима Таркинию царю,[\[2\]](#) начальствующу же израильтескими людьми и еврейскому господству от архиерей Иеремѣю пророку,[\[3\]](#) господствующу восточным странамъ Криксу сыну, Дарию,[\[4\]](#)

обдержашу Индию, Египтом же великимъ обладающе Нектанаву^[5] волхву, царю сущу, тогда Ридийскимъ странамъ^[6] и Македонъской земли и Еладцкими отоки обладающе Филипу, греку сущу и еллину. Родися ему сынъ тогда, и нарече имя ему Александръ, по греческому языку «избранне мужъ». ^[7] Избранъ сей и младъ и красенъ, смиренъ же и благообразенъ ко всѣмъ зрящимъ его. Сеи же ни есть от телеснаго утворения, но о всемъ виновнаго благимъ великаго Божия промысла. Помагающе же симъ имяше естественое добродѣтелей суть си: непотворно и во языке же непоколебимо имать, имания же вся яко тлѣнная и мимотекущая вменяше, долготерпелив же к согрешающимъ безмѣрно. Сими же четырьми добродѣтелми четыремъ вселенъскимъ концемъ царь и самодержецъ назвася. Елико невозможно есть в книзе сей написати, ни на сердце челоуѣку не възде, ни во умъ челоуѣку неподатливу не внидетъ. Александровы добродѣтели, душевныя и телесныя, преди рекоша.

Повесть начнемъ о рождении его и о храбрости его. Глаголюще бо быти его сына царя Филипа. Но нѣсть тако, занеже лжа, но египецкаго царя Нектава, великаго волхва, сынъ и Олимпияды, жены Филиповы. Случи же ся сиче. Нектанавъ, царь египетцкый, волшебною хитростию и звездочетию египетскимъ украшенъ зело. Не бранми, ни ратьми, ни вои, ни оружиемъ противляхуся, но помощницу собѣ имѣя волшебную хитрость, с сею всѣмъ противляся градомъ. Его бо о семъ вси околнии царие недооумѣющиеся и стужившеся, совѣтъ сотвориша, глаголюще: «Что сотворимъ лукавому и волшебному сему египецкому князю? Вся бо благая земли нашея богатства волшебнымъ ухищрениемъ возьмемъ и к своей земли приложимъ. Мы же сихъ стражуе недоумеваемъ. Но к тому не терпимъ лукаваго сего Аркуса, но вкупе вси собравшеся, на землю египецкую вси устремимся, и Нектанавъ из царства изгонимъ, и благая своя опять собѣ примемъ, бесплодну бо ему и безъ наслѣдія, лукаву бо ему и страшливу, и сама та супротивитца ему египецкая земля». Бяху бо совещавшеся языцы на Нектанавъ: перси, ивери, арапи, кияне и ефиопи, еглаги^[8] и инии восточнии цари и языцы мнози.

Сихъ египецкихъ краишницы видевъ Верверехъ^[9] многое множество неисчетно, восплакався рече: «О горе тобѣ во градахъ великий Египте! До небесъ вознесися и до ада снидешися! Руки бо твои быша на всѣхъ и ныне же руки всѣхъ на тобѣ! Сладости бо насытився медовныя, горкаго достиглъ еси яда вкусити!» И тако к Нектанаву устремися. И притекъ, о нашествии ему возвестивъ неисчетное восточнымъ войскомъ. Приступивъ же к нему рече: «Вѣдомо да ти есть, о царю, яко смертию изменяеши живот свой днесъ. Дарий же, перскій царь, иже мнитца богомъ, на межу земля твоя прииде со всѣми восточными цари, и ранами ранити имаетъ тебе ради Египетъ. Да совокупи и ты вся воя на брань и прямо имъ устремимся. Ничтоже бо имать успѣти силнеи воисце и храбымъ витяземъ волшебная чародѣйства; царь на царя, мужъ на мужа, конь на коня обои честь с помощника имуще. Царство множествомъ людей состоится, якоже море со своими волнами, и тако

страшно плавающимъ является». Сие же Вервереху к Нектанаву рекшу, посмеявся царь, рече ему: «Ты оубо вѣрную ти службу совершилъ еси. Рать бо множествомъ людей не бывает. но добрыми и храбрыми сердцы. Многажды бо левъ единъ множество стадъ еленей разганяетъ, адинаго волка напрасное скочение многа стада овецъ разгонитъ. Ты оубо на отреченную ти работу отъиди и тѣхъ часто исходи и ко мнѣ вѣсти подавай». И сие рекъ, Верверега посла.

Сам же книги расписа по всѣмъ градомъ и странахъ египецкихъ, готовитися повелѣ и всѣмъ на брань быти и за землю, и за отчину и за царство битися. Но идѣже Богъ не хочетъ, человекъ ничтоже можетъ. Царь же в полату вниде волшебную, леканомандию^[10] терти начат волшебную и златую лохань воды наливъ, от *воска* две рати в водѣ сотворивъ, и виде въ свою рать побиваему от перские рати, боги же египецкие виде в корабли варварскимъ вводящи войску ... во Египетъ, в недооумѣние впаде и восплакався рече: «О горе тебѣ Египте! На многия лѣта прославися вкупе со царемъ своимъ и во едино лѣто погибе! Нѣсть бо радости, иже не преложится на жалость, ни слава на земле, иже в мале являетъ, а вскоре погибаетъ». Добре рече: «Надѣющесе волшебной хитрости, подобни суть насланяющимся на воду — егда же опрется, тогда и погрузится и безчестие имая в себѣ». Царь же Нектанавъ, быти ему во Египте, не могый с тыми братися, жалостию и срамотою объять бывъ. Браду же и главу остригъ, в полунощи же изъ царскихъ домовъ изыде, в далний в Филипус, в Македоньскій градъ,^[11] доиде. Никому же его не знающе, сѣде же ту нѣ в коемъ мѣсте скровнемъ, врач^[12] же сказовашесе быти и мастер хитрый от египетцкихъ звездочетецъ суще.

Египтяне же о нашедшей на нихъ рати пострадаша много, ко дворомъ царя своего Нектанава притекоша, и сего не обрѣтше, и восплакашася горко. Писание же обретоша на одрѣ его, глаголюще сице: «Любимый мой Египте, зла вашего не могу терпѣти и во ину страну отъидох и по тридесятихъ лѣтахъ паки прииду к вамъ». Сие же написание обрѣтше, египтяне же Нектанава измолевавше во злате, на столпѣ высоце средѣ града Египта поставиша, вручивше ему писание оно, на главу же ему венецъ златъ наложиша. Сами же к Пасидону^[13] потекоша, богу своему, моляхуся о Нектанаве вопрошаху его. Он же во снѣ явлься имъ и рече: «По тридесятихъ лѣтахъ иматъ приити и меч неуломленъ десницы перской иматъ приити и заступити и враги ваша перси покорити под ноги ваша».

В Македонии же бывъ великъ Нектанавъ и от македонянъ мняшесе быти великъ врачъ нарицашесе и волхвъ от нихъ.

Царь же македоньский Филип имяше жену именемъ Алимпияду. И многою скорбию смущаше царскую славу и богатство, понеже бесплодна, не имущи отрочати, красна же бѣ зело. И зряше Филипъ, мужъ ея, неплодну, раскидашеся союзъ любви, еже к ней имѣаше. Отходящу же ему на путь, в сердости призва ю и рече ей: «О милыи свѣте очию моею и душе моя, Алимпиядо, яко аще до возвращения моего не будет ти отрочате, некому очи мои узриши, ни на перси мои любезно возлежеша». И сие рекъ ей, отъиде на войну.

Алимпияда же в скорби и в тузѣ оставши, недоумѣючи, что сотворити. Едина же от отроковицъ ея, видящи ю, яко неплодства ради скорбитъ, рече ко Алимпияде: «Царице, есть во граде нашемъ человекъ египтянинъ, хитръ мужъ дѣломъ и словомъ, егоже возможно мно быти, вся прошения сердца твоего совершит ти, точию аще виде тя повелиши». Она же се слышавши, вскоре повелѣ ей призвати его. И пришедшу ему, рече царица к Нектанаву: «О человекъ египтянине, истинна ли есть слышания о тебѣ, яко можеша хитростию своею разрешити союзу утробы моея неплодство и сильному царю Филипу сердце утвердити и любовь своей и безмѣрную жалость на радость претворити. И возмездия от мене благая приимеши и от македонянъ великъ назовешися». Нектанав же сие видевъ и неизреченному сиянию доброте лица ея дивися и очима на ню взирая и главою покивая стоящи. Она же, помышляючи, един ако хотяше вещати, к нему рече: «Что ми труды даеши, человекъ? Аще сия умѣеши, дѣйствуй, не ликуй». Он же приразився добротою лица ея, устрелен бысть любовию сердца ея. Волховный же чародѣй бысть и ко царицы рече: «Видѣ боги с тобою хотятъ быти, царице, Амона, и Пинеса, и Неркулия [\[14\]](#) великаго. Да аще сему вход сотвориши, мати великаго царя наречеши себе». Се же слышавши царица возрадовася зело прелестнымъ и волховнымъ его рѣчемъ, яко да чадомъ мати назовешися чаючи. Рече ей близъ полаты царицы клѣтъ сотворити ей малу повелѣ — яко да к ней бога Амона призоветъ.

Сей же прелести бывши, видевъ подобну жену Нектанавъ, лестно бо есть ко всякому падению превращати жены. И самъ вниде к ней Нектанавъ во образе Амона. Таков же образъ Амоновъ: глава орля и на ней роги василисковы и опашия аспидова [\[15\]](#) и ноги аспидовы и лвовы, крила же грипсовы злати и черни. Сие же образъ Амонов. Вниде же к ней с мечтаниемъ и пребывъ с нею и паки изыде с мечтаниемъ.

Сею прелестию прелстившися Олимпияда и страхъ сущи в сердцахъ взявши, въ царскихъ домехъ живетъ. Нектанавъ же приступивъ къ царицы рече ей: «Блажена еси ты в женахъ, Олимпиядо, вселенней царя во чреве прияла еси. Внегда же время рождения твоего придетъ, тогда призови мене к собѣ — елика ти реку, то и сотвори».

Часу же рождения приспѣвшу, приступивъ Нектанавъ къ царицы рече: «Подержи в собѣ, царице, не роди, дондеже благорастворенъ час приидетъ, аще бо в сий час родиши, то раба родиши непотребна челоукомъ. Но мало пождавши родиши, дондеже небесныя планиты стануть на ставу, и стихия уставятся, и тогда царя царемъ породиши и велеумна челоука, великаго Александра».

Месяца марта въ 12 день в час девятый рождѣшуся отрочати и излѣзшу паки на свѣтъ, и проплакавъ и рече: «В четиридесятое лѣто паки возвращуся к тобѣ, мати!» Олимпияда же, взявши отроча, ко Дафенеону Аполону[16] отнесе в церковь, и от того отрочищу благословитися моляшеся. И от книгочина Аполоновых и волхвовъ искаше увѣдати, каково убо отроча сие хошетъ быти. Волшебною хитростию сии к мудрымъ являшеся Нектанавъ и рече сие, яко отроча сие всей подсолнечной будетъ царь и благостию, и разумомъ, и мудростию великъ являся. Отца же своего убивъ, по четиридесятому лѣту возвратится к матери своей, к земли.

Филипу же на войсцѣ ему сущу, брани ему тамо много сотворшу и паки к макидоняномъ возвращающуся, явися ему богъ его Амон во снѣ во образѣ льва рогомъ златымъ, на немъ руку Александрову нося, глаголя: «Радуйся и веселися, царю Филипе, яко супостата своего победил, а сына Александра повилъ еси, великаго нарочита царя суща». Филипъ же от сна возбудився, о видѣнии размышляше, сего к Менадру и Аристотелю исповѣдуеть, двема македонскома философома. И в той часъ орелъ великъ летѣлъ чересъ шатер царя Филипа, яйце напрасно испусти на крыло Филипово. Филипъ же ужасесе, с постели своея скочивъ, и яйце на землю спадше и разбившуся яйцу, змея из него изыде, на вратехъ же умре. Ту же прилучися премудрый Аристотель и рече: «Поистине, царю Филипе, истинно видел еси в ночь сию».

И в той часъ вѣстницы от Македония приидоша ко царю Филипу и дары ему красны от Алимпияды принесоша, о отрочати возвестиша рождениемъ. Филипъ же вскоре в Македонию прииде и радости велии исполнився о рождении отрочати. Пришедшу же Филипу во свой градъ, отрочати же его стрѣтшу, о семъ царь любезно возрадовася и вселюбезно его приим и целоваше его радуясь, глаголя: «Радуйся, вторый прекрасный Иосифе, вторый храбрый Целюшу, [17] днесъ бо ми даръ свершенъ от Бога исходитъ. Аще ми в сий часъ умрети, обаче смерти не вменю, родив чадо». И потомъ царь Филипъ призвавъ великаго Аристотеля, мужа искусна и украшенна всякою философскою хитростию и словом и дѣломъ: «Сего отрока, даннаго мнѣ от Бога, возьмъ, научи Омировым [18] писменомъ и прочимъ словеснымъ хитростемъ».

Александръ же упражняшеся на учения, «Илияду» и «Очисяю» всю за год изучи и «Органъ великий»[\[19\]](#) за други годъ изучивъ. О семъ возненавидѣша его подобнии ему отроцы. Всякая зависть и ненависть почитати добродѣтель и всякому добру нарочиту послѣдуетъ ненависть велика. Рекоша ему отроцы и яко: «Аще бы к Нектанаву волѣху пошелъ бы ты, и онъ бы тебе научил небеснаго круга хоженію и часовныхъ хоженій хитрости преступленія». Сія же слышавъ Александръ, к матери своей рече: «Аще хочещи мене научити, мати, египетцкому мудрецу Нектанаву предай мене на учение. Слышах искусна сущи мастера небесныхъ звѣздъ подвигомъ». Скоро по мастера посла Алимпіяда, Александра же предасть ему на учение, рече к нему: «Научи его, мастере, своей хитрости». Тайно рече к нему: «Предай, Нектанаве, своему от своих си. Богатство всяко славно есть, такожде и мудрость похвална есть, аще к требующимъ подѣлуется». Сіе же слышавъ отецъ его Филипъ рече: «Поистине отрокъ сей есть от небеснаго промысла, понеже небесная вещаетъ учения». Нектанав же научи его всей египетцкой хитрости.

Во единъ же от дни в мудрыхъ Аристотель, чѣтыреста дѣтей собравъ, сверстницы Александру, и хотяше нарокъ испытати Александровъ. И передъ двема стома Александра постави и Птоломѣя,[\[20\]](#) нѣкоего уношу, сына суща великаго воеводы Филипова. Филипъ повелѣ во грить[\[21\]](#) нарядитися, и сразившимся двема стома дѣтей и бѣ видети зело украшено и, взявше мѣста, предержаху, имже рать творяху; егда же кого окровавляху, и яко побеженъ из боя исхожаше. Александръ же паче всѣхъ преспеваше, супротивныхъ добывъ; от всѣхъ детей прославлен бысть яко царь. И видѣвъ сіе, даскаль его чюдный Аристотель дивляшеся, глаголя: «Благочестиву мужю Богъ помогает и врази ему не злобствуютъ. Злочестиву мужу ни ближнии его друзи не могутъ». К нему же рече Аристотель: «Господине Александре, аще царь наречешися земный, что мнѣ добро сотвориши, дидаскалу своему?» Он же рече к нему: «Велеумну мужу не подобаетъ прежде данія общаватися. Да аще вознесуся, ты со мною великъ будещи зѣло: лоза бо не прилепляется далнихъ древъ, аще высока суть, но ближнихъ прилепляетца, аще и мала суть. Такожде и царь, великия власти по достоянію, присныхъ же вѣруетъ и любитъ во вѣки».

Обычай же бѣ Александру до обѣда ко Аристотелю ходити на учение, по обѣде же к вечеру к Нектанаву ходити на учение волшебной хитрости. От него же изучи хоженія 12 небесныхъ живинъ и седмихъ планит, Солнца, Луну, Завесъ Акинтосъ,[\[22\]](#) Кроносъ,[\[23\]](#) Фровити,[\[24\]](#) Ерьраси,[\[25\]](#) яже на згедосе писана бяху по своему подобію. Видѣвъ же вся Александръ к дидаскалу своему рече: «Возвести ми, о учителю, како великаго Божія промысла тваремъ знахоря сотвори ты?» Онъ же к нему рече: «Богъ же великий недовѣдомый и неизслѣдимый и непостижимый, промысливъ сый недомыслено никако, имиже судьбами

онъ вѣсть, челоуѣческому объяви роду, яко да содѣтель о твари своей и познаваетца». Александр же гнѣвомъ рече: «Вся сый виде, о Нектанаве! Смерть свою знаеши ли какова хошетъ быти?» Нектанавъ же рече к нему якоже: «Вѣдаю, научяють насъ звѣздная течения, яко от чада моего хошу убиенъ быти». Сего же Александръ невѣрнымъ быти мнѣвъ и рину его с великия горы Геотцкаго камени близъ царьскаго судища. Александръ рече: «Вѣмъ глаголи, мастере, погрешилъ еси». Нектанаву же долу летящу нудно, но некако глас свой испусти и рече: «Не утаился еси, сыну мой, Александре, сего ни единому свѣдущу, токмо матери твоей, царицы Алемпияде и тобѣ днесъ увѣдавшу. Аз же, сыну мой Александре, к темному отхожу аду, в долнийшая земли суши доле, идѣже предани суть вси еллинъстии бози от великаго Бога Саваофа». И сие рекъ издше египетцкый царь Нектанавъ. Сия же слышавъ Александръ раскаявся немало, на рамо свое возьмъ, ко Алимпияде матери своей отнесе. Олимпияда же о сем видѣвши, ужасеся и ко Александру рече: «Что се сия бысть?» Онъ же рече к ней: «Возвести ми, мати моя, о семъ, аще воистинну отецъ мнѣ сей бысть». Она же вся си сказоваше ему истинну. Александръ же велми прослезився о немъ и с честью повелѣ его вкопати.

В той же часъ вѣстникъ прииде к Филипу царю, глаголя: «Вѣдомо да есть ти, царю, яко в стадах твоих конь чуден явилсяъ есть, добротою бо от иных конь избранъ. Волюя же глава [\[26\]](#) на десной его бедрѣ с роги свилася и рог межи ушима вырос с локот [\[27\]](#) единъ». Филип же повелѣ его привести. И сего красотѣ подивися царь и повелѣ сотворити ему клѣть желѣзну и повинныхъ вметати повелѣ к нему. Сему же бывшу, никто х коню тому приступити смѣяше. Александръ же приходя к нему часто; конь же всяку отметаая ярость, тихо ко Александру трепеташе повиновением ко царю своему и всаднику. Единою же прозоромъ за ухо емъ, с тихостию послѣдоваше ему яко юнецъ яремник повиновениемъ. Видѣвъ Александръ его тихость замокъ отломивъ и вниде к нему и сего оседлав, всѣде на него, на конское урыскание поѣхавъ. Витяземъ же тогда македонъскимъ на конское урыскание текущим, царь же Филипъ с высокия полаты глядаше и сматряше коегождо храбра течения и лѣпо на конѣ седѣние. И сему сие бывшу, и се Александръ на вологлавомъ кони внезапно вѣхавъ, македонъстии же конницы с коней ссѣдоша, яко царю поклонишася, дивляхуся, зряще мастерское сѣдѣние на вологлавомъ кони. К потечищу же поѣхавъ, изрядно паче всѣхъ витязевъ потече и твердосилну коню устави с нужею. И на 4 изворѣчь градъ созда и нарече имя ему Драмъ, сии рѣчь потечище. И сему царь Филипъ подивися, иже ненаукомъ коний отрока того потечение, и видѣвъ рече: «О горе приближающимся македонскимъ предѣломъ, иже поостримъ мечя Александру и попрани будутъ и падутъ от македонянъ». И по сем яве рече, яко: «Подобие Раклия витязя [\[28\]](#) видех днесъ на вологлавомъ кони текуща».

От того же дни собра царь Филипъ тысящю юнощъ Александру сверсныхъ, предавъ, глаголя: «С нимъ ловите и к воиству искушайтесь, вкупе же и стреляйти».

Во Алимпиятцких странахъ[29] двѣ колѣсѣ сотворена бѣста близъ сущи Дафенеона и Аполлона,[30] и на тѣхъ колесех витязи восходяще от елинскаго ухищрения, который собѣ нарокъ пытаху себѣ. Сие же Александръ слышавъ, вождельвъ тамо поити, Филипу сие возвестивъ. И не пущаше его, глаголя: «Не подобает ти, сыну Александре, на олимпиядстемъ колесѣ венчаться, юну сущу. Но обаче волю не творю, но с радостию, сыну мой, поиди велми укрепляемъ». И тогда Александръ потребная собѣ от царя Филипа, отца своего, — витязей искусных и добротеченных коня и всякую честь царские потребности — во Алимпиядѣтцкие отоки вниде. Ту бо 4 игры елиномъ бяху.

Ту же Александръ пришедъ с неглиторѣскими витезми[31] поручи братися, с Лаоламбадаушемъ и с Калестенаушемъ, онъ же с воеводою своимъ Птоломѣемъ. И тогда двема завертѣвшимася колома, 4 стекошася витязи и ударившимся им, Александр же Калестенауша убивъ, Птоломѣй же Лаолабауша сорва. Людие града того зряще, елико бо болѣи не помнѣшася быти двое оружии красно являшася. И ту стоя философъ нѣкий именемъ Фруние[32] рече: «Мудрость и храбрость не многолѣтиемъ, но твердыми и добрыми сердцы». И вопросы философ, кто и откуда есть Александръ. Симъ же рекшим: «Македонскаго царя сынъ». Филосов же рече, яко: «Слышахъ от учитель глаголющи, яко востати царь имае от Македонии, изыти мечю от Филипова града и той поразит все земли западныя и сокрушит вся царя восточныя». И рече: «Егда ты еси хотяй приити, милостивъ буди нашему граду, сын Филиповъ». О сих же Александръ посмеявся рече: «Не мое се хотѣние, философе, но вышнему промыслу содѣвающу».

И сие рек, в Македонию отиде и пришедъ обрѣте Филипа царя, отца своего, Олимпияду пустившу, мать его, иную же вмѣсто ея возьмѣшу и на браку яко жениху веселящуся. К Филипу же Александръ приспѣ, яко победоносец в полату вшедъ. Отецъ же с радостию и любовью срѣте его и с собою на трапезе посади. В раскаянии же бывъ, о семъ поникъ сядяше. Наставивый же его Олимпияду пустити, а иную поняти за себе, приступль же к Филипу, рече: «Веселися, царю, болшую первыя взял еси — первая бо блудница бѣше, сия же целомудренна есть». Сие же слышавъ, Александръ ярости исполнився, рече: «Не быти тому, отче Филипе, мнѣ живу сущу». Сам же яко левъ рыкнувъ, с престола скочивъ, столъ же мало примѣ, 3 убивъ, инии же не хотяще ис полаты скакаху. Сие же Филипъ видѣвъ, во ужасе быв и страхе велице. Олимпияду на царство возвративъ, прочюю же во своя си отпусти.

Сему же тако бывшу, в немощь велику впадъ царь Филипъ. Слышав же сиверная страна кумане, [\[33\]](#) пятсотъ тысящъ собравшеся на Македонию приидоша. И сие Филипу царю возвестиша. Филипъ же в скорбь велику впадъ, Александра повелѣ призвати к себѣ и рече: «О любимый мой сыну Александре, се время пришло есть битися за отеческую землю». Возмѣ войско на бой устремися, македонские воиски яко 4 тысящи с нимъ. Сам же войску куманску исходивъ и сихъ неурадно видѣвъ стоящих; в нощи же с воями пришедъ, огню много около ихъ наложити повелѣ и трубамъ многогласным ударити повелѣ и пушками бити около их повелѣ. Сие же кумане видѣвше, ненадѣемо убояшася и начаша бежати, с полунощи бежавшим имъ и до солнечнаго течения и замесившеся вкупе македоняне и кумане. Убиено бысть от куман 8 тысящъ, от македонян же 2 тысящи убиено бысть. Александръ же во слѣдъ ихъ три дни и три нощи за ними гнаше и уби от нихъ 108 тысящъ. Коней же множество и оружия от нихъ приять, яко победоносець ко отцу возвратися и с собою десят тысящъ куманъ приведе живых и сихъ предъ царемъ Филипом поставити повелѣ и предъ всѣми людьми македоняны речѣ: «Видите ли, друзи, яко Божий промыслъ предаде вы в руки македоньский и мечъ вашъ наострися на македонянъ и ныне притупися, царя же вашего убивъ, Атламеша, и вас живых ухватих. Да аще хотите живот свой купити и землю вашу к моей примесити и воедино с македоняны быти?» Они же рекоша: «Кралоу Александре, отколе Богъ помогаетъ тебѣ, поготову мы вѣдаемъ тебѣ помогати. Коли царя нашего убилъ еси, Атламыша, мы, господине, твои есмы, постави намъ царя и насъ в землю нашу отпусти». Сих Александръ увѣривъ и постави имъ царя братучада своего первенца именемъ Ванцатура, мала убо тѣломъ, но великъ храбростию. И сих куман с честию отпусти.

Сему же бывшу сие, Анаксархоносъ никто, пелопоньский царь, [\[34\]](#) слышав нашествие куманско на Македонию, сотвори ухищрение сиецево. Никогда ему минувшу мимо Македонию, и честь ему царь Филипъ воздавъ, и дары многи, и с честию его полюби и отпусти. Царь же Анаксархоносъ устреленъ бывъ лѣпотою жены Филиповы въ сердце, отай к ней любовь имѣяше въ сердцы своем. И се вѣдуци Соломонъ рече: «Человѣче, не буди уязвен лѣпотою чюжие жены, яко твою жену не видиши уязвену». Нашествие же Македонию ставшеся, 12 тысящъ войска собравъ, к Филипу царю прииде, лукавствие свое скрывает, Олимпияду искаше восхитити. И видѣвъ же его пришествие царь Филипъ, радостенъ бывъ. Слышав же Филипъ во стрѣтение его изыде со Алимпиядою. Видѣвъ же Анаксархоносъ, восхитивъ ю, побѣже, Филипъ же за ним вмаде гоняше. Бяше же ту Александръ приспѣлъ, Анаксархоносову постиже войску, Филипа же урвана обрѣте и по главѣ сѣчена и по десной нозѣ. Се бо мало поминув, Олимпияду, мать свою, отнял, с осмию тысящами вои Анаксархоноса постиже на мѣсте нарицаемом Змиски; разбивъ войско и самого жива ухвати, приведе ко отцу своему Филипу. Филипа же обрѣте одва дышуща. «Востани, — рече, — о царю Филипе, врагу своему стани на горле и отомстися рукою своею». Филип же едва воставъ и возмъ мечъ рукама своими и заклавъ его. «Жалость дому моего снѣсть мя. Иди, душе моя, с нечестивыми во

адъ». И се рекъ, Александра благослови, глаголя: «Сыну Александре, руки всѣхъ на тобѣ и твои на всѣхъ». И се рекъ, умре царь македонский Филипъ; и ту стоящи рекоша: «Да когда будет противитися Александру?» Алимпияда же ту стояще плакашеся. Филипа на злате столѣ положиша, во градъ отнесоша, с плачемъ велицем сего погребоша в церквѣ с честью.

Александръ же, сын его, самовластен назвася, грамоты по всѣмъ градомъ земли своя посла, всякому к Филипу[35] собратися повелѣ. Собравшим же ся всѣмъ македоняномъ и всѣмъ малым же и великимъ, к сим же Александръ рече: «О друзи мои и братия моя и милии мои паче всѣхъ македоняне, царь вашъ Филипъ, а мой отецъ, умре, и в животѣ своемъ царьствие держаше по достоянию, и мнѣ же господьствовати како повелеваете?» Тогда выступивъ мудрый Филонъ[36] рече: «О кралю Александре, всякъ возрастъ человѣческій чину потребенъ есть». Александръ же рече: «Старость есть честна, а немноголѣтна». И ту стоя Селевкушъ[37] рече: «О кралю Александре, Соломонъ же великий въ мудрости царь в книгахъ пишетъ: “Царьство множествомъ людей состоитца, царь же несовѣтникъ и невѣренъ сам собѣ ратникъ же, совѣтенъ полезная сотворитъ своей земли”». И ту стоя Антиохъ[38] рече: «Кралю Александре, старымъ убо царемъ подобает течение домовное, старию бо покоя требуютъ, младым же царемъ подобает царьствовати яко да потрудившеся во младости своей, а на старость покой обрящутъ». И ту стоя Андигонъ[39] рече: «Кралю Александре, подобает и намъ еще спящихъ и ближнихъ насъ царей устремимся на нихъ и сихъ побивше, всее избавимся забавы». И сим же 4-мъ совѣтомъ приятымъ бывшимъ от Александра, и присный его любимый воевода Птоломей рече: «О царю Александре, подобает намъ войску пременити во свѣтлая оружия и белегъ твой на щитехъ написати, яко да знаютъ, которому царю воюемъ; да не рекутъ сусѣди наши, яко и мы царемъ Филипомъ умерли есми». Се же слышавъ Александръ, угодно явился и по земли царства своего посла и по вся кузнецы и по щитари,[40] в Филипус собратися повелѣ. На всякий же день мастера его оружие коваху в цело оружие по 4 ста витязь. На шоломахъ же василисковъ рогъ со аспидовыми крылы, и копи же бяху на лвовыхъ кожахъ представлени, хакизма же фарижемъ во коркодиловыхъ кожахъ чинина. Сия же сотвори Александръ и к ошествию на брань готовляшеся.

О ПОСЛАНИИ ДАРИЕВЕ

Дарий же, царь перскій, слышавъ, яко умре царь македонскій Филипъ, посла з грамотою в Македонию имеюще сичево писание: «Дарий, царь над цари, токмо земный богъ вкупе съ солнцемъ по всей вселенней сияетъ и всѣмъ земнымъ царемъ царь и господьствующимъ господинъ, ко обретающимся в Македонию пишу. Слышание царьству

моему пришло есть, яко царь вашъ Филипъ умре и отрока мала на царьствии своемъ оставил есть, сего не укреплена лѣты и млада умомъ суща. О смерти же Филипове аз оскорбѣхъ, отрока же его млада суща пожалѣхъ еще не научена, яко да вскормивъ его, паки по царскимъ обычаемъ почеть и украсивъ, паки на отчину его и на царство возвратимъ. Грамоту же мою прочетше, скоро ко мнѣ приведите. Кандаркуса же к вамъ послахъ, вѣрна суща, землею вашею благолѣпно обладати. Войско ваше во время потребы къ царьству моему присылайте и дани сугубы по достоянию принесите. Филипово же дѣтя приведите к царьству моему со всѣми царства его белези... боле бо есть 40 царскихъ сыновъ во дворѣ моемъ водворяютца. Да аще сего недостойна царьствию вижю, иного в него мѣсто царствовать пошлю к вамъ». Сию же грамоту Кандаркусъ в Македонію принесъ. Македоняне приемше его, к воеводе Птоломѣю приведоша. Птоломѣй же поемъ ихъ въ Филипусъ приведе ко Александру. Антиох же сих срѣте, гелмъ Александровъ против ихъ изнесе и поклонитися имъ повелѣ. Кандаркусъ рече к нему: «Аще копью Александрову поклонюся, то нѣсте подручни царю Дарию и азъ не смѣю очию Дариевыхъ видети». Антиохъ же рече к нему: «Аще сего не сотвориши, живота своего лишишися». И тако приступивъ копию поклонися Александрову; и вземъ Антиох ко Александру приведе. Пришедшу же ему въ царьскій домъ, Александра видѣвъ на престоле своемъ висоце сѣдяща. Престолъ его украшенъ зело искуснымъ златомъ и зеленымъ камениемъ и слоновыми костями. Посоль же приступивъ поклонися и грамоту дасть ему; сам же стоя дивляшеся дивному образу Александрову: венецъ же на главѣ его бѣше от самѣфира камня и великаго бисера с мерсиновымъ листвиемъ сплетенъ, о десную его и о лѣвую стояше множество витязей венчанныхъ. Селевкушъ вземъ грамоту Дариеву прочте. Александръ же слышавъ писание, ярости исполнився и гнѣва и грамоту примъ раздра и к нимъ со яростию рече: «Не подобаетъ царю Дарию главы зряще к ногамъ бесѣдовати. Не тако бо Македонія безглавна есть, яко же Дарию мнитца быти». И сия рекъ въскоре отпусти ихъ и листъ отписа к Дарию, писанъ сиче: «Александръ витязь, македонскій царь, сынъ Филипа царя, матери царицы Алимѣпиды, Дарию, царю перскому! Благодарю тя о отцы моемъ желающа. Листъ же твой к людямъ моимъ прочтохъ, се благодарихъ о земли нашей пекущу ти ся. Мене же суща млада пожалихъ, в полате твоей воспитати требуеши. Млеко ссущимъ отрокомъ не подобаетъ в царскихъ домехъ напиться, не изволихъ и тольстыхъ мясъ ясти. Пожди убо мене в малѣ, дондеже от сесцу матери моея отторгнуся и тако в персидское чести царства твоего водворитися имамъ, пришедъ со всѣми македоняны. Кандаркуса же послалъ еси к намъ македоняномъ быти царя, некому пошли его сѣмо, не можеши бо видети его ктому. Не тако бо македоняне безглавны суть, якоже тебѣ мнитца быти». Оружие же македонское Кандаркусу Александръ далъ, рекъ: «От царьствія моего бежи, егда же брань сотворятъ македоняны с персы, носи сие оружие, да тебе познавше, персы не убьютъ». Посол же к Дарию возвратися и листъ Александровъ дасть ему. Прочетъ же Дарій листъ посмеявся. Кандаркусъ же к нему рече: «Не подобаетъ ти, царю, таковыи листъ примъ смѣяться, в мало бо лѣтної юности обретохомъ многолѣтную старость; да болящаго зуба ... подобаетъ скоро извреши, да не здравый вредит; не исторгъ кипариса млада, а старемъ не трудися».

О семъ Дарий не брегъ, еще Клитовоша, нѣкоего от вѣрныхъ своихъ, в Македонию ко Александру посла, повелѣ пересмотрѣти Александрово все. Александру же посла струглу, и коло древяно, и две скрынии порожжихъ, и два узлы великихъ маку, и листъ давъ ему, глаголя такъ: «Дарий, царь надъ цари, богъ перскій, дѣтяти моему Александру радоватися! Не тако бо помышляю тебѣ быти и преобидихъ ты в первомъ моемъ листе. Вѣдомо да есть ти, яко младыхъ мудрование нагла суть. Се же послахъ к тебѣ тую струглу, яко да ея играеши и вертиши, колесомъ же младенцы играютъ, и двѣ скрынии порожнихъ и два узла маку, яко да двѣ скрынии наполниши трилѣтными данми, макъ же перечти — число увѣдаеши войску моему. Дани ко мнѣ пришеши, связанъ ко образу моего царства приведенъ будеши и милости тебѣ не будетъ». Сий листъ Клитоушъ возьмъ, в Македонию ко Александру вниде. Александру же в немощи предъста и поклонися и листъ ему дастъ и ковчеги, и струглу, и макъ предъ Александромъ постави.

Александру же листъ приимшу и прочетъ, главою покивавъ и рече: «Неизочтения гордыни твоего высокоумия, Дарий, Богу небесному подобяшеся, а ни человекъ подобяшеся быти, до небесъ вознесеся и до ада снидеши». Макъ же возьмъ, начя его жвати, ковчеги же разбити повелѣ и листъ к Дарию отписа сице: «Александръ, царь македонскій, Дарию, перскому царю, всяку честь творящему. Ты еси самъ детиному безумию подобенъ, игралища вдаль еси, самодержцу земли сими образы образуеши мя ты. Кругъ бо кола сего всю землю преликуетъ». И посла отпусти к Дарию.

В то же время Архидонъ, селунскій царь, прислалъ сына своего Александру на служение и листъ имѣюще сице. Александръ же листъ приимъ и проче и радостенъ бывъ; Поликратуша к собѣ со усердиемъ призва, о писанныхъ ему умилися и листъ к нему писати повелѣ: «Любимому моему брату Архидону, селунскому царю, Александръ, царь македонскій, радоватися повелѣ. Листъ бо твой прочет, не толико даромъ твоимъ радостенъ быхъ, но и преклоннымъ и любимымъ рѣчемъ. Глаголетъ бо притча, яко преклоненныя главы ни мечъ не сечетъ. Сынъ твой со мною да будетъ, а ты въ царствіи своемъ, а мнѣ на помощь 12 тысящъ посылай на годище и 300 талантъ злата давай». Селунское же царство приимъ, поиде во Антину.

О АНТИНЕ ГРАДЕ

Антина же градъ великъ, всякимъ же земнымъ украшениемъ украшенъ и мщениемъ. 12 же рытарей держаху его и вселенскою землею и

господьствомъ окорѣмляху судомъ неправеднымъ. Слышавше же Александрово пришествие к собѣ, совѣтъ сотвориша, Александру ли предатися или ко граду его не припушати.

Софлийскій же философъ ихъ ту стоя, рече: «Не подобаетъ намъ со Александромъ битися, Александръ бо куманы убивъ и примъ ихъ и Синаксарха, пелагонитскаго царя, убивъ и землю ихъ приме, Архидона, селуньскаго царя, мирно к нему пришедша, на царьствии и на законе его остави». Другой же философъ рече: «Отнелъ же Антиина стала, ни единый царь не приялъ еси. Никогда же великъ царь на Антиину прииде, рвавъ много ничтоже успѣ, но разбиетъ от насъ отшедъ и побѣже, единый во атоцехъ Македонскихъ утону. Не подобаетъ намъ таковымъ сущимъ сильнымъ Филипову сыну повинутися». Диогенъ [\[41\]](#) же никто, вышши сихъ паче всѣхъ философъ, рече: «Ходихъ во Олимпийскій отокъ третьего лѣта, сего Александра видѣхъ, пришелъ бѣ на олимпийское коло урыстовати и витязьства пытати. Урани же нѣкто от Олимпийскихъ отокъ. Азъ же рекохъ тогда: “Сий юноша славою земскою великъ будетъ”. Да сие вся есть видети мнѣ подобаетъ. Мужие антиньстии, Александру не противитися, целоумну в мужествѣ, аще младъ есть, земскою славою великъ и войскомъ крѣпокъ есть зело. Да подобно есть намъ с честью и з дарми срѣсти, благочестивъ же Александръ добро намъ сотворить и намъ не приразився в Римъ поидетъ». Сего же антиняне не возлюбивше, философа же Диогена укориша: «Во всемъ, — ркуще, — мудрецы доволни мудрости». Он же зжалився отиде от града и ко Александру прииде и все ему повѣда.

Александръ же ярости и гнѣва наполнися, воя своя по достоянию наряди и во Антиньское царьство прииде и под градомъ ставъ, во градъ же посла Арфакса, мужа куманянина. Сему же языка антиняне не разумѣша, по всемъ граде своемъ искаша, едва единого наидоша, сего толмачемъ вопрошаху повелѣние ему Александрово повѣдати. Он же рече: «Великий царь Александръ рече: “Дадите ми дань и войско и царству моему приклонитесь; аще сего не сотворите, мечъ македонскій вашу землю поразити иматъ, аще повелѣнью моему не хотите поклонитися”». Сия же слышавше антиняне, Александрову посланию поругашася. Куманомъ же обоимъ рѣчемъ ихъ посмѣяшася и сего отпустивше ко Александру, отказаше сице: «Не подобаетъ тебѣ, Александре, Антине назватися царемъ, мнози подобни тебѣ цари Антине подручни суть, мнози витязи и философи во Антине болши твоихъ водворяются. Доволенъ буди в Македонии царствовать; якоже хотя вшелъ еси здѣ и не хоте отидеши отсюду». И се рекше посла отпустиша и своему толмачю голову отсекоша предъ нимъ, рекоша, яко: «Толмача не требуемъ Александровымъ рѣчамъ». Александръ же то слышавъ разгнѣвався, рече: «О горе земли, еюже мнози обладають». И се рекъ, войску своему на брань направитися повелѣ и с четырехъ странъ рвати повелѣ, убийству же тогда велику сотворившуся. Кумане же Александровы со единыя страны крѣпко налегаша, бѣше еже видети стрѣлы летяща во градъ, яко облакъ. Граждане же о семъ стуживше,

напрасно граду врата отворивше и из града выскочивше, Александровых куман десять тысяч убиша и от Александровых македонян чотыреста конных убиша. Бенестрами из града хитростию огонь извергоша, Александрово войско мало огнемъ не опалиша. Сему же сотворившуся, вечер прииде, Александръ во станы отиде, стражи около войска постави, властели старые призвав и рече: «Что сотворимъ лукавымъ симъ гражданомъ? Земли не разрушивше, на град приидохомъ и себѣ осрамотѣхомъ. Да что подобаетъ намъ сотворити?» Диоген же антинский философ рече ко Александру: «Царю Александре, града Антины не можеши не потомився взяти, есть бо множество людей и рвецъ в немъ, боле двухъ сотъ тысяч. Сотвори хитрость, да изманимъ их на дворъ с собою битися и сихъ яко невѣжи побиемъ, а градъ возьмемъ». И сотвори хитрость Александръ, яко нѣколи потому грецы сотворили. Повелѣ от града двигнутися войску и самъ с ними отиде. На станех же остави 10 000 воловъ, 40 000 овецъ и листь написан тако: «Мужие антинстии, не вѣдах силы боговъ вашихъ великие и к вамъ приидох, поразити васъ хотя, богомъ вашимъ приразихся. Во снѣ бо в ночь сию явльшася много мнѣ страшна рекоша и сихъ азъ убояхся и в землю свою возвратихся; овецъ и волов оставив много, сихъ далъ есмь богомъ вашимъ пожрите, ихже о мнѣ помолитесь». И се рекъ Александръ, с войском своимъ отиде 12 поприщъ от града и в лузи скрывся. Граждане же вси на станы приидоша и листь написан найдоша и рекоша: «От страха побѣже сынъ Филиповъ». И тако вси из града изыдоша, бѣ бо боле 200 тысяч пѣших и 100 тысяч конных.

В ту же ночь философ антинский именем Примах видѣ сонъ: великий храмъ бога Аполлона падеся и пиргове вси Антинского града обронишася и врата великие Ариево леду падошася; и Александра видѣ, на лву во градъ Антину вѣхавша, и по ширинамъ града класие пшенично рустуче, и македоняне зелено и незрѣло серпы пожинаху. Сия же исповѣдавъ и по Александре не веляше гнати. Они же сего яко не чювше во слѣдъ Александра идяху.

Александръ же сихъ ждаше со всѣми вои, нарядився при Касталистем лузѣ, постиже их на Виталском поле. Трубоглашения же и войску увѣдѣвше и из луга исходящее и убояшася и сами к собѣ рекоша: «О коликимъ прелщениемъ прелсти нас сынъ Филипов!» Видѣша, яко не мощи убежати, и не хотяще на бой идоша. Александръ же сихъ преодолѣ и побѣгоша. И мнозех убиваху и чрез все Витальское поле гнаху и до Антинского града, и замесившеся обои и вкупе во врата града приидоша македоняне и антиняне. Бяше же видети жалостно, дѣти же и жены ко всѣмъ своим на срѣтение идяху, обои убивахуся; воплю же до небесъ досяжущу и кровем же по странам града текущим, обои замесишася, македоняне и антиняне посредѣ града сечахуся.

Александръ же посредѣ ихъ на вологлавом конѣ ѣздяше, сѣчи престати молящеся, и сихъ не могйи уставити, ярости наполнишася. Жены же антинстии одираху лица своя, ко Александру вопияху: «Милостивъ буди намъ, царю Александру!» Александръ же, не могйи уставити сѣчи, повелѣ градъ запалити. Людие же и жены на станы отошли и спасшеся. Тогда великий и дивны богъ их Аполон антинский со всѣми своими боги згорѣ.

Слышав же Александръ рече: «Аще бы се бози были, спаслися бы сами от огня». Жалость и радость смесивъ, рече: «Ныне македонская оружия антиньскою кровию окровавишася произволениемъ моимъ, а ихъ недоумѣниемъ». Дигеон же философ рече: «Мудра накажи — премудрие будет, безумнаго же — возненавидит тя. Дай премудру вину — премудрие будет». Восплакася градъ Антина вся, смятошася вси отоцы вселеньстии. Александръ же се слышав рече: «Главы не разбивъ, мозгу не выняти».

Оттоле Александръ воставъ поиде, отрядив с собою 400 тысяч войска. Тогда сretoша его вси царие тракинстии, и мореистии, и далматийстии, и полуцы, и гостиницы, и тривалийстии; [\[42\]](#) дары ему многи принесоша безчисленные и стяги златы царские и многоцѣнные; *дани на 12 летъ*; царских именъ лишишася, сартапом же повелѣша ся звати.

О ПРИХОЖЕНИИ К РИМУ

Александръ же к Риму уклонися. Слышавше же римляне Александра идуша к нимъ и смятошася и совѣтъ сотвориша. «Да что сотворимъ, — рекоша, — добро ли есть намъ Александра в Римъ пустити с честми и з дарми многими, и на отеческих уставех и градах милостию непобедимою на законех быти». К богу же своему Амону в церковь притекоша, моляхуся возвестити им о Александре. Во снѣ явися имъ богъ Амон, рече: «Мужие римляне, не бойтеся Александра — сынъ мой есть; нѣкогда, дошедшу ми в Македонию, матери его Алимпияде примесихся и родися Александръ; но с честию его срѣтше, поклонитеся яко царю и самодержавнаго прославите».

Римляне же с честию и со славою великою срѣтоша, бѣше же дивно срѣтение их: 4 тысящи сretoша его венчанных витязь на парѣжах и 2 тысящи девиць срѣтоша его, одѣяния червлена злато вязена бѣше на них. И прочихъ людей 1000 и 40; вси изношаху дафиново вѣтвие со златом. Иереи же римстии срѣтоша его, носяще великие свѣща в

руках. Изыдоша к нему, носяще одѣяние велико и многоценно Соломона, царя еврейскаго, иже у них положил Навходоносоръ, царь перскій, нѣкогда приял Иеросалим. Принесоша ему блюды самотворных 1000 и 200 с камением многоценным, иже поставил бѣше Соломон царь в церкви, Святая Святых, и венець Соломоновъ, в нем же три камени бяху, 12 пригод с него исцелений, и иных камней 1000 — по числу сыновъ иизраилевых. Изнесоша ему стему злату царску многоцѣнну Сивилии царицы[43] волховную. Изведоша ему парижь под хакизмомъ коркодиловымъ, оседлана седлом от камени андрамана.[44] Изнесоша ему оружие Елгаменеуша[45] короля; изнесоша ему копие ланпандилово[46] з бисером и с камениемъ многоцѣнным Якша Теломоника[47] и прочих копій 17; изнесоша ему щитъ Таркнена,[48] римскаго царя, кожею аспидовою попят. Сие же славное стрѣтение царь Александръ видѣвъ, радостен бѣвъ велми и много вои своих почестно нарядив, македонян же с собою на конех поимаше, на чюднаго коня Дучипала всѣде и коруну положи на главу свою Клеопатре египецкой царицы, 12 камней многоцѣнных в немъ; кони же подвоныи и трубы по подобію нарядив, на стрѣтение римляном идоша.

Близу же им бывшимъ, витязи и девицы поклонишася Александру, с коней не ссѣдоша и рекоша: «Многа лѣта, царю Александре, всего свѣта царю»; и се рекоша, на страну отѣхаша, друзии же приидоша и тии прославиша его; инии же вси с коней ссѣдоша и прославиша царя Александра. По сем же приидоша иереи со свѣщами и с кадилницами и покадиша его вонями различными. И тако веселящеся во град римскій приидоша и приведоша его в храм бога своего Аполлона поклонитися. Срѣте иерей Аполоновъ, и покади его, и поклонися ему, и принесе ему злато, и ливанъ, и измирну, сия убо царская дарования суть. Изнесоша ему писание, имуще сичево: «В лѣто 5000 востати имат козелъ единорог и поженет пардусы западныя и превозносящихся и паки к востоку лоиде, идѣже двоерогий овень, емуже рози до небесъ, и сего единемъ рогомъ в сердце. И потрясутся миди и финицы, восточнии велиции и страшнии языцы, и острія меча перьскаго притупит и, в Римъ пришедъ, царь совершенъ прославитца, и сему время прия весь Иеросалим безо всякия пакости и рати».

И сие писание Александръ слышав и прочее, вопросив дати хотя толкование писанию. Философ же рече ему: «Александре, во дни иеврейскаго пророка Данила,[49] слышахом, яко в писании наших западный царь пардус наречетца, овна же двоерогаго перьское нарицается царство, козла же единорогаго македонское нарицает царство, якоже мнится быти, остроу сушу и храбру, понеже яве сие творит чюдное твое в Римъ пришествіе». И сие слышав Александръ, радостен бѣвъ велми и рече: «Якоже промыслу Божию воля есть, да будет тако, силнии падоша, а немощнии препоясашася силою», И ту ему веселящу в Риме с римляны и македоняны, и приидоша ему вся царствія западныя, дары многоцѣнныи принесоша ему, молящеся не

ратовати их. Александръ умилися, повелѣ дани дати 12 лѣтома и войско ему. Лаомендуша же, своего приснаго любимаго друга, в Риме царя постави и всѣмъ западнымъ царемъ повелѣ его слушати.

И тако шествие творяше къ югу. Злата же много и войско вземъ, на ужескии страны, и тамо царства многа крѣпка порази, и вселенную всю прошед, до Окияна реки дошедъ великие, иже всю вселенную обтече. И во узкихъ странах земли той обрѣте звѣри челоукообразны и многии двоеглавнии змиевы, ноги имѣяху, и с ними рать сотвори велику и сих победилъ, звѣри же суще оружия не имѣяху, вскоре падошася. И в гвоздинную гору нѣкую дошедше, жены многи дивии на Александра востаха и рать велику сотвори с ними. И во един часъ от войска его сто поразиша, вси бо жены тѣ крылаты и ногты велики, аки серпы, тѣло же все во власех, и прилетаю очи издираху во емъ. Се же слышавъ Александръ, повелѣ тростие запалити. Жены же тѣ, въ пламени изгараху крилы же, и на земли падаху. Сих же македоняне прискачюще побиваху и сихъ множество паче дватцати тысячъ убиша.

Акияна реки дошедше, во вселенную паки возвратишася. Войску почити повелѣ и повелѣ околнимъ государствомъ корабли многи сотворити, триста тысячъ кораблей, величествомъ тысяча в него людей всядеть со всѣми потребами. К востоку отпрати их, по великой Осистей странѣ и по варварехъ. Предъ ними воеводу Птоломѣя и Филона посла, во Египте и с ними срочися снятися; повелѣ имъ земли и грады приимати и от сихъ войско и дани брати. Сам же в корабли вшедъ и, дунувшу югу бурну, к востоку поиде надъ *треми* тысячами кораблей, и Антиоха воеводу надъ иными *треми* тысячами сотвори, Селевкия надъ иными *треми* тысячами кораблей, Византа же и иные витязи остави далече от града Ликия.[\[50\]](#) И оттоле отшедшимъ, остави на околе 1000 волов, 40000 овецъ. Множество кораблей поиде и людемъ, на 4 части разделившимся по морю и пловяху 30 дний и 30 ноци.

Александръ же идяше ко Египту и ту приста, идѣже идетъ Ниль река в море, ту градъ созда во имя свое Александрию. Селевкий же с своими корабли в Ликеи[\[51\]](#) приставъ и ту градъ во имя свое созда и нарече имя ему Селевкию. Антиох же пристав с своими корабли, ту градъ во имя свое созда и нарече имя ему Великая Антиохия. Византъ же с своими корабли в тесноту Триньскаго моря[\[52\]](#) приставъ и ту градъ во имя свое созда и нарече имя ему Византия. О семъ Александръ много оскорбися, не вѣдаетъ, кто гдѣ присталь, по 30 дний увѣда о Селевкии, и Антиоху, и Византу и о градахъ ихъ. И потомъ съѣхашася вси и на томъ мѣсте создаша градъ вси и нарекоша имя ему по серпьскому языку «Единосердый станъ». И в томъ граде 6 мѣсяць сотвориша, конское воинство составиша. Птоломѣй же и Филонъ ко Александру рекоша, елико прилучися имъ боевъ на пути, мнози чюднии царие варварстии и онтиопискихъ[\[53\]](#) и сихъ всѣхъ победивше и ко Александру приведоша

связанных. И сихъ Александръ увѣривъ и во свою землю отпустивъ, заповѣдавъ, яко 12 лѣтомъ 100 тысячъ войска давати ему.

И оттоле Александръ со всѣми вои во Асию прииде, ту градъ созда именем Трипол. О семъ Александръ здумава рече[54]: «О велемошнии македоняне, не подобаетъ намъ воинство оставити, нѣсть бо во граде твердости, но мы храброю силою многие грады приимахомъ и разбихомъ».

И всю Асию приимы и ко стране Апридийской[55] возвратишася, преди же иже в лѣта нѣкая еллины приимше и разбиша нѣкия ради жены именем Еленуши короля Акедоньскаго[56] сына Мелеушева.[57] Краля придискаго Прияльмуша[58] сынъ именемъ Александръ и Вариж[59] на вѣре возьмъ и в Трою принесе, благодарения явлься ко своему благодателю и Мелеушу кралю. Мелаушъ Селевкия, и Киликия, и Пелагония, и с Пелопоникия цари и витязи на помощь себѣ призва, жены ради своя на Трою прииде. И всю Придийскую землю пленивъ и вся живущая в земли той мечю предади; и десят лѣтъ градъ Тройский великий рвали и прияша, весь мужеский полъ огню и мечю предаша, якоже Омиръ во своихъ книгахъ пишетъ. Ту бо тогда мнози витязи падоша от еллинъ. Искони бо намъ взаконися от женъ великим лукавымъ зломъ повиннымъ быти — первое бо Адамъ женою прельстися, великий храбрый Самсонъ женою погibe, мудрый Соломонъ женою ада наслѣди — такоже и в Трои мнози неизреченнии храбрии витязи и цари за едину жену погiboша.

И ту Александръ прииде, живущии же в Трои срѣтоша его с честью великою и дары ему многи принесоша: оружие Целеша краля, сына короля Прелеша,[60] на лвовѣ кожи приставлено, и положивше на щиту Якша Теламоника. И ко Александру принесоша перстень и даша ему египетской кралицы от камени андракса,[61] имѣя силу такову: иже в великую немош впадет, на него посмотрит и исцелѣтъ. Изнесоша ему образ госпожи Менеры[62] вписана на иконе, вся елико совершишася. Изнесоша ему одеяние Поликсении госпожи, дщери короля Приемуша; иже ею прелщал Ацелеш, егда от грекъ отвержеся, ко Трои приступи егоже убиша братия ея лукавствомъ на вечери в храмъ, уби же его Апелонъ трогоделский,[63] Алекидушъ.[64] Одеяние же дѣйствомъ: коли облачашеся в него госпожа Поликсения, тогда 4 различии показоваше на собѣ позирающимъ от различнаго камени: егда на зелено камение позираше, приразяшеся зеленое бѣлому лицу, подобяшеся дузе небесней вскоре сияючи и падиному позлащенному перию; егда же на черленое позираше камение, прелшевашеся черленъ к бѣлости образу дивному и розному виду ея; егда же в немъ поступаше различна блистания от каменнаго вида, от одеяния того блисташе. Сие одѣяние Александръ видѣвъ и подиви же ся женѣ той паче всѣхъ женъ и сию похвали не токмо за ея дивное одеяние, но и за вѣру и любовь, иже

ко Ацелешу по смерти его показа. Ацелешу бо умершу, иному мужеву не восхотѣ назватися жена, глаголаше в собѣ: «Емуже весь миръ недостои бѣ витязству и красотѣ и добротѣ; како его забыти, а иному нарекуся жена». Ни в порабление себѣ восхотѣ дати, Трою бо разбившим греческим царем, но изволи паче смерть Ацелешевъ гроб, нежели жива поработитися в Лагонискую землю.[\[65\]](#) Симъ бо умнымъ женамъ, иже к мужемъ своимъ честь и любовь соблюдаютъ, двоя хвала имъ есть — и от Бога мзда, а от людей честь, иже изволиша с мужи своими умерети, нежели срамотно живымъ быти. Йзнесоша ему венецъ тое же госпожи, егда на главу полагаше его, тогда невидимъ бываше во дни, в нощи же яко огнь светяшеся. Изнесоша ему бележецъ оружныи превелеможнейшаго Еликтора,[\[66\]](#) бисеромъ и камениемъ украшен, со скоропийными зубы и аспидовыми зубы, ногти; и одеяние его, иже от рыбы кожи бѣ. И принесоша ему книгу нѣкоего философа от Рима,[\[67\]](#) кою баше о Трои разорение от искони и до скончания. И то Александръ прочеть, иже подвиги великих витязъ, жалости и радости наполнився и рече: «О колики силнии падошася за лукавствие мерские и лукавые жены таковыя».

Александръ же во град Тройский вниде и вопрошаше, гдѣ витяземъ гроби суть; они же ведоша его к нимъ. Воземъ ливанъ и измирну, гробы их покади, проплакав к нимъ рече: «О дивии в челоуѣцех храбрии витязи, ллове, Алелешу, <Е>кторе, Якъшу, Несторе,[\[68\]](#) аще живых бы вас видель, честь по достоянию дал бых вамъ, да отколе отнюду же изыдосте, вамъ мертвымъ жерьтву и ливан воздаю. Но блажени есте и по смерти своей, понеже велицыи и дивии исписасте же в повѣстех и прилучистеся Омиру». Се же слышавше философи ко Александру рекоша: «Великий царю Александре, Ацелешъ, Ферлеша короля сынъ, по отцы же брать есть тебѣ, а от Амона бога и Федите жены[\[69\]](#) родился есть, а ты, царю Александре, от Амона бога и от Алимпияды царицы родился есть, по прилучаю яко от единого отца еста. Да аще смерть прилучит ти ся, царю, болшими похвалами подвиги царьствия твоего мы исписати имамы, нежели Омир о придииских и еллинских царей». Александръ же рече к нимъ: «Болши бы ми от Омирьских исписаниих царевъ *конюх* назватися, нежели от ваших списаниих единой земли назватися царемъ».

Сему же бывшу Александр паки в Македонию возвратися со всеми силами македонскими и прочими цари и войсками их, иже в западнѣй странѣ мечемъ прияли бяху. И с сими яко победоносецъ в Македонию прииде, шесть на десят лѣтъ имѣлъ в далнихъ странах отшед от Македония. Мати же Алимпияда царица и мудрый еи казател Аристотель со всѣми македоняны и з женами и з девицами на рецы Скамудруши[\[70\]](#) и с честными великими дары царя Александра срътоша и оттуду вси в Филипустъ градъ приидоша. И ту Александръ повелѣ македоняномъ 3 месяцы в домех своих почити и кони кормити и оружия направить. И еще на востокъ поити хотя и паки в Македонии Аристотеля и матеръ свою остави. Воземъ с собою 100 тысяч войска,

сущих одинаких македонян оружием и бележцы и вси вооружены одинаки гелмове, и роги на нихъ, на щитех же лвовы главы, и на всѣх одинаки кахизма коркодилова на фарижех. И тако взять всѣмъ шатры около царева шатра поставити, никому же иному не вмешатися в македоньский полкъ. Повелѣ же избрати 2 тысящи благообразныхъ женъ и симъ колесницы и шатры отрядити повелѣ, теряха[71] же нѣкоего над ними постави вся от нихъ разумно управляти. Коли который воинъ жены требоваше, к теряху пришедь, златницу подаваше и, колки ношей держаше, толко златницъ даваше. Вся убо войска воющихъ со Александромъ по уставу и подобию нарядившеся; 100 тысячъ македонян тако с собою нарядив: егда царь Александръ на конь вседаше, тогда вси на конехъ обретахуся, и вси с нимъ во единомъ бяху, вси одинацы коньми и оружие и свитами. Воевода всѣмъ Птоломѣй бѣше, мужъ любимъ и праведен, всякие добродѣтели исполнен, любимъ же Александромъ бѣше велми. Егда кого македонянъ убиваху на бои, и от иныхъ войскъ избираху изручна мужа и сими на мѣсто поставляше, никогда 100 тысячъ македонянъ не умаляшеся.

СКАЗАНИЕ О ВОСТОЧНЫХЪ СТРАНАХЪ

Александръ шествие творя к востоку. Которые волею к нему приидоша, сии честь и прощение от него прияша, которые ему противляхуся, тѣмъ грады разбиваше, иныхъ мечю предаваше.

О семь же страх и трепетъ вси Асийскіи страны обдержаше — и цари Палестиньстии, и Еврейское царство, и Египетское царство. Вси бо тии Дарию подручни бяху, и мнози от нихъ к Дарию притекоша о напрасномъ нашествии македонянъ. Дарій же, царь перьскій, с вѣстми посла ко Александру с листомъ: «Дарій, царь надъ цари, великій, сильный гордѣніемъ и земскою славою, равенъ богомъ небеснымъ, одинако с солнцемъ от востока и до запада. Вѣсть во уши мои прииде, сыну Филиповъ, яко всю Елладию объять, и до великаго Рима дошедь, и вси западныя цари подмял еси, и сихъ до конца затерь еси, и до Окиана реки дошелъ еси, не точию о семь доволенъ еси, но и нижнюю Варварию и Ефиопию и вся западныя страны, подручная царствию моему, поколебалъ еси, и много богатства взялъ еси, и симъ еще не доволенъ еси, на Асию и Фругию, моя земля, наступилъ еси с подобными тебѣ гусари, с македоняны и отроки. В забитии положилъ еси подручную работу; к перьскому царству вси земьстии прилагаются царие. Да доволенъ буди тебѣ во отечествии обрестися, Елладию обладати. Оставляемъ ти законную дань, юже отецъ твой ко царству моему приношаше. И сие помилование над тобою чиню за неизочтеную твою худость и за безмѣрную твою наглость, иже с подобными тебѣ гусарми учинилъ еси. Аще ли сему не повинешися, и силою перьскою пойду на тя и не можетъ тебѣ вся вселенная предо мною укрыти, предъ мечемъ моимъ казнити тя имамъ».

Приим же Александръ листь и прочеть его и в той часъ раздра, посла же повелѣ со гнѣвомъ на древѣ распяти, а инымъ главы отсеци повелѣ. Македоняне же приступльше к нему и рекоша: «Царю Александре, не подобаетъ ти посла убити». Он же к нимъ рече: «Не ко царю послани суть, но к разбойнику и гусарю». И се рекъ половину их пусти к Дарию и к нимъ рече: «Не зазирайте мене о семъ, но царю вашему ругайтесь, азъ бо царя его имам, а он мене разбойника нарече; да егда вас к разбойнику послалъ есть, тогда вамъ главы отсѣклъ есть; царь бо посла никогда не убивает, да вы к разбойнику пришедше, погинули есте. Азъ же не яко разбойникъ, но яко царь живот вамъ дарую». Они же к нему рекоша: «Аще нас убиеш, царю Александре, самъ себѣ дѣлом разбойника наречеши. Дарию же малу тшету нанесеш, закон же царьскій нами разориши, но умилися о нас, доволни бо есми имя твое в Персиде прославити». О семъ слове Александръ умилися и к Дарию их с листом посла: «Александръ царь Дарию, перьскому царю. Листъ твой приимъ и писания твоя в нем прочтох и благодарих, понеже не бѣ в немъ царского устава, ни подобия. Ты претиши нам, како западныя царства приемше, разорили есми. Вѣдомо да есть ти, яко всякъ челоуѣкъ ищетъ от нижних на вышняя преити и взыти, и се мы разумѣвше, на западе прияхи есми и на востокъ идемъ. Ты претиши намъ, глаголя: “Вся вселенная полна есть имени моего и не может тебѣ укрыти и всѣхъ македонянъ”, ихже гусари наречеши. Ты велиши нас бити и ухватити, а мы к царству твоему сами идемъ. Да аще нас младых и крѣпких мниши быти, но паче камени адаманта твердѣйши явимся тебѣ, паче перцовых зернъ лютѣйши, государие всему твоему наречешся. На великий промыслъ надѣмся, емуже ты противишися равен быти. Но не утаися в персехъ, противу насъ изыди. Сут бо жены украшены с тобою, македоняне же суть лвоуе неутолимии, волею своею смерть за живот купуют». Дарий же листь Александровъ прочет, ярости и гнѣва напонився, рече к послу, иже бяше ходилъ ко Александру: «Коего возраста есть Александр, каков умомъ есть, явите ми, и коего лѣта рождение его, колика войска у него есть». Они же рекоша к нему: «Лѣта есть нынѣ тридесятнаго, ум же многолѣтенъ в немъ есть, красен же и храбръ есть зело и судить право, мудрость же его по листомъ познай, царю, войска же с нимъ видѣхомъ пятсотъ тысяч. Премудрый же Соломан в книгах своихъ пишет: “Посмеяния устъ и поглядание очию, поступанию ногамъ возвѣщаетъ еже о мужи”». Дарий же все во умъ приимъ и рече: «Воистину сии суть великихъ царей белези, но сему не мню истинну быти». Повелѣние же по земляхъ своих и странах расписати повелѣ — на поле Сенар войску собирати повелѣ, идѣже языцы столпъ создали бяху, боящеся втораго потопа нашествия. Ту языкомъ размещение бысть, ту войску собиратися повелѣ.

Во Иерусалим же и во Египет писа листь, глаголя: «Не передавайтесь Александру, татев и гусарю, азъ бо силою перскою изручу васъ».

ШЕСТВИЕ ТВОРЯ КО ИЕРОСОЛИМУ

Александръ же вземъ воя своя, во Июдейскую землю и на Еврейское царство во Иеросалимъ отъиде. В то же время обладале еврейскими сонмищи и Иеросалимскимъ царствомъ пророкъ Бога Саваофа именемъ Еремей. И к симъ царь Александръ посла пуси с листомъ: «Александръ, царь над цари, сынъ Филиппа царя и царицы Алимпияды, ко обретающимся начальникомъ Еврейского царства. Да есть вамъ, яко сотворилъ мя Богъ вышній царя паче всѣхъ царь в роде моемъ и вся западную страну и Римъ приимъ, да вас доидохъ. Аще угодно есть вамъ мнѣ поклонитися и самѣмъ на отеческихъ законехъ быти и отчину и землю без боязни держати, и вѣстника ко мнѣ с словомъ пошлите и дани войску моему пошлите». Се же слышавше еврейский сонмъ молвою великою одержими бываху; листъ же Александровъ *прочетше*, вѣстника ко Александру послаша с листомъ: «Еврейский сонмъ Бога Саваофа людие, живущей во Иеросалиме, Александру царю радоватися. Елико повѣдалъ еси намъ, с радостию увидѣхомъ. Вѣдомо да есть царствию твоему, яко отнелѣже преидохомъ Чермное море, ни единому повинухомся царю, но водимы есми рукою высокою и мышцею непобедимою Саваофа Бога. Се же напоследокъ временъ разгнѣвавшуся на ны великому Богу, поработи нас Навходоносору, царю перському. Много же лѣтъ в порабождении быхомъ и паки возвратившеся во свою землю и нынѣ есм.и подручни перской десницы, ейже вся вселенная подручна есть. Аще ли тебѣ предадимся, нынѣ или утро Дарий пришедъ вся красная земли нашей разрушит. Аще ли Дария победиши и острию мечю перському притупиши, во Иеросалимъ с миромъ приидеши и царь всей вселенней от еврей наречешися. Аще ли Дария не победиши, во Иеросалимъ невозможно ти внити». Евреи же единого с листомъ послаша ко Александру. Александръ же листъ прочетъ и другой отписа к нимъ, рече: «Александръ, царь над цари, всѣмъ живущимъ во Иеросалиме пишу. Елика писасте ко мнѣ, ту познахъ. Не подобаетъ вамъ, людемъ Бога живаго, подручнымъ быти челоуку идолослужителю. Да не задержавъ, ко мнѣ дани принесите. Азъ бо, не поклонився Богу во Иеросалиме, на бой к Дарию не пойду. Вѣдомо да есть вамъ, яко Дариевы десницы напрасно избавити вас хочу». Вѣстника же еврейска *отправи*, а самъ ко Иеросалиму поиде. Пророкъ же Иеремѣя пришествие его слышавъ, совѣтъ сотвориша со иеросалимляны: «Добро есть, — рече, — намъ Александра пустити во градъ. Видѣхъ бо в ночь сию во снѣ пророка Данила глаголюща ко мне: “Се грядетъ к вамъ, о немже азъ древле прорекохъ, иже бо от персь пострадахомъ, сий Александръ возмездие намъ платити имаетъ”». Се же людемъ угодно явися. Александръ же в ту ночь видѣ сонъ: явися ему пророкъ Иеремѣя во одеянии архиерея Аарона и рече ему: «Александръ, поиди во Иеросалимъ и ту поклонися Богу Саваофу, и поклонився ему, на Дария иди; и сего победивъ, персомъ государь наречешися». Александръ же, от сна воставъ, властелемъ своимъ сонъ исповѣда и ко Ерусалиму поиде. И приближившуся ему ко граду, слышавъ же сего пророкъ Иеремѣя, всякому дыханию на срѣтение царю поити повелѣ. Сам же во одежи архиерейской со свещами и с кадилницами стрѣтоша и покадиша. Александръ же, видѣвъ пророка Иеремѣю, и ко властелемъ своимъ рече:

«Сего пророка видех в сию ночь». И тако Александръ ссѣдъ с коня и поклонися ему до земли и целова ризы его. Пророкъ же Иеремѣя покадивъ его и благослови и за руку имъ его, въ церковь введе, Святая Святых, поклонитися, юже созда Соломан царь. Александръ же вопрошаше пророка: «Возвести ми, в коего Бога вѣруете?» Пророкъ же рече ему: «Во единого Бога вѣруемъ, иже небо и землю сотворил и вся видима и невидима, иже око не видѣ и ухо не слыша, ни на сердце чловѣку не възиде». О семъ Александръ удивися и рече: «Поистинне велику Богу раби есте вы; да вѣрую аз в него, исповѣдую, дѣла бо его яве творить; дарую ему дани, иже от вас взял бых яко от прочих языкъ; Богъ вашъ во мнѣ да будет и миръ его со мною да будет». Взем же пророкъ злата много с людьми града того и сии ко Александру принесоша. Он же не восхотѣ взяти ничтоже, но вмѣсто дара дасть Богу Саваофу. И се рекъ, отъиде от земли еврейские, восхотѣ поити ко Египту. Проводи же его пророкъ Иеремѣя до полудни и сказа ему пророчество Данила пророка, иже преже бѣ, ко Александру рече: «На помощь призывай Бога Саваофа и силу перьскую победити имаеши и всему от востока и до запада царь наречешися, егда вся си совершиши, тогда и близу рая доидеши и ту чловѣки найдеши, иже *не* есть от женъ Адамовых, согрешениемъ не живут, дебелостию плотскою обременении же, якоже и мы, но мирно *нѣ* како живут, близу аггельскаго жития; сии блажени от Бога наричутся. Сих же увидиши, Александре, вся, иже о возвращении твоёмъ, прорекуть ти». И паки рече ко Александру: «Не остави нас в жалости, возми нѣчто от нас любви ради». Александръ же к нему рече: «Якоже велиши, святой отче, да сотворю». И повелѣ пророкъ принести камень лихнитарий, [\[72\]](#) на немже бѣ вписано имя Бога Саваофа, егоже на гелме ношаше Исусъ Навгинъ, егда на бои хождаше на иноплеменники. Повелѣ ему принести меч Голияда иноплеменника, егоже на рати уби пророкъ Давидъ, царь еврейский; повелѣ ему принести гелмъ Самсона силнаго со змиевыми ногты и копие Самсоново и оружие его, емуже ни едино настоящее оружие, ни желѣзо; принесоша ему щитъ от анта гвоздя, [\[73\]](#) егоже разбити ни едино желѣзо можетъ, иже бѣ был Атана, [\[74\]](#) сына Саулова. Граждане же дароваша его и даша сто тысяч купль микдал и коней 200. И тако благослови его пророкъ и самъ Александру рече: «Нектому, Александре, землю свою видиши». И отпусти его с миромъ. Александръ же во Египет отъиде.

О ПРИХОЖЕНИИ КО ЕГИПТУ

Египтяне же прямо ему на бой готовляхуся, не хотяще повинутися Александру. Он же с своими вой оступи около града Египта, крѣпко рвати повелѣ. В то же время зноеве бяху велицы. Езеро же близъ Египта быстро и студено бѣше велми. Царь же Александръ от безмѣрнаго зноя прохладитися восхотѣ, окупася, и превзя его водная студенъ естественую доброту, и в немошь в велику впаде. Египтяне же немошь Александрову слышавше, лукавствие сотвориша. Листъ скоро сокровенно ко Александрову врачу писаше Филиппу: «Великий врачу

Филиппе, Александра аще врачевнымъ былием умориши, ты всему Египту царь будеши». Филип же сий листъ примъ, много смѣяся и раздра и к нимъ листъ отписа: «О безумнии и несмысленнии послове египетъстии, аще бы царствию вашему хотѣлъ бых, скоро бы Александръ мой дал бы мнѣ многая силна и болша царствия вашего, иже мечемъ своимъ приял — царствия вся си аз ни во что же вмених, преобидѣхъ и презрѣхъ, Александра же единого изволих имѣти паче всѣхъ царствий земских и богатств, вес бо миръ не достоинъ ни единому власу, отпадающе от главы его. Вѣдомо да есть вамъ, яко Александръ здравъ есть, но хитрость вамъ творимъ, яко невѣрствие ваше искусити. Заутра же его увидите на великомъ конѣ здрава ѣздяща и весела». Сей листъ египтяне видѣвше и убояшася и ко Александру листъ тайно писаша: «Вѣдомо буди царствию твоему, великий Александре, яко Филип, врач твой, ядовитымъ зелиемъ уморити тя хочет, за невѣрие живота своего, невѣрен бо ти есть». И листъ ко Антиоху принесоша, Антиох ж ко Александру принесе. Александръ же листъ прочетъ и в руцѣ своей держаше, и в той час Филипъ врачъ прииде, кубокъ полон нося зелия растворена, и ко Александру глаголя в тайнѣ: «Александре царю, сие зелие пивъ, исцелѣеши от немощи». Восстав же Александръ, в руце кубокъ приемъ, прослезися и рече к Филипу: «Любимый мой Филиппе, велико мнѣ сие пиво пити?» Филип же к нему рече: «Пий, царю, не сумнися, полезно ти будетъ, от немощи исцелѣеши». Александръ же еще к нему рече: «Не на ползу ми даеши сие пиво, Филиппе». Филип же цареву сумнению проразумѣвъ, возьмъ кубокъ, половину испивъ. Царь же видѣвъ, к Филипу рече: «От руки твоя мнѣ смерть сладка есть». И се возьмъ царь, испии, Филипу же листъ египетскій дасть. Филип же прочетъ листъ, главою покивавъ и много проплакавъ, рече Александру: «О великий царю Александре, на главѣ твоей всѣхъ царей земских главы висятъ; да аще сие хотѣлъ быхъ сотворити, твоя главы падениемъ вся вселенная поколебати. Вес бо миръ не достоинъ единому власу падающе от главы твоя; тебе убивъ, которому царю назваться бых рабъ! На лутче бы мнѣ живу в землю внити, нежели твоею смертию весь миръ поколебати». Александръ же рече: «Врачъ царя не убиваетъ, вѣра бо велика в немъ». И се рекъ, ляже спати весь день до вечера. Возбодився, сяде с македоняны и много веселився.

И всю ночь покойно спав. Заутра же повелѣ войску вооружатися, и со всѣхъ странъ ко граду напрасно повелѣ итти, и пушекъ сто поставити повелѣ около града и бити во градъ. И много людей во граде избиша. Бяше же видети стрѣлы летяща во градъ яко облакъ, египтяне же чрезъ день не можаху глядети, из града великими гласы начаша вопити: «Помилуй нас, царю Александре, старъ убо от нас отшел еси и паки пришел еси к намъ младъ».

Александръ же египтян вопрошаше: «Како от вас старъ отидохъ и младъ к вамъ приидох, скажите ми?» Они же отвѣщавше: «Нектанава царя имѣхомъ, емуже еси сынъ ты, отходя от насъ писмо свое остави у нас.

Написано так: “Отхожу от васъ старъ и прииду к вам младъ; се будет пришествия моего бѣлѣгъ — егда ко образу своему прииду и поклонюся, иже на столпѣ средѣ Египта стоит, тогда венецъ от руки его спадет”». Александръ же слышав, поиде во Египетъ и къ столпу прииде, и приступль ко образу его, и урвася венецъ з главы образа на Александра. И ту Александръ повелѣ сотворити 4 столпы великии, на единомъ столпѣ повелѣ себе во злате сотворити, на второмъ столпѣ повелѣ Птоломию воеводу создати, на третьем же Антиоха, на четвертом Филона храбраго повелѣ сотворити, всѣх же к востоку зрѣти сотвори. На Нектанавов же столпъ Александръ вшедъ, по Египту погляда, высок бо бѣ велми, и повелѣ разбити всего. Врача Филиппа царя граду Египту сотвори. Сам же во Египте сокровище многих царей первых обрѣте.

Сему же бывшу, вѣстники приидоша ко Александру царю, глаголяще: «Вѣдомо да есть ти, царю Александре, Дарий, великий царь перский, со всѣми восточными силами на Ефратъ реку прииде». Александръ же слышав и воя своя вся собра, къ Ефрату рецы идяше. Ефрата же реки не дошел, войско преписати повелѣ и обрѣте 6-сотъ тысячъ конных, а пѣших 1000 и 400. Дарий же войско свое преписати повелѣ и обрѣте 1000 тысяч конникъ и тысячу тысячъ пѣших. В той день лазуку Дариева ухватиша и ко Александру приведоша; и сихъ обѣсити повелѣ, яко да возвесят войску перьскому число. Они же к нему рекоша, истинну исповѣдаша; Александръ же держити их повелѣ до вечера. И войску же своему всему повелѣ — всякому челоуку огнь сотворити; лазуку же Дариева на високу гору возведе и показа имъ войско, они же видѣвше безчисленное множество огней. И тако отпусти их Александръ, рече им: «Законъ есть македоняном, егоже на бою хватят, тому главу отсекают и никогоже бо оживляют; да аще з Дариемъ вы на бои не ходите, боле бо челоуку свой живот, нежели всего свѣта имѣние. Царю же вашему рцйте: “Царю ... подобает со царем битися; егда битися начнем, ищи мене на златой колесницы ездяща между лвовы знамены, гдѣ видиши позлащены гелмы и типаны парижи, ту есть македоньский полкъ”». И се рекъ, отпусти их. Лазуки же к Дарию царю пришедше, вся сказаха ему, яже видѣша, Александра хваляху много и войско его повѣдаху много. Дарий же повелѣ имъ языки урѣзати, да бы персомъ не исповѣдали. Сам же на бой войску повелѣ направити, совѣт же сотвори с вои своими, глаголя: «Не подобно тебѣ самому, царю, на бой поити, Александръ бо гусаръ есть, от малых царей есть царь, Дарий великъ на земли паче всѣхъ царей». И се угодно цареви явися Дарию. Дарий же царь великаго воеводу своего Миманда на свое мѣсто устави и рече к нему: «6-сотъ тысячъ избранных персѣхъ возьмѣ, 200 тысячъ ефиопѣхъ, 200 тысяч мидий, 4-ста тысячъ пѣших со стрелами и сихъ всѣхъ возми, Тигръ реку прешед, Александра, сына Филипова, ко царству моему приведи. Аще ли пред тобою побегнет, а ты гони, не остави его, боги перьскими укрепляемъ». Миманда же войско возьмѣ, Тигръ реку прешед, войску Александрову возрѣвъ, на бой направитися повелѣ. Александръ же перьское войско видѣвъ, войску своему повелѣ готовымъ быти, и вседоша на кони вси. Тогда Александръ, собрав войско свое, рече к нимъ: «О всесилнии и любимии и велемощнии македоняне, елики македоньстии витязи, покровъ и промыслъ великаго Бога, егоже

видѣста, како великий Римъ прияли есми, и западу всему государи назвахомся, и отоки морѣстии прияхомъ, Иерусалимъ прияли есми, ту Богу небесному поклонихомся и, его помощь взявше, Египет прияли есми и великаго царя Дария перьскаго дошли есми. Аще сего убием, государи всему его будем, аще ли нас побьет, то вся вселенная пред образом его укрыти не может; лутче бо намъ ныне всѣмъ на бою умерети, нежели пред персы бѣгати; всякому велеумну мужу смерть почтена болши есть, нежели срамный животъ. Вѣдомо да есть вамъ, яко разбити их имама, понеже царя их с ними нѣтъ, всяко бо войско безглавни суть без царя. И зрите ихъ неурядно на бой идущих, сии вскоре бѣгати начнутъ, безглавни суть. Знайте и вы, яко перси овцы наричются, македоняне же волцы суть, пред единомъ бо волком много бѣгает овецъ. Перси бо погнани суть, а вы своею волею с царем своимъ идете на бой. Молюся вамъ, милая братия, храбро на бой сей поидѣте, паче иных, колико бо войско на войско идетъ, тогда остроту войска их отнимает». И се рекъ Александръ, на великого коня всѣдъ и гелмъ на главу свою постави и войско все на двое раздели, самъ в македонскомъ полку по уставу ѣде, Антиоха и Птоломѣя со двема полки на бой посла. И тако напрасно мечи ударишася, персы же, не могуще македонскимъ противитися мечем, начаша бѣгати. Александръ же взявъсь с ними идяше и тако до Дариева окола приспѣша. Дарий же, видѣвъ войско разбито, на борзого коня всѣдъ, побѣже. Александръ же сихъ разбивъ, мертвых повелѣ вкопати в землю, живых же с честью отпустить, тако рекъ имъ: «Рцыте царю вашему Дарию: “Доволен буди оброки своими, Дарии”». Миманда же, воеводу Дариева, уби. И тако двигъся со околomъ своимъ, Ефрат реку преиде и мосты разметати повелѣ.

Дарий же, перьский царь, по всей земли своей посла, войску в Вавилоне собиратися повелѣ, и две тысячи тысящей войска собрав, на Сенарьское поле^[75] иде, на Александра. Александръ же много множества видив войска Дариева и страх на сердцы своемъ имѣяше, сего македоняном не являше. На высокомъ мѣсте ставъ, рече: «О велемошнии мои вои и милии македоняне мои, вѣдомо да есть вамъ, яко всякий бѣгая борзи его гонящаго; единому рыкнувшю лву, мнози умирают звѣри. А намъ узаконися всегда гнати и убивати, персом же узаконися бѣгати и умирати пред нами. Дарей бо велико войско навелъ есть на нас, не хотѣлъ намъ чести сотворити, убивая многих, *многие* чести достоинъ есть. А мы Миманда воеводу убихомъ, да аще Дария убием, то безпечални будем. Вси бо с перваго иже боя утекоша, на сий бои не приидутъ». И се рекъ Александръ на бой поиде, имѣя с собою тысячу тысяч вооруженных. И войску своему смотрѣти повелѣ, иже хто прежде боя побѣгнет и сий яко ратникъ без рассуждения умирает.

В ту же ношъ явися Александру пророкъ Иеремѣя во снѣ, глаголя: «Поиди, чадо Александре, без сумнѣния на Дария, с собою имѣя помощника Бога Саваофа; *носи же на главѣ своей камень, имѣяще имя Бога Саваофа*, егоже дах ти во Иеросалиме. Усты же своими глаголи на бой идя: “Единъ святъ, единъ Господь, небо и землю созда, на херувимех

почиваяй, Аданай, Саваофъ Богъ". И сие рекъ, победиши и весь свѣтъ противитися не можетъ». Александръ же видевъ сонъ, радостен бысть велми, смѣло на бой идяше. И со обою страну трубамъ ратнымъ ударившимъ, и войсками двема сразившамся, бѣ видети вопль человѣческий и конский, звукъ оружный. Сѣчь от утра до полудни бывши, и персы побегоша, а македоняне за ними три дни и три ночи гнаша, четыреста тысячъ их убиша, двѣсти тысячъ живых ухватиша и ко Александру приведоша. Александръ же к нимъ рече: «К тому на бой не ходите», сихъ живых повелѣ пустити. Дарий же в Персипол, градъ столный свой, утече.

Александръ же поиде к Вавилону. Граждане же вавилонскии за сто версть не даваху Александру ко граду приступити. Таковъ былъ Вавилонъ величествомъ, яко рецы Ефрату притекающи в онъ, непреходней суще велицей, идѣже изрядно течаше, ту на конехъ бродяху. Александръ же выше града с войском своимъ ставъ, воду же посреде войска своего копати повелѣ, ископавше сиче прямо рецы широко. Во едину ношъ вавилоняне жертву велику богом своимъ творяху, вси в храмъ Аполоновъ собрашеся, Александръ же с вои своими в нощи пришед, Ефратъ реку от града в поле отведе и воднымъ путемъ рѣчнымъ с войскомъ своимъ во градъ прииде и, не могши принятися, запалити его повелѣ. Вавилоняне же сие видѣвше, ко Александру вопияху, молящеся: «Помилуй насъ, македоньский Александре, всего свѣта царю, перьский государю». Тогда Александръ угасити огонь повелѣ. И тогда поклонилася ему вси вавилоняне и прославиша Александра царя и дары ему дивныя и многоцѣнныя принесоша. Изнесоша злато Дариево, иже бѣ ту 2000 талантъ, и 1000 коней зобныхъ Дариевыхъ, изведоша ему 100 лвовъ во златыхъ чепехъ, 1000 пардусовъ ловныхъ, 100 парижъ аравитцкихъ, иже паче бяху изрочни всѣхъ коней земскихъ; изнесоша ему 2000 блюде златыхъ настольныхъ Дариевыхъ; изнесоша ему 10 000 тысячъ оружия цѣла со златомъ и бисеромъ многоцѣннымъ; изнесоша ему кубковъ златыхъ приправленныхъ с различнымъ камениемъ многоцѣннымъ; изнесоша ему збруи коньскіе от рыбы кожи, иже желѣзо похватити не можетъ; изнесоша ему одеяние Сескерсена, [76] царя перьскаго, иже баше сотворено от змиевыхъ очей [77] со многоцѣннымъ камениемъ, иже баше былъ всему свѣту царь; изнесоша ему венецъ Сонхоса [78] царя; изнесоша ему скатерть настольную, иже от самфира камени, Дария, царя перьскаго, егда бо на ней ядыше, николи злосердѣ не бываше. Ту Александръ сотвори в Вавилоне 30 дней.

Дарий же слышавъ, перскій царь, яко взял Александръ Вавилонъ, жалости великия наполнився, рече: «Окаянный азъ, како всего своего лишихся в животъ моемъ, како боговъ небесныхъ силниіе явихся, ни человекъ земныхъ достоинъ быхъ, единъ от малыхъ царь силу мою разруши и разори. Окаянный азъ, Дарей, честь бо моя первая тихо ко мнѣ посмѣяся, на конецъ горко мнѣ озрѣся. Но поистинне добре есть рекъ: "Сеюще с радостию неправедное, сий с плачемъ и жалостию пожнут"».

Великий бо в мудрости еврейский царь Соломонъ в писаниих рече: “Иже с радостию чюжая взимають, то з жалостию своя отдають”. Аз убо чюжая возьмъ с радостию и своих ныне лишихся з жалостию. Но лутче бы мнѣ на бою от македонян убиену быти, нежели злѣ живу сущу персы царствовати. Персы бо на многа лѣта данъ взимаху от македонянъ, ныне же главами своими македоняномъ платяху». Сие же персы слышавше, царя своего Дария тѣшаху, глаголюще: «О великий царю Дарии, великим кораблемъ велика падения суть, велицы вѣтри колеблют великие древа... Тако и царства множествомъ людей состоитца, якоже и море великими волнами страшно являетца плавающимъ. Да не скорби, царю, о семъ, вчера бо Александръ разбилъ есть, а утро мы побиемъ его, немало бо подвизати имают велемошнии витязи перьстии о своей отеческой земли».

Яви же ся нѣкий любимый и милостивый присный властелин Дариевъ, ту стоя, рече: «Великий царю Дареи, мене миловал еси много лѣтъ и велико добро сотворил еси мнѣ, да я, выдав тя печална, ныне животъ свой жалость твою отдамъ, Александра же животом своимъ убью». Дарий же к нему рече: «О любимый мой, здѣлайте ми се. Аще сие сотвориши, Александра убиеши, Персиду всю от напасти свободиши, смерть твоя вмѣсто живота вменитца и мнѣ царство от руки твоя дасться; и ты от персѣ великъ наречешися». И се рекъ, Авис македонское знамение на оружие свое возьмъ и во Александрово войско вниде. Александру оружену ѣздящу и свое войско переписоваше. Авису же близ его приѣхавшу в македоньской збруи и ко Александру приближися, Александръ же во оружии стоя. Авис же возьмъ меч свой, Александра же по очима хотя ударити и не улучи его и по верху шолома удари и верхъ шолома ссече и космъ верха его яко бритвою устригъ. Александръ же мнѣвъ, яко от своих ему невѣра бысть, и рече: «Не удари мене рука перьская, но удари мя рука македоньская». Ависъ же повторити хотя, и ухватиша его, и меч у него исторгоша, и щеломъ с него сняша, и ко Александру его приведоша. Александръ же к нему рече: «Кто и откуда еси, человекъ, и какъ тебѣ имя есть?» Он же к нему рече: «Имя ми есть Авис, персянинъ есмь, Дариевъ присный властелинъ; любовию государя моего обдержимъ есмь, тебѣ убити хотѣхъ животом моим, государя же моего смертью твоею обвеселити хотѣхъ. Но елико могах, тако сотворих, Богъ же елико хочет, да творит». Александръ же к нему рече: «О безумный Ависе, се ты волю государя своего сотворил еси и по твоему изволению ныне умерлъ еси, мене же Богу соблюдушю. Ты ныне умерлъ еси, но понеже за государя своего поболѣл еси и главу свою за него положил еси, яко единъ от македонян се сотворил еси — от руки моя живот тебѣ дарую, понеже сотворил еси дѣло, иже никтоже сотвори нигдѣ. Здравъ ко царству своему поиди и тако ему рцы: “Дарий, перский царю, егоже Богъ хранит, того человекъ не убивает, егоже ли Богъ не хранит, того вси руки человекъ не могут укрыти. И да преломи неумомное свое сердце и царству моему поклонися, дани мнѣ дай, с подручными цари почивай”». Авис же к Дарию пришед, возвести ему, иже сотвори и како Александръ живот ему дарова от руки своя. Дарий же покивав головою и рече: «Елика может, да сотворит, Богъ елика хочет, да будет». Ависъ же рече

к нему: «Тобѣ ныне всю работу мою меч платих, живот мой от рук Александровы взях. Вся бо, елико сотворил ми еси, нынѣ животою моимъ оплатих тебѣ; яко тобою мертвъ есмь, Александром же живъ есми. Елико могох, то и сотворих, Богъ же егоже любит того и сохранит. Да кланяюся тебѣ, царю Дарий, работати хочу тому, иже животъ ми дал есть». Дарию поклонився, ко Александру отъиде.

Жалостен быв Дарий и рече: «Емуже бози противляются, емуже честь на безчестие преминуетца, того ближнии и любимии его друзи оставляют. Добре бо рече: “Возношение годишнаго кола имаеть и *низношение низко*, да всякий бо возносяйся смирится”». И се рекъ, Ависа дарова и наказа ко Александру: «Александрѣ царю, не превозносися до конца, всяк бо возносяйся смирится вскоре. Сонхось бо царь зѣло превознесесе, от дивиих людей смиренъ бысть, и аз бо вознесся, от моих смирен бых. Тобѣ аще возможно есть, буди доволенъ obroки своими, аще ли неугодно явится, то лутче есть намъ царством нашим и богатствомъ смерть получитьи, яко же неудобно есть мнѣ поклонитися тебѣ, тако и тебѣ неудобно есть поклонитися мнѣ, царь бо царю не кланяется николиже, но единому умершу, другий мирует. Но готов буди на бран... десятый день иду на тя с останочными персы и с непобедимы индѣяны; бившися с тобою или тебѣ и твоих побиемъ, или с моими на отческой земли нашей с честью умремъ; и Богу о семъ мѣрила права в руку содержащу». И се рекъ Дарий, Ависа отпусти. Авис же ко Александру пришед, вся реченная Дариемъ ко Александру рече. Александръ же покивав главою рече: «О царствии мира ни с ким нѣсть, царство бо велика гора есть и высока зело, иже к вѣрным красна и сладка есть являетца, понеже водами и овошми различными украшено зело, к невѣрным же непреступна, но пристрашна есть. И на красоты ея позирая, неудобъ изсѣсти ему мнится, точию аще разумно оправляти сию вѣсть».

Александру же в ту ношъ пророкъ Иеремѣя явился с Филинѣсом,^[79] иереом Ерусалимскимъ, и рекоша к нему: «Дерзай, чадо Александрѣ, самъ себѣ посла сотвори, и Дария царя исходи, и виждь войско велико индѣйское, иже ведет Дарий на тя; и сими, юже от сих македоняне имають, исходомъ своею от сердца избавиши. Аще Дарием увѣданъ будеши, и мы помощию Бога Саваофа избавим тя». Встав же Александръ от сна, Птоломѣю и Филону, и Антиоху сонъ свой сказа. И на походе к нимъ рече: «Аще смерть мнѣ тамо случитца, вся земская царства раздѣлите». Они же с плачемъ держаху его, глаголюще: «Аще сие сотворити мыслиши, то первое всѣмъ намъ главы отсѣцы». Он же к нимъ рече: «Аще Божию промыслу годе будет мене убить, а вы не можете мене оборонити. Аще ему годе будет блюсти мя, вси персїи руки не могут мене убить».

И се рекъ, в Персиду поиде яко посол к Дарию и листъ понесе к Дарию. Одежу на собе персидскую нося, сверху же его плаш финический и со аспидовыми роги и со златыми печатми ношаше. Дарий же порастас, сирѣч встрѣчу велику, сотвори, яко бы чюден послу Александрову явился. И тако Александръ вниде и, листъ возьмъ, Дарию дал и рече к нему: «Государь мой Александръ, царь царемъ, тобѣ, царю перьскому Дарию, мною поручи радоватися. И листъ прочеть, скоро ко мнѣ другой отпиши». Дарий же сядше на нѣкоемъ мѣсте высоком, около его лица ангельская сотворена бяху, емуже яко богу со свещами предстояху. Вся же полата от злата искусна сотворена бяхе, столпи же златии и с камениемъ многоцѣннымъ украшени бяху, четыре камени у четырех углех тое полати бяхе. Листъ же Дарий приемъ, дивляшеся Александрову одѣянию и клобуку, листъ же велегласно повелѣ чести. Персянинъ же нѣкто нача чести, еже умѣяше македонский слова. И листъ же написа сице: «Александръ, царь над цари, сынъ Филиппа царя и царицы Алимпияды, всему свѣту царь вышняго Бога изволением. Помниши ли, Дарий, перский царю, егда данъ отца моего от Македонии взимавшу и се умершу, мнѣ же на престолѣ его младу сушу оставшу, понудим бысть ты своимъ нераднымъ злымъ обычаемъ мене от царства моего согнати, иного македоняномъ государя вмѣсто мене сотворити и мене от очинныя земли отгонити. Се же видив, Божие всевидное око, иже вся бываемая видитъ, всихъ сердецъ помышления знаетъ и мѣрами праведными мѣритъ, ныне тобѣ, а завтра мнѣ, имиже судьбами государь отечеству моему сотвори мя и царя всему свѣту. Ты млада мя суша повелѣ привести, азъ же в мужество приспѣвъ, самъ к тебѣ пришелъ есмь. Якоже ты всему моему государю хотѣ назватися, тако и азъ *днесъ господинъ всему твоему назвася. Не тако азъ* немилостивъ, якоже тебѣ мнѣтца быти; но поклони непреклонную свою гордыню и пад, поклонися мнѣ, и дани мнѣ дай, и буди государьствуя персидскою землею. Аще ли тебѣ неугодно явитца, ты персомъ государь еси [\[80\]](#) и симъ радъ еси заклатися от македонскихъ мечей. Буди готовъ со всѣми силами своими на бой въ 15 день на Синарьстей рецы, [\[81\]](#) со всѣми моими стати имамъ». И сий листъ Дарий прочеть, ко властелемъ своимъ озрѣвсь и рече: «Надѣеши ли кто таковое подвиже и таковъ ярости от Македония изыти». Александръ предъ нимъ стоя рече: «Не чудно, аще македоняне всимъ свѣтомъ обладаютъ». Дарий же к нему рече: «За что?» И рече: «Вси бо суть единосерди, и мудрии, и любимии, и храбрии безъ конца суть, войско бо сии имѣюще непоколебимо». Велможа же Дариев, ту стоя, рече ко Александру: «Почто тако к великому государю отвещаеши?» Онъ же к нему рече: «Силнаго государя волень посолъ и вѣренъ слуга». И се рекъ, отступи. Дарий же к нему рече: «Буди у нас на вечери, дондеже листъ ко Александру отпишу».

Тако Дарий на вечере сѣде с своими велможи, Александра же на поклисарьскомъ мѣсте посади прямо ему, и ясти поставиша; егда послужити начаша, тогда Александръ чашу испивъ в недра скры. Тогда слуга Дарию возвести сие. Дарий же повелѣ другую налити. Александръ же и тую, выпив, в недра и скры. Единъ же от велможъ Дариевыхъ ко Александру рече: «Не подобаетъ на царскомъ столѣ сяду тако творити». Онъ же к нему рече: «У государя моего, Александра царя,

первую чашу и другую испивъ, всякий собѣ беретъ». Се же персы слышавше удивишася. Кандаркусъ же нѣкто, егоже Дарей в Македонію посылалъ бѣше господствовати, с вечера воставъ, к Дарию рече в таи: «Вѣдомо да есть тебѣ, царю Дарей, яко днесъ бози всю волю твою свершиша». Он же рече: «Како?» Кандаркусъ же рече: «Сій посолъ македонскій самъ Александръ есть, сынъ Филиповъ». Дарій же, радости наполнився, к нему рече: «Аще сие истинна есть, то азъ всему свѣту самодержецъ есмь». И тако нача часто обращаться ко Александру тихимъ лицомъ, мнѣ собѣ невѣрну быти, рече: «Всѣхъ глава главъ не обещаетца на концы». «Аще есть сеи истина не будетъ, чести всее лишюся у тебе и главу мою мечемъ отсеци». О семъ же Кандаркусу глаголющу, Александръ же тако домыслися, яко прежде ухвачения перстень искаше в тоболе своемъ вольховалного, иже бѣ възлѣ в Трои градѣ в Клеопатрѣ, египетской царицы, коли бо той перстенъ на руку полагаше, тогда невидимъ отъ всѣхъ бываше. В руку же его возмѣ, на перстъ его не положи, хотя Даріе искусити малодушіе. Дарій же безмѣрною радостію возвеселися и рече: «Прилична ми ты ко Александру, человекѣ, глаголють быти». Александръ же к нему рече: «Поистинне, великій царю, истинну реклъ еси. Александръ же, — рече, — царь приличности ради любитъ мя велики. Приличенъ бо есмь к нему, мнози бо мнѣ Александра мняше». Тако Дарей в размышление впаде и не повелѣ его ухватити. Трапезу же ногою ринувъ, в ложницу отъиде со свѣщами, мысля, како его ухватити. Свѣщи же зъ Даріемъ отнесоша, Александръ же со властели в великомъ храмѣ оста и ту стоящу ему во тмѣ и совлече съ себе многоцѣнное одѣяніе и македонскую коруну, перстенъ же волховный на перстъ возложи. И тако ко вратомъ града притекъ, и чашу златую изъ надръ возмѣ, и дасть сторожу, и рекъ: «Возми чашу сию и держи, Дарій бо царь посла мя стражу нарядити добро». И отвори ему врата. На другая же врата пришедъ, и другую чашу возмѣ, сторожу дасть, и рекъ: «Возми чашу сию и держи ю, Дарій бо царь послалъ мя еси воеводу призвати к себѣ, да стражу крѣпку утвердити». И тако отвориша ему. Скоро изъ града же изшедъ и на великаго коня всѣдъ, на Арсинорску реку предъ свѣтомъ приспѣ, и сию реку измершу обрете, и на ону страну преѣде цѣль. Ту бо его ждаху воеводы Птоломѣй и с Антиохомъ и Филономъ и любимый Андигонъ. Александръ же исповѣда имъ, яже ему в Персидѣ случися.

Дарій же, в ложницу вшедъ, 12 вельможъ своихъ призвавъ, к нимъ рече: «Вѣдомо да есть вамъ, яко сій македонскій посолъ Александръ есть». Они же к нему рекоша: «Аще се истинна есть, бози перстии умилосердишася на насъ». Даріи же рече Кандаркусу и Клисѣ, лидонскому царю: «Александра ухватите». Они же, свѣщи велики возмѣ, в великомъ храмѣ его искавши много и о немъ вопрошаху и не обретоша, ко вратомъ же града текоша и у вратарей вопрошаху о немъ. Вратари к нимъ рекоша: «Два сосуда злата в сій часъ человекѣкъ принеслъ к намъ и здѣ остави, в войску отъиде, глаголя, яко: “Царь послалъ мя в войску стражи нарядити и воеводу призвати”». Кандаркусъ же лукавство Александрово позна, 300 добрыхъ конникъ возмѣ съ собою, сами на борзыхъ коняхъ всѣдши, на реку Арсинорску в солнечной восходъ приспѣша и обретоша реку растаявшуюся. Александра на оной странѣ

узрѣша, в недоумѣнии быша, и сумнѣшася, и посрамишася. Александръ же к нимъ рече: «Почто вѣтра гоните, егоже не можете сустичи? Не вѣсте ли, македонских коней и Арсинорская река удержати не может. Но возвратившеся, цареви вашему рцыте: “На чаши твоей хвалим тя, во дни же сии ищи мене со всѣмъ войскомъ у Арсинарские реки на брезѣ”». И се рекъ Александръ, в войско свое поиде. Дариевы же возвратишася и вся ему о Александре возвестиша. Река же Арсинорская всяку ноцъ померзаше, на всякий же день розмерзашеся и течаше водою. Дарий же царь Александрово лукавство видѣвъ, жалостно проплакав, рече: «Видите ли, коликим лукавством прелести нас сынъ Филиповъ, землю нашу примъ и царство мое взя. О невѣрная и неуставная чести, тако к челоуѣком управну сладка являшеся и напоследокъ горчаиша яда змиева являшеся».

И к Пору, [\[82\]](#) индийскому царю, листъ писа, силен бо бысть велми и любим Дарию, бѣше 36 языкомъ царь. Листъ же Дариевъ сицѣ: «Иже в богох богу, всѣмъ царемъ царю, великому индѣйскому Пору Дарий перьскій, окаянный и неволный, унылый, радоватися тебѣ пишу. Мню да пришло есть в слух царства твоего от многих, да и малое, елико намъ македонскій отрокъ нанесе. Подручество, еже к намъ имаше, сего некако избѣгъ и нас государьскій наѣха, и вси страны земли моея, до Вавилонa града, к своей земли западной приложи. И сего перси, не вѣде како, убояшася и противитися не могут ему. Двожды бо с нимъ бихомся и двжды бо нас разби. Да о семъ молюся великому величеству, на нас призри и руку помощи дай, да третицею на бой изыду к нему или убию их, или от них побежен буду. Вѣдомо да есть вамъ, яко непобедима сила индѣйска есть ты же равен богомъ еси. Милостив буди унылым моим молбам, войско мнѣ пошли, избави мя от лютых и немилостивых македонян. Подобае бо мнѣ поклонитися силному тобѣ царю». Пор же листъ Дариев прим и сий прочет, главою покивав, рече: «Нѣсть на земли радости, иже не приложитца на жалость. Дарий бо нѣколи точен богу бысть, ныне же от македонян гоним бысть». Призва велмож своих и рече им: «4 тысячи тысяч возьмем вой и к Дарию на бой на помози идѣте. Александра живаго ко мнѣ приведѣте, жаде бо еси видети отрока того, млада бо и смыслена глаголют его быти». И собравшеся, к Дарию поидоша. Слышав же Дарий пришествие их и мало нѣкако от великие скорби в радость прииде. Персом же братися повелѣ, и всѣхъ бысть 10000 тысячей, и на Александра со всѣмъ поиде. Воеводы же индѣйские войски на Олександра исходу послаша, и сих Александровы стражи ухватиша... и ко Александру привелоша. Александръ же их на высоко *мѣсто возвести* повелѣ, и войску же своему вооружатися повелѣ, и на бой их урядив, и на Дария поиде, исходником глядати повелѣ. Егда же близ войска Дариева быша, и тогда Александръ исходники пусти. Исходницы же воеводам Дариевым повѣдаша: «Войско сильно и остро видели есми велми, сердито и борзо идут на бой, не сумняшеся ничтоже, вси же оружены быша добрѣ конми, до 4000 тысячей бяху». Индияне же страхом великим содержими бяху, на бой яко силою водими бяху. И соступившемся двема войскома, солнце от *праха* помрачися страх же индиан и македонян объять. Вкупе и замесившеся вси, единии з другими не знахуся. Вѣтръ же бурный дохнувъ, и начаша

сечися, весь день измесишася. Александръ же не могй терпѣти, со заставою своею тысяща тысячъ избранныхъ витязъ посреѣ ихъ вниде самъ на златой колесницы ѣзда. Индияне же и персы, сего узрѣвше, страхомъ великимъ одержими бяху, побегоша.

Дарий же, то видѣвъ, отчаявся, в недоумѣние впаде и, вся остави, побѣже напрасно, сия словеса глаголя: «Окаянный аз, како небеснымъ подобляхся и земныхъ сподобихся, како всему свѣту царь бых, в моемъ отечествии не сподобихся умерети». Се ему глаголющу к Персиполю, граду своему, бежаше, сустигоша же его два велможи, Кандаркус и Аризванъ, [\[83\]](#) присныи и любимыи его властели, единъ от страны, а другой от другой мечи его прободоша и с коня его сорваша, свергше его с коня, едва жива оставиша.

Александръ же одинаго воеводу призва, рече: «Ко индийской и перской войсце поиди и к нимъ рцы: “Царь вашъ Дарий убиенъ есть, не можете бѣгати, но стойте. Аще ли начнете бѣгати, в сий день умерете”. И ко индианомъ глаголетъ: “Стойте, не бойтесь, ко царю вашему съ честію вас отпущу. Аще ли побѣгнете, в сий день умерете от меча». И Селевка посла индианомъ всимъ конное оружие взяти и иныхъ живыхъ ко царю ихъ отпусти. Филонъ же к нимъ рече повелѣние Александрово, они же на землю падоша, поклонишася, знамена же все Поровы, и великии трубы, и кони вся оружия к Филону привелоша; от него прошения приимше, во свою землю отъидоша. На походе же рече к нимъ Филонъ: «Царю своему Пору рцыте: “Буди доволенъ индийскимъ царствомъ во своей храброй земли, руки помощи чюжимъ на македонянъ не посылай. Вѣдомо да есть тобѣ, Поре, индийский царю, яко Филонъ по милости Александрове персомъ государь назвася и сусѣдъ тобѣ буду”». Перси же се слышавше, от индѣянъ отдѣлишася и Филону приступиша и сему во Александра мѣсто поклонишася, елико македоняне радовахуся, яко Александру работати сподобишася.

Александръ же гнаше своимъ полкомъ до великаго Персиполя приспѣ. И не дошедшу ему до града, види Дария на пути лежаща, мало жива суща, едва дышуща, ко Александру вопияше: «Александръ царю, ссѣди скоро, гласъ мой услыши». Александръ же озрѣвша, рече: «Кто еси ты?» Дарий же рече: «Азъ есмь Дарий царь, егоже коло годишное до небеса возвыси, се нынѣ неуставная честь до ада сниде. Азъ есмь Дарей, иже некогда всему свѣту царь бых, нынѣ во отечествии моемъ не сподобихся умерети. Азъ есмь Дарей, иже от многихъ тысячъ людей почитаемъ бых, а се здѣ самъ на земли поверженъ лежу. Да ты, Александръ, самовидецъ былъ еси мнѣ, от коликихъ славы отпадохъ и каковою смертію умираю. Да таковой смерти и ты убойся, не остави мене в праху семъ подъ коньскими ногами умерети; не тако бо ты немилостивъ, яко персы немилостиви суть, но вѣмъ ты благоутробна быти и благодателя ко своимъ злотворнымъ; тако бо всимъ велеумнымъ подобаетъ быти, добро бо рече:

“Не воздай зло за зло, яко да Богъ от зла избавит тя”». Сие же Александръ слышавъ, Дариевым речем умилися и скоро с коня ссѣдъ и плашъ с себѣ снемъ, Дария покры, македоняномъ же повелѣ на златую колесницу положить его и во град его понести повелѣ. И самъ Александръ насилное древо возьмъ на рамо и понесе его, и к Дарию рече: «Се тебѣ по достоянию царску честь воздаю; да еще живъ будеши, болши сих узриши, еще ли умреши, тѣло твое по достоянию имам честити царски». И тако двигшеся внутрь града во царский в него двор внесоша и на златом одрѣ положиша.

Александръ во многоцѣнное одѣяние облечеся и венецъ царя Соломана на главу положи и жезлъ златъ в руку свою возьмъ, на престолѣ великом царя Дария сѣде. И тако персы вкупе с македоняны ко Александру приступиша и поклонишася, рекуще: «Многа лѣта Александру, великому, всего свѣта царю, перскому государю». И приведоша пред него перскую царицу со дщерью Роксаною.

И сих видевъ Дарий, и пренеможе душею, и поболѣ сердцем, и много умилися и прослезися, Роксану за руку приимъ, жалостно пригорнувъ к своему сердцу: «О душе, и сердце, и милый свѣте очию моею, вселюбезная дщи моя Роксана, се тебѣ мужа ненадежнаго от Македонии приведох, не моим хотѣнием, но Божиимъ произволением; сего Богъ персом господина сотвори и всему нашему государству и имѣнию. Не тако бо аз напрасно мнѣхъ бракъ твой сотворити, якоже ныне прилучися быти, но вси посолнычнии цари и князи на веселость брака твоего привести хотѣх и радость твою со многимъ сотворити веселиемъ. Вмѣсто же браков красных многи ныне пролишася крови македоньский и перский. И мы, елико могохом, толико и подвизахомся, *Богъ же* имиже судьбами вѣсть нашей сопротивитися ярости и свою сотвори волю, неутолимии звѣри персы превозносимыми соедна македоняны и от обоих сих вкупе сотворити. И тобѣ повелеваю, дщи моя, Александра по достоянию держати и сего яко государя и царя... Приими, Александре, прекрасный и милый очию моею свѣте, приими, Александре, едиnorodную дшер мою Роксану, яже в радости велицей, благодѣствѣ родих, ныне же сию з жалостію великою оставивъ, бо во ад отхожу и тамо всегда имам быти, идѣже вси рожении челоуѣцы на земли. Не будет бо на земли моей и мнѣ в крове моей ползы, егда во адово истлѣние отхожу, не имамъ опят возвратитися. И сию яко рабу собѣ приими; еще угодно ти есть, жену собѣ поими, красна бо есть и мудра велми и благородну родителю есть дщи». И сию 3-жды целовал, ко Александру приведе. Александръ же со престола воставъ и Роксану за руку приим с радостию ея полюби, и любезно целова, и на престоле с собою посади, и венец, з главы своея снемъ, на главу ея постави, и перстень, с руки ея снем, и на руку свою положи. К Дарию рече: «Виждь, господине Дарии, увѣри сердце, Роксана бо до живота царствовати имать». Дари же радостен бывъ велми, Роксане, дщери своей, рече: «Буди царствующи в вѣки со Александром, емуже весь *свѣт* недостоин единому власу отпадающа от главы его». И се рекъ,

царицу свою за руку приимъ, Александру рече: «Се мати твоя в мѣсто Алимпияды есть». К персом же озрѣвша, рече: «Люби, Александре, персы, вѣрны бо государю своему суть. И жалость моя, — рече, — на радость предложися. Кандарвуша же и Оризвана, убийцы мои, по достоянию их почти». И се рекъ и умре царь сильный Дарий. Александръ же со всѣми силами проводи до гроба с великою честью.

Кандарвуша же и Оризвана призвати повелѣ и к ним рече: «Почто государя своего убили есте?» Они же к нему рекоша: «Смерть его тебе государя сотвори». Александръ же к ним рече: «Аще благодателя своего убили есте, мене ли, чюжого, не убиеете?» И се рекъ, обѣсити их повелѣ, глаголя: «Проклятъ есть, иже государьского убийцу хранитъ». Пришедъ во градъ, с Роксаною венчася. Роксана же паче всѣхъ женъ земскихъ краснѣйшии не токмо лѣпотою образною, но и душевными добродѣтелми украшена бысть.

Александръ же писалъ листъ к матери своей Алимпияде в Македонию и наказателю своему Аристотелю: «Александръ, царь над цари промыслом Бога вышняго, госпожи и матери моей, царицы Алимпияде и Аристотелю, моему учителю, пишу радоватися. И се есть седмое лѣто, яко отоидох оттуду, за всихъ седми лѣтъ не писахъ вамъ, ни поручихомся, иже в нас. Се же согрешенне нѣсть от нас ни от любви сие есть, но, сопротиву великому царю Дарию стоящимъ нам, и его разбивающе, от него разбиваемы, и о семъ ум свой упразднивши, писати к вам не поспѣхом. Ныне же вѣдомо да есть, яко з Дариемъ 3-жды бившеся и его победихом. Се же персы видѣвши, царству моему поработившеся вси. Дарий же живота изменися, а дщерь свою Роксану в мѣсто дара мнѣ далъ есть. Аз же безмѣрную ея красоту видеви, жену себѣ понялъ. Вѣдомо да есть вамъ, отнелѣже женская любовь сердца моего не обняла ест, ни ко мнѣ мысль не нахожаше о вас и о домашнихъ; да отнелѣже женскою любовию в сердце устреленъ быхъ, оттоле о мирскихъ мислитъ начахъ; ни убо вменяхъ дотоле, гдѣ убити мя хотяху, гдѣ ли убити хотѣхъ, яко есми здѣ в Персиполи граде великомъ с Роксаною царицею от персѣ славимъ, всей Персиде царь. И вы о соби пишите к нам и сами в Македонии здрави будите».

Александръ же всихъ македонянъ в свиты перскіе перемены, персы же в македонскіе свиты облече; достоянія бо злата многа Дариева изнаиде и всему войску розда и кони кормити повелѣ имъ. Столпъ же великъ посреди Персиды создати повелѣ; на столпъ же взошедъ велегласно слышати всѣмъ рече: «Вѣдомо буди всемъ, перси и македоняне, яко азъ вся многобожия идольская проклиная, на серафимехъ почиваемому поклоняюся Богу, небо и землю сотворшему, от херувимъ славимому, и неизреченному, и неисписанному, тресвятыми гласы славимому». И се рекъ: «Боже богомъ, всѣмъ видимымъ и невидимымъ, помощникъ ми буди, и вся идолы, иже от земли, иже и от моря, ты потреби и искорени». И

так о столпа сниде, имени Дариева осмотри и изнаиде в Персиде злата Дариева: 12 пирга, полна искусна злата, 12 скринии полных, 20 кубль полных каменя и бисера, и сему же числа не бѣ; и тысячу тысячей коней тучных, лвов, пардусов ловных и соколов взводных^[84] 6 сот. И тым всем войско свое направи и свое войско преписа и на Перскомъ поли и обрѣте конных оруженных 4000 тысячей. И в Персиде с Роксаною пребысть, и Селевка в Персиде остави, на Клиса, лидоньскаго царя^[85] поиде.

Сий же не хотя ему поклонитися, и людие же его свезавше ко Александру приведоша. Толика богатства в него Александръ изнаиде, елико око не види, ни ухо слыша; и се Александръ всему войску своему отдаде. И тако вси языцы приим, на десную страну войска поиде до *края* земли.

СКАЗАНИЕ О СКОТѢХЪ ДИВНЫХ, О ЗВѢРООБРАЗНЫХ ЧЕЛОВѢЦѢХЪ, И О ЖЕНАХ ДИВИИХ, И О МУРАВЯХЪ, И О ПТИЦАХЪ, И О ЛЮДЕХЪ ДИВИИХ

Александръ же к востоку поиде и тамо обрѣте многи языки безсловесных, скоти бо суть дивии и звѣри челоѡкообразни. И по той земли 10 дней хожаше и жены обрѣтоша дивии, долги же бяху 3 же сажени всякая, космата же бяху яко свинии и очи же ихъ сияху яко звѣзды. И на войско Александрово наидоша и много от войска убиша, дондеже другое войско прииде; и много женъ тѣхъ убиша безчисленно.

И оттуда 8 дний хожаше и на землю нѣкую песчану дошедше, мравии же в той земли быша таковыи, яко одна от них коня ухвативши и во утлину утекаху. И ту Александръ соломы носити повелѣ и запалити, и мравии згорѣша. И оттуда воставъ, реки доиде, ейже ширина баше день ходу, и мость на той рецы сотворити повелѣ, и сего сотвориша за 60 дни, и все войско по тому преиде.

И ту в земли той люди обрѣте толико локтя величеством, ко Александру приидоша и поклонишася, много меду принесоша ему и финикъ, тии бо люди птицы^[86] нарекаютца. Александръ же градъ созда в земли той и царя имъ постави от них, и научи их челоѡчески жити; землю их за 100 дний едва преиде; толико бо множество меду принесоша, воиску бо за год доволяше. И Питисово царство прошедше, на поле долго и широко дошедше, езеро баше на полѣ томъ, вода бо сладка велми и быстра; на край же ѣзера того образъ челоѡчъ во златѣ здѣла стояще, поле же то полно челоѡческих костей. Александръ же на конѣ борзо

поѣде ко образу тому и слова греческая на столпѣ томъ написаны
изнаиде, имѣюще тако: «Человѣцы, аще кто хочет на востокъ поити, здѣ
дошедъ, паки возвратися, ниже бо имаеши дале поити. Аз бо есмь
Сонхось, иже всему свѣту бых царь и край земли видети хотѣхъ и с
войском на се поле приидох, и восташа на мя дивни языцы и войско мое
великое разбиша, и мене на семь поле убиша». И сия словеса
Александръ прочет, убояся, яко македоняне сих не прочтуть, поставецъ
златъ возьмъ, и тѣло Сонхосово огнувъ. И ту станом стали с войскомъ.
Македоняне же у него прошаху: «Что писмо у златого образа пишет?»
Он же к нимъ рече: «Сладку пищу напред намъ возвещает землю». И
сими гласы их тѣшаху.

Видѣша люди дивии в горѣ, и гордии, и видѣнием страшнии, двѣ сажени
долги, главы космати же вси, войско же видевше, не бѣгают, и ко
Александру возвестиша. Александръ же, вшед на конь, на видѣние их
изыде, и видѣвъ их от мѣста на мѣсто приходящих, лукаво на войско его
поглядаху, убояся зело и рече: «Сии суть людие, иже Сонхоса нѣкогда
разбиша». И се рекъ, войску повелѣ вооружитися и стобор высок
поставити повелѣ. Едину жену возьмъ, к людем дивиим поиде, ко
единому их жену посла. Жена же, пришедши близу его, приблизися и
сяде; он же, сия притиснув, нача ясти. Жена же гласом великим
возопи; войску же Александрову потекше отнати ю, челоуѣка дивия
копием удариша. Он же гласом великим рыкнув, жену пустив. Гласъ же
его услышавше дивии людие, множество их наиде на войско
Александрово, числа не бѣ, дровищемъ и камением войско убиваху.
Александров полкъ около обогнаша, дондеже Антиох с своим полком
приспѣ и паки вопреки их по широку полю погна. Александръ же на кони
в межу их впаде, одинаго их ухвати за верхъ, во околѣ вомча. Бысть же
10 лѣтом дѣтишъ и выше всѣхъ бысть людей питомых. И ту их уби
Александръ тысячу тысячъ, Александровых 2000 тысяч пало. Таковъ же
их законъ: егда кого их окровавляше, похвативше дружина его изѣѣдаху
его.

Во утрии же день велможи и воеводы Александровы рекоша:
«Александре царю, довольно есть намъ, всю землю приимше, мало
починути, нежели в чужихъ землях от дивиих людей погинути».
Александръ же умилился, рече имъ: «О любимии мои вельможи, не к
тому вы маломощни будете, вес бо свѣтъ приимше, на конец приспили
есми и тако за все почивати имамъ». Оттуду воставше дивиих людей
землю преидоша.

СКАЗАНИЕ О ЦАРЬ РАКЛИИ И СЕРАМИДЕ ЦАРИЦЫ, И О СТОЛПѢХ, И
О ЛЮДЕХ ДИВИИХ, И О ЛЮДЕХ ПСОГЛАВНЫХ, И О *РАЦЕХЪ*, И О
ЛЮДЕХ НАГИХЪ, БЛАЖЕНИИ

Въ землю нѣкую дивную красную приидоша, иже полна овощи различнаго бысть. И ту два столпа высока изнашли, златом искусным сотворена, Ираклия царя образ и Серамиды царицы[87] бѣ на них. И к симъ столпом Александръ пришедъ, плакася много и рече: «Дивии во человекѣх Раклию царю и царицы Серамиды, како добре в мѣstech сихъ царствовати, добре и умросте, память ваша и по смерти стоитъ». И во царство ихъ пришед, с войском своимъ ста и 6 дни ту стоявъ; и дворы пусты Раклиевы нашли, златомъ, и бисером, и камением украшены. И внутреннюю пустыню идоша 6 дний, люди чюдны нашли, 6 рукъ у единого и 6 ногъ; ко Александру направишася на бой, битися с ним не моглоша. Александръ же сихъ много убивъ и много живых ухвати, и хотѣ их во вселенную извести их; зане обычая их не знаху, что ядят, и сии вси помроша. И землю их за 6 дний преѣде, во псоглавыи люди воиде. Тии бо человекѣцы, все тѣло их человекѣско, глава же песья; глас же их единова человекѣский глаголюще, а другое, яко пси лаяху. И сих Александръ много избивъ и землю их за 10 днии преиде, на море нѣкое приидоша и ту войску повелѣ почити. Коня же умершю ту в войсцѣ, государь же его отвлек, поверже при мори. Ракъ же морской вышел коня вовлече в море. И тако рацы исходяще кони ухапаху и в море утекаху. Се же Александръ слышавъ, тростие повелѣ запалити, и ту их множество згорѣ.

Оттоле воставъ, на иное мѣсто преиде при мори том, овощи различнии многи бяху, и войску почити повелѣ. Отокъ же внутрь моря узрѣ и тамо внити хотяще. И древо сотворити повелѣ и ко отоку поити хотя. *Филон* же к *нему* рече: «Александрѣ царю, не ходи ты преж во оток той, не вѣси бо, что обрете, погинеши тамо; но аз прежде тебе доиду и ты тамо по мнѣ идеши». Александръ к нему рече: «Да аще ты тамо погинеши, любимый мой присный и вѣрный друже, *Филоне*, кто о тобѣ мене утѣшити имает, *цѣне* бо мнѣ глава твоя есть паче всѣхъ земских глав». *Филон* же к нему рече: «Царю Александрѣ, *Филон* же умереть, другаго *Филона* на мѣсте обрящеши, аще ли ты умреш, другаго *Александра* не обрящет *Филонъ*». И се рекъ *Филонъ*, вшедъ в голию, плавати нача ко отоку. Ото утра до ночи доплыв, и люди тамо изнаиде грѣческими глаголющих языки, мудри же вси и красни зело, нази же вси. И сих виде *Филонъ* и ко Александру возвратися и все ему повѣда, иже видѣ тамо.

И тако Александръ вшед и друзих в голию с собою вземъ 30, и отока оного доиде. Людие же отока того срѣтоша и поклонихася ему и рекоша: «Александрѣ, почто пришел еси к намъ, что взяти хочещи от нас? Нази бо есми вси, якоже ты зриши, овощем же отока сего питаемся». Александръ же рече к нимъ: «Ничто от вас требую, за чюдо же пришел есми видети. Возвестите мнѣ, како, имени моего не вѣдуще, се ми рекоста?» Они же к нему рекоша: «Имя бо твое преж многих лѣтъ возвести намъ *Раклий* царь. Наше же пришествие здѣ речем ти. *Раклий* царь с *Серамидою* царицею елиномъ царь бысть, *Тракинскую* землю[88] царствовалаше, иже от вас наречетца *Македония*. Неправдѣ

мнози землю ту постигши, лжество, клятвопреступление, кровомѣшство, се Раклий царь видѣвъ языкъ нашество на землю, то видѣвъ рече: “Мужу велеумну царские дома ни во что же есть, но лутче в пустыне жити, мудрыи бо в челоуѣцехъ глаголетъ Соломан: «Лутче есть муже от великия немощи страдати, нежели челоуѣческих беззаконий терпѣти»”. И се рекъ Раклий 1000 голии сотвори и, правыи и истинныя люди от земли своея собравъ и з женами и з детми своими, в голиях сих постави и сам со царицею своею неправды ради и беззаконья от всего побѣже, целый год по морю плавалъ, до земли доиде, идѣже ты столпове изнашел еси и образ златъ изваян видель еси. И ту на многа лѣта царствоваше Раклий царь сладко и добро с Серамидою царицею, оба легоша и умроша. Насъ же в земли той безглавных остави, голии вси спаливъ, яко да аще в беззаконную землю не поидемъ. Мы же злomu первому обычаю послѣдовавше и тако Богъ разгнѣвався на нас за беззаконие наше, дивиих людей и тых на нас попусти; и царство наше разориша и многих наших убиша. Мы же недоумѣюще, гдѣ во вселенную поити, во царствии своем не могуще жити от тых людей, здѣ вселихомся и питаемся овощемъ симъ и разумъ философским и книгами тѣшимся. И ничего ти у нас взяти, толко от мудрых наших». Сему же Александръ подивися житию их и рече: «Поистиннѣ, ни едино от земских чести болши словеснаго разума почтена есть, челоуѣкъ бо на земли почтен есть паче тысяч многих бисера и каменія безцѣннаго. Соломанъ бо мудрый в книгах пишет: “Муж мудръ сокровище неисчерпаемое есть, мужу мудру нѣсть измѣны от сущих ничтоже, муж мудръ множествомъ людей обладаетъ”». И се рекъ Александръ, 6 философ с собою возьмъ и изо отока поиде.

Исходящу же ему, рече к нимъ: «Что напреду отсюду есть?» Они же к нему рекоша: «Ничему же напреду быти, токмо макаринский отоки во Акияне море... есть, идѣже людие блажени живутъ, иже наги мудрецы наричются, они убо всякие страсти нази суть». Александръ же к философомъ рече: «Откуда сии во отоцех сихъ вселишася?» Они же к нему рекоша: «Адаму бо, праотцу нашему, преступившу заповѣди Божию, изгнану бывшу и в той отокъ всельшуся, и бысть 100 лѣтъ в том отоце, на рай же позирая всегда плакашеся, красныя доброты райския поминая. И ту два сына роди, Каина и Авеля. И сих любвѣ дияволъ позавѣдев, братъ на брата сотвори, Каин уби Авеля. Скорбию же великою оскорбися праотецъ нашъ Адамъ и прабаба наша Евва, и райское изгнание поминающе и на рай позираше, сына своего Авеля мертва пред собою зряще, плачуще всегда. Содѣтель всѣхъ, небу и земли творецъ и господъ, неизреченную жалость и безмѣрную скорбь праотца нашего Адама видѣвъ, глас к нему посла, глаголя: “О земнороднии, о перьстнии создани первии челоуѣцы, Адаме и Евво, почто смерть Авелеву скорбите? Во второе пришествие мое паки востати имают”. Авеля в землю вкопати повелѣ. На его же мѣсто другаго сына роди, мужа праведна и благочестива умомъ, всегда благая мысляща, именемъ Сифа. Адам же изо отока того позираше, о изгнании поминаше всегда. Ангел же к ним рече: “Адаме, здѣ всегда во злосердии пребывати имаеши, но отсюду изыди и во вселенную поиди; 7000 лѣтъ преидет, тогда опять узриши рай”. Адаме со Еввою изо отока

того изведе и Сифа, сына их, и с чады своими во отоце семь остави. И тии суть наги мудрецы, от Сифа родишася, Адаму внуцы суть, якоже и мы, намъ братия суть 6 дней ходу до нихъ есть».

Александръ же с вои своими поиде, *отока же некоего малаго* достиг, высокъ велми. И на него взошедъ и образъ свой во злате на столпѣ высокому постави, и в руцы десной держаше меч и ным показоваше к Македоньским отоком. Оттоле двигся с вои своими, 6 дней прешед, до мѣста нѣкоего приспѣ. Гора же высока бяше ту, за ту же гору челоуѣкъ привязанъ бяше веригами гвоздинными, велми высокъ, 1000 сажень в вышину, 200 сажень ширина. И сего Александръ видеу, ... подивися, и к сему не смѣюще приступити. Плачущу бо челоуѣку тому, за 4 дни глас его слышати. И тако же к горѣ велицей пришедше, жену велику обретохом веригами привязана, 1000 сажень в долготу и 200 сажень толстоту; змѣй же великъ от ногу свился, за уста держаше ю, глаголати не дастъ. Тако 8 дний прешедше, ѣзеро много и змѣй много бысть, яко муки, в нихже грѣшнии челоуѣцы мучитися имут.

И ту Александръ с вои своими станомъ ставъ, плоты повелѣ сотворити, во оток Макаринский хотя поити, Филона же с собою поим, тамо преѣха. Видѣвъ же во отоце томъ древа высока зело, красна, овошми украшена, едина зрѣяху, друзии же цвѣтаху, инии презреваху, плода же ихъ множество на земли лежаху. Птицы же краснии на древехъ различными сладкими пѣснями пояху. Под листвием же древъ тѣхъ людие лежаху и источницы сладкими ис коренни тѣхъ древъ течаху. Внутрь же вшедъ Александръ, единаго их сplete и рече: «Миръ тебѣ, брате». Он же ко Александру рече: «Всѣмъ радость буди, Александру, суетнаго света царю». Александръ же к ним глаголати хотѣ, они же не хотѣша, ко Александру рекоша: «Ко старѣйшим нашим внутрь поиди, они тя взявше, ко старѣйшинам приведут, Иованту. Он тебѣ вся о души твоей и о смерти скажетъ, и о животѣ нашем, и животѣ вашемъ, и о всѣхъ, яже увѣдати хочеть». Александру внутрь шествующу, множество людей тых сретаху его и в лице его цѣловахом, и вси ему хождение, иже о немъ, прорицаху. Се видѣвъ Александръ подивися, боги же мнѣвъ быти, а не челоуѣки. И тако ему вещающе, ко Иованту царю своему ведяху его.

Иовант же бѣ под нѣким древом лежа; вода же красна близу течае; простер же его и покровъ от листвия древъ тых. Иовантъ же Александра видеу, главою покивав и рече: «Что к намъ пришел еси, неуставнаго суетнаго свѣта царю?» И сего приимъ за руку, близ себѣ посади. Александръ же близ сяде. Иовантъ же главу его приимъ руками объят и сию сладко облобызавъ, рече: «Радуйся, всѣхъ главъ главо, егда бо весь миръ и свѣтъ приимеши, и к тому господарьства своего и отечества не узриши; но егда вся земская приобрящеши, тогда ада наслѣдиши». И се слышав Александръ оскорбися душею, ко Иованту рече: «Почто сие слово рече ми?» Иовантъ рече к нему: «Велеумну мужю не подобает

толковати». Александръ же рече к нему: «Аще велиши, да принесем ти, что потребно, иже в нашей земли». Они же вси рекоша: «Дай же намъ бессмертие». Александръ же рече к нимъ: «Смертен есми самъ, како вамъ бессмертие дамъ?» Александръ Филону повелѣ хлѣбъ чистъ принести и вино. Иовантъ же виде, ничтоже не приять, но рече: «Не намъ есть сия пища, но вамъ; намъ пища от дрѣва сего, питие от воды». И много ему дивныхъ речей исповѣда. Александръ подивися, проплакавъ рече: «Воистинну, сии чловѣцы божественное житие живутъ». Ко Иованту же рече: «Откуда сии здѣ вселишася?» Он же к нему рече: «Адамовы внуцы есми, якоже и вы. Адамъ бо отсюду отшедъ, мы здѣ остахомъ, сынове Сифовы есмо мы, сына Адамова, иже ему вмѣсто Авеля дастъ ему». Иовантъ же ко Александру рече: «Почто перскіе ризы носите и различная брашна ясте?» И много с нимъ глаголюще о всемъ бяху. Александръ же рече: «Скажите ми, како вы рождаетесь, занеже женскаго пола не вижду у васъ». Иовантъ же рече к нему: «Есть у насъ жены, но не здѣ, во иномъ отоку есть, но егда единова к нимъ приходимъ, и с ними бывше 30 дний и опять возвращаемся; егда же кому родится отроча, по томъ не сочетаетсяъ уже к женѣ. Младенцу же 3 лѣта минетъ..., мы к себѣ возмемъ мужеский полъ, а женский з женами есть». Александръ же к нему рече: «Хотѣлъ быхъ отока того видети, аще вамъ годно есть». «Отока доидеши, но ничтоже тамо узриши, здѣ бо дошелъ, внутрь не глядай, не будетъ бо чловѣкъ живъ, толко внутрь поглядаетъ». Александръ же, воставъ, во отокъ онъ поиде и обрѣте в немъ издѣ мѣденъ, яко градъ, и около обшедъ, внутрь позрѣти не смѣя, Богу единому возможно, чловѣку же ни единому.

Столпъ во отоце томъ поставити повелѣ и себѣ на немъ в златѣ написати повелѣ, словеса же греческая на немъ написа: «Александръ, царь македонскій, иже весь свѣтъ прешедъ и до отока того доиде, и Макаринскій отокъ видѣхъ, и ту елинскихъ боговъ не видѣхъ и не обретохъ, яко елиньстии бози в далнейшихъ ада, а тартаре, в геоне мучими суть со дияволомъ повелѣниемъ Бога Саваофа. Да аще другій хто приидетъ во отокъ сій, на вся глядай, *внутрь же не поглядай*, Богу бо единому возможно, чловѣку же ни единому приступно». И тако в Макаринскій отокъ внииде. Макарии бо по сербьскому языку наричютца блаженіи. Ко Иованту приступивъ, Александръ рече: «Возвести ми, многомудрый блаженный Иованте, что напреді есть?» Он же к нему рече: «Река сия, в нейже отоцы наши есть, Акианъ наричется, всю вселенную та обтечетъ и вси реки в ню текутъ. По оной же странѣ гору, яже зриши, овошми различными украшену, то есть мѣсто вами зовомо Едемъ, иже Господь Богъ Саваоф искони лѣтомъ насади рай на востоце. И ту Адама, праотца нашего, вселилъ быше. Он же завистию дияволею испаде, заповѣдь Божию преступити, из рая изгнанъ есть». Александръ же к нему рече: «Могу ли, дошедъ, рая видети?» Иовантъ же к нему рече: «Не иматъ душа во плоти рая видети, горою бо великою мѣдяною огражденъ есть, во вратѣхъ же его шестокрилатіи херувими с пламенньши оружии стоятъ. Но поиде, Александре, откуда пришелъ еси, послѣдуй же четверемъ рекамъ, иже от рая идутъ; во вселенную поиди, иного паче сихъ видети не можешъ. Рекамъ же симъ имена суть: Гион, Фисон, Тигръ, Ефратъ [\[89\]](#)».

Александръ же из отока поиде, вси его любезно целоваху. Александръ же к нимъ рече: «Аще не бы ми скорбъ за македонян, яко в чюжих землях погинуть, здѣ с вами остал бых, и во второе пришествие Божие близу рая обрелся бых». Иовантъ к нему рече: «Поиди с миромъ, Александре, все приимъ землю, самъ в нее приидеши».

И на десную страну устремися со востока. И тако оттоле поиде Александръ с войском своимъ, 10 дней прешедъ, поля нѣкоего доиде, ровъ глубок на поли томъ обрѣте. И сего преити не могъ и комару на немъ *гвоздѣну* сотвори, и ту войско свое преведе вся, на комаре слова написа греческии, египетски и перска: «Александръ царь на краи земли дошед и по сей комаре войско свое преведе». И оттуду четыре днии прешед, темную землю наиде.

И ту со избранными македоняны на кобылах, имѣющих *жеребцы*, жеребцы же на станохъ остави, они же в темность внидоша. И ноцъ ходиша едину. Антиоху же лечити войско повелѣ. Сам же рече к нимъ, пошедшимъ, чтобы всякий человекъ взял, хто что возмет, камен или древо ли, или персть. И хто повелѣние сотворилъ, много злата изнесоша, а хто повелѣния не сотворилъ, и тые много и каялися, изнесоша бо каменя драгаго и бисер великий и протчая.

И оттоле четыре дни идоша и сretoша Александра двѣ птицы человеккообразни и к нему рекоша: «Александре царю, почто гнѣвъ *наносиши* на себѣ в земляхъ сих? Но поиди немедля, ждет тебѣ Индѣя вся и Пор великий; господарство же его пришед разрушити имаши. И на десную страну походи и дивнейшее первых узриши».

СКАЗАНИЕ О ЕЗЕРЕ, ОЖИВЛЯЮЩЕМУ СУХИЕ РЫБЫ, И О СПОЛИНАХЪ, И О СОЛНЕЧНОМЪ ГРАДЕ, И О ОДИНОГИХ ЛЮДЕХ

Александрю же идущу от темные земли 6 дней, езера нѣкоего дошед, и ту станомъ своимъ сташа и ясти искати начаша. Кухор же Александров, повар, рыбы сухие омыти во езере томъ хотя, егда же ихъ в воду измочи, и рыбы сухие ожиша и во езеро втекоша. Александръ же се слышавъ и подивися и войску всему купатися повелѣ, и с конми их искупавшися, вси здрави и крѣпцы быша.

И оттоле дванадесать дний прешедше, на другое нѣкое езеро дошед, в немъже вода сладка, яко сахаръ. При краи же его ходи Александръ,

купатися хотя. И се рыба из езера того исхожаше; Александръ же виде побеге, рыба же гонящи его и сунуся на брегъ на сухо... Александръ же рыбу тое ухватив и распластал, наиде во чреве ея камень яко гусиное яйце, свѣтлостію же яко солнце сияше; Александръ же за фонаря мѣсто на копьи посреди войска ставляше. В ту же ношъ жены от езера того исходяху, и около войска хожаху, и дивными нѣкими чюдными гласы красно и жалостно пояху. Сих македоняне слышавше, дивляхуся шесть дний. И оттоле пришедше, на мѣсто нѣкое лужно доидоша. И ту человекы на них востаха, от пояса къ горѣ человекъ, и от пупа долу конь, исполини сии наричются. И сих множество бысть, и Александра наѣхаша, *стрелы ношаше и луки*. Стрѣлы же ихъ гвоздия не имѣяху, но увѣрчено в стрелахъ от камении адаманта. Сих видевъ Александръ повелѣ ровъ великъ копати, и тростием и травою повелѣ покрыти, и на бой ихъ повелѣ поманити. Они же на бой приидоша, хитрости на себя не вѣдуще. Александръ же на нихъ поиде с войском и многих от них уби, инии мнози в ровъ впадоша, десят тысячъ живых ухватиша и во вселенную изведе; толико они борзи бяху, яко ничему у нихъ утечи, и такови они стрелцы бяху, яко ничтоже грешаху. И симъ Александръ оружия направи, стрѣлы и мечи научи ихъ носить, и много ему на бранех помогаху. Егда же ихъ во вселенную приведе и вѣтру студену дохнувшю на них, вси изомроша. Александръ же оттоле сто дний пришед, ко предѣлом вселеньским приближися.

И ту в Солнечный град прииде и в солнчный храмъ уклонися. Писмена же ту наиде, иже о смерти его написано. И оттуду десят дний пришед, и люди изнаиде о единой ноги, одеяния же в них овчии бяху. И много их ухватиша и ко Александру приведоша. Александръ же спроси их: «Что есте вы?» И рекоша они: «Александрѣ царю, умилися о нас, отпусти нас, немощи ради нашей вселихомся в пустыняхъ сих». Александръ же пустити повелѣ. Они же, отшедше, на высоты гор въздоша, по камению скачюще, начаша смѣяться, глаголюще: «О безумный Александре, како всѣхъ премудрил еси, мы же тебе премудрихом. Како бо нас пустилъ еси, мяса бо наша слаждыши всѣхъ мяс, кожа наша тако тверда есть, яко желѣзо не имет; богатства же у нас много есть, бисера великаго и камения многоцѣннаго нѣсть числа». Александръ же посмеявся и рече: «Поистиннѣ, всяка соица отъ языка своего погибает». И се рекъ, войску своему без оружия направитися повелѣ, и на гору ону с войском възшедъ, и около горы обшедъ, двѣ тысящи живых ухватиша, и в станы их приведоша; и съ ихъ кожи веляше одирати, и кожи сушити повелѣ. Мяса же персомъ и египтом ѣсти дасть. В ложищах ихъ множество камения многоцѣннаго изнаиде, без числа. И тако шесть дний прешед, на индѣйские предѣлы прииде. И ту Александръ смеяся, многа мѣсяцъ бо имѣяще не смѣявся, отнелъже смерть проповѣдана, оттоле всегда жалостенъ баше. Всякий бо человекъ, смерть свою проповѣдав, жалостію радость пременяет.

На предѣлы же индѣйские прииде, Поръ же, великий царь, слышав, вѣстника посла ко Александру и листъ, имѣющъ сице: «Поръ, великий

индѣский царь, точен индѣйским богом, Александру, македоньскому царю, пишу. Яко перскаго царя Дария смерть превознесена ты много сотвори, от безумия своего сие претерпѣти имаеши. Не вѣси бо, пред силою моею не может ты укрыти вся вселенная? Мнѣ бо разгнѣвавшуся, вся поднебесная постояти предо мною не можетъ. Да буди доволен блудостию своею, прощения от мене прияти молися, и дани, еже от земля взялъ еси, принеси ми, сам же в Македонию втецы, животомъ своим промышляй. Аще ли сему не увѣришися, некому в Македонии укрытися не можеша, но и во вселенней не укроешися». Скоро листъ Александръ прочетъ к Пору другой писа: «Александръ, царь над цари, не своимъ храброванием, но Божиим промышлениемъ, великому Пору индийскому пишу. Ты ко мнѣ пишеши, яко Дариево убиение мене превознесе. Ведомо да есть тобѣ, Дарий богом подобляшеся, якоже и ты, азъ же боги ваша победихъ. Ты же не велиши себѣ противитися, аще богъ силнѣишии, почто Дарию не поможе, аще ли можаще или не смѣя? Азъ с помощью Бога Саваофа не яко на бога, но яко на наемника челоука иду, и челоукъ бо недостоин Богом нарецися быти, Бога никтоже николиже видѣ. Ты же свою силою на бой иди, яко да болшии чести македонян сподобиши, толикою храбростию разбити ты имам. Аще ли живаго ухватимъ ты, не у Макариньский отокъ послати имамъ, иже боги твои тамо мниши быти, но во адъ, долнейшая земли и с ними мучитися имаеши, они бо суть тамо в геене, якоже мнѣ Иовантъ, макаринский царь, сказа. Буди доволенъ оброки своими».

И тотъ листъ послу Порову Александръ дал, а самъ же листъ к матери своей Алимпияде и учителю своему Аристотелю писа в Македонию: «Александръ царь Алимпияде царицы и матери моей, радоватися пишу и Аристотелю и казателю моему. Четыре бо лѣта преминуша, мати моя, отнелъже к вамъ не писахъ, сердоболству о семъ вамъ много же лѣта мною, и мыслями многими обуреваемы есми, якоже корабль нѣкими многими обуреваемъ волнами, тако сердце наше потоплена суть жалостию за вас. Много бо васъ во снѣ видехъ, к вамъ сердечнымъ обычаемъ влекомъ бѣ и жалостныхъ васъ, и радостныхъ видехъ. Умъ бо во снѣ многожды течетъ и зрѣть далняя мѣста. Тако от сна воставъ, ложное его мечтание и видѣние упустивъ, и жалостенъ обема бывахъ, от сна же воставъ прелестна, немало скорбенъ буду. Тако бо вси стражутъ, иже сердечную любовь имѣють. Вѣмъ бо ты единородну сыну неизреченную любовь имѣти; твою бо любовь, иже ко мнѣ, мое извѣстуетъ сердце, сердцу жалость и *радость* указываетъ. Да о семъ всѣмъ согрѣшении милостива буди и согрѣшения наша прости; *не убо от нелюбве*, писахъ вамъ, пропускати к вамъ книгъ не могохъ. С востока бо идехомъ, во Индѣйскихъ странахъ стахомъ; да елика дивная прилучишася, се съ вамъ листъ скажетъ. Вѣсте бо, яко преже вамъ писахъ, яко перское царство прияхомъ и царя ихъ убихомъ, дщерь его пояхъ жену себѣ и вкупе македоняне с персы соединихъ. И тако всихъ сихъ поимъ, во Иерусалимъ приидохъ. Люди же града того в великаго Бога вѣрующе изнаидохъ и сего силнейша Бога паче всѣхъ боговъ вашихъ видехъ. И поклонихся ему и вѣровахъ в него. Имя же есть ему Богъ Саваофъ, невидимъ же есть челоуческимъ очима, но умомъ единымъ едва доведомъ есть. И оттуду востахъ, во Египетъ приидохъ и ту египетскаго *царя* обретохъ на столпѣ, иже царство свое остави и в чужю отбѣгъ землю.

Имѣя разумъ, да разумѣеть. И ту еллинские боги похулих, и от серафимъ славимаго Бога Саваофа помощию вооружився, и с Персиды на край земли ходих. Отнелѣже к вамъ писах, страны и мѣста прешед нужно и силно, горы непроходны и поля презрѣма, и дивии же челоуѣкъ доидох, иже нѣкогда великаго и силнаго Сонхоса *царя разбише...* И ту образъ *Сънхоса цара* обретох на столпѣ высоце златомъ искуснымъ написан. И на томъ столпѣ высоце разбои его выписан бысть, како его дивии челоуѣцы разбиша. Азъ же помощию Бога Саваофа их разбих. И оттуда востав с войском своимъ, луги многи преидох, ширина их день ходу, и тако до царства Раклиева и Семирамиды доидох. И образы их на столпѣхъ высоких на злате написаны быша. И оттуда воставъ, к востоку доидох и челоуѣки различни наидох, 6 рукъ и 6 ногъ имяху, и звѣри, ихже не возмогах исписати к вамъ. И тако к Макаринскимъ отокам идох, и ту боги ваша исках видети, и ниединаго же не обретох, но паче и макаринский царь с клятвою возвести ми, яко еллинскіи бози в долнейших ада мучими суть вси. И отоки ихъ прешед и мѣста глядах, идѣже праотецъ нашъ Адамъ жилъ бѣше, иже Едемъ наричется, в немже Богъ рай насади на востоце. Азъ же восхотѣхъ итти тамо, мнѣ же макаринский царь не даваше итти тамо и глаголя: “Не может челоуѣкъ во плоти рая видети, пламеннымъ же оружіемъ стрегомъ есть, и опалити тя имать”. И се слышав, азъ во вселенную возвратихся и, не вѣдущимъ намъ, рекамъ послѣдовахом четверемъ, иже от рая во вселенную текутъ, и на десную страну шествии творяще, за год во вселенную изыдохомъ, и на землю Индѣскую, на индѣйскаго царя Пора идохом и вои сотворити с нимъ мыслим, яко да скорѣе сотворится повелѣние. И здравствующи буди, госпоже мати моя, с моимъ казателемъ Аристотелемъ и нам о собѣ писуйте».

СКАЗАНИЕ, ЕГДА ПРИИДЕ АЛЕКСАНДРЪ НА ИНДѢЙСКАГО ЦАРЯ ПОРА И ПОБЕДИ ЕГО

Пор же индѣйский царь, по вселенней войско свое собравъ и преписати повелѣ и обрѣте их 1000 тысяч и десят тысяч лвов, иже бѣше на брань учинены ходити. И сию неизреченную Порову силу македоняне видѣвше и прочии языцы, убояшася зело, помыслиша Александра предати Пору, индѣйскому царю. И рекоша: «Сами живот свой испросимъ у него», в Македонию бежати помышляху. Птоломѣй же, воевода Александровъ, сие слышав, Александру исповѣда. Александръ же, сие слышав, войску свою къ собѣ призвав и к ним рече: «О любимии македоняне и велемошнии, всѣхъ языкъ сильнейшии и лутчии витязи, таковы свѣтъ приимше и всесилнии победивше десница, а ныне от нехрабрых и непотребныхъ убоястеся индѣянъ. Не токмо они насъ изести имуть, яко вамъ мнитца. Да еще вас омерзил есми, вы сами убийте мя. Еще ли вамъ Поръ что сотворити может, самъ азъ к нему добра вашего для иду. Но вѣдомо вамъ есть, македоняне, еще Александра изгубите, некому Македонию узрите, но порабощение языкомъ всѣмъ будете и злѣ в чужих землях умрете. Не такую бо честь

вы у отца моего Филипа и от всѣхъ языкъ имѣете, якоже вы со мною нынѣ царствуете. Вѣдомо да есть вамъ, яко мнѣ 3 локти доvole есть земли, вы же во вселенней укрытиса не можете. Вѣдомо да есть вамъ, яко отколе невѣру сию ко мнѣ приказасте нынѣ, на конецъ лѣтомъ поработитиса имате государство ваше перьскому языку и васъ всѣхъ до конца погубивше и отчинную вашу и землю и Македонию примутъ. Азъ же нынѣ к Пору самъ иду на бой, аще сего убью, то азъ есмь побѣждая землю, а не вы; аще ли мене убьет онъ, вы вси злѣ имате умерети». Македоняне же, сие слышавше и много плакавше, ко Александру приступиша и рекоша: «Великий царю Александре, буди намъ вкупе с тобою умерети, нежели жити безъ тебѣ много. Невѣрство же сие не мы приказали есмь, но невѣрнии, нехрабрии перси, суседи бо тии индѣяномъ и устрашаютъ нас. Насъ бо индѣяне добре знаютъ». И сие Александръ слышавъ и на персы разгнѣваясь и в женскіе свиты облече ихъ и убрусы женскіе на главы постави всѣ.

И тако на бой направитиса повелѣ всѣмъ. И войско свое переписавъ и обрѣте 6000 тысячей. И тако листъ в Персиду писа к Филону, послалъ бо бѣ его к Роксаны царицы и персы господствовать: «Александръ, царь надъ цари, моему любимому Филону. Вѣдомо есть тебѣ, яко всю примше землю, здрави до Индѣи доидохом и сугубъ с Поромъ, индѣйскимъ царемъ, стоимъ. Да в кий часъ листъ мой примешь, в той часъ со всѣмъ войскомъ западнымъ на Индѣю гряди, ко мнѣ же вѣстника пошли, яко да азъ отсюду на него пойду». Александръ на бой к Пору поиде. И сставшимася двема войскома, Поръ напередъ 10 000 лвовъ пусти; Александръ же противу ихъ буиныхъ воловъ неускихъ пусти. Лвовъ же с ними сразившеся и паки на свое войско возвратишася. Александръ же своему на три части разделитиса повелѣ. На бой идоша, трубамъ ратнымъ великимъ ударившимъ, съѣхавшеся. Поръ во околъ свой отъиде, Александръ такоже. И в томъ бои Поровыхъ убиша двѣсти тысячъ людей, Александровыхъ тридцатъ пять тысячъ, македонянъ 500. Се же Поръ видѣвъ, войско свое прииде и всѣмъ рече: «О велемошнии велможи, саратаи индѣистии, се с македоняны бившеся, приразихомся, да что сотворимъ к тому?» Они же к нему рекоша: «Великий царю Поре, некому людей посылай на брань, но великии лепанди и дивныи лвовъ». Поръ же 100 тысячъ лепандъ приведъ, рекше слоны, и ковчеги на нихъ древянии сотвори и в коемъждо ковчеге по двадцать чловѣкъ вооруженныхъ, и на бой на Александра пошли. Александръ же повелѣ своимъ всѣмъ прапорцы на кони поставити и на бой к нимъ борзо поиде, людей же пѣшихъ оруженныхъ двѣсти тысячъ поведе, ноги слономъ подсекати повелѣ. Слонове же прапорный звукъ слышавше, уполошишася и побегоша. И ту Поровыхъ людей Александръ уби 400 тысячъ, Александровыхъ же убиша 1000 и 500. И Поръ все свое войско возьмъ, реку преиде, нарицаемую Алфионъ, [\[90\]](#) с корабли же сию реку прехождяху. И Поръ на брегу реки со всѣмъ войскомъ стоя со всѣми силами своими.

И в той час Филон от Персиды с великою силою приспѣ ко Александру, с тысячь тысяч людей вооруженных, и 100 тысяч коней зобных Александру приведе, 1000 тысячь камелий, иже на потребу, и принесе ему диядиму многоцѣнну и стему безцѣнну от Роксаны царицы, и 1000 литръ злата. И ту стоя Филонъ, рече: «Милый мой государю и всѣмъ царемъ царю, великий хинкире, и наасаре,[\[91\]](#) Александре царю, не подобаетъ намъ противу индѣйскому царю Пору много корисмати, но скоро на них наѣхавше, яко не на храбрых и не искусных быти». Александръ же о пришествии Филонове радостень бысть велми. Филоново же пришествие увѣдѣвше, македоняне охрабрившеся велми, индѣяне же слышавше, страх великъ объять их. Филон же ко Александру рече: «Великий царю Александре, елико Поръ противъ насъ стоитъ, толико войско его храбрейши бываетъ; да пусти на них мене с покойнымъ войском моимъ». Александръ же к нему рече: «Порово войско силно есть велми, река же сия непроходна есть *конскими* ногами». Филон же к нему рече: «Македонский десницы непоколебими суть, македонским же конем ниедина река не стоит. Нароком же твоимъ облецы мене и молитвою твоею облецы мене, и на Пору пусти мене, много бо может нарокъ силнаго господина и честна; нарокомъ твоимъ, Александре, и горы не стоят и реки, ни луги. Ниподобно тебѣ с Пором битися, много бо царей подручных тобѣ есть, якоже Поръ; мнѣ подобает с ним битися, а не тебѣ, он бо есть индѣйский царь, аз же по твоей милости перский господинъ есмь, перское бо господство индѣйскому равно есть». Александръ же к нему рече: «Како реку преидеши?» Он же к нему рече: «Якоже ты узриши». И Александръ дасть ему 1000 тысячь людей оруженных и пѣших другую 1000 тысячь. Филон же повелѣ всякому воиннику пѣшего за собою на конь взяти с мечем. И стоящим; и егда войско Порово нача обѣдати, тогда Филон со всѣмъ войском удари в реку и сию из мѣста изгнаша на поле пред ними, сквасишася мнози, заднии же посуху преидоша. Прешедшим же реку, пѣшии с коней сседоша, и на околѣ наѣхавше, сѣчу велику сотвориша конницы и пѣшии. Александръ же Филонове храбросте подивися и тако сотвори, якоже Филон, реку преиде. Индѣяне же много бившеся и побегоша. Александръ же сихъ постизая, многих убивая и иных живых ухватиша. Порово войско 1000 и 500 людей убиено бысть. Пору же из боя бежащу и тако, плача, глаголаше: «Увы мнѣ, окаянному, како силнии падоша, а немошнии препоясашася силою; како македонский царь Дариеву силу победивъ и у космы мои, яко чинакъ, увязе и силу мою разруши. Сих ни Афионская река воздержати возможе». Александръ на околѣ Поровъ найде, пленити землю индѣйскую посла. Поръ же в *столной* во град свой вниде и ко околнимъ языком посла и глаголя им: «Вѣдомо да есть вамъ, друзи мои и братия моя, яко вселенную приимъ и Дария царя убивъ, Александръ, македонский царь, и до нас доиде; трижды мя разби и силу мою разруши, на Афион реку пришед, и землю мою пленить. Да молюся вамъ на помош мнѣ приити, аще бо меня разорит, вы постояти пред нимъ на можете». Се же слышавше языцы, иже на сѣверной странѣ, в той час Пору на помош приидоша, бысть же их 6000 тысячей, Поровых 4000 тысячей, Александровых же 1000 тысячей. Обои же направишася, на бой приидоша.

Ставшимъ супротивъ двема войска, Александръ же Филону повелѣ в посолство пойти к Пору с листомъ, имѣющъ сице: «Александръ, наакаръ, великий хонкиаръ, Пору индѣйскому царю, пишу радоватися. Вѣдомо да есть тебѣ, яко преклонные главы ни меч не сечет; аще Дарий мнѣ поклонится... хотѣ, всему своему государь был бы и животъ имѣлъ бы. Да и ты сего гордыни подобяся превозносиши много, не вѣси бо, яко всякъ превозносяся смирится. Пизматор бо великъ индѣяном указался еси, и сих безумно на заколение приводиши. Да аще индияне тебѣ милы суть, мнѣ же македоняне милы суть, отнынѣ же довлѣетъ войском битися. Я и ты да ся биемъ, неподобно бо есть за Александра и за Пору всему свѣту погибнути и опустѣти; да аще ты мене убиешъ, государь всемъ моимъ будеши, аще аз убью тебѣ, по правде всей Индѣи буду государь. Аще ли животу своему радъ еси, буди государствуя землею своею, мнѣ же дани давай, войску... давай. Едино, кое годно ти есть, мнѣ отпиши». Сей же листъ Филонъ возьмъ и к Пору отиде. Поръ же сий листъ перед индѣяны прочетъ и радостен быв о семъ и рече: «Аз с тобою битися имам, а войски наши на сторонѣ стоятъ». И к Филону рече: «Ты ли перскій государь, Дариевъ намѣстникъ перскій?» Филон же рече: «Азъ есмь Филон, Дариевъ намѣстникъ, Александромъ любимый, персомъ государь и скорымъ Финикомъ и Линьской земли». Поръ же к нему рече: «Отнынѣ государствовати не можетъ Александръ, от руки моея умретъ, ты же животомъ своимъ промышляй и мои буди, и персомъ государь и от Индѣи дамъ ти 4 часть». Филонъ же к нему рече: «Я нынѣ государь персомъ, ты же ми 4-ю часть Индѣи даеши, Александръ всю Индию мнѣ далъ есть; егда сию приметъ, тогда мнѣ в ней царствовати». Индѣяне же ту стоящии к Филону рекоша: «Почто тако сильному царю говориши?» Филонъ же к нимъ рече: «Сильнаго государя воленъ посолъ и вѣренъ слуга и страха не имаетъ». Поръ же к Филону рече: «Буди мой и дщерь мою дамъ ти и по смерти моей всей Индѣи государя сотворю тя». Филонъ же к нему рече: «Вѣру ими ми, Поре, яко отъ любве Александровы *не можетъ менѣ* разлучити весь поднебесный свѣтъ, *весъ бо миръ* недостоинъ есть единого власа отъ главы его отпадающа». И се рекъ, Филонъ ко Александру отиде, к Пору рекъ: «Поѣдь на бой борзѣе, ждетъ тебѣ Александръ во всемъ оружии, на великомъ кони сѣдя». И Александръ во оружии заѣха, Филона вопрошаше: «Каковъ есть Поръ?» Филонъ же рече к нему: «Тѣла великаго есть, толстъ, но велми гнѣлъ; и поиди, убить его имаша, *на року бо твоему Всевѣдый* помогаетъ». Александръ же, имя Бога Саваофа призвавъ, рече: «Боже великий, иже на святыхъ почиваяй, помощникъ ми буди нынѣ на индѣйскаго Пору. Единъ святыи Господь Саваофъ». И се рекъ, в руку копие примъ, прямо к Пору поѣха. Поръ же прямо ему поѣха с войски своими. И стѣкошася оба, копья ударишася и копья обломишася, рогатины исторгоша и с ними... сто кратъ ударишася, мечи исторгоша и сихъ притупиша. И тако приступивъ Александръ к Пору, рече: «Такова ли вѣра твоя, Поре, войско твое помощи тебѣ даетъ». Поръ же к войску озрѣвся, хотя ихъ уставити. Александръ же к нему приспѣ, Дучипала коня острогами гараздо удари и к Пору скоро прискочи, и бурдуномъ его подъ десную пазуху удари и прободе его. Дучипалъ же коня его зубами за шею похвати и к земле его притище; Поръ же ис коня урвася и злѣ душу свою отдалъ. Индѣяне же, сие видѣвъше, начаша бѣгати. Александръ же поиде за ними, теряя ихъ, 3 тысячи убилъ и многихъ живыхъ похватиша. Тѣло же Порова возьмъ, на

златом одрѣ постави и в столный град его, во Илиюполь, [92] принесе. Царица же его Темиштра, [93] власы главы своея до земля распростерши и одеяние многоцѣнное на себѣ раздравши, со двемасты тысящи владыкъ с плачемъ великимъ и рыданиемъ тѣло Порова сретоса, жалостно его плакаша. Александръ же его повелѣ поставити на златом одрѣ и стему великую на главу его постави, и тако со всим войском оплака его и с честию великою вкопати повелѣ.

И ту Александръ 12 дний стоя, во Илиюполь вниде. И введоша его царство Порова, толико дивна внутри его видѣ, *иже око не видѣ и ухо не слыше*. Полата бо его на четыре перестрѣлы долга и широка вельми, златы же стѣны бяху, покровъ весь златъ и столпове вси златы, жемчюгом и каменiem украшени бяху; *и всех же ееликих царей боеве писаны в той полате и 12 месяцев в человѣческих образехъ изваяни, бяху же 12 добродетелей человѣческих изваяни в злате женскими образы*, всяко по своему. подобию, и часовникъ мѣсячный и смена лунная верху полаты тое сотворена бяху. И приведоша к нему 1000 тысяч коней зобных Поровых и 100 тысячъ фарижи индѣйскихъ под хакизмы серменем, приведоша ему 100 тысяч лвов ловных Поровых, 20 тысяч пардусовъ, 1000 тысяч оружия цела и коруну Порову от камня самфира, и перстен Поров многоцѣнный от аметиста камня, и блюд настольных 100 тысяч, рогов слоновых 8 тысяч, и кубцовъ настольных многоцѣнных, с каменiem и з жемчюгомъ и златомъ украшенных 30 тысяч, и прочих вещей украшенных, иже нѣсть возможно исповѣдати. И ту Александръ годъ сотвори со всѣми вои своими и любимаго Антиоха сотвори индѣяномъ гоподѣствовати.

СКАЗАНИЕ О ЦАРѢХЪ, И О КНЯЗЕХ МНОГИХ, И О ЖЕНАХ О
МАЗАНЬСКИХ, И О ЕВРИМИТУ, МЕРСИЛОНСКОМ ЦАРИ, ИМѢЯ
МНОГИ ЯЗЫКИ ПОД СОБОЮ ПОГАНЫХ, ИХЖЕ АЛЕКСАНДРЪ
ЗАЗИДА, И О КАНДАКИИ ЦАРИЦЫ УСЛЫШИТЕ

Услышавше околнии цари разрушение Порова, сии приидоша мнози цари и князи, поклонися Александру, и дары ему принесоша мнози. Александръ же на Мизаньскую землю [94] поиде, и повелѣ Александръ град мизанский жен оступити и рвати крѣпко. И толики они жены рваху искусно из града, яко никомуже ихъ побороти могущу. Александръ же се слышав и подивися. Жены же оны посла послаша ко Александру с листомъ: «Вѣсть некако во уши наши прииде, о миродержече Александре царю, яко весь свѣтъ примѣ, з женскимъ поломъ битися хочещи. Да сие намъ невѣрно мнитца, иже тобѣ с нами битися, не вѣси бо, что прилучится тобѣ. Аще бо нас разбиеш, малу честь обрящещи, аще ли мы тебе разбиемъ, велика ти срамота будет. Да молимся тебѣ, молбы наша не презри, но образ свой написав дай намъ вмѣсто тебѣ да над нами царствует. И к царству твоему дали есми дары многоцѣнные, честнѣе злата и камня многоцѣннаго и бисера, и 100 жен и венец

царицы нашей Клитевре. И сии бо жены прекраснии на потребу тебѣ и властелем твоимъ. Умилосердися о нас, малая наша приношения, яко вѣрных своих раб, *прими* и надежду намъ отпиши».

Листы же Александръ примѣ, красоту женѣ тѣхъ видѣвъ и подивися. Листъ же к нимъ писа: «Александръ, царь над цари, сестрѣ моей Клитиврѣ, амизаньской царицы, пишу радоватися. Листъ вашъ примѣ и писания ваша узнах и на дарех ваших хвалю вас. Да не подобаще вамъ благообразных к нам посылати, мы бо вси мужи победители есми земьскии, како от женѣ победитися хотѣхомъ. И копие мое к вамъ послах, да межи вами царствует в мѣсто мое. И 30 воиски тысяч людей ко мнѣ посылайте на помощь, имам бо поити на мерсилоньскаго[95] царя Евримиврата, моей не хотяща повинутися власти». Птоломѣй же, воевода его, ту стоя рече, яко глумно: «Царю Александре, дай же ми оными женами владѣти и царствовати; аще ми царства их не даси, и ты ми сих 100 дай, да их въ царство приведу». Александръ же о семъ насмеявся и рече: «Ты воевода силе моей еси, едина бо их довлѣтъ тобѣ». Птоломѣй же рече к нему: «Александре царю, ты великъ, убоялся еси их».

И оттуду Александръ двигься на Евримитра, мирьсилоньскаго царя. Евримиврат же, сие слышав, всю войску собрав, 8 тысяч оруженных, на Александра прииде, и посылку посла, да стража Александрова ухватят. Александръ же Селевка посла воеводу съ 1000 тысячъ войски и в нѣкое мѣсто скрытися повелѣ ему. Емиврат же с войскомъ своимъ на войско Александрово прииде. Селевкъ же его напрасно срѣте и разби ихъ и живаго его ко Александру приведе, Александръ же главу ему отсечи повелѣ.

Языцы же сии невѣрнии от странъ слышавше и убояшася и к сѣверной странѣ побегоша; Александръ же побиваше их до высокихъ великихъ горъ, иже холми Сѣвернии зовутся, и ту мѣсто видѣвъ подобно, заидати их повелѣ, яко да ктому во вселенную не изыдутъ. И ту ставъ, Богу помолися и невидимымъ тваремъ,[96] рекъ: «Боже вышній, услыши мя в час сий, нѣсть бо тебѣ, иже невозможно, той бо рече, и быша, и ты повелѣ, и создашася; ты бо еси единъ, предвѣчный, безначальный, невидимый Богъ, и твоимъ повелѣниемъ и твоимъ именемъ сотворихъ вся си и предал еси в руце мои весь миръ; да молю всехвалное имя твое, сие прошение мое сотвори и сими двема горама повелѣ соступиться». И в той час оный двѣ горы сступишася, на 12 локоть близу не сстася. Александръ же видѣвъ прослави Бога, врата же мѣдная великая сотвори, ту замаза сунклитом.[97] Сунклит же есть такового естества, ни огонь его похватити можетъ, *ни желѣзо*. Внутрь же вратъ за три поприща купину насади; и ту поганяя языки заклепи. Врата же та Аспидьска нарицаются. Сут же языцы ти, иже заклепи Александръ: готти, магогги,[98] анагосии, агиси, азанихи, авенреси, фитии, анвы,

фарзании, климеади, занерииди, теании, мартеани, хамони, агримарды, ануфиги, псоглави, фердеи, алане, сфисони, кенианиснеи, салтари. Сии же языцы погании бяху, и сихъ Александръ заклепи за великаго ради поганьства ихъ. И оттуду паки во вселенную возвратися, многи грады и острова примѣ.

Слышавше же пришествие его Клеопила Кандакия, царица амастридонская[99] ... изуграва хитра послав Александровъ образ исписати. Сей же, исписавъ, Кондакии принесе. Царица же красоту образа видивши, подивися, и в ложни его храняше; Александрову хитрость разумѣла бѣше, како самъ во всякий грады исходникъ творяшеся и како Дариево царство приять бѣше, посол себѣ творя. Сие слышавши, Клеопила Кандакия царица ухватити его надѣяшеся. Сему же бывшу, Александръ до царствия Кандакии царицы приспѣ. Каньдакия же царица Пору, индѣйскому царю, сватья бѣ, сынъ бо ея Карторъ Порову дочь понялъ. Александръ же к Амастридоньской земли приближися. Сие слышав, агримѣский царь Кандавлус, сынъ Кандакии царицы, от царствия своего побеже со женою и со имѣниемъ своимъ и к матери своей Клеопиле Кандакии, царицы амастридонской. Евагридъ же, силурѣский царь,[100] видевъ его от Александрова страха бежаща, воста на нь и разби, и жену его и дщерь и все имѣние его взятъ. Кандавлусъ же со стом конникъ въ Мистридонъ к матери своей *побеже*. Стражи же Александровы ухватиша его и вопрошашу его: «Кто, откуда еси?» Он же имъ всю истину сказа. Они же, поимше его, ко Александру приведоша его. Александръ же сие слышавъ, яко Кандавлус, Кандакии царицы сынъ, ухвачен бысть, и скрыся, и вмѣсто себѣ Антиоха воеводу на престоле царскомъ посади, сам же, яко единъ от властелеи, Антиоху предстояше, хотяше бо Амастридоньское царство исходити. Антиоху же рече: «Прикажи его мнѣ, да аз пред тобою поставлю его и о всемъ его ропрошай, и мнѣ его предай блюсти». И тако Антиох повелѣ Кандавлуса привести. Александръ же шед, привеле пред Антиоха. Кандавлуса же Антиохъ вопрошаше и глаголя: «Откуда бежа мнѣ в руце впаде?» Он же рече: «От страха твоего бежахъ к матери моей, амастридонской царицы Кандакии. Евагрид же, сумежникъ мой силурѣский царь, воста на мя и разби мя и все имение мое взя, и жену, и дщерь мою. Азъ же яко единъ от боя оттекохъ и на твои наидох стражи; и они мя ухвативше и к тебѣ приведоша. На мнѣ ... *свершился днес* нѣкоего злочестиваго челоуѣка притча, иже ото лва бѣгая и на древо высоко збѣже, на край езера стоящее, и на росоху вместилися, отъ страха лвова обезпечалился, и на верхъ древа выше себѣ погляда и змия увидѣ, хотяща его поглотити, и в недоумѣнии быв и рече, восплакався: “Злочестивымъ всемъ вся неволная прилучаются”. И се рекъ, во озеро скочи, глаголя: “Лутче мнѣ есть от коркодила во единъ часъ изъедену быти, нежели ото лва или от змеи горкую смерть приимати”. Такоже и мнѣ прилучися, Александре царю: от страха твоего бежалъ и на стражи твои ударихся». Антиох же, на царскомъ престолѣ сядя, Кандавлусу рече: «Злочестивымъ же вся многа зла наносятъ и от нихъ на поконъ умирають. Ты же, злочестне, отколе се еси на мене намѣрилъ, азъ бо тебѣ жену твою возвратити имамъ и дщерь твою и имѣние твое все, и все свое возми и мене гостя имѣй и

приятеля». И рекъ, глаголя ко Александру: «Антиоше воевода, войско мое взем, на Евагрида, силурскаго царя, поиди; да аще Кандавлусову жену и дщерь з добромъ вратить, имѣние их все, привед его ко мнѣ на вѣру, аще ли не возвратит всего, его и всю землю его плени и грады его разбий и связанна приведъ его ко мнѣ. И егда сие свершиши, тогда к матери его, Клеопиле, царицы Кандакии мастридоньской, в посольство послати тя имамъ». Кандавлусъ же сие слышав и клабукъ снемъ, Антиоху на ногу падъ поклонися, Александра его мня быти, речи: «О великий царю Александре, всѣх ли неволных ты милуеши, и тако за толику добродѣтель всему свѣту царя Богъ тебѣ сотвори; да отколе образ твой сподобихся видети, всю прилучившую ми ся скорбь радостію изменихъ». И се рекъ Кандавлус, Антиоху поклонися. Александръ же за руку его примъ, во околъ свой отъиде.

И на Евагрида поиде, силурскаго царя, и взя с собою избранных воинник 400 тысяч. Идущим же имъ путем, Александръ Кандавлусу глаголаше: «Аще жену твою возму и тобѣ в руку дамъ, что ми от тебѣ добро будет?» Кандавлусъ же к нему рече: «Нѣсть возможно языкомъ изглаголати толика добра учинившу, все бо имѣние тобѣ дамъ и мою главу в руце твои дамъ. Елика возможна ти есть, потшися за мя, да что егда отсюду возвратимся, тогда Александра молити имамъ, яко пустить тебѣ в посольство к матери моей Клеопиле. И возмездие великое и дары что сотворит ти и третьего сына сотворити тя имать тобя собѣ». Приспѣвши же во Евагридову землю, на три полки войско разделивъ: 100 тысяч войска на плѣнъ в землю пусти, и 100 тысячъ на Евагрида посла, и 100 тысячъ в лугу близ града скры. Человѣка же в земли той ухвати и листъ ему даде и рѣчи ко Евагриду научи: «Вѣдомо да есть тобѣ, Евагриде царю, яко Александръ, царь царемъ, всей земли государь и всему свѣту, до здѣ прииде. Непреломъство твое видя и худое поношение твое, Антиоха воеводу прислал есть здѣ, и тако тебѣ глаголетъ: “Дани к намъ принеси и жену Кандавлусову, и дщерь, и все имѣние его возврати. Аще ли сего не сотвориши, смертию злою умрети имаеши”». Евагрид же, се слышав, исходники посла на Александра. Исходницы, к нему пришедше, рекоша: «Мало войско Антиохово есть». Евагрид же, сие слышав, на бой ко Александру поиде. Александръ же войско сокровено из лугу изведе, Евагрида разби; Евагрид же, страха Александрова убоясь, самъ на мечъ налегъ, прободеса. Александръ же на град пришедъ, до конца его разбий, и имѣние его взял, и жену Кандавлусову и дщерь возврати; пленове же вся вземъ, в войско свое отъиде. Кандавлусъ же ко Антиоху пришед, поклонися ему, яко Александру. Антиох к нему рече: «Вся своя вземъ, к матери своей поиди». Кандавлусъ же к нему рече: «Великий царю Александре, вся моя погода въ свершил еси и сие прошение мое соверши — сего воеводу своего Антиоха пошли к матери моей и вся хотѣния *твоя* совершити имает, велми бо его на сем войску видѣх мудра и хитра и вѣрна тебѣ». Антиохъ к нему рече: «Вся, елика требуеши, совершити *имамъ*». Александра призвав, к нему рече: «Поиде, воевода Антиоше, ко Клеопиле, мастридонской царицы, с сыномъ ея Кандавлусомъ и рцы ей: “Александръ царь на межу земли твоя прииде и дани от тебе ждет. Аще сего не сотвориши, со всѣми силами на царство твое иду”».

Александръ же ко Антиоху рече: «Вели листь писати к ней». Кандавлусъ же стоя рече: «Не подобает книги писати такову мудру послу, якоже еси ты». И тако оба поклонишася Антиоху, отъидоша. Антиохъ же повелѣ Кандавлуса даровати одеянием многоцѣннымъ македонскимъ и кучмомъ[101] перскимъ многоцѣннымъ и парижемъ индѣйскимъ под хакизмом коркодиловымъ. Александръ же на свой станъ... поведѣ и честилъ его и честными дары даровалъ его и в посольство к матери его поиде.

На пути же Александра облобызаше много, к нему глаголаше: «Воистинну, на всей поднебесной земли подобна тебѣ человекъ не видѣхъ; аще другаго подобнаго тобѣ имает Александръ, по правде, всему свѣту царь есть, такии два человекъ имѣя». О семъ Александръ Кандавлусу рече: «Вѣру ими ми, Кандавлусе брате, много у Александра болшихъ мене и старшихъ людей есть: Филонъ, Птоломѣй воевода, и по томъ Селевкъ, и по немъ Андигон, и по сихъ менший есми я, Антиохъ». Кандавлус же к нему рече: «И всихъ сихъ видѣхъ, но тебе паче всѣхъ болши мню, достоинъ бо еси ты над всѣми царствовать». Александръ же искушаше его, увѣдати хотя, како любит его. Он же к нему отвѣща, глаголя, яко: «И смерть вмѣсто живота приял быхъ, аще ми ся случает с тобою умрети, не разлучюся с тобою». И тако глаголаше, до пещеры великия нѣкия дошедше. Кандавлусъ же ко Александру рече: «Любимый мой Антиоше брате, яко в сей великой пещере, глаголють, бози еллинстии вси суть, по смерти своей в пещеру сию вхожаху. Да аще хочещи увѣдати, яко о смерти своей, и мала ступивъ, уклонися и в пещеру сию внидеши». Александръ же к нему рече: «Такова ли любовь твоя ко мнѣ, Кандавлусе брате, како велиши мнѣ внити здѣ?» Кандавлусъ же пригнувъ его к собѣ, проплакавъ рече: «О любимый брате мой Антиоше, не рекох ти *внидеши* здѣ. Но сказах ти, яже живутъ в пещере той». Александръ же мало ступивъ, уклонися, в пещеру вниде. Вышедшу ему внутрь, и ту мечтания нѣкая звѣрообразная сретоша его. Он же имя Саваофа Бога призвав, и все прах бысть. Чюдная же нѣкая и дивная в пещере той видѣвъ: человекъи же многи связанны опаки руками: и ту Ираклия видѣвъ, и Аполлона, и Крона, и Ермона, иже еллинстии боги мняху. И сихъ Александръ виде связаны веригами, и к единому приступивъ от чюдныхъ онѣхъ, вопрошаша. Он же к нему рече: «Поиди, Александре, болши сихъ узриши. Вси бо сии быша елиньстии цари, якоже и ты нынѣ, и за гордыню велику, Богу небесному подобящеся, ... и на сихъ Богъ разгнѣвався и в пещеру сию повелѣ сихъ вовеести; и душа ихъ здѣ мучитися имут до скончания вѣка. И скончавшимъ же ся седмимъ вѣкомъ, в тартар огнену поити мучитися имут в бесконечные вѣки всегда». Александръ же к нему рече: «Звѣрообразнии сии человекъцы, что суть?» Он же к нему рече: «Сии суть, иже злѣ и немилостивно на семъ царствовавшие». Александръ же к нему рече: «Мню, яко нѣгде видѣхъ тя». Он же к нему рече: «Да аще на дивии человекъи ходилъ еси». Александръ же к нему рече: «Како имя есть?» Он же к нему рече: «Аз есми Сонхос, царь индѣйский, иже нѣкогда весь свѣтъ примъ и гордынею вознесохся, и на востокъ края земли дойти хотѣхъ, и дивии человекъцы восташа на мя и разбиша мя и ту мене убиша. Ангели же *дошедше* мя связавше и в сию в пещеру

всадиша мя. И здѣ мучюся за безумнею мое превозношение. Стрежися и ты, Александре, да не вознесешия и здѣ приведенъ будеши».

И тако Александръ посреде ихъ ходя и Дария, царя перскаго, посреде ихъ узрѣ. Дарий же его увидевъ, жалостно проплакавъ, рече: «О мудрый во человецех Александре, а и ты ли здѣ осужден еси с нами быти?» Александръ же рече: «Нѣсмь осужен, вас видети приидохъ». Дарий же к нему рече: «Пожди мало, да скажу ти дивная нѣкая чюдная, иже прилучит ти ся на пути. Вѣдомо да есть тобѣ, како сия Клеопила, мастридоньская Кандакия царица, образ твой преписала есть и познати тя имает; но поиди, не сумнися, Богъ бо, в негоже вѣруеши, от руки ея избавит тя. Коснути же здѣ не мози». И паки Дарий, прослезився, к нему рече: «Милый мой сыну Александре, како персидьское царство стоитъ и какова любовь дщери моя Роксаны предлежитъ к тебѣ?» Александръ же к нему рече: «Персида бо со мною мируеть, якоже и с тобою была, Роксана же, дщи твоя, со мною над всѣмъ свѣтомъ царствуетъ». Дарий же к нему рече: «Внутрь пещеры вшедь, ту и Пора царя узрѣши». Александръ же Пора увидѣвъ и рече ему: «О великий индѣйский царю Поре, яко нѣкогда богом подобяся, здѣ же яко единъ худый человекъ мучишися». Поръ же к нему рече: «Тако мучатся вси здѣ, иже земскою славою превозносящися. Блюди и ты, Александре, да не превозносиши, да не сведешися здѣ мучитися». И сие глагола: «Честъ женѣ моей Клитемищре соблюди». Александръ же к нему рече: «Буди печалюя мертвыми, а живыми не пещися». И се рекъ, Александръ от пещеры тоя изыде, и до Кандавлуса прииде и, обрѣте его плачуща много, мнѣша бо, яко Александръ в пещере погибе. Егда же его видѣ, радостию скоро притекъ к нему, целовавъ его и рекъ: «Почто, Антиоше брате, мешкалъ еси и много мене устраши; но поистиннѣ, видѣхъ нынѣ, яко государя твоего Александра царя нарокъ великъ есть, увидѣхъ бо ты цѣла. Но скажи ми, иже в пещере той видѣ». И тако оба дивящися до Кандакии царицы приидоша.

Клеопила же царица, пришествие сына ея видѣвъше, радостна бысть велми, и с престола своего воставши, далече его вѣстрѣти; слышала бо есть, яко Александръ убиленъ есть. Радостию великою возрадовася и вопрошаше сына своего, вся увидати хотящи случившаяся ему. Кандавлус начать повѣдати ей, Александра же матери своя привел и рече: ей: «Се Антиох, Александровъ воевода есть, и сей живот мнѣ далъ есть и жену мою и дщер от Евагрида он изручи, и вся, елика мнѣ случишася добро, он сотвори мнѣ все. Да приими его в сына мѣсто себѣ, мати моя, много бо он у Александра милостивенъ есть». Царица же, сие слышавши, за горло Александра приемши, облобыза его много и рече: «Добре пришел еси, сыну мой, силнаго государя посол, воевода Антиоше». Доброту же лица его зрящи дивляшася, к нему глаголюще: «Третий сынъ ми еси нынѣ, Антиоше». Александръ же воставъ и посолство ей нача правити. Она же рѣчи и бесѣде его дивися, образа его сматрящи, и по образу помысли, егда се ... есть Александръ. Любезно его целоваше и рече: «Хотѣла быхъ, Антиоше, от насъ не

отъѣдеша, но с моими сыны и со мною царствовати будеша и ко Александру *не вратишися опять; и отколе сие невозможно есть*, и воставъ, со мною въ царский дворы вниди и царская моя имѣния виждь, иже что хоцещи, возми сие. И да ти сотворю листъ ко Александру и дани ему дамъ; посла моего пошлю к нему с тобою и честию великою отправлю ему тебѣ». И се рекши, Александра поимши за руку, в царский полаты его введе, и ту ему сказа чюдная нѣкая и много царска бисера и камения множество и злата без числа. И введе его в ложницу свою и переписанный образ его глядя и рече ему: «Что от всѣхъ одержало ти есть, Александре, иже в дому моемъ видел?» Он же ужаснувся, к ней рече: «Антиох имя мое есть, Александру рабъ аз есмь». Царица же к нему рече: «Аз Александра имамъ тебѣ быти, тобѣ же Антиохомъ называтися не подобаетъ. Аще увидѣнию моему *не вѣруеши*, на образ сей поглядая и белег образа своего виждь». Он же рече: «Поистинне, приличен есмь ко Александру, за то мене любит велми». Она же рече: «Ты самъ еси, воистинну; азъ ныне всему свѣту назвахся царица, царя бо всему свѣту в руку держу. Но да вѣдомо да есть тобѣ, царю Александре, якоже хотя вшел еси здѣ, и якоже хоцещи не изыдеши отсюду». Се слышав Александръ образ свой изменати начат, зубы же своими скрежеташе, очима своими сѣмо и овамо позирая, промышляше. Царицу же в ложницы убити мысляше, сам же бы до коня втекъ и на среку себе вергъ, или умрети, или ожити, глаголя: «Лутче есть гоподину велику почестне умрети, нежели срамотно жити». Кандакия же царица, видѣ образ его пременяющься, к дверемъ поступи. Александръ же сию похвативъ рече: «Не имаеши на двор изыти, но здѣ злѣ умрети. Аз же здѣ тебе убивъ и на двор изыду и оба сыны твоих убью и самъ с ними почтенно умру». Кандакия же царица радостно ко Александру приступи и к нему приплетшися, за горло похвати его и любезно целовавши и рече ему: «О великий Александре, мой сыну и господине, и не оскорби мое сердце, ни злаго о себѣ помысли, ни от мене смерти убойся, аз бо убити тя не мышлю. Ныне же тебе накажу сына своего и многими дарами почтивши тя, в войско твое отпущу тя с честию, понеже нѣсть достойно такова челоука от земли погубити, мудростию и храбростию украшена велми, но паче соблюсти и почтити. Кто ли бы хотѣлъ тобѣ убити, то всему свѣту кровникъ бы былъ. Главою твоею и животом весь свѣтъ содержитца и миръ страхомъ твоимъ стоять. Да не подобаетъ мнѣ всих главъ отсеци главу. Но хотѣла бых сына имѣти тя, Александре, и с тобою всему свѣту назватися царица. О сем бо, Александре, безпечален буди, не тако бо аз безумна есмь, якоже тебѣ мнится быти, да животом твоим весь свѣтъ поколебати, вес бо миръ недостойнъ есть ни единому власу, отпадающа от главы твоея. Но яко первая мати твоя корати тя имамъ: некому, Александре, посолство твори, не вѣси бо неуставные чести наношения. Да не подобна есть тобѣ, всих главъ на концы обѣшати, смертию бо своею весь мир снѣсти хоцещи». Александръ же ѿ поклонився, рече: «Отнынѣ мати мнѣ буди в мѣсто Алимпияда».

Кандакия же, целовавши его и за руку емъши, на дворъ ведши. В той часъ прииде сынъ ея Дориф, от Александровыхъ стражей розбитъ, едва самъ утекъ, войско же свое изгуби. И слышал бѣше, яко Антиохъ,

Александръ воевода, в посолствѣ к матери его пришел есть, борзо прииде, Антиоха убити хотя. Кандакия же се слышавши, к Дорифу, сыну своему, рече: «Не подобаетъ тебѣ сие сотворити, Александръ бо брата твоего от иного зла избавилъ есть и жену и дщер и все имѣние отврати и жива его к намъ с честью отпусти, от погубления избави от Евагрида, силурскаго короля, и посла к намъ пославъ есть, милостивнаго своего Антиоха, любовь и миръ свой к нам держати. Да в мѣсто добра и чести, иже подобаше намъ ему сотворити, главу ему отсеци хощеши. Нынѣ, мой сыну, лутче есть тобѣ умерети нынѣ, нежели Александра посла в дому моемъ убити». Дорифъ же матери своей не послушаше, глаголя: «Единаго Александра человекѣ не даси ми убити, понеже от моихъ людей много тысячъ убилъ есть. Да вѣру ими ми, мати моя, яко Антиохъ днес живота не имаетъ». Сие же Кандавлусова жена слышавши, скоро къ Кандавлусу прибѣже, глаголющи: «Вѣдомо да есть тобѣ, братъ твои Дорифъ убити хощетъ любимаго твоего Антиоха мечемъ». Кандавлусъ же сие слышавъ, скоро прииде к нимъ в полату, Дорифа же обрѣте нагъ меч держаща, и мати его средѣ меча держаше и с нимъ рвучися, да Александра не убьетъ. Сей же припадъ, мечъ из руки его взя и хотяше его имъ ударити, и карати его нача, глаголя: «Неподобниче, страшливче, аще храбръ мнишися быти, самъ ты на немъ коби поищи; истинну бо ти глаголю, аще похватитъ мечъ, 100 таковыхъ убьетъ, яков же ты еси, постояти не могутъ; аще ли храбръ мнишися быти, иди убий его во Александрове стражи; аще ли убиеши его здѣ, то всѣхъ насъ убилъ еси. Тебѣ же вся вселенная пред Александромъ укрыти не можетъ, Александръ бо, государь его, во единомъ мечномъ ударе великаго Пора индийскаго, тестя твоего, убилъ есть». Кандакия внутрь завѣса вшедши со Александромъ и на дворъ его изведе. Видѣвъ же Дорифъ, приступи к нему, хотя его убити. Александръ же кордъ свой примъ, к Дорифу рече: «Вижу, убити мя хощеши, но знай, яко смертию и самъ умерети имаеши; не тако бо македоняномъ смерть пристрашна есть, якоже тобѣ мнитца быти. Да аще мене, посла Александра, убиеши, государь же мой Александръ на взыскание мое приидетъ, гдѣ укрытися хощеши? Вѣру ими ми, аще и во утробу матерню влезше, отнюдуже еси изшел, и ту укрытися не можеши. Аще бы се Александр, государь мой, зналъ, яко Кандакия царица послы убиваетъ, не послал бы мене к вамъ, но самъ со всѣми силами без посла пришелъ бы здѣ». Дориф же сие слышавъ, убояся. Кандакия же царица рече Александру: «Мудрый премудре всякий ... страхъ сердечны языкъная мудрость покрываетъ». И тако с Кандавлусомъ, сыномъ своимъ, Александра за горло похвати и з Дорифомъ его смириша. И ту ему гостившу много, и дарми его дариша. И дарова ему царица Кандакия венецъ свой с каменiemъ и бисеромъ многоцѣннымъ. И сокровенно рекши ему: «Возми сие, Александре, отнеси дщери моей, жене своей Роксанѣ». И дарова ему перстень от четырехъ камней хитростию магнитскою составленъ, и дарова ему оружие от анкита гвоздя, приставлена на аспидове кожи, фарижа бѣлая анфарскаго, [\[102\]](#) бисернымъ седломъ оседлана, и дарова ему гелмъ орелъ, орлу на персехъ словеса пишетъ тако: «Александръ наасаръ, великий хонкиаръ бысть, за всего свѣта государствуетъ». И ту ему много гостившу, Кандакия царица проплакавъ рече: «Некому, Александре, посломъ себѣ сотвори, не вѣси бо невѣрныя чести неуставнаго слученія». И рекши, отпусти его с честью великою, и дани ему на десят лѣтъ дарова. Он же не восхотѣ, глаголя: «Отмолити ю

имамъ у Александра». Она же к нему рече: «Аще дань оставиши, познають тебе сынове мои. К нам же предложение любовь твою дай и přátелство к намъ неповторну соблюди». И се рекши, за горло его похвати и к нему с плачемъ рече: «Рада быхъ сына имѣти тебе, Александре». И се рекши, отпусти его. Проводиста же оба сына ея, Кандавлус и Дориѳ да Александрова окола. Стражи Александровы сretoша его, и с коней ссѣдоша, и поклонишася ему. Кандавлусу же и Дориѳу Александръ рече: «Вѣдомо да есть вамъ, яко самъ есмь аз Александръ царь». Се же они слышавше и рекоша: «Аще ты еси Александръ, мы ныне измерли есмь». Александръ же за горло похвативъ ихъ, рече: «Не имаете вы от мене умрети, азъ бо соблюду васъ любовию и честию, матери бо вашей Кандакии Клеопиле сынъ есмь, вам же братьскіи обдержим есмь». И ту даровалъ ихъ Александръ и с честию отпусти.

Александра же ту сretoша Птоломѣй воевода и Антиохъ и много к нему с плачемъ рекоша: «Что, Александре, животомъ своимъ вселенную всю смести хочещи; что главу свою назад мещещи; сам на посолствѣ ходя, безо чти умрети имаещи, нас же, в чюжих земляхъ оставив, всихъ погубити имаши. Да не тако, Александре, пизматар намъ буди, якоже не дѣломъ твориши; но вес приемши свѣтъ, и тако поидемъ в Персиду, и ту, дому дошедше, господства земская разделиши намъ по подобію и по достоянію». Ту Александръ пришед войску свою, гостьбу многу и веселие сотвори с людьми своими.

СКАЗАНИЕ О ВОЗВРАЩЕНИИ АЛЕКСАНДРОВЕ В ПЕРСИДУ К РОКСАНЕ ЦАРИЦЕ, И О РАЗДЕЛЕНИИ ЗЕМЛИ СВОИМЪ ВЛАСТЕЛЕМ, И О ПРОРОКУ ИЕРЕМѢЮ, ИЖЕ СКАЗА ЕМУ СМЕРТЬ

Александръ же собрав свои вои и двинуся в Персиду, ко царицы своей поиде к Роксане. И в Персиду пришед, многи радости ту сотвори и ту земская царства раздели.

Антиоху же даде Индѣское царство и всю Мирсильонскую землю и Сѣверьскую;[\[103\]](#) Филону же даде Персидцкое царство и всю Асию и Килекею; Птоломѣю же даде сладкую и красную землю Египетъ и Ерусалимъ, и Палестину всю, и Межюрѣчье Сѣверьское[\[104\]](#) и сладкии Предекиския[\[105\]](#) отоки; Селевкушу же Римское царство; Леомедушу же даде Немецкую землю и Парижское царство. Вся же сия по достоянію раздели, с Роксаною, царицею своею, год сотвори с великою радостію и с веселием.

Оттуду Александръ двигъся з дворомъ своимъ в Вавилонъ поиде. И в ту ноцъ явился ему пророкъ Иеремѣя, глаголя: «Гряди, чадо Александре, на уреченное тебѣ мѣсто, сего числа чотыредесятого лѣта *свѣршилося есть, и четвероставное тѣло* твоего естества днес, Александре, *разъступитися* имает; от земля бо заимодано есть и паки возвратитися ему. Вѣдомо да есть тебѣ, яко, всю обшед землю, отечества своего узрѣти не имашъ; руки же служащихъ тобѣ, от нихже благая укушаеши, отравнаго яда имаши вкусити от них. И в Вавилоне походи, и войско свое раздели и царская земли раздели и укрепи. И в землю, от неяже изшелъ еси, и паки в ню внидеши, и в небытие будеши. Душа бо нетлѣнна поиметца, в невѣдомо мѣсто Божиим промыслъ отведется, тѣло же тлѣнно в земли тлѣнной останет, и ту разсыпався, в небытие будет; и паки на скончании вѣкомъ от земли востати имает, тлѣнное существо в нетлѣние облечетца и ту со душею паки сстався, вкупе соединитца. И ту познавшемася има, яко нѣкими любимыма другома, во мнозе видѣвшимася има, истинно радостенъ имъ будет и весело и любезно имъ зело. Тако душамъ с телесы сстанокъ будетъ, Александрѣ, о всѣмъ нынѣ вѣруй, стати бо имутъ вси на Страшнемъ судищи и на великомъ торжищи, идѣже престолы поставятца, и Ветхий денми сядетъ, судии страшный и нелицемѣрный; тысяща тысящ аггелъ окрестъ его и многоочитии серафими и шестокрилатии херувими. Тогда всяка душа, облекшися во свое тѣло, судомъ возмездие примутъ, с тѣломъ вкупе согрѣшиша, с тѣломъ же и мзду примутъ. Тогда благая сотворше убо примутъ жизнь вѣчную, злая же сотворше муку вѣчную примутъ, и тогда конца лѣтомъ не будетъ. Тогда бо мужеский полъ и женъский родитися не может, и ни на комъ лѣпости не будет и грубости, ни возраста умалена, ни различия лицемъ, черноти и белости, ни русости, ни смуглости, но тѣло во единомъ естествѣ будет, точию причастное с собою имуще, иже есть лѣтное и крѣстное и помысленное, прочая же дѣла тогда оскудѣютъ, душа же всегда безъсмертна будетъ. Тогда убо, Александре, всякий человекъ познати имаетъ своего любимаго, не точию же любимыхъ, сихъ же видано, ихже слышано, увидитъ и познаетъ на ономъ грозномъ судищи и торжищи ономъ великомъ. Ту бо, Александре, познати тя имутъ вси, ихже обидилъ еси здѣ, и с тобою обидимии познати тя имутъ тамо. Да вѣдомо есть тобѣ, некому живъ узриши мене, но тамо узрити мя имашъ, идѣже вси предстанутъ, иже вси от вѣка умершии на Страшнемъ Судищи своемъ великаго Бога Саваофа». И се рекъ Иеремѣя пророкъ невидимымъ бысть.

Александръ же от сна воставъ, в недоумѣние впаде и се изступлении ума бывъ, на постели своей сядяше и плакашеся горко и ужасно видѣние помышляя. Сердце бо его обуяваемо быше, якоже корабль нѣкий в пучине морстей вѣтры и волнами обуяваемъ. В мысли впаде, ужасно видѣние помышляя, на перинницы сяде, плакашеся. Филонъ же и Птоломѣй заутра приидоша и плачущася его обретоша и стемы златы из главъ своихъ свергоша, перстию главы своя посыпаша и приступиша ко Александру, плачущеся и глаголюще: «Почто, Александре, жалостию радость пременяеши, почто сеи скорби предалъ еси себѣ?» Александръ же к нимъ рече и видѣние имъ сказа, сядя. Они же дивную рѣчь слышавше и ужасошася много, утѣшити же его хотяше сладкими

бесѣдами и глаголаху: «Не тако, Александре, подобно есть ношнымъ мечтаниемъ умные отступити совести, сон бо такъ намъ мнитца быти: от *многого* спанья и от *лиха* *пития* главные омокываемъ мозгъ, в немже живетъ царь совестемъ — ум; человекѹ велми спящу, от сонной влаги велми омокываему мозгу, умерзитъ себѣ и многая невещественным своим окомъ позирает и видитъ оная, яже видел или слышалъ когда, тѣхъ всѣхъ зрѣть и тѣми дѣйствует. Сония видѣнія, Александре, душевное бо зрѣние мнимо быти. Тѣло бо тлѣнно яве зрит тлѣнная сия видимая, душа же, нетлѣнна сущи и невеществена и умна сущи, вся, елика восхощет и мыслить, сихъ зрѣть, аще и далняя мѣста есть и ближняя, свое бо есть бытие, идѣже хошет; тако бо по подобию Божия образа создася. И приплетет бо сию к мертвенному тѣлу, яко да имъ дѣйствует, оживляющи то, якоже огонь вѣтром распалаетца, или яко кузнецъ нѣкий златый хитростию желѣзными растворяя рукодѣлии, или якоже корабль нѣкий волны морской прескоча, не собою носимъ есть, но вѣтренимъ дыханием. Тако бо тело душею окормляемо есть, тою бо стоится и водится и носится, якоже нѣкая два юнца окормляюще рало, дондеже, иже составивый ся Богъ всихъ и промысленикъ *распряжет*. Душа бо поиметца, а тѣло оставится, душа бо к нему, яко невеществена, тѣло же к земли, яко вещественно и тлѣнно. Аристотел же и учитель твой мудрый, Александре, в книгах своих пишет, глаголя, яко статися имут душа с нимиже согрѣшиша телѣсы тогда, егда порождение второе будет, егда мертвии от гроб востануть. И Соломон мудрый рече, праведных душа в руце Божии, глаголетъ, быти, грѣшных же душа в тартаре, в геоне мучитися имуть, в долнейшихъ земли, глаголетъ, быти. Аристотел же мудрый и Платон великий, мира сего кончина, глаголють, быти тогда, егда довершится число от падшаго древа ангельскаго чина праведных человекѣ душами. Сие же, Александре, и еврейский пророкъ Иеремѣя согласуетъ, глаголя, тако бо есть». И се слышав Александръ и подивися и в недоумѣнии быв, глаголаше: «Слава тобѣ, чюдный, дивный, непостижимый, и неисписанный, и недовѣдомый, и неизслѣдимый Боже, иже от небытия вся в бытие приведъ, и благорастворяя вся великимъ своимъ промысломъ. Како небеса сотвори единомъ словом, сии же видиния своего не премениша, ни обетшаша; како землю колику и ту ничимже утвердилъ есть, сия же плодовъ своихъ не измени, ни обычая; како морския волны и воды многия, на единомъ стояще мѣсте и всегда умножаемы бывающе, не изсякнуть, ни от предѣлъ преидоша, ни волю измениша естество, но содержиими силою и различными колеблемо вѣтры, устава своего не измениша, ни благораствореннаго дыхания; како солнечное сияние, толицыми сущими лѣты, теплоти и свѣтлости не измени; како лунный кругъ, овогда умножающеся, овогда оскудевающъ, на новину и ветшину устава своего не измени; или како телеса человеческая четырьми сплетена стухиями, душу божествену в них всади, якоже нѣкоего всадника на четырехъ равно текущих утверди точилех, дондеже равно 4 стоятся стухия, дотолѣ и тѣло человеческое непоколебимо стоит; егда ли от 4 тѣхъ составъ едино или умножится или оскудѣетъ, тогда растлится и от души распряжется тлѣнное человеческое тѣло. Аще ли промыслом твоимъ, Боже, или врачевною хитростию паки 4 тыи соимутся колеса, иже суть составы, тогда паки душею здравствует».

И от того дне убо всегда в недоумѣнии пребываше царь Александръ и мысляше, в себѣ глаголя: «Когда се постигнет мене смерть, и кто будетъ память мою творити по моей смерти? Будет ли се тамъ видѣние и познание, егда душа с телесы сстатися имуть на великомъ торжищи?» И тако мыслями многими помышлении: «Будет ли тѣломъ востание паки или не будет, в тое же тѣло души паки приити имут или ни?» Дивляше бо ся и глаголаше: «Како раставшеся и распадошася кости, в тое же паки бытие приидут?» И тако помышляя глаголаше, яко: «Вся могий Божий великий промыслъ, ихже созда от небытия в бытие, той же можетъ в тую же привести совесть в первое бытие». И многая таковая помышляя и рече: «Яко возвеличишася дѣла твоя, Господи, вся премудростию сотворил еси».

И се рекъ в Вавилонъ поиде, якоже нѣкий человекъ на уреченное мѣсто на умертвие свое идяше. Тогда убо Александръ царь, всего свѣта государь, смерть свою помышляя и неутѣшимъ бываше. Егда же приспѣ на поле, нарицаемое Сенаръ, в земли, зовемой Авсидийстей, идѣже праведный и богатый Иевъ жилъ бѣше, и ту Александръ станомъ своимъ стал, силнии же воиски по тому полю падоша. Велможи же Александровы скорбна его зряще и жалость его изменить хотяще, на гору високу его возведоша и всему воиску вооружатися повелѣ, на поли на ономъ на единомъ мѣсте собратися повелѣ. И сих позрѣвше, ко Александру рекоша: «Александре царю, силный господине, почто скорбию великою потопляеши сердце свое, зриши, се толицемъ людемъ сотвори тя Богъ ныне царя, да подобаетъ тебѣ веселитися и радоватися велми». Александръ же главою покивав и прослезився рече: «Зрите ли всихъ сихъ, в пятидесятныхъ лѣтахъ вси под землю зайдутъ». Бѣ бо ту видети болши *паче мирьяд* тысячъ людей, коней же безчисленное множество; бяху ту собрани вси языцы: индѣяне, и сирии, и мидии, и евреи, и финицы, еглефи, еламити, и халдѣи, и лидии, и нѣмцы, и греки, и инии восточнии и западнии языцы вси. И ту Александръ великий пиръ войску своему сотвори. И ту от востока и до запада и сѣвера и юга и от моря всего вси власти и князи со многолѣтними данми и с поклономъ ко Александру приидоша.

В той же день прииде от Македонии от матери Александровы Алимпияды царицы казател его и учител Аристотел. Видевъ его Александръ и возрадовася велми и за выю его примъ и облобызаше его сладко, глаголя: «Добро пришел еси, многочестная и безцѣнная глава, добре пришел еси, неугасимый светилниче и казателю всему миру, философе великий и казателю дивный Аристотелю; добре пришел еси ми, егоже мудрости подивишася *еллини*, емуже почюдишася халдѣи, его подивишася хитрости египтяне и волховнии мудрецы. Но возвести ми убо, чюдный во человекѣхъ, любимый мнѣ дидаскале, [\[106\]](#) учителю мой, како западная страна мируеть, жива ли есть вселюбимая мати моя и сладкая Алимпияда царица, и како, яже о нас, по всей вселенней чюется. Вѣрно ли человекомъ есть, яко, всю примше землю, рая доидохомъ и многъ, егоже ты в книгахъ своихъ указуеши и край земли во

Едеме на востоце; и того бо рая близу доидохомъ, и до Макаринскихъ отокъ во Акияньстеи рецы, идѣже еллинстии мудрецы и душамъ человѣческимъ, глаголютъ, быти. Но то аз души ни единая не вѣдих, но якоже со истинною макаринский князь нам сказа, не ту имъ, глаголетъ, быти, но в долнейших земли, во адовых реках, и ту имъ ждати, рече, ослабу и откупление от вышняго промысла и великаго Бога Саваофа». И се Аристотел слышавъ подивися, ко Александру тако отвеща: «Благодарю Бога, сподобльшаго мя видѣти свѣтлое и красное лице твое, и сильный, и славный, и дивный в человѣцѣхъ, всего свѣта государю, великий Александре царю. Вселенная бо вся, иже о тобѣ чюдишася велми, возрадовася зѣло о великой славе твоей, елика Богъ даровал ти есть, якоже ни единому другому человѣку. Македонская земля и радуется и веселится, цветет, яко кринь межу земьскими царствии и Бога непрестанно молятъ за тя всегда, другаго не имають такового добыти ни царя, ни господина, якоже тебе, Александре. Вѣдомо да есть тобѣ, яко вселенная вся недостойна есть ни единому власу от главы твоя падающу. Госпожа твоя мати благо днесъ здравствуетъ и жалостно тебѣ позираючи видети или слышати, мирно в Македонии царствуетъ, и жалостию и радостию умъ пременяючи, во страхе всегда сущи, в недоумѣнии бывши, хочет бо сподобитися видети лице твое свѣтлое. *Молит* бо тя много, глаголющи: “Не преслушай мене о семъ, всѣлюбезный мой сыну и милый свѣте очию моею, но услыши мене, насытитися твоя свѣтлости и со всечестною твоею свѣтлостию царицею Роксаною. Аще ли тобѣ в Македонию невозможно приити к намъ, к царству твоему приидомъ, идѣже ты повелѣши, и твоего насытитися мнѣ сладкаго вида, живот бо свой вскорѣ смерти изменить имамъ”».

О сихъ словесех Александръ умилися и рече: «Блажю всякого сына, отеческому повинующеся повелѣнию». И се рекъ, Аристотеля за руку примъ, на обѣдъ сяде. Все же велможи его, велиции князи и господства земьская по достоянию и по подобию *сѣдоша*. Филона же и Птоломѣя и Селевка на особномъ столѣ посади близу царския трапезы конец подножия. Аристотеля же и учителя своего и Лаомендуша, Поликратушева сына, егоже любяше зело, конец престола своего на шестом степени посади близу царские трапезы конец подножия. Преполовившуся обѣду, воставъ Аристотел, дары Александру и царицы принесе, иже бѣше послала ему Алимпияда царица, мати его. И принесе ему стемы двѣ, едину Александру, а другую Роксане, великии с великимъ жемчюгомъ и с камением многоцѣнным; и два фарижа бела, оседлана слоновыми седлы с камениемъ и со златомъ и серебромъ; и 100 коней зобных, и кучму царскую з жемчюгомъ и с камением многоцѣнным; и 1000 оклопий, приставленных на лвовых кожах, и 4 роги слоновых, и два перстни драгии, и хакизмо парижское от коркодиловы кожи и з жемчюгомъ и с камением многоцѣнным, и 100 блюд златых настольных, и листь, имеющъ сице: «Всесладкий и вселюбезный и милый свѣте очию моею, Александре сыну, всего свѣта царю, вселюбезная и вождельная мати твоя Алимпияда пишу. Вѣдомо да есть царству твоему, яко отнелѣже в Македонии видѣния твоего разлучихся, оттоле сердце мое и душа рат межи собою сотвориста велику и умирिति их не

могох, да всегда со слѣзами ихъ внимаю, твое помышляюще от мене разлучение, сыну мой; и вся царская богатства и злата и ни во что же вменяю, твоего помышляющи улишения. Не *так* аз немилостива есмь, якоже мнится тобѣ быти. Да еще возможно тобѣ к намъ в Македонию приити, еще ли тобѣ невозможно есть, мы к царству твоему приидемъ, да твоего насыщюся всесладкаго вида, живот бо свой, сыну мой, вскоре смертью заменю».

И тако скончавшуся обѣду, нѣкий от велмож его рече ко Александру: «Александрѣ царю, достоинъ тебѣ от земель болшия дани взимати». Александръ же к нему рече: «Ни градаря такового ненавижу, иже и с корениемъ зелие исторгающе».

И ту Александръ на гостѣхъ той узрѣ персенина нѣкоего от велмож своих и стара велми, иже брану свою *вапсалъ* бѣше, яко млад чловекомъ указывается. И рече ему: «Любимый мнѣ и милый Каньсире, иже кая полза от вопсания сего хощетъ быти, колѣна ногамъ своимъ *вопсай*, има же да укрепится; еще ли псаломъ старость крепиши, ни глаголю тебѣ — не вопсайся, — яко да вапсило тебѣ не превратит мене себѣ млада, и старостию напрасно умрети имаеши». О семъ власти его много смеялися.

Другий же нѣкто велможа у Александра бѣ, емуже имя Александръ, страшлив же сий бѣше велми, и всякого боящеся и из бою утекаше. Александръ же к нему рече: «Чловеке, любо имя измени или нравъ; и мое имя тобою срамотно есть».

И в той же день ко Александру приведоша 3000 гусарей и рекоша ему власти обѣсити сихъ всѣхъ. Он же к ним рече: «Да коли лице мое видели суть, то не иматъ ни единыхъ ихъ умрети; судьямъ бо дано убивати, царю же дано есть миловати». И сотвори ихъ Александръ ловцы собѣ.

И въ тии дни приведоша ко Александру чловека индѣянина, славно такова стрелца глаголаху быти, яко сквозѣ перстень стрелу простреляше. Александръ же стреляти ему повелѣ. Он же не хотѣ. И паки ему в другой повелѣ и он не восхотѣ же. Александръ же повелѣ ему главу отсеци. Ведуще же его и рекоша ему: «Почто, чловеке, животъ свой отдаде за едино стреление?» Он же к нимъ рече: «Десять дний имамъ отнелѣже за лукъ не приимахъ, и убояхся, яко предъ нимъ погрешу и славу мою изгублю». Сии же Александръ слышавъ и похвали его много и с честью отпусти его, зане изволи смерти, нежели славу изгубити.

И ту Александру нѣкий от воинник приступивъ и рече: «Великий царю Александре, дщи едина у мене есть и ныне омужити ю хочу, да помози». Александръ же 1000 талантъ злата ему дати. Он же рече: «Много ми есть, Александре царю». Александръ же рече ему: «Царский даръ велику честь требует».

И ту Александръ Аристотеля, учителя своего, дарова, стему велику дасть ему, и одеяние многоцѣнное Пора, индѣйскаго царя, 10 тысяч талантъ злата, 10 кулобъ великого бисера, и в Македонию его посла, повелѣ ему привести матер свою к себѣ, Алимпияду царицу, на стан великий к нему во Египетъ в Палестинской земли. Сам же ту с Роксаною царицею оста.

И ту Александру человекъ нѣкто прииде и рече ему: «Царю Александре, преж ихъ малыхъ дней, ловящу ми при краи реки на Тигре, сокровище велико изнаидоша злата; да еще хочещи, поиди и возми сие, много множество есть». Александръ же рече к нему: «Всяко злато въ Божиихъ руцехъ есть, да еще хотѣл бы Богъ, мнѣ бы явилъ, но понеже тобѣ есть объявилъ, да поиди, возми сие». Он же ко Александру рече: «Елико требовах, от него взях, останок же возми ты, царю. Множество бо есть много, два дни и двѣ нощи елико хотѣхъ и носих, ктому же не требую». Александръ же подивися сему и, на конь всѣдъ, на мѣсто то поиде, множество же злата виде и рече: «Егда от Дариевыхъ сокровищъ злато сие есть». И тако повелѣ всему войску взяти. И толико его множество бѣ, елико вси до воли взяша, Александру же сто кубловъ от него оста.

Сему же бывшу, и се Алимпияда царица, мати Александра царя, от Македонии прииде. Александръ же и вси цари и велможи нарядивъ и во всей силѣ и войско свое направи, кони поводныи великии под бисерными седлы и златыми учреди, и трубы гласовныи, и органи, и тимпаны псалтырныи, и мусикийскіи хитрости по достоянію урядив, и колесницу велику со златом и бисеромъ и с каменіем украшену на стрѣтение матери своей посла. И преж себе Роксану царицу посла, 1000 владыкъ посла с нею. Видѣвши же сие Алимпияда возрадовася велми и позираючи на ню, дивляшеся добротѣ ея и лѣпости, изрядному ея разуму; и сладко сию обლობызаючи и к сердцу своему прнгорнувши, рече: «Благодарю тя, Боже мой, яко далъ еси Александру подобну ему жену. Добрѣ обрѣла тя есмь, сердце, и душе, и милый свѣте очию моею, вселюбезная дщи моя Роксана». Роксана же к ней рече: «Добре пришла еси, и великая и свѣтлая, всего свѣта царица, государя моего мати, мнѣ же госпоже, Алимпияда царица». И тако на колесницу вседоша и поѣхаша. По том же Александръ срѣте их в чюдной великой и дивной порастаси со всѣми своими вои и велможи, вси же на великихъ конехъ и всякий велможа предъ своимъ полкомъ в царской стеме и на златой

колесницы направи ъхаша. Александръ же ъха у великой толши македонскаго стана на великом кони в финическом одеянии, на главѣ же его перская кучма стратокомилowym перьемъ, на кучме венець Клитоврии, амазинской царицы. Егда же близу сташа, тогда царицы обе слезоша, саговѣ свияне по полю тому вергоша, и ту на них ставше, Александра дождаше. Александръ же от далеко с коня на землю ссяде и с велможами своими к матери прииде пѣшъ. Мати же его видѣвше, за горло его похвати и сладко целующи и рече: «Добре обрѣла ты, сыну и всего свѣта господине, Александре царю». И се рекши, к станомъ поидоша. Бяше же видети ту дивный чюдный и красный станок. Егда же к стану приѣхаша, тогда полкове по достоянию разрядишася и рядомъ около их оба пол идяху. Все же трубы псаловныи удариша, органы и прасковицы, различнии мусѣкийскіи свѣрили; и не бѣ ту слышати и ни единого гласа от трубнаго вопля и от коньскаго уристанія. И тако в станъ свой приидоша. Велможи же по достоянию сядоша. Александръ же сѣде на великомъ своемъ на златомъ престоле, о правую же страну сѣде его мати Алимпіяда, о лѣвую же страну сѣде Роксана, жена его; и ту веселящеся много. Александръ же начать ей сказывати боеве все великии, иже сотвори з Дарием, царем перскимъ, и прочими восточными и западными цари. Сие же слышавши Алимпіяда царица дивлящеся. И тако повелеваше трубамъ ударити, иже зовутца сирини намелии.[\[107\]](#) Таковы же органы суть: 3000 писковъ имають, гласове же все различни суть, дебели, и тонцы, и высоцы, и низцы, и тако жалостно слышати их и сладцы, яко всяки человеческий разумъ дивлящеся. И ту веселившеся много Александръ царь со Алимпіядою царицею, матерею своею, и с Роксаною царицею, с престола воста, цари же в шатры разыдошася.

Во единый от дний повелѣ Александръ младымъ витязем торгатися; в другой же день из луковъ стреляти; во иные же дни нѣкую игру играху, иже зоветца каруха,[\[108\]](#) дивна же есть и чюдна зело.

Тогда ко Александру приступиста два витязи македонина, иже Александръ велми любяше, от млада их бяше сохранилъ; брата же присная бяху, матер же в Македонии имяху, за многая лѣта сию не видели бяху. Она же имъ часто поручеваше и писаше многа, яко приидуть к ней в Македонію видети их. Они же любви Александровы отторгнутися не могуще, во мнозѣхъ лѣтах к матери своей не приидоша. Мати же их, твердую вѣру ко Александру видѣвши, яко отторгнутися от его любви не имають, дивно чюдно и диво достойно сотвори и повести велицей. Отравный ядъ со ухищрениемъ у глакизме примеси, иже наричется рефне, и то сотворивши, и сыномъ своимъ посла и листъ писа к нимъ: «Сладкими сынома моима и милыма красными двема, Левкудушу и Врионушу, любимая ваша мати Менерва, вамъ пишу радоватися. Вѣсте добре, сынове мои, яко се 20 лѣтъ лица вашего не видѣхъ, ни вы мене узрите; многожды бо к вамъ писах, желаящи вас видети, вы же всегда поручаетесь, глаголюще, яко: “От любви Александровы отторгнутися не можемъ”. Да вѣдомо вамъ буди, сынове

мои, яко всяка слава и богатество во своих почтено есть и сладко, в чюжих же вамъ сущим, ни во что же злато бо ваше... мертво лежитъ. Да клятвою заклинаю васъ, во млеко, еже воскормихъ васъ, яко приидѣте и видите мя. Аще ли Александръ васъ не пустит, гликизмо вамъ рефно дахъ, и Александру вкусити дайте, егда бо от него вкусит, в той час вас отпустит». Левкодушъ же и Врионушъ листь матери своея прочетше, Левкодушъ же матери своей зазрѣвъ и посмѣяся, Врионуша же зелие то возьмъ и сохрани. Левкодушъ же к нему рече: «Заверзи сие, не имать ни единыя ползы в немъ». Бяше бо Левкодушъ конюшей бояринъ у Александра царя, Врионуш же чашу подаваше Александру царю. Врионуш же лукавое на сердцы своемъ держаше, просил бо бяше у Александра Македонскаго царство многажды, Македонии; Александръ же к нему рече: «Всю вселенную разделить имамъ, Македонии же никому не дамъ, до живота бо имамъ владѣти ею самъ, по смерти же моей да владѣти будет, кому Богъ дастъ Александров нарокъ... и крѣпка десница, и острый мечъ». О семъ Врионушъ на Александра злобу имый, зелие оно хотѣ Александру подати. Возрѣ же на красоту лица его, паки не восхотѣ, и держа сие 6 лѣтъ, не могый Александра отравити, не даваше ему брат его Левкодушъ, но караше его, глаголя: «Бойся Бога, о человекѣ, не убивай мужа дивна и чюдна, егоже мудрости еллини подивишася, егоже храбрости перси и индѣяне почюдишася, от негоже потрясся вся подсолнычная земля, восточная и западная и южная и сѣверная, егоже убояшася вси морстии отоцы. Аще бо сего погубиши, брате, то вес свѣтъ смертию смести его хочещи и самъ злѣ умрети имаеши». И хотяше Левкодушъ Александру сказати сие, но Александръ бы ему не вѣроваль, понеже Врионуша любяше зело. Птоломѣю же воеводе сказати хотяше, но размысливъ рече: «Аще брата моего убьютъ, и мене с нимъ убьютъ». И Врионуша часто караше. Он же сего не послушаше, добре бо рече: «В неразумное сердце терние внидет, и вскоре не изыдет».

Исперва бо от лукавых женъ убийство сотворися, якоже древле Евга ради от древа райския пища отлучихомся, Соломан бо, мудрый во человекѣх, женою лукавою ада наслѣди, и Самсону великому в крѣпости и женское ухищрение одолѣ, Иосифъ прекрасный от лукавыя жены много претерпѣ. И ту бо великого Александра, макидоньскаго царя, лукавство женское постиже.

Во един бо день Александръ гостбы велики велможемъ и во емъ своимъ сотвори. В той бо день дары от Востока ему принесоша. И на томъ обѣде велику веселость сотвори. Има же Александръ чашу самотворну от андракса камня, и дивна бяше и многоцѣнна велми, тою же всегда Александръ пияше. Тогда Александръ женѣ своей Роксанѣ тою чашею напив подаваше. Врионуша же сие чаши не соблюде и, ко Александру сию чашу несоша, и испусти ея из рукъ, и разбися. Александръ же о семъ разсердився, Врионуша побранихъ мало. Врионуша же за злобу ону на умъ возьмъ и сие на сердцы храняше на своего си благодателя безумно, и ту его хотя отравити, но не дасть ему братъ его Левкодушъ.

Таков бо сий лукавъ бяше и гордивъ, зломнивый Врионушъ, помышляше бо в себѣ, глаголя: «Аще Александра отравлю, царь всему свѣту буду».

В той день приидоша ко Александру от Иеросалима иевреи, принесоша ему шатеръ великъ велми и сказаша ему, глаголя, яко пророкъ Иерѣмѣи умре. Александръ же сие слышавъ и оскорбися немало.

И в той день приидоша к нему мужи мнози от града, егоже создал бяше, Александрию, ко Александру рекоша: «Царю Александре, град, егоже еси создал бяше, Александрѣю, не можемъ никако жити в немъ». Александръ же рече: «За что?» Они же к нему рекоша: «Змѣй великий от реки египетцкие изходитъ и людей ухватает, и ядомъ умирають». Александръ же к нимъ рече: «Идѣте во Иеросалимъ, и *кости* пророка иеврейска Иеремѣя взявше, на крестъ града сихъ уздайте, того бо молитва ядъ исцѣлетъ змиин». Они же шедше и тако сотвориша, и от того часу и до нынѣ змѣй во Александрѣи человѣка ухватити не можетъ.

И в той день жена нѣкая, ко Александру приступивъ, сии рече: «Александре царю, муж мой злобит мя и бранит мя много». Александръ же рече: «Всякой женѣ глава есть мужъ, мнѣ же нѣсть дано судити жены пред мужемъ». Она же Александра понудити хотящи, да мужа еи убьет, и рече: «Царю Александре, мене убьетъ, тебѣ же невѣренъ есть». Александръ же к ней рече: «Нѣсть ти дано мужю судити, во царствии бо моемъ жены да не судят мужем. Горе бо человѣку, имже жена обладает, горе бо, — рече, — земли той, в нейже жена царствуетъ; о горе тѣмъ людемъ, имиже жена обладает, жена бо на едину потребу от Бога сотворися, дѣтородства ради; мужу же жена подручна есть». И се рекъ и языкъ ей повелѣ урѣзати.

В той же день двородержъцы приступиша ко Александру и рече Дандушъ, милостный и любимъ бяше велми у Александра и вѣренъ ему есть, кротокъ же сии тѣломъ, но храбръ велми и конникъ добръ воинъ велми, ко Александру рече: «Государю великий, царю Александре, подобно есть, яко власти твои домове свои да видят, много бо лѣтъ, яко отнелѣже от домов своих зашли суть». Ту Александръ повелѣ дары многоцѣнны принести и ту велможи свои повелѣ дарити царскими стедами многоцѣнными, и диядимами, и великимъ царскимъ одеяниемъ, индѣйскими и перскими фарижи, и много множество неизчетно злата и бисера разда. И тако всякому во свое царство отправитися повелѣ. Сам же с матерею своею и з женою своею и свободными витязи в Виталский горы ловити поиде.

В той же день Врионушъ ко Александру приступивъ, рече: «Александрѣ царю, дай мнѣ Македонское царство». Александръ же к нему рече: «Любимый мой Врионуше, я всему свѣту царь есмь, но людие македонскимъ царемъ зовут мя; но возми собѣ Ливию, и Киликию всю, и великую Антиохию». И сего же Врионушъ не восхотѣ, но помышляше во умѣ: «Аще Александръ умретъ, всему свѣту царь буду». И тако яд растворивъ, Александру дасть. Александръ же сие вкушъ, в той час студен бысть яко крошецъ и очюти, яко отравленъ бысть и рече: «О любимый мой и милый врачу Филиппе, вѣдомо да есть тобѣ, яко в сладком вине вкусих горкий ядъ». Филип же сие слышав и стему з главы поверже и былия нѣкая теплейша с целым теряком^[109] Александру дасть пити. Сие же слышав Врионушевъ братъ Левкодушъ, Александрове смерти очима не могый видети, на меч налегъ, прободеся. Александръ же ко врачу своему Филиппу рече: «Можеши ли от смерти избавити, Филиппе?» Филипъ же рече к нему с плачем: «О всего свѣта царю, идѣже хочетъ Богъ, побежается естества чин, да не возможно ми есть помощи дати, понеже ядовитая студень преодоѣвает сердца твоего теплоту. Но сие помощи ти могу: три дни живъ будеши, дондеже вся царства урядиши земская». Сие же Александръ слышавъ и главою покивав и рече, прослезився: «О суетная слава человѣческая, како вмале являешися, а вскоре погибаеши. Но добре рече рекии: “Нѣсть на земли радости, иже не приложится на жалость, ни есть слава, иже не преидеть”. О земля, и солнце, и твари, плачитесь днес мене, вмале бо на свѣтъ явихся и вскоре под землю отхожу. О земле, мати моя, красныи человѣки упитаеши, напрасно к себѣ приемлеши. О неуставная человѣческая чести, како мнѣ тихо посмеяся и напрасно паки мене к земли отсылаеши. Всесилнии и всемошнии и любимии мои македоняне, аще возможно вамъ смерти мя избавити днес, да с вами всегда буду, бийтесь с смертию ныне за мя, похитити мя от вас пришла есть». Се же слышавше македоняне и с плачем великим ко Александру глаголаху: «Александрѣ царю, сильный государю, аще возможно есть смерти откупити тя, животъ нашъ вси дали быхом за тебѣ, но сие намъ невозможно есть. Но ты добре на земли пожил еси и смерть твоя почтена есть болши, нежели чий животъ. Походи, Александрѣ, походи на уготованное тобѣ мѣсто, на земли бо добре царствовал еси, и тамо рая наслѣдити имаеши».

Филип же, Александровъ врачъ, мску живу разсѣкъ и в ню всади Александра. Александръ же вся земьская царства и великия государства и вси князи и власти по достоянию урядив. Алимпияду же матеръ и Роксану царицу примъ, Филону призвав и Птоломѣя и рече: «О любимая моя присная два брата, Филоне и Птоломѣю, жену свою и матер свою предаю вамъ ныне, яко мою поминающе сердечную любов, сихъ почтено до смерти дохраните; Македонское же царство добре соблюдайте. Тѣло же мое в Александрѣи положите; мене же паки узрѣте тогда, егда мертвии от гроб востанут. Но вѣдомо да есть вамъ, яко напоследокъ лѣтом перси Македониею обладати имуть, якоже мы днес персы». И се рекъ Александръ, Роксану за руку примъ и сладко ею облобызаше, глаголя: «О Дариева дщи, мой милый свѣте очию моею, всего свѣта царице Роксано, вѣси ли, отнелиже любов моя *приплѣте* к

тебѣ, колко извѣщания сердца моего указах тебѣ, якоже ни единъ муж к своей женѣ, такоже и ты указа мнѣ любов и честь вѣрну соблюде, якоже ни едина жена ко своему мужю. Вѣдомо да есть тобѣ, яко ныне любовь наша расторгнутися имаеть, отхожую убо во адъ, отнюду же возвратитися не имам. Остани з Богомъ, милая моя любви». И се рекъ Александръ, целовав, отпусти. И тако властели на целование призва и со всѣми по ряду целовася и с плачем к нимъ рече: «Любимии мои и милии македоняне витязи и вси прочии языцы, Александра другаго не имаете изнайти». И се рекъ, глаголя: «Приведите ми великаго моего коня Дучипала». Дучипал же, видѣ Александра умирающа, жалостно проржа и ногами землю бия, Александров облобызаше одръ. Александръ же за гриву сего похватив и рече: «О милый мой Дучипале, некому другий Александръ всядет на тебе». И ту Александръ Врионуша оного зазрѣвъ и к нему рече: «О милый мой любимый Врионуше, ни вѣси ли, колико благая же сотворих тобѣ, почто зло за добро воздал ми еси, почто отравнаго яда напои мя. Но проклят да есть господи́нь той, иже государьскаго убийцу хранить, и проклят да есть, иже ... блудника хранить, и проклят да есть господи́нь той, иже здавцу градцаго хранить, но злаго убивъ, да ся зла укротит». И ту Дучипаль скочивъ, Врионуша зубы за горло ухвати и к земли его притиснувъ, ногами до смерти уби. Александръ сие видѣвъ и рече: «Пий, брате Врионуше, яже ми еси предал чашу». Птоломѣй же разсѣкъ его, псомъ повелѣ повреши. Александръ же на властели и на велможи возрѣвъ и рече: «О любимии мои и милии, всего свѣта царие велиции и велможи и прочии витязи, како всю вселенную прияли есмо, богатую и пустую землю, и рая доидохо́мъ оно́го, идѣже Ада́мъ, праоте́цъ нашъ, бѣше; и вся красная земли видех, и вы́сину неба разумѣхъ, и глубину моря узнах, но убежати не могох напраснаго смертнаго серпа. Вы, зряще мя умирающа, помощи ми хотите ли и не можете. Но пойду убо, идѣже суть вси от вѣ́ка умершии, вы же останете з Богом, мене до смерти своей поминающе; и видѣтися имамъ с вами тогда, егда мертвии от гробъ востанут на Судищи оно́мъ страшномъ и на великом торжищи». И се рекъ Александръ, издыше, в земли нарицаемей Гесем, [\[110\]](#) во странѣ Халдѣйстей, близу Египта, в Межурѣчьи Сѣверстемъ, на рецѣ Ниле, на мѣсте, идѣже Иосифъ Прекрасный седмъ житницъ фараону царю сотворилъ бѣше.

И толикъ плачь и жалость сотворися ту, елико никто нигдѣ видѣ, ни слыша. И тако велможе, взявши тѣло его, во Александрѣю донесоша. Плакавши же мати его, Олимпияда царица, и Роксана царица, и цари, и велможи, и вси князи земьстии, и жены, и дѣти, и несмысленни скоти. Роксана же царица одеяние многоцѣнное на себѣ до земли раздра и власы главы своя простерши, с плачем жалостно ко Александру яко к живу глаголющи: «О Александре, всего свѣта царю, сильный господине и государю, писматар ли мнѣ бѣше, понеже в чюжихъ земляхъ мене остави? Сам же яко солнце заиде с солнцемъ под землю. О земля, и солнце, и горы, и холми, плачитесь со мною днес, и точите *очи* мои источник слез, дондеже озеро наполните и горы напоите пелыневу горку, ядовиту мнѣ зело». И се рекши, на двор повелѣ излѣсти, сама же по конецъ Александра сѣдши, яко жива его облобызаючи, глаголаше:

«Александре, царю, македонское солнце, аще ми есть с тобою умрети, тебѣ разлучитися не имам». И се рекъ, меч Александровъ взявши и на нь налег, живот свой сконча. Птоломѣй же и Филон столпъ великъ создаста и высокъ среди Александрии града и на немъ ковчег златъ, тѣло же Александра царя и Роксаны царицы поставиша, идѣже до днес ту стоит. Велможы и цари и всякъ отѣиде во свою землю. Александрѣя же царство Птоломѣю прилучися. Аминь.

[1] *...создавши собѣ храмъ... седмъ утвердивша столпъ.* — Ср. Притч. 9, 1: «Премудрость созда себе храм, и утверди столп седмъ».

[2] *...Таркинию-царю.* — Историческая традиция относит правление последнего римского царя с именем Тарквиний к VI в. до н. э. В «Сербской Александрии» Тарквиний упоминается еще один раз.

[3] *...Иеремѣю пророку...* — Временем деятельности библейского пророка Иеремии считается также VI в. до н. э.

[4] *...Криксу сыну, Дарию...* — Дарию, сыну Кира. Современником и противником Александра Македонского в войне был Дарий III, не сын Кира, основателя персидского царства (VI в. до н. э.), а лишь один из его далеких преемников.

[5] *...Нектанав...* — В истории Египта было два царя с именем Нектанеб. Нектанеб II (IV в. до н. э.) вынужден был из-за нашествия персов бежать из своего царства. Во всех рецензиях (версиях) сочинения Псевдокаллисфена (α, β, γ, ε, λ и др.) египетский царь Нектанав назван отцом Александра; однако нет оснований сомневаться в том, что отцом исторического Александра был Филипп.

[6] *...Ридийскимъ странамъ...* — Придийским, т. е. фригийским. Фригия — название, отмечавшее в древности не всегда одну и ту же область в Малой Азии.

[7] *...«избранне муж».* — По-гречески «Александр» значит «защитник мужей».

[8] *...перси, ивери, арапи, кияне и ефиопи, еглаги...* — Среди них легко отождествляются с историческими народами лишь персы, иверы (грузины), арабы и эфиопы.

[9] *...египецкии крайшницы... Верверехъ...* — Правитель соседней с Египтом области (Берберии). «Крайштник» значит «соседний», «пограничный». Имя «Верверех» происходит от названия области и племени берберов.

[10] *...леканомандию...* — Леканомантия — разновидность гадания на воде, от греч. *λεκάυ* (блюдо, миска) и *μαντεία* (предсказание).

[11] *...в Филипус, е Македонъский градъ...* — В греческом тексте город назван «Филиппы». В «Сербской Александрии» под Филиппусом имеется в виду главный город Македонии, т. е. столица Пелла. А. Н. Веселовский сообщает, что в «Греческой народной книге» (сочинении, близком к «Сербской Александрии») здесь также назван город Филиппы, но добавлено: «называемый в древности Пелла».

[12] *...врач...* — Это и врач в современном смысле, и предсказатель.

[13] *...Пасидону...* — Возможно, это Посейдон, как предположил А. Н. Веселовский, одно из имен ливийского Амона; о культе Посейдона в Ливии сообщает Геродот (кн. II, 50): «Ведь первоначально ни один народ не знал имени Посейдона, кроме ливийцев, которые издревле почитали этого бога».

[14] *...Амона, и Пинеса, и Неркулия...* — Из этих имен ясным является только первое; третье — испорч. «Геракла»; во втором А. Н. Веселовский предполагал Диониса. Амон — верховный бог Древнего Египта в период фиванских династий Среднего и Нового Царства (конец III — конец II тысячелетий до н. э.). Древнейший культ Амона был в Фивах в Верхнем Египте. Одно из изображений Амона — в виде барана или человека с бараньей головой. В период последних туземных династий и в эллинистическом Египте особенно знаменит был его храм и оракул в оазисе Аммонии (в ливийской пустыне, недалеко от Мемфиса), о посещении которого Александром Великим сообщают древние историки. Греки отождествляли Амона с Зевсом, существовали его храмы и алтари у лакедемонян, в Олимпии, в греческих Фивах и др.

[15] *Аспид* — ядовитая змея, сказочный змей.

[16] *...Дафенеону Аполону...* — Вероятно, имеется в виду оракул Аполлона в Дельфах.

[17] *Целюш* — Ахилл, сын царя мирмидонян Пелея и nereиды Фетиды, герой «Илиады» Гомера.

[18] *Омир* — Гомер.

[19] *«Органъ великий»*. — Возможно, имеется в виду «Органон», сочинения Аристотеля.

[20] *Птоломѣй* — Птолемей I Сотер, основатель династий Птолемеев в Египте (IV—III вв. до н. э.).

[21] *...во грить...* — В сербских рукописях «въ съньгрите» или «у двор»; возможно, что это испорч. «в синклите» (в собрании). В греческих текстах не сказано, где происходит битва юношей.

[22] *Завес Акинтос* — Зевс-гиацинт (камень гиацинт изображал в астрологиях планету Юпитер).

[23] *Кронос* — планета Сатурн.

[24] *Фровити* — искаж. Афродита (планета Венера).

[25] *Ерьрасия* — в одно слово объединены названия планет Меркурия (Ермис) и Марса (Арис).

[26] *Волюя же глава...* — Судя по русским лицевым, т. е. иллюстрированным, «Александриям» это место понимали так, что на правом бедре коня было изображение головы быка.

[27] *Локоть* — мера длины, около полуметра.

[28] *...Раклия витязя...* — Геракла.

[29] *...Во Алимпиятцких странахъ...* — В Греции.

[30] *...близъ сущи Дафенеона и Аполона...* — Из текста непонятно, какие именно игры имеются здесь в виду. В греческих текстах сказано, что Александр идет на игры, чтобы «поклониться» эллинскому богу Аполлону, но вряд ли это означает, что Александр участвовал в дельфийских (пифийских) играх. В ранних рецензиях Псевдокаллисфена Александр участвует в олимпийских играх в честь Зевса, в «Сербской Александрии» бог эллинов всегда называется Аполлоном.

[31] *...неглиторьскими витезми...* — витязями из Англии (‘απὸ τῆς Ἑγγλητέρας).

[32] *...Фруние...* — Испорч. «Урание» («небесный»); этот же философ упоминается дальше, в афинском эпизоде.

[33] *...кумане.* — Другое название этого народа — «половцы».

[34] *...Анаксархоносъ никто, пелопоньский царь...* — В сербских текстах он назван «пелагонский», или «пелагонитьски», царь — пелопоннесский (?) царь.

[35] *...к Филипу...* — В город Филиппы, или Филипуст.

[36] *...Филон...* — В соответствии с исторической традицией Филона среди соратников Александра не было. Его также нет и в ранних рецензиях Псевдокаллисфена; в рецензии ε Филон есть.

[37] *Селевкуш* — основатель династии Селевкидов в Передней Азии, Селевк I, Никатор, сын македонянина Антиоха; участвовал в походе Александра в Азию.

[38] *...Антиох...* — В числе сподвижников Александра Великого у древних историков не упоминается. Имя Антиох встречается у Селевкидов, например Антиох I Сотер, сын Селевка I Никатора.

[39] *Андигон* — основатель эллинистической династии Антигонидов. Антигон I, был участником походов Александра, сатрапом Великой Фригии (в Малой Азии).

[40] *Щитари* — мастера, изготавливающие щиты.

[41] *Диоген...* — Диоген, кинический философ, был современником Александра; рассказ о их встрече есть у Плутарха.

[42] *...тракиньстии, и мореистии, и далматиистии, и полуцы, и гостиницы, и тривалийстии...* — Из этих имен первые три называют известные нам земли — Фракию, Морею, Далмацию; «тривалииистии» — имеется в виду народ трибаллов во Фракии, который был побежден македонским царем Филиппом, а затем Александром Великим. «Гостиницы» — испорч. «готские».

[43] *...Сивилии царицы.* — Сивиллы — древние пророчицы. Вряд ли имеется в виду какая-либо из сивилл, например сивилла, пришедшая в Рим во времена Тарквиния. Ср. имеющуюся в поздних русских списках «Повесть о Сивильском царстве»: где-то за рекой Нилом есть гора, в которой находится царство девиц «нескверных и бессмертных» и царствует у них царица Сивилла.

[44] *...андрамана...* — Испорч. «адаманта», алмаза.

[45] *...Елгаменеуша...* — Агамемнон, микенский царь, брат Менелая; предводитель греческого войска в походе против Трои.

[46] *...копие ланпандилово...* — Копье из слоновой кости.

[47] *...Якша Теломоника...* — Аякса Теламонида, одного из героев Троянской войны.

[48] *Таркнен.* — Вероятно, это римский царь Тарквиний (см. коммент. выше).

[49] *...пророка Данила...* — Книга пророка Даниила содержит историю его жизни и бывшие Даниилу видения о судьбе Иудеи и языческих царств. В «Сербской Александрии» используется видение ему овна и козла, символов царств мидо-персидского и греческого: козел вступает в единоборство с овном и побеждает его.

[50] *...Византа же и иные витязи остави далече от града Ликия.* — Эта фраза противоречит дальнейшему рассказу, где Визант основывает Византию; в других текстах «Сербской Александрии» он, подобно Антиоху и Селевку, назначается главой над тремя тысячами кораблей. Визант — согласно преданию, сын Посейдона, глава переселенцев из Милета, основавших в 658 г. до н. э. г. Византий. Никифор Григора (XIII

—XIV вв.) упоминает в своей «Ромейской истории» о столпе у восточного акрополя в Константинополе, на котором «раньше стояла статуя Византа, основателя Византии».

[51] ...*Ликеи*... — Один из городов с названием «Селевкия» находился в Киликии, области Малой Азии.

[52] ...*Триньского моря*... — Фракийского моря.

[53] ...*онтиопских*... — Испорч. «эфиопских».

[54] ...*О семь Александръ здумавъ рече*... — В данном списке пропущен текст, в котором говорится о намерении воинов Александра строить города.

[55] ...*Апридийской*... — Фригийской.

[56] ...*акедоньского*...—Лакедемонского.

[57] *Мелеуш* — Менелай, спартанский царь.

[58] ...*Приальмужа*... — Приама, троянского царя; он же назван затем Приемущем.

[59] *Вариж* — Парис.

[60] ...*Целеша краля, сына короля Прелеша*... — Ахилла, сына Пелея.

[61] ...*от камени андракса*... — Драгоценный камень красного цвета. В средневековом сочинении Епифания Кипрского о двенадцати камнях сказано, что камень анфракс рождается в Африке; находят его ночью по свету, так как он светится как свеча и блеск его ничем невозможно скрыть.

[62] ...*Менеры*... — Минервы (Афины); по-видимому, имеется в виду троянский палладий (древнее деревянное изображение Афины). В сербских списках в этом месте более понятный текст: «Вынесли ему изображение госпожи Минервы, глядя на которую дочь троянского короля, госпожа Кассандра, предсказала все, что случилось с Троей».

[63] ...*Апелонъ трогоделский*... — Аполлон дельфийский.

[64] ...*Алекидушъ*. — Имя, образовавшееся из двух — Александра и Дивуша (Деифоба?). В «Сербской Александрии» рассказ о смерти Ахилла соответствует византийским версиям истории Троянской войны.

[65] ...*Лагонискую землю*. — Пелопоннес (?).

[66] ...*Еликтора*. — Гектора, сына троянского царя Приама.

[67] ...*философа от Рима*... — Испорч. «Омира» (Гомера).

[68] ...Алелешу, <E>кторе, Якъшу, Несторе... — Искажены имена: Ахилл, Гектор, Аякс, Нестор.

[69] ...Федите жены... — Фетида, nereида, жена Пелея, мать Ахилла.

[70] ...Скамудруши... — Река Скамандр, протекает около Илиона (Трои). Хотя в «Сербской Александрии» встреча Александра с Олимпиадой происходит в Македонии, но место (река Скамандр) объясняется только из текста рецензии ε Псевдокаллисфена, в котором Александр и Олимпиада встречаются в Трое.

[71] Терьяха... — Гетероарха, главы над этими женами (гетерами).

[72] ...лихнитарий... — Драгоценный камень яркого красного цвета. В одной из рецензий «Александрии» Псевдокаллисфена (ε) этот камень обозначает в астрологии царя Нектанава планету Марс.

[73] ...анта гвоздия... — Ср. дальше — «оружие от акинта гвоздия», которое дарит Александру царица Кандакия. Название этого металла не объясняют и греческие тексты; возможно, что это восходит к ἄβας или ἄβαρτινος (стальной), к названию того божественного металла, который, по причине своей крепости, послужил материалом для шлема Геракла.

[74] ...Атана... — Ионафана, сына Саула.

[75] ...Сенарьское поле... — Библейское название — долина Сенаар (южная область между реками Евфрат и Тигр); это место упоминается в «Александрии» несколько раз.

[76] Сескерсен — персидский царь Ксеркс (V в. до н. э.) или один из Артаксерксов (V и IV вв. до н. э.).

[77] ...от змиевых очей. — Вероятно, это название драгоценного камня, возможно берилла. В сочинении о камнях Епифания Кипрского сказано, что в верховьях Евфрата встречаются камни «вирулиона» (берилла), подобные зрачкам драконовых глаз.

[78] Сонхос — египетский царь Сесострис, о котором пишет во второй книге «Истории» Геродот.

[79] Филинѣс — библейский первосвященник Финеес, сын Елеазара, внук Аарона.

[80] ...ты персомъ государь еси... — В других списках правильное чтение: «злодей».

[81] ...на Синарьстей рецы... — Дальше она называется Арсинорской рекой. В ранних рецензиях Псевдокаллисфена эта река, замерзающая ночью и размерзающая днем, называется Странга. Названия «Арсиния» или «Арсания» имели в древности два восточных притока Евфрата.

[82] *Пор* — царь индов; о войне с ним Александра, закончившейся поражением Пора и взятием его в плен, сообщают древние историки (Диодор, Арриан, Плутарх).

[83] *...Кандаркус и Аризванъ...* — В предшествующих рецензиях «Александрии» Псевдокаллисфена убийцы называются Бесс и Ариобарзан.

[84] *...соколов взводных...* — В сербских текстах Александру выносят охотничьих соколов и грифов, на которых можно подняться в небо.

[85] *...Клиса, лидоньского царя...* — Вероятно, это Крез (Крис), последний лидийский царь (VI в. до н. э.).

[86] *...птицы...* — Испорч. «питици», обезьяны.

[87] *...Ираклия царя... и Серамиды царицы...* — Царь Ираклий (Геракл) и царица Семирамида, ниневийская (ассирийская) царица. Древние авторы приписывают ей основание Вавилона; ей же приписываются походы и завоевания до самой Индии и оазиса Амона в Ливии. В ранних рецензиях Псевдокаллисфена рассказывается о двух статуях, до которых дошел Александр в своем походе на восток. Одна из них была золотой, другая серебряной, и поставлены они были Гераклом. Арриан сообщает, что Александр прошел по трудной дороге к столице гидросов в Индии, не желая уступать в славе царице Семирамиде и царю Киру, единственному, кому до него удалось здесь пройти. В «Сербской Александрии» на основе тех же имен представлена совершенно другая история.

[88] *...Тракинскую землю...* — Фракийской землей.

[89] *...Гион, Фисон, Тигрь, Ефратъ.* — Эти сведения о четырех реках восходят к Библии; в средние века Гион (Гихон) отождествляли с Нилом, Фисон с Индом (или Гангом), т. е. главной рекой Индии.

[90] *...Алфион...* — Имеется в виду река Инд (Фисон — в средние века).

[91] *...хинкире и наасаре...* — Первое (хинкирь, хонкиарь), вероятно, от тур. *hünkar* — повелитель (титул османского султана), второе, возможно, восходит к арабскому корню *nasr* (защищать, помогать).

[92] *...Илиюполь...* — Гелиополь («Город Солнца»).

[93] *Темиштра* — в греческих текстах — Клитемнестра.

[94] *...Мизаньскую землю...* — Землю амазонок.

[95] *...мерьсилоньского...* — Берсилия (Мерсилия) — область на Северном Кавказе, где жило хазарское племя берсилов.

[96] ...невидимымъ тваремъ... — Конечно, здесь в издаваемом списке ошибка, и понимать нужно так, что Александр помолился Богу, «невидимому тварем».

[97] ...сунклитом. — «Сунклит» (ἄσύνκλιτος) значит «неразрушимый».

[98] ...готти, магогги... — Эпизод затворения Александром нечистых народов является заимствованием из средневекового сочинения «Откровение Мефодия Патарского»; отсюда же и этот перечень нечистых народов (Гог и Магог в Библии).

[99] ...Клеопила Кандакия, царица амастридонская... — Здесь в одном лице соединены: Клеопила, упоминавшаяся у древних историков, правительница племени ассакинов; эфиопская правительница Кандака (наследница царицы Семирамиды в ранних рецензиях «Александрии» Псевдокаллисфена); возможно, Амастрис, племянница последнего персидского царя Дария, основавшая г. Амастрис.

[100] ...Евагридъ же, силурьскій царь... — В ранних рецензиях Псевдокаллисфена Евагрид называется царем бебриков.

[101] ...кучмом... — Кучма — шапка с меховым верхом.

[102] ...анфарскаго... — Испорч. «арабского».

[103] ...Мирсилонскую землю и Сѣверскую... — См. коммент. выше — земли Евремитра, мерсилонского царя (берсилов), и Северные холмы.

[104] ...Межюречие Сѣверское... — Междуречие Северское — в других текстах Междуречие Сирское (Месопотамия).

[105] ...Предекиския... — Испорч. «Придийские» (фригийские) — ср. земли, которыми владел царь Филипп (см. коммент. выше).

[106] ...дидаскале... — Греч. слово, означает «учитель».

[107] ...намелии. — Вероятно, что здесь оставлено без перевода греческое слово.

[108] ...каруха. — Это место во всех славянских списках испорчено. В греческом тексте воины Александра бросают копья и стреляют из луков; затем идет речь о χαρὲς (радости, восторге). Можно отметить только созвучие этого слова славянскому «каруха», но греческий текст не дает в этом случае возможности восстановить первоначальный смысл фразы в «Сербской Александрии».

[109] ...теряком. — «Териак» — вещество, считавшееся в древности противоядием и всеисцеляющим снадобьем.

[110] ...в земли нарицаемей Гесем... — «Гесем» — библейское название области в Нижнем Египте, где поселился Иаков со своим родом; под «Египтом» следует здесь понимать город (столицу); «Междуречие

Северское» — в других текстах «Сирское». Возможно, указывается не конкретное место смерти Александра, а область (по разделу земель она входила в часть Птолемея, ср. выше). Но, возможно, что эти названия говорят о неясности географических представлений в «Сербской Александрии». Согласно древним историкам, Александр умер в Вавилоне.

ПЕРЕВОД

ПОВЕСТЬ И СКАЗАНИЕ ИЗВЕСТНОЕ О САМОДЕРЖЦЕ, ЦАРЕ
ВЕЛИКОЙ МАКЕДОНИИ, И НАСТАВЛЕНИЕ ХРАБРЫМ НЫНЕШНЕГО
ВРЕМЕНИ. ЧУДНО ПОСЛУШАТЬ ТЕМ, КТО ХОЧЕТ

К воинству устремляющимся полезно и честно услышать о добродетельном и многоумном муже Александре, великом царе македонском, кто он есть, и как и откуда пришел, и благодаря каким добродетелям стал царем и самодержцем всей вселенной. Подобаает же читающим понимать, а понимающим — уподобиться воинству и добродетелям его, смыслу сего внимая.

Создал же великий Божий промысл себе дом и утвердил его на семи столпах. И когда простоял он пять тысяч лет и в великом Риме царствовал Тарквиний-царь, а над израильскими людьми и над еврейской державой начальствовал от первосвященников пророк Иеремия, в восточных же странах господствовал сын Крикса, Дарий, державший во власти Индию, и Египтом великим владел волхв Нектанав, бывший там царем, — в те времена Придийскими странами, и Македонской землей, и Элладскими островами владел грек Филипп, язычник. Родился у него тогда сын, и дал он ему имя Александр, что по-гречески значит «избранный муж». И действительно, он был молод, красив, для всех видящих его был смирен и благообразен. И было это не от телесной природы, но от великого Божия промысла, источника всякой благодати. Имел он к этому и естественные добродетели: справедлив, непоколебим был в слове своем, богатства все считал тленными и преходящими, к согрешающим был терпелив безмерно. Благодаря этим четырем добродетелям стал царем и самодержцем над четырьмя концами вселенной. Обо всем этом ни в книге этой невозможно написать, ни в сердце или уме неподатливого человека это не вместится. Итак, о добродетелях Александра, душевных и телесных, мы сказали вначале.

Повесть же начнем о рождении его и о храбрости его. Говорят, что он сын царя Филиппа. Однако это не так, ложь это, ибо сын он египетского царя Нектанавы, великого волхва, и Олимпиады, жены Филипповой. Случилось же это так. Нектанав, египетский царь, был силен в

чародействе и в египетском искусстве читать по звездам. Не бранями и ратями, не воинами и оружием удерживал он врагов, но имел себе в помощь чародейство и им противостоял всем городам. Поэтому все соседние цари в растерянности пребывая и страхе, собрались на совет, говоря: «Что сделаем с этим коварным волхвом, египетским князем? Все богатства земли нашей с помощью волхвования взял и к своей земле присоединил. А мы страдаем и не знаем, что делать. Но не потерпим больше этого коварного Аргуса, и, собравшись все вместе, на землю Египетскую устремимся, и Нектанаву из царства изгоним, и все свое опять себе вернем, ведь бесплоден он, нет у него наследников; ведь коварен он и пуглив, сама Египетская земля будет против него». Совещались же против Нектанаву народы: персы, иверы, арапы, кияне, ефиопы, еглаго, и иные восточные цари, и народы многие.

Увидел это неисчислимое множество народов Верверех, египетский крайник, и со слезами сказал: «О горе тебе, великий среди городов Египет! До небес вознесся и до ада снизойдешь! Руки твои были на всех, а ныне руки всех — на тебе! Сладости насытился медовой, горького пришло время вкусить тебе яда!» И устремился к Нектанаву. Прийдя, возвестил ему о нашествии с востока несчетного войска. Приступил к Нектанаву и сказал: «Да будет известно тебе, царь, что на смерть меняешь сегодня жизнь свою. Дарий, персидский царь, что считает себя богом, на границу земли твоей пришел со всеми восточными царями и ранами будет ранить Египет из-за тебя. Собери и ты все войско на битву, и устремимся против них. Ибо не может противостоять сильному войску и храбрым витязям волшебное чародейство; пусть идут царь на царя, муж на мужа, конь на коня — оба имеют помощником свою честь. Царство ведь из множества людей состоит, как и море из волн, и этим страшит плавающих». Когда Верверех сказал это Нектанаву, посмеялся царь и сказал ему: «Ты выполнил порученную тебе службу. Войско же сильно бывает не множеством людей, но крепкими и храбрыми сердцами. Ведь один лев стада оленей разгоняет, и неожиданное нападение одного волка разгонит многие стада овец. Ты же иди к порученной тебе работе и часто о врагах мне вести подавай». И сказав это, Вервереха отослал.

Сам же грамоты во все города и части Египта разослал, веля готовиться к войне и биться за землю, за отечество, за царство. Но где Бог не хочет, человек ничего сделать не может. Вошел царь в волшебную палату и начал совершать волшебную леканомандию: в золотую лохань воды налив, сделал на воде из воска два войска и увидел, что его войско побиваемо персидским и что боги египетские в корабле варваров вводят войско в Египет, — и не знал, что ему делать. И со слезами сказал: «О горе тебе, Египет! Многие годы славился ты вместе с царем своим и в один год погибаешь! Ибо нет радости, которая бы не сменилась печалью, ни славы на земле, которая не была бы недолгой и вскоре бы не исчезла». Хорошо сказано: «Надеющиеся на чародейство подобны опирающимся на воду, — как только обопрется, сразу и погрузится с

бесчестием». Не мог царь Нектанав врагам сопротивляться и пребывал в стыде и печали. Остриг бороду и голову, в полночь ушел из царского дворца и в дальний Филипуст, македонский город, пришел. Никто его там не знал, он поселился тайно в некотором месте, назвавшись врачом и искусным египетским мастером в чтении по звездам.

Египтяне же от напавшего на них войска много пострадали, ко дворцу царя своего Нектанава прибежали и, не найдя его, заплакали горько. На постели его нашли такое писание: «Любимые мои египтяне, бед ваших вынести не в силах, и в иную страну ушел, через тридцать лет вновь приду к вам». Египтяне, найдя это писание, сделали изображение Нектанава из золота и на высоком столпе среди города Египта его поставили, в руку дав ему писание его, а на голову возложили золотой венец. А сами поспешили к Пасидону, богу своему, и о Нектанаве его вопрошали. Он же во сне явился им и сказал: «Через тридцать лет придет, и от меча персидской десницы защитит вас, и врагов ваших — персов — положит под ноги ваши».

Нектанав же в Македонии был знаменит и почитался македонянами как великий врач и волхв.

Македонский царь Филипп имел жену по имени Олимпиада. Многою скорбью смущала она царя, так что царская слава и богатство не радовали его: не было у нее детей, хотя красива она была весьма. Видя ее бесплодие, царь Филипп, муж ее, терял любовь, которую имел к ней. И когда отъезжал он на войну, призвал ее и в сердцах сказал: «О милый свет очей моих и души моей, Олимпиада, если до моего возвращения не будет у тебя ребенка — очей моих больше не увидишь и на грудь мою любезно не ляжешь». И, сказав это, ушел на войну.

Олимпиада, оставшись в печали и скорби, не знала, что делать. Одна из ее отроковиц, видя, что скорбит она из-за бесплодия, сказала Олимпиаде: «Царица, есть в нашем городе человек — египтянин, муж искусный делом и словом, который может, я думаю, все желания сердца твоего исполнить, если только повелишь ему увидеть тебя». Она же, услышав это, велела скорее призвать его. И когда он пришел, говорит царица Нектанаву: «О египтянин, истинно ли то, что я слышала о тебе, — будто искусством своим можешь разрушить бесплодие утробы моей и сердце царя Филиппа утвердить в любви его, безмерную печаль в радость обратив. Вознаграждение богатое от меня получишь и македонянами будешь прославлен». Нектанав же, видя ее, неизреченному сиянию красоты лица ее дивился, стоял, и глядел на нее, и головою кивал. Она же, думая, что хочет он говорить наедине, сказала ему: «Что затрудняешь меня, человек? Если умеешь —

действуй, не медли». Он же, пораженный красотой ее, пронзен был любовью в сердце. Будучи же чародеем, говорит царице: «Смотри, царица, боги Амон, Пинес и Неркулий с тобою хотят быть. Если позволишь им войти, матерью великого царя станешь». Услышав его обманные и лукавые слова, царица очень обрадовалась, желая стать матерью. Нектанав же велел ей близ царской палаты сделать клеть малую — чтобы он призвал к ней бога Амона.

И совершил этот обман Нектанав, видя таковую жену, ибо хитер был обращать жен ко всякому падению. И сам вошел к ней Нектанав в образе Амона. А образ Амона таков: голова орла, на ней рога василиска, хвост аспиды, ноги аспидовые и львиные, крылья грифона черно-золотые. Таков вид Амона. Вошел к ней Нектанав наваждением и, побыв с нею, наваждением же и вышел.

Обманутая этим Олимпиада, приняв в сердце страх, живет в царских дворцах. Приступил Нектанав к царице и сказал ей: «Блаженна ты в женах, Олимпиада, царя вселенной приняла в чреве своем. Когда же время придет тебе родить, призови меня к себе — что тебе скажу, то и сделай».

И когда наступил час рождения, пришел Нектанав к царице и сказал: «Придержи в себе, царица, не роди, пока не придет благоприятный час, если сейчас родишь, то родишь раба, ненужного людям. Подожди немного — пока небесные планеты расположатся в подобающем порядке и стихии установятся, тогда царя над царями родишь и многоумного человека — великого Александра».

Месяца марта в двенадцатый день, в час девятый родился ребенок, и лишь только появился он на свет, плача сказал: «Через сорок лет возвращусь к тебе, мать!» Олимпиада, взяв дитя, отнесла его в храм к Дафенеону Аполлону, прося благословить дитя. И желали узнать от книжников Аполлоновых и волхвов — каким будет этот ребенок. Волшебным образом явился к мудрым Нектанав и сказал, что дитя это всей вселенной будет царем, велик будет благостию, разумом и мудростью. Отца же своего убьет и в сороковой год возвратится к матери своей, земле.

Когда же Филипп, на войне быв, многие битвы совершил и снова к македонянам возвращался, явился ему бог его Амон во сне в образе льва с золотым рогом и, на руках неся Александра, сказал: «Радуйся и веселись, царь Филипп, так как врага своего победил и сына

Александра родил — великого избранного царя». Проснувшись, Филипп об увиденном размышлял и рассказал об этом Менандру и Аристотелю — двум македонским философам. И в это время большой орел пролетел через шатер царя Филиппа и яйцо нечаянно выронил на край его одежды. Филипп испугался и с постели своей вскочил, а яйцо упало на землю, и, когда разбилось яйцо, змея из него выползла, и, когда хотела вползти обратно, умерла. Тут случился премудрый Аристотель и сказал: «Истинно то, что видел ты этой ночью».

И в тот же час пришли вестники из Македонии и прекрасные дары ему от Олимпиады принесли, возвестив о рождении сына. Филипп вскоре в Македонию вернулся, весьма радуясь рождению сына. Когда же пришел Филипп в свой город, дитя его встретило; царь обрадовался, и с любовью его принял, и целовал его, и говорил: «Радуйся, второй прекрасный Иосиф и второй храбрый Ацелеш, сегодня мне дар совершенный от Бога исходит. Если я в сей час умру — то и смерть не страшна, ибо родил дитя». После этого царь Филипп призвал великого Аристотеля, мужа искусного и отличавшегося философской мудростью и в речах и в делах, и сказал ему: «Возьми этого отрока, дарованного мне Богом, и научи его Омировым писаниям и прочим словесным искусствам».

Александр же, успешно занимаясь, «Илиаду» и «Одиссею» всю за год изучил, а «Орган великий» за второй год выучил. Поэтому возненавидели его занимавшиеся вместе с ним отроки. Всякая добродетель навлекает на себя зависть и ненависть, и всякого избранного преследует ненависть великая. Сказали ему отроки: «Если бы к Нектанаву-волхву пошел ты, он бы тебя научил движению небесного свода и значению перемены времени». Услышав это, Александр матери своей сказал: «Если хочешь меня научить, мать, — египетскому мудрецу Нектанаву отдай меня для обучения. Слышал я, что он искусен в знаниях о движении небесных звезд». Олимпиада быстро послала за учителем и отдала ему для обучения Александра, сказав: «Научи его, учитель, своему искусству». И тайно сказала ему: «Передай, Нектанав, своему от своих. Всякое богатство славно и мудрость похвальна, если взыскующим уделяют от себя». Услышав обо всем этом, отец его Филипп сказал: «Поистине отрок этот — от небесного промысла, ибо о небесном говорит учении». Нектанав же научил его всей египетской мудрости.

В один же из дней мудрый Аристотель собрал четыреста юношей — сверстников Александра, желая испытать судьбу Александра. И над двумястами поставил во главе Александра, а во главе других двухсот Птолемея, некоего юношу, сына великого воеводы Филиппова. Филипп повелел им снарядиться, и весьма красивое было зрелище, когда они стали сражаться: заняв места, удерживали их, на которых сражались;

если кого-то ранили до крови, тот выходил из боя как побежденный. Александр же всех превзошел, противников захватив; всеми юношами был прославлен как царь. Видя это, учитель его, чудный Аристотель, удивлялся, говоря: «Благочестивому мужу Бог помогает, и враги ему не вредят, а злочестивому мужу ни ближние его, ни друзья не могут помочь». И сказал Аристотель: «Господин Александр, если станешь царем земным, что мне доброго сделаешь, учителю своему?» Он же сказал ему: «Многоумному мужу не подобает прежде, чем дать, обещать. Если же вознесусь, и ты со мною велик будешь: лоза ведь не прилепляется к дальним деревьям, хотя они и высоки, но к ближним, хотя и малы они. Так же и царь, великих чтит по достоинству их, присным же верит и любит вовеки».

Обычай был у Александра — до обеда к Аристотелю ходить на учение, а после обеда, к вечеру, к Нектанаву — учиться волшебной мудрости. У него изучил он движение двенадцати небесных животных и семи планет — Солнца, Луны, Завеса Акинтоса, Кроноса, Фровити, Ерьрасия, — они были изображены на таблице в должном порядке. Видя все это, Александр учителю своему сказал: «Скажи мне, учитель, как ты достиг знания великого Божия промысла о существах сотворенных?» Он же ему ответил: «Бог великий, непознаваемый, непонимаемый, непостижимый, промысливший все, немислим никак, ему ведомыми путями явил себя человеческому роду, так что как создатель созданием своим и познается». Александр же с гневом сказал: «Все ты знаешь, о Нектанав! Смерть твоя, знаешь ли, какова будет?» Нектанав же сказал ему: «Знаю из движения звезд, что сыном своим убит буду». Александр же счел это неверным и сбросил его с большой горы — с Геотской скалы, недалеко от царского судилища, говоря: «Видишь, мастер, ошибся ты». Нектанав же, падая вниз, едва успел вымолвить: «Не осталось для тебя тайной, сын мой Александр, об этом никто не знает, кроме матери твоей Олимпиады, и тебя, сегодня узнавшего. А я, сын мой Александр, к темному отхожу аду, в низайшие места земли, где помещены все эллинские боги великим Богом Саваофом». И, сказав это, умер египетский царь Нектанав. Услышав это, Александр весьма раскаялся, на плечо свое его взял и к Олимпиаде, матери своей, отнес. Олимпиада, увидев, ужаснулась и Александру сказала: «Что это?» Он же ей сказал: «Скажи мне, мать моя, правда ли, что он отец мне?» Она же сказала ему всю правду. Александр много плакал о Нектанаве и с честью повелел его похоронить.

В то время вестник пришел к царю Филиппу и сказал: «Да будет тебе, царь, известно, что в стадах твоих появился удивительный конь, который красотой среди других коней выделяется. На правом бедре его — воловья голова с рогами, и рог меж ушами вырос с локоть». Филипп же повелел его привести. И его красоте удивился царь, и повелел сделать ему клетку железную, и преступников к нему бросать. И никто к коню тому подойти не осмеливался. Александр же приходил к нему часто; конь же, всякую оставляя ярость, кротко Александру

повиновался, царю своему и всаднику. Однажды Александр властно за ухо его взял, и с кротостью конь последовал за ним, как бык-подъяремник. Видя его кротость, Александр замок сломал, и вошел к нему, и, оседлав, сел на него, и отправился на конное состязание. Витязи македонские на то же состязание ехали, и царь Филипп с высоких палат на них глядел, любясь храбрым видом и красивой посадкой на коне каждого из них. И когда это происходило, вдруг на вологлавом коне выехал Александр. Македонские же конники с коней сошли и, как царю, ему поклонились, дивясь тому, как ловко сидит он на вологлавом коне. На ипподроме он лучше всех витязей проехал и крепкого, сильного коня с трудом остановил. И на четырех источниках город создал, и дал ему имя Драм, что значит «место для бега». Царь же Филипп удивился езде отрока на необъезженном коне и, видя это, сказал: «О горе приближающимся к македонским границам, ибо острым мечом Александра побеждены будут и падут от македонян». И потом громко сказал: «Сегодня увидел я подобие Ираклия-витязя, едущего на вологлавом коне».

После того дня собрал царь Филипп тысячу юношей, сверстников Александра, и, передав их Александру, сказал: «С ним охотьтесь и к воинскому делу привыкайте, вместе и стреляйте».

В Олимпиадских странах были сделаны две колесницы, недалеко от Дафенеона и Аполлона, восходя на те колесницы, витязи в эллинском искусстве судьбу свою испытывали. Услышав об этом, Александр пожелал туда пойти. И сказал он об этом Филиппу. Но тот не отпускал его, говоря: «Не подобает тебе, сын Александр, на олимпиадской колеснице венок получать, ибо юн ты. Однако не настаиваю, но с радостью, сын мой, иди, ободряемый». И тогда Александр, нужное себе у царя Филиппа, отца своего, взяв — витязей искусных, и быстрых коней, и все потребное для царской чести, — в Олимпиадские острова отправился. Тут были у эллинов четыре игры.

Когда Александр пришел туда, с неглиторскими витязями выпало ему состязаться — с Лаомбадаушем и с Калестенаушем, — вместе с воеводою своим Птолемеем. И когда помчались обе колесницы, и четыре витязя сблизились, и ударили друг по другу, Александр Калестенауша убил, а Птолемей сбросил Лаомбадауша. Люди города того, смотревшие на это, не помнили, чтобы перед ними когда-либо явились два столь прекрасных воина. И стоявший тут некий философ по имени Фруние сказал: «Мудрость и храбрость приобретаются не многолетием, но твердым и благородным сердцем». И спросил философ, кто и откуда Александр. Ему же ответили: «Македонского царя сын». Философ же сказал: «Слышал я от учителей, что восстанет царь из Македонии, поднимется меч от Филиппова города и он поразит все земли западные и сокрушит всех царей восточных». И добавил: «Когда

ты придешь, милостив будь к нашему городу, сын Филиппов». Посмеялся над этим Александр и ответил: «Не мое это желание, философ, но действие высшего промысла».

И, сказав это, пошел в Македонию, и, придя, узнал, что отец его царь Филипп его мать Олимпиаду прогнал, а иную вместо нее взял и на браке как жених веселится. Александр вошел во дворец к Филиппу, прославляемый как победитель. Отец с радостью и любовью встретил его и посадил с собою на пиру; сам же, раскаиваясь, сидел, склонив голову. А тот, что посоветовал ему Олимпиаду отпустить, а иную взять за себя, приступив к Филиппу, сказал: «Веселись, царь, лучшую, чем первая, взял ты, — ибо первая блудница была, эта же целомудренна». Услышав это, Александр ярости исполнился и сказал: «Не быть этому, отец Филипп, пока я жив». Рыкнул, как лев, с престола вскочил и, стол малый схватив, троих убил, а другим пришлось бежать. Видя это, Филипп в ужасе был и в страхе великом, возвратил Олимпиаду на царство, а другую отправил восвояси.

После того как это случилось, в немощь великую впал царь Филипп. Узнав об этом, северный народ, кумане, пятьсот тысяч собрались и пришли к Македонии. Царю Филиппу об этом сообщили. Филипп, опечалившись, Александра велел призвать к себе и сказал: «О любимый мой сын Александр, пришло время постоять за отеческую землю». Взяв войско, Александр устремился на бой, македонского же войска с ним было четыре тысячи. Сам он куманское войско разведal и увидел, что враги стоят в беспорядке; ночью с воинами пришел, и повелел огня много вокруг зажечь, и в трубы многогласные трубить, и из пушек стрелять. Увидев это, кумане от неожиданности испугались и побежали, и с полуночи бежали они до солнечного восхода, смешались вместе македонцы и кумане. Убито было куман восемь тысяч, македонян же — две тысячи. Александр преследовал их три дня и три ночи и убил их сто восемь тысяч. Взяв коней множество и оружия, победителем к отцу возвратился, приведя с собою десять тысяч пленных, и их пред царем Филиппом поставить повелел, и перед всеми людьми македонскими сказал: «Видите, друзья, Божий промысл предал вас в руки македонские, меч ваш наострился против македонян, а ныне притупился, царя же вашего, Атламеша, я убил, а вас в плен взял. Хотите ли жизнь свою сохранить и, землю вашу с моей соединив, заодно с македонянами быть?» Они же сказали: «Король Александр, если Бог помогает тебе, то и мы готовы тебе помогать. Поскольку царя нашего убил Атламеша, мы, господин, твои, поставь нам царя и нас в землю нашу отпусти». Заключив с ними мир, Александр поставил им царем любимого брата своего именем Ванцатура, малого телом, но великого храбростью. И куман с честью отпустил.

И когда это случилось, некто Анаксархонос, пелапонский царь, узнав про куманское нашествие на Македонию, предпринял такое злое дело. Некогда, когда он проходил мимо Македонии, честь ему царь Филипп воздал, и дары дал многие, и с почетом его отпустил. Царь же Анаксархонос, пораженный красотой жены Филипповой, с тех пор к ней любовь имел в сердце своем. Всеведущий Соломон сказал: «Человек, не уязвляйся красотой чужой жены, чтобы свою жену не увидеть уязвленной». Когда же произошло нашествие на Македонию, то, собрав двенадцать тысяч войска, он пришел к царю Филиппу, скрывая свое коварное намерение похитить Олимпиаду. Узнав о его приходе, царь Филипп обрадовался и вышел ему навстречу вместе с Олимпиадой. Увидев Олимпиаду, Анаксархонос похитил ее и бежал, Филипп же с немногими его преследовал. Тут Александр приспел, настиг войско Анаксархоноса, Филиппа же нашел поверженным на землю, раненного в голову и в правую ногу. И, недалеко пройдя, Олимпиаду, свою мать, отнял, и с восемью тысячами воинов Анаксархоноса настиг на месте, называемом Змиски; разбив войско и самого его захватив живым, привел к отцу своему Филиппу. Филиппа же застал едва дышащим. «Встань, — сказал, — царь Филипп, врагу своему наступи на горло и отомсти за себя своею рукою». Филипп же с трудом встал и, взяв меч в руки, убил его. «Печаль о доме моем снедает меня. Иди, душа моя, с нечестивыми во ад». И, сказав это, Александра благословил, говоря: «Сын Александр, руки всех на тебе и твои — на всех». И, сказав это, умер царь македонский Филипп; и стоящие тут сказали: «Кто будет противиться Александру?» Олимпиада же, тут стоя, плакала. Положив на золотой стол, Филиппа в город отнесли и с плачем великим погребли его в храме с честью.

Александр же, сын его, самодержцем стал, послал грамоты во все города земли своей, всем к Филиппу собратся повелев. Когда же собрались все македоняне, и все малые, и все великие, им Александр сказал: «О друзья мои и братья мои, милые мне более всех македоняне, Филипп, царь ваш, а мой отец, умер. При жизни своей царствовал он достойно, мне же как накажете править?» Тогда выступил мудрый Филон и сказал: «О король Александр, каждый возраст человеческий своего чина требует». Александр сказал: «Старость честна, но немноголетна». И тут стоящий Селевкуш сказал: «О король Александр, Соломон, великий в мудрости царь, в книгах пишет: “Царство из множества людей состоит, царь же, не советующийся и не доверяющий, сам себе враг, советующийся полезное сотворит своей земле”». И стоящий тут Антиох сказал: «Король Александр, старым царям подобает жизнь домашняя, ибо старые в покое нуждаются, молодым же царям следует царствовать так, чтобы, потрудившись в молодости своей, на старость покой обрели». И стоящий тут Андигон сказал: «Король Александр, следует нам пойти войной против соседних нам царей прежде, чем они сами это сделают, и, покорив их, избавиться от такой опасности». И когда эти четыре совета приняты были Александром, близкий к нему любимый воевода Птолемей сказал: «О царь Александр, подобает нам войско переодеть в светлые доспехи и знак твой на щитах написать, чтобы знали, какого царя мы воины; да не

скажут соседи наши, что мы вместе с царем Филиппом умерли». Это, выслушав, Александр одобрил и по землям царства своего послал за кузнецами и щитарями, в Филиппусте им собраться повелев. За день мастера его изготовляли вооружение для четырехсот витязей. На шлемах воинов были рога василиска с аспидовыми крыльями, и щиты были львиной кожей укреплены, попоны же для коней из крокодиловых кож были сделаны. Так Александр готовился к походу на войну.

О ПОСЛАНИИ ДАРИЯ

Дарий, царь персидский, услышав, что умер царь македонский Филипп, послал в Македонию грамоту, в которой было написано: «Дарий, царь над царями, земной бог, вместе с солнцем во всей вселенной сияющий и всем земным царям царь и господствующим господин, — к находящимся в Македонии пишу. Моего царственного слуха достигла весть о том, что царь ваш Филипп умер и отрока малого на царстве своем оставил, не укрепленного годами и молодого умом. О смерти Филиппа я опечалился, отрока же его, малого, еще не наученного, пожалел и хочу воспитать его, после чего, по царским обычаям почтив и украсив, снова в отечество его на царство возвратить. Грамоту мою прочтя, немедля его ко мне приведите. Кандаркуса же, верного мне, к вам послал землею вашею должным образом управлять. Войско ваше в случае необходимости к царству моему присылайте и дани удвоенные приносите. Дитя же Филиппа приведите к царству моему со всеми знаками царства его, ибо более сорока царских сынов в доме моем живут. Если же найду его недостойным царства, иного вместо него царствовать пошлю к вам». Эту грамоту Кандаркус в Македонию принес. Македоняне, приняв его, к воеводе Птолемею привели. Птолемей же, взяв их, в Филиппуст привел к Александру. Антиох их встретил, шлем Александров навстречу им вынес на копье и поклониться повелел. Кандаркус же ему сказал: «Если копью Александрову поклонюсь, то вы — не подданные Дария, и я не посмею очей Дариевых увидеть». Антиох же отвечал ему: «Если этого не сделаешь, жизни своей лишишься». И, подойдя, поклонился тот копью Александрову; взяв его, Антиох к Александру привел. Войдя в царские палаты, Кандаркус увидел Александра, сидящего на высоком престоле, украшенном чистым золотом, зеленым камнем и слоновой костью. Подойдя, посол поклонился царю и грамоту дал; сам же, стоя, удивлялся дивному виду Александра: венец на голове его был в виде сплетенных миртовых листьев с сапфиром и жемчугом, справа и слева от него стояло множество витязей в венцах. Селевкуш, взяв грамоту Дария, прочел ее. Александр, услышав написанное, пришел в ярость и гнев, и, взяв грамоту, разорвал ее, и в ярости сказал им: «Не следовало царю Дарию, когда есть голова, к ногам обращаться. Ибо Македония не безглавна, как это Дарию кажется». И, сказав это, вскоре отпустил их, и такую грамоту послал Дарию: «Александр-витязь, македонский царь, сын Филиппа-царя и царицы Олимпиады, Дарию, персидскому царю! Благодарю тебя за печаль об отце моем. Грамоту твою к людям моим

прочел и благодарен тебе за то, что о земле нашей заботишься. Меня же, малого, ты пожалел и в доме твоём воспитать хочешь. Сосущим молоко младенцам не подобает в царских домах питаться, не хочу и толстого мяса есть. Подожди меня немного, пока от сосца матери моей оторвусь, и тогда персидскую часть царства твоего займу, прийдя со всеми македонянами. Кандаркуса ты послал к нам быть царем у македонян; больше не посылай его сюда, ибо тогда вновь не увидишь его. Не так македоняне безглавны, как это тебе кажется». Доспехи же македонские Кандаркусу Александр дал, сказав: «От царства моего беги, когда же война будет у македонян с персами, надень эти доспехи, чтобы тебя, узнав, с персами не убили бы». Посол же к Дарию возвратился и грамоту Александра дал ему. Прочтя ее, Дарий посмеялся. Кандаркус же ему сказал: «Не следует тебе, царь, такую грамоту получив, смеяться, ибо в малолетней юности нашли мы многолетнюю старость; больной зуб следует быстро удалить, чтобы здоровые не повредились; не вытащив кипариса молодого, старый и не пытайся».

Этим советом Дарий пренебрег, Клитовуша, некоего из верных своих, в Македонию к Александру послал, повелел узнать все об Александре. Александру же послал юлу, деревянный шар, и два сундука пустых, и два больших узла мака, и такую грамоту дал ему: «Дарий, царь над царями, бог персидский, дитяню моего Александра приветствует! Не так думал о тебе и обидел тебя в первой моей грамоте. Будет тебе известно, что младенческие умствования наглы. Вот послал к тебе юлу, играй ею и верти шар, которым младенцы играют, и два сундука пустых, и два узла мака, чтобы ты два сундука наполнил трехлетними данями, мак же сосчитай и узнаешь число моего войска. Дани ко мне пришли, иначе будешь приведен ко мне связанным и милости тебе не будет». Взяв эту грамоту, Клитовуш в Македонию к Александру пришел и пред Александром предстал, и поклонился, и грамоту ему дал, и сундуки, и юлу, и мак перед Александром положил.

Александр, грамоту приняв, прочел, головою покачал и сказал: «Неизмерима гордыня твоего высокоумия, Дарий, — Богу небесному уподобляешься, а не человеку, до небес вознесся и до ада низойдешь». И, взяв мак, начал его жевать, сундуки разбить велел и грамоту к Дарию написал: «Александр, македонский царь, Дарию, персидскому царю, всякую честь творящему. Ты сам младенческому безумию уподобился: игрушками, что ты дал мне, самодержцу земли уподобил меня — шар ведь этот всю землю изображает». И посла отпустил к Дарию.

В то же время Архидон, селунский царь, прислал сына своего Александру для служения и грамоту. Александр же, грамоту приняв, прочел и радостен был; Поликратуша к себе с усердием призвал, к

написанному был милостив и грамоту в ответ написать велел: «Любимому брату Архидону, селунскому царю, Александр, царь македонский, радоваться повелел. Грамоту твою прочел — не только дарам твоим рад, но и покорным и любезным речам. Говорит ведь пословица, что покорную голову и меч не сечет. Сын твой со мною будет, а ты в царстве своем, мне же в помощь двенадцать тысяч воинов посылай в год и триста талантов золота». Селунское же царство приняв, пошел в Афины.

ОБ АФИНАХ

Афины же город большой и всяким земным украшением украшен. Двенадцать риториков владели им и всею вселенскою землею управляли, судя неправедно. Услышав о приходе Александра к ним, совещались — предаться ли Александру или же к городу его не подпускать.

Софлийский, философ их, тут стоявший, сказал: «Не следует нам с Александром воевать, ибо Александр куман победил и взял их под свою власть, и Анаксарха, пелапонского царя, убил и землю захватил, Архидона же, селунского царя, мирно к нему пришедшего, на царстве и на законе его оставил». Другой же философ сказал: «С тех пор как Афины возникли, ни один царь не брал их. Некогда великий царь на Афины пришел, и воевав много, ни в чем не успел, но, разбитый, от нас отступил и бежал, один меж островов македонских утонул. Не следует нам, столь сильным, Филиппову сыну повиноваться». Диоген же некто, наибольший из всех философов, сказал: «Ходил я в Олимпиадский остров третьего лета и этого Александра видел. Пришел он на олимпиадской колеснице состязаться и воинскую доблесть испытать. Ураний же, некто с Олимпиадских островов, там был. Я же сказал тогда: “Этот юноша славою землею возвеличен будет”. И вот теперь я это вижу. Мужики афинские, не противьтесь Александру, совершенному в разуме и мужестве, он, хотя и молод, землею славой велик и войском крепок. Следует нам с честью и с дарами встретить его, благочестивый же Александр добр к нам будет и, не причинив вреда, в Рим пойдет». Это мнение афинянам не понравилось, и философа Диогена укоряли, говоря: «Во всех мудрецах довольно мудрости». Он же, сожалея о них, ушел из города к Александру и все ему рассказал.

Наполнился Александр яростью и гневом, воинов своих нужным образом приготовил, и в Афинское царство пришел, и, под городом став, послал в город Арфакса, куманянина. Его языка афиняне не поняли, искали толмача по всему городу своему — едва одного нашли и через толмача спрашивали Арфакса, чтобы он повеление Александра сообщил. Он же сказал: «Великий царь Александр повелел: “Дайте мне

дань и войско и к царству моему присоединяйтесь, если же этого не сделаете и повелению моему не повинуетесь, — меч македонский вашу землю поразит”». Это услышав, афиняне Александрово послание бранили, над словами же обоих куман посмеялись и, посла отпустив к Александру, передали так: «Не подобает тебе, Александр, стать царем в Афинах, много подобных тебе царей Афинам подвластны, много витязей и философов в Афинах, больших, чем твои. Довольствуйся Македонским царством; по своей воле пришел сюда и уйдешь отсюда не по своей воле». И, это сказав, посла отпустили, а своему толмачу голову отсекли перед ним, сказав: «Не нуждаемся в переводчике Александровых речей». Александр, услышав об этом, разгневался и сказал: «Горе земле, которою правят многие». И, сказав это, войску своему к бою приготовиться повелел и с четырех сторон напасть на город, и битва тогда великая была. Кумане же, которые были с Александром, с одной стороны крепко налегли, и стрелы их летели в город, как облако. Горожане, этим досаждаемые, неожиданно городские ворота отворили и, выйдя из города, у Александра куман десять тысяч убили и македонян четыреста конных. С помощью баллист из города огонь извергли и Александрово войско чуть не спалили огнем. Когда это случилось, вечер пришел, Александр в лагерь вернулся, охрану около войска выставив, вельмож старых призвал и сказал: «Что сделаем с коварными горожанами? Землю не воевав, к городу пришли и себя осрамили. Что следует нам делать?» Диоген же, афинский философ, сказал Александру: «Царь Александр, город Афины не сможешь без труда взять, ибо множество людей и воинов в нем — более двухсот тысяч. Сделай хитрость — давай выманить их из города с нами биться и побьем их, так как они неискусны в битве; и так возьмем город». И сделал хитрость Александр, как некогда греки. Повелел от города отступить своему войску и сам с ним ушел. В лагере же оставил десять тысяч волов, сорок тысяч овец и такую грамоту: «Мужи афинские, не ведал великой силы богов ваших и к вам пришел, поразить вас желая, но сам богами вашими поражен. Ибо этой ночью они во сне мне явились, много страшного мне сказали, и я, их убоявшись, в землю свою возвратился; оставив овец и волов много в жертву богам вашим, чтобы обо мне помолили их». И, сказав это, Александр с войском отошел на двенадцать поприщ от города и скрылся в лесу. Горожане же все пришли в лагерь и, грамоту написанную найдя, сказали: «От страха побежал сын Филиппов». И так все из города вышли — более двухсот тысяч пеших и ста тысяч конных.

В ту же ночь философ афинский, по имени Примах, видел сон: великий храм бога Аполлона упал, и все башни Афинского города обрушились, и врата великого Ареопага упали; и Александра видел, на льве в город Афинский въезжавшего, а на площадях города колосья пшеничные росли, и македоняне их, зеленые и незрелые, пожинали. И, об этом сне рассказав, не велел гнаться за Александром. Они же, не обратив внимания на это, шли вслед за Александром.

А Александр ждал их со всеми воинами, приготовившись у Касталийского леса, и напал на них на Витальском поле. Афиняне испугались голосов труб и войска, выходящего из леса, и сами себе сказали: «О, как хитро обманул нас сын Филиппов!» Видя, что невозможно убежать, поневоле шли на бой. Александр же их одолел, и побежали они. Многих из них убивали и преследовали через все Витальское поле до Афинского города, и, смешавшись вместе, к воротам города пришли македоняне и афиняне. И печально было смотреть, как дети и жены к своим навстречу шли и побиваемы были; вопль же до небес доходил, и кровь по всему городу текла, и, смешавшись вместе, македоняне и афиняне посреди города сражались.

Александр среди них на вологлавом коне ездил, уговаривая прекратить битву, но не мог их остановить, ибо исполнились ярости. Жены же афинские, раздирая лица свои, Александру кричали: «Смилуйся, царь Александр!» Александр же, не могущий прекратить битвы, повелел зажечь город. Люди и жены в лагерь отошли и спаслись. Тогда великий и дивный бог их Аполлон афинский со всеми своими богами сгорел.

Услышав об этом, Александр сказал: «Если бы это боги были, спасли бы себя от огня». Печаль и радость объединяя в себе, сказал: «Ныне македонское оружие в афинской крови не только по моей воле, но и по их неразумию». Диоген же философ сказал: «Мудрого накажи — мудрее будет; безумного же — возненавидит тебя. Дай премудрому наставление — премудрее будет». Восплакался город Афины весь, в тревоге были все земли вселенские. Александр, услышав об этом, сказал: «Головы не разбив, мозг не вынуть».

Оттуда Александр пошел, взяв с собою четыреста тысяч войска. Тогда встретили его все цари тракийские, и морейские, и далматинские, и полуцы, и гостиницы, и триволийские; дары ему принесли бесчисленные и стяги золотые царские многоценные, и дани за двенадцать лет; царских титулов они лишились — сатрапами должны были называться.

О ПРИХОЖДЕНИИ К РИМУ

Александр же к Риму направился. Когда слышали римляне, что Александр идет к ним, обеспокоились и совет созвали. «Что сделаем, — сказали они, — следует ли принять нам Александра в Риме с почетом и дарами многими, чтобы по милости непобедимой нам сохранить отеческие порядки и законы». К богу же своему Амону в храм пришли,

моля возвестить им об Александре. Во сне явился им бог Амон и сказал: «Мужи-римляне, не бойтесь Александра — он сын мой: некогда, придя в Македонию, я с матерью его Олимпиадою соединился и родился Александр; с честью его встретив, поклонитесь как царю и его, самодержавного, прославьте».

Римляне с честью и со славою великою встретили его, была же дивной встреча их: встретили его четыре тысячи витязей увенчанных на конях и две тысячи девиц в красных с золотом одеяниях. И прочих людей тысяча четыреста; все несли лавровые ветви с золотом. Иереи же римские встретили его, неся большие свечи в руках. Вышли к нему, неся одеяние великое, многоценное Соломона, царя еврейского, которое у них положил Навуходоносор, царь персов, некогда взявший Иерусалим. Принесли ему золотых блюд тысячу двести с камнями многоценными, которые поставил Соломон-царь в храме, во Святая Святых, и венец Соломонов, в котором три камня были и иных камней тысяча, от двенадцати несчастий он исцелял — по числу сынов Израилевых. Вынесли ему золотой венец царский многоценный Сивилии-царицы, волшебный. Вывели ему коня под попоной крокодиловой, оседланного седлом из камня андрамана. Вынесли ему оружие Елгаменеуша-короля; вынесли ему копье ланпандиловое Якша Теламоника с жемчугом и с камнями многоценными, и прочих копий семнадцать; вынесли ему щит Таркнена, римского царя, кожею аспидовой обтянутый. Видя же эту славную встречу, царь Александр радостен был и много воинов своих почетно приготовил, а македонян с собою на конях взял, на чудного коня Дучипала сел и возложил на голову свою корону египетской царицы Клеопатры — двенадцать камней многоценных в ней; коней запасных и трубы как подобало приготовив, навстречу римлянам пошли.

Когда же они приблизились, витязи и девицы поклонились Александру, с коней не сходя, и воскликнули: «Многая лета, царь Александр, всего света царь», и, сказав это, в сторону отъехали, другие же пришли, и они прославили его, остальные же все с коней сошли и прославили царя Александра. После этого пришли иереи со свечами и кадильницами и покадили его ароматами разными. И так, веселясь, в город римский вошли и привели его в храм бога своего Аполлона для поклонения. Встретил его иерей Аполлонов, и покадил его, и поклонился, и принес ему золото, и ливан, и мирру — ибо таковы дары царям. Вынесли ему писание: «В пятитысячный год восстанет козел единорогий, и погонит пардусов западных, превозносящихся, и вновь на восток пойдет, где двурогий овен, у которого рога до небес, и поразит его своим рогом в сердце. И потрясутся мидийцы и финикийцы восточные, великие и страшные народы; и острое меча персидского притупит он, и, в Рим придя, как царь совершенный прославлен будет, и тогда овладеет Иерусалимом без разорения и войны».

И это писание услышав и прочее, Александр просил объяснить его. Философ же сказал ему: «Александр, в дни еврейского пророка Даниила слышали мы, что в писаниях наших западный царь пардусом называется, овном же двурогим — персидское царство, козлом же единорогим македонское называется царство, быстрое и храброе, что и являет чудное твое в Рим пришествие». И, слыша это, Александр обрадовался и сказал: «Промысл Божий изволил, чтобы сильные пали, а немощные препоясались силою». И когда тут он веселился в Риме с римлянами и македонянами, пришли к нему все царства западные, дары многоценные принесли ему, прося не воевать их. Александр смилостивился, повелел дани ему давать двенадцать лет и войско. Лаомендуша же, близкого к себе, любимого друга, в Риме царем поставил и всем западным царям повелел его слушать.

И потом пошел на юг. Золота много и войска взяв, к южным странам отправился, и там царства многие сильные победил, и, вселенную всю пройдя, дошел до Океана-реки великой, что всю вселенную обтекает. И в южных странах земли той нашел зверей человекообразных и много двуглавых змей, ноги имеющих, и с ними в бой вступил великий, и их победил: звери, оружия не имея, вскоре погибли. И до железной горы дошел, где множество огромных жен на Александра восстало, и бой великий он имел с ними. И в один час из его войска сто человек поражено было, ибо все жены те крылаты и ногти у них огромные, как серпы, тело же все в волосах, и, прилетая, они глаза раздирали воинам. Услышав об этом, Александр повелел тростник поджечь, и жены те, так как их крылья в пламени сгорали, на землю падали. Македоняне же, подбегая к ним, побивали их, и множество, больше двадцати тысяч, убили.

Дойдя до Океана-реки, возвратились во вселенную. Александр велел войску отдохнуть, соседним же государствам велел построить много кораблей — триста тысяч, тысяча людей в каждый входит со всем необходимым — и на восток отправил их, в Азию и к варварам. Перед ними послал воеводу Птолемея и Филона, в Египте договорившись встретиться с ними; повелел им земли и города принимать и от них войско и дань брать. Сам же в корабли вошел и, когда подул южный ветер, отправился к востоку во главе трех тысяч кораблей, а Антиоха воеводой над другими тремя тысячами сделал, Селевка же над другими тремя тысячами кораблей, Византа же и иных витязей оставил далеко от города Ликия. И от того места отошли, оставив в лагере тысячу волов и сорок тысяч овец. Множество кораблей пошло и людей, и на четыре части они разделились, и плавали тридцать дней и тридцать ночей.

Александр же приплыл к Египту и, пристав при впадении Нила в море, город создал во имя свое — Александрию. Селевк же со своими

кораблями в Ликий пристал и тут город во имя свое создал — Селевкию. Антиох же, пристав к берегу со своими кораблями, создал город во имя свое — Великую Антиохию. Визант же со своими кораблями в проливе Триньского моря пристал и тут город во имя свое создал — Византию. О том Александр много скорбел, что не знает, кто где пристал: но через тридцать дней узнал о Селевке, и об Антиохе, и о Византе, и о городах их. И после этого съехались все, и на том месте создали город, и дали ему имя, по-сербски означающее «Единосердный стан». И, в том городе пробыв шесть месяцев, составили конное войско. Птолемей же и Филон Александру рассказали, какие случились им бои на пути, со многими царями варварскими и онтийскими, и всех их победив, к Александру привели связанными. И Александр дал им заверения, и в свои земли отпустил, велев им двенадцать лет сто тысяч войска давать ему.

И оттуда Александр со всем войском в Азию пришел, и тут город создал Триполь. И, подумав, Александр сказал: «О многомогущие македоняне, не подобает нам забывать воинские дела — ибо не в укрепленном городе сила, но мы своей храбростью многие города взяли и разбили».

И всю Азию покорив, к стране Придийской возвратились, которую раньше в некие времена эллины захватили и разрушили, некоей ради жены по имени Еленуши — жены Мелеуша, сына короля акедоньского. Короля придийского Приемуша сын по имени Александр Вариж, воспользовавшись доверием, взял ее и в Трою привез, так отблагодарив своего благодетеля — Мелеуша-короля. Мелеуш, на помощь себе призвав царей и витязей Селевкии, и Киликии, и Пелагонии, и Пелопоникии, жены ради своей к Трое пришел. И, пленив Придийскую землю, они всех живущих в земле той мечу предали; и десять лет великий город Троянский осаждали, и, взяв, весь мужской пол огню и мечу предали, как Омир в своих книгах пишет. Здесь тогда многие витязи погибли от эллинов. От начала суждено нам из-за жен в великом лукавом зле повинными быть — первым Адам из-за жены вошел в соблазн, великий храбрый Самсон из-за жены погиб, мудрый Соломон из-за жены в ад последовал, — также и в Трое многие несказанно храбрые витязи и цари из-за одной жены погибли.

И когда Александр пришел туда, все живущие в Трое встретили его с честью великою и дары ему многие принесли: оружие короля Ацелеша, сына короля Прелеша, на львиной коже, и положили на щит Якша Теламоника. И принесли Александру перстень египетской царицы, из камня андракса, имеющий такое свойство: если кто, тяжело заболев, на него посмотрит, то исцелится. Вынесли ему образ госпожи Менеры, по которому узно было, что постигнет Трою. Вынесли ему одеяние Поликсении-госпожи, дочери короля Приемуша; с нею обручился Ацелеш, когда, от греков отступив, в Трою пришел, которого убили

братья ее обманом, на вечери в храме, убил же его Аполлон трогодельский, Алекидуш. Одеяние то имело такое действие: когда облачалась в него госпожа Поликсения, тогда четыре разных вида являла смотрящим на нее от влияния разных камней: когда на зеленый камень она глядела, то присоединялось зеленое к белому лицу, уподобляясь сияющей дуге небесной и золотому оперению павлина; когда же на красный смотрела камень, то присоединялось красное к белости дивного вида ее; от воздействия же всех камней она блистала в одеянии этом. Это одеяние увидев, Александр подивился жене той, выше всех жен, и похвалил ее не только за дивное одеяние, но и за верность и любовь, которую она к Ацелешу после смерти его проявила. Ибо когда Ацелеш умер, другому мужу не захотела стать женой, говоря: «Весь мир недостоин его доблести и красоты; как его забуду и другому стану женой». И в рабство себя не захотела дать, когда Трою разгромили греческие цари, но предпочла умереть на могиле Ацелеша, чем идти в рабство в Лагонийскую землю. Этим умным женам, что мужьям своим честь и любовь сохраняют, двойная хвала — и от Бога награда, и от людей честь, так как решили с мужьями своими умереть, а не жить в позоре. Вынесли ему венец этой же госпожи — кто на голову его наденет, то днем невидимым станет, ночью же как огонь светится. Вынесли ему воинскую эмблему могущественнейшего Еликтора, жемчугом и камнями украшенную, с зубами скорпиона и зубами и когтями аспида; и одеяние из рыбьей кожи. И принесли ему книгу некоего философа из Рима — о разорении Трои от начала и до конца. Александр прочел о подвигах великих витязей, печали и радости исполнился и сказал: «О, сколь сильные погибли из-за коварства мерзкой и коварной жены».

Александр в город Трою вошел и спросил, где могилы тех витязей; жители отвели его к ним. Взяв ливан и мирру, могилы их покадил и со слезами к ним обратился: «О дивные среди людей, храбрые витязи и львы Ацелеш, Ектор, Якш, Нестор, если бы живых вас увидел, честь достойную воздал бы вам, поскольку же ушли от нас, то вам, мертвым, жертву и ливан воздаю. Но блаженны вы и по смерти своей, потому что о вас, великих и дивных, написал в повестях Омир». Услышав это, философы Александру сказали: «Великий царь Александр, Ацелеш, сын короля Прелеша, по отцу брат тебе, потому что от Амона-бога и Фетиды-жены родился, а ты, царь Александр, родился от Амона-бога и от Олимпиады-царицы, поэтому вы от одного отца. И если смерть случится тебе, царь, то большими похвалами подвиги твоего царствования мы опишем, нежели Омир придийских и эллинских царей». Александр же сказал им: «Лучше бы мне в Омировых писаниях царевым конюхом быть, нежели в ваших писаниях всей земли царем».

После этого Александр опять возвратился в Македонию со всеми силами македонскими, и с прочими царями, и войсками их, которых на западе мечом покорили. И с ними победителем в Македонию пришел, шестнадцать лет пробыв в дальних странах. Мать же его, царица

Олимпиада, и мудрый наставник Аристотель со всеми македонянами, и с женами, и с девицами, с великими достойными дарами на реке Скамудруше встретили царя Александра, и оттуда пришли все в город Филиппуст. И тут Александр повелел македонянам три месяца в домах своих отдыхать, коней кормить и оружие готовить. И решил пойти в поход — на восток, и оставил в Македонии Аристотеля и мать свою. Взял с собою сто тысяч войска, все они были македоняне в одинаковых доспехах, и все вооружены одинаковыми шлемами, и рога на них, на щитах же львиные головы, и у всех одинаковые крокодиловые попоны на конях. И всем им свои шатры около царского шатра велел ставить, никому же другому не смешиваться с македонским полком. И повелел выбрать две тысячи красивых жен и им колесницы и шатры приготовить, теряха некоего же над ними поставил всем у них разумно управлять. Когда какому-то воину жена нужна будет, к теряху прийдя, златницу ему даст и, сколько ночей держит ее, столько златниц и дает. И все войска Александра по уставу, как подобало, устроились; сто тысяч македонян было при царе Александре: когда он на коня садился, тогда все на конях и все с ним вместе были, все одинаковы — конями, оружием, одеждой. Воеводой над всеми Птолемей был, муж, любимый Александром и справедливый, всякой добродетели исполненный. Когда кого-то из македонян убивали в бою, то из других войск добирали достойных мужей и их на место македонян ставили, так что никогда число македонян — сто тысяч — не уменьшалось.

СКАЗАНИЕ О ВОСТОЧНЫХ СТРАНАХ

Александр совершал поход к востоку. Кто добровольно к нему приходил, те честь и прощение от него приняли, а кто ему сопротивлялся, города тех разрушал, иных мечу предавал.

Поэтому страх и трепет охватили все страны Азии — Палестинских царей, и Еврейское царство, и Египетское царство. Все они Дарию подвластны были, и многие из них прибежали к нему из-за внезапного нашествия македонян. Дарий же, персидский царь, отправил к Александру послов с грамотой: «Дарий, царь над царями, великий, сильный гордостью и земною славою, равный богам небесным, вместе с солнцем от востока и до запада сияющий. Весть ушей моих достигла, сын Филиппов, что всю Элладу захватил ты и до великого Рима дошел, всех западных царей покорил и подчинил их себе до конца, и до Океана-реки дошел, и не только этим не удовлетворился, но и нижнюю Варварию, и Ефиопию, и все западные страны, подвластные моему царству, поколебал, и много богатств взял, и этим еще не доволен, на мои земли Азию и Фригию пришел с подобными тебе разбойниками-македонянами и отроками. Забыл служение подвластное; от персидского царства все земные цари зависимы. Доволен будь в отечестве своем находиться, Элладой обладать. Оставляем за тобою

положенную дань, которую отец твой царству моему приносил. И этим милость тебе оказываю — за неизочтенное твое ничтожество и за безмерную твою наглость, которую с подобными тебе разбойниками проявил. Если же этому не покоришься, то с силою персидскою пойду на тебя, и мечом моим казню тебя, и не сможет тебя вся вселенная от меня укрыть».

Принял Александр грамоту, прочел ее и тотчас разорвал, и с гневом повелел посла на дереве распять, а иным головы отсечь. Македоняне же приступили к нему и сказали: «Царь Александр, не подобает тебе посла убивать». Он же им ответил: «Не к царю посланы они, но к разбойнику и бандиту». И половину из них отпустил к Дарию, сказав им: «Не меня осуждайте за это, но царя вашего вините, ибо я царем его считаю, а он меня разбойником назвал; когда вас к разбойнику он послал, тогда вам и головы отсек; ибо царь посла никогда не убивает, а вы, к разбойнику придя, уже погибли. Я же не как разбойник, но как царь жизнь вам дарю». Они же ему сказали: «Если нас убьешь, царь Александр, сам себя на деле разбойником явишь. Дарию малый убыток нанесешь, закон же царский нами нарушишь, смилуйся над нами, мы же имя твое в Персиде прославим». И Александр смиловался, и к Дарию их с грамотою послал: «Александр-царь Дарию, персидскому царю. Грамоту твою получил, и писания твои в ней прочел, и благодарен, хотя не было в ней ни царского устава, ни подобия. Ты обвиняешь нас в том, что западные царства, покорив, мы разорили. Да будет тебе известно, что всякий человек хочет от нижних к высшим перейти и возвыситься, и мы, понимая это, западные земли покорили, и на восток идем. Ты же угрожаешь, говоря: “Вся вселенная полна имени моего и не может тебя укрыть и всех македонян”, которых ты разбойниками называешь. Ты велишь нас разбить и схватить, а мы к царству твоему сами идем. Ты считаешь нас молодыми и крепкими, а мы тверже камня адаманта окажемся для тебя, лютее зерен перца, и государями над всем твоим станом. На великий промысл надеемся, которому ты противишься, желая равным ему быть. Но не скрывайся среди персов, против нас выходи. Твои персы — жены украшенные, а македоняне — львы неуголимые, добровольно своею жизнью жертвуют». Дарий же грамоту Александра прочел, яростью и гневом наполнился и сказал послу, что ходил к Александру: «Каков возрастом Александр, каков умом, скажите мне, и когда родился, и сколько войска у него». Они же сказали ему: «Лет ему сейчас тридцать, ум же его многолетен, красив он и храбр весьма и судит справедливо, мудрость его по грамоте познай, царь, войска с ним видели пятьсот тысяч. Премудрый же Соломон в книгах своих пишет: “Смех уст, и взгляд, и поступь ног сообщают о муже”». Дарий обдумал все это и сказал: «Поистине это приметы великих царей, но не верю, чтобы это было истинно». Повеление же по землям своим и странам отправить приказал: на поле Сенар войско собрать, где народы столп создали, боясь второго потопа. И тут, где разделение народов было, войску своему собраться повелел.

В Иерусалим же и в Египет написал грамоту: «Не предавайтесь Александру, вору и разбойнику, ибо я силою персидской выручу вас».

ПОХОД К ИЕРУСАЛИМУ

Александр же, взяв войско свое, в Иудейскую землю, в Еврейское царство к Иерусалиму пошел. В то время владел еврейским народом и Иерусалимским царством пророк Бога Саваофа по имени Иеремия. И к ним отравил царь Александр посла с грамотой: «Александр, царь над царями, сын Филиппа-царя и царицы Олимпиады, к нынешним начальникам Еврейского царства. Знайте, что Бог вышний сделал меня выше всех царей в роде моем, и, всю западную страну и Рим покорив, я до вас дошел. И если хотите вы мне подчиняться, и отеческие законы сохранить, и отечество и землю без боязни держать, то вестника ко мне с ответом пришлите, а войску моему — дани». Услышав это, еврейский народ был в сомнении великом; послание Александра прочтя, вестника к Александру послали с грамотой: «Еврейский народ, Бога Саваофа люди, живущие в Иерусалиме, Александра-царя приветствуют. Что нам сообщил ты, с радостью мы узнали. Да будет известно царствию твоему, что с тех пор как перешли мы Красное море, ни одному не повиновались царю, но водимы рукою высокой и мышцею непобедимой Саваофа-Бога. Но в последние времена, когда разгневался на нас великий Бог, поработил нас Навуходоносор, царь персидский. Много лет мы в порабощении были и снова вернулись в свою землю и ныне подвластны персидской деснице, которой вся вселенная подвластна. И если тебе предадимся, то сегодня или завтра Дарий, придя, все блага земли нашей разрушит. Если же Дария победишь и острие меча персидского притупишь, то в Иерусалим с миром придешь и царем всей вселенной евреями назван будешь. Если же Дария не победишь, то в Иерусалим не войдешь». Евреи одного из своих с грамотой послали к Александру. Александр грамоту прочел и другую написал к ним: «Александр, царь над царями, всем живущим в Иерусалиме пишу. Что написали вы мне, я узнал. Не подобает вам, людям Бога живого, подвластными быть человеку-идолопоклоннику. Не медля, дани ко мне принесите. Ибо я, не поклонившись Богу в Иерусалиме, на бой с Дарием не пойду. Знайте, что от Дариевой десницы избавлю вас». Вестника еврейского отправив, к Иерусалиму пошел. Пророк же Иеремия, о приходе его услышав, совещался с иерусалимлянами: «Нужно нам Александра пустить в город. Видел я ночью этой во сне пророка Даниила, сказавшего мне: “Вот идет к вам тот, о ком я давно пророчествовал, ибо от персов мы пострадали, Александр же возмездием за нас воздаст”». И это народ одобрил. Александр же в ту ночь видел сон: явился ему пророк Иеремия в одеянии первосвященника Аарона и сказал ему: «Александр, иди в Иерусалим, и там поклонись Богу Саваофу, и, поклонившись ему, на Дария иди; победив его, государем персов станешь». Восстав ото сна, Александр вельможам своим сон рассказал и пошел к Иерусалиму. Когда же он приблизился к городу, услышавший об этом пророк Иеремия всему

живому навстречу царю пойти повелел. Сам же, в одеждах первосвященника, со свечами и кадильницами встретил его и покадил. Увидев пророка Иеремию, вельможам своим Александр сказал: «Этого пророка видел я этой ночью». И Александр сошел с коня, поклонился ему до земли и целовал ризы его. Пророк Иеремия покадил его, и благословил, и, за руку взяв, в храм ввел, поклониться в Святая Святых, что создал царь Соломон. Александр спросил пророка: «Скажи мне, в какого Бога веруете?» Пророк же сказал ему: «В единого Бога веруем, который небо и землю сотворил и вся видимая и невидимая, что око не видит, и ухо не слышит, и на сердце человеку не приходит». Александр удивился и сказал: «Поистине великого Бога вы рабы; да верую и я в него и исповедую его, ибо явны дела его; даю ему в дар дани, которые от вас взял, как и от прочих народов; Бог ваш во мне да будет и мир его со мною да будет». Взял пророк Иеремия с людьми города того много золота и принесли его к Александру. Он же не захотел ничего взять, но в дар принес Богу Саваофу. И, сделав это, пошел из земли еврейской, собираясь отправиться к Египту. Пророк Иеремия провожал его до полудня и передал ему пророчество пророка Даниила, что было прежде, и еще сказал Александру: «На помощь призывай Бога Саваофа — и силу персидскую победишь, и всему от востока до запада царем станешь, и когда все это совершишь, тогда дойдешь до места, близкого к раю, и там людей найдешь, которые не от жен Адамовых, живут без согрешения, хотя и плотью обремененные, как мы, но спокойно, близко к ангельскому житию; они блаженными от Бога называются. И когда их увидишь, Александр, они все о возвращении твоём скажут тебе». И еще сказал Александру: «Не оставь нас в печали, возьми что-либо в знак любви». Александр же ему сказал: «Как ты велишь, святой отец, так и сделаю». И повелел пророк принести камень лихнитарий, на котором написано имя Бога Саваофа, который на шлеме носил Иисус Навин, когда на бой ходил с иноплемениками. Повелел ему принести меч Голиафа, иноплеменика, которого в бою убил пророк Давид, царь еврейский; повелел ему принести шлем Самсона сильного со змиевыми когтями, и копье Самсоново, и оружие его, которому никакое оружие не противостоит, ни железо; принесли ему щит из металла анта, который разбить не может никакое железо, прежде он был у Атана, сына Саулова. Горожане подарили Александру сто тысяч мер миндаля и двести коней. Благословил его пророк и сказал Александру: «Не увидишь больше, Александр, своей земли». И отпустил его с миром. Александр же в Египет пошел.

О ПРИХОДЕ В ЕГИПЕТ

Египтяне же против Александра к бою готовились, не желая ему покориться. Осадив город Египет со своим войском, он во всю силу воевать с ними повелел. В то время зной был сильный; озеро же близ Египта было быстрое и холодное. И царь Александр от чрезмерного зноя прохладиться захотел, искупался, и превозмог холод воды его природное здоровье, и он заболел. Египтяне же, услышав о болезни

Александра, коварство учинили. Быстро написали тайное письмо к врачу Александра Филиппу: «Великий врач Филипп, если Александра медицинским зелием уморишь, царем всего Египта будешь». Филипп же, получив письмо, много смеялся и, разорвав его, так отписал им: «О безумные и бессмысленные послы египетские, если бы царства вашего захотел, то Александр дал бы мне лучшее и большее царство, чем ваше, из тех, что он мечом своим взял, — царства все эти я счел за ничто, пренебрег ими и презрел их, Александра предпочтя всем царствам земным и богатствам, ибо весь мир не достоин одного волоса с головы его. Знайте, что Александр здоров, а это — хитрость, чтобы коварство ваше испытать. Завтра же увидите его на великом коне едущим, здоровым и веселым». Получив это письмо, египтяне испугались и написали к Александру тайное письмо: «Да будет известно царствию твоему, великий Александр, что Филипп, врач твой, не уверенный в своей жизни, ядовитым зелием умерить тебя хочет, — неверен он тебе». И это письмо к Антиоху принесли, Антиох же Александру принес. Александр письмо прочел и в руке своей его держал, и в это время Филипп-врач вошел, неся кубок, полный растворенного зелия, и Александру тайно говорит: «Царь Александр, это зелие выпив, избавишься от болезни». Встав, Александр в руку кубок взял, прослезился и сказал Филиппу: «Любимый мой Филипп, хорошо ли мне это пить?» Филипп же ему ответил: «Пей, царь, не сомневайся, полезно тебе будет, избавишься от болезни». Александр ему говорит: «Не на пользу даешь мне это питье, Филипп». Филипп, сомнение царя поняв, взял кубок и выпил половину. Царь, увидев это, сказал Филиппу: «От руки твоей мне смерть сладка». И, взяв кубок, выпил, а Филиппу письмо египетское дал. Прочел Филипп, головою покачал и, много плавав, сказал Александру: «О великий царь Александр, от головы твоей всех царей земных главы зависят; да если бы я сделал это, твоей головы падением вся вселенная поколебалась бы. Но весь мир недостойн волоса, падающего с головы твоей; тебя убив, какому царю стал бы я рабом! Лучше мне живым в землю сойти, чем твоею смертью поколебать весь мир». Александр же ответил: «Врач царя не убивает, велика вера ему». И, сказав это, лег спать и проспал весь день до вечера. Проснувшись, сел с македонянами и много веселился.

И всю ночь спокойно спал. Утром же повелел войску вооружиться и со всех сторон быстро подойти к городу, и сто пушек повелел поставить вокруг и из них бить по городу. И много людей в городе убили. Стрелы летели в город как туча, так что египтяне днем не могли видеть и начали громко кричать: «Помилуй нас, Александр, старым ты ушел от нас и снова пришел к нам молодым».

Александр же египтян спросил: «Как это я от вас старым ушел и молодым к вам пришел, скажите мне?» Они ответили: «Был у нас царь Нектанав, которому ты сын; уходя от нас, он писание нам оставил. Написано в нем так: “Ухожу от вас стар и приду к вам молод; вот будет знак моего прихода, — когда к статуе своей приду и поклонюсь, той, что

на столпе в Египте стоит, тогда венец с руки ее спадет”». Александр, услышав это, вошел в Египет и к столпу пришел; когда подошел он к статуе, упал венец с головы ее на Александра. И тут Александр повелел сделать четыре больших столпа, на одном столпе повелел себя в золоте изобразить, на втором столпе — воеводу Птолемея, на третьем — Антиоха, на четвертом — храброго Филона, и чтобы все на восток смотрели. Александр взошел на столп Нектанава, Египет осмотрел, так как очень высок был этот столп, и повелел его разбить. Врача Филиппа царем Египта сделал. Сам же в Египте сокровища многих прежних царей нашел.

И когда это было, вестники пришли к царю Александру, говоря: «Знай, царь Александр, что Дарий, великий царь персидский, со всеми силами восточных земель на реку Евфрат пришел». Услышав это, Александр собрал все свое войско и отправился к реке Евфрат. Не доходя до реки Евфрат, он повелел войско свое переписать, и было шестьсот тысяч конных, а пеших тысяча четыреста. И Дарий свое войско переписать повелел, и было в нем тысяча тысяч конных и тысяча тысяч пеших. В тот день разведку Дарию схватили и привели к Александру; он велел их повесить, так как хотел, чтобы они сообщили о численности персидского войска. Они же ему сказали, истину сообщив; Александр велел задержать их до вечера. И войску своему приказал, чтобы каждый воин костер разложил; разведку же Дарию на высокую гору возвел и показал им войско, и они увидели бесчисленное множество огней. И, отпуская их, Александр сказал: «Закон есть у македонян — кого в бою схватят, тому голову отсекают и никому не оставляют жизнь; поэтому вместе с Дарием вы на бой не ходите, ибо дороже человеку своя жизнь, нежели богатства всего мира. Царю же вашему скажите: “Царю подобает с царем биться; когда начнем битву, ищи меня на золотой колеснице среди знамен со львами, — где увидишь золоченые шлемы и отборных коней, тут и македонский полк”». И, сказав это, отпустил их. Разведчики к царю Дарию пришли и все сказали ему, что видели, Александра хвалили много и сообщили, что войско у него огромное. Дарий же велел им языки отрезать, чтобы они этого персам не сказали. А сам велел войску к бою приготовиться и советовался со своими воинами, и сказали ему: «Не подобает тебе, царю, на бой идти, так как Александр — разбойник, из малых царей царь, а ты, Дарий — велик за земле, больше всех царей». И это одобрил царь Дарий, великого воеводу своего Миманда вместо себя поставил и сказал ему: «Шестьсот тысяч избранных персов возьми, двести тысяч эфиопов, двести тысяч индийцев, четыреста тысяч пеших лучников — и, с ними реку Тигр перейдя, Александра, сына Филиппова, к царству моему приведи. И если пред тобою побежит, то ты преследуй, не оставляй его, богами персидскими укрепляемый». Миманд же, взяв войско, реку Тигр перешел, войско Александрове осмотрел и велел к бою готовиться. Александр, увидев персидское войско, войску своему велел приготовиться, и сели все на коней. Тогда Александр, собрав свое войско, сказал: «О всемогущие, любимые, могучие македоняне, вы видели, каков промысл великого Бога о македонских витязях и какова помощь его, как великий Рим мы взяли и западу всему государями

стали, и острова морские подчинили, Иерусалим покорили, и тут Богу небесному поклонились, и, с его помощью Египет завоевав, до великого царя Дария дошли. Если его убьем, государями над всем его будем, если же он нас победит, то вся вселенная нас от него укрыть не сможет; поэтому лучше нам ныне в бою умереть, нежели от персов бежать; всякому многоумному мужу смерть почетнее, нежели позорная жизнь. Знайте, что мы разобьем их, потому что царя их с ними нет, а всякое войско безглавно без царя. Смотрите, как они неустроенно на бой идут, вскоре они побегут, ибо безглавны они. Знайте вы, что персы — овцы, а македоняне — волки, а от одного волка много овец бежит. Персы ведь идут по принуждению, а вы своею волею с царем своим идете на бой. Прошу вас, милые братья, храбро идите на этот бой, храбрее, чем те, ибо когда войско на войско наступает, то воинский пыл противника уменьшается». И, сказав это, Александр на великого коня сел, шлем на голову надел и войско разделил надвое, сам в македонском полку по уставу ехал, а Птоломея и Антиоха с двумя полками на бой послал. И когда внезапно мечами ударили, персы, не в силах македонским противиться мечам, побежали. Александр же, смешавшись с ними, шел, и так достигли лагеря Дария. Дарий, видя, что войско разбито, сев на быстрого коня, бежал. Александр, разбив их, мертвых повелел похоронить, а живых с честью отпустить, сказав им: «Скажите царю вашему Дарию: „Довольствуйся оброками своими, Дарий“». Миманда же, воеводу Дариева, убил. После этого, подняв свой лагерь, Евфрат-реку перешел и мосты разрушить повелел.

Дарий же, персидский царь, во все земли свои послал повеление войску в Вавилоне собраться и, две тысячи тысячей войска собрав, пошел на Сенарское поле, на Александра. Александр, увидев многое множество войска Дариева и страх в сердце своем имея, не показал его македонянам. На высокое место став, сказал он: «О могучие мои воины и милые македоняне мои, знайте, что всякий бежит быстро от преследующего; когда рыкнет один лев, многие умирают звери. Нам стало законом всегда преследовать и убивать, персам законом стало — бегать от нас и умирать. Дарий-царь, приведя против нас большое войско, сам того не желая, нам честь оказал, ибо, победивший многих, многой же чести достоин. Миманда-воеводу мы убили, и если Дария убьем, то не будет у нас забот. Все, что с первого боя бежали, на этот бой не придут». И, сказав это, Александр на бой пошел, имея с собою тысячу тысяч воинов. И войску своему объявить повелел — если кто перед боем побежит, тот, как враг, без милости убит будет.

В ту же ночь явился Александру пророк Иеремия во сне и сказал: «Иди, чадо Александр, не сомневаясь, на Дария, с тобою помощь Бога Саваофа; носи на голове шлем с камнем, на котором имя Бога Саваофа, что я дал тебе в Иерусалиме. Устами повторяй, идя на бой: „Един свят, един Господь, небо и землю создавший, на херувимах почивающий, Адонай, Саваоф-Бог“. И, так сказав, победишь, и весь свет противостоять тебе не может». Александр же, увидев сон, обрадовался

и смело пошел на бой. Затрубили трубы ратные с обеих сторон, и два войска сразились, и были крики людей, и ржание коней, и звон оружия. Сечь была с утра до полудня, и побежали персы, а македоняне преследовали их три дня и три ночи, четыреста тысяч их убили, двести тысяч живыми схватили и к Александру привели. Александр сказал им: «Больше на бой не ходите», и повелел отпустить их. Дарий же в Персипол, столицу свою, убежал.

Александр пошел к Вавилону. Горожане же вавилонские за сто верст не подпускали Александра к городу. Так был велик Вавилон, что река Евфрат в него втекала, непроходимая и большая, и где она протекала, там на конях ее переходили. Александр же выше города по течению ее с войском своим расположился и повелел войску своему копать, и выкопали рядом с рекой широкий ров. В одну из ночей вавилоняне, жертву великую богам своим совершая, все в храм Аполлона собрались, Александр же с воинами своими реку Евфрат от города в поле отвел, и по руслу реки вошел с войском своим в город и, не в состоянии взять его, зажечь велел. Вавилоняне же, увидев это, Александра просили: «Помилуй нас, Александр, царь македонский, всего света царь, персидский государь». Тогда велел Александр погасить огонь. И поклонились ему все вавилоняне, и прославили Александра-царя, и дары ему дивные и многоценные принесли. Вынесли золото Дария — было его две тысячи талантов, — и тысячу коней тучных Дария вывели ему и сто львов в золотых цепях, тысячу охотничьих пардусов, сто коней аравийских, что были лучше всех коней на земле; вынесли ему две тысячи блюд настольных Дария; вынесли ему десять тысяч тысячей доспехов с золотом и многоценным жемчугом; вынесли ему кубки золотые с разными многоценными камнями; вынесли ему сбруи конские из рыбьей кожи, которую железо не берет; вынесли ему одеяние Сескерсена, персидского царя, украшенное змеиными глазами, с многоценными камнями, — он был всему свету царь; вынесли ему венец Сонхоса-царя; вынесли ему скатерть настольную Дария, персидского царя, украшенную сапфиром, — тот, кто на ней ел, никогда в унынии не бывал. И пробыл Александр в Вавилоне тридцать дней.

Дарий же, персидский царь, услышав, что взял Александр Вавилон, печали великой исполнился и сказал: «О несчастный я, всего своего лишился при жизни своей, считал себя богов небесных сильнее, а оказался ничтожнее людей земных, один из малых царей силу мою разрушил и разорил. О несчастный я, Дарий, ибо судьба моя прежде благосклонно мне улыбалась, теперь же смотрит на меня сурово. Но поистине хорошо сказано: “Сеющие с радостью несправедное, с плачем и печалью пожнут”. Великий в мудрости еврейский царь Соломон в писаниях сказал: “Кто с радостью чужое взимает, тот в печали свое отдаст”. И я чужое взял с радостью и своего ныне лишился с печалью. Лучше бы мне в бою македонянами убитым быть, нежели, бесславно живя, над персами царствовать. Персы многие годы дань брали с македонян, ныне же головами своими македонянам платят». Персы,

слыша это, царя своего Дария утешали, говоря: «О великий царь Дарий, великим кораблям и великие падения, великие ветры колеблют великие деревья. Царство из множества людей состоит, как море из больших волн, которыми устрашает плавающих. Не скорби, царь, об этом, — вчера Александр разбил нас, а завтра мы разобьем его, немало потрудятся многомошные витязи персидские для своего отечества».

И пришел некто, любимец его, близкий к нему вельможа, и сказал: «Великий царь Дарий, ты благоволил ко мне много лет и много добра сделал мне, и я, видя тебя печальным, ныне жизнь свою за печаль твою отдам и Александра ценою своей жизни убью». Дарий же ему сказал: «О любимый мой, сделай это для меня. Если Александра убьешь, всю Персию освободишь от беды, то смерть твоя жизнью станет, и мне царство рукою твоею дастся; ты же персами прославлен будешь». После этих слов Авис взял македонское вооружение и присоединился к войску Александра. Александр тогда вооруженный ездил, производя смотр войску. Авис в македонских доспехах подъехал близко к Александру, Александр же был в доспехах. Авис вытащил меч свой, собираясь ударить Александра по глазам, но не попал, по верху шлема ударил, и отсек его, и волосы сверху, как бритвой, отрезал. Александр, думая, что это измена от своих, сказал: «Не ударила меня рука персидская, но ударила меня рука македонская». Авис же во второй раз ударить хотел, но схватили его, и меч у него вырвали, и, шлем с него сняв, к Александру привели. Александр спросил его: «Кто ты, и откуда, и как твое имя?» Он же ему ответил: «Имя мое Авис, перс я, близкий к Дарию вельможа; любовью к государю моему объятый, хотел тебя убить и, отдав жизнь мою, государя моего смертью твоею развеселить. Я сделал то, что смог только Бог, что хочет, то свершает». Александр же ему сказал: «О безумный Авис, вот ты волю государя своего исполнил и по своей воле ныне умер, меня же Бог сохранил. Ты ныне мертв, но поскольку о государе своем заботился, голову свою за него отдал, поступил как македонянин, — рукою своею жизнь тебе дарю, потому что ты совершил подвиг, которого никто и нигде не совершал. Невредимым к царю своему возвращайся и так скажи: “Дарий, персидский царь, кого Бог хранит, того человеку не убить, а кого Бог не хранит, того все руки человеческие не могут укрыть. Преклони непреклонное свое сердце и царству моему подчинись, дани мне дай и вместе с подвластными царями пребывай в мире”». Авис пришел к Дарию и сообщил ему о том, что он сделал и как Александр жизнь ему своею рукою подарил. Дарий, покачав головою, сказал: «Что можем, то делаем, Бог же, что хочет, то будет». Авис же сказал ему: «Тебе ныне мечом отслужил всю свою службу, жизнь мою из рук Александровых заново получил. Все, что ты сделал мне, жизнью своей оплатил тебе, и для тебя мертв, а благодаря Александру жив. Что я мог, то и сделал, Бог же, кого любит, того и сохранит. Кланяюсь тебе, царь Дарий, а служить хочу тому, кто жизнь мне дал». И, Дарию поклонившись, к Александру ушел.

Опечалился Дарий и сказал: «Кому боги противятся, тому честь на бесчестие заменяется, того близкие и любимые друзья оставляют. Хорошо сказано: “За возвышением в круге времени следует падение, и всякий возвышающийся унижится”». И, сказав это, Ависа одарил и так велел передать Александру: «Царь Александр, не превозносись безмерно, ибо всякий возносящийся унижится вскоре. Сонхос-царь весьма превознесся и от диких людей унижен был, и я вознесся и от своих унижен. Удовлетворись своими оброками, если же это тебе не угодно, то лучше нам смерть принять за царство наше и богатство, так как невозможно мне поклониться тебе, так же и тебе невозможно поклониться мне, ибо царь царю не кланяется никогда, но когда один умирает, другой царствует. Но готовься к войне, через десять дней иду на тебя с оставшимися персами и непобедимыми индийцами; в сражении или мы тебя и твоих воинов победим, или с моими на отеческой земле нашей с честью умрем; справедливая мера — в Божиих руках». И, сказав это, Дарий Ависа отпустил. Авис же, к Александру прийдя, все это Александру передал. Александр же, покачав головою, сказал: «О царстве нет мира ни с кем, ибо царство — это гора большая и высокая, для верных красивой и сладкой является, потому что водами и плодами различными украшена, для неверных же неприступна и страшна. И тому, кто красоту ее имеет перед собой, трудно сойти с нее, если только знает, как разумно управлять ею».

Александру же той ночью явился пророк Иеремия с Филинесом, священником иерусалимским, и сказали они ему: «Дерзай, чадо Александр, стань сам своим послом, о Дарии-царе разузнай и рассмотри великое войско индийское, что ведет Дарий на тебя; и этим своим осмотром освободишь свое сердце от того, что беспокоит македонян. Если Дарием узнан будешь, мы с помощью Бога Саваофа избавим тебя». Восстав ото сна, Александр Птолемею, Филону и Антиоху сон свой рассказал и, уходя, сказал им: «Если смерть мне там случится, все земные царства разделите». Они с плачем удерживали его, говоря: «Если ты это намереваешься сделать, то сначала всем нам головы отсеки». Он же им ответил: «Если промыслу Божьему угодно будет, чтобы меня убили, то вы не можете меня защитить. Если же ему угодно будет уберечь меня, то руки всех персов убить меня не могут».

И, сказав это, в Перейду пошел послом, и грамоту понес к Дарию. Одежда на нем была персидская, а сверху плащ финикийский с аспидовыми рогами и золотыми печатями. Дарий же парастас, то есть встречу великую, устроил, чтобы удивить посла Александрова. Вошел Александр и, взяв грамоту, подал Дарию, говоря ему: «Государь мой Александр, царь над царями, тебе, царю персидскому Дарию, через меня передает приветствие. И, грамоту прочитав, быстро мне другую отпиши». Дарий же сидел на высоком месте, около него ангелы изображены были и перед ним, как перед богом, предстояли. Палата же вся из золота сделана была, столпы золотые были украшены многоценными камнями, и четыре камня в четырех углах палаты были.

Грамоту взяв, Дарий удивлялся одеянию Александра и клобуку, грамоту же громко читать велел. И некий перс, знающий македонский язык, начал читать. В грамоте было написано так: «Александр, царь над царями, сын Филиппа-царя и царицы Олимпиады, всего света царь изволением вышнего Бога. Помнишь ли, Дарий, персидский царь, как ты дань от отца моего, из Македонии, взимал, и когда он умер, оставив меня на престоле своем совсем юным, велел ты, по своему злему обычаю, меня с царства моего согнать, иного македонянам государем вместо меня сделать, а меня от отеческой земли отогнать. Но видя это, Божие всевидящее око, которое видит все, что есть, всех сердец помыслы знает и справедливыми мерами отмеряет — сегодня тебе, а завтра мне, — меня государем отечества моего сделало и царем всего света. Ты, когда я был юн, велел привести меня к себе, я же, возмужав, сам к тебе пришел. И как ты над всем моим государем хотел стать, так я теперь господином над всем твоим стал. Не так я немилостив, как тебе кажется; преклони непреклонную свою гордыню и низко поклонись мне, дани мне дай и будь государем в персидской земле. Если же тебе это кажется невозможным, то ты персам враг и радуешься их убиению от македонских мечей. Приготовься со всеми силами своими на бой в пятнадцатый день на Арсинорской реке, и я со всем своим войском там буду». Эту грамоту Дарий прочел, к вельможам своим обернулся и сказал: «Ожидал ли кто-нибудь такого рвения и такой ярости от македонян». Александр, стоя перед ним, сказал: «Неудивительно, если македоняне всем светом владеют». Дарий же его спросил: «Почему?» И он сказал: «Ибо все они едины сердцами, и мудры, и храбры беспредельно, и войско их непоколебимо». Стоящий тут вельможа Дария сказал Александру: «Как можешь так великому государю отвечать?» Он же ему ответил: «У сильного государя вольный посол и верный слуга». И сказав это, отступил. Дарий же ему велел: «Будь у нас на пиру, пока я грамоту Александру не напишу».

На пиру Дарий сел со своими вельможами, а Александра на посольском месте посадил, напротив себя, и поставили еду; и когда начали прислуживать, Александр, выпив из чаши, спрятал ее за пазуху. Слуга Дарию сообщил об этом. Дарий велел вторую налить. Александр же и ту, выпив, за пазуху спрятал. Один из вельмож Дария сказал Александру: «Не подобает, за царским столом сидя, так делать». Он же отвечал ему: «У государя моего, царя Александра, каждый, выпив первую и вторую чашу, себе их берет». Услышав это, персы удивились. Некто Кандаркус, которого Дарий в Македонию посылал господствовать, встав из-за стола, Дарию тайно сказал: «Знай, царь Дарий, что сегодня боги сделали то, что ты хотел». Он же спросил: «Как?» А Кандаркус сказал: «Этот посол македонский — сам Александр, сын Филиппов». Дарий обрадовался и сказал: «Если это правда, то я — всего света самодержец». И стал часто приветливо обращаться к Александру, и, сомневаясь, сказал: «Не станет всех глав глава рисковать своей головой». — «Если это окажется неверным, пусть чести всей лишусь у тебя и голову мне мечом отсеки». Когда Кандаркус это говорил, Александр, опасаясь, что его схватят, стал искать в тоболе своем перстень волшебный, который взял в Трое, — Клеопатры,

египетской царицы, ибо тот, кто перстень этот на руку надевал, становился невидимым. И, в руку его взяв, на палец не надел, так как хотел испытать малодушие Дария. А Дарий обрадовался безмерно и сказал: «Говорят мне, что ты похож на Александра». Александр же ему ответил: «Поистине, великий царь, правду сказал ты. И царь Александр ради этого сходства очень любит меня. Похож я на него, и многие меня за Александра принимают». Задумался Дарий и не приказал его схватить. И, оттолкнув стол ногою, в спальню ушел со свечами, обдумывая, как его схватить. Свечи же вслед за Дарием вынесли, а Александр с вельможами в большом зале остался и, стоя в темноте, совлек с себя многоценное одеяние и македонскую корону, а перстень волшебный на палец надел. И, подойдя к воротам городским, чашу золотую из-за пазухи вынул и дал стражу, сказав: «Возьми эту чашу и держи, ибо царь Дарий послал меня стражу привести в порядок». И открыли ему ворота. Ко вторым воротам пришел и, взяв вторую чашу, дал ее стражу, говоря: «Возьми эту чашу и держи ее, ибо царь Дарий послал меня воеводу призвать к нему, чтобы он стражу усилил». И отворили ему. Он же, быстро из города выйдя и на великого коня сев, Арсинорской реки перед рассветом достиг и, найдя эту реку замерзшей, на другую сторону ее благополучно переехал. А тут его ждали воеводы Птолмей, Антиох, Филон и любимый Андигон. Александр рассказал им все, что с ним в Персиде случилось.

Дарий же, войдя в спальню, призвал двенадцать вельмож своих и сказал им: «Знайτε, что македонский посол — сам Александр». Они ему ответили: «Если это правда, то боги персидские смилоствовали над нами». И Дарий приказал Кандаркусу и Клису, лидонскому царю, схватить Александра. Они же, взяв большие свечи, искали его в большом зале, и спрашивали о нем, и, не найдя его, поспешили к городским воротам, и у привратных стражей спрашивали о нем. Те же им ответили: «Два золотых сосуда сейчас человек нам принес и, здесь оставив, к войску пошел, говоря: “Царь послал меня к войску устроить стражу и призвать воеводу”». Кандаркус, обман Александров поняв, триста всадников добрых взял с собою, и на быстрых конях к солнечному восходу достигли реки Арсинорской, но лед на реке уже растаял. Александра же на другой стороне увидели и, посрамленные, остались в растерянности и смущении. Александр же им сказал: «Зачем ветер преследуете, которого не можете догнать? Не знаете разве, что македонских коней и Арсинорская река сдержать не может. Возвратитесь к царю вашему, скажите: “За чаши твои благодарю тебя, в эти дни ищи меня со всем войском на берегу Арсинорской реки”». И, сказав это, Александр к войску своему отправился. Посланные же Дарием возвратились и все ему об Александре рассказали. Река Арсинорская каждую ночь замерзала, днем же лед таял, и река текла водою. Дарий, Александров обман узнав, печально плача, сказал: «Видите, как коварно обманул нас сын Филиппов, землю нашу и царство мое взяв. О изменчивая и неведомая судьба, людям сперва сладкой являешься, а напоследок горче яда змеиного».

И к Пору, индийскому царю, написал грамоту, ибо был это сильный, любимый Дарием царь над тридцатью шестью народами. Грамота же Дария была такова: «Богу среди богов, всем царям царю, великому индийскому Пору — Дарий, несчастный, притесняемый, печальный, — приветствую тебя. Думаю, что достигло слуха царского твоего от многих хоть немного о том, что нам македонский отрок причинил. Подвластен был нам, но вышел из-под нашей власти, и на нас как государь напал, и все страны земли моей, до Вавилона-города, к своей земле западной присоединил. И персы, не понимая, как это произошло, испугались и противостоять не могут ему. Дважды с ним бились, и дважды он нас разбил. И прошу великое величество — окажи нам милость и руку помощи дай, в третий раз выйду на бой против него и либо разобью их, либо ими побежден буду. Известно вам, что сила индийская непобедима; ты же равен богам. Милостив будь к печальным моим мольбам, войско мне пошли и избавь меня от лютых и немилостивых македонян. Мне же подобает поклониться тебе, сильному царю». Пор, грамоту Дария взяв, прочел ее и, покачав головою, сказал: «Нет на земле радости, что не заменится печалью. Дарий некогда равен богу был, ныне же македонянами преследуем». Призвал вельмож своих и сказал им: «Четыре тысячи тысяч возьмите войска и к Дарию на помощь идите. Александра приведите ко мне живым, ибо жажду видеть этого отрока, молод и разумен он, говорят». И, собравшись, к Дарию пошли. Услышав об их приходе, Дарий от большой скорби к радости перешел. Персам же повелел собраться, и было их десять тысяч тысячей, и пошел со всеми на Александра. Воеводы же индийского войска к Александру разведку послали, но Александровы стражи ее схватили и привели к Александру. Александр велел их на высокое место возвести, а войску своему приказал вооружиться и, к бою их приготовив, на Дария пошел, лазутчикам же смотреть велел. И когда подошли близко к Дариеву войску, то Александр лазутчиков отпустил. Они же воеводам Дария поведали: «Войско сильное и быстрое видели мы, решительно и быстро идут на бой, не страшась ничего, все вооружены, на хороших конях, до четырех тысяч тысячей их». И охватил индийцев страх, на бой почти принуждением повели их. И когда сошлись оба войска, солнце от праха померкло, и страх охватил индийцев и македонян. Вместе смешались все, и одни других не узнавали. Ветер бурный подул, и начали сражаться, — весь день, смешавшись, бились. Александр не стерпел, с отрядом своим — тысячей тысяч лучших витязей — в середину сражающихся сам въехал на золотой колеснице. Индийцы и персы, увидев его, охваченные страхом великим, побежали.

Дарий, видя это, отчаявшись, не знал, что делать, и, оставив все, пустился в бегство, такие слова говоря: «Несчастный я, небесному подражал и земному уподобился, всего света был царем и в своем отечестве не удостоился умереть». И когда он говорил это и к Персиполю, своему городу, бежал, настигли его два вельможи, Кандаркус и Аризван, близкие к нему и любимые им начальники, пронзили его мечами, один с одной стороны, а второй — с другой, и, сбросив его с коня, едва живым оставили.

Александр же, некоего воеводу призвав, сказал: «К индийскому и персидскому войску пойдите и скажите им: “Царь ваш Дарий убит, не бегите, остановитесь. Если же побежите, в сей день умрете”. И индийцам скажите: “Остановитесь, не бойтесь, к царю вашему с честью вас отпущу. Если же побежите, в сей день умрете от меча”». И Селевка послал к индийцам все вооружение всадников и самих живыми к царю их отпустить. Филон передал им повеление Александра, они же, на землю пав, поклонились и знамена Пора, трубы, вооружение конное Филону передали; и, мир от него получив, в свою землю пошли. Прощаясь с ними, сказал им Филон: «Царю своему Пору скажите: “Доволен будь индийским царством в своей храброй земле и помощи другим против македонян не оказывай. Да будет известно тебе, Пор, индийский царь, что я, Филон, милостию Александра государем персов стал и соседом тебе буду”». Персы, услышав это, от индийцев отделились, к Филону подошли и ему поклонились, как самому Александру. И как македоняне радовались тому, что Александру служить удостоились.

Александр же со своим полком достиг великого Персиполя. И когда дошел он до города, увидел Дария, лежащего на пути, едва живого; с трудом дышащего, который к Александру взывал: «Царь Александр, сойди с коня скорее ко мне». Александр, оглянувшись, спросил: «Кто ты?» Дарий же сказал: «Я царь Дарий, которого круг времен вознес до небес, а ныне изменчивая судьба до ада низвела. Я Дарий, что некогда всего света царем был, ныне же в отечестве своем не удостоился умереть. Я Дарий, что многими тысячами людей почитаем был, и вот здесь на земле поверженный лежу. Ты сам, Александр, видел, какой славы я лишился и какой смертью умираю. Такой смерти ты побойся, не оставь меня во прахе под ногами коней умирать; ведь не так ты немилостив, как персы, но знаю, что ты благороден и благодетелем являешься для делающих тебе зло; такими и следует быть всем многоумным, ибо хорошо сказано: “Не воздай злом за зло, и Бог от зла избавит тебя”». Услышав это, Александр сжалился и, быстро сойдя с коня и плащ с себя сняв, покрыл им Дария, а македонянам велел на золотую колесницу положить его и в город его нести. И сам носилки взял на плечо, и понес его, говоря Дарию: «Вот тебе по достоинству царскую честь воздаю; если жив будешь, больше этого увидишь, если же умрешь, телу твоему по достоинству окажу царский почет». И, войдя в город, в царский дом его внесли, и положили на золотом одре.

Александр облекся в многоценные одеяния, венец царя Соломона на голову надел и, взяв в руку золотой жезл, сел на престоле великом царя Дария. Персы вместе с македонянами к Александру подошли и поклонились ему, говоря: «Многая лета Александру, великому всего света царю, персидскому государю». И привели к нему персидскую царицу с дочерью Роксаной.

Увидел их Дарий, изнемог душою и, болея сердцем, много сожалея и плача, Роксану за руку взял, печально прижав ее к своему сердцу: «О душа, сердце и милый свет очей моих, вселюбезная дочь моя Роксана, вот тебе мужа нежданного из Македонии привел, не по своей воле, но Божиим произволением; его Бог господином персов сделал и всего нашего государства и богатств. Не таким стремительным, думал я, будет брак твой, как это ныне случилось, но всей вселенной царей и князей на веселый твой брак привести хотел и радость твою отпраздновать с большим веселием. Вместо же брака красного много ныне пролилось крови македонской и персидской. Мы, что смогли, то и сделали, Бог же, известными ему путями, нашей воспротивился ярости и свою сотворил волю, неутолимых зверей-персов соединил с превознесенными македонянами, их обоих вместе свел. Тебе повелеваю, дочь моя, к Александру достойно относиться, как к государю и царю. Прими, Александр, прекрасный и милый свет очей моих, прими, Александр, единородную дочь мою Роксану, которую в радости великой и благоденствии родил, ныне же с печалью великой оставляю, ибо в ад отхожу и буду всегда там, где и все рожденные на земле люди. И не будет в кровных моих на земле мне пользы, так как в адово истление отхожу и не смогу возвратиться. Ее же как рабу прими; если угодно тебе, возьми в жены, ибо прекрасна она, и мудра, и благородных родителей дочь». И, трижды поцеловав ее, к Александру подвел. Александр же с престола встал и Роксану за руку взяв с радостью любезно ее целовал, и на престоле с собою посадил, и венец, со своей головы сняв, на ее голову возложил, и перстень, с руки ее сняв, на руку свою надел. Дарию сказал: «Смотри, господин Дарий, и успокой сердце свое, ибо Роксана до конца жизни своей царствовать будет». Дарий же радостен был и сказал Роксане, дочери своей: «Царствуй вовеки с Александром, весь свет не стоит одного волоса с его головы». После этого царицу свою за руку взял и Александру сказал: «Вот мать тебе, как и Олимпиада». К /йерсам обернувшись, добавил: «Люби, Александр, персов, ибо верны они государю своему. Печаль моя радостью заменяется. Кандаркусу и Аризвану, убийцам моим, достойным образом воздай». И, сказав это, умер сильный царь Дарий. Александр со всем своим войском проводил его до могилы с большими почестями.

Кандаркуса же и Аризвана призвать велел и спросил: «Зачем государя своего убили?» Они же ему сказали: «Смерть его тебя государем сделала». Александр им сказал: «Если вы благодетеля своего убили, неужели меня, чужого вам, не убьете?» И велел их повесить, говоря: «Проклят тот, кто убийцу государя пощадит». И, придя в город, с Роксаною венчался. Роксана же, из всех жен земных наипрекраснейшая, не только красотою телесною, но и душевными добродетелями отличалась.

Александр же написал письмо матери своей Олимпиаде и наставнику своему Аристотелю в Македонию: «Александр, царь над царями, промыслом вышнего Бога, госпоже и матери моей, царице Олимпиаде и Аристотелю, моему учителю — приветствую вас. Уже семь лет, как я ушел от вас, и за все семь лет не писал вам, не передавал, что с нами. Это согрешение наше не от нелюбви к вам, но потому, что, когда мы воевали с великим царем Дарием, побеждая его или им побеждаемые, ни о чем другом думать не могли и писать вам не успевали. Теперь же узнайте, что с Дарием трижды сражались мы и его победили. Персы, видя это, царству моему покорились. Дарий же умер, а дочь свою Роксану как дар мне дал. Я, безмерную красоту ее видя, взял ее себе в жены. Знайте, что до тех пор, пока любовь к женщине сердца моего не охватила, никогда не приходила мысль о вас и о домашних, а с тех пор, как любовью к женщине в сердце ранен, начал о земном думать; до этого безразлично было мне, меня ли убьют или я убью, сейчас я в городе Персиполе великом с Роксаною-царицей, персами прославляемый, всей Персиде царь. И вы о себе пишите нам и сами в Македонии здравствуйте».

Всех македонян Александр переодел в одежды персидские, а персов — в македонские одежды; золота много у Дария нашел и всему войску раздал, и коней кормить велел. И столп высокий посреди Персиды соорудить велел; на столп взошел и сказал во всеуслышание: «Знайте все, персы и македоняне, что я многобожие идольское проклиная, поклоняюсь на серафимах почивающему Богу, небо и землю создавшему, херувимами славимому, неизреченному и неопишуемому, тресвятыми гласами славимому». И сказал: «Бог богов, всего видимого и невидимого, помощник мне будь и всех идолов и от земли и от моря ты истреби и искорени». И со столпа сошел, богатства Дария осмотрел и нашел в Персиде золота Дариева: двенадцать башен, полных чистого золота, двенадцать ковчегов полных, двадцать мер, полных камней и жемчуга, которому не было числа; и тысячу тысяч коней тучных, львов, охотничьих пардусов и соколов подъемных шестьсот. И этим всем войско свое снабдил, и сделал ему смотр на Персидском поле, и оказалось вооруженных всадников четыре тысячи тысячей. И, в Персиде с Роксаной побыв, против Клиса, лидонского царя, пошел, оставив Селевка в Персиде.

Тот не хотел ему покориться, но народ его, связав, к Александру привел. Столько богатства у него Александр нашел, сколько ни око не видело, ни ухо не слышало; его Александр войску своему отдал. И, приняв под свою власть все народы, с войском отправился на восток к краю земли.

СКАЗАНИЕ ОБ УДИВИТЕЛЬНЫХ ЖИВОТНЫХ, И ЗВЕРОПОДОБНЫХ ЛЮДЯХ, И О ЖЕНАХ ДИКИХ, И О МУРАВЬЯХ, И О ПТИЦАХ, И О ЛЮДЯХ ДИКИХ

Александр на восток пошел и там нашел много бессловесных скотов диких и зверей человекообразных. И десять дней шел по той земле, и жен нашел диких, высотой в три сажени каждая, косматы, как свиньи, и глаза их сияли, как звезды. И напали они на войско Александрово, многих из войска убив, пока не подошло второе войско; много тогда жен тех убили — бесчисленно.

И оттуда восемь дней шли, и дошли до некой земли песчаной, муравьи в той земле таковы были, что один из них, схватив коня, в нору уносил. И тут Александр велел носить солому и зажечь ее, и муравьи сгорели. И, оттуда отправившись, до реки дошел, ширина ее была — день хода, и мост через ту реку сделать велел, и сделали его за шестьдесят дней, и все войско по нему перешло.

И тут, в земле той, людей нашел величиною в локоть; они к Александру пришли и поклонились ему, много меда принесли и фиников, и те люди птицами называются. Александр же город создал в земле той, и царя над ними поставил, и научил их человеческой жизни; землю их за сто дней только прошел; меда же принесли так много они, что войску на год хватило. И Питисовое царство пройдя, на поле длинное и широкое пришел Александр, и озеро было на поле том, и вода в нем сладкая и быстрая; на берегу же озера того стояла статуя человека, из чистого золота сделанная, а поле полно было человеческих костей. Александр на коне быстро подъехал к статуе и такие слова греческие на столпе том обнаружил: «Люди, если кто-либо из вас хочет на восток пойти, пусть, до этого места дойдя, обратно возвратится, ибо нельзя дальше идти. Я, Сонхос, всего света был царь и края земли увидеть хотел, с войском моим на это поле пришел, и напали на меня дикие народы, войско мое большое разбили и меня на этом поле убили». Эти слова Александр прочел и, испугавшись, как бы македоняне их не прочли, взяв золотую ткань, обернул ею статую Сонхоса. И тут войско лагерем стало. Македоняне у него спрашивали: «О чем сообщают письма у золотой статуи?» Он же им сказал: «О прекрасных землях впереди они сообщают». И такими словами их успокоил.

Увидели людей диких в горах, гордых, страшных на вид, две сажени ростом, с косматыми головами, увидев войско, они не убегали. О них Александру сообщили. Александр же, сев на коня, отправился их посмотреть и, видя, что они с места на место переходят, коварно на войско его поглядывая, сильно испугался и сказал: «Это те люди, что

некогда Сонхоса разбили». И сказав это, велел войску вооружиться и забор высокий поставить. Одну жену взяв, к диким людям пошел и к одному из них жену послал. Жена, подойдя, рядом с ним села; он же, схватив ее, начал есть. Жена же громким голосом закричала; и воины Александра поспешили, чтобы отнять ее, и человека дикого копьем ударили. Он, громко зарывчав, жену отпустил. Услышав его голос, бесчисленное множество диких людей с дубинами и камнями напало на войско Александра. Александров полк в лагерь отогнали, пока не подоспел Антиох со своим полком, и тогда снова погнал их по широкому полю. И на коне в середину их въехал и, одного из них схватив за волосы, в лагерь привез. Было же десять лет детищу, и был он выше всех обычных людей. Здесь Александр убил их тысячу тысяч, Александровых же воинов две тысячи тысяч пало. Такой у них был обычай: если кого-то ранят, хватают его товарищи и съедают.

На другой день вельможи и воеводы Александровы сказали: «Царь Александр, хотим мы, всю землю покорив, отдохнуть немного, а не погибать в чужих землях от диких людей». Александр опечалился и сказал им: «О любимые мои вельможи, воспряньте духом, ибо, весь свет покорив, мы достигли конца и тогда уже отдохнем». И, поднявшись оттуда, землю диких людей прошли.

СКАЗАНИЕ О ЦАРЕ ИРАКЛИИ И СЕМИРАМИДЕ-ЦАРИЦЕ, И О СТОЛПАХ, И О ЛЮДЯХ ДИКИХ, И О ЛЮДЯХ ПСОГЛАВЫХ, И О РАКАХ, И О ЛЮДЯХ НАГИХ, БЛАЖЕННЫХ

И пришли они в некую землю, удивительную и прекрасную, что полна была различных плодов. И тут нашли два высоких столпа, сделанных из чистого золота, статуи царя Ираклия и царицы Семирамиды были на них. Придя к этим столпам, Александр сказал со слезами: «Дивные среди людей, Ираклий-царь и царица Семирамида, прекрасно в этих местах вы царствовали, прекрасно и умерли, память о вас и по смерти осталась». И, в царство их придя, с войском своим там шесть дней пробыл; пустые дворцы Ираклиевы нашли, золотом, жемчугом и камнями украшенные. И, в глубь пустыни пойдя, через шесть дней людей чудных встретили, шесть рук у каждого и шесть ног, и против Александра они выступили на бой, но сражаться с ним не могли. Александр многих из них убил, многих живыми схватил и хотел их во вселенную вывести; но не знали, что едят они, и они все умерли. И, землю их за шесть дней пройдя, к псоглавым людям пришли. У них все тело человеческое, а голова песья; говорят же они так: то как люди, то лают как псы. Александр много их убил и землю их за десять дней прошел. И вышли они к некоему морю, и тут Александр войску велел отдохнуть. И издох конь в войске, хозяин же его отволок и бросил на берегу. И вылезший рак морской коня утащил в море. И другие раки,

выходя, коней хватали и в море убегали. Услышав об этом, Александр тростник велел зажечь, и тут множество раков сгорело.

Оттуда в другое место пришли на берегу того моря, различных плодов там много было, и тут войску велел отдохнуть Александр. В море он увидел остров и туда попасть захотел. Корабль велел сделать и к острову собирался отправиться. Филон же сказал ему: «Царь Александр, не ходи первым на остров, не знаешь ведь, что там, погибнешь; лучше я прежде тебя пойду, и ты туда после меня пойдешь». Александр ему сказал: «А если ты там погибнешь, любимый мой, близкий и верный друг Филон, — кто меня утешит в печали по тебе, для меня голова твоя всех на земле ценнее». Филон же ему сказал: «Царь Александр, если Филон умрет, другого Филона вместо него найдешь, если же ты умрешь, другого Александра не найдет Филон». И, сказав это, Филон взошел на корабль и поплыл к острову. С утра до ночи плыл и, достигнув острова, людей там нашел, на греческом говорящих языке, мудры все и прекрасны были весьма и наги. И увидев их, Филон к Александру возвратился и все ему рассказал, что видел там.

И Александр, взойдя сам и тридцать человек с собою на корабль взяв, к острову приплыл. Люди же этого острова встретили его, поклонились ему и сказали: «Александр, зачем пришел к нам, что взять хочешь у нас? Ведь мы ничего не имеем, сам видишь, и плодами острова этого питаемся». Александр же сказал им: «Ничего от вас не требую, как на чудо пришел посмотреть на вас. Скажите мне, как имя мое узнали?» Они же ему сказали: «Имя твое много лет назад сообщил нам царь Ираклий. А о приходе нашем сюда расскажем тебе. Ираклий-царь с царицей Семирамидою у эллинов царем был, в Тракинской земле царствовал, которая у вас называется Македонией. И когда нечестие многое ту землю постигло, ложь, клятвопреступление и кровосмешение, царь Ираклий, видя это нашествие народов на землю, сказал: “Для многоумного мужа царские дворцы ничто, лучше в пустыне жить, ибо мудрый среди людей Соломон говорит: «Лучше мужу от тяжелых напастей страдать, чем человеческие беззакония терпеть»”. И, сказав это, Ираклий тысячу кораблей построил, и, праведных и честных людей земли своей собрав, с женами и детьми их, в корабли их поместил, и сам с царицею своею от нечестия и беззаконий бежал, и, целый год по морю проплавав, земли достиг, где ты столпы нашел и статую золотую видел. И тут много лет царствовал Ираклий-царь сладко и добро с царицей Семирамидой. Но оба легли и умерли. Нас же в земле той без главы оставили, все корабли спалив, чтобы мы в землю беззакония не вернулись. Мы же к прежним злым нравам вернулись, и разгневался Бог на нас за беззаконие наше, и предал нас нападению диких людей; царство наше они разорили и многих из нас убили. Мы же, не зная, как во вселенную вернуться, и в царстве своем не имея возможности жить из-за тех людей, здесь поселились и питаемся плодами этого острова, философией и книгами утешаемся. И нечего

тебе у нас взять, разве что мудрецов наших». Александр удивился их жизни и сказал: «Поистине нет на земле ничего почтеннее, чем разум слова, ибо человек на земле достойнее многих тысяч бесценных камней и жемчуга. Мудрый Соломон пишет: “Муж мудрый — сокровище неисчерпаемое, мудрому мужу ничто не изменит, муж мудрый над множеством людей властвует”». И, сказав это, Александр шесть философов с собой взял и с острова ушел.

Уходя он спросил их: «Что находится впереди?» Они ему сказали: «Ничего нет впереди, кроме Макаринских островов в Океане-море, где люди блаженные живут, что нагомудрецами называются, так как они от всех страстей свободны». Александр спросил философов: «Откуда они на острова эти пришли?» Они сказали: «Когда Адам, праотец наш, преступил заповедь Божию и из рая изгнан был, на острове том поселился, и пробыл сто лет на острове том, и, на рай глядя, всегда плакал, прекрасные красоты райские вспоминая. Здесь двух сыновей родил, Каина и Авеля. И, любви их дьявол позавидовав, брата против брата восстановил, и Каин убил Авеля. Печалью великою опечалились праотец наш Адам и праматерь наша Ева, и, изгнание из рая вспоминая, на рай глядя и сына своего Авеля мертвым перед собою видя, плакали непрестанно. Создатель всего, творец неба и земли, неизреченную печаль и безмерную скорбь праотца нашего Адама видя, глас ему послал: “О порожденные землею, из праха созданные, первые люди, Адам и Ева, зачем о смерти Авеля скорбите? Во второе пришествие мое воскреснуть должны”. И повелел Авеля в земле похоронить. А вместо него другого сына родил Адам, мужа праведного и благочестивого умом, всегда доброе мыслящего, по имени Сиф. Адам же, с острова этого глядя, об изгнании всегда воспоминал. И сказал ему ангел: “Адам, ты здесь всегда в унынии пребывать будешь; уйди отсюда, пойди во вселенную; когда семь тысяч лет пройдет, тогда опять увидишь рай”. И Адама и Еву с острова этого вывел, а Сифа, сына их, с чадами его оставил на острове этом. Они и есть нагомудрецы, от Сифа родившиеся, внуки Адама, как и мы, и нам братья. Шесть дней хода до них».

Александр со своим войском некоего малого острова достиг, высокого весьма. И, взойдя на него, статую свою из золота на столпе высоком поставил, держащую меч в правой руке, которым указывала она на Македонские острова. Оттуда пошел с войском своим и, пройдя шесть дней, некоего места достиг. Гора высокая была тут, и к той горе человек привязан был железными цепями: очень высокий, тысяча сажень в высоту и двести сажень в ширину. Видя его, Александр удивился, и не смели они к нему подойти. И плакал тот человек — четыре дня голос его еще слышали. И, к другой огромной горе придя, жену огромную нашли, цепями привязанную, тысячу сажень в длину и двести сажень в ширину; и змей большой о ноги ее обвился, за уста держал ее, говорить не давая. Пройдя восемь дней, озеро увидели, и

много змей в нем было, — это место мучений, где грешные люди мучиться должны.

Здесь Александр, с войском своим лагерем став, плоты велел делать, к Макаринскому острову собираясь плыть, и, Филона с собой взяв, на остров приехал. Увидел на острове том деревья весьма высокие и красивые, плодами украшенные, — одни из них зрели, другие цвели, иные же перезрели, и множество плодов на земле лежало. Птицы красивые на деревьях разные сладкие песни пели. Под листвою же тех деревьев люди лежали, и сладкие источники из-под корней тех деревьев текли. Войдя в глубь острова, Александр встретил одного из этих людей и сказал: «Мир тебе, брат». Он же Александру сказал: «Всем радость да будет, Александр, суетного света царь». Александр с ними говорить хотел, они же не хотели, сказав Александру: «К старейшим нашим пойдя, они приведут тебя к Иованту. Он тебе все о душе твоей и о смерти скажет, и о нашей жизни, и о вашей жизни, и обо всем, что ты хочешь узнать». Когда же Александр шел внутрь, множество людей тех встречали его и целовали, и все прорицали о походе его. Видя это, Александр удивлялся, думая, что это боги, а не люди. И, говоря ему все это, они к Иованту, царю своему, его вели.

Иовант же лежал под неким деревом; прекрасная вода недалеко текла; постель его и покров из листьев деревьев тех были. Иовант, увидев Александра, головою покачал и сказал: «Что к нам пришел ты, царь изменчивого и суетного мира?» И, взяв его за руку, рядом с собою посадил. Александр сел рядом. Иовант же, голову его руками обняв и ее сладко поцеловав, сказал: «Приветствую тебя, всех глав глава, ведь когда всем миром и светом овладеешь, государства своего и отечества больше не увидишь; и когда все земное приобретешь, тогда ад унаследуешь». Услышав это, Александр опечалился душою и спросил Иованта: «Зачем это сказал мне?» Иовант сказал ему: «Многоумному мужу не следует разъяснять». Александр сказал ему: «Если велишь, принесем тебе, что нужно, из того, что есть в нашей земле». Они же все сказали: «Дай нам бессмертие». Александр ответил: «Я сам смертен, как вам бессмертие могу дать?» И велел Филону чистый хлеб принести и вино. Иовант же, увидя это, ничего не взял, но сказал: «Не для нас эта пища, а для вас; наша пища — от дерева этого и питье — вода». И много ему удивительного рассказал. Александр удивился и со слезами сказал: «Поистине эти люди божественной жизнью живут». Иованта же спросил: «Как вы здесь поселились?» Он же ему ответил: «Адамовы внуки мы, как и вы. Когда Адам отсюда ушел, мы здесь остались, сыновья Сифа мы, сына Адамова, который вместо Авеля дан был ему». Иовант спросил Александра: «Зачем вы персидскую одежду носите и разнообразные яства едите?» И много с ним говорил обо всем. Александр спросил: «Скажите мне, как вы рождаетесь, ибо женского пола не вижу у вас». Иовант сказал ему: «Есть у нас жены, но не здесь, а на другом острове, однажды к ним приходим и, с ними пробыв тридцать дней, возвращаемся; когда же у кого-то родится дитя, больше

не сочетается с женою. И когда младенцу три года будет, мужского пола мы себе берем, а женский с женами остается». Александр сказал ему: «Хотел бы я остров тот увидеть, если вы позволите». — «Острова этого достигнешь, но ничего там не увидишь, ибо, до него дойдя, внутрь не смотри, потому что не останется человек живым, если внутрь посмотрит». Александр встал, и к острову тому отправился, и нашел там сооружение из меди, подобное стене, и, вокруг нее обойдя, внутрь посмотреть не смел, Богу это только можно, а людям — никому.

Александр столп на острове том поставить велел, и себя на нем в золоте изобразить, и надпись по-гречески на нем сделал: «Александр, царь македонский, который весь свет прошел, и острова этого достиг, и Макаринский остров видел, и тут эллинских богов не нашел, потому что эллинские боги повелением Бога Саваофа в глубинах ада, в тартаре, в геенне мучатся с дьяволом. И если кто другой на остров этот придет, на все пусть смотрит, внутрь же не заглядывает, это только Богу возможно, для людей же недоступно». И на Макаринский остров вернулся. «Макарии» же по-сербски значит «блаженные». К Иованту придя, Александр спросил: «Скажи мне, многомудрый блаженный Иовант, что впереди?» Тот ему ответил: «Река, в которой острова наши находятся, Океаном называется, всю вселенную обтекает, и все реки в нее впадают. На этой стороне ее — гора, которую ты видишь, плодами разными украшенная, — это есть место, называемое вами Эдемом, где Господь Бог Саваоф в начале времен создал рай на востоке. И тут Адама, праотца нашего, поселил. Он же по зависти дьявола пал, заповедь Божию преступив, и из рая изгнан был». Александр же спросил: «Могу ли я рай увидеть?» Иовант сказал ему: «Не может душа во плоти рай увидеть, ибо великой горой медной огражден он, в воротах же его шестикрылые херувимы с пламенным оружием стоят. Иди, Александр, туда, откуда ты пришел, следуй течению четырех рек, которые из рая текут; во вселенную пойди, ничего больше этого увидеть не можешь. Имена рекам этим — Гион, Фисон, Тигр, Евфрат». Александр с острова пошел, и все его любезно целовали. Александр же сказал им: «Если бы не забота моя о македонянах, чтобы они в чужих землях не пропали, здесь с вами остался бы я и во второе пришествие Божие рядом с раем находился». Иовант ему сказал: «Иди с миром, Александр, всей землею овладев, сам в нее придешь».

И направился Александр направо от востока. И, пройдя оттуда с войском своим десять дней, Александр поля некоего достиг, на котором был глубокий ров. И чтобы через него перейти, мост железный сделал и по нему войско свое провел все, на мосту же надпись сделал по-гречески, по-египетски и по-персидски: «Царь Александр до края земли дошел и по этому мосту войско свое перевел». И оттуда четыре дня пройдя, до темной земли дошел.

И тут избранные македоняне на кобылах, имеющих жеребят, в темноту вошли, а жеребят в лагере оставили. И ночь одну ходили там. Антиоху же Александр лечить войско велел. А сам сказал тем, кто туда пошел, чтобы всякий человек взял бы что-нибудь — камень, или дерево, или землю. И те, кто повеление исполнил, много золота вынесли, а кто повеления не исполнил, те сильно раскаивались, потому что исполнившие повеление вынесли драгоценные камни и жемчуг крупный и прочее.

И оттуда четыре дня шли они, и тогда встретились Александру две птицы человекообразные, и они ему сказали: «Царь Александр, зачем гнев на себя навлекаешь, пребывая в этих землях? Иди не медля, ждет тебя Индия вся и Пор великий; придя, господство его разрушишь. Вправо иди и более удивительное, чем прежде, увидишь».

СКАЗАНИЕ ОБ ОЗЕРЕ, ОЖИВЛЯЮЩЕМ РЫБ, И ОБ ИСПОЛИНАХ, И О СОЛНЕЧНОМ ГОРОДЕ, И ОБ ОДНОНОГИХ ЛЮДЯХ

И когда Александр шел от темной земли шесть дней, до озера некоего дошел, и тут они лагерем стали, и начали искать, что поесть. Повар же Александра хотел вымыть в озере сушеных рыб, — когда же их в воду опустил, рыбы ожили и в озеро уплыли. Александр, услышав об этом, удивился и всему войску купаться велел, и, вместе с конями своими искупавшись, все здоровы и крепки были.

И пройдя от того места двенадцать дней, на другое озеро пришел Александр, в котором вода была сладкой, как сахар. По берегу его он ходил, собираясь искупаться. И вдруг рыба из озера того выскочила; Александр, увидев ее, побежал, рыба же преследовала его и бросилась на берег. Александр схватил рыбу, разрезал и нашел в чреве ее камень с гусиное яйцо, который светился как солнце; Александр его вместо фонаря на копье посреди войска ставил. В ту же ночь жены из того озера вышли и около войска ходили, дивными, чудесными голосами красиво и печально пели. Македоняне, услышав, дивились этому шесть дней. И оттуда пришли в некое лесистое место, и там люди на них напали — выше пояса люди, а от пупа вниз — кони, исполинами они называются. И много их было, на Александра напали, стрелы имея при себе и луки. На стрелах же их не было железных наконечников, но прикреплены к стрелам наконечники из камня адаманта. Увидев их, Александр велел большой ров выкопать, и тростником и травой его прикрыть, и на бой их велел выманить. И они на бой пришли, о ловушке, сделанной для них, не зная. Александр с войском на них напал и многих убил, а много других в ров упало, десять тысяч их живыми схватил и во вселенную привел; настолько они быстры были,

что никто не мог от них убежать, и такие они были стрелки, что никогда не промахивались. Их Александр оружием снабдил, стрелы и мечи научил их носить, и много они ему в битвах помогали. Когда же во вселенную их привел и холодный ветер подул на них, все они умерли. Александр же, пройдя от того места сто дней, к пределам вселенной приблизился.

И тут в Солнечный город пришел, и в храм Солнца вошел, и нашел тут письма, в которых о смерти его было написано. И оттуда десять дней пройдя, встретил одноногих людей, одеяния же у них были овечьи. И много их схватили, и к Александру привели. Александр же спросил их: «Кто вы такие?» И сказали они: «Царь Александр, смилуйся над нами, отпусти нас, из-за немощи своей поселились мы в этих пустынях». Александр велел их отпустить. Они же, отойдя, на вершины гор взошли и, по камням прыгая, начали над Александром смеяться, говоря: «О глупый Александр, всех перехитрил ты, а мы тебя перехитрили. Как же ты отпустил нас, когда мясо наше лучше всех мяс, а кожа наша настолько тверда, что ее железо не берет; и богатств у нас много — крупному жемчугу и камням многоценным нет числа». Александр посмеялся и сказал: «Поистине всякая сойка от языка своего погибает». И, сказав это, войску своему велел приготовиться к бою без оружия, и, на гору с войском взойдя и окружив ее, две тысячи живыми схватили и в лагерь их привели; и велел с них кожи сдирать и эти кожи сушить. Мясо же их персам и египтянам дал есть. В логовищах их много камней драгоценных нашел — без числа. И, пройдя шесть дней, к индийским границам пришел. Тут Александр сделался весел, хотя много месяцев до этого не смеялся, — с тех пор как о смерти своей узнал, всегда печален был. Ведь и всякий человек, о смерти своей узнав, от радости к печали переходит.

И когда он на границы индийские пришел, Пор, великий царь, услышав об этом, вестника к Александру послал с грамотой: «Пор, великий индийский царь, равный индийским богам, Александру, македонскому царю, пишу. Смерть персидского царя Дария много тебя превознесла, и из-за глупости своей ты страдаешь. Не знаешь ли, что от войска моего не может укрыть тебя вся вселенная? Ибо, когда я разгневаюсь, вся поднебесная противостоят мне не может. Оставь глупость свою, моли прощение от меня принять, и дани, что от земель взял, принеси мне, сам же в Македонию беги, о жизни своей заботясь. Если же этому не подчинишься, не только в Македонии не сможешь укрыться, но и во вселенной не укроешься». Александр быстро грамоту прочел и к Пору свою написал: «Александр, царь над царями, не своею доблестью, но Божиим промыслом, великому Пору индийскому пишу. Ты мне пишешь, что победа над Дарием меня превознесла. Знай, что Дарий уподоблял себя богам, так же как и ты, я же богов ваших победил. Ты не велишь тебе сопротивляться, но если ты сильнее богов, почему Дарию не помог, или же мог, но не посмел? Я же с помощью Бога Саваофа на тебя не как на бога, но как на подвластного человека иду, ибо человек

недостойн называться Богом, Бога никто никогда не видел. Ты же со всею силою своею на бой иди, чтобы тем большей чести македонян удостоить — с тем большею храбростью разобью тебя. Если живым тебя схватим, то не на Макаринский остров пошлем, где, ты думаешь, боги твои пребывают, но в ад в глубинах земли, и с ними вместе терпеть муки будешь, ибо они там, в геенне, как мне Иовант, макаринский царь, сказал. Будь доволен оброками своими».

И эту грамоту Александр дал послу Пора, сам же письмо матери своей Олимпиаде и учителю своему Аристотелю написал в Македонию: «Царь Александр царице Олимпиаде, матери моей, и Аристотелю, наставнику моему, приветствие пишу. Четыре года минули, мать, как я вам не писал, сердцем болеете об этом вы много лет, думаю, и мы мыслями многими обуреваемы, и как корабль, многими обуреваемый волнами, так сердце наше потоплено печалью о вас. И часто вас во сне, сердечной привязанностью к вам влекомый, видел и печальных, и радостных. Ибо ум во сне далеко простирается и видит далекое. И, ото сна восстав, обманчивое видение упустив, печалью объят был, и, от сна восстав обманного, в немалой скорби буду. И так страдают все, кто сердечную любовь имеет. Ибо знаю твою неизреченную любовь к единокровному сыну, и о твоей любви ко мне мое сердце свидетельствует, любовь сердцу печаль и радость указывает. И по этому всему к согрешению нашему милостива будь и согрешения наши прости нам; ибо не от нелюбви, как я уже писал вам, посылать письма я не мог. С востока идем и в Индийской стране остановились; все удивительное, что случилось, это письмо вам расскажет. Вы уже знаете, так как я писал вам прежде, что персидское царство мы покорили и царя их убили, дочь же его я взял в жены себе и вместе македонян и персов соединил. И с ними в Иерусалим пришел. И узнал, что люди этого города в великого Бога веруют, и увидел, что это самый сильный Бог, сильнее всех богов ваших. И я поклонился ему, и уверовал в него. Имя ему — Бог Саваоф, невидим человеческими глазами, но умом только постигаем. И оттуда в Египет пришел, и тут египетского царя увидел на столпе, того, что царство свое оставил и в чужую бежал землю. Имеющий разум да разумеет. И тут эллинских богов отверг, и, помощью Бога Саваофа, славимого серафимами, вооружась, из Персиды к краю земли ходил. С тех пор, как писал вам, страны и места пройдя трудные, горы непроходимые и поля необозримые, до диких людей дошел, которые некогда великого и сильного Сонхоса-царя убили. И статую царя Сонхоса нашел на высоком столпе, из чистого золота сделанную, и на том столпе высоком о поражении его написано, как его дикие люди разбили. Я же, помощью Бога Саваофа, их разбил, и, оттуда пойдя с войском своим, леса многие прошел, ширина которых — день хода, и до царства Ираклия и Семирамиды дошел. И статуи их на столпах высоких из золота сделаны были. И оттуда к востоку отправился и нашел разных людей, шесть рук и шесть ног у них было, и зверей, которых описать вам не могу. И Макаринских островов достиг, и здесь богов ваших хотел увидеть, и ни одного не нашел, напротив того, макаринский царь, поклявшись, сообщил мне, что эллинские боги в глубинах ада терпят муки. И, острова эти пройдя, видел место, что Эдемом называется, где

праотец наш Адам жил, в котором Бог рай посадил на востоке. И когда я хотел пойти туда, мне макаринский царь не велел, говоря: "Не может человек во плоти рай видеть, ибо пламенным оружием охраняется он, и оно опалит тебя". Услышав это, я во вселенную возвратился, и, не зная пути, мы следовали по течению четырех рек, что из рая во вселенную текут, и, в правую сторону идя, через год во вселенную вышли, и на землю индийскую на индийского царя Пора идем, и в битву с ним вступить думаем, чтобы скорее исполнилось повеленное. И в здравии пребывайте, госпожа моя мать, с моим наставником Аристотелем, и нам о себе пишите».

СКАЗАНИЕ О ТОМ, КАК ПРИШЕЛ АЛЕКСАНДР НА ИНДИЙСКОГО ЦАРЯ ПОРА И ПОБЕДИЛ ЕГО

Пор же, индийский царь, со всей вселенной войско свое собрал и смотр ему сделать велел, и было у него войска тысяча тысяч и десять тысяч львов, обученных для войны. И когда эту несказанную силу Порову увидели македоняне и другие народы, то сильно испугались, думали Александра выдать Пору, индийскому царю. И сказали: «Сами жизнь свою выпросим у него», в Македонию думая бежать. Птолемей же, воевода Александра, узнав об этом, Александру сообщил. Александр, услышав об этом, войско свое к себе призвал и сказал: «О любимые и могучие македоняне, всех народов сильнейшие и лучшие витязи, вы весь свет завоевали и сильнейших врагов победили, а теперь испугались трусливых и немощных индийцев. Не могут они нас победить, как вам это кажется. И если я опостылел вам, то сами меня убейте. Если же вы ждете от Пора добра, то сам я к нему ради вашего блага пойду. Но знайте, македоняне, если Александра погубите, Македонию больше не увидите, будете в порабощении у всех народов и бесславно в чужих землях умрете. Не было такой чести вам при отце моем Филиппе от всех народов, как теперь, когда вы со мною царствуете. Знайте, что мне трех локтей земли хватит, а вас вся вселенная не укроет. Знайте, что, раз вы измену эту явили ныне, в конце времен станет подвластным государство ваше персам, и, вас всех погубив, отеческую землю вашу, Македонию, они захватят. Я же теперь к Пору иду на бой, если его убью, то я победитель всей земли, а не вы; если же он меня убьет, то вы все бесславно умрете». Македоняне, слыша это, плакали и, обступив Александра, сказали: «Великий царь Александр, лучше нам вместе с тобой умереть, чем без тебя жить долго. Измену же эту не мы проявили, но изменчивые, трусливые персы, соседи они индийцам, и пугают нас. А нас индийцы уже знают». Услышав это, Александр на персов разгневался, в женские одежды одел их и платки женские на головы им повязал.

И велел он к бою всем готовиться. Войско свое осмотрел, и было у него шесть тысяч тысячей. И грамоту в Перейду написал к Филону, которого

послал прежде к царице Роксане, чтобы персами правил: «Александр, царь над царями, моему любимому Филону. Знай, что, всю покорив землю, мы до Индии дошли и против Пора, индийского царя, стоим. И как только грамоту мою получишь, тотчас со всем западным войском в Индию иди, а ко мне пошли вестника, чтобы я против Пора вышел». И Александр на бой с Порой пошел. И когда сблизились два войска, Пор выпустил вперед десять тысяч львов; Александр же против них много буйволов неприрученных пустил. Львы с ними сразились и возвратились к своему войску. Александр войску своему на три части разделиться велел. Пошли они на бой, и, когда в трубы военные затрубили, съехались оба войска. Потом Пор в лагерь свой отступил, Александр тоже. В этом бою у Пора убили двести тысяч людей, а у Александра тридцать пять тысяч и македонян пятьсот. Узнав об этом, Пор к войску своему пришел и сказал: «О могучие вельможи, сатрапы индийские, вот с македонянами бились мы и побиты ими, что сделаем теперь?» Они же ему ответили: «Великий царь Пор, не людей посылай на бой, а больших елефантов и диких львов». И Пор привел сто тысяч елефантов, что значит «слонов», и башни на них деревянные сделав, и в каждой башне было по двадцать человек вооруженных, — и они на бой с Александром пошли. Александр же велел своим воинам на коней колокольчики повесить, и на бой быстро пошел, и пеших воинов двести тысяч повел с собою, которым ноги слонам подрезать велел. Слоны, услышав звон колокольчиков, испугались и побежали. Здесь у Пора Александр убил четыреста тысяч, у Александра же убили тысячу пятьсот. Пор, все свое войско взяв, переправился через реку, называемую Алфион, — на кораблях через эту реку переправлялись. И Пор на берегу реки со всем своим войском стоял, со всеми силами.

И в это время Филон из Персиды с огромной силою пришел к Александру с тысячею тысяч воинов, и сто тысяч коней откормленных Александру привел, тысячу тысяч верблюдов для разных нужд, и привез ему диадему многоценную и венец бесценный от царицы Роксаны и тысячу мер золота. И, стоя перед Александром, Филон сказал: «Милый мой государь и всем царям царь, великий хонкиарь и наасарь, царь Александр. Не следует нам, стоя против индийского царя Пора, долго медлить, но сразу на них нападём, как на трусливых и плохих воинов». Александр приходу Филона рад был весьма. Македоняне, узнав о приходе Филона, стали храбрее, а индийцы, услышав о нем, страхом были объаты. Филон же Александру сказал: «Великий царь Александр, пока Пор против нас стоит, то и войско его храбро; но пусти на них меня с отдохнувшим войском моим». Александр сказал ему: «Войско Пора сильно, а река эта непроходима для конских ног». Филон же ему сказал: «Македонские воины непоколебимы, а македонским коням ни одна река не страшна. Славою же твоею одень меня и молитвою твоею покрой меня, и пошли меня против Пора, ибо многое может слава сильного и достойного государя; славе твоей, Александр, ни горы не противостоят, ни реки, ни леса. Не подобает тебе с Пором сражаться, ибо много царей подвластных у тебя таких, как Пор; мне подобает с ним сразиться, а не тебе, ибо он индийский царь, я же, благодаря твоей милости, персидский государь, а персидское

владение индийскому равно». Александр ему сказал: «Как через реку перейдешь?» А он ему ответил: «Увидишь как». Александр дал ему тысячу тысяч всадников и еще тысячу тысяч пеших воинов. И Филон велел каждому всаднику пешего за собой на коня посадить с мечом. И так они стояли; когда же войско Пора начало обедать, Филон со всем войском бросился в реку и ее из русла вытеснили в поле перед ними, многие вымокли, а задние посуху перешли реку. Когда же переправились, пешие воины с коней сошли, и напав на лагерь, в битву вступили и конные, и пешие. Александр храбрости Филона подивился и, сделав то же, что и Филон, реку перешел. Индийцы после долгой битвы побежали. Александр, преследуя их, многих убил, а других в плен захватил. Из войска Пора тысяча пятьсот людей убито было. Пор же с боя бежал и, плача, говорил: «Увы мне, несчастному, сильные пали, а немощные перепоясались силою; македонский царь силу Дария победил и к волосам моим как репейник прилип, и силу мою разрушил. Их и Алфионская река удержать не может». Александр, заняв лагерь Пора, послал покорять землю Индийскую. Пор же, в столицу свою вернувшись, к соседним народам послал, сообщая им: «Знайте, друзья и братья мои, что, вселенную захватив и убив царя Дария, македонский царь Александр до нас дошел; трижды меня разбил и силу мою разрушил, к реке Алфион пришел и землю мою завоевывает. И прошу вас на помощь ко мне прийти, — ведь если меня победит, вы противостоять ему не сможете». Услышав это, северные народы тотчас пришли к Пору на помощь; было же их шесть тысяч тысячей, у Пора четыре тысячи тысячей, у Александра же одна тысяча тысяч. И, подготовившись, на бой вышли.

И когда встали друг против друга два войска, Александр велел пойти Филону послом к Пору с такой грамотой: «Александр, наасарь, великий хонкиарь, Пора, индийского царя, приветствует. Знай, что склоненную голову и меч не сечет; если бы Дарий мне покорился, государем над всем своим был и жизнь сохранил бы. И ты, ему в гордыне уподобляясь, очень превозносишься, — не знаешь ли, что всякий возносящийся унижен будет. И большим врагом индийцев ты оказался, которых из-за безумия своего на смерть ведешь. И если индийцы тебе милы, — а мне македоняне милы, — отныне довольно войскам нашим сражаться. Мы с тобой будем сражаться, ибо не должен из-за Александра и Пора весь свет погибнуть и опустеть; и если ты меня убьешь, государем над всем моим будешь, если же я убью тебя, то по справедливости всей Индии государем стану. Если жизнью своей дорожишь, правь землею своею, а мне дани давай и войско. Что тебе из этого угодно, мне напиши». Эту грамоту Филон взял и к Пору пошел. Пор же ее перед индийцами прочел и, обрадовавшись, сказал: «Я с тобою сражаться буду, а войска наши пусть в стороне стоят». И к Филону обратился: «Это ты государь персов, преемник Дария?» Филон сказал: «Я — Филон, преемник Дария, любимец Александра, государь персов и сосед финикийцев и Лидонской земли». Пор же ему сказал: «Отныне Александр не будет править, так как от руки моей умрет; ты же, о жизни своей заботясь, на мою сторону стань и, оставаясь государем у персов, Индии получишь четвертую часть». Филон ему сказал: «Я ныне государь персов. Ты мне четвертую

часть Индии даешь, Александр всю Индию мне дал; когда ее покорит, тогда мне в ней царствовать». Стоящие тут индийцы сказали Филону: «Как можешь так с сильным царем говорить?» Филон им ответил: «У сильного государя посол свободен, он верный слуга и страха не имеет». Пор же Филону сказал: «Стань моим, и дочь мою отдам тебе, и по смерти моей государем всей Индии будешь». Филон ему ответил: «Поверь мне, Пор, что весь поднебесный мир не может заставить меня отказаться от любви к Александру, потому что весь мир недостойн одного волоса с его головы». И, сказав это, Филон к Александру отправился, сказав Пору: «Поезжай скорее на бой, ждет тебя Александр уже при оружии на своем великом коне». И Александр в своем вооружении выехал, и Филона спросил: «Каков Пор?» Филон же сказал ему: «Телом велик и толст, но гнил; иди, убить его должен, ибо судьбе твоей Всеведающий помогает». Александр же, имя Бога Саваофа призывая, сказал: «Великий Боже, почивающий на святых, помощником мне будь ныне против индийского царя Пора. Един свят Господь Саваоф». И, сказав это, в руку копьё взял, и поехал навстречу Пору. Пор же против него выехал с войском своим. И, сблизившись, копьями ударили друг друга, и копьё обломились, рогатины извлекли и ими сто раз сразились, мечи вынули и их притупили. Тогда приблизился Александр к Пору и сказал: «Так-то ты верен слову своему, Пор, — войско твое помощь тебе посылает». Пор на войско оглянулся, чтобы их остановить. Александр Дучипала сильно пришпорил, и, к Пору быстро подскочив, мечом его под правый бок ударил, и пронзил его. А Дучипал коня его зубами за шею схватил и к земле пригнул; Пор упал с коня и бесславно душу свою отдал. Индийцы же, увидя это, пустились в бегство. Александр пошел за ними, преследуя, три тысячи их убили и многих в плен захватили. И, взяв тело Пора, на золотом одре его положил, и в столицу его Илиюполь принес. Царица же его Клитемиштра, волосы свои до земли распустив и одеяние многоценное на себе разодрав, с двумястами тысячами вельмож с плачем великим и рыданием тело Пора встретила. Александр велел положить его на золотом одре, и венец ему на голову возложил, и вместе со всем войском оплакал его, и велел с большой честью похоронить.

Пробыв тут двенадцать дней, Александр в Илиюполь вошел. И когда ввели его в царство Пора, столь много дивного внутри он увидел, что ни око никогда не видело, ни ухо не слышало. Дворец Поров был в четыре полета стрелы длиною и очень широк, стены золотые, и кровля вся золотая, и столпы золотые, жемчугом и камнями украшены; и битвы со всеми великими царями изображены были во дворце, и двенадцать месяцев в образе людей изваяны были, и двенадцать добродетелей человеческих сделаны из золота в виде женщин, каждая так, как ей должно, и часовник месячный, и смена фаз луны вверху палаты той изображены были. И привели к нему тысячу тысяч коней тучных Поровых и сто тысяч коней индийских под сетчатыми попонами, привели ему сто тысяч охотничьих львов Пора, двадцать тысяч пардусов, принесли тысячу тысяч доспехов, и корону Пора из камня сапфира, и многоценный перстень Пора из камня аметиста, и блюд настольных сто тысяч, бивней слоновых восемь тысяч, и многоценных

кубков настольных, камнями, жемчугом и золотом украшенных, тридцать тысяч, и множество других прекрасных вещей, так что невозможно рассказать. И тут Александр год пробыл со всем войском своим и любимца своего, Антиоха, сделал государем над индийцами.

СКАЗАНИЕ О ЦАРЯХ И КНЯЗЬЯХ МНОГИХ, И О ЖЕНАХ МАЗАНЬСКИХ, И О МЕРСИЛОНСКОМ ЦАРЕ ЕВРЕМИТЕ, ИМЕВШЕМ ПОД СВОЕЙ ВЛАСТЬЮ НЕЧИСТЫЕ НАРОДЫ, КОТОРЫХ АЛЕКСАНДР ЗАКЛЮЧИЛ, И О ЦАРИЦЕ КАНДАКИИ УСЛЫШИТЕ

Когда слышали соседние цари о поражении Пора, пришли к Александру многие цари и князья, и поклонились ему, и дары принесли многочисленные. Александр же на Мазаньскую землю пошел, и велел город мазаньских жен осадить, и воевать с ними упорно. Но столь эти жены искусно оборонялись, что никто победить их не мог. Александр, услышав это, удивлялся. А жены эти послали к Александру посла с грамотой: «Весть наших ушей достигла, о миродержец царь Александр, что ты, весь мир покорив, с женским полом сражаться хочешь. Но думаем, что тебе не следует с нами воевать, ибо не знаешь, что тебя ожидает. Если нас победишь, немного тебе от этого чести будет, а если мы тебя победим, то большой позор тебе будет. И просим тебя, не откажи нам в мольбе нашей и образ свой пришли нам, чтобы он вместо тебя над нами царствовал. А тебе мы даем дары многоценные честные — золото, драгоценные камни и жемчуг, сто жен и венец царицы нашей Клитевры. Жены эти прекрасные для тебя и твоих вельмож. Смилуйся над нами, малое наше приношение как от верных рабов своих прими и обнадежь нас своим ответом».

Александр принял грамоту, а красотой тех жен удивлен был. И грамоту в ответ написал: «Александр, царь над царями, сестру мою Клитевру, мазаньскую царицу, приветствую. Грамоту вашу получил, и написанное вами знаю, и за дары ваши благодарю вас. Но не следовало вам красивых жен к нам присылать, ибо мы победители всех мужей на земле и не хотим, чтобы жены нас победили. Копье мое к вам послал, пусть среди вас царствует вместо меня, и войско тридцать тысяч ко мне присылайте на помощь, так так хочу пойти на мерсилонского царя Евремита, не желающего мне подчиниться». Воевода Птолемей, стоя тут, сказал в шутку: «Царь Александр, сделай меня царем и владельцем над этими женами; а если же царства их не дашь, так хоть этих сто дай, чтобы я их проводил». Александр посмеялся и сказал: «Ты воевода всего войска моего, а одной из них достаточно, чтобы победить тебя». Птолемей же ответил ему: «Царь Александр, велик ты, а испугался их».

И оттуда Александр пошел на мерсилонского царя Евремита. Евремит, узнав об этом, все войско свое собрал, восемь тысяч воинов, и навстречу Александру пошел, и послал людей, чтобы передовой отряд Александра захватили. Александр отправил воеводу Селевка с тысячьо тысяч войска и в некоем месте укрыться велел ему. Евремит с войском своим выступил против Александра, но Селевк неожиданно напал на него, разбил и, взяв его в плен, к Александру привел, и велел Александр голову ему отсечь.

Нечистые же народы, услышав это, испугались и к северу побежали; Александр преследовал их до высоких гор, которые Северными холмами называются, и видя, что место подходящее, велел их там запереть, чтобы они больше во вселенную не вышли. И тут став, помолился Богу и невидимым силам, сказав: «Всевышний Боже, услышь меня, ибо нет для тебя невозможного, что ты сказал, то и стало, ты велел — и создалось; ибо ты единый, предвечный, безначальный, невидимый Бог, и твоим повелением, и твоим именем сделал я все это, ты дал в руки мои весь мир; молю всехвальное имя твое, просьбу мою исполни и этим двум горам вели сойтись». И тотчас две горы сошлись, на двенадцать локтей друг до друга не дойдя. Увидев это, Александр прославил Бога, и ворота медные сделал тут, и замазал их сунклитом. Сунклит же имеет такое свойство — ни огонь его не берет, ни железо. За воротами же в три поприща терновник посадил; и так заключил нечистые народы. И те ворота Аспидскими называются. Вот какие народы заключил Александр: готти, магогги, анагосии, агиси, азанихи, авенреси, фитии, анвы, фарзании, климеади, занерииди, теании, мартеани, хамони, агримарды, ануфиги, псоглавые, фердеи, алане, сфисони, кенианиснеи, салтари. Это были нечистые народы, и их Александр заключил по причине их нечистоты. И оттуда опять во вселенную возвратился, многие города и острова покорив.

Услышав о его приходе, Клеопила Кандакия, амастридонская царица, искусного художника послала, чтобы он написал портрет Александра. Тот написал и принес Кандакии. Царица же, красоту его видя, удивлялась и в спальне своей этот портрет хранила; знала она о хитрости Александра, что он сам на разведку в разные города ходит и что получил царство Дария, побывав там под видом посла. Зная об этом, царица Клеопила Кандакия надеялась захватить его. В то время Александр царствия царицы Кандакии достиг. А царица Кандакия Пору, индийскому царю, сватьей была, так как сын ее Картор дочь Пору взял в жены. Александр подошел к Амастридонской земле. Узнав об этом, агримский царь Кандавлус, сын царицы Кандакии, из царства своего бежал вместе с женой и богатством к матери своей, Клеопиле Кандакии, амастридонской царице. Евагрид, силурский царь, видя его бежащим из-за страха перед Александром, вышел против него и разбил, и жену его, и дочь, и все богатства его взял. А Кандавлус с сотней всадников в Амастридон, к матери своей, бежал. Воины же Александра захватили его и спрашивали: «Кто ты и откуда?» Он же сам им все о

себе рассказал. Они привели его к Александру. Александр же, услышав, что Кандавлус, сын царицы Кандакии, схвачен, вместо себя воеводу Антиоха на царском престоле посадил, а сам как один из вельмож перед Антиохом стоял, ибо хотел в Амастридонское царство сходить и его разведать. И Антиоху сказал: «Прикажи, чтобы я его перед тобою поставил, и о всем его расспроси, и мне его передай». Антиох велел привести Кандавлуса. Александр пошел и привел его к Антиоху. Кандавлуса же Антиох спрашивал: «Откуда бежал и как в руки мои попал?» Тот сказал: «Страшась тебя, бежал к матери моей, амастридонской царице Кандакии. Евагрид же, сосед мой, силурский царь, напал на меня и разбил, и все богатства мои взял, и жену, и дочь мою. Я один с боя убежал и твоих воинов встретил; они меня схватили и к тебе привели. На мне исполнилась ныне притча о некоем злосчастном человеке, который, убегая ото льва, влез на высокое дерево, стоящее на берегу озера, и, на ветвях его поместившись, от страха перед львом избавился, но, на верх дерева, выше себя, посмотрев, змея увидел, собирающегося его проглотить, и, не зная, что ему делать, воскликнул: “Со злосчастными все беды случаются”. И, сказав это, в озеро прыгнул, говоря: “Лучше мне крокодилом в один миг съеденным быть, чем от льва или от змея принять горькую смерть”. Так и со мною случилось, царь Александр: испугавшись тебя, я бежал и на воинов твоих натолкнулся». Антиох, на царском престоле сидя, сказал Кандавлусу: «Злосчастным все беды выпадают, и от них они наконец умирают. Ты же, злосчастный, поскольку ко мне попал, от несчастья избавился, я тебе жену твою возвращу, и дочь твою, и все богатства твои, все свое получишь, а я буду твоим гостем и другом». И сказал Александру: «Воевода Антиох, войско мое возьми и на Евагрида, силурского царя, пойди; и если жену Кандавлуса, и дочь, и богатства его добром вернет, приведи его ко мне для примирения, если же не возвратит, то всю землю его покори и города его разори, а его связанным ко мне приведи. И когда это исполнишь, к матери его Клеопиле Кандакии, амастридонской царице, послом тебя пошлю». Услышав это, Кандавлус клобук снял и Антиоху в ноги поклонился, думая, что это Александр, и сказал: «О великий царь Александр, всем несчастным ты помогаешь, и за столь великую добродетель всего света царем Бог тебя сделал; поскольку же я тебя удостоился видеть, то все мое горе в радость для меня обратилось». И сказав это, Кандавлус Антиоху поклонился. Александр же, за руку его взяв, в лагерь свой отвел.

И пошел на Евагрида, силурского царя, взяв с собою четыреста тысяч отборных воинов. И когда они шли, Александр Кандавлуса спросил: «Если жену твою возьму и в руки тебе передам, чем отблагодаришь меня?» Кандавлус же ему сказал: «Невозможно словом выразить то, чем обязан буду тебе, столько добра сделавшему, все богатство мое тебе отдам и голову свою в руки твои отдам. Сколько можешь, постарайся ради меня, и когда отсюда возвратимся, то Александра просить буду, чтобы отправил тебя послом к матери моей Клеопиле. И она вознаграждение великое и дары даст тебе, и третьим сыном у нее будешь». И когда дошли до земли Евагрида, Александр разделил войско на три полка: сто тысяч войска пленить землю послал, сто тысяч на

Евагрида и сто тысяч в дубраве около города спрятал. И жителя той земли захватил, и, грамоту ему дав, научил его, что нужно сказать Евагриду: «Знай, царь Евагрид, что Александр, царь царей, государь всей земли и всего света, до этих мест дошел. И видя твое упорство и глупость твою, воеводу Антиоха прислал сюда, и он тебе говорит так: “Дани нам принеси, и жену Кандавлуса, и дочь его, и богатства его возврати. Если же этого не сделаешь, смертью злою умрешь”». Евагрид же, услышав это, разведку послал к Александру. Они же, к нему вернувшись, сказали: «Мало войска у Антиоха». Евагрид, услышав это, на бой с Александром пошел. Александр же спрятанное войско из леса вывел и Евагрида разбил; Евагрид, боясь Александра, сам, бросившись на меч, пронзил себя. Александр пришел к городу и полностью разрушил его, и богатства его взял, и Кандавлусу жену и дочь возвратил; и, взяв добычу, к своему войску пошел. Кандавлус же, придя к Антиоху, поклонился ему как Александру. Антиох ему сказал: «Все свое возьми и к матери своей иди». А Кандавлус отвечал ему: «Великий царь Александр, все мои желания ты исполнил и это мое прошение исполни — воеводу своего Антиоха пошли к матери моей; все, что ты желаешь, он совершит, ибо в этой войне я увидел, что он весьма мудр и искусен и верен тебе». Антиох же ему сказал: «Все, что желаешь ты, исполню». И Александра призвав, приказал ему: «Пойди, воевода Антиох, к Клеопиле, амастридонской царице, вместе с сыном ее Кандавлусом, и передай ей: “Царь Александр к границам земли твоей пришел и даней от тебя ждет. Если этого не сделаешь, со всеми силами своими на царство твое пойду”». Александр Антиоху сказал: «Вели грамоту написать к ней». Стоявший тут Кандавлус сказал: «Не нужно писать грамоты для такого мудрого посла, как ты». И оба поклонились Антиоху и ушли. Антиох велел подарить Кандавлусу многоценное одеяние македонское, кучму персидскую и коня индийского под крокодиловой попоной. Александр повел его в свой лагерь, с почетом принял его и, дорогими дарами одарив, послом к его матери пошел.

На пути Кандавлус много целовал Александра, говоря ему: «Поистине на всей поднебесной земле подобного тебе человека не видел; если второй подобный тебе есть у Александра, вот уж поистине всего света он царь». На это Александр Кандавлусу ответил: «Поверь мне, брат Кандавлус, много у Александра людей, которые больше и старше меня — Филон, воевода Птоломей, после него Селевк, а после него Андигон, и потом меньший из них я, Антиох». Кандавлус же ему сказал: «Всех их я видел, но тебя среди них наибольшим считаю, достоин ты над всеми царствовать». Александр же испытывал его, желая узнать, насколько он любит его. Тот же ему сказал: «Даже смерть вместо жизни приму, и если случится мне с тобою умереть, не разлучусь с тобою». И так беседуя, они до некой большой пещеры дошли. Кандавлус сказал Александру: «Любимый мой брат Антиох, говорят, что в этой большой пещере все эллинские боги находятся, после смерти своей в пещеру эту попадают. И если хочешь узнать о смерти своей, то, немного пройдя, сверни в сторону и в пещеру эту войдешь». Александр же ему сказал: «Так вот какова любовь твоя ко мне, брат Кандавлус, если велишь мне войти сюда?» Кандавлус прижал его к себе и, плача, сказал: «О

любимый брат мой Антиох, не сказал я тебе: “Войди сюда”. Но сказал тебе, кто живет в этой пещере». Александр, немного пройдя, свернул в сторону и вошел в пещеру. Когда же вошел он внутрь, встретились ему некие зверообразные призраки. Он же имя Бога Саваофа призвал, и все в прах превратилось. Нечто чудесное и дивное в пещере той он увидел: много людей со связанными сзади руками: Геракла увидел здесь, и Аполлона, и Кроноса, и Гермеса, которых эллинскими богами считают. Александр видел, что связаны они цепями, и, подойдя к одному из них, о чудесных явлениях этих спросил. Тот же ему сказал: «Иди дальше, Александр, больше, чем это, увидишь. Все они были эллинскими царями, как и ты теперь, и за чрезмерную гордыню, так как они Богу небесному себя уподобляли, Бог на них разгневался и в пещеру эту велел их бросить; и души их здесь мучиться будут до конца времен. Когда же кончится седьмой век, в тартар огненный пойдут мучиться на бесконечные времена, навсегда». Александр же его спросил: «Кто такие эти зверообразные люди?» Тот ему ответил: «Это те, которые жестоко, без милосердия, царствовали». И Александр ему сказал: «Кажется мне, что где-то видел тебя». Он же ответил: «Тогда, когда ты на диких людей ходил». Александр спросил: «Как имя твое?» И тот ему ответил: «Я Сонхос, царь индийский, что некогда весь свет покорил, и гордынею вознесся, и на восток до края земли дойти хотел, — но дикие люди напали на меня, разбили и убили меня. И пришли ангелы, связали меня и в эту пещеру заключили. И здесь терплю муки за безумное мое превозношение. Берегись и ты, Александр, чтобы не вознесся и сюда не был приведен».

Когда Александр среди них ходил, он увидел и Дария, царя персидского. Дарий же, увидев его, печально заплакал и сказал: «О мудрый среди людей Александр, неужели и ты осужден здесь с нами быть?» Александр ответил: «Не осужден, но пришел вас видеть». Дарий же ему сказал: «Задержись немного, расскажу тебе нечто удивительное, что случится с тобою в пути. Знай, что у Клеопилы Кандакии, амастридонской царицы, есть портрет твой и узнает она тебя; но иди, не сомневайся, Бог, в которого ты веруешь, от руки ее избавит тебя. Здесь же не задерживайся». И опять Дарий со слезами к нему обратился: «Милый мой сын Александр, как персидское царство пребывает и какова любовь дочери моей Роксаны к тебе?» Александр же ответил ему: «Персия при мне благоденствует, как и при тебе, а Роксана, дочь твоя, со мною над всем светом царствует». И Дарий ему сказал: «Внутрь пещеры войди, там царя Пора увидишь». Александр, увидев Пора, сказал ему: «Великий индийский царь Пор, некогда ты богам уподоблялся, здесь же как один из ничтожных людей терпишь муки». Пор же ему ответил: «Так мучаются здесь все, что земною славою превозносились. Берегись и ты, Александр, и не превозносись, чтобы не был осужден здесь мучиться». И еще добавил: «Честь жены моей, Клитемищры, сохрани». Александр сказал: «Заботься о мертвых, а не о живых». И, сказав это, Александр из этой пещеры вышел, и, к Кандавлусу придя, нашел его плачущим, потому что тот думал, что Александр в пещере погиб. Когда же увидел его, то с радостью быстро подбежал к нему и, целуя его, сказал: «Зачем, брат Антиох, ты долго

был там и этим напугал меня; но поистине убедился я ныне, что велико счастье государя твоего, царя Александра, ибо вижу тебя невредимым. Но скажи мне, что в пещере этой видел». И так, удивляясь оба, к царице Кандакии пришли.

Царица Клеопила, узнав о приходе сына, обрадовалась весьма и, встав со своего престола, его встретила; слышала она, что Александр убил его. Радостью великою возрадовалась и расспрашивала сына своего, желая узнать все, что случилось с ним. Кандавлус начал ей рассказывать, Александра же к матери своей подвел и сказал ей: «Вот Антиох, воевода Александра, он мне дал жизнь и жену мою и дочь от Евагрида освободил, и все, что случилось со мною хорошего, — все он мне сделал. Прими его вместо сына, мать моя, ибо он у Александра в большой милости». Царица же, услышав это, обняла Александра, целовала его много и сказала: «Добро пожаловать, сын мой, сильного государя посол, воевода Антиох». И красоту лица его видя, удивлялась и сказала ему: «Третьим сыном мне будешь отныне, Антиох». Александр встал и посольство начал править. Она же речам его и манерам удивлялась и, глядя на него, подумала, что это и есть Александр. Любезно его целовала и сказала: «Хотела бы, Антиох, чтобы ты от нас не отъезжал, но вместе с моими сыновьями и со мною бы царствовал, а к Александру не возвращался; но поскольку это невозможно, то встань, и в царский дворец войди, и царские мои богатства посмотри, и что захочешь, то возьми. И дам тебе грамоту к Александру, и дани ему дам; посла моего пошлю к нему с тобою и с великою честью отправлю тебя к нему». И, сказав это, Александра взяла за руку, и в царские палаты его ввела, и тут показала ему нечто чудесное — много царского жемчуга, множество камней и неисчислимое количество золота. И ввела его в свою спальню и, на портрет его глядя, сказала: «Что тебя из всего, что в доме моем видел, Александр, привлекло?» Он ужаснулся и сказал ей: «Антиох мое имя, я слуга Александру». Царица же сказала: «Я знаю, что ты Александр, не подобает тебе называться Антиохом. Если в знание мое не веришь, на портрет этот посмотри и черты облика своего узнай». Он ответил: «Поистине похож я на Александра, за это он любит меня весьма». А она сказала: «Ты — сам Александр; воистину я ныне царицей всего света стала, ибо царя всего света в руках своих держу. И знай, царь Александр, что по своей воле ты вошел сюда, но по своей воле отсюда не выйдешь». Услышав это, Александр изменился в лице, заскрежетал зубами и, озираясь вокруг, обдумывал, что ему делать. Царицу в спальне решил убить, а самому, до коня добежав, броситься навстречу либо смерти, либо спасению, думая: «Лучше великому господину честно умереть, чем позорно жить». Царица Кандакия, видя, как он изменился в лице, к дверям отступила. Александр, схватив ее, сказал: «Не выйдешь отсюда, но здесь бесславно умрешь. Я же, убив тебя, во двор выйду и обоих сыновей твоих убью и сам с ними умру честно». Тогда царица Кандакия радостно подошла к Александру, и, прижавшись к нему и за шею его обняв, любезно поцеловала, и сказала ему: «О великий Александр, сын мой и господин, не печаль мое сердце и беды для себя не предполагай, ни смерти от меня не бойся, ибо я убить тебя не думала. Ныне же поучу тебя, сына своего, многими

дарами почтив тебя, к войску твоему отпущу тебя с честью, ибо недостойно такого человека на земле погубить, мудростью и храбростью отличающегося, но следует охранять и почитать. Тот, кто захотел бы тебя убить, для всего света стал бы кровным врагом. Головою твоею и жизнью весь свет держится, и мир страхом перед тобою существует. И не подобает мне всех глав отсечь голову. Хотела бы сыном тебя иметь, Александр, и с тобою стать всего света царицей. Поэтому успокойся, не так я безумна, как это тебе кажется, чтобы, лишив тебя жизни, весь свет поколебать, ибо весь мир недостойн одного волоса с твоей головы. Но как настоящая мать твоя хочу укорить тебя: больше не ходи, Александр, послом, ибо не знаешь превратностей судьбы. Не следует тебе, всех глав главе, рисковать своею головою, ибо смертью своею весь мир погубишь». Александр поклонился ей и сказал: «Отныне матерью мне будешь, как Олимпиада».

Кандакия поцеловала его и, за руку взяв, повела во двор. В то время прибыл сын ее Дориф, сторожевыми отрядами Александра разбитый; едва сам убежал, а войска своего лишился. И услышав, что Антиох, воевода Александра, послом к его матери пришел, поспешил к ним, намереваясь убить Антиоха. Кандакия, узнав об этом, сказала Дорифу, сыну своему: «Не следует тебе этого делать, ибо Александр брата твоего от беды избавил, жену, дочь и все богатства вернул ему и живого к нам отпустил с почетом, от гибели избавив его, от Евагрида, силурского короля, и посла к нам прислал, любимца своего Антиоха, с любовью к нам и миром. А ты, вместо добра и чести, которые следует нам ему воздать, голову ему отсечь хочешь. Ныне, сын мой, лучше тебе умереть, нежели посла Александра в доме моем убить». Дориф же матери своей не хотел повиноваться, говоря: «Ты одного из людей Александра не даешь мне убить, а он моих людей много тысяч убил. Верь мне, мать моя, что Антиох жив не будет». И это услышала жена Кандавлуса, и, поспешно прибежав к Кандавлусу, сказала: «Знай, что брат твой, Дориф, хочет убить мечом любимого тобою Антиоха». Кандавлус, услышав это, быстро пришел к ним во дворец и увидел там Дорифа, держащего обнаженный меч, и мать, которая держала его за меч, не давая ему убить Александра. Тогда, подбежав, он меч из руки брата выхватил и хотел его им ударить. И начал корить его, говоря: «Недостойный трус, если храбрым себя считаешь, сам с ним попытай своего счастья; ибо истинно говорю тебе, когда он возьмет меч, то сто таких, как ты, убьет, и противостоять ему не смогут; если храбрым считаешь себя, иди и убей его посреди войска Александра, ибо, убив его здесь, всех нас этим погубишь. Тебя же вся вселенная от Александра не сможет укрыть, ибо Александр, государь его, одним ударом меча убил великого Пору индийского, тестя твоего». Кандакия же внутрь вошла и вывела Александра во двор. Увидев его, Дориф подошел к нему, намереваясь его убить. Александр взялся за свой меч и сказал Дорифу: «Вижу, убить меня хочешь, но знай, что и сам смертью умрешь; не так македонянам смерть страшна, как ты думаешь. А если меня, посла Александра, убьешь и государь мой Александр искать меня придет, где укроешься? Поверь мне, что и в утробе матери, откуда ты вышел, — и там укрыться не сможешь. И если бы Александр, государь мой, знал,

что царица Кандакия послов убивает, не послал бы меня к вам, но со всеми силами своими, без посла, пришел бы сюда». Дориф, услышав это, испугался. Кандакия же царица сказала Александру: «Мудрый разумным образом всякий страх сердца мудростью языка покрывает». И вместе с Кандавлусом, сыном своим, Александра за шею обняла и с Дорифом его примирила. И после того как он долго гостил тут, дарами его одарила; и подарила ему царица Кандакия венец свой с камнями и многоценным жемчугом. И тайно сказала ему: «Возьми это, Александр, отнеси дочери моей, своей жене Роксане». И подарила ему перстень с четырьмя камнями, искусно соединенными магнитной силой, и подарила ему оружие из анкитового железа, на аспидовой коже, белого анфарского коня с расшитым жемчугом седлом, подарила ему шлем с орлом, а на груди орла надпись: «Александр, наасарь, великий хонкиарь, всего света государь». И тут, после того как он долго гостил, царица Кандакия, плача, сказала: «Не ходи больше, Александр, послом, ибо не знаешь превратностей судьбы». И, сказав, отпустила его с великой честью, и дань ему за десять лет дала. Он же не захотел взять ее, говоря: «Упрошу Александра не брать ее». Сказала она ему: «Если дань оставишь, поймут мои сыновья, кто ты. К нам же любовь имей и искреннюю дружбу сохрани». И, сказав это, за шею его обняла, и с плачем ему сказала: «Рада была бы сыном тебя иметь, Александр». И, сказав это, отпустила его. Оба сына ее, Кандавлус и Дориф, проводили его до лагеря. Воины Александра встретили его и, сойдя с коней, поклонились ему. Кандавлусу и Дорифу Александр сказал: «Знайте, что я царь Александр». Они, услышав это, сказали: «Если ты Александр, мы теперь погибли». Александр же, обняв их, сказал: «Вы от меня не умрете, но сохраню вас с любовью и почетом, ибо матери вашей, Клеопиле, я сын, к вам же братские чувства имею». И тут, одарив их, Александр с честью отпустил.

Встретили его воевода Птолемей и Антиох и с плачем сказали: «Зачем, Александр, рискуя жизнью своею, всю вселенную поколебать хочешь; зачем головою своею рискуешь: сам послом ходишь, — бесславно умрешь, а нас, оставив в чужих землях, погубишь. Не будь, Александр, врагом нашим, каким на деле и не являешься; и, покорив весь свет, пойдем теперь в Перейду, и, вернувшись домой, земные владения разделишь между нами, по заслугам и достоинству каждого». И вернувшись к войску, Александр пировал много и веселился с людьми своими.

СКАЗАНИЕ О ВОЗВРАЩЕНИИ АЛЕКСАНДРА В ПЕРСИДУ К ЦАРИЦЕ РОКСАНЕ, И О РАЗДЕЛЕНИИ ИМ ЗЕМЕЛЬ МЕЖДУ ВЕЛЬМОЖАМИ, И О ПРОРОКЕ ИЕРЕМИИ, КОТОРЫЙ ПРЕДСКАЗАЛ ЕМУ СМЕРТЬ

Александр собрал свое войско и направился в Перейду к царице своей Роксане. И, придя в Перейду, устроил тут много празднеств, и земные царства разделил.

Антиоху дал Индийское царство и всю Мерсилонскую и Северскую землю; Филону дал Персидское царство и всю Азию и Киликию; Птоломею дал сладкую прекрасную землю Египет, и Иерусалим, и всю Палестину, и Междуречье Северское, и сладкие Придийские острова; Селевкушу дал Римское царство; Лаомендушу дал Немецкую землю и Парижское царство. И, все это по достоинству разделив, с Роксаною, царицей своею, год провел в радости и веселии.

И оттуда Александр со всем двором своим в Вавилон пошел. И в ту же ночь явился ему пророк Иеремия, говоря: «Иди, чадо Александр, на назначенное тебе место, ныне исполняется сорок лет, Александр, и четырех-составное тело твое должно распасться; от земли взятое в нее же возвращается. Знай, что, обойдя всю землю, отечества своего не увидишь; из рук служащих тебе, от которых ты блага вкушаешь, от них же и яд вкусишь. В Вавилон иди, и раздели войско свое, и земли царства своего раздели и укрепи. И в землю, из которой вышел, вновь в нее войдешь, и в небытии будешь. Ибо нетленная душа будет взята и в неведомое место Божиим промыслом отведется, тело же тленное в тленной земле останется и, рассыпавшись, в небытии будет; в конце же времен от земли вновь восстанет, и тленное существо в нетление облечется, и тут вновь соединится с душою. И когда узнают они друг друга, как некие любящие друзья, часто встречавшиеся, поистине радостно им будет, и весело, и любезно. Так соединятся души с телами. Александр, этому верь, ибо встанут все на Страшном Суде, на великом торжище, где престолы поставят, и сядет Ветхий деньми, судия грозный и нелицеприятный; тысяча тысяч ангелов вокруг него и многоочитые серафимы и шестикрылые херувимы. Тогда всякая душа, облекшаяся в свое тело, на суде возмездие примет, с телом вместе согрешила, с телом же и наказание примет. Тогда сотворившие добрые дела примут жизнь вечную, сотворившие же злые дела муку вечную примут, и тогда конца времен не будет. Тогда ни мужской пол, ни женский родиться не будет, не будет ни красоты, ни уродства, ни возрастов, ни различия в лицах, ни черных, ни белых, ни русских, ни смуглых, но тело в едином естестве будет, сохраняя только то, что причастно ему от времени, креста и разума, прочее же все исчезнет, а душа пребудет вечно бессмертна. Тогда, Александр, всякий человек узнает своих любимых, — не только тех любимых, которых видел, но и тех, о которых слышал, увидит и встретит на этом грозном суде и на этом великом торжище. Там, Александр, узнаешь всех, кого обидел здесь, и тобою обиженные узнают тебя там. Знай, что больше при жизни не увидишь меня, но увидишь меня там, где предстанут все, от века умершие, на Страшном Суде великого Бога Саваофа». И, сказав это, пророк Иеремия невидим стал.

Александр, пробудившись, в растерянности был и в смятении ума, на постели сидел и плакал горько, об ужасном видении думая. И сердце его было в потрясении, как некий корабль в пучине морской, обуреваемый ветрами и волнами. И, в размышления впад, об ужасном видении думая, на ложе своем сидел и плакал. Филон и Птоломей утром пришли и, застав его плачущим, золотые венцы с голов своих сбросили, землю головы посыпали и подошли к Александру, плача и говоря: «Зачем, Александр, радость на печаль заменяешь, зачем скорби предаешься?» Александр же о видении своем рассказал. Они, услышав удивительный рассказ, ужаснулись и, желая утешить его приятными речами, говорили: «Не следует, Александр, из-за ночных мнимых образов удаляться от разума, ибо сновидения, как нам думается, происходят так: от долгого сна и от излишнего питья увлажняется головной мозг, в котором живет царь сознания — ум; и когда человек долго спит, мозг весьма увлажняется сонной влагой, и ум духовным оком своим смотрит и видит многое, что видел уже и что слышал когда-то, и все это видит в действии. Сновидение, Александр, это зрение души. Тело тленно и наяву видит тленное, видимое, душа же, будучи нетленной, невещественной и мыслимой, все, что хочет и что мыслит, то и видит, и далекое и близкое, ибо ее бытие, где захочет; такой по подобию Божиего образа создана. Ибо Бог присоединил ее к мертвенному телу, чтобы, оживляя его, им управляла, подобно тому, как огонь от ветра разгорается, или как кузнец обрабатывает золото с помощью железа, или как корабль по морским волнам плывет, не сам собою носим, но дующим ветром. Так и тело душою управляется, ею существует и водится и носится, — они как два быка, тянущие вместе плуг до тех пор, пока соединивший их, все промысливший Бог разъединит их. Душа возьмется, а тело останется, душа к нему отойдет, потому что невещественна, а тело к земле, ибо вещественно и тленно. Аристотель же, мудрый учитель твой, Александр, в книгах своих пишет, что соединятся души с теми телами, вместе с которыми согрешили, когда второе рождение будет, когда мертвые восстанут из гробов. И мудрый Соломон сказал, что души праведных в руке Божьей, грешных же души в тартаре, в геенне мучиться будут, в глубинах земли. Мудрый же Аристотель и великий Платон говорят, что конец мира будет тогда, когда восполнится число отпавших ангелов душами праведников. Это, Александр, и еврейский пророк Иеремия подтверждает, говоря, что это так». И, слыша это, Александр дивился, и, недоумевая, говорил: «Слава тебе, чудный, дивный, непостижимый, невыразимый, непознаваемый и непонимаемый Боже, из небытия в бытие все приведший и благоприятствующий всему своим великим промыслом. Ты небеса создал единым словом,, они же вида своего не изменили, не разрушились, и землю создал, столь огромную, и ее ничем не укрепил, она же ни плодов своих не изменила, ни обычаев; тобою морские волны и многие воды на одном месте стоят и постоянно умножаются, не иссякают, и из пределов своих не выходят, и естества своего не изменяют, но удерживаются силою и колеблются многими ветрами, которые ни образа своего не изменяют, ни благоприятного веяния; и солнечное сияние, когда столько лет прошло, в силе тепла и света не изменилось; и луна, то увеличивающаяся, то убывающая, ни новая, ни

старая, порядка своего не изменяет; и тело человеческое ты составил из четырех стихий, и душу божественную к нему присоединил, как некоего наездника, скачущего на четырех, вместе соединенных колесницах; до тех пор пока в равенстве четыре стихии находятся, тело человеческое непоколебимо, когда же из этих четырех составов что-то одно или увеличится, или уменьшится, тогда распадается и от души отделяется тленное человеческое тело. Если же промыслом твоим, Боже, или врачебным искусством снова колесницы те, суть составы, соединятся, тогда тело снова с душою вместе в здравии будет».

И с того дня всегда в недоумении был царь Александр, и, размышляя, говорил себе: «Когда постигнет меня смерть, где будет моя память о себе после моей смерти? Будем ли мы видеть и узнавать, когда души с телами соединятся на великом торжище?» И много о том думал: «Будет ли воскресение тел или не будет, в то же ли самое тело душа придет или нет?» И с удивлением говорил: «Как могут разделившиеся и распавшиеся кости к прежнему виду вернуться?» И, думая об этом, говорил: «Всемогущий великий Божий промысл все, что создал из небытия в бытие, может восстановить в прежнем бытии». И, о многом подобном думая, говорил: «Сколь велики дела твои, Господи, все премудростию сотворил ты».

И, сказав это, в Вавилон пошел, как человек идет на назначенное ему место смерти. И был тогда царь Александр, государь всего света, о смерти своей думая, безутешен. Когда же достиг Александр поля, называемого Сенар, в земле Авсидийской, где праведный богатый Иов жил, лагерем стал, войско же его на поле расположилось. Вельможи Александра, видя его скорбным и желая печаль его прогнать, на высокую гору его возвели, всему войску велели вооружиться и на поле этом всем вместе собраться. И, глядя на них, сказали Александру: «Царь Александр, сильный господин, зачем скорбью великой заполняешь сердце свое, — видишь, над сколькими людьми тебя Бог царем сделал, и следует тебе веселиться и радоваться». Александр же покачал головой и со слезами сказал: «Видите их, в пятьдесят лет все в землю пойдут». И было тут больше десяти миллионов человек, коней же бесчисленное множество; были тут собраны все народы: индийцы, сирийцы, индийцы, евреи, финикийцы, еглефи, еламиты, халдеи, лидийцы, немцы, греки и иные восточные и западные народы. И тут Александр большой пир для своего войска устроил, и пришли поклониться Александру все правители и князья — от востока до запада и от севера до юга и от моря — с даяниями за много лет.

В тот же день пришел из Македонии, от матери Александра царицы Олимпиады, наставник его и учитель, Аристотель. Увидев его, Александр весьма обрадовался, за шею его обнял и поцеловал его сердечно, говоря: «Добро пожаловать, многочтимая и бесценная глава;

добро пожаловать, неугасимый светильник и наставник всего мира, великий философ и учитель дивный Аристотель; добро пожаловать тот, чья мудрость удивила эллинов, которому дивились халдеи, искусству которого удивлялись египтяне и мудрые чародеи. Но скажи, удивительный среди людей, любимый мною дидаскал, учитель мой, — как запад живет, жива ли вселюбимая мать моя и любезная царица Олимпиада и что о нас во вселенной слышно. Знают ли люди, что мы, покорив всю землю, до рая дошли, о котором ты в книгах своих пишешь, что он на краю земли, в Эдеме, на востоке; и до рая дошли, и до Макаринских островов в реке Океане, где, как говорят эллинские мудрецы, души людей пребывают. Но там я души ни одной не видел, и, как истинно макаринский князь нам сказал, не там они, а в глубинах земли, в адовых реках, где они ожидают свободы или осуждения от высшего промысла и великого Бога Саваофа». Слыша это, Аристотель удивлялся и так сказал Александру: «Благодарю Бога, удостоившего меня видеть светлое и прекрасное лицо твое, сильный, славный, дивный среди людей, государь всего света, великий царь Александр. Ибо вселенная всему, что ты совершил, дивилась и обрадовалась весьма великой славе твоей, которою Бог одарил тебя, как ни одного другого человека. Македонская земля радуется, веселится и цветет, как цветок среди земных царств, и Бога непрестанно македоняне молят о тебе, — другого такого не будет у них ни царя, ни господина, как ты, Александр. Знай, что вся вселенная не стоит одного волоса с головы твоей. Госпожа мать твоя ныне в добром здравии и хочет видеть тебя или слышать, мирно в Македонии царствует, то печалась, то радуясь, в страхе всегда и в недоумении пребывает, хочет сподобиться видеть лицо твое светлое. И много просит тебя: “Не оставь меня без внимания в этом, возлюбленный сын мой и милый свет очей моих, но услышь меня, дай насытиться твоею красотою и достойнейшею красою царицы Роксаны. Если тебе в Македонию невозможно прийти к нам, то мы к тебе придем, куда ты велишь, и насыщусь сладким видом твоим, ибо жизнь моя вскоре сменится смертью”».

Этим словам Александр умилился и сказал: «Заслуживает похвалы сын, повинующийся родительскому повелению». И, сказав так, взял Аристотеля за руку и сел пировать. Все же вельможи его, великие князья и земные государи сели по своему достоинству каждый. А Филона, Птолемея и Селевка за особый стол посадил у подножия царского стола. Аристотеля же, своего учителя, и Лаомендуша, сына Поликратуша, которого он очень любил, около престола своего на шестой ступени посадил рядом с царским столом. В середине пира Аристотель встал и принес Александру и царице дары, которые послала царица Олимпиада, его мать. Принес два венца, один Александру, другой Роксане, с жемчугом и многоценными камнями; двух коней белых, оседланных слоновыми седлами с камнями, золотом и серебром; и сто тысяч коней тучных, и царскую кучму с жемчугом и многоценными камнями; и тысячу щитов, обтянутых львиной кожей; и четыре слоновых бивня, и два драгоценных перстня, и попону для коня из крокодиловой кожи с жемчугом и многоценными камнями, и сто золотых блюд настольных, и письмо: «Всесладкий, вселюбезный, милый

свет очей моих, сын Александр, царь всего света, вселюбезная и желающая видеть тебя мать твоя Олимпиада пишу тебе. Знай, что с тех пор, как не вижу тебя больше в Македонии, — с того времени сердце мое и душа воюют во мне и примирить их не могу, но всегда со слезами им внимаю, думая о нашей разлуке, сын мой; все царские богатства и золото — ничто для меня, когда думаю о твоём отсутствии. Не так я немилостива, как ты думаешь. И если можешь, к нам в Македонию приди, если же невозможно, мы к тебе придем, и насыщусь все сладким видом твоим, ибо жизнь моя вскоре сменится смертью».

И когда кончился пир, некто из вельмож Александра сказал ему: «Царь Александр, следует тебе с земель большие дани брать». Александр же ему ответил: «Не люблю садовника, который с корнем растение вырывает» .

И тут на пиру Александр увидел некоего перса из своих вельмож, уже очень старого, который бороду свою красил, чтобы казаться молодым. И сказал ему: «Любимый и милый Кансир, если может быть польза тебе от краски, крась колени ног своих, чтобы они укрепились; если ты краской старость укрепляешь, то не говорю тебе, чтобы ты не красился, но краска тебя не изменит и ты, считая себя молодым, от старости неожиданно умрешь». И вельможи его этому много смеялись.

И другой был вельможа у Александра, звали его Александром, но был он очень труслив, всего боялся и с битв убегал. И Александр сказал ему: «Послушай, либо имя измени, либо нрав; мое имя тобою позорится».

В тот же день к Александру привели три тысячи разбойников, и сказали ему вельможи, чтобы он повесил их всех. Он же им сказал: «Поскольку они меня увидели, то ни один из них не умрет; ибо судьям дано убивать, царю же дано миловать». И сделал их Александр своими охотниками.

И в тот день привели к Александру человека, индийца, столь славного стрелка, что, как говорили, он сквозь перстень стрелою попадал. И Александр велел ему стрелять. А он не захотел. И тот вновь ему приказал, он же опять не стал. Александр велел ему отсечь голову. Когда же повели его, то спросили: «Зачем ты жизнь свою отдаешь за один выстрел?» Он же сказал им: «Десять дней, как за лук я не брался и боюсь, что перед ним промахнусь и славу мою погублю». Услышав это, Александр похвалил его и с честью отпустил, потому что он предпочел умереть, чем славу свою погубить.

И тут к Александру некий воин подошел и сказал: «Великий царь Александр, дочь у меня есть и сейчас выдать замуж ее хочу, помоги мне». Александр велел дать ему тысячу талантов золота, а он сказал: «Это много, царь Александр». Александр же ответил: «Царский дар великой чести требует».

И тут Александр учителя своего Аристотеля одарил, венец дал ему и многоценное одеяние великого индийского царя Пора, десять тысяч талантов золота, десять мер крупного жемчуга, и в Македонию его послал, велел ему привести свою мать, царицу Олимпиаду, к себе, в свой лагерь, в Египте, в Палестинской земле. Сам же там вместе с царицей Роксаной остался.

И тут к Александру некий человек пришел и сказал ему: «Царь Александр, несколько дней тому назад, когда я ловил рыбу в реке Тигр, огромные сокровища нашел, золото; если хочешь, пойдя и возьми, потому что много его». Александр же сказал ему: «Все золото в руках Божиих, если бы хотел Бог, то мне бы его открыл, но поскольку тебе показал, то иди и возьми его сам». Тот ответил Александру: «Сколько нужно было, взял из него, остальное возьми ты, царь. Его так много, что два дня и две ночи я носил сколько хотел, и мне больше не нужно». Александр удивился этому, и, сев на коня, к тому месту поехал, и, видя множество золота, сказал: «Наверное, это золото из сокровищ Дария». И велел своему войску брать его; и так много его было, что все брали сколько хотели, и Александру сто мер от него осталось.

И когда это было, царица Олимпиада, мать царя Александра, из Македонии пришла. Александр всех царей и вельмож собрал и все свое войско привел в порядок, коней под жемчужными седлами с золотом приготовил, которых вели на поводу, трубы, органы, тимпаны псалтырные и все музыкальные инструменты, как подобало, приготовил и колесницу, украшенную золотом, жемчугом и камнями, навстречу матери своей послал. Прежде себя царицу Роксану отправил и тысячу вельмож с нею. Увидев все это, Олимпиада возрадовалась и, глядя на Роксану, дивилась ее красоте и необыкновенному уму; и, сладко целовав ее и к сердцу своему прижав, сказала: «Благодарю тебя, Боже, за то, что дал Александру достойную его жену. Рада увидеть тебя, сердце мое, душа и милый свет очей моих, вселюбезная дочь моя Роксана». Роксана же ей сказала: «Добро пожаловать, великая и светлая царица всего света, государя моего мать, мне же госпожа, царица Олимпиада». И сели они на колесницу и поехали. Александр встретил их чудесным и дивным образом, со всеми своими воинами и вельможами, — все они были на великих конях и каждый вельможа ехал перед своим полком в царском венце и на золотой колеснице.

Александр же ехал в окружении македонских воинов на великом коне в финикийском одеянии, на голове его была персидская кучма со страусовыми перьями, на кучме венец Клитевры, мазаньской царицы. Когда же они сблизились, обе царицы сошли и, встав на ковры, которые по полю тому были расстелены, ждали Александра. Александр далеко от них с коня на землю сошел и с вельможами своими к матери подошел пешком. Мать, увидев его, за шею его обхватила и, сладко целуя, сказала: «Рада видеть тебя, сын и всего света господин, царь Александр». И, после того как она это сказала, они пошли в дивный и прекрасный лагерь. Когда к нему подъехали, то полки разделились и рядом с ними с обеих сторон шли. И все трубы псалмовные затрубили, зазвучали органы, и прасковицы, и различные свирели; и не было слышно ни единого голоса из-за звучания труб и конского топота. Так они в лагерь прибыли. Вельможи согласно их достоинству сели. Александр же сел на великом своем золотом престоле, по правую сторону от него села его мать Олимпиада, по левую сторону села Роксана, жена его; и тут они много веселились. Александр стал рассказывать о всех великих битвах, которые были у него с Дарием, персидским царем, и прочими восточными и западными царями. Слыша это, царица Олимпиада дивилась. И велел он затрубить в трубы, которые называются сирини намелии. А эти инструменты три тысячи звуков имеют, все голоса различны — густые и тонкие, высокие и низкие, и столь печально звучат они и сладко, что дивится им всякий человеческий разум. И тут веселился много царь Александр с царицею Олимпиадой, матерью своею, и с царицей Роксаной, и встали они затем с престола, и в шатры свои разошлись.

В один из дней велел Александр молодым витязям сражаться; в другой день из лука стрелять; в иные же дни в некую игру играли, которая называется каруха, дивна она и чудна.

Тогда к Александру подошли два витязя-македонянина, которых Александр очень любил, смолоду они у него были; братья же родные были они, мать их в Македонии была, и много лет они ее не видели. Она же их часто просила и писала, чтобы пришли к ней в Македонию и она увидела бы их. Они, из-за любви к ним Александра, покинуть его не могли и много лет к матери своей не приходили. Мать же их, видя, что из верности Александру они не оставят его, совершила достойное удивления и великой повести. Отравный яд искусно смешала со сладостью, что называется рефне, и, приготовив его, сыновьям своим послала вместе с письмом: «Сладкие сыны мои, милые, прекрасные Левкодуш и Врионуш, любимая ваша мать Менерва, пишу вам приветствие. Хорошо знаете, сыновья мои, что вот уже двадцать лет лиц ваших не видела и вы меня не видели; много писала вам, желая вас видеть, вы же всегда говорите: “Александра оставить мы не можем”. Знайте, сыновья мои, что всякая слава и богатства среди своих почтенны и милы, когда же вы среди чужих находитесь, ваше золото мертвым лежит. И клятвою заклинаю вас, молоком, которым вскормила

вас, — придите и увидьтесь со мною. Если же Александр не отпустит вас, посылаю вам сладость рефне и Александру вкусить ее дайте, когда же он ее вкусит, тотчас отпустит вас». Левкодуш и Врионуш письмо своей матери прочли, Левкодуш мать укорил и посмеялся, а Врионуш зелье взял и сохранил. Левкодуш сказал ему: «Не думай об этом, нет в нем никакой пользы». Был Левкодуш конюшим у царя Александра, а Врионуш чашу подавал царю Александру. Врионуш лукавство в сердце своем имел, ибо просил он у Александра Македонское царство много раз; Александр же сказал ему: «Всю вселенную отдам, Македонию же никому не дам, до конца жизни буду владеть ею сам, по смерти же моей пусть владеет ею тот, кому Бог даст счастье Александра, крепкую десницу и острый меч». Поэтому Врионуш, на Александра злобу имея, зелье это хотел Александру дать. Но посмотрел на прекрасное лицо его и не дал, и держал его шесть лет, не в состоянии Александра отравить, и не давал ему это сделать брат его, Левкодуш, укорявший его, говоря: «Бойся Бога, человек, не убивай мужа дивного и чудного, мудрости которого эллины удивлялись, храбрости которого персы и индийцы изумились, от него потряслась вся земля под солнцем, восточная, западная, южная, северная, которого испугались все морские острова. Если его погубишь, брат, то весь свет смертью его низвергнешь и сам бесславно умрешь». И хотел Левкодуш Александру сказать об этом, но Александр бы ему не поверил, потому что Врионуша любил весьма. И воеводе Птолемею сказать хотел, но подумал: «Если брата моего убьют, то и меня с ним убьют». И Врионуша часто корил. А тот его не слушал, ибо хорошо сказано: «Если в неразумное сердце терние войдет, то быстро не выйдет».

Ибо от начала из-за коварных жен совершались злодеяния, — так в древности из-за Евы райской пищи лишились, мудрый среди людей Соломон из-за жены коварной в ад последовал, сильного Самсона великое женское коварство одолело, и Иосиф прекрасный от коварной жены много претерпел. И великого Александра, македонского царя, коварство женское настигло.

В один из дней Александр устроил большой пир для своих вельмож и воинов. В тот же день дары с Востока ему принесли. И на этом пиру он весьма веселился. У Александра была самотворная чаша из камня андракса, дивная и многоценная, из нее всегда пил Александр. В этот раз выпив из той чаши, он передал ее жене своей Роксане. Врионуш неосторожно эту чашу обратно Александру нес и выронил ее из рук, и разбилась чаша. Александр из-за этого рассердился и Врионуша немного побранил. Врионуш за это зло в себе затаил и в сердце хранил, безумный, против своего благодетеля, и хотел его тут же отравить, но не дал брат его, Левкодуш. Столь коварен был, горделив и злопамятен Врионуш, что думал в себе: «Если Александра отравлю, царем всего света буду».

В тот день пришли к Александру из Иерусалима евреи, принесли ему большой шатер и сказали, что пророк Иеремия умер. Александр, услышав это, опечалился немало.

В тот же день пришли к нему мужи многие из города, который он создал, из Александрии, и сказали Александру: «Царь Александр, в городе, который ты создал, в Александрии, никак не можем жить». Александр спросил: «Отчего?» Они же ему ответили: «Огромный змей из египетской реки выходит и кусает людей, и они от яда умирают». Александр сказал им: «Идите в Иерусалим, и возьмите кости еврейского пророка Иеремии, и в городе своем их положите, ибо его молитва от змеиного яда исцеляет». Они пошли и сделали это, и с того времени и доныне змей в Александрии людей не кусает.

И в тот же день некая жена к Александру пришла и сказала ему: «Царь Александр, муж мой сердится на меня и бранит меня много». Александр ответил: «Всякой жене глава муж ее, мне же не дано судить жену перед мужем». Она же хотела вынудить Александра, чтобы он ее мужа убил, и сказала: «Царь Александр, меня он убьет, тебе же неверен». Александр ей отвечал: «Не дано тебе судить мужа, в царстве моем жены пусть не судят мужей, ибо горе тому человеку, которым жена владеет; горе той земле, в которой жена царствует; горе тем людям, которыми жена владеет, ибо жена для одной цели Богом создана — для рождения детей; и жена мужу подвластна». И, сказав это, язык ей велел урезать.

В тот же день подошли к Александру двореуправители, и Дандуш — весьма любимый Александром, верный ему, невелик был телом, но весьма храбр и хороший воин — сказал Александру: «Великий государь, царь Александр, следует вельможам твоим увидеть свои дома, потому что много лет прошло с тех пор, как из своих домов ушли». Тут Александр велел дары многоценные принести и одарить вельмож царскими венцами многоценными, и диадемами, и царскими одеяниями, индийскими и персидскими конями, и огромное множество золота и жемчуга раздал. И велел всем в свои царства отправляться. Сам же с матерью своею, и с женою своею, и со свободными витязями в Витальские горы охотиться пошел.

В тот же день Врионуш к Александру пришел и сказал: «Царь Александр, дай мне Македонское царство». Александр ответил ему: «Любимый мой Врионуш, я всего света царь, но люди македонским царем меня называют; возьми себе Ливию, и всю Киликию, и великую Антиохию». Этого Врионуш не захотел, но подумал: «Если Александр умрет, всего света царем буду». И, растворив яд, дал его Александру.

Александр вкусил его, и тотчас стал холоден, как камень, и понял, что он отравлен, и сказал: «Любимый и милый врач Филипп, знай, что со сладким вином вкусил я горький яд». Филипп, услышав это, венец с головы сбросил и теплой настойки с терьяком дал выпить Александру. Услышал об этом брат Врионуша Левкодуш и, чтобы смерть Александра не видеть, бросился на меч. Александр же врача своего Филиппа спросил: «Можешь ли ты от смерти меня избавить, Филипп?» Филипп сказал, плача: «О всего света царь, там, где хочет Бог, побеждается чин естества, мне же невозможно помочь тебе, потому что холод яда преодолевает тепло твоего сердца. Могу помочь тебе только так: три дня будешь жить, пока не распорядишься всеми царствами своими земными». Услышал это Александр, головою покачал и сказал со слезами: «О суетная слава человеческая, как ненадолго приходишь и как быстро исчезаешь. Хорошо сказано: “Нет на земле радости, которая не заменится печалью, ни славы, которая не пройдет”. О земля, и солнце, и твари, оплачьте сегодня меня, ненадолго на свет появился и рано под землю ухожу. О земля, мать моя, прекрасно людей вскармливаете и неожиданно к себе берете. О изменчивое человеческое счастье, как мне ласково улыбнулось и неожиданно опять к земле меня отсылаете. Всесильные, всемогущие, любимые мои македоняне, если возможно вам от смерти меня избавить сейчас, чтобы с вами всегда был, сражайтесь со смертью ныне за меня, похитить меня от вас пришла она». Услышали это македоняне и с плачем великим Александру говорили: «Царь Александр, сильный государь, если возможно было бы у смерти выкупить тебя нашей жизнью, все бы отдали жизнь за тебя, но это невозможно. Славно ты пожил на земле, и смерть твоя почтеннее, чем чья-либо жизнь. Иди, Александр, иди в назначенное тебе место; на земле славно царствовал ты и там рай унаследуешь».

Филипп же, врач Александра, мула живого рассек и в него посадил Александра. И Александр всеми царствами земными и великими государствами распорядился, и всех князей и правителей по их достоинству распределил. Олимпиаду, свою мать, и царицу Роксану взяв и призвав Филона и Птолемея, сказал: «Любимые мои, родные братья, Филон и Птоломей, жену свою и мать передаю вам, чтобы, помня о моей сердечной любви, вы их в почете до смерти оберегали; и о Македонском царстве позаботьтесь. Тело мое положите в Александрии; меня увидите вновь, когда мертвые из гробов восстанут. Но знайте, что в последние времена персы будут владеть Македонией, как мы сейчас персами». И, сказав это, Александр Роксану за руку взял и сладко ее поцеловал, говоря: «О Дариева дочь, милый свет очей моих, всего света царица Роксана, знаешь ли, что с тех пор, как любовь соединила меня с тобою, явил я тебе столько доказательств сердечной склонности, сколько ни один муж своей жене не являл, и ты явила мне любовь и честь мою верно сохранила, как ни одна жена своему мужу. Знай, что ныне наша любовь расторгается, ибо ухожу в ад, откуда нет возврата. Оставайся с Богом, милая моя любовь». И, сказав это, Александр поцеловал ее и отпустил. И вельмож для прощания призвал, и всех их целовал, и с плачем сказал им: «Любимые мои, милые македонские

витязи и все другие народы, второго Александра вы не найдете». И добавил: «Приведите ко мне великого коня моего, Дучипала». Дучипал, увидев умирающего Александра, печально заржал и, бия ногами землю, облобызал постель Александра. Александр за гриву его схватил и сказал: «Милый мой Дучипал, второй Александр на тебя не сядет». И тут Александр того Врионуша увидел и сказал ему: «Милый мой, любимый Врионуш, не знаешь разве, сколько блага я тебе сделал, — зачем злом за добро воздал мне, зачем отравным ядом напоил меня. Да будет проклят тот господин, который убийцу государя щадит, проклят тот, кто грешника щадит, проклят тот господин, который сдавшего город щадит, но пусть убьет злого, чтобы зло прекратилось». Тут Дучипал вскочил, и схватил Врионуша зубами за горло, и, к земле его прижав, ногами до смерти забил. Александр увидел это и сказал: «Пей, брат Врионуш, из той чаши, что передал мне». Птоломей же рассек его тело и псам велел бросить. Александр на правителей и на вельмож посмотрел и сказал: «Мои любимые, милые, великие цари всего света, вельможи и все витязи, всю вселенную покорили мы, богатые и необитаемые земли, и до рая дошли, где был Адам, праотец наш; я все прекрасное, что есть на земле, видел — и высоту неба узнал, и глубину моря исследовал, но не смог избежать жестокого серпа смерти. Вы же, видя меня умирающим, помочь мне хотите, но не можете. И пойду я туда, где все от века умершие пребывают, вы же оставайтесь с Богом, меня до смерти своей вспоминая; и увижусь с вами тогда, когда мертвые из гробов восстанут на том Страшном Суде и на великом торжище». И, сказав это, умер Александр, в земле, называемой Гесем, в стране Халдейской, около Египта, в Междуречий Северском на реке Ниле, на том месте, где Иосиф Прекрасный семь житниц сделал фараону-царю.

И такой плач и такая печаль тут были, каких никто нигде не видел и не слышал. И вельможи, взяв тело его, в Александрию принесли. Плакала мать его, царица Олимпиада, и царица Роксана, и цари, и вельможи, и все князья земные, и жены, и дети, и бессловесные животные. Царица Роксана многоценное одеяние на себе разорвала до земли и, распустив волосы, с плачем печально к Александру как к живому обратилась: «Александр, всего света царь, сильный господин и государь, разве враг ты мне, что в чужой земле меня оставил? Сам же как солнце с солнцем зашел под землю. О земля, и солнце, и горы, и холмы, плачьте со мною сегодня, лейте слезы, очи мои, как источник слезный, пока не наполните озера и пока не напоите горькую гору полынную, столь ядовитую для меня». И, сказав это, велела всем выйти, сама же около Александра села, поцеловала его, как живого, и сказала: «Царь Александр, македонское солнце, даже если мне придется с тобою вместе умереть, с тобою не разлучусь». И, сказав это, меч Александра взяла, и, бросившись на него, окончила жизнь свою. Птоломей и Филон большой и высокий столп сделали посреди города Александрии, и на нем поставили золотой ковчег, и в нем положили тела Александра и царицы Роксаны, там он и доныне стоит. Вельможи, цари и все остальные разошлись в земли свои. Александрийское же царство Птоломею досталось. Аминь.

ИЗ "ТРОЯНСКОЙ ИСТОРИИ"

Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова

ВСТУПЛЕНИЕ

Древнерусская литература знает несколько произведений на сюжет знаменитого Троянского эпоса. О Троянской войне рассказывалось в пятой книге византийской «Хроники Иоанна Малалы», в славянском переводе вошедшей в древнерусские хронографические своды, в «Хронике Константина Манассии» (см.: БЛДР. Т. 9. С. 120—131), в польской хронике Мартина Бельского, также известной в русском переводе и использованной при составлении «Русского хронографа» в его редакции XVII в. Но наиболее обстоятельно с сюжетом Троянского эпоса древнерусский читатель мог познакомиться через перевод латинского романа XIII в. — романа «*Historia destructionis Troiae*» («История разрушения Трои») Гвидо де Колумна — придворного поэта Фридриха II Гогенштауфена, императора Священной Римской империи и сицилийского короля.

Роман Гвидо, как и его непосредственный источник — французская поэма Бенуа де Сент-Мора «Роман о Трое», восходят не к гомеровскому эпосу и не к греческим поэмам VII—VI вв. до н. э., разрабатывавшим сюжеты троянского цикла (так называемым «киклическим»), а к поздним переложениям античных мифологических сюжетов, приписываемым, однако, предшественникам Гомера — мнимым участникам Троянской войны Дарету Фригийцу и Диктису Критянину. В действительности же «Дневник Троянской войны» Диктиса создан не ранее III в. н. э., а «История падения Трои» Дарета — в начале V века (см.: *Дарет Фригийский. История о разрушении Трои* / Русский перевод, коммент., вступ. статья, сост. А. В. Захаровой. Гекзаметрические переводы Д. О. Торшилова. СПб., 1997. С. 24). Под пером немецких, французских и итальянских средневековых авторов история Троянской войны превратилась в типичный рыцарский роман, в котором не менее значительное место, чем описание военных перипетий, занимают романические сюжеты: рассказ о любви Медеи и Язона, Париса и Елены, Троила и Брисеиды, Ахиллеса и юной дочери Приама Поликсены.

Роман Гвидо де Колумна был несколько раз издан в конце XV в. в Болонье, Страсбурге, Париже. Одно из этих изданий, видимо страсбургское, и послужило оригиналом для древнерусского перевода, осуществленного, скорее всего, в начале XVI в. На его основе позднее возникли сокращенные переделки романа, сохранившиеся во многих списках XVII в., свидетельствующие о неослабном интересе к этому сюжету древнерусских читателей (см.: Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII вв. / Подг. текста и статьи О. В. Творогова.

Коммент. М. Н. Ботвинника и О. В. Творогова. Л., 1972. Сер. «Литературные памятники»).

Полный текст перевода романа Гвидо сохранился в нескольких списках XVI—XVII вв. К сожалению, все они дефектны, за исключением списка XVII в., по которому и публикуется текст.

Существование на Руси в XVI в. полного перевода западноевропейского рыцарского романа, в котором значительное место занимает столь не обычная для древнерусской литературы того времени тема любви, романа, знакомящего древнерусского читателя с обширным кругом преданий и мифов (о походе аргонавтов, о первом разрушении Трои Язоном и Геркулесом, о истории Париса, Троянской войне, странствиях Одиссея и т. д.), — интереснейший факт истории русской культуры. Примечательно, что почти полный текст «Троянской истории» был включен в Лицевой свод, монументальное многотомное изложение всемирной и русской истории, созданное по инициативе Ивана Грозного во второй половине XVI в. Роман привлек к себе внимание царя: обличая Андрея Курбского, он сравнивает его с персонажами «Троянской истории» — Энеем и Антенором.

Мы не имеем возможности познакомить читателя с полным текстом романа — он слишком велик. Публикуется один фрагмент его — первая, вторая и часть третьей книги (всего роман состоит из 35 книг), в котором повествуется о походе аргонавтов и добывании золотого руна.

При обращении к древнерусскому переводу романа мы встречаемся с немалыми трудностями, текст его местами крайне сложен для понимания. Переводчик был, вероятно, недостаточно опытен, он переводил довольно сложный и не всегда понятный ему латинский текст механически, следуя оригиналу даже в порядке слов, но при этом не всегда находил им точные русские соответствия. Поэтому при переводе на современный русский язык мы постоянно обращались к латинскому оригиналу и на его основе «проясняли» или даже исправляли непонятный текст древнерусского списка.

Для удобства читателей имена персонажей в переводе унифицированы и приводятся в традиционных написаниях: Язон, Эсон, Медея, Пелей и т. д.

В основу публикации положен список *ГИМ*, собр. Уварова, № 525, XVII в. Наиболее явные и грубые описки исправлены по смыслу. Все исправления выделены курсивом.

ОРИГИНАЛ

НАЧИНАЕТ КНИГА ПЕРВАЯ О ПЕЛЕИ, ЦАРЬ ТЕФСАЛИЙСКОМЪ,[\[1\]](#)
ПРИВОДЯЩАЯ АЗОНА, ДА СЯ ПОШЛЕТ ДОБЫТИ ЗЛАТОЕ РУНО

В царствѣ Тефсалоникийскомѣ, от предреченныхъ пристоящихъ к Раманникиѣ, егоже жители мирмидоняне нарекошася, еже мы днесъ общимъ именованіемъ Салонисию нарицаемъ, царствова тогда царь некий, праведенъ и благороденъ, именемъ Пелеусъ, съ его супругою, Фетидою нарицаемою. От ихъ же супружества изыде мужъ толико силенъ, толико смѣлъ, толико храбръ, именемъ Ахиллесъ. Тѣхъ мирмидонянъ хотящихъ именовати Великую Гресию, сирѣчь Италию,^[2] на троянское раззорение пришедшихъ, апрузинянъ быти рекоша, языкъ нѣкий, иже на границахъ царства Киликийскаго живяше. Сего ради страна та Апрузия наречеся,^[3] а градъ Фетисъ, в той странѣ поставленный, от предреченныя Фетиды имя, глаголють, восприявше. Но глаголющие сице — блудятъ, зане мирмидоняне обитатели Тефсалинские наричутся, ихъ же господинъ по смерти царя Пелея, отца своего, родимый Ахиллесъ на троянской брани многая с ними чудаса бранная содѣя. Якоже о нихъ свидѣтельствуеъ Овидѣй Моненисъ,^[4] начало баснословнѣ списуя. Глаголетъ бо тѣхъ мирмидонянъ въ 14 бывшихъ мравіевъ, по молению царя тесалийскаго, данному богомъ, в челоуѣки преобразованныхъ, поне во дни тѣ вси людие царства Тесалийскаго смертною немощію конечнѣ низпадоша, единому оному царю оставшу, иже егда нѣ в коемъ лѣсе при корени нѣкоего древа прилѣпися, воззрѣвъ туто, видѣвъ безчисленно мравіевъ собрание рыщущихъ, в челоуѣки *обратити* молебнѣ проси. И во чтении блаженнаго Матвѣя апостола мирмидонесъ обитатели суть тесалинские, в нейже самъ апостолъ нѣколико поживе, явнѣ покажется.

Сего же царя Пелея пишетъ исторія нѣкая имѣвше брата, Азона именемъ, ему от обою родителю союза и его в лѣтѣхъ болшаго, иже егда долгодневнаго вѣка старостию отягчашеся, самъ себе едва пасти можаше. И сего ради царства Тесалинскаго правительству неключимъ и велиею старостию сокрушенъ отдастъ и ступись царскаго правленія Пелею бо, брату своему. После коего Пелея пасенія Азонъ чтется, долго *времена* жив сице, да многою *старостию* ему оскудѣвающу, очи ему померкоша и пребываніи его ради зелныя старости разслабися. Его же глаголетъ той же предреченный Овидій в той же книгѣ послѣ въ юношескіе цвѣты и отроческіе силы преновлена, да яко от старыя сѣни сотворися единоплѣтенъ врачевнымъ прилѣжаніемъ, хитростною силою Медеи,^[5] о коей Медеи воисподи близъ имѣется слово.

От сего убо Азона остана сынъ нѣкий родимъ, Азонъ именемъ, мужъ силенъ, и храбръ, и отрокъ зѣло красенъ, цѣломудръ, щедръ, доброрѣченъ и милостивъ, и во всякой лѣпотѣ обычаевъ свѣтель. Сего тесалинские велможи и честнородные сего народи велиимъ любви и желаніемъ за высоту силъ его обѣяша, не менши, якоже царя Пелея, чествующе. И бѣ той же Азонъ *не* менши послушливъ царю дяди, аки бы былъ отцу, аще бы царствовалъ, ниже бѣ докученъ ему, но всякимъ повиновеніемъ благоговѣнъ, и аще и Пелей скипетръ тесалискій держа.

Но царь Пелей не тако ему помышляше, егоже аще знамении внѣшнии себе любима быти показаше, но горяще и колебашеся внутрь, да не како силою своею и толикимъ желаниемъ от своихъ, еже к нему имяху, Язонъ его царства Тесалийскаго власти лишитъ. Долго убо во умѣ храняше раззжения, еже разумнымъ смысломъ покрываше, да не действомъ нѣкимъ изъявленъ пронестися возможетъ, внѣшнѣ долготрудебнымъ терпѣниемъ понудись. Сего ради многая поискавъ въ сердцѣ своемъ пути, имиже бы моглъ Язона погубити без срамоты своего познания.

По сем о вещи чудной во дни тѣ по многимъ мира мѣстомъ многорѣчный слух изыде и во уши многих възгремѣ, да яко в нѣкоем островѣ, глаголемомъ Колкосѣ, [\[6\]](#) за границами царства Троянскаго на восточную страну, нѣкий овенъ имяшася, егоже бѣ руно злато, да яко убо проповѣд слуха даяше. В том убо островѣ царствовати глаголаху царя нѣкоего, Оета именемъ, муж убо силенъ и богат, но лѣты стар. Сего златоруннаго овна [\[7\]](#) пишет история стрѣгома бывша чуднымъ попечениемъ и прилѣжаниемъ бога Арриса; къ его же стрежению волы нѣкіе приставлены бѣша, горящие пламени изо устъ испущающе. И аще сего златоруннаго овна похощетъ имѣти, с тѣми волы имат братися, и аще их побѣдит, подобаетъ ему волы тѣ побѣжденные игу повинити и понудити ихъ ралом землю вскопати, на нейже бѣша. И аки побѣдив волы тѣ и орати понудивъ, еще имат на нѣкоего зміа, чешуею грозна и пламени огненныя дышуща, напасти на того, брань с нимъ учинив, убити, и убив его, зубы от челюстей его извлечь, и извлеки, посѣяти на предреченной землѣ, от воловъ изоранной. От сего селняго сѣмени семя чудно возрастетъ, поне от змиевыхъ зубов скоро нѣкіе вооруженныя воины родятся, братскую брань промеж себе скоро учинять, иже ся особными язвами погубят. Сими убо бѣдными пагубами, а не иными стезями можашеся предреченное златое руно имѣти. И *всем* хотящимъ в предреченныхъ братися царь Оетес свободен даяшася приходъ. Но яко убо сице о овнѣ златаго руна сложи история, глаголютъ паки истинну о немъ инако свидѣтельствующе. Рекоша бо царя Оета собрание сокровища велика стяжавша, и, стяжавъ, стрежению предастъ преждереченному, но чародѣйственными дѣлы и хитростями волшебными учини. Сего бо сокровища собрание мирскимъ поглощениемъ и скупымъ хотѣниемъ, еже всѣмъ злымъ есть мати, многи храбрии себѣ искати восхотѣша, но, возбраняющимъ чародѣйскимъ злбамъ, не сокровищное угодие, *но* конечное себѣ убійства претыкание взыскаша.

Да яко убо о златомъ рунѣ ко царю Пелею слух прииде, толика живота погубления искавшу, скоро прилѣжно на то воздвиже сердце, любезнѣ внемля, да яко опаснѣ и без срамоты своего поползновения не можетъ предати Язона на погубление. Восприя убо помысль, како Азона понудит, да во храбрости своя силы юношески надѣясь ко

златорунному поисканию охотнѣ себе предасть. Умысли бо в торжественнѣмъ граде Тесалискомъ праздничный двор собрати, в немже множеству велможъ и воинъ немалу, сошедшусь двору, и по три дни *пребы*. В третий день царь Пелей призва к себѣ Язона пред предреченными честнородными, сице глагола, рекъ: «Добрѣ хвалюсь, драгий сродниче, о владѣнии царства Тесалийскаго толь высока, но множае паче непшую мене славна о толицѣй храбрости и добротѣ сродичнѣ, зане твоя силы высоту ближние страны того дѣла свидѣтельствомъ познавают, и тѣмъ слухомъ истиннорѣчнымъ сказаниемъ всегдашнимъ проповѣсть в далеких. Еси бо Тесалийскаго царства и моего паче честь и слава; егда ты соблюду, царства Тесалийскаго боятся всѣ и тебѣ пребывающу, и ни един врагъ явится смѣть. Но паки силы твоя славы в вышнихъ мя поставит, аще златое руно, еже Оета царя власть держитъ заключенно, тебѣ могущу в заключение царства моего возможетъ принестися, еже не сумнюсь тобою велми легко можетъ быти, аще труда сердце смѣло восприимеши и вѣщания моего заповѣди не загладиши изслѣдити. Кая иже аще совершити умыслиши, тебѣ вся путная потребы уготовятся в приготовлении велице, спутники многими, ихъ же от лутчихъ царства возможеша избрати. Повинися убо словесемъ моимъ и повелѣний сихъ дѣлателя покажи блага, да предо мною вперед болшия любве явишися и о слухѣ храбрости твоя возвеселишися, на болшия высоты вознестися. Ниже будетъ безчастенъ от великаго твоего угоднаго пригожества сильный трудъ твой, зане истинными обѣщаними, а не лицемѣрными тебя извѣстна творю, да яко *мнѣ* оскудѣвшу, тебе наслѣдника будуща в царствѣ Тесалискомъ поставлю, мнѣ живущу, мене не менши царствомъ обладаеши».

Уразумѣвъ убо Азон вся, кояждо яко толико *пред* предстоящими царь Пелей изрече, радостию возвеселися мною, не внимая лаятельныхъ царя коварствъ и его лъсти, помрачений не разумѣя, утвердись от реченныхъ от сердца чистые совѣсти царскіе изшедше, паче возвращения своего чести высока, а неже во свою пагубу уклонися. Надѣясь убо о смѣлствѣ своей храбрости, ниже непшуща немощна себѣ быти, еже царское лестное хотѣние искаше, царскому повелѣнію себѣ бодренна любезнѣ подасть и себе неизреченно совершити со всякимъ благоговѣиствомъ обеща.

Возвеселись убо Пелей о любезномъ его отвѣтѣ, сродича своего, повелѣнному двору конецъ положи, желая совершити хотѣние его по обѣщании предреченному, коему хотѣнію счастье помогати предоущание. Разумѣя убо, яже Колкосъ осѣтровъ моремъ обшелъ, приити не может, токмо с пригожествы плавательными поднять морскія беды, повелѣ к себѣ призвати нѣкоего кузнеца от странъ царства Тесалийскаго, мужа мудра в хитрости своей, Арха именемъ, в хитрости древодѣльной со многими разсуждениемъ бывающа. Кой же по царскому повелѣнію дивнаго величества нѣкий корабль во многомъ собрании древесъ сооружи, иже от своего творца имени сущаго наречеся «Аргонъ». Се и нѣцыи есть восхотѣша рещи первый корабль быти, иже

первое, парусы уставив, даходити мѣста далекая дерзнулъ, и сего ради
коиждо корабль великой, коиже преходит море, парусы поды,
глаголется аргон, право глаголаше нарекоша.

Уготовленну же кораблю предреченному, и вложено в него всему
обилнѣ, яже вина плаванія проаше, мнози честнороднии мною
храбростию красновидны[8] с тѣмъ Язономъ входят в него. В них же бѣ
онъ муж истинно сильный и крѣпкий, Еркулесъ[9] именуем, родись,
якоже пишутъ мудрецы, от Зевеса и Алмены, Амфитрионовы жены. Се и
есть он Еркулес, о егже невѣроименныхъ дѣйство по многимъ странамъ
слово простирается, иже своею силою безчисленныхъ исполиновъ во свое
время изгуби и, на рукахъ своихъ подывъ, нестерпимаго величества
крѣпчайшаго сокруши Антефыума.[10] Сей, аще вѣрити достойно есть,
нетрепетенъ вратъ доиде адовыхъ и стража ихъ, пса триглавнаго,[11]
силою рукою от нихъ извлече. Его же толикимъ биениемъ укроти, да яко
во потѣ весь своего яда пѣною изноенною иже изблеваниемъ многие
страны страстоноснымъ опорочи. И яко его дѣйствъ долго извещеніе
нѣкихъ долгимъ пожданіемъ мысли слышащихъ отвлече, сѣя о немъ
довлѣетъ коснувшись, зане и вещи истинно в толике от его побѣды бывше и
по свѣту чуднѣ изъясняется, да яко до сего дни доудѣ побѣдникъ явился
столпы Еркулови[12] свидѣтельствуется в Гадеи. Симъ столпомъ великій
Александръ Македонскій, царя Филиппа сынъ, ниже той от корени
царей тесалинскихъ, яже Македонія такожде глаголется, изыде,
повинуя себѣ миръ рукою крѣпкою, дошедъ. Далеко ихъ мѣсто живущее,
зане тамо есть море великое, Окіянъ сирѣчь, яже тѣсное мѣсто тутъ
срединою нѣдръ живущее земли нашея себе вливая в Средиземное.
Намъ оно море положи, по внутреннимъ мира частемъ, от насъ
плавателно, якоже видимъ. Яже аще от того мѣста влияние и приемлетъ
излиянное в брезехъ сирийскихъ заключается, в нихже градъ Аконъ
нашихъ велми приемлетъ плавающихъ. Сіе мѣсто тѣсное, от негоже
первое сіе Средиземное море исходитъ, наши плавающие «Стѣсненно
свистателно» именуютъ. И мѣсто то, в немъже предреченныя столпы
Ираклиевы вонъзенны, глаголетъ срацынскимъ языкомъ Сависъ, от негоже
не довлѣетъ дале итти.

Восприявъ убо от царя Пелея Язонъ отплыти отпущеніе, новая
проходитъ моря со Еркуломъ и со своими спутники. В кораблѣ новѣмъ,
егоже парусы егда поспѣшный вѣтръ напряже и его вѣяніемъ возведе,
мѣста тесалинскія знаемыя остави зѣло скоро и къ неизвѣстнымъ
морскимъ мѣстомъ скорѣе прибѣже борзѣйшимъ теченіемъ своимъ. И
такъ многи дни и нощи плавающимъ имъ, вожденіемъ тесаликѣянина
Филота, имъ разсуднѣ смотряючи звѣздъ теченія видимыхъ,
пребывающихъ близъ звѣзды, Болшаго Медвѣдя сирѣчь и Меньшаго, иже
никогда не заходятъ со звѣздою, Ангвин[13] именуемою, положенію
нѣкоему, яко звѣзду туюжде плавающие Трамонтана именуютъ. Нѣки
рекоша быти звѣзду послѣднюю положенну на хоботѣ Лося Медвѣдя
Меньшаго, и Болшаго Медвѣдя плавающие они хриесе именуютъ, а
Ангвин, сирѣчь Змию, глаголютъ быти велику. О коихъ Медвѣдехъ,

Болших сирѣчь и Меншем, Овидий во второй книзѣ^[14] баснословнѣ
пиша глаголет Калистона и Аркада, сына его, тѣх премѣненных в
Медвѣди. Именуются такожде те звѣзды сѣверныя, зане суть семь близ
черты, Аксисъ именуемом, о нихже Юнонѣ тако глаголет:

И не чествованныи на вышнем небеси чревеса мои
Видите — звѣзды, тамо, идѣже круг Аксием
Послѣдний облегаеть и отстояниемъ кратчайший
обходит.^[15]

Знаше бо Филот звѣздное течение и двизание, аще нѣкое есть о нем, аки
и он искусный и во плавании бѣ. И сего ради, вѣтру поспѣшну вѣющу, и
путь долгъ правымъ путемъ плы, донелѣ ко странѣ Фригийской, царства
Троянскаго сирѣчь пристоящей, новый корабль приставъ пристанище,
сирѣчь иже тогда именовашеся от жителей Симеоста.^[16]

О ГРЕКѢХ, ПРИСТАВШИХ В ДЕРЖАВУ ТРОИ, И ЛАОМЕДОНТѢ,
ОТПУСТИВШЕМ ЯЗОНА И ЕРКУЛА ОТ МѢСТЪ ТѢХЪ

Греки же морскимъ трудомъ отягчении, да яко приидоша до земли, на
землю ту снити покоя ради жаждущею душею понудишася. И, сшедше,
туто свѣжіе воды от источникъ почерпаху и туто, болшаго ради
прохлаждения, пребывание дни нѣкия умыслиша, не яко да живущим
докуку нанести учинятъ, ниже шкотными протравы вредити нѣкакo
покусятся. Но завидное бо умнымъ двѣровство, яже всегда покою
живущих преткновенно; от неумислимых лаятельствъ без вины
враждебной сей соблазна вину привлече. Коя ради толика убивства
излияся пагуба, вселенную окропи, да яко толико царей и князей
избранныхъ убивством низпадоша, и толикъ и таков град, яко бѣ он
Троя, превратись, во Гресию толико овдовѣвшим женам от мужей своих,
лишенным родителей толико отроком и отроковицам, и послѣднии игу
работѣ покоренных. Аще бо Гресья и в тол тяжкихъ тѣснотах учинена
вѣны, ея побѣды проповѣд чрез времена многия заглади неправда,
сирѣчь языка ея и убивствомъ и искоренениемъ того от лутших.
Воистинну сирѣчь греческимъ толика злая благоприятна бѣша,
напервоначальная вина нѣкая толь легка сердца человѣческіе без вины
не возмущаютъ, да за вину толикіе жестости мука сподобила бысть
нанести; токмо добролюбезнѣ нѣчто речется, яко исходящаго зла
собрание бѣ созидание добра последователнаго, зане о сихъ злых
падениемъ Трои толика блага изыдоша, да яко та Троя загладися воста,
вина егоже Римскій град, иже бысть глава градомъ, троянскими
изгнанными бысть поставленъ или воздвиженъ, от Енея сирѣчь и
Аскания, рожденнаго его, глаголемаго Юлія.^[17] И нѣкіе иные того
ради страны вѣчное от троян восприяша население. Якова бысть

Англия, иже от Брата троянина, откуда Британия наречена и чтется уселись. Паки якова Францыя по троянском падении от Франка царя, Енеева обещника, яже близ Рима великъ сооружи град,[\[18\]](#) егоже Франъсею своимъ именемъ, такожде и всю его страну, нарече сказуется населись. А Венецейский град насели онъ троянин Антенор.[\[19\]](#) Обитания паки и сицеваго Киликию чтохом не безчастну, яже первое от царя Сикаона, пришедшаго в Киликию[\[20\]](#) от Трои града великаго, населись пишется, откуда Сикания наречется. И посемъ, отшедшу ему от Киликии, оставив в Киликии Сикула, брата своего, того ради после Киликия наречется. Прииде в *Тукию*, южскаго языка обитанием наполни. И в царствѣ Киликиском по морскимъ границам вышереченный Енеа грады многие, чтется, сооруживъ, яковъ есть Неополис, толико град языка непобѣдимаго земля Гаetskая. Диомедесъ[\[21\]](#) такожде, аще и се грекъ родом на троянской брани многая дивная сотвори, Трои разореннѣ, егда въ царство свое восприняти не можашеся, обита в Калабрии. Его же обещников, *повествует* Овидий, Сириенъ, дщи Солнца, в пѣтицы преобрази, в Калабрию от Диомида принесенных. От коихъ птицъ рода глаголетъ Исидор[\[22\]](#) многих бывша происшедших, кои птицы Деомедевы нарекошася, сие урождение имуще, да яко знают человека латынянина от грека разлучити. Сего ради грековъ в Калабрии живущих любятъ, а латынян бѣгаютъ, аще суть нѣкие. Но аще толикия предания вина бѣ послѣдовательнаго блага вина конечная, да яко человеческий умъ имать в сумнѣнии.

Поне возслѣдователиѣ пишет история, яко ко Язону и Еркулу со своими во пристанище почивающимъ Симеонтѣ, к Лаомедонту, троянскому царю, о них слух прииде, иже языкъ нѣкий, трояномъ незнаемъ, сирѣчь языкъ греческий, новым плаванием ко фригийским странамъ прииде разсмотрити нѣчто тайная Трои или паче Троянскую страну разорити хотя. Бѣ бо во дни тѣ Троя не толикаго величества, каков бѣ после, изнова утвержденъ, и в немъ царствова тогда царь предреченный, Лаомедонтъ именемъ, иже, восприя совѣт охотенъ — иже онъ дабы не былъ! — посла своего во мнозѣ къ Язону послалъ, емуже ко Азону пришедшу, посолство свое повѣдает сими словесы: «Царь Лаомедонтъ, сего царства государь, о пришествии вашемъ зѣло чудится, почто в землю его внидoste, от него свободы не восприявъ. Его же есть мысль в тихом мирѣ тое защищати, сие настоятелнѣ повелѣвает вамъ, да не задержнѣ имати из земли его изыти, сие да явѣ приходящу дни послѣдующему, да увѣсть васъ от всѣх земли своея границѣ отшедшихъ. Яко аще повелѣние его ощутит васъ прозорливых, извѣстно да увѣсте, повелит своимъ на вредение ваше напасти и разорение вещей и вас самихъ на конечное невзгодие».

Егда же Азон все посолство слыша, весь гнѣвомъ и болѣзнию сердца разъярися внутри, прежде *даже* к рѣченному посолству отвѣща, обратись к своимъ, сие глагола имъ: «Лаомедонтъ царь, сего царства государь, дивнаго безлѣпия обиду намъ наносит и без нѣкоея

преткновенныя вины намъ изыти от своей земли повелѣ. И аще бы его царское благородствіе украшашеся, нас бы повелѣти подобаше чествовати. Зане аще бы случай подобный его в греки привелѣ, вѣдал бы себѣ учиненно от греков не безлѣпіе, но честь. Но поне ему паче безлѣпіе, неже честь восплеска, мы такоже восплещемъ, якоже они, и от его царства границе отидемъ, зане можетъ случитися и легко есть, яко его суетный совѣтъ буди дражайшею цѣною искупленъ». И по сем продолживъ словеса, обращъся к посланнику, рече: «Друже! Посолства твоего рѣчи добръ слышахом и дары, яже царем твоим намъ обычаем благородных суть посланныи, восприяхомъ, якоже лѣпо. Боги наша и божіею истинною засвидѣтельствуемъ: не нароком в землю царя твоего внидохомъ, да преткновение нанесемъ нѣкому ограблениемъ, насилство творя. Но зане в далныя страны ѣхати мышляхомъ, нужда в сие мѣсто уклонити нас понуди. Рцы убо царю твоему: мы от его земли без всякаго косновения отходимъ, да вѣсть он извѣстно, да аще не нами, возможетъ нѣкако иными, иже настоящую обиду, намъ нанесенную, услышатъ, не прибытки, но уничижение и шкоты неизреченно имѣти».

Еркулесь же, словеса Язоновъши не удовлишиа, цареву посланнику изливает сия словеса: «Друже, кто еси ни буди, опаснѣ донеси царю твоему, да наипаче в день завтрешний от земли его отнюд снидемъ, но будущаго третьяго лѣта день не проидетъ, рцы ему, во нѣ же насъ узритъ, аще живъ будетъ; в землю его, хочет и не хочетъ, и якори вметавше и в данной намъ тогда отхождения свободе не будетъ ему совершенна воля, яко сицевые брани *ныне* нача раздору, да яко прежде даже уготовится о немъ побѣда, бременемъ безчестныя срамоты погнетется».

Тогда царевъ посол, отвѣщевая, сице рече: «Срамно есть велми благородному и наипаче храброму прещателныя стрѣлы посылати, ниже мнѣ посланному приказано от царя, да противу вас бранными словеса настою. Рѣх вамъ, яже ми приказана бѣша, и аще разумно учинити годѣ, вам даю совѣтъ добрый, да от сее земли отити не буди тяжко, прежде даже впадете в тяжчайшая, зане нѣсть легко погубитись, егда мощно защититися совѣтомъ здоровымъ». И по семъ, от греков восприяв отпущение, возвратися ко царю своему.

Язонъ же и Еркулесь, без закоснѣнія Филота призвавъ, поповелѣвает якори из моря влещи и вся собрати привезенная на землю покоя ради. Вѣдяху бо, аще бы восхотѣли на фригійян напасти, не быти имъ на снitie равнымъ или в силахъ равныхъ, ниже мощію крѣпчайшихъ. Сего ради восходятъ и, воздвигъ парусы, богомъ поспѣшествующимъ, фригійскіе оставляют бреги. Проходяше моря, вѣтру вѣющу поспѣшну, не по мнозѣхъ днехъ в Колкосъ островъ здоровы приходятъ и желаемое благочестіѣ во пристанище входятъ.

Во островъ Колкосъ тогда нѣкий градъ, именемъ Яконитес, глава царству. За тое величество поставленъ градъ зѣло красенъ, стѣнами и стрѣльницами огражденъ, сооруженъ многими полаты нарочитыми, полнъ людьми многими нарочитыми, многих честнородныхъ населениемъ. В сем убо градѣ живяше царь Оетес во множествѣ своемъ, зане недалеко от града того лѣсы многие растяху, угодны ловитвамъ, ради множества звѣрей, туто питающихся. Около же града бѣ широко поле, прохлажением и цвѣты украшенно, зане источники вод на немъ безчисленни протекаху и кол многие рѣки непрестанными волнами текоша потоки и то поле напояху. Сего ради многих ловимыхъ птицъ изобильство пребываху на немъ и многихъ птицъ пѣнія непрестанно ту сладцѣ гласяху.

К сему же граду Азонъ и Еркулесъ со своими, царски и лѣпотнѣ нарядися, стезею правою себѣ приносятъ. Иже егда улицами того града посреде являющагося цѣломудренныя стопы, хвалимымъ украшениемъ *спешаху, чюдятся* людие на нихъ, просвѣщаются толикимъ царскимъ явлениемъ, толь благообразну цвѣтостію юношеству, сице цѣломудренныхъ во своемъ хождении и во явлении толикими нравными цвѣты украшаются. Жаждающимъ убо сердцемъ испытуютъ людие, кто есть и откуда суть, и что вина пришествия ихъ. Совепопашающимъ имъ, нѣсть кто вину ихъ пришествия имъ открыеть, донелѣ царскіе полаты вратъ доходятъ. Царь же Оетес, уроженнаго ему благородія не забы, скоро ему зане пришествіе грековъ возгремѣ, со престола царскаго воста, грекомъ встрѣчу со множествомъ своихъ изыде, ихъже веселымъ лицомъ и тихимъ образомъ восприявъ, утѣшаетъ обниманиемъ, знаменіи поздравленными веселитъ и в началѣ сладкихъ словесъ благоволенные přátелства имъ общеваетъ. Иже по семъ по степенемъ мраморнымъ на высокая мѣста входятъ, в полатныя каморы входятъ, подписми разными украшенными со златоналожениемъ, чуднымъ блистаніемъ свѣтяще. Егда же имъ повелѣ сѣсти, Язонъ многимъ дерзновениемъ исполнился, кроткимъ дерзновениемъ и извѣщеніемъ словесъ пришествия своего вину Оету царю сказуетъ и златаго руна уставленный трудъ по уставу законному умилнѣ искусити желаетъ. Оетесъ же царь, благодатнѣ желанію повинуюся, совершити хотѣнія Язоновы не отрекается.

О МЕДЕИ, КАКО ЛЮБОВІЮ АЗОНОВОЮ ПЛѢНИСЯ

О МЕДЕЕ, КАК ПЛЕНИЛАСЯ ОНА ЯЗОНОМ

Уготовлену же во мнозѣ вещей гобзованія брашну, настилаются столы, и поставленнымъ чарамъ златымъ и серебрянымъ многимъ, и належащу времени ясти, царь, хотя *всю* благородія своего милость грекомъ показати, по нѣкую дочь свою посла посылаетъ, да приидетъ весела

праздновати бракъ с новыми гостями, ихъже онъ царь со многою радостію восприят. Бѣ бо Оету царю дщи, Медея именемъ, дѣвица зѣло красна, отцу едиnorodна и едина будущая наслѣдница в царствѣ. Яже и в лѣта браку прииде и бысть уже чертогу достойна, но отроческих лѣтъ себе всею *воздасть* хитростей свободныхъ прилѣжнѣ учению, сице всѣмъ сердечнымъ прилежаниемъ хитрости научит, да яко никто ея учение можаше в тѣ времена обрѣсти. Но ея бисеръ вѣдения, от негоже паче цвѣтяше, бѣ хитрость астрономская, яже силами и чинми заклинаний чародѣйными *свѣтъ* обращаше во тьму, и вскорѣ вѣтры изводяше и дожди, и блистания и гради, и страшная земля трясения, рѣчная же течения, кривыми мѣсты текущие, в верхъ излиться и наводнятися понуждаше. Зимнею бранею паки от древес *ветвие* отнимаше, в непогодіе бурное цвести; младыхъ творя старыхъ, а старыхъ къ юношеской славы приводя. Сію вѣрова древне елиństwo свѣтила большая, сирѣчь солнце и луну, многаяжды понудивъ противу естественнаго чина гибнути. Зане по астрологической истинѣ, о нейже и та учинѣйшая быти пишется, солнце, текущи подъ гибелнымъ течениемъ, всегда гибнути не имат, токмо егда будетъ в соединении луны, бывая в хоботѣ или во главѣ — яже суть нѣкая раздѣления нѣкоего круга небеснаго — и нѣ в коемъ иномъ от планит. Зане тогда противу полагаяся луна промежъ зрака нашего и солнца, плоть солнечную намъ видѣти видѣниемъ обычнымъ не оставляетъ, якоже о семъ скажетъ великаго разсуждения египтянинъ Птоломей.^[23] Но она по своимъ силамъ волшебнымъ сие прилучишися сотворивъ скажется и егда солнце бѣ с луною в соединении — еже мы обще глаголемъ: «егда луна обращается»,^[24] — но егда бѣ в его противустоянии отстоятъ от него седмью задеи, и тогда егда луну обще полну нарицаемъ. Но онъ баснословъ сулмоненскій Овидій сице о Медеи, и Оета царя дщери, лживо написуя, предасть быти вѣримо, се же да не буди православнымъ! Зане вышній и вѣчный творецъ Богъ, иже мудростію своею, рѣче Сыномъ, вся созда, небесная плоти планить подъ закономъ устрои, и та поставляя вѣчную заповѣдь имъ наложи, еже не приидет. Но еже солнечная гибель противу естества уставленнаго никогда чтется, токмо егда во плоти Сынъ Божій и себе умилнѣ за ны предасть страданію, иже егда на крестѣ предасть духъ, гибну солнце, лунѣ не сущи тогда в *соединении* его. Тогда запона церковная раздрася быша, землѣ трясение грозно, и многая тогда святыхъ тѣлеса от гробовъ восташа. Сего ради егда во дни тѣ Дионисій Ареопагитскій,^[25] вышій философъ въ естествѣхъ, живяше во Афинѣхъ и бѣ во училищѣхъ прилѣженъ, аще бѣ и опороченъ еллинскимъ заблуждениемъ, но видя во страданіи Христовѣ солнце гибнути, ужасенъ, сице рече: «Или Богъ естества страждетъ, или тварь мира разрушится».^[26] Сей убо истинный и предвѣчный Богъ, емуже мощно естественная кояждо разрушити и понудити в законѣ естества погрѣшити, иже единою единаго себѣ вѣрнаго молитвою течение солнца противу естественнаго устава его в Гаваонѣ вонзится и стати повелѣтъ.^[27] Сие же о Медеи по баснословію того ради полагается, зане сице о ней баснословнѣ бывше настоящая исторія не оставляетъ, и тое бывшу во астрологии и в чародѣйствѣ искуснѣйшу не отрекается.

Медее же, повеление отцево слышав, аще бѣ и дѣвица зѣло красна, понудися, якоже намъ есть обычай, красоту прилагая красотѣ *украшением*, сиречь уряжением. Сего ради урядився доброобразными красотами и царскимъ явлением украшена, к *возлежащим* трапезѣ прииде. Ей же сѣсти близ Азона скоро повелѣваетъ отецъ.

Но о бѣдное и безумное благородие! Что сановством являешия в низвержение своя чести и твоя лѣпоты про честь низпадение? Егда мудраго есть себе вѣрити крѣпости отроковичной или полу женскому, иже нѣкоими лѣтными круги вѣсть принять крѣпости? Ея же мысль всегда состоится во двизании и наипаче в растущих непостоянствѣх, прежде даже мужу жена бысть мужней мощи примѣшается. Вѣмы бо жены мысль всегда *мужа хотети, якоже хочет существо всегда* обрасца. О дабы существо, прешед единою во образецъ, могло рещися своимъ довольно образованиемъ! Но якоже во образецъ от обрасца исходити существо вѣмы, тако женское хотѣние слабое исходити от мужа к мужу, но паки быти вѣруется без конца, зане есть нѣкая глубина безо дна, токмо нѣкако срамота нѣкоимъ воздержаниемъ хвалимым заключит за благочинство. Коимъ убо, *о царь* Оетесь, ведомъ дерзновением напраснѣ страну отроковицы чуждаго мужа страннѣ совокупил? Аще бы немощь, сиречь женская, мыслью испытательною *возвѣсилъ* еси, наследницу едину царства твоего безчестным плаванием в чуждая царства отвезенну в толице невзгодии, не плакался бы еси, да дщери вкупѣ единою и сокровища твоего неизглаголаннаго множества лишился еси. Что ли ползова Аррисово стрежение противу лъсти женские? Воистинну еже бѣ будуще речеши нѣчто устрещися никакоже могль еси, повелѣл еси дщери твоей со Азономъ сообщить бракъ и Азона учинилъ еси причастна дщери твоей и во праздновании брашна. Поне что ти за то воистинну случися, прилагаетъ история, прилучае во свойственных и *несвойственных* не оставляет.

И пребывающих Медеи промежъ царя, отца, и Азона, аще и многою бѣ срамотою постыжденна, но уняти не возможе зрака своихъ очей, токмо, егда можашеся, видѣнии ихъ на Азона сладкими взирании обращаше, сице лице его и обличие, и власы, тѣло и уды тѣлесные зрительными смысла разсматривая, да яко абие в похотѣнии его разгорѣся и теплыя любви в мысли себѣ зача разжизание. Нѣсть бо ей попечения питатися брашна сладостию, ниже вкушати пития медоточнаго. Есть бо ей тогда брашно и питие Азонов сладкий зракъ, егоже всего носит в сердцѣ заключенна, и егоже любовию блудною наполнишь стомахъ насыщенъ. Егда же взирашесь от иных, иже глядаху на неѣ брашеннаго вкушения тако преставшу, непщевашу еѣ не любви ради сие в ней быти, но нѣчто токмо срамоты ради. Медее же толикия теплоты разъярись похотию, зачатый порокъ велми нудится покрыти, да не токмо о сих, от нихже зряшеся увѣдати нѣчто возможеть, но паки от себе самое искуснаго безвинства обличение износит, имиже тое же срамно быти может в дѣвицѣ в безвинную обращает лѣпоту. По семь же *тонкимъ* гласомъ во устѣх своих износит сия словеса: «Ох, дабы сей варваръ, толь красенъ,

толь честенъ, мнѣ мужни союзомъ приединился», — дабы ему от себѣ дала разумѣти безвинным желанием того хотѣти, еже вины и грѣха не лишашесь. Всѣх женъ всегда есть обычай, да егда безчестным желанием мужа нѣкоего хотятъ, под покровениемъ нѣкоея чести своя оправдания умышляютъ.

Браку же скончавшуся, Медея свободениемъ отца своего в каморы своя входить, а Азонъ и Еркулесь в коюя полаты камору приемлются повелѣниемъ царевым. Медея же, во своей тайной ложнице пребывая, от зачатаго любви пламени утружденна, тѣснотою мною мучашесь и многимъ утрудися воздыханиемъ, велми попеченнѣ помышляет в себѣ, како своего разжизания пламени *может* противитися удовлѣниемъ своего насыщения. Но дѣвственные срамоты малодушством побѣжденна, уклонися от дерзновения, зане брася в ней любовь и срамота. Настоять любы, да дерзнетъ, но ради безчестия студъ претить. Сие сугубымъ мучашесь сражениемъ своего студа *невзгоды* чрез всю недѣлю в молчании плака, аки и в себѣ глаголаше: «Охъ, яко под такимъ небеснымъ созвѣздемъ родихся, да сего мнѣ нынѣ приятны Азоновы красоты, наипаче мужния чести лѣпотою не насыщаюся в супружествѣ». На сие себѣ чин послѣдовательный быти глубокимъ ума умышляя попечениемъ.

Бысть же, да яже по счастью, яже скоряше концу, случися за хотѣние Медеино, яже в нѣкий день, егда царь Оетес в тайных своихъ со Азономъ и Еркуломъ о многих многая глаголаше в полатѣ, по Медею, дщерь свою, посла, да приидетъ к нему. Ей же во уготовлении царскомъ пришедши, близ отца своего, повелѣвшу ему, сѣде, еже отецъ ея веселым словомъ прощение дать, да со Азономъ и Еркуломъ чиномъ дѣвическимъ словеса потѣшнаа глаголетъ. Яже срамляясь нѣкако, от отца своего востав, подле Азона себе избра сѣсти. Азонъ же, видѣвъ Медею при немъ сѣдшу, возвеселись и, малу оставлену промежку, отдвинуся мало от Еркула, паче к Медеи приближися. Царь же Оетесъ и предстоящие многие прочее мною бесѣдование ея свѣтлостію день провождаютъ, и Еркулесь со предстоящими пред нимъ многими рѣчьми о многих глаголаше. И тако промеж Азона и Медеи не бѣ никакого посредства, имже может, аще вкупѣ глаголати нѣчто восхотят, мѣшати.

Медея же аки и восприятие единства глаголати со Азономъ угоднымъ приключениемъ прият, видя прочих промеж себе иные рѣчи разные глаголати, боязненнаго студа бремя чинно отложив, в первомъ словесном исхождении сие глаголаше Азону: «Друже Азоне! Да непѣщуетъ твое благородствие безчинно, ниже *худости* женские слабости, да не пишетъ нѣчто, аще с тобою, яко *незнаема*, глаголати дерзну. И мнѣ неблагочиннымъ помысломъ тебе к знатию предпозвати. Достойно убо есть да чужу благородну и благодарну спасения совѣтъ да

подасться от благородныя, поне позывати благородный благороднаго нѣкимъ совокупнымъ вѣжествомъ долъженъ. Вѣмъ *ты* благородна и вѣдома смѣлствомъ юношескимъ в царство сие имѣти златое руно просил еси. Про тое прошение *вѣм* *ты* пагубѣ явной вдатися и неложные смерти бедѣ повредиши живот свой. Сего ради твоему благородию и юношеской теплотѣ спостражду и тебѣ желаю спасенный совѣтъ и помощь угодну спослужити, еюже неврежденъ от толикихъ бѣдъ измѣшиши и в желаемые твоего отечества дома здравъ возможеши в блазѣ цѣлости дойти. И на сие меня тебѣ будущу познаеши, аще приятнымъ сердцемъ моя воспоминания обymeши и мощнымъ соблюдениемъ восхожеши *изслѣдити*».

Поклоннымъ лицомъ и пригнѣши мышцы, Азонъ же к реченнымъ словесемъ сиче умилнымъ гласомъ отвѣща: «О, благороднѣйшаа жено и госпоже! Тебѣ говѣйнишимъ сердцемъ моимъ умилныя благодарения воздаю, яже трудомъ моимъ сострадати честнымъ *изъявлениемъ* показуеши. Ея же ради вещи благоволенію твоему всего мя излагаю, зане множае паче суть дары *благодатныя*, яже не просимы, ниже предшедшими благотвореніи сподоблени подаются». Ему же рече Медея: «Друже Азоне! Вѣси, колика суть в златорунномъ исканіи учинена пагубы или нѣчто слухъ истинный не вѣдомъ ти, вина тѣхъ истинная не прииде въяво? Воистинну его же возмoжение или воздержаніе едва или никакo смертному челоуку мощно, зане божіе есть стрeжение его и нѣсть в челоука паче мощь, якоже можетъ сила его необоримая въ величествѣ боговъ. Кто бо невредимъ избудетъ от воловъ, пламени отрывающихъ огненные, кого счастливые прилучаи противу ихъ напасти жаломъ дерзновения наведетъ, зане противу тѣхъ наская скоро обратится в *прахъ*, изгоримъ дымною погибаетъ искроу? Яко аще толь легкою душею поискусити юношески дерзнулъ еси, велиимъ безуміемъ низводиши, зане цѣна толикия вещи смерть едина состоится. Престани убо, Азоне, аще хожеши чинити мудрѣ, от такова несчастія, не приступай к смертному предѣлу, иже живота твоего свѣтъ конечнѣ отиметь».

Азонъ же, яко не терпя, к Медеинымъ словесемъ подвижеся, да не множайшая симъ подобная словеса излиет, еѣ рѣчь пресѣче и словеса еѣ расторгнувъ, сиче рече: «О благороднѣйшая госпоже, *егда* страхомъ словесъ твоихъ ужасиши мя, вѣруеши, да жестокими прещеніи ужася, престану от начатаго? Еда аще будетъ имѣти мощно нѣкую славу болшую во всей жизни моей, *воздержуся*. Аще ли ни, воистинну живую укоризною растаю во языцехъ и всякия лишенъ честныя хвалы вѣчною нечестію уничижуся. Есть же умышленія моего извѣстно смерти мя предати, аще смерти есть цѣна толикия вещи. Зане разумаго мужа сущее быти имать, егда нѣкоего начатаго умышленія изъявитъ въ дѣйство, предположити убивство живота, прежде даже от начатаго безчестіѣ пристанетъ».

Ему же рече Медея: «Есть убо, Азоне, умышления твоего тои извѣстие, да смерть желаеши предложити животу твоему в толь явномъ погублении ближние пагубы. Поистиннѣ благочестию твоему болѣзную, и на тебе, дерзнувша зѣло неразсуднѣ, подвижуся утробою милости. Сего ради умышляю, сболѣзнуя тебѣ, благаго твоего спасения и исцѣления предложити, чести отца моего и моей срамоте не щадѣти, ниже спасению. Но сего благотворения послѣди от мене милость наслѣдиши, аще воспоминаниям моимъ повинитися обещаеши и совершити реченная не измениши». И к сему Азонъ рече: «Благороднѣйшая госпоже! Все, елико повелиши творити, не ложная исполнити тебе обѣщаваю и боги засвидѣтельствую».

Ему же Медея рече, пища перстомъ на шиде червленимъ виномъ сице: [28] «Аще мя себѣ присвоиши въ жену и аще мя от сего отца царства, Азоне, отвезеши в твое отчество, аще мя вѣренъ не оставиши доколѣ живу, воистинну сотворю и учиню, да яко златаго руна достанеши, конечнѣ обѣт твой исполниши, вся претителная бѣды уничижив. Есмь бо в смертныхъ едина, яже могу силы Аррисовы повредить и его власти уставленнымъ противною хитростию власти совѣтъ *встрѣчати*». Къ ней же Азонъ рече: «О коль велия и недомыслима воистинну суть то, яже ми, честная дѣвице, обѣщеваеши дати тебѣ мнѣ, сиирѣчь, яже промеж прочиихъ красныхъ *избранные* красоты наилутшая блистаяши, аки рожа красная, яже во время весны цвѣтовъ прочиихъ, ихъже на поляхъ безстыдно естество прозябаетъ, своими шипки нарочитыми превосходит! И мене обещаеши избавити кромѣ того от толикихъ лихихъ злобъ, ища златаго руна! Но вѣмъ *себя* праведна быти не мощно цѣну получитьи толикия вещи. И иже дары толь драги благи приносящу счастье отринетъ, подобнѣ нарещися может болшимъ безумия буйствомъ отнюдъ колебаться. Сего ради, честнѣйшая в женахъ, и мене в мужа тебе смиреннаго, благоговѣина жениха предаю и творити вся, елика твое разсудитъ избрание чистое, и чистою вѣрою обѣщаваю».

Медея же такового приношения возрадовася словесемъ, сице к приносящему словеса отвѣща паки: «Друже Азоне! От твоихъ обѣщаний извѣстну сотворитися и отнюдъ опасну, несуетнымъ сердцемъ желаю и в сихъ умъ мой твердѣйшаго *опасства* сотвори крѣпчайший, прошу убо, тобою вся елика реклъ еси, клятвою укрѣпити. Но зане нынѣ намъ мѣсто непригодно продолжити сие, непщую, егда покрывается земля нощнымъ помрачениемъ, яже сотворити тайная подастъ желающимъ пригодну и от вѣдания чловѣческаго многихъ оправдаетъ, и тайну бо намъ себе пригодну подаючи, моимъ тайнымъ посланникомъ взысканъ к моей каморе безъ страха приступити, в ней же опасну мя сотвориши о предреченныхъ клятвою боговъ. Зане и мене извѣстну такожде потомъ имѣти возможеша, яко твою, и ту о происхождении действий твоихъ и тѣхъ свершений конечномъ мною полнѣе накажешися».

Ей же Азон скоро сего пригодия краткословием сице заключи:
«Честнѣйшая госпоже, якоже глаголеши, буди тебѣ и мнѣ». Оба же
уклонишася от множества словес. Медея, у Азона приемъ отпущение,
царю-отцу тако же поклонився и Еркулу, во множествѣ своемъ восвояси
прииде.

О МЕДЕИ, НАКАЗУЮЩЕЙ АЗОНА О ЗЛАТОРУННОЙ БРАНИ И О ВРАЧЕВАНИИ ИХ И НА БРАНЬ ТВОРИМУЮ С ВОЛЫ И СО ЗМИЕМЪ ДѢЛАЕМЫХЪ

Уже половину дни солнце прииде и коней своих бразды направи к
частем уже обращаешся западнымъ, егда Медея, едина пребывая в
полатѣ, что глаголааше Азону и коя отвѣты от него многия в себѣ
помышлениемъ обрати. И егда рѣчи промеж ими прилѣжно
разсуждаетъ, разширенну веселию, но смѣшенному желанию
превозмогающе, радости ея омрачается, зане завидный часъ ночный
для многаго хотѣния горитъ. Сего ради, яко теплоты не терпя, егда
желанием колебашеся похотнымъ, внутренними взираниемъ скончавае
течение солнце. Толиким хотѣниемъ мучашеся о солнычном
захождении, яко той останок дни, еже бѣ середина промеж свѣта и тмы,
ея продолжашеся имѣвше аки два дни. Но пришедшу вечеру, и бысть
запад, извѣстны наведе тмы, егда промеж зрака человѣческаго и
солничаго вниде сѣнь земная. Воставшу убо тоя нощи смерканию,
многим разнствомъ колеблется мысль в Медеи, кояждо степени солнца,
донелѣ заиде, и попечениемъ тягчайшимъ примечаше, и желает
нападения ночнаго и потом восхода луннаго, зане нощи тоя при часѣ
перваго сна восхождаше от восхода. И сице тоя нощи от пребывающих в
полатѣ скончанну бдѣнию, всѣ покоя спати восхотятъ, имѣже ея
хотѣния желаемая свобода совершися.

Но о коль жаждающей душе краткое долго видяшеся, еже ничто довольно
тщашеся к похотѣнию! Толикими убо стѣсняется мучающимися
тѣснотами тогда Медея, егда ощути отцевых слугъ в полатѣ долгим
бдѣниемъ ночь *проводити* и спати никакоже хотящих; многим
жданием, яко не терпя, нынѣ сѣмо и овамо ходит по каморѣ без покоя,
нынѣ к дверемъ *коморнымъ* приходит слушати, аще нѣчто бдящие
покушаются спати, ино отворяетъ окна, смотря, колко проиде ночи
течение. Но дотолѣ сицевыми мучашеся тѣснотами, донелѣ пѣтеловъ
пѣние, ночнаго проповѣдника, вездѣ быша глас его, по его же
воспомяновению бдящие настоящаго покоя спати желают. Возлегшу
убо всему царскому дому и в покое ночнѣм на всѣхъ излиянну тиху
молчанию, Медея, возвеселися вельми, нѣкую стару жену домашнюю
свою и зѣло коварственну ко Азону брежно посылает. Егоже егда увѣда
Азонъ, скоро встаетъ отъ ложа и со женою тихимъ стопами в темнотѣ
идяше, к Медеинѣ полатѣ прииде, въ его же внитии предстоящи Медеи,

Азонъ любезными словесы поздравления глаголетъ, Медея же подобнѣ ему отвѣща, весел во двери вниде.

Скоро же отиде баба, Азона и Медею единых остави в каморѣ. И утвержденным дверемъ полатнымъ от Медеи, у постели чуднаго приготовления в каморѣ Азонъ сѣде, Медеи устрояючи. Отверзе убо сокровище свое, нѣкий образ злат, освящен во имя Зевеса, якоже языком обычай бѣ, Медея изнесе, показа его Азону; многу свѣту от свѣщъ горящих, имиже вся камора блистанием велиимъ просвѣщашеся, сия словеса рече: «Прошу от тебе, Азоне, на сем образѣ вышшаго Зевеса клятву мнѣ вѣрну подати, да егда мя всею твоея воли издамъ непщеванию и исполнити вся обѣщанная тебе, не напрасныя вѣры чистотою тебя мнѣ вѣчным чистым сердцемъ соблюсти, да кленешися силою божия и чловѣческия правды от сего *часа* мене в супругу восприимеши и да во вся дни живота твоего мене оставить нѣ с кимъ умышлениемъ не дерзнеши». К сему же Азонъ говѣинымъ лицомъ *себѣ* принося, коснувся образу рукою, соблюсти исполнити предреченная вся Медеи кляся.

Но о прелестная мужеская лъжа! Рцы, Азоне, что ти Медея послѣди сотворити множае возможе, яже своя лѣпоты всю честь отложи, тебѣ свое тѣло и духъ единомушно преда, единыя ради вѣры обѣщанные падеся, не внимая своего благородия, ни своего царскаго достоинства величествъ разсматрѣя, зане твоея ради любви себе наслѣдья скипетра лиши и старца отца *безчестна* остави, сокровищнаго его собрания ограбивъ, и отчая мѣста оставль, тебѣ ради избра заточение, предполагая страны чуждия рожденныя земли сладости? Ни ли ты от смертныя пагубы спасе, здрава из вѣчныя срамоты изня, их же нѣчто бы здоровъ от случая бѣднаго избыл бы еси, златаго руна не обрѣтъ, возвратитись в Тесалию, студа ради дерзнул бы еси? Отступи бо от своихъ и дасть тебѣ и твоим. Иже убо срамъ отринув, клятвы твоея завѣщание испоругати дерзнулъ еси, да безблагодарнымъ срамомъ оскверненъ, вѣрующую прелстиши дѣвицу, от дому отца отвезши и страха боговъ не брегши, ихъже избралъ еси кленяся презрѣти, и ей вѣру изменить не усрамился еси, от неяже толика блага величие тебѣ восприявшу. Воистинну тебѣ, безсрамному, посреди прелстивши Медею, повѣдает истORIA. Но сие прииде от твоея прелести безлѣпие, да яко тое же историй чинъ не оставляетъ, яже виною твоего клятвопреступления и ненавидѣниемъ вѣры разрушимыя твоее, богов нанесшимъ, живот свой безстуднымъ прилучаемъ глаголешися скончавъ, о немъже здѣ нынѣ многая сказати оставляется сего ради, яже настоящіе бесѣды существо не соединят.

Но ты, Медея, яже толикихъ хитростей сказуеши просвѣщением украшенна, рцы, что ти ползова знатие закона звѣздаго, имъже глаголется будущая мощно преднаписати? Аще предвидѣние будущихъ

бывает в них, почто себѣ толь суетнѣ, толь нечестивѣ предвидѣла еси? Нѣчто, речеши, тебѣ, много разъяреннѣ любовью будущаго твоего мужа, злых належащих в законах звѣздных нерадѣниемъ оставльших? Но извѣстно есть: астрономские суждения безвѣстны суть, о немже явный образецъ мощнѣ и явнѣ на тебѣ показуется, яже тебѣ предвидѣти тѣмъ никако могла еси. Сия бо суть безвѣстная яже легкихъ вѣрити истина, поистиннѣ прелщаютъ ложнымъ блуждениемъ, в нихъже никое постигается будущихъ действо, токмо нѣчто по случаю приидет, зане единого Бога есть, въ егоже руцѣ суть положена вѣдати времена и временемъ лѣта.

Что паче? Восприявъ Медея от Азона клятву, оба входятъ в чертогъ, в неизреченной лѣпотѣ их, сложивъ ризы и пребывающимъ обоимъ нагимъ, дѣвственнымъ заклѣпы Азонъ отверзе у Медеи. И сие всю ночь скончавъ веселою потѣхою услаждения. Но Медея, аще своя похоти доволство *исполнив* мужескимъ обниманиемъ и дѣйства блудные, хотимые от Азона, сего ради не отиде искра похоти в ней, но искусными дѣйствия послѣ *тягчайшая* зача зажигания, неже прежде грѣх содѣянный. Сие есть то вкушение толикою прелщая сладостию бѣдныхъ любителей, иже егда от них болѣ приемлется, паче желается, егоже ненавидѣти не может стомахъ насыщенный, зане сердечная похоть и желание наслаждения беспрестанно в немъ, егда горитъ сладкое его утѣснение, питаетъ похотѣние.

Уже бо тоя нощи зори приходящи и звѣздамъ просвѣщающимся утренняя, егда *Медее* сими словесы *глагола* Азон: «Часъ есть, сладкая госпоже, намъ от ложа востати, да не како нас внезапно обьиметъ свѣтъ дневный. Но не вѣмъ, любимѣйшая, аще о моемъ дѣлѣ устроила еси нѣчто творити. Или аще тобою посемъ нѣчто есть строимо, молю любезнѣ, да твоего тайнаго совѣта мнѣ двери отверзеши, да, тобою наученъ, сие совершу. Зане во отвращении тебѣ от сего острова, в немъже еси нынѣ, и во привождении тебе в мое отчество, в немъже могу, всяка скорость мнѣ законсѣние». Ему же Медея сие рече: «Друже, любезнѣе мнѣ себе о твоёмъ дѣлѣ, еже мое сущее дѣло есть. Полный убо восприяхъ совѣтъ избрания в печи испеченъ и зажженъ во мнѣ. Се убо встанемъ от чертога, да мнѣ и тебѣ изобилъство буди пригоднѣе навикати *на* сия вся, яже тебѣ видится, *отрядити*». Воставше убо от ложа и ризы во мнозѣ торжествѣ восприявъ, Медея, отверзши своихъ сокровищъ ларцы, многая из нихъ изнятъ, яже Азону симъ чиномъ предасть блюсти.

СИЯ СУТЬ, ЯЖЕ МЕДЕЯ ДАДЕ АЗОНУ

Первое предасть ему образъ нѣкий сребрянъ, егоже быти рече волшебнымъ чином и силою многия хитрости содѣлан, иже противу волшебства сотвореннаго есть зѣло силенъ, разрушая сущая сотворимая и ихъ повреждения отриновением отгоняетъ. О семъ убо Азона сиче наказана, да его бреженъ на себе носить, зане противу волшебствъ коиждо превозмогати вѣсть, вредимыя силы волшебныя уничижая. Второе дастъ ему нѣкоея масти благовонныя лечбу, имѣже мазатись повелѣ, глаголя в немъ силу быти, да яко противу пламене зѣло преодолевает, погасает зажигаемая, и все еже имать силу сожещи, приединив дымокурение, разрушает.

По семъ нѣкий перстень дастъ ему, в немѣже сицевыя силы камень бѣ вложенъ, да яко всякий *ядъ* расторгает, ихъ шѣкоты отрѣвает, и егоже яда неистовство уязвить нѣчто, аки от воды уязвеннаго невреждимо своею силою спасет. И бѣ в том же камени иная сила — да аще кто сей камень заключенъ носить в горсти, да яко тот камень носящаго к тѣлу добръ прилѣпится, невидимъ скоро будетъ, да егда носит в горсти, никому видится. Сей камень мудрыя асхате нарицают, во островѣ Киликийском первое обрѣтенъ. И сего Енея носивша *Виргилий* пишетъ, [29] егда первое невидимо доиде х концем Картагенскимъ. По семъ дастъ ему написано словы и знакомого паки разума, о немѣже Медея Азона велми прилѣжнѣ наказа, да егда к руноу златому доидетъ, предковеніе преждереченныя поправ, не скоро на нь напасти, но помоляся молитвою поне трожды, да прочтет по подобію жертвы, *благоволити* богомъ сподобится. Конечнѣ нѣкую тыкву, мокротою чудною исполненну, предасть ему, о нейже наказа, да егда первое приидетъ к волон, мокроту ту во уста их волиет и окроплением частым намочит. В той бо мокротѣ сию силу быти рече, да егда во уста волон волиется, от того аки нѣкоимъ клеємъ склеятся вмѣсто, да яко их отверзение не токмо тяжко, но не мощно будетъ имъ. И сиче по ряду Медея Азона прелѣжнѣ наказа, имиже прохождение или чимъ можетъ к желаемыя побѣды славѣ дойти. Медея же своему наказанию и учению сиче послѣ конецъ наложи и давъ Азону отпущение прежде дневнаго свѣта. Азонъ во свою камору тайными стопами прииде.

КАКО АЗОН ПРИСТУПИ КО ЗЛАТОМУ РУНОУ

Восходящи зори красными лучами и солнцу златому свѣтом малымъ холмы горѣ просвѣщающим, Азонъ тайнѣ встаетъ от ложа, вмѣсте со Еркуломъ и иными и Оета царя полатѣ приходит, в нейже сам царь живяше со многими предстоящими, вѣнцемъ украшенъ. Его же узрѣл царь, веселымъ лицемъ восприя, у него вины пришествія его честнѣ пытается. Ему же Азон тако рече: «Молю тя, господине царю, да яко закоснѣніе мнѣ отнынѣ есть зѣло досадно, хочу, аще угодно, вашею волною свободою к златоруннаго бранному покушению приступить». Ему же царь рече: «Друже Азоне! Боюсь, да не како твоего юношества

смѣлство безрассудное введет тя хотѣти тебѣ смерть скоро нанесут и мнѣ учинят безславие о пагубѣ прилучая твоего. Воспоминаю убо тѣбе благоговѣние, да здравъ возвратишия изволи, прежде даже толиким злым дашся погибнути». Ему же Азон рече: «Благороднѣйший царю! Нѣсть ми смѣлство без рассуждения совѣта. И ты без сумнѣния пред всѣми будеши неповиненъ, аще нѣчто — да не буди! — на мнѣ зло случится, емуже ся охотною». Ему же рече царь: «Друже Азоне, *не* хотя хочу твое хотѣние разрѣшати. Бози на помощь, да от толикия беды здрав избудеши».

И тако Азонъ, желаемую получив свободу, препоясая на путь. Бѣ близ острова Колкоса нѣкий малый остров, малою быстростию водною отстоя, в немъже златое руно предреченно бѣ в страже бѣднѣ, уже реченой; к немуже малыми судны и гребью обычай имяху преходити. К ближнему убо берегу Азон пришед, входитъ в лодию, оружие защищения взяв, и единъ, за надежду побѣды, яростию в быстротѣ, греблением своимъ в реченный малый островъ прииде. В немъже егда к землѣ приста, абие от лодии изскочив и, от неѣ уготавъ оружия и вещи, от Медеи данные на спасение, вскорѣ оружие облачить и опасным итием ко овну златорунному приходит.

Медея же трепетнаго сердца воздыхании боязненно восходит в верхъ своя полаты и к далным мѣстомъ зря от вышние стрѣлницы, от неяже любимаго своего любезнѣ зрѣти преход, *но* любезнѣ схождение его на землю. Его же яко узрѣ восприявша оружие и боязненное, якоже мнит, препоясание на путь, рѣчныя испусти слезы, в нихже знаменія являются любви. Ниже можаше унятися от воздыхания и словес, въ сия словеса уста своя, слезами очи наводненна, болѣзненным воплемъ разрѣши: «О друже Азоне! Толикими за тя мучася тѣснотами, *коликими* болѣзнями сътѣсняюся внутрь и внѣ, зане боюсь, да некако ты, страхом ужасеся, моя воспоминания забудеши да твоего спасения оставиши данные мною тебѣ потребныя наказания! Еже аще сотвориши, не без вины боюсь, да *нѣ* како же тебѣ и мнѣ паче *навышшее* ошуюю возможет случится, сего ради от твоих обниманий буду во вѣки лишенна. Но богомъ умилнѣ молюся, да тебѣ возвращшуся, здрава очи мои воистинну узрят и о твоём происхождении *всю* мя возвеселят».

Промежъ сими Язонъ, озрѣвся, ко стражбѣ овна путь восприя. И еже егда прииде к мѣсту Арриса и первое на волы воззрѣ, толь горящие пламени на воздухъ испускаемая дыхати, яко небо належащее и все огненным разжизанием блисташе. И разгарание паки теплоты сие все мѣсто то обнимаше, да яко Азону не бѣ никако мощно приступити ради зѣлныя теплоты страха. Но любимые своя дѣйства не забы и спасенных наказаний, лице свое, и шию, и руки, и всѣ тѣ мѣста, яже возможет, тѣлесные данною от Медеи мастию помаза. Образ бо ему данный от нея, на шею повѣсив, пламени предложи, прочетъ писание *трижды*, да

якоже *рекохомъ*, дерзнувъ к волом приступити и с ними смѣло начати брань. И тако на Азона пламенем *дышущии* непрестанно, изгорѣ щит его от пламени и копие его огнем скончася. И воистинну Азонъ живот свой скончал бы от огня, аще не бы данную мокроту во уста волом частыми окроплениемъ влиял. Ему же влиянну, дышущих волов уста, аки желѣзными чепми, сцѣпляются, аки клѣмъ слипателнымъ неразлучнѣ соединяются. Тогда скоро преста пламенное испущение из воловъ смертоносный огонь, изблевание скоро скончася. Наведену же воздуху, преставшим пламенемъ, от его мокротъ естества превосходимых, превозможе Азонъ и, многимъ смѣлствомъ наполнивъ, х крѣпкимъ ужасныхъ волов рогомъ руки простирает. И тако, восхитив рога, сѣмо и овамо покушается преводити волы тѣ, да увѣсть, аще противоборють или его повелѣнию не повинуются, иже аки бездушни его повинующися непщеванию, сопротиво бранию востати не покушахуся.

Сего ради Язонъ и рало на плечахъ опаснымъ прилѣжаньемъ налагаетъ и привязаетъ, жалы волы тѣ орати понуждает, но не повинующеся повелѣнию ратая. И сиче, обращенну *дерну*, широкое поле воскопавается часѣлыми браздами, горѣ долу приходящими воскопание то. Волы оставив на поле, Язон скоро и *смѣло* приходит ко змию. Его же егда змей к себѣ приходяща воззрѣ, многимъ свистаниемъ и велиимъ гласомъ и грознымъ поражаа воздухъ, шумъ сотвори и испущая дымные пламени, ближний воздухъ теплымъ и разжигаемымъ очервлениемъ красит, и егда *языкъ* легкими обращениями влечетъ и отвлекает, дождными окроплениемъ смертоносныя яды изливаетъ.

Азонъ же без страха ко устроеннымъ Медеинымъ обращъся скоро *наказаніямъ*, зеленаго камени перстень, егоже восприя у Медеи, к свѣту змиинну препроверже. Егоже блистания ужасеся змий, преста пламени испущати и обращающа главу и шию сѣмо и овамо, аки во изступлении, и блистания камени ради многаго ужаса отринуты непщеваше. Сей камень обрѣтается во Индѣи, якоже пишетъ Исидоръ, егоже измарагда обще именуемъ. Сего камени сила без сумнѣния такова есть, да яко предположен на свѣтъ коегождо ядовитаго животна, змиеваго или ему подобнаго, или того, иже «буфо» в Киликии обще именуется, аще зраку его с нѣкимъ желѣзомъ или тростію неизмѣнно предложится, не чрезъ много часъ возможетъ ядовитое животное терпѣти, да яко въ его зрѣнии... не оскудѣетъ угашение. Но камень тотъ не отимется невредимъ отъ шкоты, зане, угашенну ядовитому животному, ему же предложится, весь въ дробныя разсторгнется разсѣдания, сего лучемъ зеленымъ змея онъ смертнѣ устраши. Но храбрый Азонъ скоро желаетъ мечемъ голымъ частымъ поражениемъ губити, ихъ же аки невредимыхъ жестокие чешуи змиевы отражаютъ. Но безтрудный Азонъ того ради не престаётъ отъ поражения, аки жестокий млатъ в наковално. И толь долго поражениемъ борящеся со змиемъ, яко змей терпѣти не могъ частыхъ и жестокихъ браней, на долгомъ поле протягся, смертоносный испусти духъ, и выше лежащий воздухъ смертоносными ядами опорочи.

Его же егда Азон видѣ угашенна Медеинымъ мастерствомъ, во свою память внутрь приводя, без лѣности желаетъ и главу его от шеи мечемъ отдели, от его же челюстей исторже зубы, скоро по браздамъ сотвореннымъ посѣя на взоранномъ полѣ от воловъ. От ихъ же сѣмени раждаются абие воины неслыхаемые. Егда от такова сѣмени воины исходятъ, скоро ко оружию встають и, нападше сами на себѣ, смертными язвами бранятся. Жестоко убо творится ополчение промежъ братиею землею и *мрачною*, зане раздѣльными полки на брань не нападаютъ, ниже хотятъ да яко раздѣльшеся, *но* смѣшнѣ единъ другаго убиваетъ, зане иже и после от нихъ остасть *никто* побѣдникъ, поне многими ранами промежъ себе падоша погублении.

Волшебныя убо хитрости *чародѣйствы* противными хитростями тайными всѣми протечении, и змею предреченному смерти преданну, такожде от его зубнаго сѣмени рожденнымъ братьямъ умершимъ, воломъ тѣмъ учиненнымъ едва живымъ, Азон от пагубныя беды избы, прилѣжнымъ попечениемъ своимъ испытуетъ в мысли, что творити или еще нѣчто творимо в скончании дѣла того прилѣжнѣ разсматриваетъ. И егда вся разумѣ уже быти совершенна, смѣл и весел на златоруннаго овна себе направляетъ. В немъ же егда не обрѣтъ никакого противства, восхитивъ за рога, удавлениемъ смерти предастъ и сня одежду его златую, благодаривъ по семъ боги, имиже со славою побѣдною и бес пагубы своего телеси предреченное руно златое наслѣди.

Обогащенъ убо Азонъ златымъ ограблениемъ, ко берегу острова веселъ ускоряетъ, в лодию входитъ и греблю привозится к большему острову, на егоже брезѣ предреченный Еркулес и его обещники желателнѣ ждаху. Его же убо по семъ *сошедша* на землю, со многою радостію приемлютъ и о его здравии умилнѣ благодаряще боги, зане никако здрава его имѣти чаяху. Азонъ же с *ними* къ царской полате приходитъ. И егда прииде къ нему, царь Оетесъ лицемѣрнымъ веселиемъ его восприя, поне завидитъ ему о толицѣ побѣде и боляше о себѣ, толика богатства лишена. Ему же яко близъ себе сѣсти повелѣ Оетесъ. Что се чудо златаго руна видѣниемъ чудится народъ, зря его, но паче дивуется о толицѣ побѣде, како возможно уставъ побѣдити бога Арриса.

Медея же весела, радостными стопами видѣти Азона послѣ приходитъ, ей же, аще бы лѣпо, предъ *множествомъ* многа цѣлованія подала бы; и, царю повелѣвшу, подлѣ Азона, аки стыдяся, сѣде. Ему же Медея тихимъ гласомъ тайными словесы глаголетъ, да къ ней, приходящи ноши, опасенъ приидетъ. Еже Азонъ себѣ желателнѣ исполнити умилнымъ и смиреннымъ гласомъ отвѣщевае. Сѣни же ночью по всему свѣту излияннѣ, Азонъ къ Медеинѣ приходитъ полать и, ей посредствующи, в ложницу входитъ, и обоимъ в ложницѣ охотнѣ прѣбывающимъ, по мнозѣ

услажденномъ потѣшеніи послѣ о отхожденіи своемъ и уготовленіи ко отшествію многа промеж себе единодушно изрекоша. И тако по Медиину наущенію Азонъ в Колкосѣ един мѣсяцъ пребысть. По семь же, временное благоугодіе прием, Азон и обещаики его с Медеею от того острова татебно отходятъ, у царя Оета отпущения не просивъ.

Но, о Медея, вѣтровъ поспѣшныхъ много сказуешишь желавъ, дабы свое оставила отечество и отча скипетра отбѣгла бы, и море прешла бы без страха, горкия своя пагубы не разсмотря. Поистиннѣ сказуешишь дошедше в Тесалию, идѣже тесалонѣяниномъ Азономъ, *от гражданъ* безчестная тесалоникойскихъ, утаена, ниже по многихъ мерзкихъ пагубахъ животъ чтешишь скончав. Но яко отмщеніемъ боговъ Азонъ мукъ многой бѣ преданъ, прежде даже онъ изшелъ, и его исхождение, аки осужденно от боговъ, бѣ, осужденною смертію заключенъ, рцы, что ти ползова на Азоне тяжкое отмщенье и месть боговъ после сотворимая? Поистиннѣ во послѣвицѣ глаголется: «Скоту умершу, не угоднѣ ползуетъ врачевныхъ травъ ноздрямъ прилагати лечбы». Токмо нѣчто богомъ благоволить не по велицѣ воздания обиды, но да от смертныхъ познается, богомъ не хотѣти тяжкихъ винъ, паки в лицѣ живыхъ без отмщенья муки приити.

Что множае? Приста Азон со Еркуломъ и *иными* ихъ спутники и с Медеею во пристанище тесалийскомъ здрав и веселъ. Ихъ же всехъ спроси царь Пелей и о Азоновѣ здравіи и, смутися внутренно, своего сердца тая тѣсноты, веселымъ лицемъ восприя, и предпоставити Азона в царствіи своемъ по обѣщанію ему *данному* от него, аще и не хотя, щедре не отвержеса.

[1] *...О Пелеи, царѣ тесалийскомъ...* — У Гвидо ошибочно слиты в одно лицо царь Фтии (в Фессалии, области в северной части античной Греции) Пелей, муж морской богини Фетиды, отецъ знаменитого мифическаго героя Ахилла, и Пелий, правитель Иолка (также в Фессалии), брат Эсона, дядя Язона.

[2] *...Великую Гресию, сирѣчь Италию...* — Великой Греціей именовались греческіе колоніи в Сициліи и Южной Италиі.

[3] *...апрузинян быти рекоша, языкъ нѣкій, иже на границахъ царства Киликійскаго живяше. Сего ради страна та Апрузия наречеса...* — Апрузия — область на юге Апеннинскаго полуострова. Слова «царства Киликійскаго» переводимъ какъ «царства Сицилійскаго» в соответствии с латинскимъ оригиналомъ. Киликія — область на юго-востоке

полуострова Малая Азия — упомянута в древнерусском тексте ошибочно.

[4] *Якоже о них свидѣтельствуєть Овидѣй Моненись...* — В VII книге «Метаморфоз», поэмы древнеримского поэта Овидия (43 до н. э. — 17 н. э.), упоминается миф, согласно которому мирмидоняне — это лесные муравьи, превращенные в людей по просьбе царя Эака. Эпитету (прозвищу?) «Моненись» в латинском оригинале соответствия нет.

[5] *...глаголетъ той же предреченный Овидий... хитростною силою Медеи...* — В той же книге «Метаморфоз» содержится рассказ о том, как Медея, дочь царя Ээта, обладавшая даром волшебства, вернула старцу Эсону облик зрелого мужа.

[6] *... в нѣкоем островѣ, глаголемомъ Колкосѣ...* — Согласно античным мифам, золотое руно находилось в Колхиде, стране на восточном побережье Черного моря. Однако у Гвидо «Колкос» почему-то считается островом.

[7] *...златоруннаго овна...* — Согласно античным мифам, златорунный овен, на котором Фрикс, спасаясь от преследования мачехи, переплыл море, был принесен им в жертву, и у царя Колхиды Ээта хранилось лишь золотое руно. Его охранял Дракон (в древнерусском переводе — «змей») и медноногие быки, изрыгающие пламя. В древнерусском тексте имя колхидского царя соответствует латинскому написанию Oetes.

[8] *...мнози честнороднии многою храбростию красновидны...* — В походе аргонавтов участвовали Орфей, Геркулес, Кастор, Полидевк (Поллукс), Тесей и другие герои.

[9] *Еркулесъ* — Геркулес, сын Зевса и Алкмены, жены царя Амфитриона, — популярнейший герой Древней Греции.

[10] *...сокруши Антефѣума.* — Богатыря Антея Геркулес (Геракл) задушил, лишь оторвав от земли: Антей был сыном Геи, — а она представлялась древним грекам олицетворением земли. Поэтому Антей, прикасаясь к земле, черпал новые силы.

[11] *...стража их, пса триглавнаго...* — Имеется в виду двенадцатый подвиг Геракла, когда герой привел связанным к царю Ерисфею трехголового пса Кербера (Цербера), охранявшего врата ада. На том месте, где на землю падала слюна из пасти Кербера, вырастала ядовитая трава.

[12] *...столпы Еркулови...* — Геркулесовыми столпами называли в древности скалы на противоположных берегах Гибралтарского пролива. В средневековых легендах об Александре Македонском утверждалось, что он дошел со своим войском до этих мест.

[13] *Ангвин* — т. е. созвездие Дракона.

[14] *...Овидий во второй книзѣ...* — Во второй книге «Метаморфоз» излагается миф о возлюбленной Зевса — нимфе Каллисто и ее сыне Аркаде, обращенных Зевсом в созвездия. Древнерусский переводчик принял Каллисто за мужчину («Калистона и Аркада сына его»).

[15] *...И не честованныи на вышнем небеси... отстоянием кратчайший обходит.* — Это восклицание оскорбленной Юноны С. Шервинский переводит так: «В самой небесной выси, удостоенных только что чести / Вы не увидите звезд — мою язву! — в месте, где полюс / Крайним вокруг обведен кратчайшим поясом неба» («Метаморфозы», II, 515—517).

[16] *Симеоста* — Симозэнт, приток реки Скамандр, протекавшей в окрестностях Трои.

[17] *...от Енея сирѣчь и Аскания, рожденнаго его, глаголемаго Юлия.* — Согласно легендам, Эней — один из троянцев, после разрушения Трои и долгих скитаний пристал к итальяским берегам и основал здесь город Лавинию. Ему наследовал его сын — Асканий-Юлий. К числу их потомков легенда относил и царя Альба-Лонги Неметора, деда Ромула и Рема, основателей Рима. Таким образом, происхождение Рима и Римского государства связывается с именем троянца Энея.

[18] *...близ Рима великъ сооружи град...* — В латинском оригинале *juxta Remum* — т. е. близ, подле Рейна.

[19] *Антемор* — троянский вельможа; вместе с Энеем он способствовал победе греков и взятию Трои. После ее разрушения он покинул город и, согласно легенде, основал Венецию.

[20] *...от царя Сикаона пришедшаго в Киликию...* — Здесь Киликией в древнерусском тексте названа Сицилия. При этом в географических рассуждениях Гвидо остров Сицилия смешивается с Сицилийским королевством, существовавшим до 1282 г. и распространявшим свою власть как на остров, так и на южную часть Апеннинского полуострова.

[21] *Диомедесъ* — Диомед, аргосский царь, на стороне греков участвовавший в Троянской войне. Он ранил в бою Афродиту и был обречен ею на скитания. По одному из мифов, он основал ряд городов в Калабрии (на юге Италии). Спутники его были обращены Цирцеей, дочерью Гелиоса, в птиц.

[22] *Исидор* — видимо, имеется в виду Исидор Севильский (560—636), ученый-энциклопедист, в книге которого — «Этимологии» — содержалось много ссылок на античных авторов и фрагментов из их сочинений.

[23] *...египтянинъ Птоломей.* — Птоломей (ок. 90—ок. 160), греческий астроном, живший в Александрии, в Египте, создатель геоцентрической системы мира.

[24] ...«егда луна обращается»... — В древнерусском точный перевод латинского *cum luna se volvit*. Неясно, однако, имеется ли в виду новолуние, когда луна как бы «отворачивается», или же лунное затмение. Мы приняли первый вариант.

[25] *Дионисий Ареопагитский* — легендарный афинский ученый-философ, ученик апостола Павла. См. наст. изд.

[26] «Или Богъ естества... тварь мира разрушится». — В письме Дионисия Ареопагита к Поликарпу описывается затмение солнца, которое Дионисий наблюдал в египетском городе Гелиополе, и дается понять, что это затмение происходило во время крестных мук Христа.

[27] ...в Гаваонѣ... стати повелѣ. — Имеется в виду библейский рассказ, как по молитве Иисуса Навина во время битвы его с амморейским царем близ Гаваона Бог остановил движение солнца (см.: Ис. Нав. 10, 12—13).

[28] ...пиша перстомъ на шиде червленымъ виномъ сие... — В латинском оригинале этих слов нет: Медея не пишет, а говорит Язону. Здесь вставка из другого произведения о Троянской войне — «Повести о создании и поплении Тройском...».

[29] *Сей камень мудрыя асхате нарицают... И сего Енея носивша Вергилий пишет...* — В поэме древнеримского поэта Вергилия (70—19 до н. э.) «Энеида» рассказывалось о спутнике Энея Ахаве. Здесь его имя превратилось в название камня-талисмана.

ПЕРЕВОД

НАЧИНАЕТСЯ КНИГА ПЕРВАЯ, ПОВЕСТВУЮЩАЯ О ПЕЛЕЕ, ЦАРЕ ФЕССАЛИЙСКОМ, И ЯЗОНЕ, КАК БУДЕТ ОН ПОСЛАН ДОБЫТЬ ЗОЛОТОЕ РУНО

В царстве Фессалийском, жителей которого упомянутые выше римляне называют мирмидонянами, а мы ту страну именуем теперь общепринятым названием Салоники, царствовал в те времена некий царь, справедливый и благородный, по имени Пелей, со своей супругой, звавшейся Фетида. От их брака родился муж, бывший, как никто другой, могучим, смелым и храбрым, по имени Ахиллес. Те, кто утверждает, что Великая Греция, то есть Италия, участвовала в разорении Трои, именуют мирмидонян апрузинянами, а это некий народ, обитающий по соседству с царством Сицилийским. Поэтому страна та Апрузией называется, а город Фетис, в той стране основанный, получил имя, как говорят, от упомянутой выше Фетиды. Но говорящие так заблуждаются, ибо мирмидонянами называют жителей Фессалии, и Ахиллес, ставший их властителем после смерти своего отца, царя Пелея, в Троянской войне не раз показал с ними чудеса храбрости. О них повествует Овидий Монесис, рассказывая небылицы

об их происхождении. Говорит он о тех мирмидонянах в четырнадцатой книге, будто бы были они муравьями, по мольбе царя фессалийского и по воле богов превращенными в людей, так как в то время весь народ царства Фессалийского поголовно скосила смертельная болезнь, и остался в живых один тот царь, который в некоем лесу приник как-то к корням дерева и, вглядевшись, увидел бесчисленное множество ползающих муравьев и в мольбе попросил, чтобы были они обращены в людей. И в книге блаженного апостола Матфея ясно сказано, что мирмидоняне — это жители Фессалии, в которой сам апостол прожил некоторое время.

Об этом царе Пелее рассказывает некое предание, что имел он брата, по имени Эсон, единокровного ему по обоим родителям и старшего годами, который, отягощенный глубокой старостью, сам собою едва мог управлять. И поэтому, угнетаемый глубокой старостью, отступился от управления царством Фессалийским и передал царскую власть брату своему, Пелею. После царствования этого Пелея Эсон еще долгое время прожил, окруженный почетом, пока очи его не померкли и тело его в долгой глубокой старости не ослабело. О нем же говорит тот же упоминавшийся выше Овидий в той же книге, что впоследствии были ему возвращены цвет юношеский и силы отроческие, так что из старца превратился он в годовалого младенца благодаря целительной силе и волшебному искусству Медеи, о каковой речь пойдет далее.

У этого Эсона был родной сын, по имени Язон, воин могучий и храбрый, юноша красивейший, целомудренный, щедрый, красноречивый, приветливый и сияющий всеми достоинствами. И вельможи фессалийские и знатные люди прониклись к нему большой любовью за величие доблести его и чтили его не меньше, чем царя Пелея. И тот Язон повиновался царю, дяде своему, словно отцу, если бы тот царствовал, не докучал ему, но благоговейно ему подчинялся, позволяя Пелею держать скипетр царства Фессалийского.

Но царь Пелей иначе о нем думал, и хотя внешне проявлял знаки любви, но в душе горел и терзался, страхась, как бы благодаря доблести своей и опираясь на любовь окружающих, которую те к нему питали, не отнял бы у него Язон Фессалийское царство. Долго таил Пелей в душе это пламя, скрывая его изощренным умом своим, чтобы не обнаружить себя в каких-либо поступках, и долго принуждал себя к мучительному терпению. И поэтому постоянно раздумывал, ища различные пути, как бы погубить Язона, не запятнав самого себя позором.

Некоторое время спустя многоустая молва о дивной вещи разнеслась по всему миру и у всех в ушах загремела, что будто бы на некоем острове по названию Колкое, за пределами царства Троянского, еще далее от него к востоку, есть некий овен, у которого, по слухам, — золотое руно. На острове том царствует, как говорили, некий царь, по имени Оетес, муж сильный и богатый, но старый годами. О златорунном этом овне вещает предание, что хранят его чудные чары и покровительство бога Ареса; для охраны его приставлены некие быки, испускающие из пастей жаркое пламя. И если кто хочет овладеть этим златорунным овном, то должен будет сразиться с теми быками, и если одолеет их, то должен принудить побежденных тех быков стать в упряжку и заставить их вскопать плугом землю, на которой они стоят. И, победив быков тех и принудив их пахать, еще должен он выйти против некоего змея, покрытого устрашающей чешуей и дышащего жарким пламенем, сразившись с ним, убить и, убив его, вырвать зубы из его челюстей, а вырвав, посеять на упомянутой выше земле, вспаханной быками. Из этих семян всходы невиданные взойдут, ибо из змеиных зубов тотчас же родятся некие вооруженные воины, тут же завяжут братоубийственную брань и погибнут от ран, нанесенных друг другу. И только свершив такие опасные подвиги, а никакими иными путями, можно добыть упомянутое золотое руно. И всем желающим испытать то, о чем рассказано выше, царь Оетес не чинит препятствий. Однако все это о златорунном овне рассказывается лишь в преданиях, но говорят также и правду о нем, иначе все объясняя. Говорят, что царь Оетес собрал великое множество сокровищ и, собрав, передал стражам, о которых шла речь выше, но все это устроил с помощью чародейства и искусного волшебства. Многие храбрецы пытались добыть эти собранные сокровища, обуреваемые мирской ненасытностью и жадностью, что является источником всяческих бед, но воспротивилось им зло, устроенное с помощью волшебства, и добыли они не сокровища себе, а смертельный гибельный конец.

Как только слух о золотом руне дошел до царя Пелея, искавшего какого-либо способа погубить Язона, он тут же радостно заключил в сердце свое все услышанное, ибо более надежным способом, не рискуя обнаружить свой замысел, не смог бы он обречь Язона на смерть. Загорелся он мыслью, как бы побудить Язона, чтобы тот, рассчитывая на храбрость свою и юношескую доблесть, охотно бы отправился за золотым руном. И задумал Пелей устроить торжества в городе Фессалийском и собрать на празднество множество вельмож и воинов немало, и длилось оно три дня. На третий же день царь Пелей призвал к себе Язона и перед упомянутыми выше высокородными сказал ему так: «Очень горжусь я тем, дорогой мой сородич, что владею столь славным царством Фессалийским, но еще более прославляет меня храбрость и доблесть сродника моего, ибо величие силы твоей ближние страны узнали по свидетельствам подвигов твоих, а правдивой молве о них, возвещаемой постоянно, предвещано достигнуть и дальних. Ты ведь честь и слава царства Фессалийского и особенно — моя; если тебя спасу, все будут бояться царства Фессалийского, и пока ты в нем, ни один враг не посмеет напасть. Но слава о силе твоей еще больше меня

возвеличит, если золотое руно, скрываемое в державе царя Оетеса, с твоей помощью будет перенесено в сокровищницы царства моего, что — не сомневаюсь — с легкостью будет тобою содеяно, если смело отдашь душою на подвиг и не пренебрежешь словами советов моих. Когда же надумаешь это совершить, для тебя будет приготовлено в изобилии все необходимое в пути, и многих спутников ты сможешь избрать из числа достойнейших в царстве моем. Прислушайся к словам моим и покажи, что ты усердный исполнитель велений этих, и тогда впредь будешь мною еще больше любим, и сам возрадуешься молве о храбрости твоей, и прославишься еще более. И не останется безвозмездным и принесет тебе великие блага великий подвиг твой, ибо обещаю тебе искренне, а не лицемерно, что когда я состарюсь, то оставлю тебя наследником в царстве Фессалийском, а пока я жив, вместе со мной будешь править царством».

Язон же, выслушав все, что только что перед всеми возвестил царь Пелей, обрадовался радостью великой, не заметив хитрости и коварства царя и не догадываясь о тайном его замысле, поверив, что все это сказано царем от чистого сердца, и возмечтал о высокой чести своей, не помышляя о гибели. Надеясь на доблесть свою и смелость и не думая, что может оказаться слабым в том, что требовал от него коварный царский замысел, с решимостью и радостью откликнулся он на царское повеление и благоговейно пообещал беспрекословно его исполнить.

Пелей, обрадовавшись, что сродник его ответил согласиём, приказал разойтись собравшимся, чтобы, получив обещание, осуществить замысел свой, и уже предвкушал удовольствие способствовать его осуществлению. Зная, что достичь острова Колкоса, омываемого морем, можно только с помощью средств, предназначенных к преодолению морских тягот, велел Пелей прислать к нему некоего мастерового из пределов царства Фессалийского, мужа искусного в ремесле своем, по имени Аргус, весьма опытного в плотничьем деле. Тот же по царскому повелению построил из многих деревьев корабль невиданных размеров, который по имени создателя своего получил название «Арго». Кое-кто решается утверждать, что это был первый корабль, который под парусами решился достичь дальних земель, и поэтому считают, что всякий большой корабль, бороздящий море под поднятыми парусами, следует называть арго.

Когда же был построен вышеназванный корабль и все, потребное для плавания, было погружено на него в изобилии, вошли в корабль Язон и с ним многие из высокородных, прославленных безмерной храбростью. Среди них был и некий муж, поистине могучий и крепкий, именем Геркулес, родившийся, как пишут мудрецы, от Зевса и Алкмены, жены Амфитриона. Это и есть тот Геркулес, слава о необыкновенных

подвигах которого распространилась по многим странам, тот, кто благодаря своей силе победил в те времена многих исполинов и, на руках своих подняв, одолел Антея, непобедимого и могучего великана. Он, если верить, бесстрашно дошел до врат ада и стража их, трехглавого пса, извел оттуда могучей рукою. И так его побоями укротил, что тот, весь взмокший и покрытый ядовитой пеной, осквернил многие страны, обрызгав своей смертоносной слюной. Но так как составленное другими подробное описание его подвигов нас могло бы занять надолго и отвлечь мысли слушающих, то коснемся в рассказе о нем лишь одной истины, которая чудным образом возвещает о прошлых победах Геркулеса во всем мире: и в наше время свидетельствуют Геркулесовы столпы в Гадесе о том, до каких мест дошел он с победами. До этих же столпов дошел и великий Александр Македонский, сын Филиппа-царя, принадлежащий к роду тех же царей фессалийских, чья страна также именуется Македонией, повинув себе мир могучей рукою. Далеко расположено то место, и находится там огромное море, именуемое Океан, которое вливается через пролив в середину земли нашей — Средиземное море. Создано это море для нас во внутренних частях мира и пригодно, как видим, для плаванья. И то, что вливается в этом месте, приемлется и ограждается берегами сирийскими, на которых стоит город Акка, дающий приют многим нашим мореплавателям. А это узкое место, из которого проистекает Средиземное море, наши мореплаватели называют «Тесным свистанием». И место то, где воздвигнуты упомянутые ранее Геркулесовы столпы, по-арабски именуется Савис, и не следует выходить за его пределы.

Язон же, получив от царя Пелея разрешение отплыть, бороздит незнакомые моря вместе с Геркулесом и своими спутниками. Когда же попутный ветер напярк паруса нового корабля и погнал его своим дуновением, быстро отдалился он от знакомых берегов фессалийских и еще быстрее, в стремительном беге своем, достиг неведомых морских просторов. И так плыли они много ночей и дней, направляемые фессалийцем Филотом, который со знанием дела следил за движением видимых на небе созвездий, находящихся возле полюса, то есть подле Большой Медведицы и Малой, которые никогда не заходят вместе со звездой, именуемой Ангвин; мореплаватели же ту звезду называют Трамонтана. Некие называют так крайнюю звезду, расположенную на хвосте Малой Медведицы, и созвездие Большой Медведицы мореплаватели называют греческим, а звезду Ангвин, то значит Дракон, считают главной. Об этих Медведях, Большом и Малом, Овидий пишет во второй книге баснословия в рассказе о Каллисто и Аркаде, сыне ее, обращенных в медведей. Именуют также те звезды северными, ибо их семь, возле черты, называемой Аксис, о которых Юнона так говорила:

И не почтенных на вышнем небе, а язву мою
Видите — звезды, там, где круг Аксис

Последний окружает и на кратчайшем расстоянии обходит.

Разбирался Филот в восходе и заходе звезд, во всем, что известно о них, и искусен был в мореплавании. И поэтому они, подгоняемые попутным ветром, в дальнем плавании не сбились с пути, пока не достигли страны Фригийской, принадлежащей царству Троянскому, и новый корабль их пристал к пристани, которую живущие там именуют Симеонта.

О ГРЕКАХ, ПРИСТАВШИХ К БЕРЕГАМ ТРОЯНСКОЙ ДЕРЖАВЫ, И О ЦАРЕ ЛАОМЕДОНТЕ, ПРОГНАВШЕМ ЯЗОНА И ГЕРКУЛЕСА ИЗ ЭТИХ МЕСТ

Когда греки, утомленные тяготами морского пути, достигли суши, то всей душой стремились они сойти на ту землю для отдыха. Высадившись, набрали в источниках свежей воды и, чтобы получше отдохнуть, решили пробыть здесь несколько дней, но не с тем, чтобы докучать местным жителям или тем более пытаться как-либо навредить им дерзкими злоумышлениями. Но такова уж природа злого рока — всегда вредит он покою всех живущих; из-за вздорных оскорблений, без какой-либо действительной угрозы, возник повод для раздора. Из-за всего этого бедствие неисчислимых жертв, разлившись, залило всю вселенную, ибо пало в битвах столько царей и достойнейших князей, и такой город, каким была Троя, разрушен, в Греции осталось столько овдовевших женщин, лишившихся родителей отроков и отроковиц и, наконец, — попавших под иго рабства. Хотя Греция после этих столь тяжких испытаний добилась победы, славу ее победы со временем затмили бедствия, ибо погибло много людей, и утратила она свое первенство. Но поистине эти беды, выпавшие на долю греков, привели впоследствии к благу, первопричина же их была настолько невесомой, что людские сердца по такому поводу обычно не ожесточаются настолько, чтобы из-за этого пришлось бы претерпевать такие тяжкие бедствия; и верно говорится, что череда миновавших бед бывает источником грядущего блага, ибо какое благо свершилось из-за злосчастного падения Трои: сама Троя, разрушенная, возродилась и явилась причиной того, что Рим, глава всех городов, основан и построен троянскими изгнанниками, Энеем и Асканием, сыном его, именуемым также Юлием. И некие другие страны при тех же обстоятельствах из Трои обрели своих будущих жителей. Такова Англия, заселенная троянцем Брутом, отчего, как пишут, и называется она Британией. Такова также и Франция, заселенная, как говорят, царем Франком, сподвижником Энея, построившим на берегу Рейна большой город и назвавший своим именем и его, и всю страну. А город Венецию заселил троянец Антенор. Из-за подобных же переселенцев и Сицилию считаем ко всему этому причастной, ибо впервые она, как пишут, была заселена царем Сикаоном, пришедшим в Сицилию из великого города Трои,

почему она и именовалась Сикания. И после этого, когда он покинул Сицилию, то оставил в ней Сикула, брата своего, и поэтому впоследствии называли ее Сицилией, а он сам отправился в Тоскану и населил ее народом южным. И по побережью царства Сицилийского вышеназванный Эней построил, как пишут, много городов; таков, например, Неаполь, город народа непобедимого земли Гаетской. Диомед, хотя и был грек по происхождению, также совершил в Троянской войне множество дивных подвигов, а после разрушения Трои, когда не смог вернуть себе свое царство, поселился в Калабрии. А его соратников, по словам Овидия, Цирцея, дочь Солнца, превратила в птиц, которых Диомед привез затем в Калабрию. От рода этих птиц, по словам Исидора, произошло множество других, и называются они Диомедовыми птицами и, имея такое происхождение, умеют они отличать людей итальянцев от греков. Поэтому греков, живущих в Калабрии, любят, а итальянцев избегают. Но если причина этих переселений стала впоследствии причиной благоденствия, то есть от чего смутиться человеческому уму.

Предание, следуя за событиями, сообщает, что когда Язон и Геркулес со своими спутниками отдыхали в гавани Симеонта, дошел до Лаомедонта, троянского царя, слух о том, что некие люди, неведомые троянцам, а именно люди греческие, впервые приплыли к Фригийской земле, чтобы высмотреть что-либо тайное в Трое или, более того, разорить Троянскую страну. Была ведь в то время Троя не столь велика, каковой стала впоследствии, заново построенная, и царствовал в ней тогда упомянутый выше царь, по имени Лаомедонт, который, с готовностью вняв совету (лучше бы совета того и не было!), отправил к Язону своего посла со многими спутниками, который, придя к Язону, возвещает о цели своего посольства такими словами: «Царь Лаомедонт, царства этого государь, весьма удивлен прибытием вашим, зачем на землю его вступили, разрешения у него не спросив. А он хочет в тишине и мире ее блюсти, и поэтому настоятельно требует от вас: без промедленья покиньте его землю, и когда наступит следующий день, он должен узнать о вашем отплытии из пределов своей земли. Если же узнает, что вы пренебрегли его повелением, то — да будет ведомо вам — прикажет он своим напасть на вас, вам самим урон причинить, и имущество ваше отобрать, и вас истребить до последнего человека».

Когда же Язон услышал это обращение, то вскипело сердце его от ярости и гнева, и, прежде чем ответить на слова, сказанные послом, обратился он к своим и так им сказал: «Царь Лаомедонт, этого царства государь, наносит нам неслыханное по дерзости оскорбление и велит без какого-либо основательного повода покинуть его землю. И если бы украшало его царское благородство, то подобало бы ему принять нас с честью. Ибо если подобный случай привел бы его к грекам, то увидел бы он оказанную ему греками честь, а не поношение. Но так как, по его мнению, лучше оскорбить, чем встретить приветственными рукоплесканиями, то мы также воспещем, как и они, и от границ его

царства отойдем, но легко может случиться, что за свое неумное пожелание он заплатит дорогой ценой». И после этого продолжил речь, обратившись к послу, и сказал ему: «Друг! Посольские речи твои мы выслушали со вниманием и дары, которые по обычаю благородных нам царем твоим посланы, приняли как подобает. Богами нашими и истиной божественной клянемся, что случайно оказались мы на земле царя твоего и не хотим причинить кому-либо зло оскорблением или насилием. Но так как задумали мы плыть в далекие страны, необходимость вынудила нас сюда зайти. Скажи же царю своему: мы покинем его землю без малейшего промедления, и да будет ему известно, что если не от нас, то от других, которые услышат об этом, нанесенном нам оскорблении, приобретет он не блага, а уничтожение и неописуемые бедствия».

Геркулес же, не удовлетворившись словами Язона, обратился к царскому послу с такой речью: «Друг, кто бы ты ни был, без колебаний доложи царю своему, что завтра же покинем его землю, но через три года наступит день — скажи ему, — когда он нас увидит, если будет жив; придем в землю его, хочет он того или не хочет, и якоря бросим, и тогда уже будет не в его воле приказать нам уйти, и так как этому раздору он сам положил начало, то прежде, чем он смог бы извлечь из него пользу, сам будет погребен под бременем позорного бесчестия».

Тогда царский посол так сказал в ответ: «Весьма недостойно, чтобы благородный, и тем более храбрый, метал стрелы поношений, как это приказано мне царем — осыпать вас бранными словами. Сказал вам, что было велено мне, и если хотите поступить разумно, то дам вам добрый совет: от этих берегов будет вам отойти не трудно, пока не обрушились на вас тягчайшие беды, ибо зачем безрассудно погибать, если можно, по здравом размышлении, спасти себя». И после этого, отпущенный греками, возвратился посол к царю своему.

Язон же и Геркулес поспешно призвали Филота и приказали ему поднимать якоря и собирать все, что было снесено на берег для отдыха. Ибо поняли, что если бы решились напасть на фригийцев, то не сравнятся им с ними ни в бою, ни в силе, ни в мощи. И поэтому взошли на корабли и, подняв паруса, с помощью богов покинули фригийские берега. Подгоняемые попутным ветром, пересекли море, и вскоре благополучно прибыли на остров Колкое, и с честью вошли в желанную пристань.

На острове Колкосе столицей царства был тогда некий город, именуемый Яконит. Так как занимал тот город столь высокое положение, был застроен он очень красиво, окружен стенами и

башнями, было в нем воздвигнуто много роскошных палат, населен он был людьми именитыми и многими достойными жителями. В городе этом жил царь Оетес со множеством приближенных, ибо возле города находились обширные леса, удобные для охоты, так как водилось в них множество зверей. Поблизости от города простиралась широкая прохладная долина, вся в цветах, ибо протекали по ней бесчисленные ручьи и немало текло рек полноводных, орошающих ту долину. И поэтому обитало там множество дичи, и стаи птиц непрестанно оглашали ее звонким пением.

Язон и Геркулес в сопровождении спутников своих, по-царски и красиво одевшись, направились напрямик к этому городу. Когда же они быстро, но с достоинством шествовали по городским улицам, вызывая восхищение своим видом, то дивились люди, глядя на них, сияющих таким царским величием, столь прекрасных в расцвете юности, так украшенных всяческими красивыми вещами и так скромно шествующих. Сгорая от нетерпения, расспрашивали люди: кто это и откуда, и какая причина привела их сюда. Но как ни расспрашивали они, никто не мог дознаться о цели приезда греков, пока не достигли те ворот царского дворца. Царь же Оетес, как подсказало ему прирожденное его благородство, встал с престола царского, как только доложили ему о приходе греков, и вышел им навстречу в окружении своих приближенных, встретил с приветливой улыбкой и радушно обнял прибывших, изъявляя тем свою радость, и с первых же слов приветливой речи обещает им свою искреннюю дружбу. Тогда греки, поднявшись по мраморным ступеням, входят в дворцовые палаты, украшенные разнообразными росписями с позолотой и сияющие дивным блеском. Когда же царь пригласил их сесть, Язон с полной откровенностью и с достоинством поведал царю Оетесу о цели своего прибытия и о том, что хочет он свершить подвиг, без которого, как известно, невозможно овладеть золотым руном. Оетес же, благосклонно уступая его желанию, не отказывается исполнить просьбу Язона.

О МЕДЕЕ, КАК ПЛЕНИЛАСЬ ОНА ЯЗОНОМ

Когда же были приготовлены разнообразные яства, застланы столы, расставлены многочисленные золотые и серебряные чары и пришло время для пира, царь, желая показать грекам все радушие свое и гостеприимство, послал за своей дочерью, веля ей прийти и в веселье пировать с новоприбывшими гостями, которых царь в радости принимает. Была же у Оетеса дочь, по имени Медея, очень красивая девушка, единственная дочь у отца и в будущем единственная наследница царства. Она уже достигла возраста невесты и созрела для брачного чертога, но с юных лет она с усердием отдалась обучению свободным искусствам и благодаря душевной склонности к ним настолько освоила все науки, что не было в те времена никого, кто бы

мог превзойти ее в познаниях. Но жемчужиной в знаниях ее, принесшей ей славу, было искусство астрологии, как силами и чарами волшебных заклинаний день обращать в ночь, и внезапно вызывать ветер, и дождь, и молнию, и град, и страшное землетрясение, извилистые реки заставлять течь вверх и разливаться. Зимней стужей она {ломала ветви) деревьев, а в бурную непогоду заставляла их цвести; молодых превращала в старцев, а старикам даровала блеск юности. Верили в древности язычники, что она не раз заставляла — вопреки природе их — гаснуть великие светила, то есть солнце и луну. На самом же деле, согласно науке астрономической, в которой заключена наивысшая премудрость, солнце, двигаясь по эклипике, никогда не исчезает, кроме тех случаев, когда встречается с луной, бывая в хвосте ее или в голове (а это суть разные деления круга небесного), и больше ни с какой иной из планет. Если же луна оказывается между глазом нашим и солнцем, то не можем мы видеть, как обычно, тело солнечное; вещает же об этом великий разумом египтянин Птолемей. Но Медея, случалось, своими чарами волшебными творила это и тогда, когда солнце сходится с луной (как говорят обычно «в новолунье») и когда солнце и луна находятся в противостоянии, на расстоянии семи созвездий (обычно мы называем это полнолунием). Но такие небылицы о Медее, дочери царя Оетеса, сочинил баснословец сульмоненский Овидий и выдал все это за правду (но да не будет такого у православных!). Ибо верховный и вечный творец Бог, который в мудрости своей, каковая в Сыне его, создал все, узаконил и расположение небесных тел и положил заповедь на века, чтобы не изменяли они своих мест. И никогда не слыхано было о затмении солнца вопреки установленной природе его, кроме того случая, когда воплощенный Сын Божий покорно предал себя за нас на муки и на кресте испустил дух — тогда померкло солнце, хотя и не было луны возле него. Тогда пелена церковная разорвалась, грозно зашаталась земля, и множество святых встало тогда из могил. И поэтому во времена те Дионисий Ареопагит, величайший из философов, живший тогда в Афинах и усердно учившийся, хотя и был он соvrащен эллинскими заблуждениями, но увидев, как из-за страданий Христа померкло солнце, ужаснулся и воскликнул: «Или Бог всего сущего страдает, или все сотворенное в мире рушится». Этот истинный и вечный Бог, который лишь один может нарушить естественный ход вещей и повелеть переступить закон природы, только однажды по молитве одного из веровавших в него задержал движение солнца вопреки его естественной природе и повелел ему, словно пригвожденному, остановиться в Гаваоне. А все эти баснословные рассказы о Медее излагаются лишь потому, что от подобного баснословия данное повествование не отрекается и не отказывается утверждать, что она была искуснейшей в астрологии и чародействе.

Медея же, услышав повеление отца, хотя и была девушкой очень красивой, постаралась, как это у нас в обычае, красоту приложить к красоте украшением, то есть принарядиться. Поэтому в красивых одеждах и украшениях, достойных царевны, сошла она к возлежащим на пиру. И отец тотчас же повелел ей сесть рядом с Язоном.

О жалкое и безрассудное благородство! Зачем же учтивость привела к поруганию твоей чести и ниспровержению величия твоего достоинства? Разве мудрый станет верить в стойкости девушки или женщины, которые ни в один год не являли собой пример постоянства? Мысли их всегда пребывают в суете, и особенно присуще непостоянство приходящим в брачный возраст — раньше, чем мужу станет женой, такая уже познает мужчину. Известно, что мысль женская всегда устремлена на вожделение к мужчине, подобно тому как вещество всегда стремится принять форму. О, если бы вещество, единожды приняв форму, могло бы удовлетвориться формой своей! Но как веществу свойственно из одной формы переходить в другую, так и женщин их беспутное вожделение влечет менять мужчину на мужчину, и всякий раз она обещается хранить верность, и так будет всегда, ибо это подобно бездонной пучине, и только стыд достойным похвал воздержанием укрепляет женщин в благопристойности. Каким же, о царь Оетес, был движим ты безрассудством, если необдуманно сблизил слабую отроковицу с чужим мужчиной? Если бы, взвесив все, ты бы вспомнил о слабости женской, над тем, что единственная наследница царства твоего будет в бесчестии и в горести увезена в чужое царство, не плакал бы, лишившись и дочери единственной, и бесчисленного множества сокровищ своих. Смогла ли помочь тебе стража бога Ареса против женского обмана? Воистину, если, как ты говоришь, ведаешь будущее, никак бы не допустил, чтобы дочь твоя встретила на пиру с Язоном, и не разрешил бы Язону вместе с ней за столом вкушать яства. А о том, что с тобой в действительности случилось по этой причине, поведаст история, следуя подобающему и неподобающему не опуская.

Медея, сидя между царем, отцом своим, и Язоном, хотя и очень смущалась, не могла сдержаться и не смотреть, и всякий раз, когда было можно, бросала на Язона нежные взгляды, жадно разглядывая лицо его, и весь облик, и волосы, и фигуру, и вскоре вспыхнуло в ней вожделение, и в сердце ее начала разгораться жаркая страсть. И не думала она о том, чтобы вкушать сладкие яства или пить напитки медовые. Был для нее тогда яством и питьем прекрасный облик Язона, который она целиком заключила в свое сердце, и насытилась она наполнившей ее чувственной страстью. Когда же смотрели на нее другие, то, видя, что она перестала вкушать яства, полагали, что это не от любовного чувства, а от стыдливости. Медея же, распалившись таким горячим желанием, очень хотела бы скрыть возникшее в ней греховное вожделение, и не только от тех, кто, глядя на нее, мог бы о чем-то догадаться, но еще более от себя самой, и ищет она возможное оправдание, чтобы постыдное для девицы обратить в благопристойное. Затем нежным голосом из уст своих изрекает такие слова: «О, если бы этот чужеземец, столь прекрасный, столь высокородный, стал бы моим мужем», — чтобы тем самым дать Язону знать о своем целомудренном желании, лишенном порочности и греха. У всех женщин это в обычае: всегда, когда испытывают постыдное влечение к какому-либо мужчине, исполняют свои желания под покровом благопристойности.

Когда же окончился пир, Медея с разрешения отца своего ушла в свои чертоги, а Язону и Геркулесу по велению царскому были отведены другие покои. Медея же, оставшись в своей уединенной спальне, страдала от вспыхнувшего в ней любовного огня, терзалась в непрестанной тревоге, томилась, часто вздыхая, и напряженно раздумывала над тем, как сможет погасить разгоревшееся в ней пламя, удовлетворив свою страсть. Но победило в ней малодушие девичьей скромности, отступилась она от дерзких желаний, ибо боролись в ней любовь и стыд. Побуждает ее любовь к решительности, а скромность запрещает, страшась бесчестия. Так вдвойне страдала она, борясь с препятствиями, порожденными ее стыдливостью, всю неделю тихо проплакала и в душе своей восклицала: «Ох, почему я под таким небесным созвездием родилась, что не могу насладиться в браке милой красотой Язоновой и всего более красотой его мужской доблести». И постоянно раздумывала она о том, как же ей поступить в дальнейшем.

Но на счастье, торопя развязку, в один из дней осуществилось желание Медеи, ибо царь Оетес, беседуя как-то в сокровенных своих покоях с Язоном и Геркулесом, о многом многое говоря, послал за Медеей, дочерью своей, чтобы та явилась к нему. Когда же пришла она, в облачении, достойном царевны, и по царскому повелению села возле отца своего, приветливо разрешил он ей развлечь Язона и Геркулеса беседой, подобающей для девушки. Она же, смущаясь немало, встала с места возле отца своего и решила сесть рядом с Язоном. Язон, увидев, что Медея села подле него, обрадовался, и так как было еще расстояние между ними, то несколько отодвинулся от Геркулеса и подсел поближе к Медее. Царь же Оетес и приближенные его тем временем вели долгую оживленную беседу, и Геркулес со спутниками своими многое поведал о многом. И так между Язоном и Медеей не было никого, кто бы мешал им говорить друг с другом, о чем захотят.

Медея же, получив удобную возможность говорить с Язоном наедине и видя, что все остальные ведут между собой свою беседу, с достоинством сложила с себя бремя робкой стыдливости и в первых словах своих так сказала Язону: «Друг мой, Язон! Пусть не покажется твоему благородству нескромным и тем более пусть не будет приписано пороку женской слабости, что я, будучи с тобой незнакома, сама начну беседу. И этим путем, для меня не скромным, сообщу тебе о важном. Подобаает, чтобы высокородному чужестранцу, находящемуся в затруднительном положении, был дан спасительный совет столь же высокородной, ибо должны высокородные относиться друг к другу со взаимной предупредительностью. Знаю, что из высокого рода ты и что, побуждаемый юношеской отвагой, хочешь в царстве нашем добыть золотое руно. И предвижу я, что из-за этого желания твоего грозит тебе неминуемая гибель и обрекаешь ты себя на неизбежную смерть. Поэтому я, сострадая доблести твоей и юношеской горячности, хочу

дать тебе спасительный совет и оказать необходимую помощь, чтобы смог ты избежать бесчисленных опасностей, благополучно и невредимым смог бы вернуться в желанный дом свой в твоём отечестве. И поэтому ты сможешь узнать, что ждет тебя, если с открытой душой примешь мои советы и захочешь им точно следовать».

Склонившись к ней, Язон на слова ее так ответил ласковым голосом: «О благороднейшая из женщин и госпожа моя! Воздаю тебе от преданного сердца моего нижайшую благодарность за то, что благородно выражаешь желание помочь в моих делах. Поэтому тебе, ко мне благоволящей, я всего себя отдаю, ибо особенно ценны дары, которые приносятся не по просьбе и не в ответ на предшествовавшие им благодеяния». Ему же отвечала Медея: «Друг мой, Язон! Знаешь ли, сколько опасностей таит добывание золотого руна, или же правдивые сведения о том тебе неведомы и истинная причина тех опасностей не предстала перед тобой въяве? Ибо в действительности никак не может смертный человек рассчитывать на возможность победы, ибо стражи руна поставлены богами и нет в человеке такой силы, которая сравнялась бы с неодолимой силой и могуществом богов. Кто сможет невредимым устоять перед волами, извергающими пламя, кого счастливая случайность спасет от их нападения в порыве ярости, ибо выходящий против них тотчас же обратится в пепел и, сожжен, дымом станет и искрами? Если же с такой легкой душой дерзаешь юношески рисковать, то, значит, овладело тобою великое безрассудство, ибо только жизнью можешь заплатить за свою попытку. Постарайся, Язон, если хочешь поступить мудро, избежать этих бед, не приближайся к роковой черте, за которой померкнет свет жизни твоей».

Язон же нетерпеливо, чтобы не продолжала она подобных речей, прервал ее слова, сказав так: «О благороднейшая госпожа, неужели ты, пугая меня своими устрашающими словами, надеешься, что, убоявшись сурового запрета, я отступлюсь от начатого дела? Если будет иная возможность за всю мою жизнь достичь большей славы, то воздержусь. Если же нет, то поистине, оставшись в живых, живым примером для укоризны стану я для людей и, лишившись всякой чести и славы, покрою себя позором. Видно уж, заключена в намерении моем неизбежная гибель, если только ценой жизни можно свершить этот подвиг. Однако мудрому мужу следует, объявив о задуманном деянии своем, предвидеть расставание с жизнью, но не отказываться с позором от начатого».

Ему же сказала Медея: «О Язон, верю я сказанному тобой о своем замысле, что предпочитаешь ты смерть в явном равнодушии к возможности близкой гибели. Поистине сочувствую благородным помыслам твоим и всей душой тянусь к тебе, дерзающему столь

безрассудно. И поэтому, сочувствуя тебе, решаюсь я, ради спасения твоего и здоровья, пожертвовать честью отца своего и своим стыдом пренебречь и благом. Но получишь ты от меня благодатную помощь не ранее, чем пообещаешь последовать моим советам и не откажешься совершить обещанное». На это Язон ей ответил: «Благороднейшая госпожа! Все, что повелишь ты сделать, честно обещаю тебе исполнить и клянусь в этом перед богами».

Медея же написала ему на скатерти, обмакнув палец в красное вино, так: «Если сделаешь меня своей женой, и если меня увезешь, Язон, из отцовского царства в свое отечество, и если останешься мне верен, пока я живу, поистине сделаю и устрою так, что добудешь золотое руно и в конце концов обещание свое исполнишь, преодолев все грозные препоны. Ибо я единственная из смертных, кто может одолеть могущество Ареса и всему, устроенному его силой, противопоставить силу благодаря своему искусству». Отвечал ей Язон: «О, насколько, поистине, велико и не поддается разуму то, что ты мне обещаешь даровать, благородная девица, ибо среди других красавиц блистаешь ты изысканнейшей красотой, подобно розе пунцовой, которая весной своими прекрасными цветами затмевает все прочие цветы, растущие свободно в полях! И обещаешь меня спасти при этом от стольких опасностей в добывании золотого руна! Но думаю, что я полностью сознаю бесценность этой вещи. И тот, кто откажется от столь ценных и благих даров, несущих счастье, уподобиться может безумцу, мечущемуся в буйном приступе. А поэтому, досточтимейшая из женщин, я себя отдаю тебе как мужа и смиренного, благоговейного жениха и искренне обещаю поступать так, как укажет мне твое высокое решение».

Медея же обрадовалась обращенным к ней словам и произнесшему речь эту ответила так: «Друг мой, Язон! Я бестрепетным сердцем желаю стать уверенной и совершенно спокойной после того, что ты обещал, и укрепи в этом ум мой, избавив его от страха, ибо прошу тебя все сказанное мне подтвердить клятвой. Но так как здесь неподходящее место для продолжения нашей беседы, подожду, пока земля не покроется мраком, который даст возможность желающим творить тайное и многих защитит от людского любопытства, и тогда будем спокойны за сохранение нашей тайны, и будешь ты позван моим тайным посланцем без страха прийти в мои покои, и там успокоишь меня, поклявшись обо всем, сказанном ранее, перед богами. И потом от меня, ставшей твоей, сможешь все узнать о том, как поступать тебе и чем все должно завершиться».

Ее же слова Язон тотчас же с уместной краткостью заключил: «Досточтимая госпожа, как сказала ты, так и будет с тобой и со мной». И оба прервали свою долгую беседу. Медея же, попрощавшись с Язоном

и поклонившись царю, отцу своему, и Геркулесу, ушла к себе с многочисленными приближенными своими.

О ТОМ, КАК МЕДЕЯ НАСТАВЛЯЛА ЯЗОНА ПЕРЕД БИТВОЙ ЗА ЗОЛОТОЕ РУНО И О ВРАЧЕВАНИИ ПЕРЕД БРАНЬЮ С БЫКАМИ И СО ЗМЕЕМ

Уже прошло солнце половину дневного пути и коней своих направило к западным пределам, когда Медея, одна оставшись в палате, стала перебирать в мыслях все то, что она говорила Язону и что он отвечал ей. И когда припомнила все в подробностях, о чем они беседовали, стало весело ей, но радость ее омрачилась возобладавшим желанием близости, ибо счастливый час ночной сулит исполнение многих желаний. И поэтому не в силах сдержать душевный жар в мыслях она торопит движение солнца. И так ждала она, чтобы скорее зашло солнце, что остаток дня — часы между днем и ночью — тянулись для нее словно бы два дня. Но наступил вечер, и начался закат, предшествующий, как известно, сумеркам, когда тень земная падает между очами людскими и солнцем. Когда же покрыл все мрак ночной, пришли в смятение мысли Медеи, ибо каждое движение солнца, пока оно не зашло, отмечала она в нетерпеливом томлении и жаждала наступления ночи и потом восхода луны, ибо в ту ночь она всходила в первый час сна. И вот уже в ту ночь стали расходиться пребывавшие в палате, все захотели покоя и сна, а вместе с этим близится и долгожданная свобода для ее желаний.

Насколько жаждущей душе краткое долгим кажется, ибо недостаточно быстро приближается желанное! Какой охвачена была тогда Медея мучительной тревогой, когда услышала, что отцовы слуги проводят ночь, бодрствуя в палате, и вовсе не собираются спать; от долгого ожидания и нетерпения взад и вперед ходит она по комнате, не находя себе покоя, то к дверям чертога подходит, прислушиваясь, не собираются ли бодрствующие спать, то окна отворяет и смотрит, сколь много уже протекло ночного времени. И до той поры терзалась в такой тревоге, пока не раздалось повсюду пение петухов, глашатаев ночи, и по их напоминанию все бодрствующие захотели предаться отдыху и сну. Когда же улеглись все в царском дворце и в спокойствии ночном пролились на всех тишина и безмолвие, Медея, обрадовавшись, некую старую служанку свою, очень искусную в подобных делах, посылает с осторожностью к Язону. Узнав об этом, Язон тотчас же вскочил с ложа и вслед за женщиной, крадучись в темноте, пришел к чертогам Медеи и, когда та встретила его, входящего, Язон нежно приветствовал ее, а Медея ответила ему тем же, и весело вошел он в двери.

Служанка тотчас же ушла, оставив Язона и Медею одних в палате. И когда Медея заперла дверь покоя, Язон по ее приглашению сел возле постели чудного великолепия. Медея же открыла сокровищницу свою и, достав некий золотой талисман, освященный во имя Зевса, как это принято у язычников, поднесла его Язону в сиянии света от свечей горящих, от чего вся палата сверкала ярким блеском, и сказала такие слова: «Прошу тебя, Язон, на этом образе верховного бога Зевса поклянись мне с верой, что, когда я всю себя отдам в твою власть и исполню все обещанное тебе, поклянись, непорочной веры чистотою, себя для меня сохранить навеки в чистом сердце и поклянись силами божественной и человеческой правды, что с этого часа возьмешь меня в супруги и до конца дней своих никогда не помыслишь меня оставить». В ответ на эти слова Язон с благоговением на лице прикоснулся к образку рукою и поклялся соблюсти и исполнить все, о чем было сказано.

О коварный обман мужской! Ответь, Язон, что бы могла больше сделать для тебя Медея, если она забыла о чести и достоинстве своем, от всей души тебе тело свое отдала и сердце, поверив лишь твоим обещаниям, пала, забыв о высоком роде своем, невзирая на величие своего царского сана, ибо из-за любви к тебе лишилась она права наследовать скипетр царский и старца отца покинула в бесчестии, ограбив сокровищницы с его богатствами и отчизну оставив, ради тебя решила предпочесть одиночество на чужбине сладости жизни на родине? Не ею ли ты был спасен от смертельной опасности и, невредимого, избавила тебя от вечного позора, а иначе разве избежал бы ты невредимым опасностей и, золотого руна не добыв, разве решился бы с позором вернуться в Фессалию? Изменила она своим и все отдала тебе и твоим. Ты же, стыд забыв, дерзнул надругаться над словами клятвы своей, ибо, осквернен позором неблагодарности, прельстил доверившуюся тебе девушку, увезя ее из отцовского дома, презрев гнев богов, избранных тобой в свидетели твоей клятвы, не постыдился обмануть доверие той, от кого принял столько великих благодеяний. Поистине о тебе, бесстыдно обманувшем Медею, возвестит история. Такой позор принес твой обман, что не остается подобное всеу в течении истории, и за свое клятвопреступление и из-за ненависти богов за нарушение твоей клятвы жизнь свою окончил ты, как говорят, в позоре, о чем здесь не станем подробно рассказывать, так как это не имеет отношения к нашему повествованию.

Но ты, о Медея, про которую говорили, что сияешь ты светом такой премудрости, скажи, помогло ли тебе знание законов звездных, дающих возможность предвидеть будущее? Если можно предвидеть будущее по звездам, то почему же так неверно и ошибочно предсказала ты свою судьбу? Или скажешь, что, объятая страстью к будущему своему мужу, неразумно пренебрегла опасностями, предвещанными тебе звездными законами? Но мы знаем, что астрологические предсказания ничего не значат, и яркий пример тому — твоя судьба, ибо ничего не смогла ты предвидеть. Все они лживы и кажутся истинными лишь легковерным, в

действительности же прельщают ложным заблуждением, и с их помощью нельзя предсказать никаких будущих событий, если это не случайные совпадения, ибо единому только Богу, в руках которого — все, дано знать будущее на годы и на века.

Что же далее? Когда Язон поклялся Медее, оба вошли в чертог несказанной красоты, и когда, сняв одежды, остались оба нагими, Язон отворил врата девственности Медеи. И так всю ночь провели они в веселых радостях наслаждений. Но Медея, хотя и удовлетворила свою страсть в объятиях мужчины и чувственных деяниях, которых жаждала от Язона, не смогла угасить в себе искру похоти и искусством своим продолжала возбуждать страсть, превосходящую уже бывшие греховные дела. Это и есть то вкушение, влекущее сладостью своей несчастных любовников, когда чем больше получают они, тем больше возрастают их желания, которых не может не жаждать тело, ибо в нем беспрестанно живет чувственность сердца и желание наслаждений, и сладкое томление, распаляясь, питает вожделение.

Уже стало светать и зажглись утренние звезды, когда Язон обратился к Медее с такими словами: «Настал час, милая госпожа моя, подняться нам с ложа, чтобы не застал нас врасплох дневной свет. Но я еще не знаю, любимейшая, что ты придумала, чтобы помочь мне в деяниях моих. Если же тобою что-либо уже устроено, то с нежностью молю тебя открыть врата в сокровищницы твоих советов, чтобы я по твоим наставлениям смог бы свершить задуманное. Ибо когда представляю я, как увезу тебя с этого острова, где мы теперь находимся, в мое отечество, где я всемогущ, то и все быстротекущее кажется мне медлительным». Ему же Медея так отвечала: «Друг мой, мне самой себя дороже дело твое, ибо дело это и — мое. И я уже полностью обдумала свое решение, в горне закалено оно и зажжено во мне. Так выйдем же из чертога, чтобы мне и тебе было бы удобнее разобраться в изобилии всего того, что, как видишь, приготовлено». Когда они встали с ложа и быстро облеклись в одежды, Медея, открыв ларцы со своими сокровищами, достала многие из них и в таком порядке вручила их Язону.

О ТОМ, ЧТО ВРУЧИЛА МЕДЕЯ ЯЗОНУ

Прежде всего вручила ему серебряный талисман, сказав о нем, что изготовлен он, как предписано магией, и с большим мастерством, и обладает могучей силой против волшебных чар: разрушает творимое ими и избавляет от приносимого ими зла. О талисмане этом так наказывала она Язону: пусть он бережно носит его на себе, ибо тот способен противостоять любому волшебству и обезвредить злые

волшебные чары. Затем дала ему некую благовонную целебную мазь, которой велела намазать тело, пояснив, что у той мази есть свойство отлично защищать от пламени, гасить горящее и все, что имеет силу зажигать, обращать в безвредный дым.

После этого вручила ему некий перстень, в который был вправлен камень, обладающий свойством разрушать силу любого яда, избавлять от приносимого им вреда, а если кто-либо будет все же отравлен, то силой своей сохранит его невредимым так же, как пользуют целебные настои. И было у того камня другое свойство: если кто-либо носит его, зажав в руке, то, когда будет камень к телу крепко прижат, станет носящий его невидимым и невидим будет, пока носит его в руке. Этот камень мудрецы называют ахат, и был он впервые найден на острове Сицилия. Вергилий же пишет, что этот камень носил при себе Эней, когда впервые невидимым прибыл в Карфагенскую землю. Затем дала Медея Язону написанный текст, имеющий сокровенный смысл, и при этом обстоятельно напутствовала Язона, чтобы он, когда, преодолев все описанные выше препятствия, подойдет к золотому руну, то пусть прежде, чем до него дотронуться, помолится и по крайней мере трижды прочтет этот текст, подобно молитве, чтобы сподобиться благоволения богов. И после всего этого вручила ему тыкву, наполненную чудодейственной жидкостью, о которой сказала, что, как только он подойдет к быкам, пусть вольет ту жидкость им в пасти и обильно ею их окропит. У жидкости этой, сказала, есть такое свойство, что едва вольется она в пасти быков, как они, словно от клея, склеятся, так что открыть их будет не только трудно, но и невозможно. И так по порядку Медея подробно обо всем рассказала Язону, с помощью чего он сможет добыть славу в желанной победе. Затем кончила Медея свои советы и наставления и отпустила Язона прежде, чем рассвело. Язон же, крадучись, добрался до своих покоев.

КАК ЯЗОН ПРИСТУПИЛ К ЗОЛОТОМУ РУНУ

Когда взошла в розовых лучах заря и солнце золотое едва осветило вершины гор, Язон, незаметно покинув ложе, вместе с Геркулесом и спутниками своими отправился в покои царя Оетеса, где жил венценосный царь со множеством своих приближенных. Увидев Язона, царь встретил его с веселым лицом и учтиво спросил о причине прихода. Ему же Язон отвечал так: «Прошу тебя, господин мой царь: так как промедление мне теперь очень тягостно, хочу, если тебе угодно и по разрешению твоему, попытаться в борьбе овладеть златорунным овном». Ему же ответил царь: «Друг мой, Язон! Боюсь, что твоя безрассудная юношеская смелость приведет тебя к скорой гибели, а мне принесет бесславие из-за пагубного исхода твоей попытки. С благоговением прошу тебя: лучше согласишься вернуться невредимым, чем навлекать на себя такую страшную смерть». Язон же ему сказал:

«Благороднейший царь! Нет во мне бездумной смелости. И ты, разумеется, перед всеми явишься неповинным, если какая-либо беда (да не будь этого!) со мною случится, ибо я сам себя на нее обрекаю». Царь же ответил ему: «Друг мой, Язон, против своей воли уступаю твоему желанию. Да помогут боги тебе остаться невредимым и избежать стольких опасностей!»

И так, получив желанное разрешение, Язон собрался в путь. Возле острова Колкоса расположен был некий небольшой островок, отделенный нешироким проливом, на котором и находилось упомянутое золотое руно с грозной стражей своей, о которой уже было сказано; на островок тот обычно переправлялись в лодке на веслах. Придя на берег, Язон вошел в лодку, взяв все необходимое для своей защиты, и один, в пылкой надежде на победу, быстро достиг на веслах упомянутого выше островка. Когда же он пристал к берегу, то немедленно выскочил из ладьи, достал из нее оружие и все, что было вручено ему Медеей для его защиты, быстро облекся в доспехи и осторожно направился к златоунному овну.

Медее же, вздыхая, с трепещущим сердцем, в страхе, всходит на верх своего дворца и смотрит вдаль с высокой башни, откуда с тревогой следит, как отправился ее возлюбленный и — с еще большей тревогой — как сходит он на берег. Когда же увидела она, что он взял оружие и со страхом — как ей показалось — двинулся в путь, то вся залилась слезами, этими верными приметами любви. И не в силах она сдержать вздохов и жалобных стонаний, с очами, полными слез, печально устами своими произносит такие слова: «О друг мой, Язон! Как тревожусь я за тебя, как сжимается в груди мое сердце, ибо боюсь, что ты от ужаса и страха забудешь мои наставления и не воспользуешься данными тебе мною спасительными советами! А если не сделаешь этого, то не без причины боюсь, что может случиться наихудшее для тебя и для меня, и тогда навеки я лишусь твоих объятий. Но молю покорно богов, чтобы, когда ты вернешься, было бы суждено очам моим видеть тебя в добром здравии, и порадовалась бы я твоему успеху».

Тем временем Язон, осмотревшись, направился к стражам овна и когда приблизился к святилищу Ареса, то прежде всего увидел быков, извергающих в воздух столь яркое пламя, что все небо над ними побагровело от огня. И все вокруг того места было так разогрето тем огнем, что Язон никак не мог приблизиться к быкам, опасаясь испепеляющего жара. Но не забыл он советов и наставлений своей любимой: лицо свое, и шею, и руки, и все тело, где только мог, помазал полученной от нее мазью. А талисман, врученный ему Медеей, повесил на шею, обратив его к пламени, и, трижды прочитав то написанное, о котором мы говорили, решился подойти к быкам и смело вступить с ними в бой. И так обжигали они Язона непрерывно огненным

дыханием, что сгорели в пламени и щит его, и копье. И, без сомнения, лишился бы Язон жизни в огне, если бы несколько раз не плеснул в пасти быков данной ему жидкостью. Как только плеснул он, тотчас же огнедышащие пасти их стянуло, словно железными цепями, и будто бы от липкого клея сомкнулись они намертво. И тогда мгновенно прекратилось извержение огня, и тотчас же быки перестали изрыгать смертоносное пламя. После того как подавленное силой жидкости угасло пламя и остыл воздух, Язон, набравшись смелости, простирает руки к могучим и страшным рогам быков. И, схватив их за рога, пробует повести туда и сюда, чтобы узнать, сопротивляются ли они ему и повинуются ли его воле, но те, словно бездушные, подчинились его желанию и не пытались оказать сопротивление.

Тогда Язон осторожно надевает на них ярмо и впрягает в плуг и, погоняя острой палкой, заставляет быков тех пахать, покорных воле пахаря. И таким образом, когда был выворочен весь дерн, перекопано было все широкое поле частыми бороздами, и из конца в конец взрылено было то поле. Оставив на нем быков, Язон не медля, решительно направился ко змею. Змей же, увидев подходившего к нему Язона, сотряс воздух своим громким шипением и страшным угрожающим воем, и стал изрыгать дымное пламя, и весь воздух вокруг раскалил и окрасил багровым отблеском огня, и, когда, легко вращая языком, змей то высовывал его, то убирал, — словно дождем брызгал смертоносным ядом.

Но Язон без страха, припомнив данные ему Медеей наставления, показал змею перстень с зеленым камнем, полученный от Медеи. Испугался змей блистания того камня, и перестал испускать пламя, и, вертя головой и шеей во все стороны, словно обезумев, в великом ужасе попытался уберечься от блеска камня. Камень этот, как пишет Исидор, добывают в Индии, и обычно мы называем его измарагдом. Сила этого камня без сомнения состоит в том, что если его поднести к глазам какого-либо ядовитого существа, змееобразного или ему подобного, или же такого, каких в Сицилии в народе называют «буфо», и если перед глазами его положат неподвижно на жезле либо на трости, то в скором времени ядовитое животное, не в силах этого перенести, потеряет зрение. Но и камень тот не остается неизменным после такого противоборства, ибо, когда ослепнет ядовитое существо, перед которым был положен этот камень, тот сам раздробится на мелкие кусочки, устранив змею до смерти своими зелеными лучами. Но храбрый Язон спешит погубить змея, обнаженным мечом нанося удар за ударом, которые, словно не ощущая их, отражает его чешуя. Но неустоимый Язон, видя это, не перестает рубить, словно тяжелый молот бьет по наковальне. И до тех пор, нанося удары, бился он со змеем, пока тот не смог уже переносить бесчисленных могучих ударов, простерся на широком поле и испустил смертоносный дух свой, пропитав весь воздух над собой несущим смерть ядовитым смрадом.

Когда увидел Язон, что благодаря помощи Медеи змей погиб, то, вспомнив, что следует делать далее, в стремительном порыве отделил голову его от шеи, из челюстей же его вырвав зубы, не медля разбросал их в сделанные борозды на вспаханном волами поле. Из этих семян тут же явились воины невиданные. Едва появившись из семян, тут же хватаются они за оружие и, напав друг на друга, наносят смертельные раны. Разгорелась яростная битва между сыновьями земли и мрака, ибо не нападают они один на другого, разделившись на два полка, и не хотят так разделиться, но, смешавшись в толпу, убивают друг друга, так что не осталось среди них ни одного победителя, ибо все погибли от бесчисленных ран, нанесенных в междоусобной схватке.

Когда же волшебные премудрости чародейства были преодолены с помощью противоборствующего им искусства таинств, преждеупомянутый змей смерти был предан, братья, рожденные из семян — зубов его, — также погибли, быки стояли, после всего случившегося с ними, едва живы, Язон избавился от смертельной опасности и настойчиво вопрошает себя, что должен еще сделать, и усердно вспоминает, что же еще должно быть свершено для окончания дела. И когда убедился, что все уже он совершил, смело и весело направляется к златорунному овну. И, не встретив у него никакого сопротивления, Язон, схватив его за рога, удушил и снял с него шкуру золотую, после чего вознес благодарение богам, с чьей помощью в славе победы и без горя для себя добыл золотое руно.

Обогатившись похищенным золотом, Язон весело спешит к берегу острова, входит в лодку и на веслах доплывает до большого острова, на берегу которого его с нетерпением ждали прежденазванный Геркулес и остальные спутники. Когда сходит Язон на землю, с великой радостью встречают они его и в умилении благодарят богов, что остался он невредим, ибо никак не рассчитывали увидеть его в добром здравии. Язон же направляется с ними к царскому дворцу. И когда пришел туда, царь Оетес приветствовал его с притворной радостью, ибо завидовал его победе и печалился, что утратил теперь такое богатство. И велит ему царь Оетес сесть подле себя. Дивится народ, взирая на чудесный вид золотого руна, но еще больше дивится этой победе, — как смог Язон преодолеть препоны, воздвигнутые богом Аресом.

Потом и Медея, весела и радостна, спешит увидеть Язона, и если бы было можно, то перед всем множеством народа расцеловала бы его; но, по повелению царя, словно бы в смущении, садится рядом с Язоном. Шепчет ему Медея украдкой, чтобы он незаметно пробрался к ней, едва наступит ночь. Язон же нежным и тихим голосом радостно обещает исполнить ее желание. Когда ночная тень разлилась по всей земле,

Язон пришел в покои Медеи и вместе с ней вошел в ее ложницу, и оба в радостях проводят здесь время, а после всяческих наслаждений в полном согласии стали они обсуждать свой отъезд и приготовления к нему. И так, по совету Медеи, Язон пробыл на Колкосе еще целый месяц. Потом же в подходящий момент Язон, спутники его и Медея тайно покинули тот остров, не испросив разрешения у царя Оетеса.

Но говорят, о Медею, что ты всей душой ждала попутных ветров, чтобы скорее оставить свое отечество, и бежать от скипетра отцовского, и без страха пересечь море, не предвидя горькой своей судьбы. Поистине говорят, что когда ты прибыла в Фессалию, то, поносимая гражданами фессалийскими, была скрыта фессалийцем Язоном и после многих тяжких страданий окончила, как пишут, жизнь свою. Но когда по божественному возмездию Язон был обречен на многие страдания, до самой смерти своей, которая была божественной карой, и был он предан заслуженной им смерти, скажи, разве помогло тебе суровое божественное возмездие и обрушившаяся на Язона в конце концов кара богов? Верно говорится в пословице: «Если околело животное, то не поможешь ему, прикладывая к ноздрям целебные травы». Лишь по счастливому случаю богам не суждено бывает наказывать сурово за причиненные обиды, да будет известно смертным, что боги не терпят тяжких проступков, и таким образом смертные не могут без возмездия совершать преступления.

Что же далее? Язон с Геркулесом и другими своими спутниками и с Медеей весел и невредим прибыл в пристань фессалийскую. Царь Пелей, расспросив всех о том, жив ли Язон, огорчился в душе, но скрыл муки своего сердца, весело встретил Язона и не отказался, хотя и против воли своей, почтить его царской властью, как и было им ему обещано.

ПОВЕСТЬ О СОЗДАНИИ И ПЛЕНЕНИИ ТРОИ

Подготовка текста, перевод и комментарии О. В. Творогова

ВСТУПЛЕНИЕ

На рубеже XV—XVI вв. древнерусский читатель познакомился с несколькими произведениями, повествующими о Троянской войне: о

ней рассказывалось в одной из глав византийской Хроники Константина Манассии (этот текст публикуется в наст. изд., т. 9) и в обширном латинском романе Гвидо де Колумна, издание которого также было переведено на русский язык в самом начале XVI в. (фрагмент из этого перевода опубликован выше). Но наибольшее распространение в литературе XVI—XVII вв. получила компилятивная «Повесть о создании и поплении Тройском...». Эта повесть составлена русским книжником, вероятно, создателем Русского хронографа (о нем см. коммент. в наст. изд., т. 9). В ее основу положена упомянутая выше глава из хроники Манассии, но в большей степени — отдельная повесть, носившая заглавие «Повести о извѣствованных вещей, еже о кралехъ причя, и о рождених и прѣбываних». Последнее научное издание «Притчи о кралех» (как в литературе ее обычно именуют) осуществлено в кн.: Среднеболгарский перевод Хроники Константина Манассии в славянских литературах / Введение Д. С. Лихачева. Исследования И. С. Дуйчева и М. А. Салминой. Подготовка текстов М. А. Салминой. Словоуказатели О. В. Творогова. София, 1988. С. 243—254. «Притча о кралех» является, вероятно, переводом латинской средневековой повести, осуществленном в Далмации в XIII—XIV вв. Текст «Притчи» был включен в некоторые списки Хроники Константина Манассии, в частности в ее иллюстрированный Ватиканский список сер. XIV в. (Библиотека Ватикана, Cod. Slav.; 2) и в список русского перевода Хроники — РНБ, Софийское собр., № 1497, XVII в. В обоих списках текст «Притчи» следует непосредственно за главой, повествующей о Троянской войне в основном тексте Хроники. По всей вероятности, в руках создателя Русского хронографа был такой (до нас не дошедший) список хроники, в котором эта вставка уже была.

Создатель Русского хронографа успешно справился со своей задачей: ему удалось составить свою компилятивную версию без существенных изъянов, следы соединения двух источников малозаметны, а допущенные сокращения текста «Притчи» незначительны и не существенно искажают сюжет памятника. Источником «Притчи» (напомним, — основного компонента «Повести») был, однако, не Гомер, которого в раннем средневековье плохо знали и к которому относились тогда без должного пиетета, а сочинения Дарета и Диктиса — мнимых участников Троянской войны (см. о них выше).

Осуществление переводов произведений о Троянской войне на рубеже XV—XVI вв. еще не свидетельствовало о широком знакомстве с этим сюжетом древнерусских книжников: и списки Хроники Манассии, и списки «Троянской истории» исчисляются единицами (более распространена краткая переработка Троянской истории, но она появится, вероятно, лишь в XVII в.). Иное дело — «Повесть о создании и поплении Тройском». Уже то, что она вошла в состав авторитетнейшего и известного в сотнях списков Русского хронографа, обеспечивало ей широкую известность. Ее сюжет привлекал настолько, что «Повесть», изъятая из полного текста Хронографа, включалась в сборники.

«Повесть» была издана в составе древнерусского хронографа (см.: Русский хронограф. Часть I. Хронограф редакции 1512 года // ПСРЛ. СПб., 1911. Т. 22. Ч. I), а также в книге: Троянские сказания. Средневековые рыцарские романы о Троянской войне по русским рукописям XVI—XVII вв. / Подг. текста и статьи О. В. Творогова. Коммент. М. Н. Ботвинника и О. В. Творогова. Л., 1972. С. 7—13, 70—77 и 197—207. (Сер. «Литературные памятники»). Для издания *БЛДР* заново подготовлен текст, сделан новый перевод и написан заново комментарий. В нем частично использованы наблюдения известного филолога-античника М. Н. Ботвинника (из комментария в издании 1972 г.), что во всех случаях оговаривается.

Текст опубликован по списку Хронографа 1512 года — *РНБ*, F.IV.178, 1538 г. Исправления, сделанные по списку *РНБ*, собр. Погодина, № 1443, выделяются курсивом. Выделены также два добавления и одно исправление по Хронике Константина Манассии (по списку *РНБ*, Софийское собр., № 1497), они оговорены в комментарии.

ОРИГИНАЛ

ПОВЕСТЬ О СОЗДАНИИ И ПОПЛЕНЕНИИ ТРОЙСКОМ И О
КОНЕЧНЕМЪ РАЗОРЕНИИ, ЕЖЕ БЫСТЬ ПРИ ДАВИДЪ ЦАРИ
ИЮДЕЙСКОМ^[1]

Бяше в перваа врѣмяна царь нѣкий именемъ Придешь.^[2] И въ нѣкий день бывшу ему на ловѣ в нѣкоемъ в морьскомъ отоцѣ,^[3] у негоже от единыя страны течаше великое море, а от другыя страны Скомандра рѣка, а от третиеа страны Пелешино море, а от четвертыя страны стояше лугъ Дудома, а от пятыя страны юдолъ, идѣже ростяху дрѣвие и цвѣти многоразлични. Видѣвъ же царь доброту мѣста, и нача здати градъ во имя свое, и после своего живота повелѣ сыну своему здати, такоже и прочии заповѣдаху кождо своему сыну. И с прежнимъ царемъ, иже нача здати, всѣхъ шесть до Троила царя, иже вяще всѣхъ дѣло сотвори и нарече во свое имя Троя град. Троиль роди Приама царя,^[4] у негоже царица именемъ Якама.^[5]

И в нощи видѣ сонъ и сказа мужю своему, Приаму царю, и рече: «Родих главню, и взыде на небо, и паки возвратися, и паде в море, и изыдоша из моря искры, яко пламень, и падоша на Трои, и погорѣ весь град». Приамъ же сказа сиа боляромъ и пророкомъ, волхвующемъ и мудрецемъ и всѣмъ людемъ. И рѣша ему: «Господи царю! Родится от жены твоеа сынъ, егоже ради изгорить и разорится град, и не останеть камень на камени». Царь же рече женѣ своей, егда родится сынъ, да повелить его убить. Она же рече: «Зѣло рада есмь сие сотворити».

Егда же роди царица Екама сына своего и видѣ его красна зѣло, съжаливси, яко мати, и не може его убити, но повить его в ризы многоцѣнны и с нимъ много сребра и злата и повелѣ его поврещи далече от града. И обрѣте его пастырь овчий старъ, емуже жена роди сына, и повелѣ ей обрѣтенaго отрока кормити; и бывшую ему седми лѣтъ, нарече его Фарижъ Пастыревичъ.[\[6\]](#) И хожаху съ отцемъ своимъ оба отрока на поле и играху. Фарижъ же связываше два вола, и бодяхуся, и кий премогае, тому соплеташе вѣнецъ от маслича, кий же не одолѣваше, тому вѣяше от сламы и полагаше има на рогу.

И егда возрасте Фарижъ, хожаше съ добѣрыми витези, сирѣчь с дѣтми боярьскими, и преодолеваше их во всякой игрѣ. И пробode за щитомъ единого витезя. И въ то время бракъ творяше Велешъ царь[\[7\]](#) и призва всѣхъ боярь и боярыни и Фарежа Пастыревича. И приидоша на оно веселие три жены, ихже и пророчица нарицаху,[\[8\]](#) и едину не позваша, яко свадлива бѣ. Она же за оно незвание помышляше, како бы сваду сотворити. И сотвори яблоко злато и написа на немъ: «Которая от трехъ тѣхъ женъ и пророчицъ благообразнейши, да будетъ той сие златое яблоко». И повелѣ поврещи яблоко в вертоград. Его же обрѣтоша три оны жены и прочетъше, моляху Фарижа Пастыревича кояже их, да присудитъ ей яблоко.[\[9\]](#) Последи же третia рече: «Присуди мнѣ сие яблоко и повѣжъ мене добрейшую тѣхъ, да ти дам Елену царицу, Менелая, царя греческаго, иже бысть всѣхъ насъ и всѣхъ греческихъ женъ добрѣйши. И дамъ ти имя ново, и будетъ имя твое Александръ Фарижъ, и да ти повѣмъ отца и матеръ. Нѣси бо ты того старца сынъ, но отецъ ти есть Приамъ царь, а мати Екама царица». И присуди Вeнуши госпожи яблоко. И, слышавъ от неа сиа, возвеселилися зѣло, и взя прощение у старца, иже отецъ ему нарицашеся, и поиде въ Трой. И приать его Приамъ царь, отецъ его, и мати его царица Екама.

И призва царь Приамъ пророкы и волѣхвы и рече: «Кто ми поспѣшитъ, еже еще наздати Тройскый град, и азъ дамъ ему три мѣры злата». И слышаста два диавола земленаа, приидоста и рѣша царю: «Мы хотимъ *наздати*, да намъ даси и наю знай». И начаша здати. И Тебушь бѣ гуселник и гудуше в гусли, и зидашеся Трой, гдѣ они повелѣваху, а Нептенабушь именемъ идяше въ море и ношаше из моря варъ, и камение, и воду.[\[10\]](#) И совершиша все дѣло и рѣша цареви, да имъ дасть, еже обѣща. И разумеша, яко преобидѣ ихъ. И разгнѣвашася и рекоша: «Мы есми сътворили Трою град, мы умыслимъ, како и разорити ѣ во дни Приамовы». И Питеръ волховъ, егоже пророкомъ нарицаху, прорече, яко хоцетъ Александръ приити во Греки и царицу Елену взяти, еяже ради Трой разориться.[\[11\]](#) Также и жены оны, иже разгнѣвашася яблака ради златаго, ихже пророчица нарицаху, помышляху, како бы Трой разориться.[\[12\]](#)

Испроси же ся Александръ Фарижъ у отца своего Приама царя и прииде к Менелаю, царю греческому, еже есть еллинскому, служити[13] со многимъ богатствомъ и со отроки. И слышавъ Менелае царь, изыде противу ему далече и целова его. И рече ему Александръ: «Приидох азъ, царю, служити тебѣ не на злате и сребрѣ, но да разумѣши, коя будетъ честь сего ради на твоємъ дворѣ». Слышав же сиа, Менелае царь возвеселися зѣло и введе его къ Елене царици въ полату. И ядяху и пиаху наединѣ черввлено вино, и егда умываху руцѣ и убрусом отираху, Александръ писаше на убрусе черввленнымъ виномъ къ Елене[14] сице: «Царица Елени, люби мя, якоже и азъ тебе». Посла же Менелае царь къ брату своему Агамену царю,[15] глаголя: «Буди о сем весель, брате мой, яко хотятъ мнѣ служити братиа моа цари». Отписа же ему братъ его: «Азъ о семъ весель есмь, яко мы самодрѣжца есмы, а о семъ нѣсмь весель, яко наша братиа приидоша служити намъ, но и зѣло озлобихся. Блюдися, да не приидеть чужаа доброта и возметъ нашу честь, а нам будетъ велика срамота». Слышав же сиа, Менелае озлобися и рече: «Како нѣсть добра брату моему моя честь!»

Слышав же Менелае царь, яко отвержеся от него русагъ Каакымьскы, [16] и собравъ многу войну, поиде на них и повелѣ и Александру. Он же сотворися боленъ и леже въ царьской полатѣ. «И егда, — рече, — здоровъ буду, гряду въслѣдъ тебе». И по *отшествии* Менелаа царя изыде царица Елена съ дѣвицами проходитися по граду съ греческими болярынями, Александръ же восхитивъ Елену царицу под пазуху и вшед в борзый карабль со отроки своими, и прииде под Трой град. Тройсции же господие не хотяху изыти противу ему, вѣдуще, колико хочеть пролиатися кровь за Елену. Изыде же противу ему отецъ его Приамъ и приа за руку его, а мати его, Якама царица, приа Елену царицу за руку и введоста.

Слышав же Менелае царь о Елене, възвратися скоро от войны. Увѣде же и братъ его, Агаменъ царь, и, собравъ *своя* воя, скоро прииде к Менелаю. И печална быста зѣло царя, глаголюще: «Какова срамота учинися над нами!» И собраща силну войску. И прииде к нимъ на помощь Аякшъ, Саломониковъ сынъ,[17] съ 30-ю катарогъ. И потомъ прииде Паламид, Придековъ сынъ[18] с 30-ю караблями. И по сих нѣкий чловѣкъ, Урекшишь именемъ, Лантешевъ сынъ,[19] сотворися бесѣнь, да ся не причастит тройской крови, нача песокъ орати, а соль сѣяти. Царя же повелѣста повреци малаго сына его пред ораломъ. «И аще будетъ, — рече, — бѣсенъ, то *переорет* его». И егда повергоша, состави волы не орати. И поведоша его къ царемъ. И рече Урекшишь: «Изволилъ бых за три лѣта течати с бѣснымъ псомъ, нежели причаститися тройской крови, иже хочеть быти Елены ради царици!»

Бяху же и инии мнози приидоша ко царемъ ото островъ, и от суша, и отъ воскрай сущих моря, ото Афинъ и тоземци, и от Феталиа, и *ото*

Архиа,[\[20\]](#) и ото всея Еллады. И ото иных многих бяше Менесефесь от Афинъ, Несторъ от Пила, *от Ифаке* Дисевесь, от Саламина Ея, Идоменевесь от Крита, Тлипелемъ же от Родоса.[\[21\]](#) Все род имуще от благородных и от царьских кровей, мужи храбри.

Евъфийнинъ же Ахиллей[\[22\]](#) сияше паче всѣх челоуѣкъ, ратемъ побѣдникъ, силенъ и крѣпкорукъ, егоже и ироа нарицаху. Сего поставиша царие ратиначалника.[\[23\]](#) Бѣ же рать многочислена, 1170 кораблей исходятъ убо ото отечества. Посланъ убо бываетъ Ахиллей и от храбрых друзии, и на острова наподоша и поплениша сушу. И тѣхася напасти на Трой, яко многим богатствомъ кыпя бяше, и хотяще отмстити обиду Елены ради.

Видѣвше же трояне толику рать, собравше себѣ пособники: кари и лукаани, миси и меони, и фруги[\[24\]](#) и придруживше весь асийскій языкъ и род, противу изведоша бесчислено множество. Въ Трои же вѣще 50 тысящ мужей. И много время проводиша, брань творяще. Исперва добрѣ ополчахуся на брань, да якоже искусиша Ахиллеево стремление и храбрость, сѣдяху, при стенах заключившеся.

Потом же нѣкая жена, именемъ Велеша,[\[25\]](#) вольхвующи, еяже пророчицу нарицаху, иже обладаше вольшествомъ морьскими вольнами, у неяже убиша кошуту боляре Агамена царя, и сего ради разгнѣвася и пусти волнение на море, да погубитъ вся корабля греческыя. И озлобистася царя, и вопросиша Колкаша попа. Он же повѣда имъ, яко кошуты ради хоцетъ васъ потопити пророчица и глаголет, яко, «аще не дастъ Агаменъ царь мнѣ своеа дщери Цвѣтаны,[\[26\]](#) не имамъ их пустити». Царь же Агаменъ оскорбися зѣло и, не хотя, дастъ свою дщерь Цвѣтану. И устави бурю. И приидоша под Трой.

И изыде противу имъ Екторъ царь,[\[27\]](#) Приамовъ сынъ, инии мнози боляре. И нача стрѣляти Екторъ царь стрѣлою со огнемъ, и единымъ пущениемъ погружаше три корабля греческыя. И Аякшъ Соломоничевъ защити своимъ щитомъ 17 кораблей от живаго огня Екторѣва.[\[28\]](#) И поиде *Менелая* царь на вѣре, нача Приаму говорить, да отдастъ Елену царицу. Александръ же не хотѣше, но восхотѣ поразити Менелаа, аще бы его Приамъ царь не защитилъ. И потом Екторъ царь творяше брань и поражаше множество греческих вой на всякъ день, и бояшеся гласа Ахиллеева.[\[29\]](#) И поиде Ахиллей под своимъ знаменемъ противу Ектору царю: и *состася*, и ястася за руки, и не хотѣста ся бити в той день. И бяху плѣнили гречестии витези Рижеуша попа дщерь Рижеуду. И видѣвъ ю Агаменъ царь, братъ Менелаевъ, яко добра зѣло, и взять ю себѣ в жену, а Рижеушъ бѣ попъ сынъ Тебуга бога.[\[30\]](#) И, увѣдевъ, Тебугхъ разгнѣвася зѣло и пусти своимъ вольшвениемъ великъ недугъ

въ греческую войску; и мнози умираху, дондеже обратиша дочь Ригеуша попа.

Потом же трояны дръзостны сотвори Поламидова смерть, притупи Ахилеево стремление, любляше бо Ахиллей Паламида зѣло и сего ради разгнѣвася и не хотяше изыти на брань.^[31] Дисефесь Нисиотенинъ храняше ненависть на Паламида и оболга его к царема, яко трояном хощеть добра. И побиша Поламида камениемъ. О горе! Какова твориши зависти! Он же ничесоже рекъ, точию глагол сей: «О убогаа истинно! Тебе плачу, ты бо первѣе мене погиге!» И тако умре.^[32] Ахиллей же тяжце проплакавъ о немъ и не хотяше изыти на брань. И от сего бысть дерзость Ектору и того пособникомъ. И составляютъ на еллинны брань крѣпкоратьную, и падають, якоже класы, греческая, сиречь еллинская, телеса, и езера кровемъ пролиашеся. И моляху Ахиллея поити на брань, и не преклонися, дондеже убиенъ бысть Патроклие, егоже зѣло любляше Ахиллей, от руку крѣпкою Екторовою.^[33] И сие того принуди потещи на трояны. Изыде убо Ахиллей на брань, огнемъ дыхая, и разбиваетъ полкы, и побиваетъ первоборца. И паки призываетъ Приамъ на помощь аmozони.^[34] И паки брань крѣпка. Умирають мнози, и ото всѣх убо пусть бысть Приам. И умоли Тавтантиа, индийскаго царя,^[35] и посылаетъ множество бесчислено воинства. Индиане же вси чернообразни, их же видѣвъше гречестии еллини въ странных зрацѣхъ, и убояшеся от зрака их, и оружия и от звѣрей устрашишася, ихже индиа кормить, нощю бѣжати мысляху и оставити Трой. Но обаче ополчишася к черънообразнымъ, и индѣйскими кровьми очервишася нивиа, и Скомандрови струя обращахуся кровьми. В сих же наста еллиномъ торжество, паче же и варваром, и всѣмъ покой от ратей и трудовъ. И убо еллинъстии, еже есть гречестии, и тройское множество воедино смѣшахуся и никомуже содѣяти ничесоже никтоже смѣяше праздника ради.

Потомъ же видѣ сонъ в нощи царица Евѣтропия, жена Ектора царя, сына Приамава. И възбнувъ от сна, прииде в ложницу свекра своего, Приама царя, и нача со слезами глаголати ему, да не пушаетъ сына своего Ектора во утрие на брань ко Ахиллею, яко убиенъ, рече, будетъ. И сказа ему сонъ: «Видѣх, яко изыде ис Троя мечка, а изъ греческыя войскы вепрь, и начаста ся бити. И посече вепрь мечку, и вовлече его во греческыя полкы, и ктому не видѣх его. И аще пустиши *Ектора*, не чай его видѣти». И утѣшивъ ея Приамъ и проводи ю в ложницу. И егда бысть заутро, уготовася Екторъ царь на брань ко Ахиллею. И изыдоша противу его Тройскыя госпожа, и мати его, Екама царица, и жена его, и сестры его, и возбраняху ему, да не исходитъ на брань, он же не послушаше. И мати его, Екама царица, молящи не изыти и спастися, плачущи и ятра отверзаючи единою рукою, другию же сосца изношаше и глаголаше: «О чадо! Сих усрамися и мене самую помилуй; аще когда ти сосца сиа придах, забыти творящи дѣтских скорбей, помяни убо *воспитание* оно и даруй ми, еже пощадѣти ся самому».^[36] И жена его, взявши, метну сына его перед нимъ и моляше: «Помилуй,

— рече, — мене самую и сего любезнаго!» И не послушаше. Она же рече: «О Екторе, пожди мене мало!» И шедши в ложницу, совлече брачинныя ризы, и облечется въ черныя вдовичныя, и пришед пред него и глагола: «О Екторе, аще ся не обратиши, имамъ сиа азъ носити по тебѣ». И симъ не преложи его на жалость, и не послуша, но поиде противу Ахиллею. И съшедшеся, не бишася в той день, но завѣтъ положиша, еже битися заутро. И в той день уби Екторъ семь урочъ греческихъ, еже есть семь полкъ.[\[37\]](#) И заутро изыде Екторъ царь и нача битися со Ахиллеемъ. И наѣха Ахиллей Ектора и, убивъ, прободе его. И паде мертвъ. И въземъ его, Ахиллей и понесе на свой станъ. Потом же разбиваетъ и полкы и побиваетъ ратоборца.

Убиену же бывшую Ектору, дерзосердому столпу тройскому, мужу тяжку и храброму, во оружиахъ воспитану, язвыносящу на персехъ бесчисленныя. Преже, дажъ еллини не пришли и составили брань, соплеташеся сей съ юнцы дивиими. Видѣвше же сие тройсции вельможа и господие, начаша жалостно плакати. И взя Приамъ царь на себе нищия и худыя ризи и гусли и поиде въ греческую войску[\[38\]](#) и нача пытати Ахиллеева стану, глаголя: «Егоже днесъ богъ наставитъ, *да мене накормит и напоитъ*, грешнаго и страннаго». И, доиде на Ахиллеевъ станъ, и нача гусли в гусли жалостно зѣло. И даша ему от вечера своя ясти и пити. И по вечера легоша спати, упившеся. Уснуша же и стражие. И Приамъ царь нача искати сына своего, Ектора царя, и обрѣте его на постели мертва со Ахиллеемъ лежаща. И видѣвъ его, Приамъ и воздохнувъ от сердца зѣло. Ахиллей же възбнувъ и устрашился, и рече ему: «Кто еси ты?» Он же рече: «Азъ есмь Приамъ царь, ищу сына своего, Ектора царя». Рече же Ахиллей: «Аще ты еси, азъ от страха твоего мертвъ есмь!» И рече Приамъ: «Не бойся, господине! От младенчества нѣсмь того сотворилъ, да спяща витезя погублю, но прошю сына своего Ектора». И рече Ахиллей: «Аще кленеша ми ся, азъ понесу Ектора на своею плещу въ Трой по вѣре и клятвѣ, да здравъ вниду и изыду». И въземъ Ахиллей заутро Ектора и понесе его въ Трой и предасть тройскимъ госпождамъ. И начаша его плакати. И рече Приамъ царь ко Ахиллею: «Поидевъ въ церковь Аполлона *клятися*, еже к тому не воеватися, дабы остало сѣмя Трой, и дам ти свою дщерь Поликсену, коя во всѣхъ госпожахъ тройскихъ добрѣйши».[\[39\]](#) И въ церкви кляся первѣе Приамъ и отступи. И преклонься Ахиллей клятися. И ту себе скры Александръ Фарижъ, Приамовъ сынъ, и Дифовъ,[\[40\]](#) и устрѣли Ахиллеа ядовитою стрѣлою в пята, занеже бѣ весь вооруженъ, точию плеснѣ его без желѣза.[\[41\]](#) И избѣгоша вонъ. Ахиллей же пад на издыхании послѣднемъ. Ощуте же сиа Дисевес, яздыше бо с нимъ, и с нимъ Диогенъ и Ея Теламоненинъ,[\[42\]](#) вкупѣ же убо въ церковь въскочивше, обрѣтоша крѣпкаго ироя, еже есть Ахиллея, лежаща и кровми облиана, и угасѣша, и едва дышуща и движуща языкъ, и хотящими очима его покрытися тмою. Якоже убо видѣста его, проплакаста. И напад на перси его Ея Великий с плачемъ, ко Ахиллею рече: «О, ратемъ разрушителю, исполине крѣпкорукый! Кто погубити тя возможе, лворяростнаго?» Он же, едва прогласивъ, рече: «Убиста мя лестию Александръ Фарижъ и Дифовъ». И сиа рекъ, *изъдше*.

Видѣвъ же сиа Приамъ царь, озлобися зѣло, и совлече со Ахиллеа оружие все, и пусти ко обѣма царема и сказа имъ. како вѣру его, еже со Ахиллеемъ, преступиша, и «аще велита, да тѣло его принесу к вама». И плакаша зѣло, видѣвше оружие Ахиллеево, и повелѣста Приаму царю сожещи тѣло его и всыпати в корчагъ. «Да сотворим, — рече, — гробъ его на далечной земли». И сотвори Приамъ тако: сожже плоть его и всыпа въ златый корчагъ и посла царемъ. И видѣвше царие и гречестии полци, дивишася, глаголюще: «О сило и слава Ахиллеева! Како ты не совзимаху вси градове и отоце, и сде единъ корчагъ златъ нѣсть тебе полонъ!»

Видѣвши же Екама царица, яко хочеть скончатися Трой, посла сына своего меньшаго Полидвора и с ним злата много к Полинещеру царю[43] на онъ полъ моря, иже царствовавшие всей Погажи, дабы остало сѣмя Трою. Потом же паки быша мужеубиения и заклания, и паки кровьюми облиася земля Тройская, и паки окровавлени быша Скомандровы струа, дондеже волхвы имъ пророчествомъ изрекоша, яко «нѣсть мощно ратию взяти Троя, но токьмо лестию единою». И абие содѣяше коня дрѣвена велика зѣло и затвориша в немъ мужа храбры, и сами отоити творяхуся ко отечеству своему. Коня же оставиша у пристанища и сами скрывшеся во острове.[44] Видѣвше же трояне пристанища пуста, коня же единого стояща, и недоумѣюще, дивляхуся. Исперва убо мняху все прелесть, коня же погубити мышляху, во огонь или въ море вовреци, но занеже прииде время, еже взятю быти Трою, во град увѣщавыше внести коня, яко образъ и корысть от сопротивных. И ови убо внесоша его, и питиемъ и играмъ себе въдавшие, и уснуша глубокимъ сномъ. Мужие же крыющиеся изшедше молкомъ и зажгоша храмы и пламень воздвигоша великъ.[45] И сие видѣвше еллини, въскоре пловуще, приидоша къ Трою, и вратомъ отверьстомъ бывшимъ от преже вшедших, яко вода влияшася множество войска греческаго. Твердонырному же сице приату *бывшую* Трою.

Инде же пишеть,[46] стекломъ и мѣдью и воскомъ сотвориша фарижа сера, тѣм же образомъ, аки конь,[47] и в нем затвориша 300 витез, сирече боляръ вооруженных. И егда его ввезоша во град, врата разоривше, не прошедшу ему во врата, тогда воины разбивше *мечными*[48] главами стекло, изскочивше, многи изсѣкоша. Достиже же и все множество войска въ караблих и по суху, изсѣкоша тройския вельможа, а инѣх в море пометаша.

Изведоша же Александра и Елену царицю к Менелаю. И рече ему Елена: «О, господи царю! Ты бысть *вѣще*[49] кривъ, чему мя остави со Александром Фарижемъ, да мене прельститъ своимъ неверьствомъ». И отвѣща ей царь: «О, госпоже Елено! Яко отселе азъ сотворю, да тебе

инъ никтоже не прельститъ». И повелѣ ея и со Александромъ усѣкнути.
[50] И с ними Поликсену, дщерь Приама царя, повелѣ усѣкнути на гробѣ Ахиллееве, яко ея ради погибе. [51] И Екаму царицу, мать ея, даша на подѣлъ, с нею же прочая госпожа и болярыни. Ведоми же плакаху зѣло, царица же Екама утѣшаше их: «Азѣ имамъ ваша слезы утолити». И прочеа жены восхищаеми бяху от чертогъ *новонасаженных* и младенци ударяеми бываху о стѣну, и земля наводняема бѣше кровѣми падающих. И, — спроста рещи — плачъ вся содержаше и все лютое и горкое содержаше град. И огневи предають и попаляють от основания, еже во градѣхъ прекраснаго и преизряднаго Троя.

И увѣдѣвъ о сиа царь Полинещерь и повелѣ заклати Полидвора царя, Приамова сына и воврещи его в море. И ту присташа корабли гречестии. И взявъ Екама царица ведро, еже почерести воду, и обрѣте сына своего мертва, и возопи гласомъ велиимъ, плачущися. Тогда слышавъ Полинещерь царь, изыде на утѣшение Екаме царицы. И вѣсташа с нею трояскыя госпожа и збодоша царя Полинещера ножи. Сиа увѣдѣвъше гражене, побиша их камениемъ. [52]

Возврати же ся Менелая царь со всѣми греки с побѣдою и съ великою честію, стоя под Троемъ 10 лѣтъ и 7 мѣсяць. И тако скончася Трояское царство.

Написа же повесть о трояскомъ пленении творецъ Омиръ. [53] Ахиллей же бѣ сынъ царя Каеты, а индѣ пишетъ Фирелеша. [54]

[1] ...при Давидѣ, цари Иудейском. — По средневековым представлениям, Троянская война происходила во времена царя Давида (1004—965 гг. до н. э.). Современные историки датируют ее серединой XIII в. до н. э.

[2] ...царь некий именемъ Придешъ. — В «Повести» сравнительно с античной традицией многие личные имена изменены и искажены до неузнаваемости. В переводе в большинстве случаев сохраняются написания «Повести», а идентификация приводится в комментарии. Так, в данном случае, видимо, имеется в виду Фригий, хотя традиция называет основателем Трои Дардана.

[3] ...в нѣкоемъ в морьскомъ отоцѣ... — «Оток» значит остров и вообще участок суши, омываемый водой, поэтому в переводе употреблено слово

«мыс». Однако историческая Троя располагалась на материке — в северо-западной части Малой Азии, к югу от Геллеспонта. Пелешино море — видимо, Эгейское море.

[4] *...Троиль роди Приама царя...* — Традиционно отцом Приама называется Лаомедонт.

[5] *Якама* — имеется в виду Гекаба (Гекуба).

[6] *...Фарижъ Пастыревичъ.* — Отчество Парису (Фарижу) дано по мнимому отцу — пастуху (пастырю).

[7] *...бракъ творяше Велешъ царь...* — Имеется в виду свадьба фессалийского (фтийского) царя Пелея (отца Ахиллеса) и морской нимфы Фетиды. По мифам, свадьба происходила не во дворце, а в пещере Хирона на Пелионе.

[8] *...три жены, ихже и пророчица нарицаху...* — В «Притче» они названы поименно — Юнона, Паллада и Венера. Здесь же богини именуются «пророчицами». Под четвертой, не приглашенной на пир, имеется в виду богиня раздора Эрида (в «Притче» это римская богиня Дискordia).

[9] *...да присудить ей яблоко...* — Согласно традиции, богини предстали перед Парисом не на свадебном пиру Пелея, а на горе Иде, близ Трои.

[10] *И Тебушь бѣ гуселник... варъ, и камение, и воду.* — По мифологической традиции, стены Трои возвели Феб (здесь Тебуш) и Посейдон (здесь — Нептанабуш, т. е. Нептун), но не при Приаме, а при его отце Лаомедонте.

[11] *И Питеръ волховъ... еяже ради Трой разориться.* — Обманутые строители Трои — Феб и Посейдон — обратились за помощью к Юпитеру (здесь Питер). Бог явился дочери Приама Кассандре и предсказал ей гибель Трои. Здесь этот мотив сокращен.

[12] *Такоже и жены оны... како бы Трой разорилъся.* — Во время Троянской войны Гера и Афина были на стороне греков, Афродита на стороне троянцев.

[13] *...прииде к Менелая... служити...* — В «Илиаде» говорится, что Парис был гостем спартанского царя Менелая, а не его наемником.

[14] *...писаше на убрусе червьленымъ виномъ къ Елене...* — В «Притче» добавлено, что Менелай не мог прочесть написанное, так как был неграмотен.

[15] *...Агамену царю...* — Т. е. к Агамемнону, царю Аргоса и Микен, брату Менелая.

[16] *...отвержеся от него русагъ Каакымьскы...* — О том, что Менелай уехал усмирять отпавшую от него область, говорится только в

«Притче». М. Н. Ботвинник предполагал, что Каакимская земля — искаженное название Крита, куда, согласно Овидию, уехал Менелай. См.: *Ботвинник. Комментарий*. С. 200.

[17] ...*Аякшъ, Саломониковъ сынъ...* — Т. е. Аякс Большой. Имя его отца — Теламон — здесь превратилось в Саломоник.

[18] ...*Паламид, Придековъ сынъ...* — Евбейский царь Паламед, сын Навплия.

[19] ...*Урекшишь именемъ, Лантешевъ сынъ...* — Здесь так назван Одиссей (Уллис), сын царя Итаки Лаэрта. В дальнейшем тот же Одиссей будет назван Дисевес. Рассказ о мнимом безумии Одиссея у Гомера отсутствует, в мифологической традиции он появляется позднее.

[20] ...*от Феталиа, и ото Архиа...* — Фессалия — область в Северной Греции; Ахайа — северная часть полуострова Пелопонес.

[21] ...*бяхе Менесефесъ от Афинъ... Тлипелемъ же от Родоса* — Здесь названы афинский царь Менесфей, Нестор — царь Пилоса, Одиссей, Аякс, критский царь Идомей и царь Родоса — Тлеподем. Слова *от Ифаке* доб. из Хроники Манассии.

[22] *Евъфининъ же Ахиллей...* — Вероятно, здесь искаженное определение «евъфинянин»: Ахиллес происходил из царства Фтии на юге Фессалии.

[23] ...*поставиша царие ратиначалника.* — Во главе греческого войска был поставлен не Ахилл, прибывший под Трою позднее, а микенский царь Агамемнон.

[24] ...*кари и лукаани, миси и меони, и фруги...* — Народы, обитавшие в западной части полуострова Малая Азия.

[25] ...*Велеша...* — Согласно мифологической традиции, на греков, отплывших в Трою, разгневалась богиня Артемида, так как Агамемнон или кто-то из его воинов застрелил священную лань богини.

[26] ...*своеа дщери Цвѣтаны...* — Речь идет о дочери Агамемнона Ифигении. Греки, по совету жреца Калхаса, были вынуждены принести ее в жертву богине, но на алтаре девушку заменила лань, а Ифигения стала жрицей храма богини Артемиды на Тавриде.

[27] ...*Екторъ царь...* — Один из Троянских героев — Гектор.

[28] ...*от живаго огня Екторъва.* — Стрелы с огнем, «живой огонь» — все это напоминает распространенное в Византии средство борьбы с вражеским флотом — «греческий огонь»: из специальных сифонов на корабли противника выбрасывалась воспламеняющаяся смесь.

[29] ...*бояшеся гласа Ахиллеева.* — О грозных криках Ахилла, наводящих ужас на троянцев, говорится в «Илиаде» (XVIII, 217—229).

[30] *...а Рижеушь бѣ попь сынъ Тебуга бога.* — Здесь излагается сюжет «Илиады», повествующий, как дочь жреца Феба-Аполлона Хриса (здесь Рижеуша) Хрисеида (здесь Рижеуда) стала пленницей Агамемнона. Ее отец обратился за помощью к Аполлону, и тот наслал на греческое войско страшную болезнь.

[31] *...и не хотяше изыти на брань.* — Причиной, по которой Ахиллес перестал участвовать в боях, была (по «Илиаде») не гибель Паламеда, а то, что Агамемнон, вернув Хрисеиду, отнял у Ахилла его пленницу — Брисеиду.

[32] *И тако умре.* — В мифологической традиции есть рассказ о том, как Паламед разоблачил мнимое безумие Одиссея (здесь он именуется Дисефесь Нисиотенин), а тот в отместку оклеветал Паламеда. Невинно осужденный герой был забит камнями.

[33] *...убиенъ бысть Патроклие... от руку крѣпкою Екторовою.* — Именно убийство Патрокла, друга и побратима Ахилла, побудило героя вновь принять участие в сражениях.

[34] *И паки призываетъ Приамъ на помощь амазони.* — Сюжет об участии в Троянской войне женщин-воительниц амазонок впервые появляется в киклической поэме «Эфиопида» (VI в. до н. э.).

[35] *И умоли Тавтантиа, индйскаго царя...* — Тавтантий — возможно, Тевтрант, правитель Мизии (см.: Ботвинник. Комментарий. С. 203), но не индийский царь. Описание индийских воинов и используемых ими в битвах прирученных зверей, возможно, появилось в «Притче» под влиянием «Александрии», где рассказывалось о сражении Александра Македонского с индийским царем Пором (см. наст. изд.).

[36] *И мати его Екама царица... еже пощаждѣти ся самому.* — М. Н. Ботвинник отметил, что этот эпизод напоминает текст «Илиады»:

Мать на другой стороне заливалась в горе слезами,

Перси рукой обнажив и другою на грудь указуя,

Сыну, лиящая слезы, крылатую речь устремляла:

«Сын мой! Почти хоть сие; пожалей хоть матери бедной!

Если я детский твой плач утоляла отрадною грудью,

Вспомни об этом, мой сын...»

(XXII, 79—84; Перевод В. Вересаева).

Он продолжает: «Любопытно, что ни у Диктиса, ни у Дарета эта речь Гекубы не приводится. Нет этой речи и в «Притче о кралех». Возникает предположение, что автор «Повести» был знаком с Гомером или непосредственно, или в пересказе» (Ботвинник. Комментарий. С. 204).

[37] *...седмь урѡвъ греческихъ, еже есть седмь полкъ.* — Происхождение и значение термина «ур» (М. Н. Ботвинник соотносил его с греч. словом ὄρος; — «страж, защитник») неясно.

[38] *...Приамъ... поиде въ греческую войску.* — Только у Гомера Приам отправляется к Ахиллесу за телом Гектора один («Илиада», XXIV, 469 и след.), у Диктиса Приам идет к Ахиллесу с Гекубой, Поликсеной и другими членами семьи. М. Н. Ботвинник допускает знакомство автора «Притчи», а вслед за ней и «Повести» с Гомером (Ботвинник. Комментарий. С. 204).

[39] *...и дам ти свою дочь Поликсену, коя во всѣхъ госпожахъ тройскихъ добрѣйши.* — У Гомера Поликсена не упоминалась, но история прекрасной дочери Приама рассказана уже в трагедии Еврипида «Гекуба», где говорится, что Поликсена была принесена в жертву тени Ахиллеса. У Дарета и Диктиса, как и в основанной на них «Истории разрушения Трои» Гвидо де Колумна, повествуется, что Ахилл, увидев Поликсену в храме во время перемирия или у могилы Гектора, влюбился в нее, и ради этой любви согласился на перемирие с троянцами. В «Притче» Ахилл Поликсену не видит, ее предлагает ему в жены сам Приам.

[40] *...скры Александръ Фарижъ, Приамовъ сынъ, и Дифовъ...* — В разных версиях истории Троянской войны убийцами Ахилла называются то сын Приама Гелен, то Александр Парис, то другой его сын Деифоб (здесь он назван Дифов).

[41] *...точию плеснѣ его безъ желѣза...* — В мифологической традиции тело Ахилла было неуязвимо для оружия, так как его мать Фетида окунула ребенка в воды подземной реки Стикс. Мать держала младенца за пятку, поэтому только пятка и осталась уязвимой. В «Притче» же предлагается более «рационалистическое» объяснение: герой был в доспехах и только ноги его были «без железа».

[42] *Ощути же сиа Дисевес... Ея Теламоненинъ...* — В «Повести» спутниками Ахилла названы Одиссей, Диомед (здесь он назван Диогеном) и Аякс, сын Теламона.

[43] *...посла сына своего... к Полинещеру царю...* — Сюжет о судьбе Полидора отразился в «Гекубе» Еврипида. В античной традиции Полинещеру соответствует царь Фракийского Херсонеса (его владения были на северном берегу Геллеспонта). Погажия, вероятно, искаженное название Фракии.

[44] *...и сами скрывшеся во острове.* — В некоторых произведениях троянского цикла называется остров Тенедос (в Эгейском море, вблизи от малоазиатского берега).

[45] *...зажгоша храмы и пламень воздвигоша великъ.* — В Хронике Манассии слов «зажгоша храмы» нет (см. наст. изд., т. 9). Составитель «Повести» вставил их напрасно: речь шла о том, что вышедшие из коня

воины должны были факелом подать знак греческому войску, а не устраивать в городе пожар.

[46] *Инде же пишет...* — Составитель «Повести» указывает, что он, завершив выписку из текста хроники Манассии, вновь обращается к «Притче о кралех».

[47] *...тѣм же образомъ, аки конь...* — Этих слов нет в «Притче», они — неудачное пояснение составителя «Повести». Возможно, он не понял, что «фариж» — это слово, обозначающее коня. Отсюда и бессмысленность перевода: «серый конь, видом подобный коню».

[48] *...мечными...* — Это слово добавлено из Хроники Манассии.

[49] *...веще...* — Слово исправлено по Хронике Манассии.

[50] *И повелѣ ея и со Александром усѣкнути.* — Как предположил М. Н. Ботвинник (см.: *Ботвинник. Комментарий.* С. 207), рассказ о казни Париса и Елены принадлежит латинской повести — оригиналу «Притчи о кралех». У Еврипида в трагедии «Андромаха» лишь говорится, что Менелай, собравшийся казнить жену, увидев ее, по-прежнему блистающую красотой, прощает. (О различных версиях, касающихся судьбы Елены, см. в посвященной ей статье в кн.: Мифы народов мира. Энциклопедия. М., 1991. Т. 1. С. 431—432).

[51] *И с ними Поликсену... яко ея ради погиге.* — По мифологической традиции Поликсену убивает над могилой Ахилла его сын — Неоптолем.

[52] *Сия увѣдѣвше гражене, побиша их камениемъ.* — Это один из вариантов мифа о судьбе Гекубы, перекликающийся с сюжетом одноименной трагедии Еврипида «Гекуба». По другой версии, царица была убита греками.

[53] *...творецъ Омиръ...* — Составитель «Повести» самостоятельно называет имя Гомера — его в данном тексте не упоминают ни Константин Манассия, ни автор «Притчи о кралех». Правда, Манассия говорит о Гомере ранее, но там обещает рассказать о событиях «Не якоже Омиръ описует» (см. наст. изд. Т. 9).

[54] *...сынъ царя Каеты, а индѣ пишет Фирелеша.* — Фирелеш, вероятно, искаженное имя Пелей, что же касается Каеты, то это имя в «Притче» носит Ликомед, у которого воспитывался малолетний Ахилл.

ПЕРЕВОД

ПОВЕСТЬ О СОЗДАНИИ И ПЛЕНЕНИИ ТРОИ И О ПОСЛЕДНЕМ ЕЕ
РАЗОРЕНИИ, КОТОРОЕ СЛУЧИЛОСЬ ПРИ ДАВИДЕ, ЦАРЕ
ИУДЕЙСКОМ

Был в древние времена некий царь по имени Придеш. И в один из дней охотился он на некоем приморском мысу, у которого с одной стороны расстиралось широкое море, а с другой протекала река Скамандр, а с третьей стороны было Пелешино море, с четвертой простирался луг Дудома, а с пятой стороны была долина, где росли деревья и различные цветы. Увидел царь красоту места (того), и начал строить город в свое имя, и после смерти своей повелел сыну своему строить, так же и все прочие (цари) завещали каждый своему сыну. И с тем первым царем, который начал строить, всего шесть царей было до Троила, он же более других к этому делу прилежал и назвал город по своему имени Троей. У Троила родился Приам царь, у которого была царица по имени Екама.

И ночью увидела она сон и поведала мужу своему Приаму царю и сказала: «Родила я головню, и поднялась она на небо, и снова возвратилась, и упала в море, и вылетели из моря искры огненные, и упали на Трою, и сгорел весь город». Приам же рассказал это боярам и предсказателям, волхвам и мудрецам и всем людям. И сказали ему: «Господин наш царь! Родится у жены твоей сын, из-за которого сгорит и разорен будет город, и не останется камня на камне». Царь же сказал жене своей, что когда родится сын, то пусть прикажет его убить. Она же ответила: «С большой радостью я это сделаю».

Когда же родила царица Екама сына своего и увидела, что он очень красив, то пожалела его как мать и не смогла его убить, но завернула его в дорогие покровы, и (положила) с ним много серебра и золота, и повелела оставить его вдали от города. И нашел его старик — овечий пастух, которому жена родила сына, и повелел ей кормить найденного мальчика; и когда исполнилось ему семь лет, то назвал его Фарижем Пастыревичем. И ходили оба отрока с отцом своим в поле и играли (там). Фариж же связывал двух бычков, и бодались они, и тому, который побеждал, сплетал венок из ветвей маслины, а тому, кто не одолел, вил венок из соломы и надевал (те венки) им на рога.

И когда подрос Фариж, то ходил с добрыми витязями — а по-нашему, с детьми боярскими, — и во всех играх одолевал их. И порашил одного витязя, как ни прикрывался тот щитом. И в это время справлял свадьбу царь Велеш и созвал всех бояр и боярынь и Фарижа Пастыревича. И пришли на эту свадьбу три женщины, которых считали пророчицами, а одну не позвали, ибо была она склонна сеять раздор. Она же за то, что ее не позвали, стала думать, как бы вызвать ссору. И сделала яблоко золотое и написала на нем: «Которая из тех трех женщин-пророчиц самая красивая, пусть той и будет это золотое яблоко». И велела подбросить яблоко в сад. И нашли его три эти женщины, прочитали (надпись), и стала просить Фарижа Пастыревича каждая из них, чтобы присудил он ей яблоко. Последней третья (из них) сказала: «Присуди мне это яблоко и объяви меня прекраснее их (двух), тогда дам тебе

Елену царицу, (жену) Менелая, царя греческого, которая красивее всех нас и всех греческих женщин. И дам тебе новое имя, и будет имя твое Александр Фариж, и поведу, кто твой отец и мать. Ты не того старца сын, а отец твой — Приам царь, а мать — Екама царица». И присудил (Фариж) яблоко госпоже Венуши. И, услышав все это от нее, очень обрадовался и, испросив благословения у старца, который назывался ему отцом, отправился в Трою. И приняли его Приам царь, отец его, и мать его — царица Екама.

Созвал царь Приам предсказателей и волхвов и сказал: «Кто мне поможет построить стены троянские, тому дам я три меры золота». Услышали это два дьявола земных, пришли и сказали царю: «Мы хотим построить, а ты нас не забудь и нам воздай». И начали строить. И Тебуш был гуслиар, и играл на гуслиях, и строились стены Трои, где они велели, а (другой), именем Нептанабуш, ходил в море и носил из моря вар, и камни, и воду. И завершили свое дело и сказали царю, чтобы дал им то, что обещал. И поняли, что обманул он их. И разгневались и сказали: «Мы построили стены Трои, мы же и придумаем, как разрушить их в дни Приамовы». И Питер кудесник, которого пророком считали, предсказал, что отправится Александр в Грецию и похитит царицу Елену, из-за которой Троя будет разорена. Также и женщины те, которых пророчицами считали, разгневавшись из-за того яблока золотого, стали помышлять, (как бы сделать, чтобы) разрушилась Троя.

Отпросился Александр Фариж у отца своего Приама царя и отправился к Менелая, царю греческому, иначе говоря — эллинскому, служить ему, взяв с собой богатые дары и воинов. И услышав это, Менелай царь вышел далеко навстречу ему и приветствовал его. И сказал ему Александр: «Пришел я, царь, служить тебе не за золото и серебро, но чтобы знал ты, какая честь из-за этого будет твоему двору». Слыша это, очень обрадовался Менелай царь и ввел его в палаты к царице Елене. И ели и пили они наедине красное вино, и когда мыли руки и полотенцем вытирали, Александр писал на нем красным вином Елене так: «Царица Елена, люби меня, как я тебя». Послал же Менелай царь к брату своему, Агамену царю, говоря: «Радуйся, брат мой, что хотят мне служить братья мои цари». Написал ему в ответ брат его: «Я тому рад, что мы с тобой самодержцы, но то меня не веселит, что наша братия пришла служить нам, и очень я тем опечален. Берегись, как бы не явилась чужая доблесть и не попрала бы нашу честь, и будет нам великий позор». Услышав же это, Менелай рассердился и сказал: «Как не понравилась брату моему моя честь!»

Услышал же Менелай царь, что отпала от него земля Каакимская, и, собрав большое войско, пошел на них сам и Александру повелел. Тот же притворился больным и лежал в царской палате. «Когда, — сказал, — выздоровею, пойду следом за тобой». И после отъезда царя Менелая

вышла царица Елена с девушками пройтись по городу с греческими боярынями, Александр же схватил царицу Елену и взошел на быстрый корабль с отроками своими, и приплыл под стены Трои. Троянские же вельможи не захотели выйти ему навстречу, зная, сколько крови суждено будет пролиться из-за Елены. Вышел навстречу ему отец его Приам и взял за руку его, а мать его, Екама царица, взяла за руку Елену, и ввели их в (город).

Царь Менелай, услышав о Елене, тотчас же вернулся с войны. Узнал же и брат его, Агамен царь, и собрал своих воинов, и вскоре пришел к Менелаю. И в печали были оба царя, говоря: «Какое бесчестие нанесено нам!» И собрали сильное войско. И пришел к ним на помощь Аякш, сын Соломонинов, с тридцатью кораблями. И потом пришел Паламед, сын Придеков, с тридцатью кораблями. И после этого некий человек, Урекшиш именем, сын Лантеша, притворился безумным, чтобы не быть причастным к кровопролитию троянскому, начал песок вспахивать и солью засеивать. Цари же повелели бросить перед плугом его младенца-сына. «И если, — сказали, — безумен, то перережет его». И как только бросили, — остановил он волов и перестал пахать. И повели его к царям. И сказал Урекшиш: «Лучше бы мне три года пробегать с бешеной собакой, чем причаститься троянской крови, которая прольется из-за Елены царицы!»

И многие другие пришли к царям с островов, и с материка, и с побережий, из Афин и той земли, и из Феталии, и из Архии, и со всей Эллады. И среди многих других был Менесефес из Афин, Нестор от Пила, с Итаки Дисевес, с Саламина Ея, Идоменес с Крита, Тлипелем с Родоса. А все родом были из знатных и от царских кровей, мужи храбрые.

Евфинянин же Ахиллей сиял более всех людей, победитель в битвах, сильный и крепорукий, его же и героем называли. Сего поставили цари воеводой. Было же войско многочисленное: 1170 кораблей отошли от родной земли. Послан был Ахиллей и другие храбрецы, и на острова напали и попленили побережье. И жаждали напасть на Трою, так как исполнена она была великим богатством, и хотели отомстить за обиду, нанесенную похищением Елены.

Увидев такое войско, троянцы созвали к себе на подмогу карийцев, ликийцев, мисиев, меонов, фригийцев и, заключив союз со всеми азиатскими народами и племенами, выставили против {греков) великое множество. Было же в Трое более пятидесяти тысяч мужей. И многое время прошло в битвах. Сперва смело вступали в сражение, но когда

испытали на себе рвение и храбрость Ахиллеса, то засели, запершись, за стенами.

Потом же некая жена, именем Велеша, которую считали пророчицей, ибо с помощью волшебства повелевала она морскими волнами, разгневалась, потому что бояре царя Агамена убили ее лань, подняла на море бурю, чтобы погубить все корабли греческие. И опечалились цари, и спросили совета у жреца Колкаша. Он же поведал им, что из-за лани своей хочет вас потопить пророчица и говорит, что «если не даст мне Агамен царь дочери своей Цветаны, то не пропущу их (через море}». Царь же Агамен очень опечалился и против желания отдал свою дочь Цветану. И утихла буря. И приплыли под Трою.

И вышел против них Ектор царь, сын Приама, иные многие бояре. И начал стрелять Ектор царь огненными стрелами и одним выстрелом поражал три корабля греческих. Но Аякш, сын Соломоники, своим щитом загородил семнадцать кораблей от живого огня Екторова. И пошел Менелай царь на переговоры, стал уговаривать Приама, чтобы вернул Елену царицу. Александр же того не хотел и хотел убить Менелая, если бы того Приам царь не защитил. А затем Ектор царь выходил на битву и ежедневно сражал множество греческих воинов, страшась (лишь) голоса Ахиллеева. И вышел Ахиллей под своим знаменем против Ектора царя, и сошлись, и взялись за руки, и решили не сражаться в тот день. А греческие витязи пленили Ригеуду, дочь жреца Ригеуша. И увидел Агамен царь, брат Менелая, как она красива, и взял ее себе в жены, а Ригеуш жрец был сыном бога Тебуша. И, узнав об этом, Тебуш страшно разгневался и наслал колдовством своим жестокую болезнь на греческое войско; и многие умирали, пока не вернули дочь жреца Ригеуша.

А потом придала троянцам храбрость гибель Паламеда, так как угасла дерзость Ахиллея, ибо очень любил Ахиллей Паламеда и разгневался из-за его гибели, и не хотел выходить на битву. Дисевес Нисиотенин, хранивший ненависть к Паламеду, оклеветал его перед царями, будто бы он добра желает троянцам. И был забит Паламед камнями. О горе! Что творишь ты, зависть! Паламед же не сказал ни слова, только изрек: «О бедная истина! Тебя оплакиваю, ибо ты раньше меня погибла!» И так он умер. Ахиллей же горько оплакивал его и не хотел выходить на битву. И это придало дерзость Ектору и его соратникам. И начинают они с эллинами битву жестокую, и падают, как колосья, тела греков, то есть эллинов, и проливаются озера крови. И просили (греки) Ахиллея выйти на битву, и не соглашался он, пока не был убит могучей рукой Ектора Патрокл, которого очень любил Ахиллей. И это побудило его выйти против троянцев. Вышел Ахиллей на брань, (словно) огнем пышущий, и громит полки, и убивает лучших воинов. И тогда призывает Приам на помощь амазонок. И снова брань была лютая. Погибают

многие, и все меньше остается соратников у Приама. И упросил он Тавтантия, индийского царя, и тот прислал бесчисленное множество воинов. Индийцы же все темнолицы, и, видя их необычный облик, греки-эллинцы уstraшились их вида, и оружия их и зверей, которых приручили индийцы, испугались, и задумали ночью бежать и оставить Трои. Но все же вышли против темнолицых, и кровью индийской обагрились поля, и струи Скамандра смешались с кровью. И в это время настали дни праздничные у эллинов, а также у варваров, и всем был отдых от битв и трудов. И тогда толпы эллинов, то есть греков, и троянцев смешались, и никто никому не смел никакого зла причинить по случаю праздника.

Потом же увидела ночью сон царица Евтропия, жена Ектора царя, сына Приамова. И, проснувшись, пришла она в спальню свекра своего, Приама царя, и начала со слезами говорить ему, чтобы не пускал утром сына своего Ектора биться с Ахиллеем, ибо, — сказала, — будет он убит. И поведала ему сон: «Видела я, что вышел из Трои медведь, а из греческого войска — вепрь, и начали биться. И распорол вепрь медведя, и утащил его в греческие полки, и более не видела его. И, если отпустишь Ектора, не надейся его больше увидеть». И Приам, утешив ее, проводил до спальни. И, когда настало утро, приготовился Ектор царь к сражению с Ахиллеем. И вышли навстречу Ектору знатные троянки, мать его, Екама царица, и жена его, и сестры его, и стали уговаривать, чтобы не ходил он на битву, но Ектор их не послушал. Мать его, царица Екама, умоляла его не ходить и спасти свою жизнь, плакала и, обнажив одной рукой грудь и указывая другой на сосцы, говорила Ектору: «О чадо мое! Постыдись груди моей и пожалей меня; когда давала я тебе эту грудь, забывал ты свои младенческие печали, так вспомни же, как кормила тебя, и воздай же мне за это, пощадив себя самого». И жена его, взяв сына его, бросила его перед Ектором и взмолилась: «Пожалей, — сказала, — меня и его, любимого!» И не послушал он. Она же сказала: «О Ектор, подожди меня немного!» И, пойдя в спальню, сняла с себя дорогие одежды, и оделась в черные вдовьи, и, подойдя к Ектору, сказала: «О Ектор, если не повернешь назад, то суждено мне их носить по тебе». Но и этим не вызвала в нем жалости, и не послушал, а пошел навстречу Ахиллею. И, сойдясь, не бились в тот день, но порешили биться наутро. И в тот день перебил Ектор семь уров греческих, то есть семь полков. А наутро вышел Ектор царь и стал сражаться с Ахиллеем. И напал Ахиллей на Ектора и, пронзив его, убил. И пал Ектор мертвым. И взял тело его Ахиллей, и понес в свой стан. И потом громит он полки и убивает ратоборцев.

Так убит был Ектор, дерзкий сердцем, опора троянцев, муж могучий и храбрый, с детства не расстававшийся с оружием, имевший на груди бесчисленные шрамы от ран. Прежде, когда еще не пришли эллины и не начали войну, сражался он с дикими быками. Видя случившееся, троянские вельможи и мужи начали горько плакать. И надел Приам царь на себя нищенское рубище, и, взяв гусли, пошел в греческое

войско и стал расспрашивать, где стан Ахиллея, говоря: «Да наставит его сегодня бог, чтобы он накормил и напоил меня, грешного странника». И, придя в Ахиллеев стан, начал грустно наигрывать на гуслях. И вынесли ему с ужина еды и питья. И после ужина легли все, захмелев, спать. Уснули и стражи. И Приам царь стал искать сына своего, Ектора царя, и нашел его мертвого, лежащего в постели Ахиллея. И, увидев его, Приам тяжело вздохнул. Ахиллей же, проснувшись, устранился и спросил: «Кто ты?» Приам же сказал: «Я Приам царь, ищу сына своего Ектора царя». Сказал же Ахиллей: «Если это ты, то я от страха перед тобой словно мертвый!» И сказал Приам: «Не бойся, господин мой! С младенческих лет я того не совершил, чтобы погубить спящего витязя, но прошу (тело) сына своего Ектора». И сказал Ахиллей: «Если клянешься мне, что я целым и невредимым войду и выйду, то, веря тебе и твоей клятве, я сам понесу на своих плечах тело Ектора в Трою». И наутро взял Ахиллей Ектора, и отнес его в Трою, и отдал троянским господам. И стали его оплакивать. И сказал Приам царь Ахиллею: «Пойдем с тобой в храм Аполлона, поклянемся, чтобы больше не воевать, чтобы осталось семя троянское, и дам я тебе свою дочь Поликсену, которая прекраснее всех троянок». И в храме первым поклялся Приам и отошел. И склонился Ахиллей для клятвы. Но спрятались там Александр Фариж, Приамов сын, и Дифов, и поразили ядовитой стрелой Ахиллея в пятку, ибо он был весь в доспехах, только ступни его были не защищены железом, и выбежали (стрелявшие) вон. Ахиллей же упал на последнем издыхании. Почувствовав (недоброе), Дисевес, который приехал с Ахиллеем, и Диоген, и Ея Теламонианин — все вместе вбежали в храм и нашли могучего героя, то есть Ахиллея, лежащего и залитого кровью, и угасающего, и едва дышащего, и шевелящего языком, и очи его уже готовы были застлаться тьмой. Когда увидели его (вбежавшие), заплакали. И упал на грудь ему Ея Великий с плачем и спросил Ахиллея: «О, завершающий (победой) рати, исполин крепкорукый! Кто смог погубить тебя, лвовяростного?» Он же слабым голосом произнес: «Убили меня обманом Александр Фариж и Дифов». И, сказав это, испустил дух.

Видя все это, Приам царь очень опечалился, и снял с Ахиллея доспехи, и отправил к обоим царям, и поведал им, как договоренность его с Ахиллеем нарушили, и (сказал): «Если повелите, то тело его принесу вам». И плакали горько, видя оружие Ахиллеево, и повелели Приаму царю сжечь тело его и (золу) всыпать в урну. «Да создадим, — сказали, — могилу его в дальней земле». И сделал Приам так: сжег тело его и всыпал (золу) в золотую урну и послал царям. И, видя ее, цари и воины греческие удивлялись, говоря: «О сила и слава Ахиллеева! Как тебя не могли вместить все города и острова, а здесь единая золотая урна тобою не наполнена».

Екама царица, увидев, что суждено погибнуть Трое, отправила сына своего младшего Полидвора и с ним золота много на другой берег моря

к Полинещеру царю, который царствовал всей Погажией, чтобы осталось семя троянское. Потом же снова была гибель мужей и жертвы, и снова кровью была залита земля Троянская, и снова обагрены были волны Скамандра, пока волхвы им пророчество не возгласили, что нельзя оружием взять Трои, но только одной хитростью. И тогда сделали они коня деревянного огромных размеров и заперли в нем мужей храбрых, а сами сделали вид, что отплыли к своему отечеству. Коня же оставили у пристани, а сами скрылись на острове. Увидели троянцы, что берег пуст и остался на нем только конь, и удивились, недоумевая. Сперва подумали, что все это хитрость, и хотели коня уничтожить — сжечь или в воду сбросить, но так как настало время, когда суждено было быть взятой Трое, то решили в город ввести коня как вражеский трофей и добычу. И те, кто ввез его, предались пиршеству и играм, и заснули глубоким сном. Мужики же спрятанные тихо вышли и зажгли храмы, и пламень поднялся в небо. И, увидев это, эллины, поспешно приплыв, приступили к Трое, и так как ворота были открыты прежде вошедшими (в город), то словно вода хлынуло (туда) многочисленное греческое войско. Так был взят твердобашенный город Троя.

В другом же месте пишется, что из стекла, меди и воска был изготовлен серый конь, видом подобный коню, и в нем заперли триста витязей, то есть бояр вооруженных. И, когда ввозили его в город, то ворота разрушили, ибо не проходил он в ворота, и тогда воины разбили остриями мечей стекло, выскочили и многих посекали. Подоспело и все множество войска в кораблях и посуху, иссекли троянских вельмож, а других побросали в море.

Привели же Александра и Елену царицу к Менелаю. И сказала ему Елена: «О, господин мой царь! Ты был совсем слеп, если оставил меня с Александром Фарижем, чтобы он прельстил меня своим обманом». И отвечал ей царь: «О, госпожа Елена! Я сейчас сделаю так, что никто другой тебя не соблазнит». И приказал отрубить ей и Александру головы. И с ними Поликсену, дочь Приама царя, приказал казнить на могиле Ахиллея, так как из-за нее он погиб. А Екаму царицу, мать ее, и вместе с нею прочих знатных горожанок и боярынь раздали (победителям). Ведомые (в полон) горько плакали, царица же Екама утешала их: «Я смогу ваши слезы осушить». И других женщин выволакивали из чертогов новопостроенных, и младенцев разбивали о стены, и земля пропиталась кровью убитых. И, попросту говоря, плач стоял повсюду, и все лютое и тяжкое выпало на долю города. И огню предали и сожгли до основания прекраснейшую и славнейшую среди городов Трои.

И, узнав об этом, царь Полинещер приказал убить Полидора царя, Приамова сына, и бросить его в море. И тут пристали корабли

греческие. И взяла царица Екама ведро, чтобы зачерпнуть воды, и нашла труп сына своего, и закричала громким голосом, рыдая. Услышав это, вышел Полинешер царь, чтобы утешить Екаму царицу. И поднялись на него троянки вместе с нею, и искололи Полинешера ножами. Увидев это, горожане забросали их камнями.

Возвратился же Менелай царь со всеми греками с победой и с великой славою, простояв под Троей десять лет и семь месяцев. И так пало Троянское царство.

Написал же повесть о пленении Трои песнотворец Омир. Ахиллей же был сыном царя Каеты, а иные пишут — Фирилеша.

СТЕФАНИТ И ИХНИЛАТ

Подготовка текста, перевод и комментарии О. П. Лихачевой

ВСТУПЛЕНИЕ

«Стефанит и Ихниллат» — греко-славянская версия всемирно известного памятника, возникшего в глубокой древности в Индии и получившего известность под названием «Панчатантра», потом он был переработан в персидско-арабский вариант под названием «Калила и Димна», с которого был сделан в XI в. греческий перевод (вернее, переработка) под названием «Стефанит и Ихниллат». Это цикл басен и поучительных повестей, построенный по форме бесед царя и философа: философ рассказывает царю занимательные истории, преимущественно о животных, вкладывая в них поучения. Занимательность сюжета и дидактичность обеспечили памятнику широчайшую популярность.

Славянский перевод был осуществлен, по-видимому, в XIII—XIV вв. в одном из славянских монастырей на Афоне. Существует три редакции славянского текста — сербская, болгарская и болгаро-русская. Редакции различаются по составу, все они в разной степени дефектны (т. е. в них есть утраты по сравнению с греческим оригиналом), но они восходят к одному протографу; общие для всех редакций ошибки перевода показывают, что перевод был один. Ряд языковых данных (мы стараемся в комментарии обращать внимание читателя на такие случаи) позволяет считать, что перевод был сделан на болгарский извод церковно-славянского языка, хотя в сохранившихся рукописях сербская редакция представлена значительно более полным текстом.

Текст, который был распространен в русских рукописях (одна из них издается в данном томе), относится к болгаро-русской редакции, отличающейся следующими особенностями: она состоит из семи глав и обрывается на полуслове в середине притчи «О семи снах индийского царя». Кроме того, в ней произошло слияние двух притч — «О пификах

и о светляке» и «О лукавом и о препростом» — в одну притчу «О двух друзьях».

Рукописная традиция болгаро-русской версии богата и разнообразна. Рукописи представляют несколько вариантов текста, и различия этих вариантов формируются в двух планах: во-первых, текстовые разночтения, во-вторых, интерполяции (т. е. позднейшие вставки и изменения; см. ниже). Разночтения в рукописях очень важны — они дают нам возможность судить о том, как древнерусские книжники воспринимали этот чужеродный и иногда непонятный для них текст. На местах ошибок, возникающих при переводе с греческого, в рукописях возникали узлы разночтений — переписчики, чувствуя шероховатость в тексте, пытались исправлять текст по своему разумению (без сверки с греческим оригиналом), а иногда появлялись глоссы на полях, поясняющие текст. Поэтому, чтобы понять восприятие текста средневековым читателем, необходимо изучать его по совокупности рукописей.

Отличительной чертой болгаро-русской редакции является наличие в ней интерполяций — вставок нравоучительного характера. По составу этих вставок мы можем делить рукописи на группы и подгруппы; есть группы, в которых интерполяции вовсе отсутствуют. Интерполяции появились в рукописях болгаро-русской редакции, возможно, сразу же при составлении редакции — во всяком случае, самые ранние рукописи уже содержат интерполяции. Изъятие интерполяций из текста было результатом вторичного редактирования. В двух рукописях XV в. (Синодальной и Рогожской) интерполяции отмечены глоссами на полях «ино-го-сущее», а в Синодальной рукописи они, кроме того, вычеркнуты. Есть еще рукопись XV в., — Троицкая, текст которой представляет особую редакцию: все интерполяции выброшены, текст сокращен, ему придан более «беллетристический» вид. В рукописях других групп тоже есть интерполяции — они иные, чем в Синодальной группе, и зачастую не воспринимаются как интерполяции, но характер их такой же. Во многих же рукописях XVII—XVIII вв. интерполяции изъяты совсем и памятнику возвращена его басенная сущность.

Наличие и отсутствие интерполяций связано с литературной средой и с литературной обстановкой, в которой существовал текст.

Получив в свои руки восточный басенный цикл, содержащий много афоризмов и нравоучительных сентенций, славянский переводчик — афонский монах — возможно, не придавал значения басенному («беллетристическому») характеру памятника, а воспринял только его нравоучительную афористичность. Он усилил дидактическую сторону памятника, добавив туда еще ряд цитат, выдержек из святоотеческих книг. В средневековой письменности имели большое распространение сборники афоризмов (такие как «Пчела») и особенно нравственно-учительные сочинения, такие как «Лестница» Иоанна Синаита или поучения аввы Дорофея. Эти памятники и были источником нового интерполирования. Получается, что для составителя болгаро-русской редакции «Стефанит и Ихниллат» был не столько книгой басен (басни как жанр были ему, видимо, чужды), сколько своего рода «Пчелой»,

сборником афоризмов, который, следуя традиции, можно дополнять новыми по своему выбору и вкусу. Этим, по-видимому, и объясняется то пренебрежение к сюжету, с которым интерполяции вносятся в текст, — они часто прерывают фразу посередине, иногда полностью не соответствуют по смыслу тому, о чем рассказывается в тексте, иногда просто выглядят странно в данном контексте. Для книжника XV в. литературные особенности «Стефанита и Ихнилата» были чужды — этот памятник обладает чертами литературы Нового времени (неоднозначность героев — злодей говорит умные и благочестивые вещи и подчас вызывает сочувствие; основные моральные установки недостаточно четко выражены, читателю приходится самому оценивать этическую сторону происходящего — в то время как в привычной для него средневековой литературе все было четко, положительный герой говорил и делал все прекрасно, отрицательный — был резко черным; автор же четко и однозначно выражал «мораль притчи»), в нем есть увлекательный сюжет, за которым нужно следить, и даже своеобразный юмор. Все это, по-видимому, было чуждо и книжнику, и читателю.

В XVII в. положение изменилось, возникала другая литературная ситуация, развились жанры демократических повестей, были сделаны новые переводы («Басни Эзопа», «Зрелище жития человеческого» и др.), и «Стефанит и Ихнилат» попал на свое место, его повествовательная природа ярко проявилась и закрепилась в рукописной традиции. Памятник стал переписываться вместе с другими повествовательными произведениями; сам он тоже стал меняться за счет распространения бытовых подробностей, увеличения деталей сюжетного повествования, интерполяции стали исчезать, начали появляться новые притчи из других источников. При этом книжная лексика частично заменилась на более понятную и даже бытовую.

В настоящем издании мы представляем читателю основное ядро памятника по старейшей из сохранившихся рукописей болгаро-русской редакции (интерполяции опускаются). Читатель увидит образец одного из самых ранних беллетристических произведений славянской письменности (хотя и не воспринятого как таковое в XV в.), не забывая при этом, что это один из «бродячих сюжетов» — т. е. произведение, которое появилось у славян, обойдя до того полмира и принося с собой следы чужих культур и общечеловеческую мудрость.

Текст издается по рукописи XV в.: ГИМ, Синодальное собр., № 367, лл. 493—548. Необходимые исправления сделаны по рукописи XVII в.: РГБ, собр. Тихонравова, № 249 (Т), собр. Толстого: РНБ, Q.XV, 2 (Толст.) и по греческому тексту.

Интерполяции, содержащиеся в Синодальном списке по сравнению с греческим текстом, исключаются; места интерполяций отмечены <...>.

ОРИГИНАЛ

СПИСАНИЕ СИФА АНТИОХА,^[1] — ДРУЗИИ ЖЕ МНѢША, ЯКО ИОАНА
ДАМАСКИНА,^[2] ЗЪЛО ПѢСНОТВОРЦА, — ЕЖЕ О ЗВѢРЕХ,^[3]
НАРИЦАЕМЫХ СТЕФАНИТА, ИХНИЛАТА^[4]

Притча пръваа. Въпрос царевъ. Царь индѣйскый въпрашаше нѣкоего от своихъ философъ, глаголя: «Хощу, яко да притчею покажеша ми, како лукавый мужъ лъстивый, посредѣ себѣ вложивъ, въ вражду предлагаетъ, еже посредѣ нѣкихъ составленную любовь же и дружбу».

Онъ же, въсприемъ, рече:

Глаголется, яко купецъ нѣкий, многославенъ сы и житѣе доброволно по сотворению имы, и дѣти имы умовредны, не хотяше лѣности ради художество нѣкоего рукодѣлиа навикнути. И наказательными отецъ к нимъ бесѣдоваше словеса, глаголя: «О чада, иже в житии семъ възращаемы, 3 вещи требуемъ: доволно богатство и славу отъ челоуѣкъ и получение благымъ онѣмъ, еже съ праведными. Си же 3 вещи инако не пребываютъ никомуже, точию 4-ми вещми: еже събирати богатство мѣрами праведными и благословенными, и еже стяжаемая добрѣ разстваряти и сматрѣти, таже раздаати отъ стяжаемыхъ требующимъ, еже ползуетъ в будущемъ житии <...> и еще же уклонятися отъ приключаящихъ падений, елико по силѣ. Иже бо в коемъ отъ 3-хъ сихъ мимоутечеть, никтоже ползуетъ. Аще бо ни богатство приобрящетъ, не возможетъ убо развращатися в жити, ни же благодѣйствовати когдѣ. Аще убо богатъ будетъ, не добрѣ же житѣе растваряетъ, скорѣе убо нищимъ сый причастенъ будетъ; аще бо и малоястие творить, не пребывающу имъ нѣкому приложению, по малу все богатство его изнурится. <...>. Аще бо и богатство притяжится, и в худо будетъ попечение его <не отъ сихъ же подасться, идѣже подобаетъ> нищъ и имѣя таковое богатство во истинну вмѣняется и повиненъ есть всякой погибели. Якоже сопусы разсыпаются,^[5] егда же и в нихъ вода умножаема бываша и исхожению путь не обрящеть».

Сихъ слышавше отроки наказание и покоришася отеческому совѣту. И пръвѣй убо ихъ на куплю посланъ бысть, имѣяше же съ собою кола, двоими телци влекома. И приключися на пути в тинѣ единому отъ телець углубнути. На него же устремися купецъ вкупѣ съ своими, възведоша и отъ кала, и нужи ради, яже подъятъ влекоми, и изнемогъ и оставленъ бысть, ниякоже <...> могъ ходити. И недоумѣниемъ одержимъ бывъ, и тихо похотивъ семо и овамо, поле обрѣте травоносно и водно, в немъже *пребысть* питаяся. Немного еже *посредѣ*^[6] и зѣло отолстѣ и отучнѣ. Телець и нача ргѣма земля рыти и велми рыкати <...>.

Пребываша же близъ оного мѣста царь нѣкий Левъ. Бяху же у него животнии различнии родове: лвовѣ же и медвѣди, волци же и лисици, и инии друзи. Левъ же бѣ возносливъ и грѣдъ и скуденъ мудростию.

Слышав телчее рыкание и убояся зѣло; и не хотяще боязни свое явити сущим под нимъ, сего ради стояше на едином мѣсте, не проходя <...>. Бяху же тамо звѣря два: единъ убо Стефанитъ нарицаемый, другой же Ихнилат. Обои различнии мудроумнии обычаи,^[7] Ихнилать же лукавенъ быше нѣкако душею и много разумѣ вѣщем достизание <...>.

Онъ же рече Стефаниту: «Что се, друже, зрим Лва непреходна, яко леду померзѣшу, и по обычаю нѣкому же насиляюще?» Стефанит же рече: «Что тебѣ обещно таковымъ въпросомъ неподобнымъ? Ничтоже намъ прискорбно есть, ни тяготно, но вратомъ присѣдающие царя нашего, катадневную пищу^[8] приемлюще, но нѣсмы достойни о царехъ бесѣдовати, ниже о нихъ сматрѣти. Престани убо от таковыхъ и познай, яко всякъ <...> влагаяй себе в неподобнаа словеса и дѣла, постражетъ пификово.^[9]

Глаголетъ бо ся, яко пификъ нѣкий, видѣвъ древодѣля древо цѣпляща двѣма клинома, яко потреби ради нѣкыа древодѣлю отшедшу, уподобися пификъ древодѣлю и на древо всѣде и цѣпити е начинаше. Мудомъ же его въ древняя цѣпины вшедшимъ и клинъ невидѣниемъ извлекшу, *сѣключися* древо,^[10] и мудомъ его ятымъ бывшимъ. Малодушествоваше же пификъ, и древодѣлю дошедшу, и *мученъ бысть* велми». <...>

Ихнилатъ же рече: «Разумѣхъ, яже предложилъ еси. Но познай, яко всякъ, приближайся царю, не за ради житейскыа пища приступаетъ, но славы желаетъ, еже възвеселити други, враги же опечалити. Худыхъ бо мужи и нижнихъ любовно есть еже доволномъ быти, и еже обрящутъ, и обыкнути; зане и пес, кость обрѣтъ, гложетъ ю. <...> Высокоумный же мужъ не до нижнихъ стоитъ и худыхъ, но горняя ищетъ и достойнаа имъ гонитъ. Якоже и левъ, аще заеца дрѣжитъ и видитъ вѣлблюда, оставляетъ заеца и вѣлблюда гонитъ. Или нѣсть ли, яко песъ опашъ виетъ, дондеже пищу приметъ <...> великому же елѣфанду отвращающеся и не приемлющу пищу, едва укрощениемъ ядуща? <...> Аще бо великоумный мужъ и благоподателный не на дълго житие проводить, но дългоживотенъ вѣнчается, а иже житейскою тѣснотою живяй, не моги ни себе, ни иныа плѣзовати, маложивотенъ есть сый и страстенъ, поне аще и въ дълбоку достигнетъ старость». <...>

Стефанитъ же, въсприимъ, рече: «Разумѣхъ, яже глаголеши, но разсмотри, яко всякъ жало имать.^[11] И егда есть кто в равночестныхъ честенъ, достоинъ ему доволну быти о своемъ степени. Таки бо есмы и мы <...> и тѣмъ же лобзаемъ наше число». ^[12]

Ихнилат же рече: «Обще есть житейское достояние. И великоумный муж присно творить достояние своему въсхождению, скудоумный же присно сходить. Тяготно бо есть, еже от нижних горъ въскацати, удобно же от горних сходить, едва же въсходить. <...> Подобаает убо и нам горняя искати, елико по силѣ, и не точию о своем степени стояти, но и на другии преходити. Хощу бо Лвова сумнѣния присвоение обрѣсти, еже к нему бесѣдованием. Зрю бо его ужасна и всюду недоумѣющася вкупѣ съ своими воины и мню, яко получу достояние нѣкое от него».

Стефанит же рече: «Како разумѣль еси, яко Лев недоумѣет?» Ихнилат же рече: «Разумѣх моимъ помышлениемъ. <...> Разумный бо муж может разумѣти и ближняго своего помышления, смотря его по предложению и по образу». Стефанит же рече: «И како благодать възможеши обрѣсти от Лва, николиже царемъ поработав, ни художества имы бесѣдования их и наказованія?» Он же отвѣщавъ, рече: «Мудроумный мужъ вѣсть ходити, в немже и искушения не имать <...> безумный же, в немже ся есть научилъ, и в том погрѣшаетъ». Стефанит же рече: «Царь не обыклъ есть бльша приимати что от себе, но ближняго прочим. Подобит бо ся *лозѣ*,[\[13\]](#) та бо не бльшим древесем, но ближним приплетається. Како убо възможеши присвоитися Лвови, не сый с ним?» <...>

Ихнилат же: «Разумѣх, елика глаголеши, и истинна суть. Но знай дружины наша, яко не бяху прежде таковыи, но взидоша от нижних. Хощу убо и азъ таковым начати. <...>

Глаголет бо ся, яко отрок нѣкий,[\[14\]](#) присѣдя царскимъ вратом, грѣдость отложив и ярость умякчив, и досаждение трѣпя, и всѣм покоряся, скорѣе убо къ цареви присвоитися. Тако и аз, егда приближуся къ цареви и разумѣю обычаи его и нравы его и угода ему хитростью о всем, и мнит ми ся, яко таковым образом възлюбит мя Лев и болша от иных покажет мя. Мудрый бо муж и разумный может истинну приложити и лжу составити, якоже изрядный писецъ презнаменаєт истинну и влагаетъ бесѣды нѣкыя приличны времени». Стефанит же рече: «Аще таковая совѣтуеши, не подобаєт ти еже у царя присвоение. <...> Писано бо есть, яко никтоже от мудроумныхъ дрѣзает на три сѣи вещи, аще ли дрѣзаетъ, едва от них спасетсѣя: сирѣчь еже къ царемъ приближение, и еже яд пити за искушение, и еже вѣвѣрити женам тайны. Подобенъ есть царь горѣ бреговитѣй, едва преходнѣй и всякими овощми и водами умножаему; на ню же въсхождение удобно и пребывание бѣдно».[\[15\]](#)

Ихнилат же рече: «Истинну рекль еси. Но иже на бѣды не дрѣзает не получаетъ желаніе, ниже всякоа вещи бояся, *бесчестен* от всѣхъ

пребывает. <...> Глаголетъ бо ся, <...> яко три сиа вещи никтоже от страшливых любит, сирѣчь царьскаа служения, и морьское плавание, и скорое къ врагом противление. Двѣ бо мѣсте отлучишася великоумному мужу: царстии двори и еже в пустыни от пустыник пребывание, якоже и елефанду — пустыни же и царстии двори». <...> Стефанит же рече: «Не престати о сих. Но поиди и твори, яще хоцещи».

Ихнилат же шед ко Лву и поклонися ему. Он же въпроси его: «Гдѣ пребыл еси толико врѣмя?» Ихнилат же рече: «Неотступно присѣдя царьским вратом, надѣявся потребенъ быти в нѣкоей работѣ царству ти. Знаю бо, яко многажды в нѣких вещех потребни бывають и худии мужие, множицею и въ великих потребах ползуют. Якоже древо повержено на земли потребно есть нѣкогда к чесанию уху». Якоже убо услыша Левъ таковаа словеса <...> и рек своим: «Си благоразумный и словесный муж многажды *не познавается* до бесѣдования его, якоже сокровенный огонь в терние, егда въ свет изыдетъ, въздушный пламень творит».

Якоже разумѣ Ихнилат, яко угоденъ явися Лвови, и рече: «О царю, подобает рабом царевом бесѣдовати ему вся подобнаа и полезнаа, и потом въсприимати от него достоинаа вся почести. Якоже бо различнаа сѣмена, в земли лежащие, не познаваются, какова суть, аще не от земля въсияют, <...> тако и всяк челоуѣкъ от своих словес познавается. Подобает убо цареви ниже главныа красоты примѣшати к ногама, ниже ножныа къ главѣ. И иже камене честное и бисеръ со оловом соплетѣа, себе паче бесчестит, нежели бисер. Подобает убо князем разсматрѣти сущих под ним, воеводе же воины, царю же словесныа мужа и мудрыа. Не множеством во владѣльци исправляють начинанья своа, но изрядным совѣтом. <...> Достоит убо владыкамъ не презирати меньших, яже под ним: малии убо и не малии, егда въ великих ползуют. Подобаетъ убо властелину не точию добродѣтели и явленыа почитати, но достойно и словесныа мужа, и не точию о своих людех доволну быти, но и издалеча призывати. Нѣсть бо никомуже ближнейше, точию свое тѣло <...> и егда время призоветъ и сие презирати, но егда болѣзнь приключиться ему, далече на врачеванѣа ищет. <...> И мышев бо множицею в домовех царских суть, но непотребни пребывают, аще и близ суть; птици же, нарицаемии фалкон,[\[16\]](#) аще дивии есть, но за потребы своа призываються и приемлются и на царских руках сѣдят».

Сия словеса слышав, Левъ ужасенъ бывъ и глагола ко околником своим: «Не подобает властелину презирати разумныа мужа, аще от долныа части суть, но коемуждо по достоаию даяти, аще и нѣции *негодуют*». <...>

Видѣ убо Ихнилат Лвово еже к нему любезное усердие, бесѣдова ему наединѣ, глаголя: <...> «Что се, о царю, иже въ мнозѣ времени пребысть непоколѣбим и не преходя на мѣсто ино?» Съвѣтова убо Левъ сумнѣние свое утаити ему, [\[17\]](#) сприклячися ему, дондеже бесѣдоваху, рыкание Телчье и пристрашенъ былъ зѣло, рече: «Боюсь от сего звѣри: да не противу гласу и тѣло его будетъ, а противу тѣлу и сила, а противу силе мудрость? Тѣмъ же еще таковъ будетъ, бѣжимъ отсуду». Ихнилат же, восприемъ, рече: «Не бойся, о царю: излихъ гласы праздны бо суть, еще и велми слышатся.

Глаголетъ бо ся, яко лисица нѣкаа, алчющи и пища ищущи, и приключися ей вещь нѣкаа обрѣсти — тимпан, зовомый *бубень*, на древѣ висящъ и вѣтромъ колѣблемъ, глас испущати. Си же видѣвши лисица и убоавшися приблизитися, тимпанову видѣнью дивящися, ово же и гласнаго величия боащися <...> обаче голодомъ и желаниемъ побѣждена бывши, всю силу свою подвижни, и растрѣза его и, празно видѣвши, рече: “Оле, како худѣйшаа телеса величайша и гласна являются!” <...> Тако бо и мы нынѣ, о царю, стражемъ, такового звѣря гласомъ прельщаеми. Еще хочещи, поиду к нему и вижу, каковъ есть, скорѣ възращуся к тебѣ?» <...> Посла его Левъ, зане угодно явился ему слово. Оному же отшедшу, много раскаяся Лев о послании его и в себѣ помышляше, глаголя: «Что се створихъ, еже и къ Хнилату своа словеса вѣвѣрихъ? <...> Не подобаетъ властелину вѣвѣрити своа словеса и своа тайны, емуже есть когда презрѣние створилъ или емуже богатство отъятъ и славу, или несыту мужу и лукаву, и прочимъ таковымъ. Ибо Ихнилатъ испрѣва мудрѣйши сый, предъ моими враты поверженъ бысть, и сего ради невѣрно работаетъ ми. Или обрѣтъ велегласнаго сего звѣря болша онемъ силою, к нему присвоитися и възвѣститъ неможения моа». Сия и таковая помышляюще Лву, и се явился единъ Ихнилатъ грядый. Яко видѣ его Левъ и радостенъ бысть, рече к нему: «Что сътворилъ еси?» <...> Онъ же рече: «Видѣхъ велегласнаго сего звѣря, и Телецъ есть. И приблизихся ему и бѣсѣдовахъ, и ни едино врежение ми бысть отъ него». Левъ же рече: «Да не мниши, яко немощенъ есть, зане тебе ничимъ же повредилъ есть Телецъ. Великийъ бо вѣтръ и буря малаа дрѣвеса не повреждаетъ, высокая же, словивъ, искореневаетъ». <...>

Ихнилатъ же рече: «Да ти ся не мнитъ, о царю, яко таковое животное сильнейше есть. Еще хочещи представлю его предъ тобою и в послушании твоёмъ будетъ и подъ областію». Възвесели же ся Левъ, повелѣ сътворити ему обѣщанное. <...>

Онъ же шедъ къ Телцу, дрѣзостнѣ рече к нему: «Левъ мя посла к тебѣ повести тя к нему. И еще потщиси поити к нему, простыню получиши, зане доселѣ укоснѣлъ еси стрѣсти его, якоже и вси. Еще ли же не ускориши, скажу ему, яже о тебѣ». Телецъ же рече: «И кто есть Левъ, пославый тя ко мнѣ, и гдѣ пребываетъ?» Ихнилатъ же рече: «Царь

есть звѣрем и на сем мѣсте пребывает со всѣми воиньствы своими, идѣже аще ти покажу. Тѣм же послѣдствуй ми». Телець же послѣдова ему до Лва, убоявся. И се видѣ его Левъ, якоже слыша по гласу и тѣло, прият его усердно, и въпрашаа его о всем. Он же възвѣсти ему вся, яже о себѣ. И обѣщася ему Лев о всем и въ все благо, и наложи на него всяку область и паче всѣх почте и. <...>

Ихниллат же, се видѣвъ, позавидѣ ему. И не могый терпѣти завистью, объяви другу своему Стефаниту и рече: «Не дивиши ли ся, еже съдѣях на себе — полезнаа бо Лвови съврѣших, а себе улиших? И приведох ему Телца, и бысть мнѣ изящен почестию». Стефанит же рече: «Что хощещи сътворити?» <...> Он же рече: «Хощу убо на первое достоание дойти и настати. Подобае бо мудрому 3 сиа вещи дрѣжати: прѣвое, убо пострада добра же и зла, разсматряти, яже суть повинна — *добрым да гонит*, злая же отбѣгати, таже настоащая *добраа* или злаа разсматряти, что хошет потом быти. Смыслих убо и азъ на прѣвое свое достоание дойти и настати. Но не обрѣтох подобна пути такова, точию Телца убити: се бо мнѣ полезно есть, обаче же и Лвови». <...>

Стефанит же рече: «Се видѣхом никое зло, прибывающе от Телчияго присвоения». Он же рече: «Левъ всѣ его есть, о прочих не радить. *Шестми бо* вещми царь небрегом есть и ниизлагается: еже не искати полезнаа времени, но лютостью умякчатися; а идѣже подобает кротѣти, ту сверѣпети; и еже не имѣти разумныа и вѣрныа своа совѣтники; и еже страшити и крамолити своа люди; и еже побѣжену быти в безсловесных похотех; и побѣжену быти яростью, — к сим же разсматряти временнаа приложения».

Стефанит же рече: «И како възможещи повредити Лва, много суща от тебе силнѣйша, многыа другы имуща и послушники?»

Ихниллат же рече: «Не взираи на мое неможение и смирение: <...> мнози бо от сильных немощными побѣдишася. <...>

Глаголетъ бо ся, яко вранъ нѣкый вѣгнѣждашеся в нѣкоем дрѣвѣ в горѣ и от нѣкоего змиа на всяко время обидим бываше и птенца его снѣдаше. Яко убо множицею таковаа змию творяща. И шед вранъ к нѣкому другу своему звѣрю^[18] и рече: “Хощу тебе совѣтника сътворити: вѣси бо, каковая стражу от змиа. И мнит ми ся полезно быти мнѣ приблизитися ему спящу и очи его извертѣти”. Звѣр же рече: “Не добрѣ совѣтовал еси. Но промысли хитрость ину, еюже оного погубиши, ты же невредим пребудеши. Да не подобна пострадаеши жеравѣв”.^[19]

Глаголетъ бо ся, яко жерав нѣкий, при блатѣ пребывая исполнену рыб и от них питаяся, състарѣвся и на лов не може подвизатися. <...> И гладом одрѣжим, достужи си. И поиде в нѣкую гору, и въсходя обрѣте ежа въ своей скрѣби.[\[20\]](#) И еж же рече: “Почто печален еси и скорбенъ?” Он же, въсприем, рече: “И како не скорбя?[\[21\]](#) Прѣвое пребывах при блатѣ нѣкоем и от рыб его питаяхся, многим и обильным сущим. Днесъ же узрѣх два рыбаля приходяща на мѣсто то <...> и друг другу бесѣдующе, како вся ту сущаа рыбы изловят”. И еж же, се слышавъ от жерава, приде къ рыбама и повѣда им, яже слыша. Они же, шедше к жераву, рѣша: “Нынѣ хотим совѣтника сотворити тя. Услышахом бо, яко рыбаля нѣции хотяху изловити нас”. Жерав же рече: “Ни едино предлежит художство, точию еже преити от сего мѣста во ино мѣсто пресѣнно и водно”. Рыбы убо рекоша: “Пренеси убо ты нас на таковое мѣсто, идѣже доволну пищу обрѣтше, избавитися подлежащаа бѣды”. <...> Он же рече: “Боюся, да не прежде предложения вашего доидут рыбаля. Обаче елико ми есть мощно, се сотворю”. И начат с таковою притчею преносити по малу рыбы в нѣкой горный берегъ и тамо ядяхе их, другим рыбам мнящим, яко в порученное мѣсто преносить их. Въ един убо от дни умоли и еж жерава пренести того, якоже и рыбы. Приим его жерав и отнесе его на гору, идѣже и рыбы снѣдаше, и совѣтоваше и того снѣсти. <...> Видѣвъ же ежъ кости рыбныя, тамо лежащаа, и разумѣ леств, и в себѣ помышляше, яко: “Нужно смертен буду, аще противяся жераву или аще покоряся. Нынѣ смыслих, да не бесчестную смерть постражу: но или добрѣ жити ми, или добрѣ умрети, тако благоумному подобаетъ”. И напрасно обзинув устнами жерававу шию и нужно его удави.

Сего ради таковаа сказах ти, о вранѣ, яко да увѣси, яко враждующе нѣции нѣкия своими сѣтми яти бывают. Но подобает ти тако змиеву погыбель помыслити, яко да того погубиши, а сам без вреда пребудеши: и смотри долу женѣския красоты честнѣйшия и похоти ю, и, отнесъ в гнездѣ змиевѣ положи ю. Его же ради по ней послѣдствуют нѣции, и обрѣтше змиа, и убьют его. Еже и бысть. Тако бо сотвори вран и избавлен бысть от змиа».

Рече же Ихниллат Стефаниту: «Сиа ти сказах, да разумѣеши, яко мудрость есть болши крѣпости» <...>

Стефанит же рече: «Аще не бы противу мужеству мудрѣ, оставил убо бых тебѣ таковаа бесѣдовати, но вкупѣ съ храбростью и разумен есть». Ихниллат же рече: «Истинну реклъ еси, яко таков есть. Но имам его ниизложити по искушению. Дрѣзаю бо и вѣруу многим вещем еже быша въ многих. Ибо заецъ лва ниизложил есть.

Глаголетъ бо ся, яко левъ нѣкий обиташе травоносно поле и водоносно, в нем же родове звѣремъ различни пребываху и обилно от оного поля насыщавше и веселяхуся. Точию же от страха лвова ужасаеми, совѣт съвѣщавше, приидоша ко лву, ркуще ему: “Совѣщавом вси вкупѣ, о царю, яко да тебе трудов избавим и болѣзней, себѣ же самѣм безпечалие сотворим. Ты убо со многым трудом и потом единого ловиши от нас на коиждо день, мы же паки, боящеся твоего лова, трепетни пребываем. Достойт убо нам, яко на всяк день украшаемъ твоа трапезы кромѣ трудов”. Еже угодно явися лвови. И проводиши дни многи, жребиа творяще другъ къ другу: и на каждо их жребий бяше, посылаху его къ лву. И якоже жребий доиде до зайца, и рече к ловцем. [22] “Аще послушаете мене, о ловци, избавлю вас от тяготы сеа, яже стражемъ”. Они же рѣша: “Еже хочещи, сотворимъ”. “Рцѣте к ведущему мя нескоро вести мя к нему. Егда близ будет, да скрываются, аз же да отвѣщевау”. Они же тако сотвориша. И шед заецъ медленно ходом, якоже лву разъярится голодом, и яко явися заецъ единъ, и глагола к нему: “Почто доселѣ укоснѣл еси, а не яко и прочии скоро пришел еси?” Онъ же рече: “Заеца друга своего влечах к тебѣ, и нѣкий левъ стрѣте мя и похоти его. Много же ему пригласих и засвидѣтельствовах, яко лвовъ есть, и не послушав мя. <...> Аще убо хочещи, веду тя к нему”. Лев же разъярився, рече заecu: “Послѣдую ти, гдѣ есть”. И поведе его заецъ в нѣкий кладенецъ глубок зѣло, и створи его приникнути, яко да лва оного видит. И приличе с ним и заецъ, и рече: “Видиши ли лва, иже похыти твоего заеца? И сей заецъ у него есть”. И показа ему свою сѣнь въ водѣ и лвову. Иже видѣвъ левъ и мнѣвъ, яко тако есть, въверже себе въ кладенецъ и удавился».

Стефанит же рече: «Аще разумѣеши, яко неприятель Лву Телець, и можеши погубити его, дѣло начни». Онъ же рече. «Ибо ты и аз [23] и инии мнози от нас презрѣни быша Телчияго ради присвоения. Аще ли се не можеши сотворити, отчасти такового начинания, препинание бо се есть и преступление». <...>

Таже единою от дни вниде Ихнилат ко Лву скорби исполненъ. И въпроси его Левъ о скорби, и рече: «Егда нѣчто ново приключися?» <...>

«Приключися вещь нѣкаа неполезна тебѣ же и мнѣ. Но егда бесѣдуютъ кто и разумѣет, яко бесѣды его не угодно суть слушающему, к тому же, еже глаголати не смѣет, аще и за ползу будет слушающаго, аще же познает, яко приятна суть словеса его, тогда благоразумнѣ и усрѣдно бесѣдует. Увидѣвъ убо тебе, о царю, разумом и мудростію украшена, и дрѣзах, еже бесѣдовати царству ти, о нихже слышати не хочещи. Добрѣ бо знаеши извѣстнаа истинаа работа моа и надѣюся, яко

истинна явит ти ся глаголи мои. Наша бо душа по тебѣ суть до смерти, и нужно ми есть полезная и удобная не утаити тебе. Не подабаеь бо ни рабу от своего господина утаити, ни болящему от врача достоин болѣзнь свою скрыти, ни убогому нищету свою пред други своими прикрыти. Увидѣх бо от нѣкоего достоинствѣна, яко Телець к боляром твоим бесѣдова им и рече им: “Искусих Лва и разумѣх извѣстно мужество его и разум и обрѣтох его въ всих неполезна”. И от таковых словес, о царю, познах безстудье его и препинание: како толико превознеслъ еси его паче всѣх и равночестна ся того себѣ сотворил еси, тѣмже не токмо же се, но и на убѣение твое уготовися, и сему непрестанно поучается и помыслил есть твою похитити власть. И подобаеь царемъ, егда каковаго когда исправят кого, смертию его прежде ниизлагати, дондеже хотѣние свое не свършитъ. Сему же бывшу, вси в тишинѣ пребудем. Довольнии бо мудростию человекѣи всяким образом тѣшатся не впаднути въ злая падения, а меньшии разумом и страшливии впадаютъ убо когда, промышляют же свое избавление, а иже до конца неполезни мудростию, аще и впаднут, никогда же избавления обрящут. И се подобно есть трем рыбам.

Глаголетъ бо ся, яко в нѣкоем блатѣ близ рѣкы три пребываху рыбы. От них же едина бо бѣше мудрѣйши, другая же маломудра, третья же никакоже. <...> И приключи же ся нѣкая вещь в нѣкий день мимоити два рыбаля при таковѣм блатци, совѣщаща другъ къ другу, яко егда възратятся, уловят рыбы оны. Мудрѣйшая убо рыба, егда услыша таковое слово, избѣже из блата и поиде к рецѣ, а прочии двѣ рыбы, нерадивѣше о своем спасении, остаща въ блатѣ. Рыбари убо, дошедше, заградиша блато от рѣкы со утврѣжениемъ. Еже видѣвши, средоумная рыба раскаяся, како прежде не избѣже, и рече к себѣ: “Такова есть нерадящихся кончина! Которая убо хитрость моему спасению? Но аще и будет всеу потщася, обаче елико мощно ми есть, да хитрствую о своем спасении полезная”. Таже створи себе и мертву, и та мертвая рыба по водѣ носима бѣше. Ей же вѣровавше, рыба, своими руками явше у, и положиша посреде блата и рѣкы. Абие скочивше рыба она в рѣку спасена бысть. Безумная же рыба, бѣгавши много сѣмо и овамо, нужно уловлена бысть» <...>.

Левъ же рече: «Разумѣх притчу твою, но мнит ми ся, яко нѣсть лъсти никоеа въ Телци, зане никое зло пострадал есть от мене». Хнилат же рече: «Зане нѣсть никое зло от тебе, того дѣля на тя толико лукавствует. [\[24\]](#) Толико бо его възнеслъ еси, яко ни на един степень взирати, точию на твой. Истовный бо муж смирение показывает, дондеже и санъ нѣкий достигнет, емуже нѣсть достоинъ, и егда достигнет, мыслит и на другой санъ с лестию преидти. И за ничто ино работает царю, точию еже получить истинное желание. И твориться кроток, дондеже достигнет упование, и, егда получит, паки лукавый свой обычай обращается. Якоже и песия опашь естествомъ крива сущи и неисправлена, егда же ужем свяжется и протягнется, тогда права, и егда развязана, абие крива сущи и развращена по своему обычаю

бывает. Сия разумѣй, о царю, яко не приемля от своих приятель словеса приятелна, подобно есть болному мужу, иже врачевнаа былиа полезнаа горчины ради отвращающася и не хотяща пити, но преслушающа врача. Глаголетъ бо ся, яко болши есть по огню и по змиям ходити, нежели жити съ злосѣвѣтными мужми».

Левъ же рече: «Благоумне глаголеши, аще и сверѣпе. Но убо вмѣним Телца, яко врагъ мой есть, не возможетъ бо повредить мя, траву бо ясть, а не мяса. Паче аз, кровядецъ сый, того быхъ снѣлъ».

И псира кориды и пилое.[\[25\]](#) Ихнилъ же рече: «Да ся не прельстиши таковымъ помысломъ. Глаголетъ бо ся, яко аще кто тя учредитъ, не вѣври ему своа тайны, дондеже видиши вѣру его и друголюбие, да не подобно постражеши, еже и вошка.[\[26\]](#)

Вошка нѣкаа у нѣкоего велможи в тѣлѣ в мало время крѣпшася, питающися крови его и тихо ползаущи, невѣдома бѣше. Въ едину же отъ ноци приде гостия ея блоха, яже напрасно и безъ разума уязви спяща мужа и пробуди его. И въскорѣ вставъ съ постеля своа и взискавъ, обрѣте вошку и уби ю. Блоха же, отскочивъ, спасеся. Аще убо ты не убоишися Телца, но егда встанутъ на тя, иже суть у тебя, тогда убоишися».

Левъ же, таковымъ словесемъ вѣровавъ, рече: «Что подобаетъ о сихъ творити?» Хнилъ же, въсприимъ, рече: «Гнилыи зубъ инако не исцѣлѣетъ, точию да извлечется, и злаго ястия ядъ блеваниемъ отгонится». Левъ же рече: «Отселе да реку ему, да идетъ, а може хощетъ. И тако избавлюся поношения и печали, ничтоже зла въздавъ ему противъ службъ и любве его, якоже мнѣ показа». Ихнилъ же рече, знаяше бо добръ, яко, аще побѣсѣдуетъ Телець со Львомъ, уразумѣетъ лѣсть его, того ради рече ко Льву: «Мнитъ ми ся, яко бесполезно тако быти. Аще бо разумѣетъ Телець, яко ненавидимъ есть отъ тебе, на противление и на брань оплѣчится. Мудрии бо царие явѣ мучатъ *явѣ согрѣшающаго*,[\[27\]](#) тайно мучити тайно согрѣшающаго». Левъ же рече: «Егда по навадѣ царь нанесетъ нѣкому муку, а не со истинною и судомъ, себе паче бесчеститъ зѣло, и срамъ великий[\[28\]](#) отъ людий сихъ ради будетъ ему». Инилъ же рече: «Егда придетъ къ тебѣ Телець, готовъ буди и разсматрай: прѣвѣ у очию разумѣеши, яко совѣтникъ есть. Узриши бо измѣнение лица его и трепетъ удовъ его, и на десно и на лѣво колебѣющася, и роуама зѣло бости хотяща». <...> Левъ же рече: «Аще таковаа знаменія вижу на немъ, вѣрую глаголомъ твоимъ».

Въсхотѣ Ихнилат ити таи к Телцу и въздвигнути его на Лва. Но смыслив, яко аще бес повелѣния Лвова бесѣдуеть с Телцем, и уразумѣет леств, Ихнилат же рече: «Аще повелиши ми, о царю, поиду к Телцу и видя его совѣсть, [29] и не утаиться съвѣтъ его от бесѣды его». И повелѣ ему Лев поити. Вшед же Ихнилат к Телцу и вниде к нему, дряхлѣ и скръби исполненѣ. Телець же с радостию примѣ его и о коснѣнии въспроси его, глаголя: «Что бысть вина, еже не приходиши к нам?» Ихнилат же рече: «И кое добро есть, еже не владѣти собою и ходити после господина неистинна и нетверда въ вѣре!» Телець же рече: «Егда приключися вещь нѣкаа нова?» Ихнилат же рече: «И кто может отрѣчи убѣжати? Или кто царемъ работая или приступая без вреда будет? Подобни бо суть владающии дурным блудным женам, иже многим мужем примѣшаються. Или егда учаться дѣти писменем и приходят и отходят присно, друг друга варяючи. Не веси ли убо дружбу и любовь нашу, яже имѣхом посредѣ нас? И како бых азъ повиненъ тебѣ, зане ты ко Лву приведох, того ради хошу благоразумнѣ бесѣдовати ти. Рече бо нынѣ от вѣрных ми истинных, яко Левъ бесѣдоваше къ своим си, яко: “Хошу Телца снѣсти, одебелѣ бо и отольстѣ”. И сих слышав, придох сказати тебѣ, яко да промыслиши о себѣ».

Яко бы слыша *Телець* таковаа словеса, изоумѣвся и смысли на длѣзѣ, и рече: «Что зло сотворих Лву или боляром его, яко да таковаа смыслять о мнѣ? Но иже около его позавидѣша ми и нѣчто ложно изрекоша на мя. Лукавии убо и завистливи мужие никогда убо добра за добрых бесѣдуютъ». <...>

Ихнилат же, въсприим, рече: «Нѣсть ти ни от когоже вина, точию от Лва, присно бо той есть нелюбовенъ и нетвердъ въ вѣре, и неразумливъ: первѣе сладокъ, а потом горек». Телець же рече: «Добрѣ реклѣ еси. Вкусих бо сладости его прѣвѣе и доспѣх нынѣ до горкаго яда. Ибо не подобает ми быти со Лвом, симъ кровоядцем, травоядецъ сый яз. Несытый мой обычай таковому мя падению приплете. Подобно пострадах безумным пчелам: им же добро мнится сѣсти на нимфеевъ цвѣт, и не встають, дондеже листовие, собравшеся, удавит их. Иже нѣсть достоинъ о малѣ имании, но простираа очи свои на многаа и далечнаа, и не промышляет о предних и задних, постражет, яко и мухи: тѣм бо не доволно есть лѣтати по цвѣтох и по древесѣх, но множицею во уши елефандовы влетѣвше, удушены бывають». Хнилат же рече: «Остави многаа и нынѣшня смятрай. Изообрящи совѣтъ, да избавишия от смерти».

Телець же рече: «Вѣм, яко Лвово помышление благо есть, но околнии его, лукавни суще, развлекают его. И таковое творяще соборище, аще и немощни суть, творят и неповиннаго погибнути, якоже волкъ и лисица и гавран сотвориша лву.

Глаголетъ бо ся, яко лев нѣкий пребываше в нѣкоем мѣсте, идѣже быше путь нѣкий близ. Бяху же тамо три животнаа, любяще друг друга: волкъ и лисица и гавранъ. Купци же нѣции, мимошедше путем мимо пути оного, оставиша велблуда на пути и отъидоша. Велблюд же пришед ко лву, сказа ему, яже о себе. Лев же рече к нему: “Аще любиши со мною жити, отпускаю тя, и пребудеши у мене в беспечалии и обилии и покои во вся дни живота твоего”. И пребысть тамо немало днии велблюд. И единою от дни изыде лев на лов, и стрѣтесе съ елефандом. И сразившесе, побѣжден бысть левъ, и едва възратися ранен и острупленъ и окровавлен. И леже болѣзнию отяготен, ниже ловити уже могый, ни на ловъ поити. Оскудѣша бо пища, и не имяху околнѣти его, что ясти. И разумѣ о сем левъ, и рече им, яко: “Мнит ми ся, бѣжати хотите от мене”. “Мы о себѣ попечися имамы и сыти быти, но о тебѣ скръбим. И аще быхом могли тебѣ плъзу обрѣсти нѣкую, со усрѣдием содѣяли быхом”. Он же рече: “Не утай ми ся ваше усрѣдие. Но разыдѣтесе отсуду, яко да обрящете пищу себѣ же и мнѣ”. Они же шедше близ нѣгдѣ, совѣщаху друг къ другу, глаголюще: “Что нам обещано с вельблюдом симъ, травоядцемъ инородным? Но аще годѣ, да сотворим лва снѣсти его”. Лисица же рече: “Се не мощно намъ изрещи къ лву о сем явѣ, зане обѣщанье иматъ любезна к нему лев”. Гавран же рече: “Будите здѣ на мѣсте сем и оставите мене одинаго поити къ лву”. И тако бо поиде. Яко видѣ его левъ и рече к нему: “Что пришел еси? Еда нѣчто приключися?” Он же рече: “Како нам хочетъ добро быти со иноплеменнымъ сим вельблюдом? Но аще хочещи, слушай нас”. Лев же прогнѣвався и рече: “Оле, дрѣзости и сверѣпства! Не веси ли, яко обѣщанья любезна и согласиа к нему сотворих? Не подобаше ти ко мнѣ таковыа бесѣды глаголати, не подобаше мнѣ се сотворити”. <..> Гавран же рече: “Добрѣ судилъ еси, о царю. Но одина душа за всего дома предається, и дом *о градѣ*, и град о всей странѣ, и страна вся о цари. И мы нынѣ о тебѣ стражемъ и скръбимъ о лишении брашен, и не обращемъ ти плъзы, да избудеши поношения”. И сия рекъ, възратися къ своему и дружинѣ, и сказа им, елика слыша от лва и елика к нему бесѣдова. Они же смыслиша вещь таковую, яко вси вкупѣ приступятъ ко лву и кождо себе дати лвови въ снѣдение. И егда един о себѣ речетъ, тогда другъ да отвѣщаетъ: “Нѣси потребенъ”, дондеже слово и до велблуда доидет. Се смыслиша и придоша ко лву, имуще съ собою и велблюда. Прѣвѣ убо гавран рече: “Зрю тя, о царю, зѣло немощию отяготена и насытиемъ посрамлена. И много быша благодѣяния твоя на мнѣ, но не имамъ что принести ти, точию себе. Си прочее без омышления снѣжъ мя”. Они же рѣша: “Престани блядити, малъ бо еси тѣломъ и худъ”. Лисица же рече: “Да азъ убо, о царю, доволнаа пища будетъ ти днесъ”. Волкъ же рече: “Пристани и ты, смрадно бо есть твое тѣло и на пищу непотребно. Паче азъ на пищу угоденъ есмь и готовъ и усрѣденъ”. Гавран же и лисица вкупѣ отвѣщеваху: “Иже нѣсть вкусилъ песья мяса твоя, да вкуситъ, и в недугъ впасти иматъ чревный”. Мняшесе бо и велблюдъ, яко и о немъ имутъ отложити, и рече: “Аще и вси непотребни суть, но и азъ плоти многи имамъ и на пищу сладокъ есмь”. Они же вкупѣ велми рекоша: “Истинну реклъ еси, о вельблуде!” И нападше на нь растрѣгоша и напрасно.

Боюся убо, да не и азъ тако же постражу от слуг Лвовых. Аще бо и Лев моеа погыбели не хочет, но околнии его поучают его на таковое дѣло. Капля бо часто каплуши измывает камень. Тѣм же *уготовлюся* на противление его. Нѣсть бо такова плъза и похвала ни постнику, ни милостиву, ни молящемуся, елика есть тому, еже избавити себе от смерти, аще и на единъ час». <...>

Ихнилат рече: «Не подобаетъ никому о своемъ спасении не радати, но прежде хитрити и потом въ брань уготовитися. Мудрый бо муж не покоряться, дондеже ниизложит их.^[30] Послушай убо мене, полезная ти бесѣдую. Иже убо от друга своего не приемля приятелна словеса, постражет, яко и желва.

Глаголетъ бо ся, яко в нѣкоем источницѣ пребываху два норца и желва, и любяху друг друга. Нѣкогда же по днех мнозѣх оскудѣ вода от источника. И достуживше си норци, восхотѣша бѣжати от мѣста оного. И рече им желва: “Вам убо нѣсть печали о оскудѣнии воды. Вѣм бо, яко лѣтающе крылы своими обрѣсти имате воду. <...> Но мнѣ, оканнѣй, горѣ! Камо заплзѣти или гдѣ? Молю вы ся убо, возьмите и мене съ собою и принесите аможе хотите”. Норци же рекоша: “Аще не прежде общаешися намъ, яко да не проглаголеши, дондеже отнесем тя, не имаша поити с нами”. Она же съ клятвою общася им не проглаголати на пути. И взявше норци древо право, повелѣша ей древо ухапати в половине. И егда ухапа желва древо, тогда норци краа древу взявше, въздвигоша на въздух съ собою и желву. Случи же ся нѣкимъ человекомъ путем онѣм мимоити <...> възрѣша горѣ и видѣша желву между норець висящу, удивишася, глаголюще: “Видѣти чюдо и знаменье, желва бо посреде двюю норець на въздухъ летит”. Желва же, слышавши се, отврѣзе уста своа проглаголати противу бесѣде имъ, и тако отврѣзши уста своа проглаголати, паде на землю и сокрушися. Тако збудется, иже не съврѣшаетъ общание».

Телець же рече: «Не тако безстудно начну о Лвовѣ погыбели». Ихнилат же рече: «Аще видиши на Лвѣ знамение таково, вѣруй моимъ словесем: сирѣчь очи дивнии кровавыи, устрѣмление неодрѣженно и колѣбание часто опаши его, тогда разумѣй, яко на тя готовится».

Таже вниде Телецъ ко Лву, видѣвъ его измѣнена образомъ и знамениа вся, яже рече ему Ихнилат показующа, и ярости наполнився и рече: «Болши есть въ гнѣздѣ змиевъ пребывати, нежели у царя». И сия рекъ, на противление Лву ста. Видѣвъ же Левъ таковая, приплетеса с нимъ на брань.

Бяше же тамо Стефанит; призва своего друга Ихнилата и рече: «Виждь и лествь, юже еси сшил, и кончину сматрай. Лва бо посрамил еси и Телца погубил еси. Не вѣси ли, яко мудрый прѣвосовѣтникъ царевъ не оставляетъ его на брань устремитися, аще миромъ мощно есть уткменение быти, аще и врази немощни будутъ? Мудрость бо многосилныя побѣждаетъ. Азъ же отнелиже видѣхъ твою гордость и лакомство и разумомъ познахъ, яко не имаша добро сотворити. Ничтоже бо ино не погубляетъ владальца, точию же приимати словеса отъ таковыхъ, якоже еси ты. <...> Украшаетъ словеса разумомъ, а разумъ правдою, подавание — тихость, благозрачье образа — душевнаа красота, богатство же — и милостыни, еже къ требующимъ, а животу — здравие и веселие. Разумѣй о сихъ, яко разумомъ бодръ есть мудрый, и упивается неразумиємъ безумный. Тако бо стражутъ и лиинаковии очи,[\[31\]](#) зане праздныи не могутъ видѣти, того ради внощи лѣтаютъ. Всякъ бо царь, иже таковы рабы иматъ, подобенъ есть водѣ чистѣ и краснѣ, испльненѣ же внутрьъ ядовитыхъ звѣрей,[\[32\]](#) и еже водѣ не смѣетъ приблизитися, аще и зѣло безводиємъ опалается. Ты бо никогоже въсхотѣлъ еси присвоитися, паче тебе у Лва. Но царство съ множествомъ люди *состоится*, якоже море со своими волнами, и тако бо страшно плавающимъ является. Безумно бо есть, еже временно любити кого, и радоватися погибели дружнѣй, а себѣ плъзы искати. Совѣта блага ничтоже крѣпчайши, и дѣла прогадлива ничтоже пакостнѣйши. Къ симъ же вѣмъ, яко зане ты таковая бесѣдую и поучаю тя, тяжекъ ти являюся. Рече бо отъ мудрыхъ: не обличай безумна, да не возненавидитъ тебе.[\[33\]](#)

Глаголетъ бо ся, яко нѣции пифици в нѣкоей горѣ пребываху в зимно время престуденно и обрѣтоша[\[34\]](#) ту сокровище злата, яко отшедъ оттуду, сокрыша в земли и совѣщаша совѣтъ: “Елико есть требѣ, возмемъ отъ злата, а прочее в земли да скроемъ. И егда потребуемъ, да вземлемъ по малу, дондеже все изнуримъ”. И симъ образомъ дружба ихъ на дѣло врѣмя пребысть, вѣрова бо препростый лукавому оному. И погребоша злато оно поддревомъ нѣкимъ, велиимъ дубомъ, и съкрывше възвратишася въ своя. По нѣкихъ же днехъ изыде таи лукавый и прекраде злато все. И по времени нѣкоемъ рече препростый лукавому: “Поидемъ, аще ти есть годѣ, и возмемъ нѣкую часть отъ злата, еже имамы в земли”. И шедше и землю раскопавше, ничтоже обрѣтоша. Начатъ убо лукавый власы своа тръзати и пръси своа бити и въпити на препростаго, яко: “Съкровище украл еси”. Препростый же тмами клятвами того утверждаше, яко: “Ничтоже тако сотворихъ”, конѣчнее же къ нѣкому судѣ приведе его. Судья же рече: “Аще тако на препростаго оклеветаеши, даждь и поличие”. Онъ же рече: “Дубъ самъ свидѣтельствуе истинну, аще и безгласенъ есть”. И шедъ ко отцу своему лукавый, сказа ему, яже о себѣ, и умоли его, да внидетъ в дубъ, бяше бо дубъ онъ дупленъ, и да проглаголетъ из дуба, яко препростый взялъ есть съкровище. Отецъ же его сие рече: “Азъ убо сие створю, но блюди, да не въ своихъ сѣтехъ ятъ будеши”. И шедъ отецъ его вниде в дубъ. <...> И судья пришедшу и въспросившу дуба, и гласъ изыде из дуба, яко препростый взялъ есть сокровище. <...> Се убо слыша судья и разумѣ лукавство, и повелѣ дубъ

запалити огнем. И яко разгорѣся огонь, и взыде дым на скрытаго оного, и напрасно възпи, и извлеченъ бысть. И леств исповѣда, и зѣло мученъ бысть и съ сыномъ своим. И отъяша им злато, тако бо повелѣ судья быти, и възратиша все препростому. Таковая бо есть лукаваго челоуѣка и льстиваго кончина. Азъ бо всегда твоего языка бояхся, яко и зубъ змиевъ. И добръ бо рече, рекый: “Бѣгайте лукавыя мужа, аще и сродници и ближнии суть”. Подобно сотворилъ еси купеческое.

Глаголетъ бо ся, яко купецъ нѣкій, хотя поити на купю, положи пологъ у нѣкоего желѣзо за 100 сребреникъ. И егда възратиться отъ купия, приде къ тому, у него же бѣше пологъ, и рече ему: “Дай же ми желѣзо, еже положихъ у тебе”. Онъ же рече: “Въ нѣкоемъ кутѣ дома моего погребохъ твое желѣзо и извѣдоша е мышкы. И не жали си о томъ, понеже къ намъ здравъ пришелъ еси. Но приди къ намъ днесъ, да обѣдуемъ и порадуемся о твоемъ прибытцѣ и доходе”. Онъ же, послушавъ его, обѣдова у него. И по обѣде, изыде поити въ домъ свой, и стрѣте сына челоуѣка того, ему же бѣше предалъ желѣзо. И ятъ его, отвѣде въ домъ свой и скрывъ его въ кущи. И възратися, обрѣте челоуѣка оного въпрашающа всѣхъ о сынѣ своемъ, и рече къ нему: “Аще сына своего ищѣши, видѣхъ его на въздусѣ носима отъ орла”. Онъ же възгласивъ и рече: “Видѣсте ли орла челоуѣкы носяща по высотѣ?” Онъ же рече: “Ей! Идѣже мышевѣ желѣзо ядятъ, ту и орлы челоуѣкы въсхыщаютъ на высоту”. Онъ же позна умъ не бывшее, възврати желѣзо, елико бѣше приялъ, а сына своего взятъ.

Тако и ты посрамишися, о Ихнилате, зане ложнаа словеса плетѣши. Но злый ничтоже не обрѣтаетъ, точию да ся зоветъ золъ. Горкій бо плодъ, аще и множицею помажется медомъ, не отлагаетъ своя горчины въ сладость. Похвално бо еже съ мудрыми мужми любитися и бесѣдовати съ ними, отъ лукавыхъ же и злыхъ отбѣгати. Якоже же вътрѣ смрадъ вземлетъ и носитъ повсюду и просмражаетъ всѣхъ, тако иже съ лукавыми челоуѣкы бесѣдовати, просмражается отъ него. Тѣмъ же и еще мнитъ ми ся, яко тяжекъ ти ся являю, зане ты тако поучаю. Ненавидятъ бо безумнии людие мудрыхъ присно, а ненаказанныи наказанныхъ, и злии незлобивыхъ, и развращенныя благыхъ».

И сѣя бесѣдующимъ имъ посредѣ себе, и уби Телца Левъ. И по убьении его раскаяся Левъ о убьении его. Ихнилатъ же шедъ ко Лву и видѣ его дряхла и рече: «Почто раскаялся еси о Телци? Не веси ли, яко укълоснувши непрѣтъка[35] персть нѣчий, напрасно персть отсѣкается, да не все тѣло обоиметъ и погубитъ; и не милуетъ своего прѣста за ради всего тѣла своего».

Тако убо, рече философ, злый и лукавый муж, аще себе примѣсит посрѣди друзей, любовь и дружбу имущих, во вражду и въ мятеж претворить любовь их.

Царь же рече к философу: «Извѣсти ми о Ихнилать по убьении Телчи».

Философ же, восприим, рече:

По убьении Телца изыде вонъ Леонтопардос, иже быше учитель Лвовъ и вѣрный совѣтник, и приступи ко вратом Ихнилатовѣм, и услыша Стефанита крамоляща и поношающа Ихнилата, о нихже сотвори на Телца, яко: «Не убѣжиши, рече, от Лвовых рукъ, и аще таковаа увѣсть». Сия слышав, Леонтопардос уразумѣ все подробну и, вшед к матери Лвовѣ, и сказа ей вся, елика слыша.

И егда бысть утро, приде мати Лвова къ сыну своему. Видѣвши его дряхла и скръбна, и кающася о смерти Телца, и рече к нему: «О чадо, раскаяние и печаль ничтоже ино творит челоуѣку, точию тѣлу искушение и уму омрачение, но бодрѣ буди и не жали си. Вѣм бо и без рѣча твоего, яко и за Телца жалиши и малодушъствуеши, егоже без вины погубил еси. Аще бы ты праведенъ царь, подобаше ти разсудити о нем. Глаголетъ бо ся, яко отдавай друг другу сердца. Рци ми убо, яко имѣлъ еси у себе Телца?» Лев же рече: «Присно убо Телець любовен ми быше, и вѣровах ему о всем, и наказания его приемлях, и не быше ми от поучения его никое зло. Нынѣ же пакы каюся и оскръбляюся о смерти его, зане познаваю, яко неповинен ми быше, но прельстихся словесы ложными льстиваго Ихнилата». Лвова же мати рече: «Услышах нѣ от коего достоинствѣннаго, яко зависти ради облъга у тебе Ихнилатъ Телца». Лев же рече: «Кто есть сказавый тебѣ?». Она же рече: «Подобает тайны своих любовных соблюдати. Не храняй бо тайны обесчестивает свою съвѣсть и свою вѣру посрамляет». Лев же рече: «Во иныхъ притчах соблюдати таковаа, а инде же явлена суть словеса подобает да ся явить истинна. Яко да обидимым мщенье обрящет, тѣм же подобает согрѣшение прикрывати. Праведенъ царь не клеветами мучит, ни облыганиемъ томит, но истинною и правдою. Боюся, да не такоже раскаюся о Ихнилате, якоже и о Телци». Мати же Лвова рече: «Не надѣяхся да ся боиши от моих словесъ». Левъ же рече: «Не боюся словес твоих, но хошу истинну на съвѣт извѣсти». Она же рече: «Боюся да створиши, и безчелоуѣчна явлюся».

Сия убо слышав Левъ от матери своя, призва вся околныя своя. Призва же Ихнилата. Видѣв же Ихнилат Лва дряхла, рече къ ближним своим:

«Что се зрю бо Лва скръбна и жалости исполнена?» Отвещавши же мати Лвова и рече: «Не за ино что жалует, точию зане ты есть оставил доселе с живыми ходити. Претворил бо еси лестью оканного Телца убити».

Ихниллат же рече: «Виждь, яко всякъ, тщайся на благое, готовъ есть да зло постражет. Того бо ради оставиша пустынницы, еже съ челоуѣкы пребывание, и изволиша пустыня. Аз бо, яко приятель Лвовъ, сказах ему, яже о Телци. Огнь бо съкровенный въ кремыцѣ желѣзом изгонится, и согрешения елико испытаются и исправятся, толико паче исправятся и открываются. Аще бых вѣдалъ, яко согрѣшил есмь, не бых убо здѣ был, но в нѣкоем мѣсте сокровеннѣ пребывал бых. Молюся царскому величеству, яко да испытает извѣстно, еже о мнѣ, или самъ, или иному повелит праведному испытателю, иже не имать истинну в лъжу претворити, ниже на лица судити, ниже имат послушати моя завистники. Многы бо таковыя клеветники приобрѣтох нынѣ за любовь, яже имаше ко мнѣ царь. Аще ли се не сотворится о мнѣ, не имам къ кому прибѣгнути, точию къ Божию благоутробию, иже испытает сердца и утробы.^[36] И к сим же не боюся смерти, зане оставлена есть всякому смерть. И аще бых имѣл тмами душъ, не бых пощадѣл их царева ради ужождения». И отвѣщав нѣкто от боляръ, рече: «Не бесѣдуй таковаа о царевѣ любви или о своей работѣ, но о нихже беззаконноваль еси, отвѣщай». Ихниллат же рече: «Не вѣси ли, о безумне, яко нѣсть ничтоже в живых честнѣйше, паче душа их? И аще азъ о себѣ не отвѣщеваю, кому печаль отвѣщевати о мнѣ? Но проявил еси предъ всѣми зависть, яже еси имѣлъ в себѣ, и показался еси, яко не друголюбенъ и не твердъ въ вѣре. Остави же предстояти цареви, не достоин бо ты такову завистливу предстояти цареви». Сия слышавъ, он изыде уныл.

Лвова же мати рече ко Ихниллату: «Дивлюся твоему сверѣпству, о Ихниллате: яко таковаа дръзну беззаконна сотворити, безсрамныя глаголы к намъ бесѣдуеши». Ихниллат же, восприем, рече: «Почто мя единѣмъ оком зриши? Не веси ли, яко изначала двѣ оцѣ имаши? Но яко по пророку вси уклонишася вкупѣ и непотребни быша,^[37] нѣсть ни единъ, иже правду любит и истинну. Царь бо за излихия своа благодати не обличает мя, ни страшит». Она же рече: «Видите лукаваго сего и неистовнаго, како толика беззаконнаа содѣлавъ и въ великаа впад согрѣшения, превратити начинает истинну и хочет нас словесы своего лукавства прельстити!» Он же рече: «Нѣсть лѣпо женам в мужская вещи входить, ни мужу в женская. О горе мужу и дому тому, идѣже жена владѣет! Безуменъ есть, иже предъ царемъ отвѣщевае без вопрошения. Иже злая творит, неприятенъ никомуже, ниже отражает приходящаа злаа». Мати же Лвова рече: «Да ты ся не мни, о невѣрниче, яко убѣждати хоцещи от осудительнаго мучения, аще и многословия плетещи». Ихниллат же рече: «Таковии суть, иже ложнаа творят, и от правды укланяющеся, и ни въ словесѣх своихъ, ни в дѣлех утвержени». Видѣвъ же мати Лвова Лва ничтоже о сих глаголюща и рече: «Солгаша, елика глаголаша на Ихниллата, яко истинну бесѣдует,

иже пред царемъ съ дръзновением глаголетъ, и ни от когоже възбраняемъ».

Тогда повелѣ царь в темницу въврещи Ихнилата и оковати его, дондеже о нем испытает. И по оковании его исповѣда Лву мати его, яко: «Леонтопардос сказа ми яже о Ихнилатѣ». Лев же рече: «Остани его. Узрит бо, что хочет пострадати».

Нощию же Стефанит ко Ихнилату пришед и оковании его видѣвъ, и проплакася, и рече: «Си суть, яже ти прежде глаголах, но гордостию и высокоумиемъ побежен бывъ, не приемляше моя словеса. Зри убо съвършенъ». Ихнилат же рече: «Истинну реклъ еси. Непрестанно наказавалъ мя еси полезнаа, но азъ не послушах тебѣ: насытием бо одрѣжим бых оканный. Подобно пострадах болных, иже знают, яко неполезна им есть от нѣкоего ястыя, но лакомством своим вкушающе, поврѣжают себе. Нынѣ же точию о себѣ боюся, но омышляю о тебѣ — да не за ради дружбу и любовь, яже имѣхом, ят будеши и ты и нужею исповѣси, яже о мнѣ, и смерть исходатаиши себѣ и мнѣ».

Стефанит же рече: «И азъ таковаа смыслих, но поучаю тя, яко да исповѣси съгрѣшение свое. Болши бо есть здѣ мучену быти, нежели во ономъ вѣце». «Да трѣпя, дондеже видя, что хочет быти».[\[38\]](#) Стефанит же *прискръбенъ* бывъ и пристрашен и шед напои себе яда и издше.

Наутриа же Левъ призва судья и Леонтопардоса, Ихнилата, яко да вкупѣ будет суд. И сшедшимся всѣм, и рече Леонтопардос: «Нашъ царь, о воини и дружино, непрестанно печеться о убьении Телца и о Хнилатовѣ злосъвѣтии. Рече убо, аще кто нѣчто знает о нем, да глаголетъ. Не хочет бо царь без суда муку нанести». Судья же рече: «Сый да еже вѣсть кто о таковѣй вещи, да исповѣсть. *Зол бо муж*, аще убьенъ будет, погубление зло бывает и на ползу прочии поучатся». Ихнилат же рече: «То молчите? Овыи же знает нѣчто мнѣ, да глаголетъ, азъ о себѣ да отвѣщаю. И аще ни кто не вѣсть ничтоже и глаголетъ лжу, подобно постражет неумѣтелна врача.

Глаголетъ бо ся, яко врач нѣкий приде в нѣкий град. Приключи же ся дщери властелина того в недуг впасти. И повелѣ нѣкий врач премудръ, но слѣпъ, яко да былием уврачуе ону. Призванъ бо бысть и странный он врач, яко да разсудит о былии оном, еже рече слѣпый он врач. Он же, невидѣнием *ино былие подобно* разстворив, дасть ей пити. Она же, испивши таковое, въ чревѣболѣзненный недугъ впадши и умрет. И принудиша родители ея у врача одного испити от одного зелиа и была. И

пив, смертнаа страждаше. Тако убо стражет, иже бесѣдует и творит, яже не вѣсть».

Въстав же пръвый магеръ и рече: «Послушайте мое слово, о дружино. Являет бо ми ся Ихнилат льстивъ и лукавъ. Глаголетъ бо ся, яко иже имат лѣвое око мало и мъгливо и вѣжди возвышенъ и, егда ходит, долу главу прекланяет, тои клеветник есть и лукав. Зрим же убо оканнаго сего, яко таковъ есть». Ихнилат же рече: «Вси есмы под небесемъ и никтоже взыде превыше небесъ. А сый бѣсѣдуай таковаа, мнит ся, яко мудръ есть, но мниши ся безумне, яко иже во очию твоею бервно не видиши, а иже во очеси ближняго си сучецъ видиши, [\[39\]](#) подобнѣ стражеши безумныа оны жены.

Глаголетъ бо ся, яко женѣ двѣ, от плѣна избѣгши с мужем, нази ходяху. Едина же от них нѣкыя рубы обрѣтши и свой студ покрываше, възвративши же ся другаа жена и рече: “Не стыдиши ли ся [\[40\]](#) нага ходящи?” К ней же муж он рече: “Не блюдеши ли, о безумнаа, свою наготу, но туждая наготы поносиши?” Таков и ты, о протомагере, явился еси. Не видиши ли себе, каковы смрадныа струпы на себѣ имаши, дрѣзаеши предстояти цареви и того работу рукама осязаеши?»

Сия слышавъ, протомагер раскаявся, о нихже рекль есть, и проплакася. И исправив от нѣкоего Лев, яко истинна есть, яже о протомагерѣ, и отпуди его от себе. И назнаменася в писании той суд, и паки затворенъ бысть в темници Ихнилат.

Нѣкто же друг Ихнилатовъ приде к нему в темницу и сказа ему Стефанитову смерть. Горко же плакав: «Не подобает ми, рече, уже живот днесъ, зане такова друга вѣрна и любовна лишихся. Добрѣ бо рече рекый, яко во время искушения стичаются вся лютаа».

Потом предста судищу. И видѣв его, воевода рече: «Разумѣх, о Ихнилате, дѣла твоа и нѣсть утаилося ни едино от них. И аще не бы цареву благоутробие велие и неисчетенно, не бы оставил тебе доселѣ в живых». Хнилат же рече: «Аще неизреченно есть оного благоутробие, но и твое сердце проклято есть и жестосердо. Видя бо твоих похотей желание, како прежде осужения моего смерти осужаеши мя. Не порицаю ти о сей вещи, присно бо лукавии и злии добрым противятся и ненавидят их». И судья рече: «*Но* достоин болярром истинну бесѣдовати и обличати и запрѣщати ненаказанныа мужа. Поучаю тя, о Ихнилате, яко изволи здѣ мученъ быти, нежели в будущем вѣце. И исповѣжь истинну пред всѣми нами». Ихнилат же рече: «Истинну рекль еси.

Подобает убо всякому избрати мудрому от временных приснотребушая. Но неповиненъ есмь от сего прегрешения и не подобает ми причастнику быти с вами о пролитии моеа крови. Аще бо иже нѣкое солжет, мерзок и безуменъ является. Колми паче, иже себе лжет? Кою ми приобретае похвалу? Блюдѣте убо, да не потом раскаетесь, егда ничтоже возможете успѣти. И блюдѣтеся, да не постражете, якоже и лжесвидѣтелие.

Глаголетъ бо ся, яко нѣкий крагуарь вжелѣ жену господина на своего, яко леши с нею. Она же не обращашеся к нему. Прогнѣвав же ся о семъ красуарь, улови в нѣкий день двѣ сои и научи едину бесѣдовати перьскимъ языкомъ, яко: “Видѣх госпожу свою со вратаремъ”; другую учи глаголати, яко: “Не глаголи ничтоже”. Въ единъ убо от дни приключися господину с персы обѣдовати, и слышаша соя перьскимъ языкомъ глаголюща и бесѣдующа, и полюбиша ихъ. Таже и слов, еже бесѣдоваху соя, исповѣдаша персяне они. Крагуарь же внѣ стоа и рече: “И азъ свѣдѣтельствую, яко таковое дѣло видѣх”. Господинъ же его разъярився, хотяше свою жену убити. Она же яже о крагуари сказа мужу своему, яже: “Лестъ на мя сшилъ есть, зане не послушахъ его на скверно дѣло. И ину бесѣда не знаятъ соя перьскими, кромѣ слова, иже ихъ научи крагуарь”. Въпроша же соа персяне о нѣкихъ рѣчах, и обрѣтоша ихъ, яко ино ничтоже не вѣдятъ, точию лукавое оно и ложное слово. Пришедши убо крагуарю госпожа его и рече: “Не боиши ли ся Бога, яко таковая на мя свѣдѣтельствующи? Тако ли есть было дѣло?” Онъ же рече: “Тако есть было”. И сия рекши ему, напрасно вѣскочи крагуй и извертѣ ему очи. Тако и ты постражеша съ дружиною своею, аще лжесвѣдѣтельствующи на мя».

Никому же бо возмогшу Ихнилата осудити, паки затворенъ бысть в темници дни 7. Мати же Лвова Лву рече: «Аще нечестиваго сего от осужения отпустиши, познай, яко вси, иже под тобою, еже хотятъ сотворити, без печали сотворятъ, извѣстие бо приметь, аще и зло сотворить, не постражетъ ничтоже». Видѣ убо Левъ насилие матери своя, повелѣ, да убьютъ Ихнилата.

Таже рече философъ: «Разумѣйте таковаа и познайте, яко всякъ мужъ, иже сшиваетъ лестъ на друга своего, впадетъ в ровъ, иже содѣла».

Притча третья. По убьении Ихнилатовѣ въпросъ царевѣ. Царь же рече: «Разумѣхъ таковую притчу. Но еще скажи ми другую притчу о друзехъ, иже любятца и в любви присно пребываютъ». Философъ же восприимъ, рече:

Друга вѣрна нѣсть измѣненіа сущих ничтоже. Да скажу се явѣ. Глаголетъ бо ся, яко нѣ в коем градѣ мѣсто бѣше на ловѣ угодно. На нем же мѣсте бѣше дубъ высокъ и дупенъ, в немже вгнездася гавран. Въ един убо от дни видѣ ловца оба люта, на рамѣ убо мрежуносящую, в руку же жезлъ дръжаща. И того видѣвъ усташися и смысли в себѣ пребыти на том дубѣ, идѣже гнездо его бѣше, яко да узрит, что хочет сотворити. Ловецъ же мрежу простеръ и поврѣже в ня зерна пшенична. Голубъ же нѣкый болший от иных видѣвъ зерна пшенична, мрежи же не узрѣ, впаде в ня с прочими голубы. Ловецъ же, видѣвъ се, возвеселися велми. Начаша голуби во мрежи смущатися. Пръвый же над ними голубъ рече: «Не боитесь, но вкупѣ друг другу помозѣм, яко да возможем крылы своими мрежу двигнути». Они же тако сътвориша и въздвигоша на въздух мрежу. Се видѣвъ, ловецъ удивися убо, но не остави их, послѣдовавъ же по них, мня, яко не много имуть лѣтати. Гавран же все соблюдаше, яже о них. Болший же голубъ, видѣ ловца по них идуща, рече къ прочим голубем: «Ловецъ сый послѣдуетъ нам. Да аще по полню мѣсту лѣтание сотворим, не оставит же гонити нас. Аще ли же по горних и непроходных мѣстех лѣтание сотворим, скорѣ убо оставит нас. Еще имам на том пути мыша гостя; и аще до него доидем, скорѣе узы наша разстрѣгнетъ и нас свободит». Видѣ убо ловец в недоумѣнии начинание их и возвратися.

Гавран же послѣдоваше по них, яко да узрит дѣло спасения их, вкупѣ же и любимаго им мыша узрѣти. Яко идоша до гнѣзда его и снидоша землю. Мышь же изшед видѣ голубя, с радостию прият его и рече: «Кто ты таковым узамъ, о любимиче, приплете?» Он же рече: «Часть мя таковым лютым приплете, яко ослѣплѣ бѣх и на зерна пшенична облакомихся, и во мрежи ят бѣх. Нѣсть убо дивно о сем, зане впадох аз в таковое падение, болший бо от мене и в горшаа впадаютъ. Солнце бо луною омрачаемо исчезает, луна же сѣнию *земною* покрывается; и рыба морская из глубины извлачится; и птица небесная от въздух сводятся, егда будет им повѣлѣно». Сия рекъ, нача мышъ глодати узы мрежныя. Голубъ же рече: «Начни преже ослобожати сущая под мною, потом же разрѣши и мене». Мышь же не послушаше я разрѣшити всѣх, точию друга своего единого. Яко на длъго простираше слово голубъ, и не послушаше его мышъ. И рече ему голубъ: «Не порочи ми, о мышу, о нихже ти бесѣдую, понеже ми есть дал Богъ область над тѣми голубы всѣми, достоит ми, яко да промышляю о них. Вѣрно бо и приятельно поработаша ми, и за пособъствие их и поспѣшенъе Богъ освободи нас от сѣтей сих ловчихъ. Молю же ся, да не мене преже разрѣзав, о сих облѣнишися. Болши бо ми, еже азъ буду во узах, неже едина от сих». Мышь же рече: «Сия твоа словеса творят и сущаа под тобою, яко люби тебя и прияти тебѣ». Сия же рекъ, разрѣши всѣх от юз, и разрѣшени быша и отъидоша.

Видѣвъ же гавран бывшее, сниде к мышѣму гнѣзду и пригласивъ его. Он же рече: «Кто ты еси, любимиче?» Сей же рече: «Азъ есмь гавран, и видѣвъ твое усрѣдие, еже има къ другом си, въсхотѣх дружбу имѣти с

тобою, и о сем придох к тебѣ». Мышь же рече: «Коя есть община и тебѣ и мнѣ? Подобаеѣт убо мудрому силная искати, а немощных небрещи. Иже бо таковая начинаеѣт, уподобился еѣсть мужу, иже по водѣ возит кола, а по суху корабль. Како буду тебѣ друг, пища тебѣ сый?» Гавран же рече: «Разсуди своим помыслом полезная себѣ. Нѣсть бо никаа полза, аще зѣм тебе, паче же полезно ми еѣсть, аще ты в живых будеши и поспѣшьствуеши ми о всем. Не подобаеѣт ти тѣща пустити мя от чаанія моего, извѣстие бо имам о любви твоей, еже имаша къ другом си, аще ты сам показал еси мнѣ. Мудраго бо мужа добродетѣли телчи уподобися благоуханию, иже наречетсѣя греческим языком мосхос,[\[41\]](#) иже, покрываемо, является своим благоуханием». Мышь же рече: «Велиа еѣсть обычнаа вражда. Лев бо со елѣфандом присно враждуютсѣя, якоже и мышь с коткою. И не подобаеѣтъ врагу вѣровати. Вода бо аще и огнем согрѣваеѣтся, но свои обычаи не отлагаеѣт: възливаема на огонь погашает его, аще укропъ еѣсть». Гавран же рече: «Разумѣх, яже глаголеши. Но моа любовь не тако будет; яже имяхом створити с тобою, но тверда и извѣстна. Якоже бо златый съсуд с трудом коветсѣя и съврѣшаеѣтся, и к тому не съкрушаеѣтся, скуделнича ниже удобнѣ творятсѣя и удобнѣ разсыпаетсѣя. Тако истинная сущая любовь еѣдва съвершаеѣтся, но нерушима пребываетсѣя, нечистая же и неистовнаа любовь скорѣе и удобнее составляеѣтся и скорѣе разсыпаетсѣя». И мышь, отвѣщав, рече: «Приемлю ти любовь, зане никогда кого от молящих ми сѣя тѣща отпустих. Аще бо и вѣру свою не соблюдеши, но аз твоим словесем вѣрую. Вѣм бо, яко и похвалишѣся когда и речеши, яко: “Обрѣтох мыша безумна и прельстив его снѣдох”, — бесчестие ти будет». И сѣя рек, мышь изыде из гнѣзда своего, но не весь изыде. Гавран же рече: «Почто весь не исходиши?» Мышь же рече: «Иже в житии сем пребывающеи двоими вещми любятсѣя: овии бо заповѣди ради любовь творят, друзии же телесныа ради потребы. Подобни сѣуть ловцу, иже помѣтаеѣт пшеницу во лщение птицам: не птицам бо ползу творит, но себѣ. Аз же не за ино что любовь творю с тобою, точию моления твоего ради, и ничтоже ино възбраняеѣт ми изыти к тебѣ, точию зане боюся единомысленныа ти гавраны: видѣнием бо подобни сѣуть тебѣ, обычаем же не подобни». Гавран же рече: «Не боися сѣих ради. Истиннаго бо *любления* увѣрѣние сѣя еѣсть, еже и любити любовныа и враждовати враги. И аз зане ты люблю и моя дружина любити ты имѣят». Сѣя рекши гаврану, изыде мышь из гнѣзда своего весь. И любовь посреди их съврѣшисѣя.

Въ единѣ убо от дни рече гавранъ к мышу: «Зрю домъ твой, яко близ пути еѣсть, и боюся, да не мене ради познанъ будеши и погибнеши. Но вѣм мѣсто нѣгде отлученно от человеѣкъ, на немже сѣуть рыбы доволны и прочая различная пища. Имам же на том мѣсте желву гостию и хочу, яко да и ты поидеши тамо питатисѣя и пребывати с нами». Мышь же рече: «Поиду с тобою! Аз возненавидѣх бо здѣшнее пребывание вины ради, о нейже скажу ти, егда до мѣста оногo доидеѣм».

Взем же гавран мыша за опашъ и отнесе его до источника, в нем же пребываше желва. Она же, видѣвше гавранъ мыша носяща, мняше, яко

туждь есть, и убоявшись скрыся въ воду. Гавран же положи мыша на земли, на имя желву призва. Она же глас его познавши, изыде к нему и въпроси его, откуда приде. Он же сказа си вся бывшаа.

Гавран же рече къ мышу: «Обѣщал ми ся еси, яже о себѣ, яко да егда доидем до сего мѣста, скажеш ми нѣкаа». Он же рече: «Аз пребывание имѣх прѣвие у нѣкоего мниха и ядях, яже имяше угоднаа снѣдения. И егда насыщахся и приемлях прочаа останки моя и прочим мышем представлях. И множицею разсыпа мних кѣлю, яко да обрящет мя, и не возможе обрѣсти мя. Иногда же повѣшаше пищу свою, яко да убѣжит врежениа моего, и не возможе убѣжати. Въ единъ убо от дни странник нѣкий мних приде к нему, и начаша друг съ другом бесѣдовати мниси и рукама плещаху, нас страшаще. Въпроси же и странный он мних вину, о нейже плещаху. Сказа ему, яко: “Мышев ради плещем. Есть бо мышъ безсрамен и безстрашив, иже многы пакости творит намъ. Молю тя, поищем входа гнѣзда его и раскопаим пребывание его”. Случих же ся аз тогда въ гнѣзде моем, и егда услышах таковыа глаголы и избѣгох оттуду и во ину дуплину внидох. Имѣх же в моемъ гнѣздѣ златники тысяща, яже подстилах под собою и великомудрѣх о них. И раскопавше убо мниси землю, и обрѣтоша гнѣздо мое и златники, и взявше злато с радостью, и рекоша: “Сие злато распалаше мыша и пакости нам творяше, но отселе убо смиренъ и сраменъ и некрѣпок будет”. От того часа, якоже и мниси рекоша, *сложи* ми ся крѣпость^[42] и низложи ми ся высокоумие, и преобиденъ бых от мышев. И въ утрешний день въсхотѣх въскочити въ хранилницу мнишьскаго ястиа и не възмогах. И се видѣвше, прочии мышеве вѣсташа на мя и врази ми быша. Аз же удивихся о том, яко злата ради и друзи и сродници составляются, ибо благаа свѣсть и мудрость злата ради пребывают. Не имый же богатства скорбенъ есть всегда и мерзок всѣм является, и безумен, и непотребенъ. Аще бо нищій и убогий муж храберъ обрящется, богатии того наричут безумна и буя, аще ли кроток и смиренъ будет, немощенъ нарицается, аще ли бесѣдует, блудник именуется, аще ли млъчалив кто, безуменъ нарицается. И болше есть преже от сего житиа отъити, нежели солнце имѣти сраму свидѣтеля. <...> Сия убо помышляю видѣх страннаго онога мниха, яко раздѣли злато и свою часть в нѣкое влагалище вложшу, и сие под главу свою положившу и скрывшу. И въсхотѣх таи отвлещи злато, мнях бо, яко сном одрѣжим есть. Он же пробуденъ сый, взят рукою своею, яже обрѣте рукою своею близ себѣ вѣйку и удари мя по главѣ, и *поболѣвъ* зѣло возвратихся. Таже пакы на влагалище злата дрѣзнух и видѣв мя, пакы мних он и удари мя сей вѣйкою зѣло по главѣ, и напрасно кровь из ноздри моих истече и малодушие ми бысть, и едва влекий себе, доидох до дуплины оноа, и безгласенъ лежах часы доволны. Возненавидѣх толико злато, яко ни в памяти ми имѣти его, ниже слышети о златѣ, и разумѣх, яко всѣм злым винам лакомаа свѣсть есть и начало. Иже лакомство имать, не может от злата убѣжати ни на земли, ни на мори. Вѣровах же, яко нѣсть ничтоже большее, кромѣ доволнаго имания. Сего ради убо премених житѣе свое и пустынное въсприях житѣе. И имѣх же и любовнаго голуба, иже преже гавран возлюбися со мною. Ибо нѣсть никоя красота в мире, кромѣ бесѣдования дружняго. Познах бо искушеньем, яко не

подобает мудрому мужу ино ничтоже множайшее искати, точию довольнаго иманія. Доволно же ино ничтоже нѣсть, развѣе хлѣб и вода. Аще бо и речем, яко онсица владыка бысть всему миру, но не тѣи равенъ есть от единому менших, иже беспечално живот свой провожает. И си помысливъ азъ в себѣ, послѣдовах тебѣ, о гавране, и се напрасно дружка тебе приобретаю, о желво».

Желва же, восприемши, рече: «Разумѣх, елика изрекль еси добрѣ же и премудре, но видя тя, яко непрестанно имаши память в себѣ, о нихже еси пострадал. Того ради подобает ти видѣти, яко словеса украшают дѣло. И болный аще не врачевнаа былиа обрящет, всуе ему есть разумъ, зане не может себѣ легчину сѣтворити. Не пецися убо о богатствѣ, великоумный бо муж и без богатства почитается. И лев аще сном спит, но страшенъ есть. Такоже и безумный богат бесчестенъ есть. Ниже о своем странствии помышляй: никтоже бо от мудрыхъ страненъ есть. Не поминай предняя и не глаголи, яко: бѣх иногда славен и нынѣ же не славенъ. Елика бо суть в житїи сем, въ тлѣнии и в мимохождении суть. Глаголетъ бо ся, яко сия суть от иных *не ставная*: облачнаа сѣнь, и безумных людїи любовь, и женское рачение, и ложное хваление, и богатство. Мудрый мужїе ни о обилии богатства радуются, ни о умоленїи скръбят».

Яко гавран услыша бесѣды желвины, возвеселися о них и рече: «Воистинну нѣсть ино ничтоже в житїи болшее, точию дружнее пособьствїе и срадование. Никтоже мудрому пособьствует, точию паки мудрѣ, якоже и елѣфанта падшася не въздвижет инѣ никтоже, точию паки елѣфантъ».[\[43\]](#)

Таковаа и сим подобна бесѣдующи гаврану, серна нѣкаа напрасно приде. Якоже видѣ, гавранъ на древо възлетѣ, и желва въ воду скрыся, и мышъ вниде в дуплину. Серна же мало воды напившися, ста пристрашна, *семо и овамо* очи обращаючи. Гавран же на высоту възлетѣ и смятравше, егда нѣкий звѣрь гонит серну. И всюду смотривъ, и снїде на землю, и призва желва и мыша, и сказа им, яже о сернѣ. Серну же видѣвши желва, яко не смѣет пити воды, и рече: «Пии, любимаа, яко никтоже бо сѣмо не приходит. Скажи ми, откуда идеши?» Серна же рече: «Гонима бѣх от ловець до нынѣ от мѣста въ мѣсто бѣгаючи, и здѣ доидох». Желва же рече: «Дръзай, любимаа, никогда бо ловець сѣмо приходит и вкупѣ с нами живи. Се бо предлежат ти пища обилныи, воды чисты». Изволи бо серна пребывати с ними, и творяху бесѣды своа у нѣкоего дуба всяк день.

Въ единъ убо от дни събрахуся по обычаю на бесѣду гавран и желва и мышъ, и серну ожидавше. И не дождавше ея, уразумѣвше, яко в сѣтех

ловчих ята бысть. Възлетѣ гавранъ высоко и видѣвъ сплетену в сѣтех ловчих; възвратися, сказа дружинѣ своей, еже видѣ. Желва же се мышю рече: «На тебѣ лежит наша серны спасение, о мышю!» Он же, елико мощно ему баше, тече и серну достиже, и рече к ней: «И како мудраа суши и, любимаа, таковым лютым себе соплела еси?» Она же рече: «И кто может умудрити, егда реченное хочет исполниться?» Сия бесѣдующим имъ, доиде гавран вкупѣ и желва. Серна же к желвѣ рече: «Почто пришла еси сѣмо? Аз бо, егда разрѣшена буду от мыша, побѣгну и убѣжу, такоже и гавран на въздух отлетит, и мышъ обрящет дуплину и внидет, ты же едина останешися ловцу на снѣдение». Желва же рече: «Болши ми есть умрети, нежели дружины своеа лишатися». И сия бесѣдующим им, и разрѣши мышъ серну от юз. И се напрасно наиде ловець, и серна убо отбѣже, гавран же отлетѣ, мышъ же вниде в дуплину. И удивися ловець о бывшем, видѣвъ едину желву, и взем ю, связа.

Гавран же, и серна, и мышъ, видѣвъше бывшее, зѣло печалнии бывше. Гавран же рече: «О како въ скорби всегда непрестанно впадау! Не довляше бо ми еже от отчѣства своего лишитися и от сродник, и от богатства отпадути, но лишихся нынѣ любимыя моеа желвы, якоже добрѣ храняше любовныя уставы! Болши ми есть, да не бы было смертное мое тѣло, многими бѣдами составлено!» Серна же, възприемши, рече: «Наша нынѣ печаль и твоя прискорбнаа словеса, аще и разумна суть, но желвѣ не ползуют никакоже. Но остави сия бесѣды, изобрѣщи хитрость о ней спасения. Глаголетъ бо ся, яко храбрый во время скрѣби искушается, вѣрнии же друзи — в бѣдах».

Мышь же, възприемши, рече: «Судя убо нынѣ быти полезно, [\[44\]](#) — яко да поидеши ты, серно и да легнеши яко и мертва ловцу на пути, и да сядет на тебѣ гавран, и да ясть плоти твоеа хитростию. И мнит ми ся, яко аще таковая видит ловець, вмѣнит, яко мертва еси по истиннѣ. И отложит тул свои и лук к тебѣ поидет. И егда узриши приближающася его, въставше побѣгни мудномъ ходом, да надѣется ловець, яко постигнути тя иматъ. И егда достигнетъ тя, и абие отскочи быстростию своих ногъ. Дондеже ты бѣгаеши гонима, а аз разрѣшу от юз желву». Серна же повелѣнное сотвори, и симъ образом разрѣшися от мыша желва. Исцѣлѣвъше, вси в дома своя возвратишася. Тако убо иже право любящася своим другом пособствуют.

«Разумѣх притчу сию, еже о истинной любви. Прочее убо скажи ми притчу, како подобает блюстися от врага, иже лицемѣрием притель является».

Иже врагу вѣрует, постражет, еже пострадаша выплеве. Глаголетъ бо ся, яко в нѣкоей горѣ бяше древо превелие и высоко нѣкое, в немже гавране пребываху тысяща, имже бѣ старѣй гавран единъ. Бяху же близ того мѣста выплеве тысяща, имяху же и тии единого выпля старѣйшаго себе, и всегда вражду имяху з гавраны. Единою убо нападоша на гавраны нощию и много убиша от них, другия же раниша, а инѣм перия истръгоша. Достужив же ся гавраном царь, и зборъ сотвориша, и рече: «Видѣсте ли, елика род выплеве нам содѣяша, и како нашу силу побѣдиша, колики убиша и колики уязвиша, и колицѣм перия истръгоша? И се есть горшее и укорно нам, еже дрѣзнати на ны, преобидѣти нас. Разсмотрите убо послѣдняя».

Бяху же у того царя прѣвосовѣтници 5, от нихже един рече: «Ничтоже ино спасетъ нас от таковаго нахождения, точию еже остави здѣшнее пребывание, зане не можем противитися врагом». Другий же рече: «Неполезно есть тако быти, еже о единой победѣ смириться и отечество свое оставить и в туждей земли быти и жити. Но в мужство облецѣмся и уготовимся на брань, и аще когда врази наши нападут на ны, да сразимся с ними. Аще побѣдим их, Богу благодать, аще ли же паки победят нас, без срама прѣвый совѣтъ да съвѣршим». Третий же рече: «Не добрѣ, о царю, сии глаголють. Но подобаетъ нам добрѣ увѣдати, аще хощут врази наши любитися с нами; и сотворим мирныя почести, и дары послем к нимъ. И сего ради безпечално житѣе проживем. Присно бо царие о своей земли пекутся и златом съблюдаютъ сущаа под ними». Четвертый же рече: «Недобрѣ совѣтъ даеши, но болши есть в теснотѣ и в бѣдѣ жити, нежели колико врагом *не* противитися и подложитися, от нихже болши есми мы и честнѣйши. Но аще и дары принесем имъ, недовольнии будут о сих, но и выше силы нашея взыщутъ. Глаголетъ бо ся, яко преже рати подобаетъ *укрощати* враги дарми, аще ли оплѣчатся на тя, не уклонятся. Подобаетъ убо смирение и трѣпѣние имѣти, *и на любовь, и на брань*». Пятый рече: «Не мощно есть противитися, силнѣйши бо суть от нас. Иже бо на большая своа противляется, себе вредит. Безумнии бо всегда врагы своа немощны наричютъ; аз же всегда и преже врага боюся. Ибо не подобаетъ мудрому мужу врага своего не бояться, аще и далече пребываетъ. Всякой бо вещи ястѣе и питѣе и богатство ищется, а въ брани ни о чем же, точию о души своей коиждо». Царь же рече: «Аще брань не даеши быти, что ино повелеваеши?» Он же рече: «Подобаетъ ти, о царю, от своихъ совѣтникъ имѣти разумныя, добрый совѣтъ лучши есть тмы воинъ, ибо воспоминаетъ смотрения полезнаа, о царю. Познаваетъ бо муж вражию силу и немощь, и мудрымъ совѣтомъ и начинаниемъ ниизлагаи».

Начало вражды, яже имамы к выплем, сии есть. Яко нѣкогда собрася весь родъ птицамъ и избраху себѣ, выпля царя, и поставиша его царствовать над ними. Гавран же тамо приключися нѣкий, рече: «Почто остависте честныя птица и не постависте от них на царство, но избрасте смрадные сия птица, иже и душевную доброту погуби? К сим же безумна есть и немудра, и гнѣвлива, и несоставна, и льстива, и еще

же горше есть всѣх». Сия слышавше, птичий весь род ниизложиша выплеву власть. И яко ниизложен бысть выпль, и рече к гаврану: «Не вѣм, о гавране, аще сотворих тебѣ нѣкогда зло нѣкое, яко да таковое воздание на мя покажеша. Но познай, яко древо, аще посечено будет секирою, паки срастается, и язва стрѣлнаа исцѣлѣвается и заглажается. Но язычнаа стрѣла неисцѣлена есть, яко косается посреди самого сердца. Ибо вода погашает огонь, и яд врачевным былиемъ отгонитъся. Но злобный огонь присно животенъ есть. Иже ся есть всѣял посреде вас и нас, о гаврани, дуб велий будет никогда же искореняемъ». Сия рек, выпль отъиде, ярости наполнен сый. И раскаяся гавран, и опечалися зѣло. И оттолѣ и до нынѣ вражда пребываетъ посреде нас.

Царь же рече: «Разумѣх о сих. Прочее убо рци о подлежащих, что подобает нынѣ творити?». Он же рече: «Хочу убо на единѣ бесѣдовати ти». И повѣлѣ ему абие наединѣ глаголати, он же рече: «Еже о рати, не престаю ти, ни повелеваю быти. Но инако можем успѣти хитрости нѣкыа, много бо может и хитрость. Судя убо полезно быти, яко да прогнѣвается на мя величество твое всѣм зрящим. И повели бити мя пред всѣми немилостивно, яко окровавити ми ся от множества ран, таже и перия моя да извлекут и опаш, и да поверженъ буду близ древа сего. И егда сие будет на мнѣ, тогда ты отъиди отсуду со всѣми своими вкупѣ, мене же оставите лежати здѣ». Еже сотворив, царь съ своими отъиде.

Нощию же выплеве къ древу дошедше, не обрѣтоша никогоже, точию бѣнаго гаврана лежаща, и сказаха о нем своему царю. Он же приближися к нему и въпроси его: «Откуда еси?» Гавран же рече: «Аз есмь онсица». «Гдѣ же суть гаврани?» «Не свѣм. Како бо могу в таковых бѣдах разумѣти онѣх тайны?» Царь же рече: «Воистинну сей прѣвосовѣтник гавраном. Въпросите убо его, коея ради вины таковаа лютаа пострадал есть». Гавран же рече к нему: «Мое злосовѣтие таковы лютым приплете мя. Егда побежени быша от вас гаврани, совѣт составиша, и кождо, елико их разумѣ, совѣтоваше. Аз же дрѣзнух о вас и рекох, яко силнѣйши суть от гавранъ выплеве и благородни, и того ради не подобает противитися им, но миръ искати и дани даяти им. И аще примутъ, о таковых мираться с нами, Богу слава о том. Сия слышавше, гаврани мнѣша, яко о вашей ползѣ бесѣдую таковаа, ярости наполнишася, таковым осужением мене осудиша».

Сия слышав, царь рече к нѣкому от прѣвосовѣтників своих: «Что подобает о сем творити?» Он же рече: «Скорѣе да убьенъ будетъ. Избавимся от лукавства и хитрости его, еже всегда хитрит о нас. Пособие бо нам будет велие убьение его. Глаголетъ бо ся, яко иже не радить о своей ползѣ, егда время получить, иногда бо не возможет получить».

Другий же от прѣвосвѣтникъ царевѣхъ рече: «Не подобаетъ того убити. Писано бо есть, трость сокрушенъ да не ниизложиши.^[45] Паче же праведенъ есть миловати и щедрити его, зане таковыя пострада бѣды и заушения. Подобаетъ убо того хранити, еже бо питати враги велиа есть похвала». Повѣлъ убо царь съ честію и говѣніемъ пребывати гаврану. Прѣвосвѣтникъ онъ, иже убити его повелѣвый, рече: «Понеже того не убисте, поне да будетъ въ сохранении и да пребываетъ у насъ, яко врагъ назираемъ. Азъ бо вѣмъ, яко лють есть гавранъ сей и лъстивъ, и мнитъ ми ся, яко прелщения ради пришелъ есть здѣ». Начатъ убо гавранъ бесѣдовати съ выпли наединѣ и любитися съ ними. Во единъ убо отъ дни рече къ нимъ гавранъ: «Услышахъ отъ древнихъ мужъ, глаголющихъ, яко аще кто себе во огонь вѣржетъ, скорѣе, еже проситъ у Бога, приметъ. Хощу убо и азъ таковое сотворити и умолити Бога, яко да предложитъ естество мое на выплевъско видѣніе, яко да съ вами на гавраны бранъ сотворю и въздамъ имъ о нихже, они мене содѣлавше». Бяше же ту, иже на убійение его совѣтовавый, и рече: «Подобна суть сія твоа словеса питію, испльнену яду. Аще бо не сожжемъ тебе, не можемъ естество твое предложить».

Пребысть убо гавранъ тамо, сматрая начинанія выплемъ вся. И толстъ и утучнѣ, и возрастоша ему перія, и нѣкогда время обрѣте и отбѣже. И ко гавраномъ пришедъ, рече къ царю ихъ: «Радуйся, о царю, се бо желаніе съврѣшихъ. Уже бо вси выплеве въ древѣ нѣкоемъ скрышася. Встанемъ убо вси, поидемъ убо взявше кождо насъ сучія, елико можемъ понести, и положимъ на устѣхъ язвыны и огонь вложимъ, и крилы и раздуимъ, яко быти пламыку въздушну. И симъ образомъ овии вънутрь дымомъ удавлени будутъ, овии же исходяще опалени будутъ». Иже и сотворше, гаврани до конца враги своа побѣдиша, и возвратися гавраномъ царь въ своа си обители победоносець. И рече ко гаврану оному: «Како трѣпѣлъ еси выплемъ бесѣдованія неподобнаа?» Гавранъ же рече: «Мудроуменъ мужъ, аще и въ бѣды нѣкыя впадетъ, покоряется и худымъ, дондеже съврѣшитъ желаніе свое». Царь же рече: «Скажи ми, разумъ выплемъ каковъ есть?» Гавранъ же рече: «Не видѣхъ имъ единого выпля разумна, точію рекша совѣтъ на мое убійение. Прочіи же далече бяху отъ мудрости. Подобаетъ бо царемъ своа съблюдати тайны и не оставляти тужда нѣкоего къ писаниемъ приникнути, или къ водѣ, съ неюже хощетъ мытися, или къ постели, или ко одежи, или оружію, или къ ястию и питію. Нѣсть мощно съ гордостію своа враги побѣдити. Мало бо побѣду съставляетъ гордливый, иже совѣтныи творитъ безумныа, *не удобнѣ* отъ погібели спасается. Азъ же смирихся и покорихся врагомъ, яко да *получю* таковое исправленіе, якоже змій, подложивыйся жабѣ.

Глаголетъ бо ся, яко змій нѣкый, заматерѣвъ, състарѣвъся, и не возможе ловити и о пици недоумѣашеся. И ползавъ, доиде блата нѣкоего, испльнена жабъ, идѣже прѣвие ловяше, унылъ и скръбенъ себе тамо близъ простре. Жаба же нѣкаа рече къ нему: «Почто се, о змию, скръбиши?» Онъ же рече: «И како да не скръбю? Присно бо отъ сего блата пищу себѣ

взимах, нынѣ же прокля мя нѣкто от постник и не могу ловити. Уже бо хошу, да буду яко и конь яздыльный царю вашему”. Се слышав жабам царь и прият его, яздыше на нем, и даваше ему на всяк день на пищу двѣ жабы. Тако и аз таковыя работы ради и съвършения временнаа злаа пострадах».

Царь же рече: «Разсмотрих и видѣх, яко хитрость и разумом болши есть побегати, нежели противлениемъ. Огнь бо горящъ есть и сух, но точию, яже суть на земли, погубляет, вода же есть студена и тиха, и *вънутрь* под землею входит, искореневае, яже на ней. Глаголетъ бо ся, яко не подобает не радити о четырех сих вещех, сирѣчь о огнѣ, болѣзни, врага, длѣга». Гавран же рече: «Велика нынѣ исправления быша нароком твоим, царю, Богу благодать о том».

Царь же рече: «Обрѣтох тя словом и дѣлом приятеля своего. Прочии же словесы безумными хвалятся. Тебе бо ради велика благодать нам бысть, сон бо сладкий и пища тобою дасться нам. Глаголетъ бо ся, яко отраду велику имат, иже от огнища избавится, и еже бремя *тяжко* отложивый, иже от враг своих избѣгнет. Обаче скажи ми, выплевьскаго царя пребывание како видѣл еси?» Он же рече: «Скотцко есть и лукаво, и несладко, и бесчинно. И иже подобни суть ему, развѣе единого, на мое убьение совѣтовавшаго. Той бо от всѣх, мнит ми ся, мудрѣйши».

Царь же рече к философу: «Разумѣх речению притча. Прочее скажи ми, како кто достигий желание своего и не могий добрѣ съдрѣжати его, абие погуби паки».

Притча о пифицѣ. 5.

Философ же рече:

«Глаголется, яко пифици нѣции царя имуще состарѣвшася и заматерѣвша лѣты многими. С того и старости ради ото власти его изгнаша. Он же, всяким недоумѣнем одержим быв, к нѣкоей смоковницѣ при брезѣ морьстѣм приде, и пребываше у нея, и ядыше от плода ея. Въ един же от дни, ядушу ему, паде из руку его едина смоква, иже приемши, дивия желва изъяде. О нем же пифик посмѣявся, не престаяше желва питающихся смоквами. Она же, сладку пищу обрѣтши, дома своего забы. И сего ради подруг ей малодушествоваше велми, искаше притчу, како бы пифика погубил и подруга своего възмет.

Единоу убо отшедши желва в дом свой, и скръбна видѣвши своего подруга и рече к нему: "Почто вижу тя дряхла и болна?" Он же рече: "В болѣзнь лютую впал есмь и нѣсть ми исцѣления обрѣсти, аще не получю сердце пификово". Она же недоумѣвшись о семъ и помышляше в себѣ, яко: "Ино сердце не имам обрѣсти, точию гостя своего, еже преступление быти". Разумѣвше, дивляшеся помышленми и пришедши к пифику, и пригласивъ его; он же въпроси его о коснѣнии. И желва же отвѣща: "Ни о часѣмъ же укуснѣх, точию зане срамляюся тебе и не имамъ достойно воздание о благодѣяннии воздати тебѣ". Пифик же рече. "Не помышляй таковаа, нѣсмь азъ такой, еже от своихъ любовныхъ искати воздание. Паче же ты мнѣ благодѣтельница была еси, таковыми бѣдами объдрѣжима и изгнана, сущи утѣшающи мя". Желва же, отвѣщавъ, рече: "Хощу еже утвердити любовь посреде насъ сущихъ. Утверждаютъ бо ся три вещи, сирѣчь еже в домъ дружный вхождение и сродникъ зрѣние и посѣщение, и еже вкупѣ пребывание". Пифик же рече: "Тако составляютъ любовь, о дружко, и в слабости жития своего живущей". Желва же рече: "Истину реклъ еси, достоинъ бо другомъ совершенную любовь истинную имѣти от своихъ друзей, а иже за нѣкихъ ради житейскихъ потребъ любо составляетъ, на нетврдѣмъ основаніи зиждеть. Яко не подобаетъ от любовныхъ ино ничтоже искати, точю сердца проста и чиста, и вѣры правы, и истинны. Телець же а и безъ млека матеръ свою ссет, прогнѣвается, яко прогнана быти от неа. Азъ же хощу, яко да приидеши в домъ мой. Живу же азъ въ островѣ травноносѣмъ, тмами исплѣнену плодовъ. Азъ бо на рамя отнесу тя".

И вѣровавъ, пификъ взыде на желву и ношашеся по пучинѣ от неа. Егда быша посреде пучины, ста помышляючи, како бы погубити пифика. Видѣвъ пификъ коснѣние желвино, уразумѣлъ есть лести, и в себѣ глаголаше: „Егда на мя нѣчто зло помыслитъ желва?" И рече тако: „Вижу тя в попечении и размышлении велице и боюсь тебя о томъ, что убо есть попечение твое?" Она же рече: „Печаль ми есть велика, да не дошедше в домъ мой и не обрящеши вся достойная, якоже хощу азъ. На одрѣ бо лежитъ подругъ мой". Пификъ же рече: „Не пецися о семъ, ничтоже бо плзуетъ печаль. Но попецися паче о врачевныхъ быліяхъ". Желва же рече: „Глаголють врачевстии отроки, яко пификово сердце можетъ исцѣлити болѣзнь ону". И се слышавъ пификъ и в себѣ свою погыбель рыдаше, глаголя: „Оле, моего безумія! Како нѣсмь узналъ тамо? Паче и стару ми сущу, в таковыхъ злыхъ мене вложи. Иже в малыхъ пребываютъ, беспечно житіе живутъ". Такоже се желвъ рече: „Въскую, любимаа, не сказа мнѣ таковое слово, прежде даже не изыдохъ изъ дому моего, яко да и сердце свое съ собою возму? Законъ бо имамъ, да егда к любовному идемъ, сердце свое дома оставливаемъ, да нѣчто о друзѣхъ помыслити лукавое". И сиа слышавши, желва въспять радующися плуяше и пифика на брегъ донесе. Онъ же на сушу наступивъ, точно на смоковницу взыде. Желва же долѣ въпияше: „Сниди скоро, друже, яко да поидемъ". Пификъ же, отвѣщавъ, рече: „Аще сниду къ тебѣ, до конца сердце свое не приобретаю". Тако иже время обрѣтше благо, не исплѣнивше свое хотѣние, и времени мимотекшу, и не получаютъ».

Царь же рече: «Разумѣхъ таковыа притча. И прочее убо скажи ми, иже тщится на нѣкое любо дѣло оно, а не искусит его преже начинания».

Философ же рече:

«Глаголется, яко мужъ нѣкый вкупѣ съ своею женою наединѣ живяше и в нѣкой день рече к ней: “Благонадеженъ есми, о жено, яко мужской пол отроч родится нам, иже со усрьдием поработает намъ. Смотри, како имя наречемъ ему”. Она же рече: “Престани, мужъ, блядити. Подобен еси оному мужу, пролившему мед и масло”.

Глаголетъ бо ся, яко мужъ нѣкый от убогих мед и масло в нѣкоем сосудѣ имяше, идѣже бѣ ложище его. И во едину убо ночь в себѣ помышляше, глаголя: “Хощу масло сие и мед продати за пѣнязя и купити коз 10, еде родят толико козлищъ за 5 мѣсець, и пятыми лѣты составлю 400, от нихже куплю волов 100, и с ними посѣю нивы, от плода жита того и от прочих плодовъ напрасно пребогат буду, и дома въздвигну четверокровныи златоверхи, и рабы различны искуплю, и женѣ припрягуся, яже родить ми отроча, и нареку имя ему Пангале, сирѣч Вседобрѣ, накажу его, якоже подобаетъ. Аще нерадяща его вижу, сим жезлом бью его сице”. И взем прилежащу ему жезлѣ, сосуд с ним ударив и разби его, и пролияся мед и масло по брадѣ его.

Таже роди отрока жена его, и по нѣких днѣхъ рече жена к мужу своему: “Приди, сѣди здѣ у отрока”. И той отшедши, призван бысть от властелина мужъ ея, и оста дѣтищъ единѣ. И приключися абие присмакаться змии на дѣтища. И видѣвши его невѣстка, [\[46\]](#) въскочивши, зубы всече его. Дошедши муж и видѣв невѣстка окровавленна змииною кровию, и мняше, яко отроча его снѣла есть. И не потръпѣвъ, дондеже видит отрока, по главѣ сию немилостивно ударивъ, уби. Вшедше же, отрока цѣла обрѣте и змиа здробленна зѣло и раскаявся, плакася горко. И тако убо тѣшася на многиа вещи без разсуждения согрѣшаютъ».

Царь же рече: «Разумѣхъ таковое, прочее убо скажи ми, како подобает царю свое царство съблюдати невреженно, и в кых паче незлобивымъ ли нравомъ и благою совѣстью и поданиемъ».

Философ же, восприимъ, рече:

«От всего болши есть мудрость и трпѣние, и к сим добрых совѣтник поспѣшенье, таже изряднаа и мудраа жена. Есть же ему и приточно, еже царю индийскому приключшееся есть.

Глаголетъ бо ся сице, яко той царь въ едину ночь видѣ 8 сновъ страшных. И убоявся, пробудися, и призва своа философы, и яже видѣ во снѣ сказа имъ. Они же рѣша: “Видѣние, еже видѣл еси, досточюдно есть; и подобаетъ нам 7 дни, еже о нем смотрити”. Исшед бесѣдоваше друг с другомъ и рѣша: “Не много мимоиде время, отниже царь тму от нас изби, и нынѣ убо божественое промышление вложи е в руках наших, и подобает нам подвизатися, да погубим его. Сия убо достоить совѣтовати ему, яко да сына своего погубит и жену свою, въ сим же и присненика своего, и прѣвосовѣтника, еже есть старѣй книжником, еще же и бѣлаго елефанта, еже яздит на нем, и другаа два елефанта великаа, и коня, и велблуда, и кровь их в сосудѣ събрати, яко да с нею умыем его и припоим врачевныа пѣсни, яко да избавится от всего зла”. И приступиша къ царю и рѣша: “Испытахом в писаниох и обрѣтохом сиа и она, и нѣсть ти инъ путь спасения, точию еже сотворити сиа”. Царь убо рече: “Хочу убо аз сиа цѣлы быти и мнѣ единому погибнути”. Они же рѣша: “Ничтоже болше душа своеа творити”. Слышав же сиа, царь прискрѣбенъ бысть и на своем одрѣ лежа ниць, и помышляше, что сътворити. И слышано бысть по всѣх о царевѣ печали.

И се увѣдѣвъ прѣвосовѣтник его и леств уразумѣвъ, не възможе о сих бесѣдовати цареви, но къ царици, приступив, рече: “Зрю царя прискорбна суца и боюся, еда како лживии философи леств створиша злобы ради, еже потребити его до конца совѣтующе. Но въпроси его, что есть вина, еяже ради толико скръбиши. Егда скажет ти, тогда повѣжъ мнѣ”. Она же шедши къ царю и сѣдши при главѣ его и рече: “Въвести ми, о царю, что ти совѣтоваша философи”. Царь же рече: “Не прилагай къ язвам язвы, не подобает бо ти о таковых въпрашати мене, ибо не можеши таковую злобу разрѣшити”. Она же рече: “Не надѣяхся, яко да утаиши тайну никогода от мене. Аще мнѣ не откриеши таковое, не вѣде, како инѣм откриеши”. Он же рече: “Что мя въпрашаеши о своей погыбели, о жено, и всѣх любезных моих!” Она же рече: “Аз убо и прочии не убѣжим, еже быти о тебѣ измѣнение. Что бо нам честнѣйше, паче тебе? Но молю ти ся, о царю, по моей смерти никому от своих философ не вѣруй, ниже убивай никогже, дондеже своим приятелем проявиши совѣт. Не вѣси ли, яко враждуут тя философи, зане довольно толико множество от них преже мала времени погубил еси? И не мни, яко забыли суть о убьении; не подобаше ти ни начало сну сказати им, но аще послушаеши мя, въпроси суцаго у нас постника старца о снѣх”.
<...>

Царь же абие на конь всѣд и поиде к постнику оному, и яже видѣ сказа ему царь. Постник же рече: “Да не убоишися, о царю, ничтоже бо тебѣ зло будет. Повѣдаетъ бо двѣ рыбѣ, еже видѣ на опашех ходящих, яко посланници приидут к тебѣ от великих царей и два елѣфанта приведут ти. А два норца, яже видѣ лѣтауща окрестъ тебе, назнаменует, яко персьтии посланници два коня изрядна приводяще. Пресмыкаемый же змий по тебѣ скажет, мечъ приносят ти, якоже никтоже ин видѣ. А иже кровию тебѣ крещатися, являет, послет ти ся даръ риза багряна, сияущи въ тмѣ. А еже водою омытися, провѣщает, *яко* различнаа одѣяния принесут ти ся. А иже на гору бѣлу взыти увѣренье истинно есть, *яко* на бѣла елѣфанта всядеши. А иже на главѣ твоей огнь прописует, *яко* вѣнецъ многоцѣнный приимеши от царя нѣкоего велика. А глава твоя *яко* птищѣ, нынѣ не проявит ти ся. Скажут бо малую нѣкою скорбь и отвѣщание любимаго образа. <...> И сия вся забудет ти ся по седми дни”.

Яже и по седми днех бысть: и приидоша посланници, носяще вся, яже прорече постник. Яже видѣвъ, царь от любовных своих словеса обѣщася приимати точиу. Таже видѣвъ дары и рече: “Не подобает ми от сих взяти ничтоже, но вы, приятелие мои, возьмите сиа вкупѣ съ благоумною моею съжителницею, свою бо душу за мя положите”. Прѣвосовѣтник же рече: “Не подобает нам, рабом, таковыя дары приимати, но паче праведно есть сродником твоим”. Царь же рече: “Ты моему спасению повинник еси, и тмами достоинъ еси благодѣяния”. Таже взят царь бѣлаго елѣфанта, сыну же своему дастъ единаго коня, и прѣвосовѣтнику многоцѣнный мечъ. Прочаа же повелѣ прѣвосовѣтнику принести, принести по немъ къ женам. Бяху же ему двѣ женѣ любимѣ: едина, совѣтовавши о постницѣ, и другаа. И пришед царь к ним, предложи пред ними вѣнецъ и багряницу и рече *прѣво* къ совѣтници: “Избери себѣ от обою, еже хоцещи, или вѣнецъ, или багръ, и оставшее да возмет другаа”. Она же недоумѣвши, кое взяти, и възрѣ къ прѣвосовѣтнику. Он же помава оком, еже взяти багръ. Случи же ся тогда царю въздвигнути очи свои и видѣ прѣвосовѣтника, помавающа женѣ его о багряници. Она же разумѣвши, *яко* не утаися царю помавание, и не взят багръ, но вѣнецъ. Прѣвосовѣтник же оттоле преклони око свое до четиридесят лѣтъ, *яко* да не мнится царю, *яко* око его страсть таковую имать. И аще не бы тако сотворил, живот свой погубил бы. Въ един же убо от днии, яже вѣнецъ взявши...».[47]

Нѣкоторымъ писателемъ мудраа сия притча *не* дописана. И уже время, възлюбленне, и мѣ сладкую отеческихъ сократити бесѣду. Богъ челоуѣколюбивый да покрыетъ насъ своею благодатию, молитвами святых своихъ, *яко* благословенъ еси вѣки, аминь.

А писана сиа притча послѣдняго сего ста седмая тысяща 87 г., октоврия. Триас и агиа, докса си![\[48\]](#) 3 греческих книгъ на русский языкъ переведено.

[\[1\]](#) *Списание Сифа Антиоха...* — Автором «Стефанита и Ихнилата» назван Сиф Антиох. Это имя — Симеон Сиф — встречается в греческих рукописях. Сиф был протовестиарием (придворный чин) антиохийского дворца, отсюда в славянских текстах появилось второе имя — Антиох. В некоторых славянских рукописях он назван просто Антиох, с прозванием Великий.

[\[2\]](#) *Иоанн Дамаскин* — церковный деятель, знаменитый византийский поэт, гимнограф и литургист VIII в., по происхождению сириец. В традиции древнеславянской письменности было приписывать известным писателям (таким как Иоанн Златоуст или Иоанн Дамаскин) произведения, авторство которых не было известно или не было достаточно представительно.

[\[3\]](#) *...озвѣрех...* — Греческое слово ὀθῶς (шакал) славянский переводчик не смог перевести, потому что в славянских языках слова «шакал» не было (оно попало в наш язык только в XIX в. через французский язык из персидского). Переводчику пришлось использовать слово «звѣрь» или словосочетание «некий звѣрь». Но если главные герои (шакалы) имеют собственные имена и автор может их во всех случаях называть этими именами, не объясняя, кто они такие, то в других притчах, где это слово является нарицательным (в притче «О льве и верблюде», а также в не вошедшей в данную версию притчи «О шакале-постнике»), переводчику приходилось выходить из положения, прибавляя дополнительные описания. Древнерусские переписчики повести чувствовали этот недостаток перевода, и в некоторых списках появились глоссы на полях, конкретизирующие и поясняющие словосочетание «некий звѣрь» — «соболь и горноста́й», «медведь и соболь», «медведь и горноста́й».

[\[4\]](#) *Стефанит и Ихнилат* — вдревнеиндийской версии памятника «Панчатантре» имена главных героев иные — Каратака («Темно-красный») и Даманака («Усмиритель»); эти имена при переводе на персидский и арабский превратились в «Калила» и «Димна». При переводе памятника с арабского на греческий в результате ложной этимологизации они превратились в «Стефанит и Ихнилат» — переводчик связал слово «Калила» с *iklil* («диадема») и перевел «увенчанный» (στέφανιτης), а слово «Димна» — с *diman* («следы кочевья») и перевел «выслеживающий» (ἰχνελάτης). Такая интерпретация в какой-то мере подтверждалась этической нагрузкой персонажей, из которых один — благородный и благоразумный, а другой — лукавый интриган.

[5] *Якоже сопусы разсыпаются...* — Греческое слово οἰσωλήνες (трубы) передано в славянском тексте словом «сопусы» или «сапосы». Это не понятое переводчиком слово дает в славянских рукописях разночтения и искажения — «супостаты», «сапозы», «соль». В некоторых рукописях дается верный перевод — «трубы».

[6] *Немного еже посредѣ...* — Этим выражением в славянском переводе передано греческое *ou polú tó en mēsō* («через некоторое время, вскоре»); оно было недостаточно ясно для русского читателя. Рукописи дают разные варианты осмысления этого места — «немного же последи», «немного еже пострада», «немного еже по страде», «немного еже по страде своей» и даже «немного еже по траве». В некоторых случаях встречается другой перевод (правильный по смыслу): «не по мнозе же времени».

[7] *Обои различнии мудроумнии обычаи...* — Слово «обычаи» (в Т — *обычаем*) в данном контексте не имеет смысла, тем более что оно появилось на месте греческого *plḗn* («но, однако, разве что»); другие рукописи дают правильное чтение «обаچه»; но надо полагать, что писцы исправили ошибку перевода по смыслу, а не в результате сверки с греческим текстом.

[8] *...катадневную пищу...* — Т. е. ежедневную пищу. Прилагательное искусственно образовано с помощью греческой приставки *katá* — «еже-», «каждо-».

[9] *...пификово...* — Для обозначения обезьяны в славянских языках существовало несколько слов — пифик, опыния (опыня), опица (опица), обезьяна (обозиана), трепясток и позднее (с XV в.) — мартышка; все они соответствуют греческому *πίθηκος*. Слово «пифик», заимствованное из греческого языка, встречается в памятниках редко и, видимо, требует объяснения. В рукописях иногда встречаются глоссы на полях, объясняющие, что пифик — это обезьяна.

[10] *...съключися древо...* — В рукописи на полях приписано «сътупися».

[11] *...яко всякъ жало имать.* — Неудачный перевод: в греческом тексте стоит *tò métron* — «мера», славянский переводчик прочитал *tò kéntron* — «жало».

[12] *...и тѣм же лобзаим наше число.* — Славянское *лобзати* значит «приветствовать». Слово «число» в данном случае не совсем удачно передает греческое *tò métron* — «мера».

[13] *Подобит бо ся лозѣ...* — В рукописи: «Подобит бо ся зѣло древесем». В данном случае переписчиком Синодального списка допущена ошибка (метатеза — вместо «лозѣ» — «зѣло»). Кроме того, слово «древесем» лишнее (в Т его нет) — оно написано на верхнем поле со знаком вноски в текст. Некоторые рукописи дают правильное чтение; например, рукопись Толст. — «подобит бо ся лозѣ, та бо не болшим древесем, но ближним приплетається».

[14] *Глаголет бо ся, яко отрок нѣкий...* — Притча об отроке появилась в славянском переводе случайно (в греческом тексте ее нет) в результате ошибки перевода. Переводчик перепутал похожие по написанию слова пᾱς (всякий) и ó παῖς (отрок) и вынужден был прибавить к выпадающему из контекста слову «отрок» (вместо «всякий») несколько фраз, чтобы получилась еще одна маленькая притча.

[15] *Подобенъ есть царь горѣ бреговитѣй... бѣдно.* — В славянском переводе опущены слова о том, что на этой изобильной горе водятся львы и другие дикие звери, поэтому-то пребывание на ней и бедственно.

[16] *...фалкон...* — Для передачи греческого слова ó ἰέραξ («коршун, истреб») славянский переводчик воспользовался новогреческим словом фᾱλκον. Это слово в славянских языках встречается редко, оно было мало известно переписчикам (поэтому в разных списках это слово написано по-разному: фалкон, факон, алфакон, афокон, аволкон, жалкон и др.). В одном из списков есть глосса к слову «фалкон» — кречет. Неясно, почему переводчик употребил малоизвестное заимствованное слово вместо славянского, тем более что в других случаях слово ó ἰέραξ он переводит и словом «крагуй», и словом «орел». Однако это обстоятельство для нас небезынтересно — оно косвенно подтверждает мнение, что переводчиком был человек, постоянно пользовавшийся новогреческим языком (вероятно, афонский монах).

[17] *Съвѣтова убо Левъ сумнѣние свое утаити ему...* — Переводя это место греческого текста, славянский переводчик допустил обычное для древнерусских книжников смешение двух греческих глаголов βούλομαι и βουλεύω («хотеть» и «советовать») и перевел вместо «хотел» — «советовал». Нарушение смысла чувствовали переписчики и пытались это место исправить (без обращения к греческому тексту), поэтому почти все списки дают в этом месте разночтения: «Советова убо Лев наедине с Ихнилатором и хоте от него утаити сомнение свое и страх», «Но советова Лев мне убо сомнение и страх свой утаити ему», «Советова же Лев о сумнении своем и ужасе, еже бы како рещи», «Советова же Лев сам о сумнении своем и ужасе и страхе, еже бы како утаити ему и рещи».

[18] *..нѣкому другу своему звѣрю...* — См. сноску 3.

[19] *..нѣкому другу своему звѣрю...* — См. сноску 3.

[20] *...обрѣте ежа въ своей скръби.* — Еж как действующее лицо притчи о журавле и рыбах — недоразумение; в греческом тексте действует рак (ὁ καρκίνος).

[21] *И како не скорбя?* — Грамматический болгаризм; должно быть скорблю (1-е лицо, ед. число) в значении «буду скорбеть».

[22] *...и рече к ловцем...* — Славянский переводчик вместо греческого τῖριον — «зверь» прочитал ó θηρευτής — «охотник».

[23] *Онъ же рече: «Ибо ты и аз...»* — Слова «он же рече» попали в перевод по ошибке; в греческом тексте их нет. Последующие слова также произносит Стефанит.

[24] *...на тя... лукавьствует...* — В рукописи после этих слов добавлено «получил есть». В Толст. «только лукавьства поучился есть».

[25] *И псира корида и пилое.* — Заголовок к притче о кориде (о воши) и о блохе дан в Синодальном списке греческими словами в славянской транскрипции. Слово «псира» (и, видимо, «пилое» или «пилос» тоже) является передачей греческого слова ἡ ψύλλα — «блоха». Слово «корида» восходит к новогреческому ἡ κόριζα (клоп). Однако в греческом тексте здесь фигурирует не клоп, а вошь (греч. ὁ φεῖρ); в этом смысле текст Синодального списка соответствует греческому оригиналу, ибо слово «корида» там только в заголовке и в глоссе, а в тексте — «вошка». В других же рукописях «корида» (иногда встречается глосса — «вошь»), и в заголовках эта притча обычно называется «О кориде и о блохе». Это слово было малопонятно (поэтому и появляются глоссы), но почему-то не было заменено славянским словом «клоп». Оно, по-видимому, было внесено славянским переводчиком, пользовавшимся в повседневной жизни новогреческим языком (он перевел греческое слово новогреческим — и это слово не было достаточно понятно последующим переписчикам памятника).

[26] *...еже и вошка.* — На верхнем поле со знаком вноса сделана глосса к слову «вошка» — «корида». Этим словом в славянских рукописях (кроме Синодальной группы) обозначается персонаж этой притчи (вошь). В Синодальном списке слово «корида» встречается только в этой глоссе и в заголовке.

[27] *...явѣ мучат явѣ согрѣшающаго.* — Исправлено по Толст.; в рукописи второе «явѣ» пропущено.

[28] *...срам велий...* — Исправлено по Т; в рукописи «срам велий и невси». В других рукописях здесь «срам велий и ненависть».

[29] *...видя его совѣсть...* — Грамматический болгаризм; должно быть *вижду*. Ср. выше, сноску 21.

[30] *Мудрый бо... ниизложит их.* — Явно испорченное место. Возможно и другое понимание: «Мудрые мужи не покорятся, пока (враг) не разобьет их».

[31] *...лиинаковии очи...* — Этому словосочетанию соответствует в греческом тексте οὐκτῆρίδων ὀφθαλμοί, т. е. «глаза нетопыря, летучей мыши». В данном случае мы имеем дело с южнославянским значением слова «лилек» — нетопырь, так что это словоупотребление — след южнославянского (болгарского) оригинала (в болгарском языке «лилек-нетопырь» обычно, а в сербском — встречается только в некоторых диалектах).

[32] *...исплъненѣ же внутрь ядовитых звѣрей...* — Словосочетание «ядовитый зверь» здесь соответствует греческому *ὁ κόρκοβελος*, но почему-то слово «крокодил» не было употреблено, хотя крокодил был известен славянскому книжнику по «Физиологу» и другим памятникам.

[33] *не обличай... тебе...* — Ср. Притч. 9, 8.

[34] *Глаголетъ бо ся, яко нѣции пифици в нѣкоей горѣ пребываху в зимно время, престуденно и обрѣтоша...* — Это все, что осталось от притчи о пификах и светлячке, наличествующей в греческом тексте и в сербской редакции. Можно предполагать, что эта притча была «утеряна» составителем болгаро-русской редакции то ли в результате утраты листа в оригинале, то ли в результате механического пропуска при переписывании — после слова «обрѣтоша» он «перескочил» на следующую притчу — «О лукавом и препростом», которые «обрѣтоша сокровище злата». В результате такого «объединения» получилось, что герои притчи «О лукавом и препростом» — пифики (см. сноску 9).

[35] *...укълоснувши непрятка...* — В Синодальном списке слово «непрятка» вычеркнуто, как непонятное (в других рукописях его вообще нет). Однако оно необходимо по смыслу. Это лексический болгаризм, обозначающий змею.

[36] *...иже... утробы.* — Пс. 9, 10.

[37] *...вси... быша.* — Пс. 13, 3.

[38] *«Да трпля, дондеже видя, что хочет быти».* — Грамматический болгаризм. В Т и др. — «да терплю, дондеже вижу, что хочет быти».

[39] *...иже во очеси... видиши.* — Ср. Мф. 3, 3; Лк. 6, 41.

[40] *...другаа жена и рече: «Не стыдиши ли ся»...* — Здесь путаница в славянском тексте — эти слова произносит женщина, нашедшая лоскут.

[41] *Мудраго бо мужа добродетѣли телчи уподобися благоуханию, иже наречется греческим языком мосхос...* — В греческом языке слово «*móschos*» означает «теленка, бычок» и «мускус».

[42] *...съложи ми ся крѣпость...* — Исправлено; в рукописи *вложи*; в Толст. *отломися*. В этой притче несомненно остались следы каких-то восточных (индийских) преданий о магической силе золота (и о мыши, хранительнице золота), иначе трудно понять, почему мышь обессилела, лишившись золота.

[43] *Никтоже мудрому пособьствует, точию паки мудръ, якоже и елѣфанта падшася не въздвижет инъ никтоже, точию паки елѣфантъ.* — Это сравнение основано на средневековых представлениях о слонах (изложенных в «Физиологе») — ноги слонов без коленей, слон не может встать без чужой помощи, спит он стоя, прислонившись к дереву, а если он случайно упадет, то помочь ему встать должны другие слоны.

[44] *Судя убо нынѣ быти полезно...* — Грамматический болгаризм; должно быть *сужду*. Ср. выше, сноски 21, 29.

[45] *...трость... ниизложиши.* — Ср. Ис. 42, 3.

[46] *...невѣстка.* — Это слово чрезвычайно любопытно тем, что оно дает своеобразную полисемию, приводящую к путанице именно потому, что та же полисемия существует и в других языках. В притче о ласке, загрызшей змею и спасшей ребенка, в славянских текстах употреблено слово «невѣстка», а в греческом ἡ νύμφη. Основное значение этого слова — «невестка». Однако есть и другое значение, редко встречающееся, — ласка, горноста́й. Подобное соотношение и в турецком: «gelin» — «невестка», и «gelincik» — «ласка, хоре́к»; нечто подобное есть и в арабском. Переводчик итальянской версии сделал основанную на том же совпадении корней ошибку перевода — вместо «donnola» написал «doncella». Слово «невестка» в значении «ласка» болгарское (оно зафиксировано в большинстве болгарских словарей). Слово «ласка» (точнее, «ласица»), напротив, хорошо известно и сомнений не вызывает. Русские переписчики не поняли, что в притче о невестке идет речь о зверюшке. Поэтому в списках часто появляется к слову «невестка» приложение — «жена брата его»; в повествование вводятся также дополнительные детали, например, что она растерзала змею своими руками. Однако недоразумение, случившееся при переводе этой притчи, дает себя чувствовать — странно звучит, что женщина, убивая змею, «окровавилась змииною кровию» настолько, что ее можно было на этом основании обвинять в том, что она младенца «снела».

[47] *...яже вѣнецъ возьмши...* — На этом месте обрывается текст болгаро-русской редакции; продолжение читаем в сербской редакции: жена царя, пожалев, что неудачно выбрала венец, а не багряницу, с досады высыпала царю на голову блюдо риса, и за это царь велел ее казнить; мудрый первосоветник, зная, что царь потом пожалеет, что в гневе погубил самую достойную из своих жен, спрятал ее и, беседуя с царем, вызвал в нем раскаяние и сожаление; таким образом, царица была спасена, царь счастлив, а первосоветник вознагражден. Далее в сербской редакции идут притчи о пситаке (попугае), о добродетельном шакале и о мышинном царе.

После слов «венецъ возьмше» в Синодальном списке помещена приписка, начинающаяся словами «некоторым писателем мудрая сия притча не дописана...» и сообщающая дату написания Синодального списка — 6987 (1479) г. Подробнее об этой приписке и связанными с нею возможностями датировки памятника см. в статье: *Лихачева О. П.* О некоторых особенностях Синодального списка древнерусской переводной повести «Стефанит и Ихнилат» // *Археографический ежегодник.* 1972; М., 1974. С. 110—113.

[48] *Триас и агиа, докса си!* — Греческое молитвословие (Троица святая, слава тебе!), написанное славянскими буквами.

ПЕРЕВОД

СОЧИНЕНИЕ СИФА АНТИОХА (ИНЫЕ ЖЕ ПОЛАГАЛИ, ЧТО ИОАННА ДАМАСКИНА, ВЕЛИКОГО ГИМНОСЛАГАТЕЛЯ), А ОНО О ЗВЕРЯХ, НАЗЫВАЕМЫХ СТЕФАНИТ, ИХНИЛАТ

Притча первая. Вопрос царя. Спрашивал царь индийский одного из своих философов, говоря: «Хочу я, чтобы ты показал мне в притче, как хитрый и коварный человек, став посредником, превращает во вражду любовь и дружбу, которые между кем-нибудь установились».

И вот что тот сказал в ответ:

Рассказывают, что был один весьма известный купец, который вел положенным образом добросовестную жизнь, но имел злоумных детей, которые по лени не хотели научиться никакому искусству ремесла. И отец обращался к ним с поучительными словами, говоря: «О дети! Когда в эту жизнь мы вступаем, то нуждаемся в трех вещах: достаточном состоянии, почете от людей и справедливом приобретении того, что благо. А эти три вещи никому не даются иначе, чем через четыре другие: чтобы богатство составлять путями справедливыми и благословенными, чтобы приобретенное правильно употреблять и сохранять, чтобы из приобретенного подавать нуждающимся, а это полезно для жизни будущей (...) и еще чтобы, насколько можно, избегать случающихся напастей. И если кто упустит что-нибудь из тех трех вещей, — никто не поможет. Ведь если он не приобретает богатство, то и сам в жизни не сможет развернуться, ни другого кого благодетельствовать. А если и богат станет, но неправильно жизнь свою устроит, то скоро окажется среди нищих; даже если и скромно питаться будет, а к богатству ничего не прибавит, истощится оно постепенно. (...) Если же и скопится состояние, но употреблено будет худо (не будут подавать от него, когда нужно), то справедливо счесть нищим того, кто богат таким образом, всякой гибели он сам причина. Так и трубы разрываются, когда вода в них прибывает, а пути для выхода не находит».

Услышали юноши это поучение и послушались отеческого наказа. И вот первый из них послан торговать, а с собой имел повозку, которую тянули два быка. По дороге же случилось одному быку увязнуть в болоте. Бросился к нему купец со своими людьми, вытащили его из грязи, да пришлось его оставить: ведь пока его тянули, он выбился из сил, так что и (...) передвигаться не мог. И вот, в полной растерянности, он тихо ходил тут и там, пока не набрел на влажное, богатое травой поле, где и остался, кормясь. Вскоре весьма растолстел и раздобрел Бык, начал рыть землю рогами и громко реветь (...).

А близко от этого места находился царь Лев. Были у него животные разного рода: и львы, и медведи, волки и лисы, и многие другие. Лев же был заносчив, горд, скудоумен. Услышал он рев Быка и очень испугался; показать своим подданным страх он не хотел и потому неподвижно стоял на месте (...). Были там еще два зверя: один по имени Стефанит, а другой Ихниллат. Оба они различались складом ума, и Ихниллат был довольно лукав душою и хорошо знал, как достичь желаемого (...).

И сказал он Стефаниту: «Почему это мы видим, друг, что Лев неподвижен, словно застывший лед, не творя никому насилия, как это обычно бывает?» И сказал Стефанит: «Что тебе до таких неподобающих вопросов? Нет нам ни в чем скорби или тягости: недостойны мы о царях рассуждать или разбирать их, сидя у ворот нашего царя и принимая от него насущную пищу. Оставь это и знай, что со всяким (...) кто занят неподобающими словами и делами, будет то же, что с павианом.

Рассказывают, что один павиан, увидев, как дровосек расщепляет дерево двумя клиньями и что тот за каким-то делом отошел, уподобился дровосеку, уселся на дерево и взялся его расщеплять. Вот срамные части его попали в щель, а он по незнанию вытащил клин, дерево сжалось и защемило его. Павиан обезумел от боли, а когда пришел дровосек, еще и наказан был сильно». (...)

И сказал Ихниллат: «Понял я то, что ты изложил. Но знай, что всякий, приблизившийся к царю, приходит не за жизненным пропитанием, а хочет славы, чтобы друзей порадовать и врагов посрамить. Людям бедным и низким любезен недостаток: что найдут, то им и ладно: так и собака — найдет кость и гложет ее (...). Но человек одухотворенный не мирится с низким и дурным, он ищет высшего и стремится к достойному. Вот так и лев — если держит зайца, но видит верблюда, оставит зайца, а преследует верблюда. Разве тебе не известно, что собака машет хвостом, прежде чем дадут ей есть (...) а великий слон отказывается и не берет пищи и ест лишь после уговоров? (...) Одухотворенный и щедрый муж хоть и не долго проживет, но к долгожителям причисляется, а тот, кто житейской суетою и убожеством существует, кто не способен ни себе, ни другим пользы принести, тот кратковечен и несчастен будет, даже если и до глубокой доживет старости» (...).

Услышал это Стефанит и сказал: «Я понял, что ты имеешь в виду, но примечай, что у каждого свой предел. И если кто почтен от равных по

чести, тот должен быть доволен своим положением. И поскольку мы таковы (...) то примем с любовью нашу меру».

И сказал Ихнилат: «Всякое жизненное назначение одинаково. Потому одухотворенный муж назначен к тому, чтобы восходить, а ничтожный — всегда опускаться. Ведь очень трудно снизу забраться наверх, но сверху спускаться легко, не то что восходить. (...) Вот и нам подобает искать, сколько возможно, высшего, не только оставаться в теперешнем состоянии, но и переходить в другие. Поэтому я и хочу через беседу со Львом сделать себе приобретение из его затруднений. Я вижу, что он в страхе и растерянности вместе со своими воинами, и надеюсь, что сделаю себе из этого какое-нибудь приобретение».

И сказал Стефанит: «Как ты догадался, что Лев растерян?» И сказал Ихнилат: «Это я понял путем размышления. (...) Ведь умный способен понимать даже мысли ближнего, наблюдая за его поведением и обликом». И сказал Стефанит: «А как же ты получишь от Льва вознаграждение, никогда не служив царям, не обладая искусством беседовать с ними и поучать их?» И тот сказал в ответ: «Мудрый знает, как поступать и там, где не имеет опыта (...) глупый ошибается и в том, чему учился». И сказал Стефанит: «Царь принимает что-нибудь не от того, кто его больше, но от того, кто к нему ближе. Этим он похож на виноград, который оплетает не самые большие, а самые ближние деревья. Не находясь при царе, как сможешь ты приблизиться к нему?» (...)

И сказал Ихнилат: «Я понял, это справедливо, что ты говоришь. Но вспомни некоторых из нашего круга, которые не были такими раньше, а поднялись снизу. Вот и я начну, как они. (...)

Ведь рассказывают, что один юноша сидел у царских ворот, отбросив гордость, сдерживая гнев, терпя неудобства, всякому повинуюсь, только чтобы поскорее приблизиться к царю. Так и я — когда приближусь к царю, узнаю его привычки и нрав, искусно угождая ему во всем, то надеюсь, что полюбит меня вследствие этого Лев и возвысит над другими. Умный и мудрый муж может исказить правду и сочинить неправду, как искусный писатель перетолковывает правду и составляет рассуждения, подходящие ко времени». И сказал Стефанит: «Если ты так думаешь, не подобает тебе приближаться к царю. (...) Ведь написано, что из мудрых никто не осмелится на следующие три вещи, но если осмелится, то едва ли спасется, а именно: к царям приближаться, пить яд для пробы, вверять тайну женщине. Царь подобен крутой горе, труднодоступной, плодами и источниками покрытой; восходить на нее легко, но пребывать на ней бедственно».

И сказал Ихниллат: «Верно сказал. Но кто не осмелится на опасное, не получит желаемого, подобно же и тот, кто всего боится, никем не уважаем. (...) Ведь сказано (...) что из трусливых ни один не любит трех вещей, а именно: царскую службу, мореплавание и быстрый отпор врагу. Но два места предназначены великому мужу: царский двор и пребывание в пустыне с пустынниками, точно так и для слона — пустыня и царский двор». (...) И сказал Стефанит: «Об этом не кончить разговор. Иди и делай, что хочешь».

Пошел Ихниллат ко Льву и поклонился ему. А тот спросил его: «Где ты был так долго?» И сказал Ихниллат: «Сидел я неотступно у царских ворот, надеясь пригодиться твоему царству в каком-нибудь деле. Я ведь знаю, что порою и ничтожные для чего-нибудь бывают пригодны, а часто они полезны и в важных делах. Так вот и дерево, сваленное на землю, вдруг пригодится, чтобы почесать ухо». Услышал эти слова Лев, (...) и сказал своим: «Вот благоразумного и красноречивого мужа до беседы с ним не всегда и заметишь; как и огонь, скрытый в терне, лишь когда выйдет наружу, производит на воздухе пламя».

Как только понял Ихниллат, что угодил Льву, так сказал: «О царь, подобает, чтобы царские рабы говорили царю только подходящие и полезные вещи, а потом принимали от него только достойные вознаграждения. Ведь вот как разные лежащие в земле семена не узнать, какие они, пока не взойдут от земли (...) так и каждого человека можно узнать лишь по его словам. Царю не подобает головные украшения привешивать к ногам или ножные украшения к голове. Тот, кто смешивает драгоценные камни и жемчуг с оловом, больше бесчестит себя, чем жемчуг. Князю подобает рассматривать тех, кто ниже его: военачальнику — воинов, царю — красноречивых и мудрых людей. Не количеством, а добротным замыслом воплощает владыка свои предприятия. (...) Нужно, чтобы владыки не презирали малых, которые под ними: ведь малые уже и не малые, когда полезны великим. Почитать подобает властителю не только благородных и славных, но достойных и красноречивых, довольствоваться не только своими людьми, но приглашать издалека. Ничего нет нам ближе собственного тела (...) и заботы о нем, когда приходит пора, но если случается с ним болезнь, далеко за лечением ходим. (...) Хоть и много в царском доме мышей, но нет в них нужды, пусть и близко они; птица же по имени сокол хоть и дика, но за свойства свои призывается, принимается и на царской руке сидит».

Услышал эти слова Лев, изумился и сказал своим приближенным: «Не подобает властелину презирать разумного мужа, если даже он из низов,

но каждого награждать по достоинству, пусть и недовольны этим иные». (...)

Увидел Ихниллат, что Лев к нему сердечно расположен, и сказал ему наедине, говоря так: (...) «Отчего это, о царь, так долго ты недвижим, не пойдешь на другое какое место?» Лев же хотел скрыть свою растерянность, но пока они разговаривали, снова услышал он Быка и, сильно испугавшись, сказал: «Боюсь я этого зверя: что, как по голосу и тело у него, а по телу и сила, а по силе и мудрость? Потому, если он таков, уйдем отсюда». Услышал Ихниллат и сказал: «Не бойся, царь: пусты могучие голоса, хоть и громко слышатся.

Рассказывают, что голодной лисице в поисках пищи случилось найти одну вещь — тимпан, называемый бубен; висит он на дереве, качает его ветром, издает он звуки. Видев такое, лисица боялась подойти, удивляясь и виду тимпана, да и громкого звука боясь (...) однако голоду и алчности поддавшись и с силою собравшись, растерзала тимпан, а увидев пустоту, сказала: “Увы! Так самое худое тело выглядит самым большим и звучным!” (...) Теперь это случилось и с нами, царь, что нас обманывает голос такого зверя. Хочешь ли, я подойду к нему и посмотрю, каков он, и быстро вернусь к тебе?» (...) Льву понравилось предложение, и он послал его. Лишь тот отправился, а Лев уже сильно раскаивался, что послал его, и размышлял с собой, так говоря: «Что я наделал! Зачем доверил свои слова Ихниллату! (...) Не подобает, чтобы властелин доверял слова свои и тайны тому, кого когда-нибудь подверг презрению или же у кого отнял имущество и честь, или же жадному и лукавому и подобным таким. Ведь Ихниллат, являясь самым мудрым изначально, был повержен у моих ворот, и потому служит мне неверно. А то еще найдет он, что этот мощноголосый зверь больше и силою, сблизится с ним и сообщит о моем бессилии». Пока так и подобно размышлял Лев, появился Ихниллат, возвращаясь один. Как увидел его Лев, обрадовался, говорит ему: «Что ты делал?» (...) И тот сказал: «Видел я мощноголосого этого зверя, Бык это. Я подходил к нему и разговаривал, и никакого вреда не было мне от него». И Лев сказал: «Не думай, что Бык бессилен, раз ничем не повредил тебе. Ведь большой ветер и буря не повреждают маленькие деревья, а высокие, сломав, вырывают с корнем». (...)

И сказал Ихниллат: «Пусть тебе не кажется, о царь, что это самое сильное животное. Если хочешь, я приведу его к тебе, и будет оно тебе послушно и в твоей власти». Лев обрадовался и велел исполнить это предложение. (...)

Тот пошел к Быку и дерзко сказал ему: «Послал меня к тебе Лев, чтобы отвести тебя к нему. Если послушаешься и пойдешь к нему, получишь прощение за то, что до сих пор уклонялся и не встречал его, как все. Но если не поспешишь, я все расскажу ему о тебе». И сказал Бык: «А кто этот Лев, приславший тебя ко мне, и где он находится?» И сказал Ихнилат: «Он царь зверей и находится на этом месте со своим войском, — там, где я тебе покажу. Так что следуй за мною». Бык испугался и последовал за ним ко Льву. И вот увидел его Лев, что тело у него по голосу, как он и слышал, сердечно принял его, расспрашивая обо всем. А тот сообщил ему все о себе. Обещал ему Лев всякие и всяческие блага, возложил на него великую власть и вознес его выше всех. (...)

Увидев это, Ихнилат позавидовал ему. Не в силах побороть зависть, он открылся другу своему Стефаниту и сказал: «Не удивлен ли ты, что я себе устроил — Льву принес добро, а себе лихо? Я привел к нему Быка, а тот превзошел меня по чести». И сказал Стефанит: «Что же ты хочешь сделать?» (...) И сказал тот: «Хочу в прежнее достоинство взойти и остаться в нем. Мудрому подобает держаться таких трех вещей: прежде всего, когда претерпел зло и добро, рассмотреть, что было причиной, чтобы к добру стремиться, от зла же убегать, а потому рассматривать наличное добро и зло, и будущее. Вот я и решил в прежнее свое достоинство взойти и остаться в нем. Но не нашел я другого подходящего пути, как только Быка убить: это и мне полезно, да и Льву тоже». (...)

И сказал Стефанит: «Не вижу я, чтобы какой вред происходил от присутствия Быка». И сказал тот: «Лев весь принадлежит ему и пренебрегает остальными. Из-за шести вещей царь оказывается в опасности и низлагается: когда он не ищет подходящего случая, но действует грозою; когда подобает быть кротким, а он свиреп; когда не имеет разумных и верных себе советников; когда наводит страх и преследует своих людей; когда побежден бывает безрассудными желаниями; когда побежден бывает яростью, — этими обстоятельствами нужно пользоваться применительно ко времени».

И сказал Стефанит: «Но как ты сможешь повредить Льву, который гораздо сильнее тебя, имеет много друзей и приспешников?»

И сказал Ихнилат: «Не гляди, что я немощен и мал: (...) многие сильные побеждены бывают немощными. (...)

Рассказывают, что на дереве в горах ворон устроил гнездо, но здесь он постоянно терпел обиды от змеи, она съедала его птенцов. И много раз делала это змея. Тогда отправился ворон к одному зверю, своему другу, и сказал: “Будь моим советчиком: ведь знаешь ты, как я страдаю от змеи. Я думаю, что лучше всего мне будет подобраться к ней, когда она спит, и выклевать ей глаза”. И ответил зверь: “Неладно ты задумал. Изобрети другую хитрость, чтобы ее погубить, а самому невредимым остаться. Не то будет с тобою то же, что с журавлем”.

Рассказывают, что один журавль, живя при озере, богатом рыбой, ею питался, но состарился и не мог выходить на ловлю. (...) Страдал он, охваченный голодом. В скорби своей пошел он на гору, а восходя, набрел на ежа. И сказал тут еж: “Почему ты в печали и скорби?” Услышал тот и сказал: “И как не быть мне скорбну? Раньше жил я у озера и кормился рыбой из него, многой и обильной. А нынче я увидел, как пришли на это место два рыбака (...) и говорили друг другу, что выловят всю здешнюю рыбу”. И вот еж, услышав это от журавля, пришел к рыбам и рассказал им, что слышал. А те, явившись к журавлю, сказали: “Будь теперь нам советчик. Слышали мы, что какие-то рыбаки хотят нас выловить”. И сказал журавль: “Иного не имеется способа, только чтобы перебраться с этого места на другое, водное и пресное”. И сказали рыбы: “Так перенеси нас на такое место, где найдем мы достаточную пищу и избавимся от надвигающейся беды”. (...) И тот сказал: “Боюсь, что еще до вашего переселения придут рыбаки. Но что смогу, то сделаю”. И с этими словами начал понемногу переносить рыб на крутой берег и там их съедал, а другие рыбы думали, что он их переносит в назначенное место. Однажды и еж упросил журавля перенести его, как и рыб. Взял его журавль, отнес на кручу, где съедал рыб, и вознамерился и того съесть. (...) Увидев, что лежат там рыбы кости, понял еж хитрость и подумал про себя: “Хоть противясь журавлю, хоть покорясь, все насильственной смертью умру. Решил я теперь, что бесчестную смерть не приму: или достойно жить, или достойно умереть, как добродетельному подобает”. Схватил он внезапно челюстями шею журавля и насильственно удавил его.

Я сказал для того тебе это, ворон, чтобы ты знал, что затевающие войну сами попадают в свои сети. А нужно тебе так подстроить гибель змее, чтобы ее погубить, а самому невредимым остаться: поищи внизу драгоценное женское украшение, укради его и, отнеся в змеиное гнездо, положи его там. Тогда пойдут по следу украшения, а найдя змею, убьют ее. Так и стало. Сделал это ворон и избавился от змеи».

И сказал Ихнилат Стефаниту: «Я рассказал тебе это, чтобы ты понял, что мудрость больше, чем сила». (...)

И сказал Стефанит: «Если бы не был Бык мудр соответственно мужеству, я бы согласился с твоими словами, но вместе с храбростью он и умен». И сказал Ихниллат: «Верно говоришь, он точно таков. Но я низвергну его хитростью. Я осмеливаюсь на это и полагаюсь на многие случаи, которые часто бывали. Ведь и заяц льва низвергнул.

Рассказывают, что один лев жил на поле, богатом водой и травой, где обитали различные роды зверей, и это поле щедро их насыщало и радовало. Они, однако, в страхе трепетали льва и, собрав совет, пришли ко льву, говоря ему: «Мы совещались все вместе, о царь, как бы избавить тебя от усилий и забот, а себе обеспечить безбедную жизнь. Ты ведь каждодневно тратишь много трудов и пота, когда охотишься на одного из нас, а мы, опять же, трепещем, боясь твоей охоты. Нужно, чтобы без затраты трудов мы ежедневно украшали твой стол». Это понравилось льву. Долго жили так звери и метали жребий друг о друге: на кого выпадал жребий, того посылали ко льву. А когда выпал жребий на зайца, он сказал зверям: «Если послушаете меня, звери, я избавлю вас от этой повинности, которую мы терпим». И сказали они: «Сделаем что хочешь». — «Скажите тому, кто поведет меня, чтоб не быстро вел меня к нему. А когда близко к нему будем, пусть все скроются, а я отвечу». Так и сделали. И заяц шел тихим ходом, а когда уже лев разъярился от голода, заяц один появился перед ним, и тот проговорил: «Почему ты тянул до сих пор, а не пришел, как другие, быстро?» И этот сказал: «Вел я к тебе зайца, друга своего, а какой-то лев встретил меня и схватил его. Сколько ни призывал я его и ни клялся, что этот заяц уже принадлежит льву, он не послушал меня. (...) Если хочешь, я отведу тебя к нему». Разъярившись, лев сказал зайцу: «Иду за тобой туда, где он». И заяц повел его к одному глубокому колодцу и велел ему склониться над ним, чтобы увидеть того льва. Заяц тоже склонился с ним и сказал: «Видишь льва, который похитил твоего зайца? И заяц этот у него». И показал ему в воде отражение льва и свое. Увидев это и решив, что так оно и есть, лев бросился в колодец и захлебнулся».

И сказал Стефанит: «Если ты думаешь, что Бык враг Льву и что ты можешь его погубить, начинай дело». И сказал тот: «Ведь ты и я, и многие другие из нас оказались в презрении из-за возвышения Быка. Если же ты не можешь этого сделать, отступи от такой затеи, ибо она позор и преступление». <->

В один из дней после того пришел ко Льву Ихниллат, исполненный скорби. Спросил его Лев о скорби и сказал: «Разве что случилось?» (...)

«Случилось кое-что вредное и тебе, и мне. Впрочем, когда высказывается кто и понимает, что высказывания его неприятны

слушателю, больше уже говорить не решится, хотя бы было это на пользу слушателю, но когда он видит, что воспринимают его слова, тогда высказывается с усердием и рассудительностью. О царь, когда я увидел тебя, украшенного разумом и мудростью, то осмелился высказаться твоему царскому величеству о том, о чем ты слышать не хочешь. Ты хорошо знаешь, что служба моя известна и праведна, и я надеюсь, что правда откроется тебе в моих словах. А души наши до смерти принадлежат тебе, так что должно, чтобы полезное и нужное я не скрывал от тебя. Ведь не подобает рабу скрывать от своего господина, как и больному не следует скрывать свою болезнь от врача, а бедняку прикрывать нищету свою перед друзьями. А я узнал от достоверного лица, что Бык обращался к вельможам твоим и сказал им: “Испытал я Льва, и тщательно рассмотрел его мужество и ум, и обнаружил, что в этих вещах он ни на что не годен”. По этим словам, о царь, я понял его бесстыдство и коварство: ты так вознес его надо всеми, сравнивал его по чести с самим собой, но мало ему этого, он и убить тебя готов, к чему непрерывно себя побуждает, захватить замыслил твою власть. Когда такого разоблачают, нужно, чтобы царь предал его смерти раньше, чем тот исполнит свое намерение. Если так произойдет, мы все пребудем в мире. Ведь люди, достаточно мудрые, всячески стараются избегать несчастных случаев, менее умные и робкие, если оступаются, то изыскивают себе спасение, но совершенно бестолковые, если оступятся, спасения уже никогда не находят. И это похоже на то, что было с тремя рыбами.

Рассказывают, что в одном озере у реки жили три рыбы. Одна из них была мудра, другая — лишь отчасти, третья — ничуть. (...) И случилось однажды такое дело, что шли мимо озера два рыбака и говорили они друг другу, что, когда вернутся, выловят этих рыб. И когда мудрая рыба услышала эти слова, покинула озеро и вошла в реку, две другие рыбы, не заботясь о своем спасении, остались в озере. И вот рыбаки пришли и накрепко отгородили озеро от реки. Увидев это, средняя по уму рыба пожалела, что не выплыла раньше, и сказала себе: “Таков конец нерадивых! Какой теперь хитростью спасусь? Пусть окажется тщетным старанье, все же измыслю я, сколько могу, полезное что-нибудь на свое спасение”. Тут она притворилась мертвой, и, словно мертвую, ее носило по воде. Поверив этому, рыбаки своими руками взяли ее и положили между рекой и озером. Тотчас же прыгнула рыба в реку и спаслась. А глупая рыба, хоть и много плавала туда и сюда, все же была выловлена». (...)

И сказал Лев: «Я понял притчу, но мне не кажется, что Бык коварен, он ведь не видел ничего дурного от меня». И сказал Ихнилат: «Потому-то он и строит козни против тебя, что не видел от тебя ничего дурного. Ты так вознес его, что ему и завидовать нечему, как только твоему положению. Такого рода особа держится смирно, пока не достигнет такой ступени, какой недостойна, а когда достигнет, с коварством замышляет перейти на другую ступень. Он служит царю не за что

другое, как только чтобы заполучить то, что в действительности хочет. Он притворяется кротким, пока не достигнет желаемого, а когда заполучит это, снова обращается к своим скверным привычкам. Так и собачий хвост, кривой от природы и невыпрямленный, тогда прям, когда привяжешь к нему веревку и натянешь, а когда веревка отвязана, он тут же будет крив и изогнут, как обычно. Пойми, о царь, что тот, кто не принимает дружеские слова своих друзей, похож на больного, который отворачивается от полезных лекарств из-за их горечи, пить их не хочет, не слушает врача. Говорят ведь, что лучше по огню и по змеям ходить, чем жить со злыми советчиками».

И сказал Лев: «Разумно ты говоришь, хотя и жестоко. Но хоть и признаем, что Бык мне враг, повредить он мне не сможет: он ест траву, а не мясо. Скорее уж я, будучи хищником, съел бы его».

И сказал Ихнилат: «Не прельщайся такими мыслями. Ведь говорят: не вверяй свои тайны тому, кто угощает тебя, прежде чем не узнаешь его верность и дружбу, чтобы не было с тобою того, что было с вошкой».

На теле у одного вельможи пряталась некоторое время вошка и оставалась незаметна, тихо ползая и питаясь его кровью. Но однажды ночью пришла к ней в гости блоха, внезапно и бессмысленно она укусила спящего и разбудила его. Тотчас встав с постели, он начал поиски, нашел вошку и убил ее, а блоха прыгнула и спаслась. Пусть ты не боишься Быка, но, когда поднимутся против тебя те, кто под тобой, тогда забоишься».

Поверил Лев этим словам и сказал: «Что же теперь делать?» И сказал Ихнилат в ответ: «Гнилой зуб иначе не вылечить, только что вырвать, а яд от дурной еды извергают рвотой». И сказал Лев: «Пожалуй, я скажу ему теперь, пусть идет куда хочет. Этим я избавлюсь от позора и горя и не заплачу ему злом за его службу и любовь, как он их проявил». И сказал Ихнилат — ведь он хорошо знал, что если поговорит Лев с Быком, то поймет его коварство, — и потому сказал он Льву: «Кажется мне, что так будет нехорошо. Ведь когда Бык увидит, что ты его не любишь, приготовится он к сопротивлению и борьбе. Мудрый царь открыто казнит открытого преступителя, тайно казнит преступителя тайного». И сказал Лев: «Если по наговору предаст царь кого казни, а не по правде и суду, то более себя обесчестит, из-за этого будет ему великий стыд перед людьми». И сказал Ихнилат: «Когда придет к тебе Бык, будь наготове и смотри: воочию сразу увидишь, что он злоумыслитель. заметишь ты, что лик его изменился и члены его дрожат, раскачивается он вправо и влево и рогами сильно бодать

намерен». (...) И сказал Лев: «Если увижу такие признаки, поверю твоим словам».

Задумал Ихниллат тайно пойти к Быку и поднять его против Льва. Он сообразил, однако, что если вступит в разговоры с Быком без повеления, то Лев разгадает его ложь, и сказал тогда: «Если велишь, царь, я пойду к Быку, чтобы увидеть его расположение, и в беседе с ним не укроется его замысел». И велел ему Лев пойти. Пошел Ихниллат к Быку и вошел к нему, мрачен, полон скорби. А Бык с радостью встретил его, спрашивая об отсутствии, говоря: «Какая же причина, что не ходишь ты к нам?» И сказал Ихниллат: «А что хорошего в том, чтоб не распоряжаться собою, но быть под господином несправедливым и ненадежным!» И спросил Бык: «Разве что случилось?» И сказал Ихниллат: «А кто убежит от судьбы? Кто останется невредим, служа царям и приближаясь к ним? Властители похожи на скверную блудницу, которая сходится со многими мужчинами. Или как вот дети, когда учатся грамоте, и приходят, и уходят, вечно опережая друг друга. Разве не известны тебе наша любовь и дружба, которые между нами? И все же я в долгу перед тобой, поскольку я привел тебя ко Льву, потому и хочу с благими намерениями обратиться к тебе. Один из честных и верных мне сообщил сейчас, что Лев так говорил своим: “Хочу я съесть Быка, он раздобрел и растолстел”. Услышав это, я пришел тебе сказать, чтобы ты заботился о себе».

Как услышал Бык такие слова, долго думал в удивлении и сказал: «Какое зло причинил я Льву или его вельможам, что такое задумали против меня? Позавидовали мне те, кто близок к нему, и что-нибудь лживое на меня наговорили. Коварные и завистливые никогда не скажут хорошего о хороших». (...)

И сказал Ихниллат в ответ: «Ни в ком другом причина, как во Льве: нет у него любви, всегда он ненадежен и неразумен: сперва сладок, а после горек». И сказал Бык: «Ты верно сказал. Отведал вначале я сладости его, а теперь вот добрался до горького яда. Ведь не подобало мне быть вместе со Львом, этим хищником, когда я травоядный. Жадность моя впутала меня в это несчастье. И страдаю я, как глупая пчела: хорошо ей кажется сидеть на цветке нимфее, она и не покидает его, пока лепестки не соберутся и ее не удавят. Кто не довольствуется малым, а устремляет свои взоры на многое и дальнее, не задумываясь о причинах и следствиях, добьется того же, что мухи: им ведь недостаточно, чтобы летать на цветы и деревья, вот и оказываются они задавлены, влетев порою в слоновьи уши». И сказал Ихниллат: «Оставь постороннее и рассмотрим предстоящее. Поищи способ, чтобы спастись от смерти».

И сказал Бык: «Я знаю, что мысли Льва праведны, но' ближние его, будучи коварны, делают его подозрительным. Хотя они и бессильны, но, соединяясь в такие союзы, приведут к гибели и невинного, как это сделали со львом волк, лиса и ворон.

Рассказывают, что в одном месте, поблизости от дороги, обитал лев. И были там трое животных, друживших друг с другом: волк, лиса и ворон. И какие-то купцы, двигаясь по этой дороге, оставили на ней верблюда и ушли. А верблюд, придя ко льву, рассказал ему о себе. И сказал ему лев: «Если хочешь быть со мной, позволяю тебе, и заживешь ты у меня в веселии, довольстве и покое до конца дней твоих». И верблюд провел там немало времени. Но однажды пошел лев на охоту и встретился со слоном. Они вступили в бой, и лев был побежден, так что, раненный, едва вернулся в язвах и крови. И лег он, отягощенный болезнью, не в силах охотиться и даже пойти на охоту. Иссякла пища, и у ближних его не было чем питаться. Подумал про это лев и так сказал им: «Кажется мне, что убежите вы от меня». «Мы в состоянии позаботиться о себе и быть сытыми, мы о тебе скорбим. Если бы мы могли принести тебе какую пользу, мы бы охотно все сделали». И сказал он: «Ваша заботливость не укрылась от меня. Разойдитесь по сторонам, чтобы найти пропитание себе да и мне». И они отошли недалеко и рассуждали друг с другом, говоря: «Что у нас общего с этим верблюдом, травоядным инородцем? И если получится, устроим так, чтобы лев его съел». И сказала лиса: «Мы не можем открыто предложить это льву, поскольку лев связан с ним дружеским обетом». И сказал ворон: «Оставайтесь на этом месте и дайте мне одному пойти ко льву». И с этим он пошел. Как увидел его лев, сказал ему: «Зачем ты пришел? Или что-нибудь случилось?» И сказал тот: «Разве будет нам что-нибудь хорошее с чужеродным этим верблюдом? Ты послушай нас, если хочешь». Разгневался лев и сказал: «Увы, какая дерзость и свирепость! Известно ли тебе, что я положил с ним дружеский договор и обет? Не пристало тебе говорить мне такие слова, не пристало мне такое делать». (...) И сказал ворон: «Правильно судишь, царь. Но одна душа отдается за весь дом, а дом за город, а город за страну, а вся страна за царя. А мы теперь страдаем за тебя и скорбим об отсутствии пищи, но не находим ничего пригодного, чтобы избавиться тебе от беды». Сказав это, он возвратился к своим друзьям и рассказал им все, что услышал от льва и что сказал ему. И они придумали так, чтобы всем вместе прийти ко льву и каждый предложил бы себя льву на съедение. И когда один скажет на себя, то другой кто-нибудь ответит: «Ты не подходишь», — пока не дойдет черед верблюда. Придумали они это и пришли ко льву, взяв с собой и верблюда. Вот вначале сказал ворон: «Вижу царь, что ты очень отягощен болезнью и опозорен голодом. Много было мне от тебя благодеяний, но кроме самого себя нет у меня ничего, чтобы принести тебе. Теперь же без колебаний съешь меня». И сказали другие: «Перестань пустословить, ведь мал ты и худ телом». И сказала лиса: «Так уж я, о царь, буду тебе сегодня достойной пищей». И сказал волк: «Перестань и ты, ведь зловонно тело твое и в еду не годится. Лучше я с готовностью и усердием послужу едой». Но ворон с лисой вместе отвечали: «Кто не едал твоего собачьего мяса и съест, тот обязательно

заболеет животом". Тут верблюд решил, что и его отвергнут, и сказал: "Раз уж все негодны, так вот я много мяса имею и вкусен в пищу". А они все вместе вскричали: "Правду говоришь верблюд!" И, набросившись на него, немедленно его растерзали.

Вот и я боюсь, что также пострадаю от Львовых слуг. Если даже Лев моей гибели не желает, то его ближние наущают его на такое дело. Ведь и капля, часто капая, источит камень. Поэтому я изготавлюсь к борьбе с ним. Нет такой пользы и похвалы ни постнику, ни милосердному, ни молящемуся, как тому, кто спасет себя от смерти, хотя бы на одно мгновение». (...)

Сказал Ихниллат: «Каждому нужно заботиться о своем спасении, но сперва хитрость, а уж потом готовиться к войне. Мудрый человек не покорится, пока не свергнет их. Вот послушай меня, я скажу полезное тебе. А тот, кто не принимает дружеских слов своего друга, пострадает, как черепаха.

Рассказывают, что в одном водоеме жили два нырка и черепаха, и жили они в дружбе. И вот по прошествии времени иссякла в водоеме вода. Загрустили нырки и захотели покинуть это место. А черепаха сказала им: "Нет вам горя, что иссякла вода. Уж я знаю, что, летая на крыльях своих, вы обязательно найдете воду. (...) Но горе мне, несчастной! Куда мне пристроиться, где? Умоляю вас, возьмите и меня с собой и перенесите куда хотите". И сказали нырки: "Ты не отправишься с нами, если прежде не пообещаешь, что не произнесешь ничего, пока мы не перенесем тебя". И она клятвенно обещала им не говорить в пути. Взяли нырки прямое деревце и велели ей закусить деревце посередине. А когда черепаха закусила деревце, нырки взяли за концы его и подняли с собой на воздух черепаху. Случилось, что проходили какие-то люди (...) взглянули вверх, увидели, что черепаха висит между нырками, и удивились они, говоря: "Глядите на чудо и знаменье: ведь черепаха между двумя нырками по воздуху летит". Услышала это черепаха, открыла рот, чтобы ответить на их слова, и так вот — открыв рот, чтобы ответить — упала на землю и разбилась. Так будет с тем, кто не исполняет обещание».

И сказал Бык: «Так бесстыдно я не возьмусь за погубление Льва». И сказал Ихниллат: «Верь слову моему: если увидишь у Льва такие признаки, а именно: взор странный и кровавый, неудержимая страсть и частое биение хвоста, — тогда знай, что на тебя напасть он готовится».

Когда вошел Бык ко Льву и увидел, что тот изменился и проявляет все признаки, о которых говорил Ихниллат, наполнился он ярости и сказал: «Лучше находиться в змеином гнезде, чем у царя». Сказал так и приготовился к битве со Львом. А Лев увидел это и вступил с ним в бой.

Там был и Стефанит; призвал он своего друга Ихниллата и сказал: «Гляди на козни, которые ты устроил, и рассмотри конец. Льва ты опозорил, а Быка погубил. Разве ты не знаешь, что, даже когда враг бессилен, мудрый царский первосоветник не позволяет царю идти на бой, если можно миром уладить? Мудрость и многомогших побеждает. Теперь увидел я твою гордость и алчность и понял, что не можешь ты творить добро. Ничто другое не губит властителя, как принимать советы от таких, каков ты. (...) Слова украшены разумом, а разум — правдою, подаяние — кротостью, привлекательность внешности — душевной красотой, богатство же — милостыней нуждающимся, а жизнь — здоровьем и радостью. Пойми и то, что мудрый от разума бодр, а безумный от неумия пьян. Так же страдают глаза летучих мышей: пустые, они не видят, потому мыши ночью и летают. Всякий царь, у которого такие слуги, похож на чистый прекрасный водоем, полный в глубине ядовитых животных, так что не решишься подойти к воде, даже если тебя сжигает жажда. Ты вот не захотел, чтобы кто-нибудь приблизился ко Льву ближе, чем ты. Но царство состоит из множества людей, как море из волн, поэтому-то оно и кажется страшным тем, кто плышет. Безрассудно, любя кого-нибудь, радоваться гибели ближнего, а себе искать пользы. Нет ничего сильнее хорошего совета и ничего вреднее скверного дела. Впрочем, знаю, что я в тягость тебе, говоря тебе это и поучая тебя. Сказал ведь один мудрец: не обличай безумного, чтобы не возненавидел он тебя.

Рассказывают, что в студеную зимнюю пору оказались на одной горе две обезьяны и нашли там золотой клад и, спустившись оттуда, зарыли его в земле, и думали думу: «Возьмем золота, сколько нужно, а остальное в земле спрячем. И когда потребуется нам, будем брать понемногу, пока все не израсходуем». И таким вот образом их дружба продолжалась много времени, ведь простак верил тому лукавцу. И зарыли они золото под деревом, большим дубом, а спрятав, вернулись восвояси. А лукавец через несколько дней отправился тайно и выкрал все золото. Через какое-то время простак сказал лукавцу: «Пойдем, если хочешь, и возьмем немного из золота, которое у нас в земле». Пошли, раскопали землю и ничего не нашли. Стал тут лукавец рвать на себе волосы, бить себя в грудь и кричать на простака, что сокровище, дескать, он украл. С тысячами клятв утверждал простак, что не сделал, дескать, ничего такого, но тот в конце концов привел его к судье. И сказал судья: «Раз ты возводишь на простака обвинение, приведи улики». И сказал тот: «Сам дуб засвидетельствует истину, хотя и безгласен». Отправился лукавец к своему отцу, рассказал ему все и упросил его влезть в дуб — а дуб был с дуплом — и проговорить из дуба, что простак взял сокровище. И сказал его отец так: «Я-то сделаю это,

но смотри не попадись в свои сети”. Пошел отец и влез в дуб. (...) И когда пришел судья и обратился к дубу с вопросом, то из дуба раздался голос, что простак взял сокровище. (...) Услышал это судья и разгадал коварство, и велел он зажечь дуб огнем. Как разгорелся огонь и подступил дым к укрывшемуся там, сразу же тот завопил, и был вытащен оттуда. Раскрыл он обман и был жестоко наказан вместе со своим сыном. А золото отняли у них, как велел сделать судья, и все вернули простаку. Таков конец коварного и хитрого человека. Я же всегда боялся твоего языка, как змеиных зубов. Верно сказал сказавший: “Удаляйтесь от коварного человека, даже если вы в родстве или близки с ним”. Ты сделал похожее на то, что было с купцом.

Рассказывают, что один купец, отправляясь на торг, за сто серебряников положил железо в заклад одному человеку. А когда вернулся с торга, пришел к тому, у кого был заклад, и сказал ему: “Дай-ка мне железо, которое я у тебя положил”. И сказал тот: “Зарыл я твое железо дома в одном углу, и изъели его мыши. Да ты не жалеешь об этом, ведь ты возвратился в здоровье. Приходи же к нам сегодня, мы отобедаем и порадуемся твоей прибылью и доходу”. Послушался он и отобедал у того. Вышел он после обеда, чтобы идти к себе домой, и встретил сына того человека, которому заложил железо. Взял он его, отвел к себе домой и спрятал в сених. Возвратившись, он увидел, что тот человек спрашивает всех о своем сыне, и сказал ему: “Если ищешь сына своего, видел я, как нес его орел по воздуху”. А тот вскричал и говорит: “Видано ли, чтобы орел поднимал людей на воздух?” И сказал купец: “Конечно! где мыши едят железо, там и орлы уносят людей вверх”. И тот сообразил, что произошло, возвратил все железо, сколько принял, а сына своего забрал.

Так и ты, Ихниллат, опозоришься тем, что сплетаешь лживые слова. Ничего не приобретает дурной, только что назовут его дурным. Хоть сколько мажь медом горький плод, не переменит он своей горечи в сладость. Похвально дружить и общаться с мудрыми людьми, а от коварных и дурных удаляться. Вот как ветер подхватит зловоние, носит его повсюду и заражает зловонием все, так и с коварными людьми водиться, — заразишься зловонием от них. И снова мне кажется, что в тягость я тебе, раз так тебя поучаю. Всегда ведь ненавидят безумные мудрых, а неучи ученых, скверные нескверных и испорченные хороших».

Так беседовали они между собой, а Лев убил Быка. Но после этого раскаялся Лев в его убийстве. И пришел ко Льву Ихниллат, увидел, что он печален, и сказал: «Зачем раскаялся ты из-за Быка? Разве не знаешь, что, когда змея укусит в палец, тут же отсекают палец, чтобы все тело не охватило и не сгубило; ради всего тела не жалеют палец».

Вот так, сказал философ, дурной и коварный человек превратит любовь во вражду и смуту, если пристроится к друзьям, поддерживающим дружбу и любовь.

И сказал царь философу: «Сообщи мне про Ихнилата после гибели Быка».

В ответ философ сказал:

После гибели Быка Леопард, а он был учитель и верный советник Льву, вышел и приблизился к Ихнилатовым воротам и услышал, как Стефанит корил и попрекал Ихнилата за то, что тот сделал с Быком, и как раз говорил: «Не спасешься от рук Льва, если он все это узнает». Услышав такое, Леопард понял все до конца, пришел он к матери Льва и сказал ей все, что услышал.

А когда настало утро, мать Льва пришла к своему сыну. Видела она, что он в унынии и скорби, и в раскаянии об убийстве Быка, и сказала ему: «О дитя, раскаяние и печаль ничего другого не дают, лишь тело изнуряют и дух помрачают, а ты будь бодр и не скорби. И без слов твоих знаю, что скорбишь ты и страдаешь за Быка, которого безвинно погубил. Если был ты справедливый царь, должен был ты думать о нем. Ведь говорится, что нужно воздавать друг другу сердцем. Скажи-ка мне, как обходился ты с Быком?» И сказал Лев: «Всегда любезен был мне Бык, во всем я доверял ему, принимал его уроки, и не было мне ничего худого от его поучений. И теперь еще раскаиваюсь я и скорблю о его смерти, потому что вижу, что был он невиновен предо мной, а я поддался на лживые слова хитрого Ихнилата». И сказала мать Льва: «Я слышала от достойного доверия, что Ихнилат по зависти оклеветал перед тобой Быка». И сказал Лев: «Кто это сказал тебе?» И сказала она: «Должно хранить тайны своих друзей. Не хранящий тайну бесчестит свою совесть и посрамляет доверие к себе». И сказал Лев: «Этого нужно держаться в других случаях, но там, где объявлены слова, следует, чтобы и истина объявилась. Чтобы исполнилась месть за пострадавших — вот чем следует покрывать проступки. Справедливый царь не по клевете казнит, не по наушничанью теснит, но по правде и истине. Боюсь, что и об Ихнилате будут так же раскаиваться, как о Быке». И сказала мать Льва: «Не думала я, что усомнишься ты в моих словах». И сказал Лев: «В словах твоих не сомневаюсь, но хочу я правду вывести на свет». И сказала она: «Я боюсь, что, если ты сделаешь это, я окажусь бессовестной».

Услышал это от матери своей Лев и призвал всех своих приближенных. И Ихнилата призвал. Ихнилат увидел, что Лев в унынии, и сказал окружающим: «Что же это я вижу, что Лев в скорби и печалью охвачен?» А мать Льва сказала в ответ: «Печалится он ни о чем другом, лишь о том, что позволил тебе до сих пор быть среди живых. Ты же ведь хитростью добился, чтобы погубить несчастного Быка».

И сказал Ихнилат: «Заметь, что всякий, кто стремится к добру, должен быть готов терпеть зло. Потому-то отказались пустынные от того, чтобы быть с людьми, и предпочли пустыню. Ведь я, как друг Льва, все про Быка ему сказал. Огонь, скрытый в кремне, извлекается железом, а преступления чем больше расследованы, тем больше выявлены, а чем больше выявлены, тем больше открыты. Если бы знал я, что совершил преступление, не был бы здесь, но был бы в тайном каком-нибудь месте. Я прошу у царственного величества, чтобы все, что касается меня, он внимательно расследовал — сам ли или другому поручил справедливому следователю, кто бы мог не превращать правду в ложь, судить нелицеприятно, не слушать моих завистников. Много теперь против меня таких клеветников из-за любви, которую питает ко мне царь. Если не исполнят это в отношении меня, не будет у меня к кому прибегнуть, только к милосердию Бога, который “испытует сердца и утробы”. К тому же я не боюсь смерти, ведь смерть назначена каждому. И пусть бы у меня были тысячи душ, не пожалел бы я их, чтобы угодить царю». И один из вельмож сказал в ответ: «Не рассуждай о царской любви или о своей службе, отвечай о том, в чем нарушил закон». И сказал Ихнилат: «О безрассудный, разве ты не знаешь, что нет ничего дороже для живущих, чем душа? И если я за себя не отвечу, кому забота отвечать за меня? А ты перед всеми открыл зависть, которая скрыта в тебе, и оказалось, что ты недружелюбен и ненадежен. Не смей находиться при царе, такой завистник не достоин находиться при царе». И тот в унынии удалился, услышав такое.

И сказала мать Льва Ихнилату: «Удивляюсь я, Ихнилат, твоей необузданности: ты осмелился совершить такое беззаконие и еще обращаешься к нам с бесстыдными словами». И сказал Ихнилат в ответ: «Почему глядишь ты на меня одним глазом? Разве ты не знаешь, что от рождения у тебя два глаза? Ведь, согласно пророку, все без исключения уклонились и сделались непотребными, нет ни одного, кто любит правду и истину. Царь вот по безграничной своей доброте не обличает меня и не угрожает мне». И сказала она: «Глядите на этого коварного и нечестивого, как он, впад в такое беззаконие и совершив великое преступление, начинает искажать правду и хочет обольстить нас речами своего коварства!» И сказал тот: «Нехорошо, чтобы женщины вмешивались в мужские дела, а мужчины в женские. Горе тому мужу и тому дому, где правит жена! Безрассуден тот, кто отвечает царю, когда его не спрашивают. Кто творит зло, тот ни к кому не дружелюбен и не

защитится от будущего зла». И сказала мать Льва: «Пусть тебе не кажется, о нечестивец, что избежешь ты судебной казни, хоть и сплетаешь многословия». И сказал Ихниллат: «Таков тот, кто составляет клеветы, уклоняясь от правды, — изменчив и в словах, и в делах». Увидела мать Льва, что Лев ничего не говорит обо всем этом, и сказала: «Солгали, когда говорили, что Ихниллат высказывает правду, если предерзостно разглагольствует перед царем и никто ему не препятствует».

Тогда велел царь бросить Ихниллата в темницу и заковать его, пока будет расследование. А когда сковали его, призналась Льву его мать, что Леопард, дескать, сказал ей все про Ихниллата. И сказал Лев: «Оставь его. Он увидит, что с ним будет».

А ночью пришел к Ихниллату Стефанит и, видя оковы его, заплакал и сказал: «Случилось то, о чем я тебя предупреждал, но ты не слушал моих слов, и тебя победили гордость и самонадеянность. Гляди же теперь, что получилось». И сказал Ихниллат: «Верно ты сказал. Всегда учил ты меня полезному, а я не слушал тебя: охвачен жадностью был я, несчастный. Со мной произошло, как с больным: он знает, что нельзя ему есть какую-нибудь еду, но, чтобы полакомиться, отведает и причинит себе вред. Теперь я боюсь не только за себя, но тревожусь и о тебе, что из-за дружбы и любви, которые были у нас, схватят и тебя и ты признаешься против воли во всем, что относится ко мне, и навлечешь смерть на нас обоих».

И сказал Стефанит: «И я думаю так, но учу тебя тому, чтобы ты признался в своем преступлении. Лучше здесь перенести наказание, чем в будущей жизни». — «Подожду, пока не увижу, что будет». В печали и страхе пошел Стефанит, выпил яд и умер.

Наутро Лев призвал судью, Леопарда и Ихниллата, чтобы устроить суд. И когда все сошлись, Леопард сказал: «О войны и друзья, наш царь беспрестанно думает об убийстве Быка и о злых советах Ихниллата. И вот он сказал: “Если кто-нибудь знает что-нибудь об этом, пусть скажет”. Ведь царь не хочет без суда предавать казни». И сказал судья: «Если есть кто-то, кто знает об этом деле, пусть расскажет. Если убит будет злой человек, с ним погибнет зло, а другие извлекут полезный урок». И сказал Ихниллат: «Что молчите? Кто знает что-нибудь обо мне, пусть скажет, а я отвечу. А если кто-то ничего не знает, но произнесет ложь, пострадает как неискусный врач».

Рассказывают, что в один город пришел врач. А случилось так, что дочь властелина города заболела. И один мудрый, но слепой врач велел, чтобы лечили ее травами. Тогда призвали чужеземного врача, чтобы он разобрался с этой травой, о которой сказал слепой врач. А тот по незнанию приготовил другую похожую траву и дал пить больной. Та выпила ее, заболела брюшной болезнью и умерла. А родители ее заставили того врача пить это лекарство и траву. И, выпив, он принял смерть. Так бывает с тем, кто советует и делает то, чего не понимает».

Тогда встал главный повар и сказал: «Выслушайте, друзья, мое мнение. Мне кажется, что Ихниллат лжив и коварен. Ведь говорят, что, если у кого левый глаз маленький и мутный, а брови подняты и, когда идет, голову долу держит, тот клеветник и коварен. Смотрите же на этого несчастного, что он таков и есть». И сказал Ихниллат: «Все мы под небом, и никто выше неба не поднимется. Тот, кто говорит такие вещи, представляет себе, что он мудр, но представляется безумным: ведь ты не видишь бревна, которое в твоём глазу, а сучец, который в глазу у ближнего, ты видишь, так что будет с тобою то же, что и с той неразумной женщиной.

Рассказывают, что две женщины и мужчина убежали из плена и шли голые. Одна из женщин нашла какой-то лоскуток и прикрыла им срамное место, а другая, обратившись к ней, сказала: «Не стыдно тебе ходить голой?» А мужчина сказал той: «Не видишь разве, безумная, своей наготы, что поносишь чужую наготу?» Таковым и ты кажешься, главный повар. Разве не видишь, какие на тебе зловонные струпья, а еще смеешь стоять перед царем и руками касаться изделий для него?»

Услышал это главный повар, раскаялся в том, что сказал, и заплакал. А Лев разузнал кое от кого, что о главном поваре сказана была правда, и прогнал его от себя. Суд этот был занесен в документы, а Ихниллат снова заключен в темницу.

Кто-то из друзей Ихниллата пришел к нему в темницу и рассказал о смерти Стефанита. И тот, заплакав горько, сказал: «Не нужна мне теперь жизнь, когда лишился я верного и любимого такого друга. Хорошо, сказал сказавший, что во время испытания стекаются все беды».

Потом предстал он перед судом. И сказал военачальник, увидев его: «Я знаю дела твои, Ихниллат, и ни одно из них не укрылось. И если бы не великая и неисчислимая милость царя, не оставался бы ты до сих пор в

живых». И сказал Ихниллат: «Хоть неизреченная его милость, да твое сердце злодейственно и жестоко. Вижу я желание твоих устремлений, как еще до приговора приговариваешь меня к смерти. Я не осуждаю тебя за это, ведь всегда коварные и злые борются с добрыми и их ненавидят». И сказал судья: «Достойно вельможи говорить истину, обличать и, наставляя невоспитанного мужа. Я учу тебя, Ихниллат, чтобы ты здесь выбрал казнь, а не в будущей жизни. Расскажи правду всем нам». И сказал Ихниллат: «Верно сказал. Должен ведь всякий мудрый выбирать из временного вечное. Но я не виновен в этом преступлении, так что нельзя мне быть вашим соучастником в пролитии моей крови. Если кто на кого наговорит, тот будет мерзок и неразумен. Каков же тот, кто наговорит на себя? Какую это прибавит мне славу? Смотрите же, как бы потом не раскаяться, когда не сможете ничего достичь. И смотрите, чтобы не пострадать вам, как лжесвидетелям.

Рассказывают, что один сокольничий пожелал жену господина своего, чтобы с нею возлечь. А она не склонялась на это. Разозлился из-за этого сокольничий, поймал однажды двух соек и научил одну говорить по-персидски: “Видела я госпожу свою с привратником”, а другую: “Ничего не говори”. В один из дней случилось у господина за обедом персы, они услышали, что сойки говорят и беседуют по-персидски, и полюбили их. Эти персы передали также и слова, которые произносили сойки. А сокольничий был снаружи и сказал: “И я свидетельствую, что видел это”. Разъярившись, господин хотел убить свою жену. Тогда она все рассказала мужу своему о сокольничем, а именно: “Строит он козни против меня, потому что я не согласилась на дурное дело. Кроме слов, которым научил их сокольничий, ничего больше говорить не умеют сойки по-персидски”. Персы спросили у соек другие слова и обнаружили, что те ничего не знают, кроме коварных и лживых этих речей. И сказала госпожа, придя к сокольничему: “Разве не боишься ты Бога, что свидетельствуешь такое на меня? Разве было такое?” И сказал тот: “Так и было”. И стоило сказать ему это, как внезапно сокол налетел на него и выклевал ему глаза. Так и ты страдаешь со своими друзьями, если будешь лжесвидетельствовать на меня».

И поскольку никто не мог обличить Ихниллата, был он снова заключен в темницу на семь дней. И сказала Льву мать Льва: «Если ты освободишь без осуждения этого нечестивца, то знай, что все, кто под тобой, все, что захотят сделать, сделают без боязни, ибо будут знать, что, хоть и совершат зло, ничуть не поплатятся». Убедился Лев в настойчивости своей матери и велел, чтобы убили Ихниллата.

И сказал в заключение философ: «Размышляйте об этом и усвойте, что всякий, кто строит козни против ближнего своего, упадет в ров, который вырыл».

Третья притча. Вопрос царя после убийства Ихнилата. И сказал царь: «Я понял твою притчу. Но расскажи мне другую притчу о друзьях, которые любят друг друга и всегда пребывают в любви». И сказал философ в ответ:

Из существующего ничто не заменит верного друга. Изложу это яснее. Рассказывают, что в одном городе было место, удобное для охоты. Стоял на этом месте высокий и дуплистый дуб, на котором гнезвился ворон. В один из дней увидел он, что очень свирепый охотник несет на плече сеть и палку держит в руке. Увидел он охотника, испугался и подумал про себя, что останется на дубе, где было его гнездо, и увидит, что же сделает охотник. А охотник растянул сеть и посыпал на нее пшеничных зерен. И один голубь — а он был старше других — увидел пшеничные зерна, а сети не заметил, и попал в нее с другими голубями. Очень обрадовался охотник, видя это. Стали голуби биться в сети. И сказал голубь, старший над ними: «Не бойтесь и давайте вместе поможем друг другу, чтобы смогли мы на своих крыльях поднять сеть». Сделали они так и подняли сеть на воздух. Удивился охотник, увидев это, но не оставил их и пошел за ними, думая, что не долго они смогут лететь. А ворон все это наблюдал. Увидел старший голубь, что охотник идет за ними, и сказал другим голубям: «Нас преследует охотник. И если над полями мы полетим, он не оставит погоню за нами. Если же мы полетим над горами и непроходимыми местами, он скоро от нас отстанет. На этом пути есть еще у меня приятель мышонок; если мы доберемся до него, он быстро разорвет наши узы и освободит нас». Понял охотник в замешательстве их затею и повернул назад.

А ворон последовал за ними, чтобы увидеть, как совершится их спасение, к тому же и посмотреть на дружественного им мышонка. Вот добрались они до его гнезда и опустились на землю. Вышел мышонок, увидел голубя, радушно принял его и сказал: «Кто тебя, дружок, опутал такими узами?» И сказал тот: «Судьба опутала меня свирепыми этими узами: нашло на меня ослепление, позарился я на пшеничные зерна и в сеть попал. Неудивительно это, что попал я в такое несчастье, и с лучшими, чем я, бывает еще хуже. Солнце и то исчезает, когда затмит его луна, а луна покрывается земной тенью; морских рыб извлекают из глубины, а птиц небесных совлекут с воздуха, когда будет им так суждено». Сказал так голубь, и стал мышонок грызть тенета. И сказал голубь: «Начни вперед освобождать моих подданных, а меня потом развяжешь». Но мышонок не соглашался, чтобы освободить всех, а не своего только друга. Как долго ни убеждал его голубь, не соглашался мышонок. И сказал ему голубь: «Не ругай меня, мышонок, что говорю я за них перед тобой: ведь дал мне Бог власть над всеми этими голубями, необходимо, чтобы я заботился о них. Они верой и дружбой послужили мне, и с их помощью и соучастием освободил нас Бог из охотничьей сети. И прошу я, чтобы не пренебрег ты ими, если бы распутал меня

вперед. Лучше мне самому остаться в узах, чем одному из них». И сказал мышонок: «И подданные твои говорят эти слова — из любви и приязни к тебе». Сказав это, он всех освободил от уз, и, свободные, они улетели.

Увидел это ворон, спустился к гнезду мышонка и позвал его. И сказал тот: «Кто ты, дружок?» А он ответил: «Я ворон, я видел твое добросердечие, которое ты питаешь к твоим друзьям, и хочу вступить с тобою в дружбу, и за этим пришел к тебе». И сказал мышонок: «Что общего у нас с тобой? Мудрый должен сближаться с сильными, а слабыми пренебрегать. Кто начинает такое, похож на человека, который возит по воде телегу, а посуху корабль. Как буду я тебе другом, являясь твоей пищей?» И сказал ворон: «Раскинь своим умом о полезном для тебя. Нет никакой мне пользы, чтобы съесть тебя, но зато полезно мне, если будешь ты жить и во всем помогать мне. Не должно, чтобы ты оставил меня без удовлетворения в моей надежде, ведь есть у меня сведения о твоей любви, которую ты питаешь к твоим друзьям, как это ты сам мне показал. Добродетели мудрого мужа подобны бычьему благовонию, которое по-гречески называется мускус: оно, хоть и невидимо, выдает себя запахом». И сказал мышонок: «Велика вражда по природе. Всегда враждуют лев со слоном, как и мышь с кошкой. Нельзя верить врагу. Вода, хоть и нагреется огнем, не изменит своей природы: пролитая на огонь, она гасит его, хоть и горяча». И сказал ворон: «Я понимаю, о чем ты говоришь. Но моя любовь не будет такой; та, что будет между нами, будет крепка и надежна. Ведь так и золотой сосуд трудно выковать и сделать, но он уж и не ломается, а глиняный легко делается, легко и рассыпается. Так и настоящая любовь: с трудом возникает, но остается нерушимой, нечистая и неистинная любовь скоро и легко возникает и скоро распадается». И сказал в ответ мышонок: «Принимаю твою любовь, никого из просивших не оставлял ведь я никогда без удовлетворения. Пусть и не сохранишь ты верность, — я верю словам твоим. Я знаю, что, если ты и похвалишься когда и скажешь, что, дескать, нашел глупого мышонка и, обманув, съел его, не будет тебе в этом чести». Сказав это, мышонок появился из своего гнезда, но не весь. И сказал ворон: «Те, кто живут на этом свете, любят двояко: одни любят по заповеди, другие по телесной нужде. Они подобны ловцу, который разбрасывает пшеницу, чтобы прельстить птиц: не птицам он делает пользу, а себе. Я же вступаю в дружбу с тобою не по другому чему, как по твоей просьбе, и ничто другое не мешает мне выйти к тебе, только что боюсь я сходных с тобою воронов: они ведь похожи на тебя обликом, но не похожи нравом». И сказал ворон: «Из-за них не бойся. Доказательство истинной любви состоит в том, чтобы любить любимых и враждовать с врагами. И, поскольку я люблю тебя, мои друзья должны полюбить тебя». Сказав это ворон, и вышел мышонок из своего гнезда. И установилась между ними дружба.

В один из дней сказал ворон мышонку: «Вижу, что дом твой близко от дороги, и боюсь я, что из-за меня обнаружат тебя, и ты погибнешь. Я

знаю место, удаленное от людей, где в изобилии рыбы и разной другой пищи. Есть там у меня приятельница черепаха, и я хочу, чтобы ты пришел туда кормиться и жить с нами». И сказал мышонок: «Я пойду с тобой! Мне не нравится жить здесь по одной причине, о которой я скажу тебе, когда мы прибудем на место».

Взял ворон мышонка за хвост и отнес его к источнику, в котором жила черепаха. Она же, увидев, что ворон несет мышь, подумала, что это чужой какой-нибудь, и из осторожности скрылась в воде. Положил ворон мышонка на землю и позвал по имени черепаху. Узнала она его голос, вышла к нему и спросила, откуда он прибыл. И рассказал он о происшедшем.

И сказал ворон мышонку: «Обещал ты мне, что, когда мы доберемся до места, расскажешь кое-что о себе». И сказал тот: «Жил я вначале у одного монаха и питался всем, что было пригодного для еды. А когда наедался, собирал разные остатки и давал другим мышам. Не раз разбирал монах келью, чтобы найти меня, но найти не мог. Иной раз он подвешивал свои припасы, чтобы спасти от меня, и не мог спасти. В один из дней пришел к нему странник-монах, стали монахи беседовать друг с другом и в ладоши хлопали, пугая нас. И спросил пришелец-монах, по какой причине они хлопают. А монах сказал: “Из-за мышей хлопаем. Есть здесь бессовестный и бесстрашный мышонок, который много вреда приносит нам. Прошу тебя, поищем вход в его гнездо и раскопаем место его пребывания”. Я находился тогда в своем гнезде, а когда услышал такие слова, выбежал оттуда и забрался в другую нору. А была у меня в гнезде тысяча золотых, которые я подостлал под себя и которыми гордился. И вот монахи раскопали землю, нашли мое гнездо и золотые и, забрав радостно золото, сказали: “Это золото распяляло мышонка, и он приносил нам вред, но теперь-то он будет тихий, робкий и слабый”. И с того часа, как и сказали монахи, оставила меня сила и покинула меня отвага, и стали обижать меня другие мыши. На другой день хотел забраться я в кладовую с припасами монаха и не смог. Увидев это, поднялись против меня другие мыши и сделались мне врагами. И удивился я тому, что друзья и родственники собираются ради золота, ведь и доброе знание, и мудрость ради золота пребывают. Не имеющий богатства всегда находится в скорбях и кажется всем мерзким, глупым и негодным. Ведь если нищий и убогий человек окажется храбрым, богачи назовут его безумным и буйным, если кроткий и смирный будет, назовут его немощным, если рассуждает, назовут пустословом, если же он молчалив, скажут, что глуп. Лучше уж раньше оставить эту жизнь, чем видеть солнце свидетелем позора. (...) Так размышляя, увидел я, что тот монах-пришелец разделил золото и свою часть положил в суму, а ее положил и скрыл в головах. И захотел я тайно извлечь золото, ибо решил, что он спит. А он проснулся, взял в руки прут, который нащупал рукой близ себя, и ударил меня по голове, и вернулся я к себе в страшных страданиях. Потом снова покусился я на суму с золотом, и, увидев меня, снова этот монах сильно ударил меня

тем прутом по голове, и тут же кровь из носа у меня потекла, и было мне плохо, едва волочась добрался я до той норы и без чувств пролежал долгое время. Так я возненавидел золото, что ни думать о нем, ни слышать не мог, и понял, что алчная душа всем злым делам начало. Тот, кто алчен, не может от золота спастись ни на земле, ни на море. И увидел я, что лучше самого необходимого ничего нет. Вот почему изменил я свою жизнь и повел жизнь отшельника. А был у меня любимый голубь, с которым мы подружились еще до ворона. Ведь нет большего удовольствия в мире, чем дружеская беседа. По опыту я знаю, что не должен мудрый желать ничего другого сверх самого необходимого. А самое необходимое — это не что иное, как хлеб и вода. Хотя и скажем, что такой-то — властелин всего мира, но не будет он равен ни одному из малых, кто беспечально проводит жизнь свою. И, решив так про себя, последовал я за тобою, о ворон, и вот неожиданно нашел в тебе друга, о черепаха».

И сказала черепаха в ответ: «Понимаю я: все хорошо и умно ты сказал, и вижу также, что постоянно помнишь ты о том, из-за чего вытерпел страдания. Поэтому нужно тебе знать, что слова украшают дело. Так и больной, если не разыщет лекарственных трав, то без толку ему и знание, ведь облегчение себе сделать не может. Не заботься о богатстве, человек многоумный почтен и без богатства. Так и лев — хоть и спит сном, все равно страшен. Равно и глупый богач не заслужит чести. Не думай также о своей жизни на чужбине: среди мудрых нет чужаков. Не вспоминай о прошлом и не говори, что был, дескать, некогда прославлен, а теперь бесславлен. Все, что принадлежит этой жизни, тлению и изменчивости принадлежит. Ведь говорится, что ненадежнее всего тень облака, дружба дурных людей, любовь женщины, лживая хвала и богатство. Мудрые люди не радуются прибавлению богатства, не скорбят о его умалении».

Как услышал ворон речи черепахи, порадовался им и сказал: «Поистине нет в жизни ничего лучше, чем помощь друга и взаимная радость. Мудрому никто не поможет, как только мудрый. Так и упавшего слона не поднимет никто другой, как только слон».

Пока ворон говорил это и тому подобное, внезапно появилась серна. Увидев ее, ворон взлетел на дерево, черепаха скрылась в воде, а мышонок влез в нору. А серна, чуть попив воды, встала в испуге, обращая взоры туда и сюда. Взлетел ворон на высоту и посмотрел, не преследует ли серну какой зверь. Осмотревшись, спустился он на землю, позвал черепаху и мышонка и рассказал им о серне. Увидела черепаха, что серна боится пить воду, и сказала: «Пей, милая, никто сюда не идет. Скажи мне, откуда ты?» И сказала серна: «Гнались до сих пор за мной охотники, а я бежала с места на место и сюда добралась». И сказала черепаха: «Не бойся, милая, и живи с нами вместе, никогда

охотник сюда не приходит. Вот перед тобою обильная пища, чистая вода». Захотела серна остаться с ними, и собирались на беседы свои у дуба они каждый день.

В один из дней собрались, как обычно, на беседу ворон, черепаха и мышонок и серну поджидали. А не дождавшись ее, поняли, что попала она в охотничью сеть. Поднялся ворон высоко и увидел, что запуталась она в охотничьей сети; возвратился он и рассказал друзьям своим, что увидел. И сказала черепаха мышонку: «От тебя, о мышонок, зависит спасение нашей серны!» И он, как только мог, побежал, добрался до серны и сказал ей: «Как же ты, милая, такая мудрая, а запуталась в ужасных этих сетях?» И сказала та: «У кого хватит мудрости, когда свершается предопределение?» Пока они так говорили, появились ворон и черепаха. И сказала серна черепахе: «Зачем ты пришла сюда? Когда освободит меня мышонок, я ведь побегу и убегу, а ворон в воздух подымется, мышонок найдет норку и влезет в нее, а ты одна останешься на съедение охотнику». И сказала черепаха: «Лучше мне умереть, чем оставаться без друзей». Пока говорили они это, мышонок освободил серну от уз. И вот внезапно появился охотник — серна убежала, ворон улетел, мышонок влез в норку. Охотник был в недоумении о случившемся, видя одну черепаху: взял он ее и связал.

Очень опечалился ворон, серна и мышонок, видя это. И сказал ворон: «И как это всегда оказываюсь я в несчастье! Мало мне было того, что остался я без родины и родни, потерял богатство, — а теперь вот остался и без моей любимой черепахи, — как хорошо хранила она законы дружбы! Пусть бы лучше не было моего брэнного тела, которое соткано из множества бед!» И сказала серна в ответ: «Теперь наша печаль и скорбные слова твои хоть и разумны, да бесполезны для черепахи. Прекрати эти речи, придумай что-нибудь, чтобы спасти ее. Ведь говорится, что храбрый испытывается в скорбное время, а верные друзья — в беде».

И сказал мышонок в ответ: «Вот что, я думаю, полезно теперь: ты, серна, пойдешь и ляжешь у охотника на дороге как мертвая, а ворон сядет на тебя и будто бы клевать будет твое тело. И думаю я, что, когда увидит это охотник, он решит, что ты действительно мертва. Тогда отложит он суму свою и лук и пойдет к тебе. А ты, когда увидишь, что он к тебе подходит, встань и нетвердой поступью перебегай, чтобы охотник верил, что сможет нагнать тебя. И только он настигает тебя, ты тут же отскакивай со всей быстротой своих ног. Пока ты будешь убегать от погони, я освобожу черепаху от пут». Исполнила серна наказ, и так вот была освобождена черепаха мышонком. Целые и невредимые вернулись все в свои дома. Вот так помогает своим друзьям тот, кто любит по-настоящему.

«Я понял эту притчу, которая о истинной любви. Теперь же расскажи мне притчу о том, как нужно уберегаться от врага, который лицемерно выдает себя за друга».

С тем, кто верит врагу, будет то же, что было с совами. Рассказывают, что на одной горе было большое и высокое дерево, а на нем жила тысяча воронов, и был у них один ворон старейший. Близко оттуда жила также тысяча сов, и у них была старейшая сова, и всегда они враждовали с воронами. Как-то раз напали они на воронов ночью, многих из них убили, других ранили, а иным перья повыдергали. Удручен был царь воронов, собрались они на совет, и сказал он: «Видели вы, что сделал нам совиный род: как победил нашу мощь, скольких убил и скольких ранил и скольким перья повыдергал? Но самое горькое и стыдное для нас, что осмелились они выйти на нас и опозорить нас. Подумайте теперь, что будет».

А было у того царя пять главных советников, и сказал один из них: «Ничто другое не избавит нас от таких набегов, как только покинуть это место, ибо не можем мы сопротивляться врагам». И сказал другой: «Не годится, чтобы смириться из-за одного поражения, оставить свое отечество и поселиться в чужой земле. Но вооружимся мужеством и подготовимся к войне, и, если нападут враги на нас, сразимся с ними. Если победим мы, слава Богу, если же снова нас победят, без позора последуем первому совету». И сказал третий: «О царь, нехорошо они говорят. Нужно нам как следует узнать, хотят ли враги наши помириться с нами; тогда окажем им мирные почести и пошлем им дары. Благодаря этому заживем мы безбедной жизнью. Ведь всегда цари заботятся о своей земле и тех, кто под ними, охраняют золотом». И сказал четвертый: «Неладный даешь совет; лучше уже в угнетении и несчастьи жить, чем так покоряться и не сопротивляться врагам, которых мы лучше и славнее. Ведь, если даже и принесем им дары, не удовольствуются они ими, но запросят с нас больше наших возможностей. Сказано ведь, что, пока нет войны, усмирять врагов нужно дарами, если же ополчились они на тебя, нельзя уклоняться. Терпенье и смирение нужно иметь и для мира, и для войны». Пятый сказал: «Сопротивляться невозможно, ведь они сильнее нас. Вредит себе тот, кто сопротивляется более сильному. А бессильными врагов своих всегда называют глупые; я всегда и заранее боюсь врага. Не подобает мудрому не бояться своего врага, хоть и находится тот далеко. В других случаях дело касается еды, питья или богатства, на войне же ничего другого, как души каждого». И сказал царь: «Если ты не допускаешь, чтобы была война, что предлагаешь другое?» И сказал тот: «Нужно тебе, царь, иметь разумных советников, ведь хороший совет лучше, чем тысячи воинов, ибо предлагает, о царь, полезные меры. Если знает кто и силу, и слабость врага, то ниспровергнет его мудрым советом и начинанием».

Таково есть начало вражды, которая у нас с совами. Раз когда-то собрался весь птичий род, избрал себе сову царем и поставил ее царствовать над всеми. Оказался там ворон и сказал он: «Почему забыли вы о славных птицах и ни одну из них не возвели на царство, но избрали эту смрадную птицу, которая погубила доброту души? К тому же она глупа и неразумна, вспыльчива и беспорядочна, лукава и вообще всех хуже». Услышал это птичий род и низложил власть совы. А когда низложена была сова, сказала она ворону: «Не знаю я, о ворон, чтобы сделала я тебе какое зло, что воздаешь мне так. Помни же, что дерево, даже и подрубленное топором, снова срастается и рана от стрелы излечивается и зарастает. Но стрела словесная неисцелима, ведь она попадает в самое сердце. Вода вот гасит огонь, а яд изгоняется лекарственными травами. Но огонь злобы живет всегда. И то, что посеяно между нами и вами, вороны, как большой дуб — никогда не искоренится». Сказала это сова и удалилась, полна ярости. Раскаялся ворон и очень опечалился. И с той поры и доныне существует вражда между нами.

И сказал царь: «Я понял это. Но скажи также о предстоящем: что нужно делать теперь?» И сказал тот: «Я хочу наедине поговорить с тобой». И тотчас позволил ему царь говорить наедине, и сказал тот: «Что касается войны, то я не возражаю и не призываю к ней. Мы можем, однако, достичь успеха изобретательностью, ведь изобретательность способна на многое. Я думаю, будет полезно, чтобы все видели, что ты разгневан на меня. Вели бить меня без жалости перед всеми, чтобы был я в крови от множества ран, чтобы перья и хвост мои были вырваны, пусть бросят меня у этого дерева. А когда исполнишь это со мною, уйди отсюда вместе со всеми своими, меня же оставьте лежать здесь». Сделал так царь и удалился со своими.

А ночью пришли к дереву совы и никого не нашли, только избитый лежал ворон. Сказали они о нем своему царю. Приблизился к нему царь и спросил: «Откуда ты?» И сказал ворон: «Я такой-то». — «Где же вороны?» — «Не знаю. Как в таком несчастье знать мне их тайны?» И сказал царь: «Поистине это главный советник воронам. Расспросите-ка его, по какой причине вынес он такие мученья». И сказал ему ворон: «Дурные мои советы привели меня к этой беде. Вороны, когда вы их разбили, собрали совет, и каждый, как понимал, советовал. Я же посмел сказать о вас, что совы сильнее воронов и благородны, потому не следует сопротивляться им, а нужно искать мира с ними и дани им давать. И если примут, помирятся на этом с нами, то Богу за то слава. Услышав это, решили вороны, что говорю я это для вашей пользы, наполнились они ярости и осудили меня таким вот судом».

Услышав это, сказал царь одному из главных своих советников: «Что нам с ним делать?» И сказал тот: «Пусть будет он убит поскорее. Мы избавимся от коварства и умыслов его, которые он всегда замышляет на нас. Убийство его будет нам великой помощью. Ведь сказано, что, если кто не заботится о своей пользе, когда представится случай, тому другого случая не будет».

Но другой из главных советников царя сказал: «Не следует его убивать. Ведь написано: трости надломленной не переломишь. Скорее справедливо будет помиловать и вознаградить его за то, что вытерпел он такие несчастья и побои. Следует беречь его, потому что кормить врагов весьма похвально». И велел царь содержать ворона в чести и уважении. Главный советник, который хотел, чтобы убили ворона, сказал: «Раз не убили его, пусть находится под охраной и живет у нас под надзором как враг. Знаю я, что жесток этот ворон и хитер, и кажется мне, что пришел он сюда для обмана». И ворон стал беседовать с совами наедине и подружился с ними. В один из дней сказал им ворон: «Слышал я от стариков, как они говорили, что, если кто бросится в огонь, легко получит то, что просит у Бога. Хочу теперь и я сделать это и вымолить у Бога, чтобы переменял природу мою в совиное обличие, чтобы мог я с вами пойти на воронов войной и отплатить им за то, что сделали они со мною». Был тут и тот, кто советовал его убить, и сказал он: «Эти твои слова, подобны напитку, полному яда. И если не сожжем мы тебя, не сможем изменить твою природу».

А ворон находился там, наблюдая все обычаи сов. Стал он толст и дебел, отрасли у него перья, и, найдя однажды случай, он убежал. Вернувшись к воронам, сказал он царю их: «Радуйся, о царь, достиг желаемого. Все совы укрылись в одном дереве. Поднимемся теперь все и полетим, а каждый возьмет сук, какой сможет поднять, и сложим их у входа в дупло, поднесем огонь и раздую крыльями, чтобы пламя поднялось на воздух. И таким образом одни задохнутся внутри от дыма, другие же, вылетая, будут опалены». И, сделав так, вороны вконец разбили своих врагов. И царь воронов победоносцем вернулся на место своего обитания. И сказал он этому ворону: «Как переносил ты непотребные беседы с совами?» И сказал ворон: «Если мудрый человек оказывается в несчастье, он бывает покорен даже ничтожным, пока не достигнет желаемого». И сказал царь: «Скажи мне, каковы совы по уму?» И сказал ворон: «Не видел я у них ни одной умной совы, кроме той, что советовала убить меня. Другие же далеко находились от мудрости. Следует царю хранить свои тайны и не позволять никому чужому прикасаться к записям или к воде, которой он будет мыться, или к постели, или к одежде, или к оружию, или к еде и питью. Победить своих врагов невозможно с гордостью. Гордец, который действует с глупыми советниками, одержит лишь небольшую победу, трудно ему спастись от гибели. Я же смирился и покорился врагам, чтобы достичь такого свершения, какого достигла змея, покорившаяся жабе.

Рассказывают, что одна змея пришла в возраст и состарилась и не могла уже охотиться, так что трудно ей было с едой. И вот, ползая, добралась она до болота, полного жаб, где прежде охотилась, и простерлась поблизости от него в унынии и скорби. А одна жаба сказала ей: “О чем ты, змея, скорбишь?” И сказала та: “И как мне не скорбеть? Ведь в этом болоте всегда добывала я себе пищу, а теперь один аскет запретил мне это, так что я не могу охотиться. Хочу теперь, чтобы была я как ездовой конь вашему царю”. Услышал это царь жаб и принял змею, ездил на ней и всякий день на пропитание давал ей двух жаб. Так вот и я ради такой службы и итога вытерпел преходящее зло».

И сказал царь: «Рассмотрел я и увидел, что изобретательностью и умом побеждать лучше, чем сопротивлением. Огонь горяч и сух, но губит лишь то, что на земле, а вода холодна и тиха, но проникает под землю и с корнем уничтожает все, что на ней. Сказано ведь, что не следует пренебрегать четырьмя вещами, а именно: огнем, болезнью, врагом, долгом». И сказал ворон: «Великие свершения, о царь, выпали тебе ныне на долю, слава за то Богу».

И сказал царь: «Понял я, что ты и на словах, и на деле мне друг. Другие лишь хвалятся глупыми словами. Так что ради тебя была нам великая эта благодать, сладкий сон и пища тобою даны нам. Сказано ведь, что великую отраду приобретает тот, кто спасется от лихорадки, кто сложит тяжкую ношу, кто избавится от своих врагов. Скажи наконец мне: каков показался тебе образ жизни совиного царя?» И сказал тот: «Скотский он и коварный, горький и беззаконный. И другие совы подобны ему, кроме одной, советовавшей убить меня. Мне кажется, она всех умней».

И сказал царь философу: «Я понял рассказанную притчу. Расскажи мне теперь, как достигший своего желания и не способный хорошо удержать достигнутое тотчас все опять губит».

Притча об обезьяне. Пятая.

И сказал философ:

«Рассказывают, что был у обезьян царь, старый, поживший много лет. Поэтому-то, из-за старости его, отрешили они его от власти. И вот эта обезьяна, удрученная всякими трудностями, нашла на берегу моря смоковницу и зажила на ней, питаясь ее плодами. В один из дней, когда она ела, выпала из ее рук смоква, которую подобрала и съела дикая черепаха. Засмеялась на это обезьяна, а черепаха не переставала есть смоквы. Найдя вкусную еду, она даже дом свой забыла. Поэтому супруг ее очень мучился и искал способ, как бы погубить обезьяну и вернуть свою супругу. Однажды черепаха пришла домой и увидела, что супруг ее в скорби, и сказала ему: “Почему мне кажется, что ты мрачен и болен?” И тот сказал: “Заболел я жестокой болезнью, и не найти мне исцеления, если только не приму обезьянье сердце”. А та в колебании размышляла про себя об этом так: “Другого сердца мне не найти, кроме как друга моего, а это будет преступление”. Размышляя об этом, смущалась она разными мыслями и вот, придя на берег, позвала обезьяну, а та спросила ее о долгом отсутствии. И ответила черепаха: “Не из-за другого чего я отсутствовала, только что стыжусь тебя, что нет у меня достойного воздаяния, чтобы отблагодарить тебя за твои благодеяния”. И сказала обезьяна: “Не думай об этом, я не такая, чтобы требовать воздаяния от близких мне. Скорее ты мне была благодетельница, когда, изгнанную и окруженную бедами, меня утешала”. И сказала черепаха в ответ: “Хочу я закрепить дружбу, которая между нами. А закрепляют ведь тремя путями, то есть приходом в дом друга, знакомством и посещением родственников и совместным пребыванием”. И сказала обезьяна: “Дружок, так заключают дружбу и те, кто живет распушенной жизнью”. И сказала черепаха: “Верно ты сказала: достойно друзьям заключать истинную и совершенную любовь со своими друзьями, а тот, кто заключает любовь ради житейских нужд, строит на непрочном основании. Так что не нужно требовать от любимых ничего другого, кроме как доброго и чистого сердца, прямой и истинной веры. Теленок сосет свою мать, хоть она и без молока, и сердится, когда отгоняют его от нее. Я же хочу, чтобы ты посетила мой дом. Живу я на острове, обильном травой, наполненном множеством плодов. Я на плечах понесу тебя”.

Поверила обезьяна, забралась на черепаху, и понесла ее та по пучине. А когда были они посреди пучины, остановилась черепаха в раздумье, как бы ей погубить обезьяну. Заметив черепахино промедление, заподозрила обезьяна хитрость и сказала про себя: “Уж не замыслила ли черепаха какое зло против меня?” И сказала так: “Вижу я, что ты в заботах и размышлении великом, и боюсь поэтому тебя, — чем ты озабочена?” И сказала та: “Печаль у меня большая, что, придя в мой дом, ты не все найдешь достойным, как это мне хочется. Ведь супруг мой лежит в постели”. И сказала обезьяна: “Не заботься об этом, печаль не приносит пользы. Позаботься лучше о лекарственных травах”. И сказала черепаха: “Врачи говорят, что обезьянье сердце может вылечить эту болезнь”. Услышала это обезьяна и оплакала про себя свою смерть, говоря: “Увы, безумная! Как не поняла я этого раньше? Хоть и старая я, а в такое несчастье попала. Кто довольствуется малым, живет беззаботной жизнью”. Но черепахе она

сказала так: “Почему же, милая, ты не сказала мне этого, пока не вышли мы из моего дома, чтобы я сердце свое с собою взяла? Ведь есть у нас обычай, когда идем к другу, сердце свое оставляем дома, чтобы не подумало оно чего дурного о друге”. Услышав это, черепаха, радуясь, поплыла обратно и вынесла обезьяну на берег. Та же, лишь ступив на сушу, быстро забралась на смоковницу. А черепаха закричала снизу: “Сойди скорее, друг, и отправимся”. И сказала обезьяна в ответ: “Если сойду к тебе, совсем не найду своего сердца”. Так вот те, кто не исполнил своего намерения, когда располагал случаем, упустив время, ничего не получают».

И сказал царь: «Я понял эту притчу. А теперь расскажи мне о том, кто хватается за какое-нибудь дело, не разобравшись в нем, прежде чем начнет».

И сказал философ:

«Рассказывают, что жил муж со своею женой и однажды сказал он ей: “Я уверен, жена, что родится у нас младенец мужского пола, и он с усердием будет служить нам. Рассуди, какое имя мы дадим ему”. И сказала она: “Прекрати, муж, пустословить. Ты подобен человеку, пролившему мед и масло”.

Рассказывают, что у одного человека из бедных были в сосуде мед и масло рядом с постелью его. Однажды ночью думал он про себя, так говоря: “Продам я за деньги масло и мед и куплю десять коз, а они народят столько же козлят через пять месяцев, а через пять лет у меня будет их четыреста, на них я куплю сто волов и с их помощью засею поля, плодами того урожая и другими плодами безмерно я обогащусь, построю четырехскатные златоверхие дома, накоплю множество рабов, возьму себе жену, которая родит мне дитя, и дам я ему имя Панкалос, то есть Вседобр, воспитаю его как следует. Но если увижу я, что он нерадив, я вот так побью его вот этой палкой”. И, взяв лежащую поблизости палку, он ударил по сосуду и разбил его, и полились по бороде его мед и масло.

Родила потом жена мальчика и сказала однажды своему мужу: “Пойди посиди с мальчиком”. А когда ушла она, супруга ее призвал к себе властелин, и дитя осталось одно. И случилось вдруг, что змея подползла к ребенку. Увидела ее ласка, прыгнула и вонзила в нее свои зубы. Супруг вернулся, увидел, что ласка окровавлена кровью змеи, и решил, что съела она младенца. Не дождавшись, пока увидит он

мальчика, безжалостно ударил он ее по голове и убил. А войдя, нашел он младенца целым и змею, разорванную на части, и, раскаявшись, горько заплакал. Так ошибаются те, кто на многие дела устремляется без осмотрительности».

И сказал царь: «Понял я это, расскажи теперь мне, как следует царю сохранять невредимым свое царство, в каком случае кротостью, доброю совестью или наградами».

И сказал философ в ответ:

«Лучше всего мудрость и терпение, а к этому помощь добрых советников, затем честная и мудрая жена. К этому будет притчей то, что случилось с индийским царем.

Рассказывают так, что царь этот за одну ночь видел восемь страшных снов. Он проснулся в испуге, призвал своих мудрецов и рассказал им, что видел во сне. И сказали они: “Видение, которое ты увидел, заслуживает удивления; нужно нам семь дней, чтобы рассудить о нем”. Вышли они и, беседуя друг с другом, говорили: “Немного прошло времени с тех пор, как царь убил многих из нас, а теперь божественный промысел отдал его нам в руки, так что нужно нам постараться сгубить его. Нужно посоветовать ему, чтобы убил он сына и жену свою, а с ними и родственника своего и главного советника, который старейшина книжников, а к тому же и белого слона, на котором он ездит, и других двух больших слонов, и коня, и верблюда, а кровь всех их собрать в сосуд, чтобы мы умыли его ею и воспели над ним врачебные песни, так чтобы избавился он от всякой беды”. И пришли они к царю и сказали: “Смотрели мы в писаниях и нашли то-то и то-то, и нет у тебя другого пути к спасению, только чтобы исполнить это”. Тогда сказал царь: “Хочу я, чтобы все они остались целы, а погиб я один”. И сказали они: “Нет ничего важнее, как спасти свою душу”. Услышав это, опечалился царь, лег ничком на ложе свое и думал, что делать. И повсеместно стало известно о печали царя.

Узнал про это главный советник и понял хитрость, но не мог об этом говорить он с царем и, придя к царице, сказал ей: “Вижу я, что царь в скорби, и боюсь, что лживые мудрецы из злобы затеяли козни, давая такие советы, чтобы совершенно погубить его. Спроси его, какова причина, что он так скорбит. Если скажет тебе, то поведай мне”. Пошла она к царю, села в изголовье его и сказала: “Поведай мне, царь, что посоветовали тебе мудрецы”. И сказал царь: “Не прибавляй к нам раны,

не следует тебе расспрашивать меня об этом, потому что не сможешь ты справиться с этим злом". И сказала она: "Не думала я, что будешь когда-нибудь таить ты от меня тайну. Если не откроешь ты это мне, не знаю, как откроешь другим". И сказал он: "Что спрашиваешь меня, жена, о своей гибели и гибели всех моих любимых!" И сказала она: "И я, и другие не избежим, чтобы быть заменой тебе. Что дороже нам, чем ты? Но умоляю тебя, царь по смерти моей не верь никому из мудрецов, не убивай также никого, прежде чем близким своим не объявишь свое намерение. Разве не знаешь ты, что мудрецы враждебны к тебе, потому что совсем недавно довольно многих из них ты убил? Не думай, что забыли они об этом убийстве; не следовало тебе ничего из снов рассказывать им, но, если доверяешь мне, спроси о снах находящегося у нас старца аскета".

Тотчас сел царь на коня, поехал к тому аскету, и рассказал ему царь все, что видел. И сказал аскет: "Не бойся, царь, никакого зла тебе не будет. Ведь две рыбы, которых ты видел, что они ходят на хвостах, означают, что придут к тебе посланцы от великих царей и приведут к тебе двух слонов. А две утки, которых ты видел, что они пролетели около тебя, означают, что два персидских посланника приведут двух благородных коней. Ползущая за тобою змея говорит, что тебе принесут такой меч, какого никто не видал. А то, что ты крестился кровью, означает, что пришлют тебе в дар багряную ризу, светящуюся во тьме. А водою умывание предвещает, что принесут тебе различные одежды. А взойти на белую гору верный есть знак, что воссядешь на белого слона. А то, что огонь у тебя на голове, предсказывает, что примешь от великого царя драгоценный венец. А то, что голова у тебя, как птица, сейчас не откроется тебе. Это говорит о небольшой печали и отвержении от любимого лица. (..) И все это сбудется тебе после семи дней".

Так и стало по прошествии семи дней: пришли посланцы, неся все, что предсказал аскет. Увидев это, поклялся царь принимать советы только от своих близких. Потом взглянул он на дары и сказал: "Не следует мне ничего брать из них, но вы возьмите их, друзья мои, вместе с моею благоразумною супругою, ибо вы положили за меня свою душу". И сказал главный советник: "Не годится нам, рабам твоим, принимать такие дары, скорее это справедливо будет твоим родственникам". И сказал царь: "Ты виновник моего спасения и достоин ты тысячи благодеяний". Потом взял себе царь белого слона, своему сыну дал одного из коней, а главному советнику драгоценный меч. Остальное же велел он главному советнику доставить за собой к женам. А были у него две любимые жены: одна, которая давала совет об аскете, и другая. Пришел царь к ним, положил перед ними венец и багряницу и сказал сначала советнице: "Выбери себе из двух, что хочешь, — или венец, или багряницу, а оставшееся возьмет другая". А она колебалась, что взять, и посмотрела на главного советника. И показал тот взглядом, чтобы взяла багряницу. Случилось же тогда, что царь поднял глаза и увидел,

как главный советник указывает его жене на багряницу. А та догадалась, что не скрылось от царя это движение, и не взяла багряницу, а взяла венец. А главный советник с того времени сорок лет держал очи долу, чтобы не подумал царь, что во взгляде его была страсть. И если бы не поступил он так, потерял бы жизнь свою. В один из дней та, которая взяла венец...».

Какой-то писец не дописал этой мудрой притчи. Но пора, любезные, и мне окончить сладкое отеческое поучение. Да покроет нас человеколюбивый Бог своею благодатью, молитвами своих святых, ибо в веках благословен Ты. Аминь.

Написана же сия притча в октябре восемьдесят седьмого года последнего века седьмого тысячелетия. Святая Троица, слава тебе! Переведено на русский язык из греческих книг.

ИЗ ТАКТИКОНА НИКОНА ЧЕРНОГОРЦА

Подготовка текста, перевод и комментарии Л. А. Герд

ВСТУПЛЕНИЕ

Никон Черногорец — византийский канонист XI в., известный как автор трех произведений: «Пандекта», или «Большая книга толкований заповедей Господних» (конец 50-х — начало 60-х гг. XI в.), «Малая книга» (1089 г.) и «Тактикон» (80—90-е гг. XI в.). Об авторе мы имеем сведения исключительно из его произведений. Известно, что он, родом грек, принял монашество еще в молодости, подвизался на Черной Горе близ сирийского города Антиохии сначала под духовным руководством старца Луки, митрополита Анаварзы, а затем в знаменитом монастыре Св. Симеона Столпника и наконец снова вернулся в основанный его духовным отцом монастырь Богородицы Роидиевой. Никон был весьма начитан в трудах отцов Церкви, канонической и аскетической литературе: это позволило антиохийским патриархам Петру III (1053—1054), Феодосию III (1057—1059) и Иоанну IV Окситу (1089—1100) дать ему почетное звание «учителя монахов». От священства, впрочем, Никон отказался, не желая брать на себя тяжесть сана.

Никон жил и писал во время второго византийского владычества в Северной Сирии (969—1084 гг.). После трехвекового арабского господства в Антиохии в XI в. наступает своеобразный краткий ренессанс греческой культуры, плодом которого помимо творчества Никона явились антилатинские сочинения патриарха Петра III Антиохийского, которые Никон использовал в «Тактиконе». Никон явился свидетелем и другого важного события того времени — Первого

крестового похода. Его творчество представляет особый интерес как продукт столкновения и противоборства по крайней мере трех различных культур — мусульманской, латинской и православной. Этим объясняется полемический дух, пронизывающий все его творчество, а также непримиримость автора по ряду спорных вопросов: для Никона как греческого монаха было особенно важно сохранить чистоту православия своих духовных чад — не только монахов, но и мирян.

Монументальный труд Никона «Пандекты» состоит из 63 «слов» (глав) и представляет собой компиляцию из отцов Церкви, патериков, устных преданий и канонов Св. Апостолов и соборов Православной Церкви, а также законодательства Юстиниана на различные темы (монашеские добродетели и пороки, церковное управление и др.). По свидетельству самого автора, эта книга была написана им в молодости, затем прошла проверку в Антиохийской патриархии и хранилась в ней, а также в монастыре Св. Симеона для духовной пользы монахов.

«Пандекты» сохранились в большом количестве греческих и еще большем числе славянских списков. Они были чрезвычайно популярны на Руси и использовались в XV—XVI вв. как хрестоматия из произведений отцов Церкви, высказываний старцев-монахов, справочник по каноническому праву. Сочинения Иосифа Волоцкого, Вассиана Патрикеева, Максима Грека изобилуют цитатами и выписками из «Пандект» Никона.

«Малая книга», единственное датированное произведение канониста (1089 г.), была составлена по образцу «Пандект»; ее содержание также представляет собой подборку из канонов и высказываний св. отцов, содержит обширные выписки из византийской хроники Симеона Логофета.

Наиболее интересным сочинением Никона является «Тактикон». Он состоит из двух частей: двух уставов Роидиева монастыря («Слова» 1—2) и 40 (38 — по славянским текстам) посланий различным монахам. В отличие от двух предшествующих произведений в «Тактиконе» в полной мере проявился талант Никона критически подходить к своим источникам. Автор неоднократно сравнивает различные тексты: иерусалимский, студийский и афонский монастырские уставы, номоканон Иоанна Постника, номоканон XIV титулов, правила соборов и др., отмечает разногласия между ними и высказывает свое собственное суждение по каждому вопросу. Подобный критический подход к материалу достаточно редко встречается в византийской литературе: в XII в. мы наблюдаем его у знаменитого канониста Вальсамона, а в XIV — у Симеона Фессалоникийского. «Тактикон» Никона Черногорца интересен не только как источник, по которому возможно восстановление редакций различных канонических, литургических и аскетических произведений, бытовавших в XI в., но также и как оригинальное произведение. Письма Никона, по-видимому, не являются данью литературной форме, но реальной перепиской, о чем свидетельствуют неоднократно встречающиеся фразы типа «ты мне писал, и я тебе отвечаю», причем далее приводится содержание письма вопрошающего. Иногда автор ссылается и на свои предшествующие

послания; однажды он упоминает, что не стал писать свой ответ на новом листе, но на обороте полученного письма-вопроса.

Много содержится в «Тактиконе» указаний на конкретную историческую ситуацию в Антиохии конца XI в.: предупреждения против ересей, против влияния только что пришедших латинян-крестоносцев, предупреждения против наступающих мусульман-турок, призыв к христианам противостоять им силой своей веры и не вступать с ними ни в какие отношения. Все эти указания, иногда явные, другой раз лишь намеки, дают возможность датировать отдельные слова «Тактикона».

Большой интерес для выяснения этнической ситуации в антиохийских монастырях во второй половине XI в. представляют публикуемые в данном томе три главы «Тактикона».

На Черной Горе с давних пор жило немало армян-халкедонитов (цатов). Св. Савва Освященный (V в.) принял их и разрешил петь богослужебные тексты по-армянски. Православная Церковь в отличие от западной благосклонно относилась к тому, чтобы негреческие народы служили на своем родном языке. В IX—X вв. в Армении, в условиях господства монофизитской церкви, в среде армян-халкедонитов произошла денационализация: они постепенно слились с грузинами, греками и сирийцами. «Тактикон» Никона Черногорца является единственным источником по истории этой этническо-конфессиональной группы в Северной Сирии XI в. В этом регионе, по свидетельству Никона, армяне сохраняли свой национальный облик, так что даже обвинялись в неправославии, т. е. монофизитстве. Канонист встает на их защиту и отмечает, что они были в почете у предшествовавших патриархов, которые использовали их как полемистов против армян-монофизитов.

«Слово» 37 посвящено ивирам (грузинам), которые также представляли собой национальное меньшинство на Черной Горе. Хотя грузины всегда придерживались халкидонского, т. е. православного, вероисповедания, все же их «надежность» часто подвергалась сомнению. Учитывая опыт отношений, сложившихся между греками и армянами, Никон хочет предупредить повторение подобной ситуации с грузинами и потому излагает историю их крещения и доказывает верность православию.

Это произведение Никона Черногорца не было популярно в Византии; по-видимому, этим объясняется малое количество греческих списков «Тактикона» (около четырех). Самый полный из них Sinait. 441 (фотокопии с него хранятся в Российской национальной библиотеке в Петербурге) (шифр греч. 879). Критическое издание греческого текста отсутствует. В начале XX в. издание текста с комментарием было предпринято выдающимся русским канонистом В. Н. Бенешевичем. Однако его издание, начавшееся в 1917 г., вскоре прервалось на пятом «Слове».

Славянских списков «Тактикона» намного больше. Древнейший из них (1397 г.) хранится в РНБ в Петербурге (шифр Fn 141). Он был сделан в Новгороде и представляет собой ту же редакцию текста, что и рукопись

Sinait. 441. Приписка в конце славянской рукописи говорит о том, что она была переписана Яковом и Пименом из монастыря на Лисичьей горке в Новгороде с древнейшего славянского прототипа, в свою очередь привезенного сюда с Афона игуменом Лисичьей горки Илларноном. Настоящее издание осуществлено по славянскому списку 1397 г. со сверкой по греческому тексту.

ОРИГИНАЛ

СЛОВО 35. ТОГОЖДЕ О ДУХОВНЫХ НАШИХ БРАТЯХЪ ГЛАГОЛЕНЫХ
ЦАТЬ

РАВНОЕ ПАТРИАРЬШЫСКАГО ПОСЛАНЬЯ, ПОСЛАНАГО КЪ КИРЬ
ЕУФИМЬЮ ОТ ЕРУСАЛИМА И ЕЩЕ ЖЕ И РАВНОЕ ПОСЛАНЬЯ
ИГУМЕНА СВЯТОГО СИМЕОНА ЧЮДОТВОРЦА^[1]

Надписанье. Боговиднѣйшему и святому нашему владыцѣ
богопочтенному патриарху иерусалимскому пришедшей въ Антиохию
архиерѣи^[2] и причта приизящнии, чада и раби твои. Господи,
благослови.

Подобаше убо намъ, богопочтенный нашъ владыко святыи, писаниемъ
присно и нарѣковати тебѣ, и лобзовати, и должное еже по Бозѣ твоему
свершению въздати поклонение, яко святыя твоя възприимати молитвы
и от тебе благословлятися. Но прилучьшася нам напасти и бывшее
вещем пременение от подобающаго нас прѣсѣцають и полезнаго,
понеже и бес пастыря пребываемъ^[3] и нѣсть иже нас сберег,
разсѣяныя суща, и зверем удобъ емлемый бышающа ловъ. Нынѣ же
нову в уши наши възпадшую слышанию настоящее писание къ святынѣ
твоей послахом, ово убо должное то и въздающе поклонение и еже от
нею благословление просяще, ово же и о слышанемъ сказующе; еда бо
се въ твою не внесено бысть слухы. Слышахом бо яко цятю арменом
нѣким рекше отшелником арменскыя службы ту сътворише жилище и
безмольствовати ту произволивше, нѣции всяко от доброненавистнаго
бѣса нападают на них и яко неправославны облыгуют и всячьскыи
образы оскорбляют их. Но убо таковии приятнѣ бяху от прежде
бывших патриархъ наших, и нѣкая от них братья суть въ честнѣи
обители святаго Чюдтворца Симеона учиненѣ и въ иных монастырих, в
нихже и служат и Причистымъ Таинамъ съ православными
причщаются, и ниже от древних лѣтъ дажде донынѣ възниче съмнѣнѣ
нѣкое о славѣ их. Сия убо мы яко въздуше възвѣстихом; твоего же
хотѣнья есть или нраву прѣдварших патриархъ послѣдовати, или инако
нѣкако помянувшемуся и угодному Богови створити. Честныя убо и
святыя молитвы твоя да дарованѣ будут нам въ всемъ житии.

РАВНОЕ ПОСЛАНЬЕ ПОСЛАНАГО ОТ СВЯТАГО ЧЮДОТВОРЦА
СИМЕОНА К КИРЬ ЕУФИМЬЮ ПАТРИАРХУ ИЕРУСАЛИМЬСКОМУ С
ПАТРИАРХОВЪМ ПОСЛАНЬЕМ.

Надписанье. Блаженѣйшему и святому владыцѣ моему треблаженому патриарху Иерусалимьскому Петръ послѣдний мних прозвитель и игумень и архимандрить честныя обители иже на Дивнѣи горѣ святого и чюдотворца Семеона, рабѣ молитвы твоея.

Блаженный и владыко и святѣиший, слышание нѣкое приде въ наша слухы о ту сущих и ошелникох цятых, ту нѣгдѣ жилище створшим и безмольствовати произволившим. Нѣции всяко наваждением добруненавистника врага нападают на них и яко неправославны облыгають и всяцѣм образом опечалѣють их. Тии же, владыко святой, приятни бяху от предварших святыхъ старецъ и святѣиших патриархъ, и нѣцѣи от них съчтани суть въ братья нашея обители и служити и съпричящатися с нами и въ всем от святыхъ старецъ онѣх и съвѣдворятися повелѣни быша яко православнии. И аще не быша опасно испыталѣ и правѣ мудрествующе въ православный вѣрѣ обрѣтошася, и не быша тѣх приялѣ. И мы убо, вѣдуще яже о них, възвѣстием твоему блаженству, и твое же есть хотѣние по волѣ угодному Богу сътворити. Нас же, недостойныя рабы твоя, молим яко да всегда к Богу службы твориши, в молитвах твоих не забываеши, яко рабѣ бо недостойнии дерзнувше написахом.

СЛОВО 36. ТОГОЖДЕ КЪ ОТЦЮ ГЕРАСИМУ^[4] О ТѢХ ЖЕ. И РАВНОЕ ПОСЛАНИЕ ИЖЕ ВЪ ЕРУСАЛИМЪХЪ ПОСЛАНАГО КЪ ОТЦЮ ГЕРАСИМУ ЯКО ДА ПРОЧТЕНО БУДЕТ ПОСРЕД С ДВѢМА ПОСЛАНИЦЕМА, ПАТРИАРХОВЪМЪ ЖЕ И ОБИТЕЛИ СВЯТАГО СЕМЕОНА ЧЮДОТВОРЦА.

Възлюбленное и духовное мое чядо. Якоже слышахом от неких, яко нѣции от сущих ту в невѣдѣнии и подвиженіемъ сотонинымъ движеніемъ, словеса оскорбляють ту сущую братью нашу, глаголемыя цаты, обаче не явѣ и пространѣ, но отай и завистию сотониною и ины нѣкы плотныя вины прилагающе, яко да не от вѣдѣния слышащих невѣжды. И паки от ищущих и вины погыбели лукавых, глаголю, бѣсовъ, нѣции вѣрующии блазнятся, корень такового лукавого сотониньскаго сада и подобных сим кождо устава ради любовнаго, елико по силѣ, Христу съспоспѣшествующу, искоренити да подвижется. Азъ же zde, Господу Богу и Спасу нашему и Прѣчистѣй Матери его Богородици и всим святымъ Его съспоспѣствовавшим, еже по силѣ моей, не обленихся, но и в соборній церкви патриархии и в святемъ Симеонѣ господини моемъ Чюдотворци. И посреде испотано бысть от всихъ опасно и явѣ очищена

быша вся благодатью Христовою. И се послахом послания и написаная свидительства же и извѣщания. Обаче убо, ты добръ мя знаеши, чадое любимое, яко и з дѣтства съвзраслъ ми еси, и знаеши, яко зде во монастирѣ съ братия сия у Богородица глаголю наречаемыя Роидиевы, не просто и без разума сѣдох. Но, якоже знаеши, егда прѣдана бысть Антиохия, [\[5\]](#) и приидох сам в обитель Богородица Роидиевы и обретох первие убо мѣсто непроходимо от языкъ и отвсуду безмольвно и моему разуму поспѣшествующе, якоже люблях и хотѣх, якоже мя знаеши. Потом же паки обрѣтох иноязычники сия грубыя и невѣжда и единовѣрны, якоже египтяны оны иноязычни же и невѣжда преднии они отци наши и греци. И обаче азъ еще и недостойны сый, но рабъ тѣх судих быти образа ради иночскаго, и якоже не пшюу елико по силѣ мало что тѣх подражати. Не безъ рассмотрения же зде сѣдох, но первие испытах у святого Симеона Чюдотворца вѣдущих и разумных, такожде и инуду вѣдущих Божественая Писания. И паки писах въ сборную церковь патриархия, [\[6\]](#) и посла ми владыка сакелий писание, [\[7\]](#) имущее тожде свѣдѣтельство и тѣх свершенныя вѣры извѣщение, сказующе сие и глаголя, яко «Цаты вы паче свѣсте, въ вашей бо пребывают обители. Аще же тѣх прежде бывшей святости отци тужда от правыя вѣры вѣдѣли быша, како сих съжителствовати и съпрѣбывати им и съпитатися и прияша или како блаженнии патриарсѣ въ то всеосвященное мѣсто въходити тѣмъ, и молитвы сътворяти, и службы попустиша, аще правѣ мудрествующих не быша вѣдѣли».

Сия вся приимше сакеллие во писание и посла ми то у святого Симеона, в немъже и храню е от вѣры. И ина писания ми посла, имуща свершеное извѣщание о архиерѣох и Сборныя Церкви и повеление о тѣх съжителствии и съпрѣбывании съприобщании Святыхъ Таинъ, глаголющее сие яко право держащим в непорочнѣй христьянскій вѣрѣ нѣсть блажено съприобщатися Божественымъ Таинам и подати тѣм, и от нѣх приимати. Ни бо о языцѣ есть разнество и зазорное, но о самой правослѣвнѣй вѣрѣ.

И сия убо сие имяху, и ина же множайша, имуща извѣщание свершено. И обаче иже Божественая Писания испытующей вѣдят таковая изтязовати, яже о вѣрѣ глаголя. Сам же и великий Василие въ своем первом правилѣ и явѣ о таковых разнествах глаголет, [\[8\]](#) что есть ересь, и что распрѣ, и что сѣмица. И тако убо святой глаголет о сих разнѣствѣх, ихъ же поискавъ обрящет. Сия же братью нашу, глаголемыя цаты, идеже аще суть и в коемлюбо живут мѣстѣ, отвсюду испытавшие, обрѣтохом благодатью Христовою бес порока в таковых, в яже о вѣрѣ, такожде и в распрѣх и о сѣмицах. Ибо митрополит прѣдѣла их и страны Междорѣчия, в нейже живут от первых лѣтъ, иже и ради нашествия язычскихъ расточенѣ быша ниции от них въ различныя страны, но обаче, якоже рѣх, митрополитъ ихъ от иже въ Антиохии патриаршѣствующаго поставляется, [\[9\]](#) яко престолу сущу всего Вѣстока. И законно, и правилно есть священничѣство ихъ, и все съставление их, и кромѣ всякого зазора благодатью Христовою.

И обаче ту паки житие великого отца нашего Савы процетше,[\[10\]](#) обрящете сих съжителствующих великому и въ благосъзданни Церкви повелѣном от святого арменскою бесѣдою пѣти уставъ свой, гръком же особно пѣти. Якоже и zde братья наша поют арменскою бесѣдою, гриць же паки особъ, въ различныхъ же ликох, заеже не имѣти двѣ церкви, точю же Трисвятую пѣснь гръчъскы глаголют, якоже и въ сем иже въ святем отецъ наш Сава прѣдаде ради мнѣния и прилога Петра Кнафеова еже «распныся нас ради».[\[11\]](#) И ту паки житие великого отца нашего Феодосия прочетьше, обрящете с ним жителствующих и въ Церкви арменскою бесѣдою особъ поющих уставъ свой. И доволѣет нам подражати сию обою великую свѣтилу. А еже въ гричьстѣе Церкви повелѣном быти от великого отца нашего Савы и от великого Феодосия входить и причащатися Божественных Таинъ, яко же видится ради оскудиния священничества бѣ, зане опасьство много имяху святии и отци о священничествѣ и едва нѣкогда въ мнозѣ сборѣ приемляху единого священника имѣти или никакоже. Вѣдяху бо тяготу и бѣду священничества. И свѣдѣтельствуеет ее самое житие великаго отца нашего Савы, и такожде великаго отца нашего и начяльника общим житием Пахомия,[\[12\]](#) яко и въ обою сею монастырохъ въ лаври же и в опщем житии колици иноцѣ быша и своего от ту сущих инокъ въ презвитерское рукоположение не имяху, но времени зовущу, от ближних презвитеръ призывахуся створити имъ священну службу, яко принужденном быти тѣм послѣдъ же, а не инѣм нѣким. И сам убо великий Пахомье тяготы священничества избѣже. Великий же отецъ наш Сава рукоположение неволею и нехотя от патриарха Ерусалимьскаго прият, суди вътяготу сам въсприяти. Сия есть вина, якоже от житий святых и от инѣх писаний иже по Бозѣ любопотрудивыйся обрящетъ истинное. Опасство же и бѣду, яко же и предрекохом, священничества, не точю прочая божественная писания являют, но иже о священничествѣ 6 словъ Златоустовых пространнѣйше глаголют,[\[13\]](#) аще и о архиерействѣ бесѣдует. И обаче иже с Богомъ другое что лучшее истиннейше разумѣвый, да пользует процитающая и мене, яко невѣжда есмь, поселянинъ и ползу въ всякой вещи взыскаю.

Обаче много испытавъ, еже по силѣ, за братью нашу сия цаты, и не обрѣтеся нигдѣже яко оттолѣ от дний явѣ яко великих отецъ наших Феодосия и Савы, егда и прежде святой и великий иже въ Халкыдонѣ сборѣ[\[14\]](#) еретики армены отлучий проклятъ начальствующая им, потом же паки тѣм обоим свѣтилом предреченым Феодосию ж и Савѣ подвижавшимся и плевелы от чистыя пшеница разлучившим,[\[15\]](#) и православным сим братьям нашим и подобным них оставшим и съ единым къ сборний Церкви с православными, и не обрѣтеся нигдѣже яко оттоли съгрѣшиши въ каковѣ-любо вѣщи, или понѣ въ распрѣх, или сънмицах, якоже нѣции от наших многажды пострадаша, иже изначала от божественных отецъ добрѣ начьнше, послѣдъ же въ распрѣ и сънмиця увратишася. Сия же братья наша дажде до днесъ отци наши и ти сами блажении патриарси, егда на сборѣ подвигается что на еретики армены, аще обрящется кто о сих разумѣ имѣя божественны, тѣх имут с

Богомъ на ополчение супротивных, яко и языкъ и писания их свѣдущих. Яко и zde при блаженных патриарсихъ въ нашихъ временехъ бысть, и множайшимъ сущимъ еретикомъ арменомъ, отъ сихъ же зѣло мали нѣции на сборъ ниже языкъ подвигнути, или гласъ испустити оставиша еретики на православныя отнудъ. Сия вся мы, елико по силѣ испытавше о сихъ братьяхъ нашихъ, глаголемыхъ цаты, обрѣтохомъ. Могый же съ Богомъ и множае что ползевати насъ, и се съ радостью въсприемлемъ, яко суще невѣжде мы и яже премудрыхъ и книжнѣйшихъ не свѣдѣюще, ниже силы писменемъ и таковыхъ разумныхъ разумъ не свѣдѣя, тѣчю сия вся испытавъ съ опасствомъ отъ внѣшнихъ и паки отъ внутреняя свѣсти извѣщение приимъ, съсвѣдѣтельствующимъ книжнымъ и отецьскимъ приданиемъ. И весь покой мой, якоже знаеши, створилъ есть Богъ ради молитвъ Богородица zde, и паки за молитвъ святаго Симеона въ той Святей и Дивней Горѣ господина нашего святаго Симеона Чюдотворца. И овогда убо тамо, овогда же zde, сѣжду и почивая, якоже иматъ разумъ мой, егоже вѣси. Каждо бо аще не обрящетъ якоже любитъ и хочетъ, не упокояется или плотско, или духовно.

Се же вѣждь, духовное мое чадо, зане якоже и прежде при днѣхъ блаженаго патриарха киръ Феодосия^[16] вручено ми бысть и повелѣно учительство, недостойну сущу ми, нынѣ же паки не простиша мя оставити се предначальствующи и архиереи сборныя и апостольския Церкви, но паче подтвердиша и написаша съ утверждениемъ повелительное и послаша ми то съ киръ Самоиломъ митрополитомъ Аданскимъ. Да яко смотрѣхъ, тяготно ми быти и паче мѣры моея, не прияхъ то, но възвратихъ сие моляся, за еже любити ми безмолвие и странничество. Нынѣ убо паки облегчиша то, якоже лѣпо бѣше, безбѣднѣ и послаша ми е съ духовнымъ братомъ киръ Козма киръ Романовѣмъ ту сущаго затворника.^[17] И убояхся суда Божия паки второе възвратити то, яко не иматъ нѣкое неудобство же паче мѣры моея, ниже забавляюще мя въ иже имѣхъ прежде разумъ. Паче же и писаша ми, яко принуждаетъ тя сборная Церкви на се. И сего ради прияхъ то благословнѣ, аще и недостойну сущу ми, отъ сборныя и апостольския Церкви, яко отъ рукъ Господа и Бога и Спаса нашего и Пречистыя Его Матери Богородица и владыки нашего Петра верховнаго апостоломъ, немже и патриаршьскимъ престоломъ всего Востока Антиохійскій градъ почтенъ бысть.^[18] Азъ же аще и недостойнѣ, но якоже непщую убо, яко инокъ и рабъ сый рабомъ сборныя и апостольския Церкви. И аще не сѣе бы было, но имѣло бы нѣкое неудобство, не быхъ приялъ отнудъ якоже мя занеши. И обаче якоже предрекохъ, аще не бы было свободно, ниже извѣтомъ послушания послушалъ быхъ, за иже отдесна прельсти и бесовскихъ же и человѣческихъ. И еще же и самая воля яко «каждо привлечется и прильщается отъ своея похоти»,^[19] якоже пишетъ.

И се подобаетъ ти вѣдѣти, чадо духовное, яко и кромѣ и выше преднаписанныхъ братѣй нашихъ глаголемыхъ цатъ, ихъ же ради и вина сия изложена бысть, и о нѣхъ такожде иже въ зазорѣ сущихъ, или въ вѣрѣ, или въ

дѣянии, и аще о едином или о мнозѣхъ, или о ученицѣхъ, или о учитехъ, подобает се духовным нашим отцѣмъ яко да по первых о них святыхъ отцехъ, и сии творят о иже в зазорѣ сущих, или от слышания, или от своего мнения, но истязовати явѣ такова и тако съставляти и разсужати и судити и изрицати, или добръ есть таковой, или инако нѣкако, но убо якоже лѣпо есть, а не весь языкъ или иже от него учимыя, аще не злѣ явишася. Бывает бо множицею, якоже многажды бысть и мнози развращения мудръствующе, инѣхъ правая учат якоже и съпротивное, и не тѣчю о вѣрѣ, но друзии паче о дѣянии боящегося книжнаго словеси, глаголющаго: «Горе напаяющему искренняго своего питья мутна»;[20] и Господу глаголющю къ ниже творящим ни искренему глаголющим путь жизни: «Рабе лукавый и лѣнивый» и прочая.[21] Паки инѣм образом многажды бывает въ ученицѣхъ и благочестиви нѣции суще елико учими суть: добрая внутри себе сдержавают, блазньная же внѣ измѣтают, якоже бывает о чтении, или о вѣрѣ, или о дѣянии; обаче въ иже о Бозѣ могущих. Аще ли еще немощни суть блазньна и обоа. Тамже паки бывает инѣм образом, и учитель убо здравъ и добръ учит, ученикъ же по развращенному своему нраву вся смяте и искриви, якоже рече и великий апостоль Петръ въ едином от своих посланий о нѣких сердцемъ неутверженных ради учительствъ святаго апостола Павла яко «развращают та», [22] по своих явѣ яко волях обращают. И ради сих всѣхъ и сим подобным подобает истязовати добръ же и здравъ о сих и тако износити изреченье, якоже рѣхом. Паче же и всем многа боязнь есть и бѣда пакости ради искренняго, и съблазнь предлежит от речения, якоже пишет въ Еуангельихъ яко «уне есть жерновный камень привязати ему» и прочаа.[23] Еже протолкова божественый Златоустъ, сия съблазнь глаголя быти възбраненье праваго пути. Обаче на сие приходит, яже предрекохом, съблазнь къ искренему. Аще ли нѣсть таково явлено испытанье, с дерзновеньем и любовью Божьею и искренняго, якоже учимы есмы, но скровно нѣкако и льстивнѣ и яко в мрацѣ крыема и лестью и словом ратуема, се всѣм благосмыслящим явлено есть и отнуду же имат рожденье, познавают, яко от тмы и зависти и прочих злыхъ дѣйствъ и рождений елма «все являемое о таковых на свѣт происходит», [24] якоже пишет, и не лѣпо есть таковаа и подобнаа сим тмы дѣла боголюбным сматряти душамъ или вѣровати и сприобщатись таковым.

Добро убо есть еже учити въ время благословно и ползевати искренняго, но множае паче требует божественая благодати и бестрастѣя такожде и приемлющему, якоже и апостоль в раздѣленьи дарованьом, начиная сие, глаголет: «Еда вси учители» и прочаа.[25] И тако может с Богомъ здравъ уставляти и рассуждати и судити и изрицати, и о едином коемждо книжное благословное свѣдетельство приводити, якоже пишет о праведницѣ, яко «рассмотритъ словеса своя на судѣ». [26] Аще ли же и божественѣй благодати не споспѣшествующи, и учай такожде таковаа истязует, и аще страстен сый от естественыхъ страстей и побѣждаемъ, невѣрная же от него глаголемая и блазньна отвсюду суть привлчим и прелщаем от своея похоти, и подобныхъ мнѣ порабоженъ, увь, и побѣждаемъ в которуюждо страсть; и не тѣй обладает и водит тыя идеже хочет, но тыя одержат паче того и обладают, и отводят идеже не

хощеть. И сего ради «имже кто побѣжденъ бысть, тому и поработися», якоже пишет. И инде глаголет, яко «еликы страсти въ души, толико владыкъ». И убо таковъ есть и тѣ, яковже иже въ пророцѣ Исаи глаголемый: «Пророкъ учя безаконью».[27] Но обаче благочестивыя и Богомъ хвалимыя аще и внимают себѣ, якоже выше рѣхом, не могутъ вредити, но не внимающая и подобныя мнѣ, якоже речеса, миролюбныя и сластолюбивыя. Обаче убо таковаа скоро искушаются, якоже рѣша отци: «Тако въ чловѣцѣхъ бывающая въскорѣ обличаются». Подобаеъ убо комуждо пребывати въ своихъ прѣдѣлахъ и мѣрахъ и познавати своя, и не мнѣти себе глава быти, нога сый, якоже Богословъ Великий Григорье. И тѣй самый святыи Шестый сборъ[28] въ 64 правилѣ възбраняетъ учити посреде, яковже аще есть, и възлагати на ся санъ учительскый, не имущю повеленье отъ сборныя Церкви. Се бо есть любоначалства и тщеславья страсть и симъ подобныя душевныя страсти съ лютою гордостью, пагубныя и вредныя, и якоже глаголютъ отци, неудобъ исцельны, паче же неисцельны. Но обаче ниже въ таковыхъ подобаеъ отрицати или отчаяватися до конца; яже бо отъ чловека невѣзможная, вся възможна отъ Бога; глаголетъ бо въ божественѣй Лѣствицѣ сие, яко: «Блудныя убо чловеци, лукавыя же ангели, прозорливый же Богъ ицѣлити можетъ».[29] Обаче ты съ опасствомъ хранися отъ таковыхъ, възлюбленое мое чадо духовное, да не како съ ними пребывая ты убо вредишия велми. Сихъ же по здѣ когда чловеколюбецъ и всещедрыи Богъ, якоже вѣсть, ицѣлитъ, ты же пребудеши отъ съжителства ихъ неисправленъ. Не хощю же ты не вѣдѣти и паче же нужнѣйшее, яко убо яже о православнѣй вѣрѣ, цѣла и нескудна и безъ какова-любо мнѣнья хранима суть вся опасно Божьею благодатью, и нѣсть потреба възысканья или истязанья о сихъ. Но о дѣянии Божиихъ законъ и божественныхъ правилъ святыхъ сборъ и прочихъ святыхъ отецъ преданья, иже въ Божественныхъ Писанияхъ, есть намъ тѣшанье, яко не видимъ та въ общемъ хранима.

И сия убо о сихъ нужныхъ написахъ тебѣ къ вѣдѣнию твоему мало, яко да не яже о вѣрѣ испытуеши, но едина точь, яже о дѣяниихъ, и множея ничто. Яко да не всуе въ словопрѣния себе вѣлагаеши мятежа. Книгу, яже знаеши, Толкованья заповедемъ Господнимъ,[30] яже написахъ поспѣшениемъ Божиимъ въ уности моей и есть здѣ въ Святемъ Симеонѣ Чюдотворци. Нынѣ же паки поспѣшествомъ Божиимъ, пречистыя Богородица написана бысть другая, имущи Божественная Писания, являющая же отъ невѣдѣния бывающая падения въ насъ християнѣхъ, яже и небрегома оставлена быша въ предъварящихъ лѣтѣхъ, — о раздорѣхъ монастырскихъ и инѣхъ различныхъ винахъ нужныхъ. Мала же есть, не достигающая до единаго златника, а нѣсть велика, якоже первая. Положена же быша здѣ, въ сборнии Церкви, рекше въ патриархии Антиохийстей, яко нужна есть и требуетъ ю Церква, такожде и въ святемъ Симеонѣ чюдотворци. И сего ради послахъ ю ту, и да възложена будетъ, аще и недостойну сущю ми, даръ въ Святое Въскресение. И аще ю препишеши и ты и друзии, на ползу бываетъ души. И паки да есть въ Патриархии якоже и здѣ. Сборная бо Церкви патриархия истязаша ту съ опасствомъ и въсприяша. И въ сборную Церковь възложена бысть и прията благодатью Христовою яко нужна. Сего ради и ты и сущи ту,

трудолюбъствовавшѣ ту с Богомъ, о недостойнствѣ моемъ помолитесь, и Богъ за молитвѣ Владычица наша Богородица и всѣх Его святых, да будет покрывая и сохраняя тя от всякого зла и спасетъ тя въ Своемъ царствии.

У святаго и живоноснаго Гроба Господня створи вѣмѣсто мене до земля метаний, 12 такожде и святые Голгофы и в Гефсимании^[31] и блаженному и святому моему владыце патриарху, яко недостойный азъ Никон рабъ рабом его, и прочим владыкамъ моимъ и отцемъ, подобнѣ же и братьямъ, иже прилучатся ту, метания всѣм, да помолятся о мнѣ, яко да мя помилует Богъ и съхранитъ мя, недостойнаго, молитвами Богородица и всѣх святыхъ, аминь.

СЛОВО 37. ТОГОЖДЕ О ДУХОВНЫХ И ВЪЗЛЮБЛѢНЫХ ОТЕЦЪ И БРАТЬИ НАШИХ ИВИРОХ К ДУХОВНОМУ МОЕМУ ЧАДУ ИНОКУ ГЕРАСИМУ

Послахом прежде, духовное мое чадо, Божественая Писания от патриархия же Антиохийския и святаго Симеона Чюдотворца обители, и мое, недостойнаго, имуща книжная свѣдѣтельства и извѣщания о духовных наших братьяхъ, нарицаемые цатох, показующе тѣх непорочное отвсюду благодатью Христовою, въ яже о вѣрѣ и распрях и сънмицах чистом быти таковымъ свершенъ и всякого зазора вышим благодатью Христовою. Сие паки и здѣ о духовных и любимых отцѣхъ и братьях наших ивирах, еже Богъ укрѣпи и дарова за молитвѣ святыхъ, съвѣкуплеше, и еже обрѣтохом от Божественых Писаний, съчетахом сие и послахомъ тебѣ Божья ради любви и подобныя ей къ искренему. И ты паки другим ти подай и исполняя божественныя любви уставъ, яко да явѣ будут сие, яже предварших лѣтъ в различных книгах лежащая от небреженья же не испытуета, ниже являема, и сие реши погребена и яко въ мракѣ крыема. Сего ради азъ, недостойный Никонъ, иже по духу отецъ твой, поспѣшеством Божиимъ сие трудолюбъствовавъ, послах ти первая убо о духовныхъ наших братьях, нарицаемых цатѣ, и ныне пакы о духовных и любовных наших отцехъ и братьях ивирахъ, яко да азъ, недостойный Никон, рабъ тѣх святыхъ молитвѣ и любви божественныя бѣвъ Божию милость на себе привлеку, якоже изначала и прежде обои, азъ же и сии отци наши и братья, божественнымъ Духомъ усвояеми, божественою любовью уставъ исполняюще дѣлом и словом елико по силѣ.

Сии бо духовнии и възлюблении отци наши и братья изначала убо вѣдѣние обращения ихъ от суетных идолъ к истинный християньстей вѣрѣ блаженный Феодоритъ епископъ Кирьскый в Церковнѣм списании повѣдуют^[32] о иже от грѣцкыя земля пленены блаженныя оны въ женах

добродѣтельныя Нонны,[\[33\]](#) како языкъ ивирскый обра<тися> на християнство от суетныхъ идолъ, и убо яже такового начала тамо сказует. Въ другой же паки повѣстнѣй книзѣ пишетъ сиче: яко въ царство великого Константина[\[34\]](#) Иверия въ православную вѣру приде и християнство прият, уврачевана бывши от нея. Сыну бо царя ивирскаго въ лютѣ недузѣ бывшую, царь, увѣдѣвъ, християнинъ бысть, и тѣи же и вси. И храмъ моляше царя създати. Царь же еже убо о съпружници бывшее чюдо хваляше же и славляше, храмъ же не хотяше създати. Лѣту же мимошедшу, тѣи на ловъ изиде. И человеколюбивый же Владыка того якоже Паула улови, мракъ бо на нь внезапно напад, не оставляше напередъ пойти. И ловящей убо солнечныя луча обычно наслаждахуся, тѣ же единъ невидѣния связанъ бысть язами. Въ недоумѣнии же сый, и умѣние обрѣте спасения. И абие мракъ онъ преиде на свѣтъ. И призвавъ иже Веселеила, начялохудожника, примудрости исполнившаго, и того сподоби благодатью, якоже божественый описати храмъ. Они же основание копаху же и зиждаху. И яко свершися храмъ, трѣбоваху священника обрѣсти. И сему обрѣтение чюдная жена створи, увѣща бо начальника языку оному къ гричкому послати царю и просити да послетъ ему учителя благочестью.

Царь же великий Константинъ, съ обрадованиемъ посланьники приимъ, посла имъ Еустафья, патриарха Антиохийскаго, съ многою честью. И шедъ тамо, крести и всихъ съ царемъ и освяти въсътъданный храмъ, и створи имъ сборнаго епископа, въобразивъ ему божественымъ уставомъ подъ властью быти патриарху Антиохийскому. Царь же ивирскый и свѣтницѣ его уставиша патриарху антиохийскому въ подани ему ароматомъ святаго мира токмо тысящу селъ въ земли ивирьстий, яко да отъ прихода ихъ подаются аромата миру. Въ Антиохии бо бѣ уставъ освящатися миру, и оттуду подающеся по всему миру. Инде бо не освящашеся миро. И зде убо тако.

Паки въ другой книзѣ повѣстнѣй глаголетъ, яко при Константинѣ царѣ Копронимѣ,[\[35\]](#) патриарху сущю блаженному Феофилактѣ въ Антиохии, придоша отъ Иверии инока два и възвѣстиша блаженному Феофилактѣ, яко въ нужди суть християнѣ селъ иверьскихъ, не имуще сборнаго архиепископа. Отъ дний бо блаженаго Анастасья, священномученика и патриарха Антиохийскаго, не поставленъ бысть имъ архиепископъ сборный остроты ради путныя и заеже не смѣяти кому агарянъ ради мимо ходий.[\[36\]](#) И сборнымъ судомъ своихъ митрополитъ и архиепископъ и епископъ повелитѣльное писание дастъ ивиромъ поставлятися отъ епископъ прѣдѣла его, иже въ дни тѣя сборному архиепископу ивирскому, поеже быти избранию отъ нихъ, и створити и жребий, и по жребью идеже божественая благодатью объявить, поставитъ того по церковному уставу. И створиша написано въспоминание о томъ и съшедый сборъ и запечатливъ въдастъ имъ, и поста<ви> единого отъ обою посланую мниху, Иване именемъ. Бяху же села патриархова въ Иверии тысяща изначала уставлена; и устави даяти на коеждо лѣто по времени патриархомъ данъ отъ тѣхъ селъ его, златникъ тысящу окупленъ ароматомъ святаго мира.[\[37\]](#)

И на всяко лѣто даяхуся даже до Ивана святаго патриарха Иерусалимского. При Орестѣ святѣйшем патриарси Антиохийстемъ, идущи ему на моление киръ Василию, [38] уставлено же бысть въспоминание имѣти патриарху Антиохийскому единому в Иверии, [39] и посылати екзарха [40] на посѣщение о ересехъ и истязании о душевныхъ съблазновъ и взимати уряженная от сель онѣхъ.

Паки же въ дѣлныхъ иже въ Халкидонѣ святаго сбора пишеть сиче: яко уставлено же бысть миро всюду освящатися; первѣе бо от Антиохийскаго тощю освящашеся. Увѣдѣвше же яко даровъ ради даемо бываетъ, уставлено бысть всюду от епископъ освящаему быти. Царь же любезни учредивъ сборъ 630 отецъ, отпусти кождо во свояси. Въ послѣднихъ же временахъ при Константинѣ цари Мономасѣ [41] и блаженемъ патриарси Антиохистемъ киръ Феодорѣ [42] възнице плевеломъ сѣятель нѣкий [43] от епископъ въ Иверии. Тѣмъ же и различна послания киръ Феодоръ и с кувуклисимъ посла [44] въ Иверию, исправивъ вся иже тамо бывшая соблазны благодатью Божиею, усердемъ же и божественою ревностью иже тамо божественныхъ отецъ и епископъ. Яже послания zde обрѣтаются въ Чюдотворци и святѣмъ Симеонѣ у игумена киръ Иоанна, произволениемъ Дипотатова. Въ каковыхъ убо посланиихъ пишеться повеление и рукоположение патриарха киръ Феодора посланими, въ тогдашнее время бывшее сборному иверийскому киръ Иоанну.

Сия, духовный брате и чадо, елико по силѣ написахъ ти, еже обрѣтохъ в Божественныхъ Писаниихъ о такихъ винахъ. И обаче якоже вѣси, яко въ житии господина нашего и чюдотворца Симеона глаголю, яко въ единѣ отъ дний бывъ святой въ изступлении, видѣ множества многа мужий и женъ и дѣтий съ отцы грядущаго отъ Востока къ нему, молитвы же и славословия въсылающе Богови, Святой же Духъ осияющъ множества и идущъ съ ними. Симъ же приближившимся Святѣй и Дивнѣй горѣ, рече Духъ Святой и къ своему угоднику Симеону: «Вѣси ли, кто суть сии, иже къ тебѣ грядущи? Си суть языкъ иверскый, иже възлюбятъ тѣ имени моего ради и придутъ къ тебѣ по времени съ вѣрою и извѣщениемъ мнозѣмъ и искусы приемлюще данныя тебѣ изцѣлениемъ благодати, и проповѣдаютъ яже о тебѣ во всей странѣ своей, и ползуютъ вся иже въ ней вѣрныя. И отъ нихъ вселяться въ благочѣстивѣи обители твоей и благопотребнѣи и вѣрнѣи будутъ». Малѣмъ же по видѣнии семъ мимошедшимъ днемъ, и придоша къ нему множество иверѣ молящимся съ кресты, и мнози отъ нихъ изцѣли отъ нечистыхъ бѣсовъ мучимыхъ и различными страстями сдержимыя же и стужаемыя. И нѣции отъ нихъ видѣвше яже отъ святаго бывшая чюдотворения, просиша съ ними быти. Въсприимъ убо тѣхъ прѣдложение и разумѣвъ волю Божию быти то, якоже и предрече ему Духъ Святой, приятъ тѣхъ прошение; и прѣбыша прочее въ монастырѣ иночское держеще житие.

Сия вся мы прочетше, по разуму Божественныя любви житие наше въ благоугождение устроим, яко да предреченных отецъ и братый молитвами помогаеми милостива имамы Христа истиннаго Бога нашего молитвами Пречистыя Матери Его и Богородица и всѣх святых. Аминь.

[1] *...игумена святого Симеона Чюдотворца.* — Монастырь Св. Симеона Чудотворца на Черной горе вблизи Антиохии. Св. Симеон Столпник (356—459) — родом из Киликии, христианский аскет. В 423 г. положил начало особому виду подвижничества — столпничеству. На столпе он провел более 40 лет.

[2] *...пришедшей в Антиохию архиерѣи...* — Причастие οἱ ἐνδημοῦντες («обитавшие») в славянском тексте переведено неточно.

[3] *...бывшее вѣщем прѣменение... понеже и бес пастыря пребываемъ...* — Имеется в виду захват Антиохии турками в 1084 г., после которого антиохийский патриарх переселился в Константинополь.

[4] *Тогожде къ отцю Герасиму...* — Иерусалимский монах, известен, по видимому, только из «Тактика» Никона Черногорца. К нему обращен целый ряд «Слов» произведения.

[5] *...егда прѣдана бысть Антиохия...* — Вероятно, имеется в виду взятие города турками в 1084 г.

[6] *...писах въ сборную церковь патриархия...* — Антиохийский патриархат.

[7] *...посла ми владыка сакеллий писание...* — Сакеллий — чин константинопольской церкви. Сакеллий вместе со своим советом заведовал приходскими церквями, наблюдая за их хозяйственной частью, а также за исправным отправлением приходскими клириками своих обязанностей.

[8] *...великий Василие... о таковых разнествах глаголет...* — Василий Великий (Василий Кесарийский) (329—378) — византийский иерарх, отец Церкви. С 370 г. был епископом Кесарии Каппадокийской. Вместе со своим братом Григорием Нисским и Григорием Назианзином (Богословом) был представителем каппадокийской школы православного богословия. Известен также и как канонист.

[9] *...митрополить ихъ от иже въ Антиохии патриаршествующаго поставляется...* — Никон специально обращает внимание на то обстоятельство, что месопотамские армяне подчинялись антиохийскому патриарху, ибо этим он хотел доказать их независимость от монофизитской армянской Церкви.

[10] *...житие великого отца нашего Савы прочетше...* — Савва Освященный (ум. в 532 г.) — византийский аскет. Родился в Каппадокии, с 8 лет жил в монастыре под руководством Евфимия Великого, потом в пустыне близ Иордана, где в 484 г. основал монастырь, впоследствии знаменитый под именем Лавры Саввы Освященного. Благодаря ему в 517 г. в Иерусалиме была одержана победа православия над монофизитством. Савва написал богослужебный устав (Типик), известный также под именем иерусалимского.

[11] *...ради мнѣния и прилога Петра Кнафеова еже «распныся нас ради»* — Петр Кнафей — антиохийский патриарх-монофизит V в. Добавление указанных Никоном слов в Трисвятую песнь явилось поводом к его окончательному разрыву с константинопольским патриархатом.

[12] *...Такожде великого отца нашего... Пахомия...* — Пахомий Великий (ум. в 348 г.) — родом египтянин. Приняв крещение вскоре после 312 г., он удалился в Фиваидскую пустыню. В Тавенне он впервые устроил монастырь на началах общежития и составил строгий монастырский устав.

[13] *...6 словъ Златоустовых пространнейше глаголют...* — Иоанн Златоуст (347—407) — один из величайших отцов Церкви. Родом из Антиохии, учился ораторскому искусству у Ливания, с 381 г. служил диаконом в Антиохии, с 397 г. — архиепископ Константинополя. Златоуст был наиболее знаменит своим талантом проповедника (сохранилось 804 его проповеди). Они представляют собой популярную энциклопедию христианской нравственности.

[14] *...святый и великий иже въ Халкыдонѣ сборъ...* — Четвертый Вселенский собор, состоявшийся в Халкидоне в 451 г.

[15] *...плевелы от чистыя пшеница разлучившим...* — Т. е. отделивших еретиков-монофизитов от православных.

[16] *...якоже и прежде при днехъ блаженнаго патриарха киръ Феодосия...* — Антиохийский патриарх Феодосий III (1057—1059), друг и покровитель Никона.

[17] *...и послаша ми е съ духовным братом киръ Козма киръ Романовѣм ту сущаго затворника.* — К этому иерусалимскому затворнику обращено и другое «слово» «Тактикона», в котором Никон бранит его за то, что тот позволил Косме отправиться в Месопотамию, из-за многочисленных опасностей, которые могут подстергать его в пути. Опасности, о которых говорит Никон, по всей видимости, исходят со стороны мусульман или армян-еретиков. Косма, очевидно, тоже армянин-халкедонит.

[18] *...и владыки нашего Петра верховнаго апостоломъ, о немже и... престоломъ всего Вѣстока Антиохийский град почтенъ бысть.* — Согласно традиции, апостол Петр некоторое время был антиохийским епископом, что дает право антиохийскому патриарху считать свое

происхождение апостольским. На этом основывается так называемая теория «пентархии патриархатов», очень популярная в Антиохии в XI в. Никон неоднократно говорит о самостоятельном значении Антиохийского патриархата и о его независимости от Константинополя.

[19] ...«*кождо привлачитя... от своя похоти*» — Иак. 1, 14.

[20] «*Горе напаяющему... питья мутна*»... — Авв. 2, 15.

[21] «*Рабе лукавый и лѣнивый*» и прочая. — Мф. 18, 32. В греческом тексте приводятся только первые два слова цитаты.

[22] *Якоже рече и великий апостоль Петръ... яко «развращают та»*... — 2 Петр 3, 16.

[23] ...яко «*уне есть жерновный камень...*» и прочая — Мф. 18, 6. Славянский переводчик расширяет цитату.

[24] ...«*все являемое... на свет приходит*»... — Еф. 5, 14.

[25] ...якоже и апостоль... глаголет «*Еда еси учители*» и прочая. — 1 Кор. 12, 29.

[26] ...«*рассмотрить словеса своя на судъ*». — Пс. 111, 5.

[27] ...яковже иже въ пророць Исаи... «*пророкъ учя безаконью*». — Ис. 9, 15.

[28] ...якоже Богословъ Великий Григорье... Шестый сборъ... — Григорий Назианзин (Богослов) — отец Церкви, богослов, член каппадокийского кружка. Шестой (Трульский) Вселенский собор состоялся в Константинополе в 691—692 гг. Каноны этого собора явились одним из основных источников Никона Черногорца.

[29] ...глаголет бо в божественѣй Лѣствицѣ... «*...Богъ и цѣлити может*». — «Лестница» — произведение Иоанна Лествичника (ум. ок. 606 г.) — представляет собой 30 бесед о 30 ступенях духовного восхождения. «Лестница» всегда была настольной книгой для монахов: Феодор Студит ссылается на нее как на лучшую иноческую книгу.

[30] Книгу... Толкования заповедемъ Господнимъ... — Т. е. «Пандекты».

[31] У... Гроба Господня... и святыя Голгофы и в Гефсимании... — Никон перечисляет святыя места в Иерусалиме, связанные с последними часами земной жизни Христа.

[32] ...блаженный Феодоритъ, епископъ Кирьскый, в Церковнѣм списании повѣдуют... — Феодорит Киррский (387—457) — видный церковный иерарх, богослов, философ, оставил обширное литературное наследство. Главный его труд — «Церковная история» в пяти книгах, освещающая события церковной жизни Византийской империи с 325 по 429 г.

[33] *...о иже... блаженны оны въ женах добродѣтельны Нонны...* — Св. Нанно, или Нина, — сирийка по происхождению, родом из Каппадокии в Малой Азии, легендарная просветительница Грузии. Благодаря ее проповеднической деятельности, а согласно житию, и чудесам в начале IV в. грузинский царь Мириан принимает крещение, и христианство становится государственной религией.

[34] *...въ царство великого Константина...* — Константин Великий (304—337) — римский император, признавший христианство государственной религией. При нем столица империи была перенесена в Константинополь и было положено начало Византийской империи.

[35] *при Костянтинѣ царѣ Копронимѣ...* — Константин V Копроним (741—775) — византийский император-иконоборец, ревностный враг иконопочитания в Византии.

[36] *...заеже не смѣяти кому агарянѣ ради мимо ходий.* — Агаряне в византийских источниках — это арабы. В VII в. они захватили все территории Византии по юго-восточному берегу Средиземного моря. Для того чтобы рукоположить грузинского католикоса, необходимо было получить «печать», т. е. разрешение антиохийского патриарха, которому тогда подчинялась грузинская Церковь.

[37] *...златникъ тысящу... ароматом святаго мира.* — Миро — масло для таинства миропомазания; изначально варилось раз в несколько лет в Антиохии и оттуда доставлялось по всему православному Востоку.

[38] *...идуци ему на моление киръ Василию.* — Василий II Болгаробойца, византийский император (976—1025).

[39] *Установлено же бысть... патриарху Антиохийскому единому в Иверии...* — Упоминание имени патриарха во время богослужения означает каноническое подчинение ему; сведения Никона о подвластности грузинской Церкви Антиохии в сер. XI в. являются уникальными. По другим источникам, автокефальность грузинской Церкви была провозглашена еще в 750 г.

[40] *...посылати екзарха...* — Экзарх — церковно-иерархическая степень в православной Церкви, упоминается с 445 г. В данном случае — чрезвычайный уполномоченный патриарха, посылавшийся в епархию с разными поручениями, главным образом надзора над монашествующими и ревизией церквей.

[41] *...при Костянтинѣ цари Мономасѣ...* — Константин XI Мономах — византийский император (1042—1054).

[42] *...при... патриарси Антиохистем киръ Феодорѣ...* — Имеется в виду Феодор III Ласкарис ὁ Κρίτης, антиохийский патриарх (1034—1042).

[43] *...възнице плевелом сѣятель нѣкий...* — Плевелы — еретические движения.

[\[44\]](#) ...различна послания... с кувуклисием посла... — Кувуклисий — церковная должность в патриархате.

ПЕРЕВОД

СЛОВО 35. ТОГО ЖЕ О ДУХОВНЫХ НАШИХ БРАТЬЯХ, НАЗЫВАЕМЫХ ДАТАМИ.

КОПИЯ ПАТРИАРШЕСКОГО ПОСЛАНИЯ, ОТПРАВЛЕННОГО КИР ЕВФИМИЮ, ПАТРИАРХУ ИЕРУСАЛИМА, А ТАКЖЕ КОПИЯ ПОСЛАНИЯ ИГУМЕНА МОНАСТЫРЯ СВ. СИМЕОНА ЧУДОТВОРЦА

Заголовок. Боговиднейшему и святому владыке нашему, богопочтенному патриарху иерусалимскому пребывающие в Антиохии архиереи и избранные от клира, чада и рабы твои. Господи, благослови.

Нам подобало, богопочтенный наш и святой владыка, всегда обращаться к тебе с письмами и приветствовать, и должное по Богу твоему совершенству воздавать поклонение, так чтобы воспринимать твои святые молитвы и у тебя благословляться. Но случившиеся у нас обстоятельства и произошедшая перемена вещей отстраняют нас от должного и полезного, поскольку и пребываем без пастыря, и нет никого, кто бы нас, рассеянных, сохранил, представляющих собой легкую добычу для зверей. Теперь же, поскольку до наших ушей дошел {новый} слух, мы отправили к святыне твоей настоящее письмо, воздавая в нем должное поклонение и тем самым прося благословения, в нем же выясняя то, что касается слуха; ибо это, вероятно, не было донесено до твоих ушей. Потому что мы слышали, что некоторые из армян цатов, то есть отшельников, служащих по-армянски, здесь устроили себе жилище и предпочли здесь безмолвствовать, а некоторые всяко от доброненавистника-врага нападают на таковых и клеветуют на них как на неправославных и любым способом досаждают им. Ибо таковые считались приемлемыми у предшествовавших святейших патриархов наших и некоторые братья из них устроены в честной обители Св. Симеона Чудотворца и в других монастырях, в которых и служат, и причащаются Пречистых Тайн с православными, и с давних пор и доньше не возникло сомнения об их вере. Это мы выяснили как сведущие; от тебя зависит либо последовать мнению предшествующих блаженнейших патриархов, либо как-то иначе решить насчет этого и сотворить угодно Богу. Итак, пусть честные и святые твои молитвы будут нам дарованы в течение всей жизни.

КОПИЯ ПОСЛАНИЯ, ОТПРАВЛЕННОГО ОТ МОНАСТЫРЯ СВ.
ЧУДОТВОРЦА СИМЕОНА КИР ЕВФИМИЮ, ПАТРИАРХУ
ИЕРУСАЛИМСКОМУ С ПАТРИАРШЕСКИМ ПОСЛАНИЕМ

Заголовок. Блаженнейшему и святому владыке моему
триждыблаженному патриарху Иерусалима Петр, последний монах,
пресвитер и игумен и архимандрит честной обители на Дивной Горе
Чудотворца и Святого Симеона, раб молитвы твоей.

Блаженнейший владыко и святейший, некая молва дошла до нашего
слуха о здесь живущих отшельниках цатах, которые здесь где-то
устроили себе жилище и выбрали безмолвие. Некоторые всяко из-за
наваждения доброненавистника врага нападают на них и клеветуют как
на неправославных и всяческим образом им досаждают. И они, святой
владыка, были приемлемы у предшествовавших святых старцев и
святейших патриархов, и некоторые из них устроены в братии нашего
монастыря и служат, и причащаются вместе с нами, и во всем теми
святыми старцами было определено, чтобы они общались с нами как
православные. И если бы они усердно не исследовали, что те правильно
думают в отношении православной веры, не приняли бы таковых. И мы,
зная о них, уведомили твое блаженство, а от твоего желания зависит
рассудить насчет этого и угодное Богу сотворить. Молим тебя, чтобы,
когда ты творишь службы к Богу, не забывал нас, недостойных рабов
твоих, в своих молитвах, поскольку как недостойные рабы мы дерзнули
тебе написать.

СЛОВО 36. ТОГО ЖЕ К АВВЕ ГЕРАСИМУ О ТЕХ ЖЕ. И КОПИЯ
ПОСЛАНИЯ, ОТПРАВЛЕННОГО В ИЕРУСАЛИМ К АВВЕ ГЕРАСИМУ,
ЧТОБЫ БЫЛО ПРОЧИТАНО СРЕДИ ДВУХ ПОСЛАНИЙ — ПАТРИАРХА
И МОНАСТЫРЯ СВЯТОГО СИМЕОНА ЧУДОТВОРЦА

Возлюбленное и духовное мое чадо. Поскольку я услышал от неких, что
некоторые из здесь живущих в незнании и движимые сатанинским
побуждением досаждают здесь находящимся братьям нашим,
называемым цатами, но не открыто и пространно, а тайно и с
сатанинской завистью, выдвигая некоторые другие плотские предлоги.
И чтобы не смущались некоторые из верующих знанием невежд,
слышащих (что-то об этом) от лукавых, ищущих повода для гибели, я
говорю о злых демонах, пусть каждый подвигнется по силе искоренить
с Христовой помощью посредством заповеди любви корень такового
дурного и сатанинского растения и подобных ему. Я же здесь, с
помощью Господа Бога и Спасителя нашего и Пречистой Матери его
Богородицы и всех его святых, то, что в моих силах не поленился
сделать и в соборную церковь в патриархию и в монастырь Св. Симеона,

господина нашего, Чудотворца (обратился). И на месте было всеми исследовано в точности, и явственно все очистилось благодатью Христовой. И вот я отправил послания и письменные свидетельства и извещения. Однако ты хорошо меня знаешь, возлюбленное мое чадо, поскольку с детства вырос со мной, ты знаешь, что здесь, в монастыре, с этой братией, у Богородицы, я говорю, называемой Роидиевой, я не просто так и без разбора поселился. Но, как ты знаешь, когда сдалась Антиохия, я пришел сам в обитель Богородицы Роидиевой и сперва нашел это место необработанным местным населением и во всех отношениях тихим и способствовавшим моим намерениям, как я любил и желал, как ты меня знаешь. Затем я нашел этих иноплеменных дикими и невеждами и единоверными, как и египтян тех, иноплеменных невежд, нашли прежние те отцы наши греки. Однако я, пусть и недостойный, но решил, что ради иноческого образа стану их рабом, и, как надеюсь, по силам, помалу старался им подражать. Не бездумно я здесь поселился, но сперва расспросил в монастыре Святого Симеона Чудотворца сведущих и разумных, а также в других местах знающих Божественные Писания. И снова написал в соборную церковь в патриархию, и прислал мне владыка сакеллий послание, содержащее такое же свидетельство о них и извещение о совершенной вере их, в котором толкуется таким образом и говорится так: «Вы цатов знаете больше, потому что они пребывают в вашем монастыре. Если бы предшествующие святые отцы знали их как чуждых правой веры, как же с такими было принято жить вместе и питаться или как блаженнейшие патриархи в это пресвятое место допустили им входить и молитвы творить, и службы, если бы они не знали, что те думают правильно».

Таково было содержание послания сакеллия, и он отправил мне его в монастырь Святого Симеона, в котором я и храню его из веры. И другие письма отправил он мне, содержащие совершенное извещение от архиереев Соборной Церкви и повеление по поводу жизни, пребывания и приобщения Святых Тайн с ними, говорящие, что имеющим правую и непорочную христианскую веру нет соблазна причащаться Божественных Тайн, и подавать им, и от них принимать. Ибо зазорна разница не в языке, но в самой православной вере.

Таким образом, я получил и это, и другие письма, содержащие совершенное извещение. Однако те, кто изучает Божественные Писания, знают, как это исследовать, я имею ввиду веру. Сам Василий Великий в первом правиле ясно говорит о таких различиях, что есть ересь, и что раскол, и что (тайные) собрания. Святой таким образом говорит об этих различиях, кто это поищет, тот найдет. Братьев же наших, называемых цатами, исследовав всесторонне, где бы они ни были и в каком бы месте ни жили, мы нашли по благодати Христовой беспорочными в этих вещах, то есть в отношении веры, а также раскола и тайных собраний. Потому что и митрополит их предела, и страны Месопотамии, в которой и живут они с первых лет, хотя из-за

нашествий иноплеменников некоторые из них рассеялись в различные страны, но, однако, как я сказал, их митрополит рукополагается антиохийским патриархом, поскольку это трон всего Востока. И законно, и канонично есть их священство и весь их порядок и вне всякого, по благодати Христовой, подозрения.

Прочтя также здесь житие великого отца нашего Савы, вы обнаружите, что они жили вместе с великим, и святой повелел, чтобы в благосозданной церкви они пели последование на армянском наречии, а греки чтобы пели отдельно. Как и здесь, наши братья поют на армянском наречии, и греки отдельно, на различных клиросах, потому что нет двух церквей, и только Трисвятую песнь говорят по-гречески, насчет этого во святых отец наш Сава завещал из-за вставки Петра Кнафея «Распятый за нас». И еще, прочтя здесь житие великого отца нашего Феодосия, вы обнаружите, что они жили с ним и в Церкви на армянском наречии отдельно пели свое последование. И следует нам подражать этим двум светочам. А в греческую Церковь входить и причащаться Божественных Тайн было повелено великим отцом нашим Савой и великим Феодосием, кажется, из-за недостатка в священстве, поскольку святые отцы имели большую осторожность насчет священства и только иногда, когда собирались многие, принимали одного иерея или вовсе не принимали. Ибо они знали тяжесть и опасность священства. И свидетельствует об этом житие великого отца нашего Савы, а также великого отца нашего Пахомия, основоположника общежительных монастырей, что в обоих монастырях, в лавре и в общежитии было много монахов, а из живущих там монахов никто не имел пресвитерского рукоположения, но когда было необходимо, призывали пресвитеров из близ находящихся творить для них священную службу, так что они и позже были вынуждены это делать, а не другие. И сам великий Пахомий избежал тяготы священства. Великий же отец наш Сава, не желая рукоположения, против воли принял его от патриарха иерусалимского, осужденный сам воспринять тяжесть. Такова причина, по которой тот, кто с Богом потрудится искать в житиях святых и в других писаниях, найдет правду. Тягость и опасность священства, как мы сказали ранее, не только другие божественные писания выясняют, но 6 слов божественного Златоуста о священстве рассказывают подробнейшим образом, хотя он и говорит об архиерейском сане. Вместе с тем тот, кто с Богом нечто другое лучшее и истиннейшее узнает, пусть сообщит на пользу читателям и мне, поскольку я невежда и поселянин и ищу пользу во всякой вещи.

Однако я много исследовал, по силам, о наших братьях, называемых цатами, и нигде не обнаружилось, чтобы со времени великого отца Феодосия и великого Савы, когда и прежде святой великий в Халкидоне собор отлучил еретиков армян и предал анафеме их начальников, затем опять-таки, когда эти два светила, великие отцы, я говорю, Сава и Феодосии, подвизались и плевелы от чистых хлебов отделили, и

православные эти братья наши и те, кто вместе с ними остались и объединились во вселенской и апостольской Церкви вместе с православными, и нигде не обнаружилось, чтобы с тех пор они согрешили в чем-либо, ни в распрях, ни в тайных собраниях, как некоторые из наших многократно пострадали, изначально хорошо начав от божественных отцов, а потом обратившись к раздорам и сборищам. А этих братьев наших и до сегодняшнего дня сами отцы наши блаженнейшие патриархи, когда поднимается что-либо на соборе против еретиков армян, то, если найдется из них кто-нибудь знающий Божественное Писание, именно их берут с Богом для ополчения на супротивных, как знающих язык тех и писания. Как и здесь, при блаженных патриархах в наше время случилось, что хотя еретики армяне были многочисленны, из таковых несколько, будучи в меньшинстве, на соборе не дали еретикам открыть рот против православных. Все это мы обнаружили, по силам исследовав об этих братьях наших, называемых цатами. Тот, кто может с Богом найти нечто более полезное для нас, таковое мы с радостью примем, поскольку мы невежды и писания мудрых и образованных людей не знаем, ни силы писаний, ни разума таких разумных людей не ведаем, только все это исследовали мы с осторожностью, по внешним свидетельствам, и приняли убеждение собственной совести, при свидетельстве писаний и отеческих преданий. И весь мой покой, как ты знаешь, сотворил Бог благодаря молитвам Богородицы здесь и еще благодаря молитвам святого Симеона на той Святой и Дивной Горе господина нашего святого Симеона Чудотворца. И иногда там, иногда же здесь я сижу и почиваю, по своему разумению, которое ты знаешь. Ибо всякий человек, если не найдет то, что он любит и чего желает, не успокоится ни телом, ни духом.

Знай это, духовное мое чадо, что, как и прежде, в дни блаженного патриарха кир Феодосия, мне, недостойному, было вручено и вверено учительство, ныне же снова не простили меня и не оставили начальствующие и архиереи соборной и апостольской Церкви, но еще более подтвердили и написали с утверждением повелительное письмо и послали его мне с кир Самуилом, митрополитом аданским. Поскольку я знал, что это для меня тяжело и выше моей меры, я не принял его, но вернул с молитвой, так как люблю безмолвие и странничество. Недавно они облегчили его, как подобало, безопасным образом и отослали мне с духовным братом кир Косьмой, учеником кир Романа, здешнего затворника. И я испугался Божия суда, чтобы отослать его во второй раз, поскольку в нем нет никакого неудобства и превышения моей меры, ни препятствия для того разумения, которое я имел ранее. Тем более что они написали мне, что соборная Церковь принуждает тебя к этому. И таким образом я, недостойный, принял это благословение от соборной и апостольской Церкви, как от руки Господа Бога и Спасителя нашего и Пречистой Матери Его Богородицы и господина нашего верховного среди апостолов Петра, которому был посвящен патриаршеский трон всего Востока город Антиохия. Я же, пусть и недостойный, но, как надеюсь, поступаю как монах, раб рабов вселенской и апостольской Церкви. И если бы было не так, а было бы

какое-нибудь неудобство, я бы вовсе не принял это, как ты меня знаешь. Вместе с тем, как я и сказал прежде, если бы это не произошло свободно, я бы не послушался и под предлогом повиновения, но из-за ловкой прелести человеческой и демонской и самоволия, так как «каждый привлечется и прельщается от своей похоти», как писано.

И это тебе следует знать, духовному моему чаду, что кроме вышеупомянутых братьев наших, называемых датами, из-за которых это было изложено, также и по отношению к другим, находящимся в подозрении или в смысле веры, или дела, или в чем-то одном, или во многих вещах, или опять-таки к ученикам, или к учителям нужно приводить духовных наших отцов, чтобы согласно первым святым отцам с ними поступать, и следует в отношении находящихся в подозрении либо из-за слуха, либо по собственному мнению ясно исследовать эти обстоятельства и таким образом сопоставлять, рассуждать, судить и высказываться, то ли хорошо так, то ли как-то иначе, однако, как подобает, а не соединять воедино весь народ или тех, кто у них учился, если они научились неплохо. Часто бывает, как было многократно, что многие думающие неверно других учат правильному, и противоположному, и не только в отношении веры, кое-кто и в отношении дела, боясь слова Писания, гласящего: «Горе тому, кто поит своего ближнего мутным питием», и Господь говорит тем, кто не творит и не указывает ближнему путь жизни: «Дурной и ленивый раб» и так далее. Еще и другим образом: часто происходит с обучаемыми, и некоторые, хотя их учат так, бывают благочестивы; сохраняя доброе внутри себя, дурное отбрасывают вон, подобно тому, как это происходит при чтении, или с верой, или с делами; однако это бывает с теми, кто силен в Боге. Если же кто немощен, тому соблазнительно и то и другое. Опять-таки происходит и другим образом, и учитель учит здраво и хорошо, а ученик по неправильному своему мнению все спутал и искривил, как великий апостол Петр говорит в одном из своих посланий о неких людях, нетвердых сердцем из-за учения святого апостола Павла, так что «искривляют их» и изменяют согласно своим собственным желанием. И из-за всего этого и подобного нужно хорошо и здраво испытывать в отношении таких и таким образом высказываться, как мы и прежде сказали. И более того, есть в этом большой страх и опасность вреда ближнему, и в речи предстоит соблазн, как писано в Евангелиях, что «следует мельничный камень привязать ему» и так далее. Толкуя этот соблазн, божественный Златоуст говорит, что он есть препятствие правого пути. И вместе с тем к этому примыкает, как мы и сказали, соблазн в отношении ближнего. Если такое испытание проводится не явно, с дерзновением и любовью Божией и ближнего, как мы научены, но тайно и коварно и будто под покровом мрака и сопряжено с обманом и словом, то это делается хорошо видно всем благоразумным людям, и откуда это родилось, они узнают, что из тьмы и зависти и других злых действий и порождений, ибо «все явленное от таковых на свет выходит», как писано, и не подобает на такие и подобные им дела тьмы смотреть боголюбивым душам, ни верить им, ни иметь с ними общения.

Ибо хорошо учить в благословенное время и приносить пользу ближнему, но намного больше требуется от принимающего божественную благодать и бесстрастие, как говорит апостол о разделении дарований: «Не все учителя» и так далее. И таким образом, может с Богом здраво сопоставлять, и рассуждать, и судить, и выносить решение, и приводить к каждому отдельному (случаю) благословенно письменное свидетельство, как писано о праведнике, что он «рассмотрит свои речи на суде». Если же божественная благодать не пособствует, то и учащий, хотя он исследует только это, но если он подвержен страстям и побеждается естественными страстями, то, что он говорит, неверно и дурно со всех сторон, так как он влечется и прельщается своими желаниями и поработен, подобно мне, увы, и побежден всякой страстью; и не сам он ведет их и управляет ими как хочет, они больше властвуют над ним и управляют им, и ведут туда, куда он не хочет. И потому «кто чем побежден, тому и поработяется», как писано. И в другом месте говорится, что «сколько страстей у души, столько и владык». И он таков, о каком сказано у пророка Исайи: «Пророк, учащий беззаконию». Но, однако, они не могут навредить благочестивым и хранимым Богом, если они блюдут себя, как мы выше сказали, а тем, кто не блюдет себя, подобно мне, как я сказал, любящим мир и удовольствия. Но все таковые быстро распознаются, как говорят отцы: «Происходящее у людей скоро изобличается». Нужно, однако, чтобы каждый оставался в своих границах и мере и знал свое, а не считал бы себя главой, будучи ногой, как сказал великий Григорий Богослов. И сам Шестой святой собор в 64-м правиле запрещает учить верующих кому бы то ни было и возлагать на себя учительский сан, не имея повеления от соборной Церкви. Ибо то есть страсть любонаачальства и тщеславия, и подобные им душевные страсти вместе со страшной гордостью, пагубные и вредные для души и, как говорят отцы, трудно исцеляемые, и, более того, неисцелимые. Однако не нужно лишаться надежды и вконец отчаиваться; ибо то, что невозможно у людей, все возможно у Бога; ведь говорится в божественной Лествице так: «Люди похотливы, ангелы же дурны, высокомерных же Бог может исцелить». Однако ты прилежно храни себя от таковых, духовное и возлюбленное мое чадо, чтобы как-нибудь с ними оказавшись, не повредиться сильно тебе самому. Их когда-нибудь человеколюбивый и всещедрый Бог, как знает, излечит, ты же останешься испорченным от общения с ними. Я не хочу, чтобы ты не знал в высшей степени необходимое, что то, что касается правой веры, сохраняется (ими) цело и неоскудно и без какого-либо подозрения (все в точности) Божьей благодатью, и нет нужды исследовать и испытывать относительно этого. Но в исполнении Божьих законов, божественных правил святых соборов и других преданий святых отцов, которые есть в Божественных Писаниях, есть нам забота, поскольку мы не видим, чтобы они сохранялись.

И это немного об этих трудных вопросах мы написали тебе к твоему сведению, чтобы ты не испытывал того, что касается веры, но только

лишь то, что касается дел, и больше ничего. Чтобы ты не ввергал себя напрасно в словопрения и смуты. Ведь ты знаешь Книгу толкований заповедей Господних, которую я написал с Божьей помощью в молодости и которая есть здесь в монастыре святого Симеона Чудотворца. Недавно опять-таки с Божьей помощью и Пречистой Богоматери я написал другую книгу, содержащую Божественные Писания, в которой указывается на падения, что происходят у нас, христиан, от незнания, что находилось в пренебрежении в прежние годы, — о раздорах монастырских и различных других тяжких вещах. Она мала, не достигает до одного златника, а не велика, как первая. Она была положена здесь, в соборной Церкви, то есть в патриархии Антиохийской, ибо необходима, и Церковь в ней нуждается, а также и в монастыре святого Симеона Чудотворца. И поэтому я ее послал туда, и пусть будет положена в дар в Церковь Святого Воскресения, хотя я (того) и недостойн. И если ты ее перепишешь, ты и другие, это будет на душевную пользу. И пусть будет в патриархии, так же как и здесь. Ибо соборная Церковь патриархия, тщательно исследовав ее, приняла. Она была посвящена в соборную Церковь и принята благодатью Христовой как необходимая. По этому случаю и ты, и те, кто находится там, потрудившись с Богом, о моем недостойнстве помолитесь, и Бог молитвами Владычицы нашей Богородицы и всех Его святых покроет и сохранит тебя от всякого зла и спасет тебя во царствии Своем.

У святого и живоносного Гроба Господня сотвори за меня 12 земных поклонов, а также у святой Голгофы и в святой Гефсимании, и блаженнейшему и святому моему владыке патриарху, ибо я недостойный, Никон, раб рабов его, и остальным владыкам моим и отцам, а также братьям, которые там окажутся, земные поклоны всем, пусть помолятся обо мне, чтобы помиловал меня Бог и сохранил меня, недостойного, молитвами Богородицы и всех святых, аминь.

СЛОВО 37. ТОГО ЖЕ О ДУХОВНЫХ И ВОЗЛЮБЛЕННЫХ ОТЦАХ И БРАТЬЯХ НАШИХ ИВИРАХ К ДУХОВНОМУ МОЕМУ ЧАДУ МОНАХУ ГЕРАСИМУ

Отправили мы тебе прежде, духовное мое чадо, Божественные Писания от Антиохийской патриархии и монастыря святого Симеона Чудотворца и от меня, недостойного, послание, содержащее письменные свидетельства и известия о духовных наших братьях, называемых цатами, показывающие их непорочность со всех сторон, благодатью Христовой, в отношении веры, раздоров и (тайных) соборщ, совершенно чистыми и стоящими выше всякого подозрения, благодатью Христовой. Таким же образом и здесь еще о духовных и возлюбленных отцах и братьях наших ивирах, что Бог укрепил и даровал по молитвам святых и что обрели мы в Божественных Писаниях, собрали мы и совокупили и отправили тебе ради божественной любви и подобной ей любви к

ближнему. И ты это передай другим, исполняя заповедь божественной любви, чтобы стало явным то, что с прежних лет было записано в различные книги и из-за пренебрежения не было ни исследовано, ни выявлено, и, можно сказать, погребено, и, как во мраке, скрыто. Поэтому я, недостойный Никон, духовный отец твой, с Божьей помощью в этом потрудившись, послал тебе сперва о духовных наших братьях, называемых датами, теперь же о духовных и возлюбленных отцах и братьях наших ивирах, чтобы мне, недостойному Никону, рабу их святой молитвы и божественной любви, привлечь на себя милость Божию, ибо изначально и прежде обе стороны, я и отцы наши и братья, приобщаясь к божественному Духу, наполнялись установлением божественной любви, по мере сил, делом и словом.

Что касается этих духовных и возлюбленных отцов наших и братьев, то изначально сведения об их обращении от суетных идолов к истинной христианской вере рассказывает блаженный Феодорит, епископ кирский, в Церковной истории, о той от греческой земли плененной блаженной среди женщин и добродетельной Нонне, как ивирский народ обратила к христианству от суетных идолов, и о начале этого так рассказывает. В другой же исторической книге написано так: в царствование Константина Великого Иверия пришла к православной вере и приняла христианство, будучи излечена ею. Ибо когда сын царя ивиров находился в тяжелой болезни, царь, узнав об этом, стал христианином, и все (вокруг него). И Нонна попросила царя построить храм. Царь же, восхваляя чудо, произошедшее у его супруги, храм же создать не хотел. Спустя год вышел он на охоту. И человеколюбивый Владыка его уловил, как и Павла, ибо на него внезапно напал мрак, не позволяя идти вперед. И те, кто вместе с ним охотились, как обычно, наслаждались солнечными лучами, он же один был связан путами слепоты. Оказавшись в состоянии непонимания, он обрел понимание спасения. И сразу тот мрак изменился на свет. И, призвав Веселеила, первостроителя, исполненного мудрости, удостоил его благодати описать божественный храм. И стали они копать основание и строить. И когда храм был окончен, нужно было найти священника. И его обретение сотворила удивительная женщина, ибо она убедила главу того народа отправиться к царю греческому и просить его прислать учителя благочестия.

Великий же император Константин, с радостью приняв послов, отправил им Евстафия, патриарха антиохийского, с большой честью. И, придя туда, он крестил всех вместе с царем и освятил созданный храм, и поставил им соборного епископа, установив, что он, по божественному уставу, подчиняется патриарху антиохийскому. Царь же ивиров и его советники постановили патриарху антиохийскому за доставление ароматов святого мира только тысячу сел в стране Иверии, чтобы от их приношений поставлялись ароматы мира. Потому что существовал устав освящать миро в Антиохии, и оттуда оно

доставлялось по всему миру. Ибо в других местах мир не освещалось. Здесь сказано таким образом.

В другой же исторической книге говорится: при императоре Константине Копрониме и антиохийском патриархе Феофилакте из Иверии прибыли двое монахов и сообщили блаженному Феофилакту, что христиане иверийских сел пребывают в нужде, не имея соборного епископа. Потому что со времени блаженного Анастасия, священномученика и патриарха Антиохии, для них не был рукоположен соборный архиепископ по причине трудности пути, и поскольку никто не смеет через земли агарян пройти. И по соборному решению митрополитов, архиепископов и епископов того места он дал ивирам повелительное послание, чтобы соборный архиепископ Иверии рукополагался от епископов его страны: после избрания у них бросить жребий, и после жребия, если божественная благодать такому проявится, того утвердить по церковному уставу. И сделали письменный документ об этом, и собравшийся собор, подтвердив его, вручил им и рукоположил одного из двух посланных монахов по имени Иван. Было же установленных изначала владений патриарха в Иверии тысяча; и постановил (собор) платить ежегодно патриархам, которые правят, дань от тех имений в тысячу златников за покупку ароматов святого мира. И ежегодно давали вплоть до святейшего патриарха Иерусалимского Иоанна. При святейшем патриархе Антиохийском Оресте, когда он шел с миссией к (императору) кир Василию, было установлено, что в Иверии поминается только антиохийский патриарх и он может посылать экзарха для наблюдения за ересями и расследования духовных согрешений и чтобы взимать установленное от тех имений.

Опять-таки в деяниях святого Халкидонского собора написано, что было установлено освящать мир повсюду; ибо сначала оно освящалось только в Антиохии. Когда стало известно, что оно дается за дары, было постановлено, чтобы освящалось епископами повсюду. Император же, благосклонно учредив собор 630 отцов, отпустил каждого восвояси. Позднее, при императоре Константине Мономахе и блаженном патриархе антиохийском кир Феодоре, появился некий сеятель плевелов среди епископов в Иверии. Поэтому кир Феодор с кувуклисем послал в Иверию различные письма, исправив все произошедшие там недоразумения благодатью Божией, усердием и божественной ревностью там находящихся божественных отцов и епископов. Эти письма находятся здесь, в святом Симеоне Чудотворце у игумена кир Иоанна Дипотата. В этих посланиях содержится повеление о рукоположении, писанное в то время патриархом кир Феодором каталикосу Иверии кир Иоанну.

Это, духовное мое чадо, насколько я был в силах, я написал тебе, что я нашел в Божественных Писаниях о таковых вещах. И также, как ты знаешь, что в житии святого господина нашего Симеона Чудотворца говорится, что, когда однажды святой находился в исступлении, он увидел большие толпы мужчин, женщин и детей с отцами, идущих к нему с востока, воссылающих к Богу молитвы и славословия, и Святой Дух осенял множество и шел с ними. Когда они приблизились к святой Дивной Горе, Святой Дух сказал своему угоднику Симеону: «Знаешь ли ты, кто есть эти пришедшие к тебе? Это народ иверов, который возлюбит тебя имени Моего ради и придет к тебе со временем с верой и многими известиями и искушение возьмут на себя дарованной тебе благодатью исцелений, провозгласят о тебе во всей своей стране и устроят на пользу всех в ней верующих. Некоторые из них поселятся в твоей благочестивой обители и будут полезны и верны». Спустя немного дней после этого видения явилось к нему множество иверов, молящихся с крестами, и многих из них он излечил, мучимых нечистыми духами и одержимых различными страстями. Некоторые из них, видя чудеса святого, просили (его) быть с ними. Приняв их предложение и зная, что это желание Бога, как ему прежде сказал Святой Дух, он принял их просьбу, и так остались они в его монастыре, подвизаясь в иноческой жизни.

Все это прочтя, давайте устроим по разуму божественной любви нашу жизнь в угоду Богу, чтобы с помощью молитв вышеупомянутых отцов и братьев иметь помощником Христа истинного Бога нашего молитвами Пречистой Матери Его и Богородицы и всех святых. Аминь.

ИЗ "ДИОПТРЫ" ФИЛИППА ПУСТЫННИКА. РАЗГОВОР ДУШИ И ПЛОТИ

Подготовка текста, перевод и комментарии Г. М. Прохорова

ВСТУПЛЕНИЕ

«Диоптра, или Душезрительное зеркало» — произведение византийского писателя-монаха XI в. Филиппа Монотропа, «Пустынника», или — можно перевести — «Уединенника». В XIV в. оно было переведено на славянский язык, попало на Русь и по крайней мере в течение трехсот лет пользовалось здесь большой популярностью.

«Диоптра» в целом представляет собой композицию из сравнительно небольшого «Плача», горестного обращения к самому себе («Плачеве и рыдания инока грешна и странна, имиже спирашася к души своей»), и пространного «Диалога», разговора Души-госпожи и служанки-Плоти. «Диалог» разделен на четыре части, «слова» (первое «слово» представляет собой «Плач», так что в «Диоптре» всего пять «слов»).

Композиции предпосланы три предисловия — знаменитого византийского писателя и деятеля XI в. Михаила Пселла, некоего Константина Ивеста и самого автора, — сопровождают ее авторское послесловие и несколько добавочных статей. «Плач» датирован автором 12 мая 1095 г., «Диалог» — 1097 г.

В заключительном «Оглаголении, яже к любозазорным» Филипп сообщает, что написал «Диоптру», будучи понуждаем своим духовным отцом Каллиником, жителем Смоленских стран, или пределов. Некоторые ученые считают вероятным, что имеется в виду русская Смоленщина, другие полагают, что речь идет о балканском г. Смолян или вообще о месте расселения славянского племени смолян в Македонии.

По содержанию в значительной мере «Диоптра» представляет собой собрание всевозможных сведений о человеке, почерпнутых из античной и раннесредневековой литературы. Для нее характерно соседство свидетельств из Священного Писания и из произведений отцов Церкви со ссылками на Платона, Аристотеля, Гиппократ, Галена, Плотина и других языческих мыслителей. В XI в., когда жил Филипп, Византия переживала своего рода «возрождение» — усиление интереса к античной культуре. Сам широко образованный, будучи озабочен нравственным и культурным просвещением своих читателей, Филипп определяет свою задачу как вторично-литературную — приведение трудных для восприятия речей «в удобь приятен вид». Жанр «Зерцала», наглядного беллетризованного учебника, к которому он прибег, подсказан ему был, возможно, появившимся в XI в. подназванием «Стефанит и Ихнилат» греческим переводом индийской «Калилы и Димны» (см. наст. изд.). Но если «Калила и Димна» была создана как учебник государственной мудрости, «зерцало царей», то «Диоптра» написана как «душезрительное зеркало» — занимательный учебник человековедения, самопознания. Диалог, который в «Диоптре» ведут Душа и Плоть, похож на беседу мудрого и просвещенного советника (Плоть) с простодушным и эмоциональным правителем (Душа); как литературный прием это то же, что «рамочный», или «стержневой», диалог «Калилы и Димны» или «Тысячи и одной ночи», позволяющий объединить большой ряд основных «элементов» произведения. Диалог начинает Душа, уже многие «лета и времена» сопряженная с Плотью, но никогда прежде не спрашивавшая ее ни о чем «полезном», теперь же осознавшая свое «косненье» и захотевшая послушать «словеса наказательная». Плоть охотно откликается и на краткие вопросы своей госпожи дает пространные эрудированные ответы. У какой-то части современников «Диоптра» явно вызвала недоумение своей литературной формой, о чем мы можем судить по тому, что Михаил Пселл в своем предисловии обороняет ее от нападков тех, кто считает использованный Филиппом Пустынником литературный прием диалога чуждым как Ветхому, так и Новому Заветам и потому недопустимым. Критика шла, видимо, из ученых консервативных кругов: в кратком стихотворном предисловии, написанном явно уже после обнародования «Диоптры» (очевидно, в момент создания последнего, наиболее полного вида композиции — того, в каком «Диоптра» перешла к славянам), автор заявляет, что писал «к ненаученым», к таким же «невежам,

якоже и аз... а не убо к разумным, ниже к словесным, ни к ветиям премудрым, ниже к учителем». У исследователей XIX—XX вв., в отличие от их предшественников XI в., «Диоптра» вызывает удивление уже не своей формой, а содержанием — и тем, что не Душа учит Плоть, а Плоть — Душу, и тем, чему она ее учит: в ее поучениях находят материализм и противоречие церковной догматике. Дело тут, очевидно, в недостаточной изученности «канонических», общепринятых византийско-славянских средневековых представлений о человеке. Человек определяется в «Диоптре» как «животное смешанное»: существо вещественное и невещественное, словесное и бессловесное, видимое и невидимое, наделенное — подобно животным — способностью желать и впадать в ярость, но в то же время — властью над собой, свободой воли. Душа, будучи невидимой, может быть познана только через деятельность, а возможность деятельности она имеет, лишь обладая телом. Тело, Плоть, — орудие деятельности Души, ее «служанка»; за прегрешения, совершенные с помощью плоти, ответственна не сама Плоть, но ее госпожа — Душа. Самые ценные органы Плоты — сердце и мозг. Противоположность добра и зла не имеет отношения к различию невидимой, умопостигаемой, и видимой, материальной, сфер бытия — та и другая произведения одного благого Творца; следуя за Дионисием Ареопагитом и Григорием Нисским, Филипп Пустынник сравнивает зло с темнотой, не имеющей собственного бытия, но являющейся отсутствием света.

Всего насчитывается более пятидесяти греческих и около ста шестидесяти славянских, в подавляющем большинстве русских, списков «Диоптры». Ни одно другое произведение, входившее в состав литературы Древней Руси, ни переводное, ни оригинальное, не давало такого количества знаний о человеке, как «Диоптра» (уступающим ей по количеству и объему сведений, но все-таки сопоставимым с ней, из предшествующих ей на Руси сочинений, касающихся вопросов антропологии с «естественнонаучной» точки зрения, кажется лишь «Шестоднев» Иоанна, экзарха Болгарского).

По-гречески «Диоптра» написана восьмистопным ямбом, как сказано в славянском переводе, «градскими», т. е. «политическими», стихами. Первое «слово», «Плач», содержит около трехсот семидесяти стихов, остальные четыре «слова», составляющие «Диалог», больше тысячи стихов каждое.

Попадающиеся в тексте цитаты из Священного Писания не буквально точны именно потому, что они обращены Филиппом в стихи. Но не весь текст «Диоптры» в оригинале состоит из восьмистопных ямбов. В некоторых вставных кусках, взятых из чужих произведений, сохранена их первоначальная ритмическая организация. Так, большой отрывок из сочинения Иоанна Дамаскина, который в публикуемом «слове» цитирует Плоть, написан так называемым «александрийским» стихом, то есть шестистопным ямбом (и Плоть, сама говорящая стихами, перед началом цитации отмечает, что это стихи, не указывая только их размера).

Находящиеся же в заключительной части публикуемого «слова» пространные философские вопросы Григория Нисского и еще более пространные ответы ему Макрины оставлены прозаическими — как бы в ответ на просьбу Души не перелагать их в стихи, а привести «именно такими, каковы они и суть».

Славянский перевод «Диоптры» пословен и, как представляется, весь прозаический. Ритмическая природа соответствующих частей оригинала все же, видимо, отчасти в нем отражается — в свойственном стихам несколько неестественном — по сравнению с прозой — порядке слов, в смысловых вариациях, в синонимических повторениях, в ритме синтаксических конструкций, размер которых часто определяется размером стиха и т. п. При его переводе на современный язык использован и греческий оригинал, — когда это было необходимо для прояснения темных мест славянского текста и восполнения некоторых вредящих смыслу речи пропусков.

Славянский перевод «Диоптры» был сделан не позже третьей четверти XIV в. на Балканах, на Афоне или в Болгарии (в монастыре Григория Синаита в Парории) в среде монахов-исихастов. Очевидно, именно интерес к человеческой личности, возбужденный на Балканах в середине XIV в. «исихастскими» спорами о возможностях человека, ввел «Диоптру» в славянские литературы. Старейшие русские списки «Диоптры» относятся к концу XIV в. «Диоптра» активно распространялась и использовалась на Руси во второй половине XV в.; на нее ссылались и приводили из нее выдержки, чтобы доказать несостоятельность распространивших было мнений о наступлении конца света по истечении седьмой тысячи лет «от сотворения мира», т. е. в 1492 г. Переписывали «Диоптру» на Руси по XIX в. включительно. Славянский ее перевод не издан.

Для данной публикации избрано третье «слово» «Диоптры», как наиболее «естественно-научное» из всех (но при этом не менее литературное, чем остальные). В основу публикации положен список *РНБ*, F.n. 43, конца XIV или начала XV в., происходящий из Кирилло-Белозерского монастыря, лл. 29 об.—61. Так как в этом списке между лл. 34 и 35 недостает четырех листов (двух центральных двойных листов пятой тетради), для восстановления пропущенной части текста использован список *ГИМ*, Музейское собр., № 3759, XIV в., лл. 67 об.—73 (от слов: «...сздана бысть, о рабыне? И како бесьмертное мрътвенному съпрежено бысть?» до слов: «...облѣчетъ навѣтника и страстнаго оного и ижденеть его далече от полаты въ пусто и невѣселено...»). С помощью этого вспомогательного списка, а также другого, *ГИМ*, Чудовское собрание, № 15, XIV в., выправлены также некоторые мелкие дефекты Кирилло-Белозерского, основного для данного издания, списка (правка и мелкие вставки пропущенного выделены курсивом).

ОРИГИНАЛ

ТРЕТЬЯГО СЛОВА СУТЬ СТИХОВЕ ВСИ 1654

СЛОВО 3

1. Яко ничтоже творит душа или дѣйствует кромѣ тѣла, но его всѣми уди дѣйствует и познавается, какова есть и колика.

2. Яко еще не въ свершенъ възраст приидут уди и части телесныя, дѣйства душевная неявлена суть.

3. Яко еще что от удовъ телесных погибнет или инако вредиться, бездѣльствует душа к служенью его.

4. Убо в коей части тѣла пребыванье уму мнѣти достоить.

5. Яко сраслена есть душа телеси и вкупѣ душа и вкупѣ и тѣло, не бо прежнѣйшее единъ другаго.

6. Яко, тѣлу разрушаему, не сраздрушается с ним и душа, и како бессмертное и славное с мертвым и неславным создано бысть, и которое котораго первозданно бысть.

7. Убо кто согрѣшивы въо Адамѣ изначала — душа или тѣло, и яко смерть не мука есть, но врачеванье и смотренье добрѣйшее, и яко душа, дондеже привязана есть сей плоти, мысленая видѣти *не* может.

8. Иже по образу и по подобью кое есть, и кто от обою имат то — душа или тѣло.

9. Убо тлѣнна ли Адамова плоть или нетлѣнна создана бысть.

10. И гдѣ хоѣм глаголати преже отшедшии *сущи*а душа; яко в последний день хоѣм вси от вѣка усопшей воскреснути и какови.

11. Христосъ, сшедъ въ адъ, вся ли иже от вѣка тамо сущая душа свободи, по Писанию, или ни, и како и ким образомъ познаютъ душа каяждо свое тѣло в вѣскресении.

12. Яко обещно тогда быти и познание на всѣхъ, дондеже ови от десныхъ, ови же ошюю разлучаются, и тако будетъ паки праведнымъ познание, грѣшнымъ же ни.

13. Яко на воскресение всячьская тварь обновиться в нетлѣние к лучше добротѣ и видѣнию, — подобнѣ и челоуѣчьская телеса, с ними же и душа, но не тричастны будутъ тогда, якоже нынѣ, но отимуться двѣ части от нихъ — ярость и желание.

14. И еще о вѣскресении.

НАЧАЛО ТРЕТЬЯГО СЛОВА

Душа: Се другое взискание, се и другое вопрошение. От нихже впросихъ ты вчера и во второмъ словѣ, многа ми явила еси и многа сказала ми еси. Хотѣхъ же увѣдѣти, гдѣ хоѣм глаголати преже умершихъ душа быти: аще въ адѣ речеши ми, — да гдѣ есть адъ? Рци ми се явственѣ, рци и не облѣнися.

Плоть: Невнимателна о мнозѣ еси, о душе моя. Аще бо бы внимала, смѣренная, от ихже прочитаеши и от ихже поеши многажды на который же день, хотяше многая навикнути и разумети вся си, учителя не бы требовала, ниже сказателя. Слышано ли бысть се, владычице, да не знаеши сия, но впрашаеши рабу свою, мене оканную!

Душа: Аще убо не навикну от тебе, от кого научюся? От Писания слышахъ, еже впрашати убо лучше есть и еже свѣтовати многихъ спасително есть.

Плоть: Да что есть и каково дѣло, еже имаши, и где скывается умъ, и где обходит, скажи.

Душа: Кое убо дѣло — еже испытovati божественое: и отнуду же придох, и еже ради вины, и кто есть зижитель мой, и како честнѣйшую всѣх иже в мирѣ створи мя тварей и под руку далъ есть скоты же и звѣря, и гад, и птица, и ина глаголю вся, небо с своими ему, земля и иная паки, — и како мя затворилъ есть в тебѣ смраднѣй, и идеже паки поиду, отлучився тебе конечнѣй.

Плоть: Право убо отвѣща ми, и добрѣ отглагола; сия поучайся всегда; сия тебѣ да суть дѣло; да навикнеши от них лучшая, божественая.

Душа: Азъ убо се желаю воину и хоцю поучение незабытно имѣти ми в сѣхъ. Но якоже вепрь калу радуется и сквернѣ и на каждо день валяется, услажаяся в немъ, тако и ты, всезлая плоти, всяко с сими плотскими своими страсти и сластями студными и скверными дѣянми съскверниши мя на каждо день, валяющися в них без боязни, якоже свинья, и низъвлачиши мя долѣ, и никакоже оставляеши мя горняя зрѣти и мудрствовать, и в горняя входить. Зрительное угасила еси — еже есть умъ мой. И како возмогу навикнути, помрачена сущи и ослѣплена всячески, зрѣти не имущи!

Плоть: Да вѣдѣ ты водиши мя и ты всяко носиши! Да вѣдѣ ты обращаеши мя, якоже снузнецъ коня. Азъ убо кромѣ тебе ничтоже отнуду творю: ниже доброе, ниже злое, ни среднее спроста. Да что мя укаряеши много и что мя бесчестиши? Или убо добрѣ, или злѣ живемъ — твое еже хотѣти.

Душа: Непщюеши, злѣйшая, благословленѣ противится мнѣ? Но нѣсть, ты якоже рече, нѣсть, якоже глаголеши! Но — якоже конь сверѣпъ, егоже глаголють Етиарь, [\[1\]](#) неудержим, зловидень и непокорень зѣло, внемда хопит узду, стища зубы своими, и въздвигъ выю яростнѣ и к брегом устремиться и в пропасть, и рассѣлины, и ровища калная и самъ себе низъринет вкупѣ со всадникомъ; аще ли въспящается, то паки горше есть, — сицевому подобно стражемъ обѣ вкупѣ. Сверѣпѣеши, якоже онъ предреченъ мною конь, враждедая, и тогда не могу повести тя, якоже хоцю, но яможе ты хощещи, водиши мя нехотяцю. Аще убо ураню тя жезлом и умучю тебе, или голодом озлобя тя и жестоцѣм житием, аще труды тебѣ наведу многы и великы и подвигы нанесу ти,

яко да постражеши — да некако буяеши, и играеши, и скачеш отнуд, — и положю долу тя мерту, полумрщвену паки, — въ еже показати тя паки покориву быти, и не имамъ служащаго ми, ниже помагающаго, не имам с ким добродѣтели сдѣяти! И како сию да стяжу и како сию створю?

Аще ли же упокою тя и угожу ти, паки на мя встаеши злѣ и ратуеши мя бѣснѣ, и низълагаеши мя долѣ в дѣяния неправедна. Обаче помагаеши ми нѣкогда створити любимая к Богу, пособствуеши мя *во многая, но и ратуеши мя; и помощника имам те*, и съперника паки, и ратника нещадна, и врага же сверѣпа. Горе, горе мне! Како: враг — и друг любы мнѣ! И что сдѣяти, недоумѣю, и что створю, не вѣмъ. Аще убо створилъ бы Богъ, да свободюся тебе, изышла бы твою темницу и зловонья смраде, изышла бых убо, наставлена от ангела, вскорѣ в моя си, в мое отечество, и, яже в мирѣ оставльши, в премирных жила бых.

Плоть: Много възвысися, о душе, много възнеслася еси — яко невестествена и добра и яко превышиши, яко мыслена и словесна, и бессмертна сущи, и яко от вышняго и небеснаго мира, сей миръ убо нѣсть достоинъ тебѣ, азъ есмь злородна, азъ есмь раба от сего мира тлѣннаго, премѣннаго и сквернаго, от четырех его всѣх ставъ вся есмь — и мерзка, и сквернава, и нечиста, якоже глаголеши. И глаголи еже хочещи, госпожа бо ми еси. Но убо яже укаряеши злую мене, юже бесчестиши, — аще мя не бы имѣла, владычице, не бы достойна мѣдницу.

Душа: Да како обесрамяся, и како обесчестиши мя, и како охуди мя? Хочу навикнути, еже рече.

Плоть: Вонми, прочее, и слыши, и не огорчайся отнудъ, ни же гнѣвайся на мя все туне тако, елма обезчивихся тебѣ, елма обесрамяхся и стыдение отложих от моего лица. Рѣку тебѣ истину, или хочещи, или не хочещи. И вонми здѣ смысленъ и разумѣй яже глаголю.

Кромѣ ссуд моих удовъ, госпоже, Творца своего и Бога славословити не можеши, — аще не имаши сдѣлницу мене и помощницу свою. Но ниже благодарити яко творенье Создателя, ни о нихже согрѣшила еси сама покаяться можеши кромѣ слезъ и въздыханія, якоже она блудница и Петръ. Внегда убо мене отлучишия, разумѣеши, кто еси?

Душа: Да како отнудъ глаголеши и како имаши уста и всяко противъ глаголеши ми и не срамляешия?!

Плоть: Да почто да не глаголю и почто и престану, елма предана быхъ тебѣ, яко да мя имаши рабу? Вину же не свѣмъ и како рещи не вѣдаю. Не бо прежде мене еси, но вкупѣ ты же и азъ. Еда бо мене скудѣльникъ созда, Богъ же тебе? И что еси кромѣ мене и кая еси, скажи? Невидима и незнаема свѣмъ вся еси, никтоже познаваяй тя, никтоже видяй тя, или добра, или зла, не вѣсть какова еси — или мудра, или буя, или смыслена же, или разумна и препроста паки.

Душа: Да како есть еже глагола? Реченое не разумѣхъ.

Плоть: Слыши убо и вѣруй и покорись имже глаголю. Сущая убо вся познаваема суть чювствомъ, умная же умнѣ постижаема суть. Яже убо чювственна суть чювство чювственѣ познаваемъ, а яже паки мыслена — мыслена, якоже рѣхъ. Показанье чювство чювственѣ иматъ, постижаемое же мысленѣ, о страстная, не от того самаго познавается, но от дѣйства. Невѣдома сущи, о душе, и невидима вся, вправду убо познаваешися от дѣйствъ, якоже и Богъ от своихъ ему твари. Бога никтоже видѣ никогдаже отнудъ, невидимо бо есть существомъ и естествомъ, но убо познавается нѣколико от глаголаныхъ. Невидимая бо Его, — рече божественый Павель, — и от тварей разумѣваема, [\[2\]](#) зрящи, от еже въ тварехъ, — рече, — премудрости бывшая Творецъ и Создатель познавается яковъ. Яже тѣмъ бываемая на всякъ день Сдѣтеля поравеньству проповѣдаютъ. Доброта тваремъ, величество симъ бываютъ, Творца ихъ явственѣ сказуетъ. Азъ оживляюся с тобою и движуюся, госпоже, от ихже всяко мною дѣйствуеши же и твориши познаваема еси от мене, якова и колика еси. Азъ показую тя ныне свѣмъ, якова же еси и како еси дѣлательна и дѣйствена в жити. Имаши бо уды моя и ссуды вся и тѣми дѣйствуеши и с сими дѣлаеши, скрыта сущи во мнѣ и затворена. Невидима, яко невестественна вся всегда еси, помышление и разумѣнье все же, аще имаши, скровена суть, о госпоже. Яже в тебѣ ни вѣтий, ни любомудрецъ, ни земовѣрьникъ паки, но ниже волхвъ врагъ, — никтоже знаетъ та, дондеже приимеши от мене шестострунная уста и къ голосу подобному органския моя уды: горло же и душникъ, гортань же и языкъ, зубы и устны с ними, — и гласъ вершиши. И тако тогда бываютъ скровенная вѣдома и явлена, якоже рѣхомъ, разумѣнья твоя. Приничеши очима моима и блюдеши убо вся, и глаголеши языкомъ моимъ, и слышиши ушима, обонѣваеши ноздрема моима, и рукама дѣлаеши хитрости паки обои и художества вся от малыхъ и худыхъ даже и до великихъ. Мене бо кромѣ никакоже твориши что отнудъ житийско и телесно, и духовное весма. Азъ тя обиявихъ, азъ прославихъ тя. Не хвалися в моихъ, ни вноися толико. Аще ли хоцещи увѣдѣти, яко истинно еже глаголю, и сдѣ вонми разумно и навикнеши удобно.

Вѣдѣ еси велика и добра, якоже мниши, устроена во мнѣ и свершена вся всяко абѣе от самая утробы. Аз же, внегда рождюся, несвершен младенецъ есмь, малѣйше отнудъ отроча, якоже рѣх. Какъ абие не дѣйствуеши что-либо всяко, не глаголеши бо явѣ, ходиши же никако, рукама же спроста не дѣлаеши никако, но вся недѣйствена всегда бываеши. И ждеша, владычице, мене, твою рабу, — дондеже удове мои и части тѣла вся возрастут помалу и одебелѣют сѣя и доспѣют, якоже рѣх, в мѣру возраста. И тако тогда тѣми дѣйствуеши, яже хоцещи. И по сих же паки еще что от удовъ моих случится и погибнет, якоже не хоцещи, любимая, къ дѣланью его и паки забавляеши, не могущи его навести дѣло. Аще же мозгъ мой уязвенъ будет мечем, или инако паки вреженъ будет, ослѣплена бываеши, не зрящи спроста ни добро, ни не таково, несмыслена и скудоумна вся всегда еси и вся недѣйствена, якоже преди рекохъ. Якоже очи азъ погублю, вся помрачена бываю, ничтоже дѣлаючи, якоже рече и Христосъ в Благовѣстованьихъ, [\[3\]](#) и вѣдѣ имам прочая уды моя вся цѣлы. Тако и ты, прелюбезная, умъ еще погубиши. Ума же потребнѣйше паче всѣх удовъ и органъ добрѣйши вглавы мѣзлъ есть. И живут в немъ 3 силы умныя: памятное, мечтанье и размысленное же. Мечтанное убо спреди, памятное же сзади, размысленное же посреде чрева вглавнаго, явѣ яко. Разумѣвай добрѣ яже глаголю: тричастное твое не потребно кромѣ сего бывают, и вѣдѣ пребываеши сдрави и цѣло все то: помысленное и яростное, глаголю, с третиимъ, еже есть, владычице моя, похотное, имиже бытие души исперва и еже быти прияти и бысть со мною создана бысть, 3-ми сими умными твоими сставы. Мозгу бо моему сущу сдрави, и цѣлы, 3 силы, о душе, ражают тебѣ 4-ри родныя добродетели и колесницу 4-роконечну: правду и мудрованье ражает помысленное твое, цѣломудренное же паки похотное твое, с сими и яростное ражает тебѣ мужество... вкупѣ же и умныя силы, о господине: памятное, мечтанное и размысленное же, с сими и пять твоих чювствъ, любимая: умъ и мысль, славу и мечтанье, и чювство послѣднее; и моя же такоже; зрѣнье, обонѣнье, слух и вкушение, и осазанье, вселюбимая — отходят вся отнудъ — умная, и чювственная, и мысленная с сими.

И вѣдѣ имаши тричастное твое все здраво — словесное и яростное и желательное же, — но обаче недействена и непотребна суть 3 та, не сущу тому сдрави — мозгу, глаголю. Аще ли продолжаться живота моего днѣе и доспѣют 80-мъ лѣтомъ быти или вяще, и ослабѣют вси уди мои, части тѣла, с чювствы моими, имиже украсуеши, ниже тако имаши сдрави мудрованье и цѣло, ниже егда от огня жгомъ есмь зѣлнѣ, якоже убо раздрушается сила моя, нынѣ сраздрушается и умное мудрованье и разумъ. Не имѣю бо органъ крѣпокъ же и цѣлъ, не может хитростное дѣйство гдѣ показати. Егда бо расту, растеть, и егда бо престану, престанет. Аще бо слабъ есть органъ, слабо есть и пѣнье. Азъ зрю очима, ты же умомъ. Не сущу убо тому сдрави, погубила еси вся. Разумѣй, о душе, еже преже мала ти рѣх, яко без мене сама не бы достойна цатѣ?

Душа: Разумѣх и домыслихся и удивихся отнудь. Ей, воистину, якоже рече, тако есть, служительнице. Кто есть научивый тя и откуда сия навиче, и откуда сия вѣси?

Плоть: Удивляюся и чуюся, и что рещи не имам: како впрашаеши, яко поселянины! И слышай дивиться. От чрева матере моея ничтоже отнудь свѣм. Отнели же родихся и в житие приведен бых слышах глаголющаго: «Просяй примет и ищай прилѣжнѣ, еже хочет, обрѣтает». [4] Тѣмже и азъ, о нудная, ищю и навикнуя. Но услыши мя, владычице, и вонми сде.

Аристотель мудрый и с нимъ Пократ [5] в сердци глаголют уму пребыванье имѣти. Галин [6] же не тако, не в главнѣм моззѣ. Нисьскый же Григорий [7] не согласует к сим, но спротивъ глаголетъ к ним и инако научает, глаголетъ бо бестелесному неописану быти: не мѣстным описаньем бестелесное естество и телесными нѣкими частми умъ не держиться. Но всем убо телеси проходя, на сущих сдравых органѣх телеси, удѣх всѣх телесных, дѣйствует свое. На немощных же недѣйственъ пребывает и не может хитростное движенье створити.

Якоже кузнецъ, различная держа орудья к дѣянью своему и хитрости своей, и с ними дѣлает яже любит и хочет, но убо два потребнѣйшая от всѣх яже имат, нужнѣйшая, душе, наковальна и омлат есть, кромѣ бо сих никакоже отнудь дѣлает. Сиче ми разумѣй умъ: аще сия не имат, сердце и главный мозгъ, сдрава же и цѣла сия два уда, недѣйствен пребывает.

И глаголю ти, о владычице, величайшее и большее. То, еже быти тобѣ, душе, свѣтоявленѣ таковѣ и умнѣ, и невестественѣ, и божественѣйши же, еже сущи и быти тебѣ во мнѣ; не в себѣ же прияла еси начало, но во мнѣ сставися. Аще бых не создана азъ, не бы создана ты со мною. Еда бо особнѣ бысть и азъ паки особнѣ? Ни, окаянная, ни, не непщюй се отнудь. Но въедино сзидаетъ Создатель и обѣ. Ни бо тѣло прежде душа, ни же душа прежде тѣла сзидася или бысть, якоже мнози мнят, но обѣ въедино, кромѣ первозданого не пребываетъ едино другаго, якоже рѣх. Купнолетна купносъзрастна ми еси по всему. Ни бестелесна душа, ниже безъдушно тѣло ни бысть, ни бывает исперва, разумѣй. Но от одушевленных — одушевлено, от живых же паки живо, — тѣло убо живо и одушевлено ражается. Человѣк, якоже показях, тлѣнно животное.

Душа: Неудобьпостижно нѣкое реченое бывает о мнозѣ; преславенъ союзъ обѣма есть. Но скажи ми объявление и силу слову: елма Зиждитель созда обѣ наю вкупѣ и спряже и съедини нас обѣю вкупѣ, рабыне, как убо напрасно отбѣгаеши от мене, смраде, и растичешися абѣе и бываеши персть и прах, аз же не разрушаюся, но присноживотна пребываю? И ты нѣси безъ мене, аз же есмь тебе кромѣ. Еже жити ти без мене не имаши, азъ же живу бес тебе.

Плоть: Слыши убо, вселюбезная, и како есть еже рече. От Писания еже навыхох, она и реку тебе.

Еже от некотораго движимое все еже аще есть, а не от себе, прочее, животно имат, но от иного яве убо и иже подвижающаго то; на толице есть и живет, и пребывает, дондеже силы действующая, глаголю, в себе имат, дондеже здержится. Внегда же престанет, прочее, действующее, тогда исчезает движимое, не сущу движащему. Ты сама, госпоже моя, самодвижимаа сущи, еже быти имаши неспрестанно, никогда же исчезаеши; последует бо в том же еже приснодвижне тебе, самодвижне вкупе всегда сиче быти; а еже паки приснодвижное и неспрестанно есть; неспрестанное же, вселюбимая, и бесконечно некако; бесконечное же бессмертно и приснодвижно всяко. Аз же тленна и текущи и мертва вся есмь, но оживляюсь тобою и движусь абие. Внегда оставиши мя, ктому не пребываю, но, прочее, отходу в та и от нихже съставлена бых. И бес тебе ничтоже есмь, но зловонный смрад.

Душа: И како азъ, яко славна, не съ славнымъ быхъ и не пръвѣе быхъ яко велика и болши, ты же послѣди яко менша създана бысть, о рабыне? И какое бесъмертное мрътвенному съпрежено бысть?

Плоть: Хоще ли навыхнути еже выпрашаеши? Вьнми, госпоже, здѣ.

Мирь душу ради създанъ бысть убо весь, а не душа его ради създана бысть, любимая. И обыче меньшее пръвѣе творити Зиждитель, большее же непослѣдокъ, тако бо есть подобно. Вьнегда же душа чѣстнѣйши, о любимаа, всего мира, якоже Христос рекль есть, [\[8\]](#) достоаше вьселение тое прѣжде быти и жилище все, и тако той убо. И два мира създасть есть: горнѣго и долнѣго. Горнѣго убо — мыслѣная, долнѣго же — чювьствна. И аггелы създасть вь вышнемъ мирѣ умны же и невещественны и духъ огненосный. Вь нижнем же паки различна животная земная же и водная, и птица же такожде. Ибо подобнѣ създа и вь лѣпоту вса: вь мыслѣныхъ — мыслѣнная, аггелы глаголю все; вь нижнии же чювьствнаа, яко чювьственны и съ, всѣми видимая и явлена вса. И от тѣхъ челоувѣка

сугуба стварѣть: небесна и земна, животно смѣшено, госпожде, — и вещьна, и невеществена, словесна и бесловесна же, мрътна и бесмрътна, видима и невидима, — лучшее от вышнаго, от нижнѣго же тѣло, примѣсивъ душу божественую къ земному. И посрѣде ту положи одушевленныхъ и бездушныхъ, чювственныхъ и мыслныхъ, якоже нѣкий образъ, яко да свойствнѣ къ тѣмъ от обоихъ сихъ яко сьродникъ наслаждение котороеждо имать: Божие убо душею, яко сущи божественѣйши, благыхъ же на земли плтью брэнною приносить то и без боязни потрѣбу якоже дань. ЕСТЬСТВО БО МЫСЛЬНОЕ, такожде и аггельское, хранит же и щедить сихъ спасение. Божественный бо апостоль учит ме сему: «Не все ли суть службнни дуси посилаеми, — рече, — на служения ради хотещихъ, прочее, наслѣдовати царствие?». [9] Нь убо и Господь въ Еуангелихъ: «Да не прѣобидите, — рече, — единого от малыхъ сихъ, яко аггелы ихъ зреть на всакъ день лице Отца моего, иже есть на небесехъ». [10] Тѣмже и прежде създа миръ и яже въ немъ посрѣднѣя вса, явѣ елика зриши, господине.

Миръ имать четири стихия великая, яже испрѣва Зиждитель приведе всячьскимъ, от не сущихъ прѣвѣ въ бытие съставивъ; въздухъ глаголю и огонь, землю же и воду. И иная же вса, о душе, яже посрѣди сихъ якова и елика суть, мала и велика всако, звѣре, скоты, и гады, и садовныя роды, и сѣме иже всѣхъ, и былий всачьскихъ вины приеть убо от четырехъ сихъ. И яко прѣмудрь съдатель сътварѣть вся не от не сущихъ, ни убо якоже и стихия. И егда съврши всего сего мира, створи челоуѣка въ еже обладати и миръ и царьствовати над нимъ, якоже волить и хочеть. Ни бо бѣше подобно от обладающаго явитисе обладаемымъ прѣвѣ, нь на послѣдокъ убо, уготовленѣ бывши прѣжде многа власти явѣ, яко явити же се послѣжде царю его; якоже убо благъгоститель нѣкий сый не прѣжде уготовления сънедныхъ всехъ гостимаго, душе, въводитъ вънутрь, нь благолѣпнѣ обѣд устройвъ всъ и еже къ пици все виды прѣуготовавъ, въведена послѣжде творить обѣдника. Нь паства прѣвѣ, послѣди же скоти; прочее, понеже бысть, якоже прѣдрекохъ выше, тварь душу ради, тѣмже убо и тѣло къ послужению бываетъ и службѣ ее, якоже отци глаголють и учители вси. Еже нѣчьсого ради бываемое все, аще есть, безчѣстнѣише есть оногo, егоже ради бываетъ, яко учить и Христосъ въ Еуангелихъ: «Вещиши есть душа пищу», [11] и в лѣпоту, и паки: «Одежде тѣло болше есть». [12] Не бысть бо душа снѣди ради, любимая, ниже тѣло паки одежду ради, нь обоя убо ради — душу и тѣла. Тѣмже, якоже показасе, тое ради и сей, глаголю же тѣло колесницу души быти. Нь слыши, владычице, и вънми мое слово.

Понеже сугуба въсхотѣ створити того — от душе и тѣлесе — прѣвое тѣло създаваетъ от четырехъ, любимая, стихий мира великихъ: топлago и студенаго же, мокра и сухаго, — и кровь, и хракотину, и слюзъ, и жльчъ створаеть, и от тѣхъ вину яко хытрець въземлетъ, и плть устрой на служение ее. Душу же потомъ въдхну, якоже вѣсть, и отнуду же вѣсть самъ, и якову, вѣсть единъ, не от съставъ имуще бытие, якоже иная, нь от Бога, яко же рѣхомъ, и от вышнѣго мира, невеществну сию, и

разумну, и бесъмъртну всу, причястну суцу вышнѣго и божествнаго благосердия и къ нему вьсѣчьски присно ведущесе; или къ горшему привезавшесе тѣлу, яко подвигомъ и борбою же иже къ нижнимъ симъ вышнюю славу и пищу наследуетъ всако. И страдание имать, добродѣтели, подвигы и труды, а-не уповаемая тѣчию Божий будетъ дар, и яко да и горшее нѣкако к себѣ привлѣчетъ и выше положить, раздрѣшивши помалу и се от тяжести и дебелства тѣло земное, накажетъ же добрѣ служительницу вещь и присвоить Богови купнорботное тое. Пльть глаголю веществу и от нижнѣго мира, душу убо яко владычицу, пльть же яко рабу къ послужению души и угождению ее.

Се, госпожде, рѣхъ тебѣ, како не създана бысть прѣжде яко славна и велика и зѣло высочайши, и како, суци бесъмъртна, мрътвному съпрежесе.

Душа: Вѣрно слово есть, и вса приемлю ти, вса ти вѣровахъ, развѣ единого точию сего, от нихже ныня рекла еси, лъжно есть, рабыне. Прѣжде мала бо научи сърасльна обоя, и ныня глаголеши послѣжде души быти, прѣвѣ же тѣло ее. И како есть еже глаголеши?

Плоть: Како убо есть, ныня слыши, добрая, еже глаголю. И якоже не слѣгахъ въ инѣхъ, ниже въ сихъ.

Прѣотечьская, о душе, Адама же и Евы богозданна благотворна тѣлеса тѣхъ без сѣмене създашесе и кромѣ смѣшения. Мужу убо от прѣсти, женѣ же от его ребра съзидашу. Разумѣй, душе моя, разумѣй: недвижима и безъдушна Адамова пльть прѣвѣ създана бысть и послѣжде одушевлена. Елма же не съхранѣшу повелѣние Създателѣ прѣльстию змииною и завистию диаволею, погубише еже испрѣва създание оно и въ сие одѣашьсе кожное, увы мнѣ, мертвное и тлѣнное и текущее и пльное смрада. Тѣмже изселени быша из рая и клетву приемлють якоже прѣступници. Ева убо слыша, еже: «Въ печелех родиши чеда».[\[13\]](#) Раждаемое же, прочее, въ утробѣ есть вѣдѣ, а еже в ней раждаемое без сѣмене нѣсть. Се сѣме и зачатие — оттолѣ и доныня — и смѣшение мръзко въ еже быти глаголю одушевлена тѣлеса мужьска же и женска. Адам же, сый одушевленъ, одушевленъ сѣетъ сѣме въ утробѣ прѣматерни, и той одушевленъ, Каина убо роди одушевлена всего, пльть и душу въкупѣ рождѣши, господине. Подобнѣ и прочии человеци и доныня: одушевленъ человек одушевлено сѣетъ сѣме въ утробѣ, глаголю, женѣстѣй, якоже прѣжде мала рѣхъ ти, и растутъ обоя и множутсе сѣя — душе же и тѣлеса — даже и до кончания въ роды и роды, якоже видиши, госпожде.

Душа: Раздрешила еси невѣрное. К тому же сумнѹе, рци ми, о служительнице, и научи ме и се. Елма, якоже показала еси душу убо госпожду, плът же рабыню и подручиницу тое, бывшее грѣхопадание, прѣвозданныхъ глаголю, еже нѣкогда злѣ съдѣяше въ раи, убо кто есть повинень о семь, рци ми: словесное души или бесловесное тѣла? Хотѣла бых навикнути, кто есть прѣжде съгрѣшивый.

Плоть: Възыскание твое, владычице, выше мене есть, неудобъ достежно, неудобъ разумно, непостижимо всако. Но обаче от Писания малъ искусь яко имущи, яже навыкох, та и възвещю ти, госпожде, и слыши, любезная моя, мала от ихже ищещи.

Словеснѣйшая душа от Бога испрѣва въоружена бысть оружми силными къ помощи ее двѣма въкупѣ: яростнымъ и похотнымъ же. И сия, имиже въоружена бѣ къ помощи ее, злѣ потрѣбова та въ час онъ, внегда начелникъ злобѣ змиєю глагола прѣлестные глаголы и лъсти испльнены: «Бози будете абие, аще снѣсте от дрѣва».[\[14\]](#) Слыша убо жена обожение, усладисе, и помысльнымъ злѣ расуди, яко добро обожение помышлѣть абие. Такожде и другое, — похотное глаголю, — прѣвращѣе и се: възжелѣваетъ дрѣву — сласть убо прѣвѣе и потомъ тыщеславие, ова бо показал и дрѣво яко добро и краснѣйше то въ снѣдъ есть, любимая, ово же обожение самое, яко быти лучшу всехъ. Двѣ сии, владычице, прѣльстише Еву, и Адама прѣльсти подобно, яко и ону. Усладишеся злѣ въ разсуждении сих, прѣдаше истинное, прѣльстившеся, увы! Нѣ убо и другое, глаголю же яростное, добрѣ не потрѣбова, нѣ зѣло блазнѣ: не бо прогнѣвася на врага и мужьскы испротивисе, еже не покоритесе тому и послушати его. Слышаныхъ явъ, яко радость и чаание умъ ее ослѣпи, душевное глаголю око, и упованиемъ падесе обожения внезапу. Здѣ вънми, о душе, и виждь страсть велику пагубную и лютую, и силу, юже имать. На небеси како възможе! Ужаснисе, душе моя, ужаснисе! Оттуду бо съврѣже иже иногда Денницу, тыщеславие глаголю родителницу, увы мне, и доилицу, якоже писано есть, грѣдсти, еже ради онъ отпаде.[\[15\]](#) Поругася симъ. И зри здѣ, владычице, стрѣптную страсть, како Бога съпротивоборца имать, иже сее рабъ, съпротивника же — и лукаваго съпричестника и друга. Понеже грѣдымъ съпротивлѣетсе, якоже и сихъ прѣвому въспротивисе въскорь.

Душа: Се, прочее, якоже глагола, тѣло обидимо бысть: елма съгрѣшение душевно бысть, какъ казнѣ — тѣлѣ? Сие бо бысть текуще и страдателно абие, многострастно же и гнило, и многоболѣзненно зѣло, тлѣнно и мрътвно же, якоже зриши, и охуждено зѣло. Душа же прѣбысть якова же бѣ и прѣжде того — невеществена всѣ, умна и бесмрътна, рабыне, ничтоже бо пострада люто, яко смерти достойна.

Плоть: Да слыши, о владычице, и разумый, случашася. Мучение, добрейшая, якоже подобитсѣ, все не прикоснусѣ тѣлу, нѣ той самой души, аще и васнѣ явлѣтсѣ та ничтоже зла пострадавши. И слыши притчу и от сее увѣришисѣ.

Внегда бо нѣкій царь искупить раба от жестока, и стрѣптива, и лукава владыки, убога же и нага и зловида зрѣниемъ, сухотна же и истынена, и охудевша зѣло, страстна же и окаянна, и непотрѣбна отнудъ, всего струпива, всего крастава и измѣждала от ранъ, и глада же, и злострадания; и очистить тогожде от всякое скверны, облѣчет же его въ свѣтлу и мекку одежду, сотворит же и кнеза велика же и явлена, дарует же и имѣния, и стежания, и богатство, и прѣваго устроить и въ всей полатѣ. Он же, злѣйшій неблагодарественный рабъ, въскоре въздвигнетъ ковь на цара, и на царство его вовѣстуютъ въсхотѣвъ. Царь же възмлетъ от него имѣния и богатство, съвлѣчет же и одѣяния, поясъ же и вса цвѣтная одеяния окааннаго оногo, и рубище прѣветхое и растрезано все, худо и непотрѣбно, и истлѣвъше всако облѣчетъ навѣтника и страстнаго оногo и ижденетъ его далече от полаты въ пусто и невѣселено и непроходно мѣсто, еже быти тому в нем дажѣ до конца жизни. И пребудетъ ему рубище оно ветхое или 7, или 8, или 10 лѣтъ, и тако распадѣся погибнетъ до конца, оттолѣ убо ходитъ нагъ, якоже родися, дажѣ до конца жизни, и раздрушиться нужнѣ.

Въпрашаю тя, превысокая, на коемъ есть мученіе и кто казнѣ приять о ономъ согрѣшеніи убо: рабъ ли лукавый — яко повиненъ сый — обнаженный и лишивыйся *богатства* же и славы, яко самовластенъ, прочее, и словесенъ сый, или имѣнья та и богатство оногo, яко безъдушна и нечувствена и недвижима вещь?

Душа: Якоже объявися, рабыне моя, — человекъ всяко, аще и того никакоже царь тогдашніи не ранитъ отнудъ, ниже паки раны нанесетъ, но то есть пострадавы лютое мученіе.

Плоть: Въпрашаю тя, отвѣдай же ми, госпоже моя, к сему: судъ убо царевъ праведенъ ли бысть или не тако, яко абѣ изрину того отъ царскихъ дворовъ?

Душа: Ни, рабыне, но праведенъ зѣло. Аще бо не бы былъ благъ царь онъ и кротокъ, очіи убо ему от него изылъ бы, а не бы на имѣнья токмо излиялъ гнѣвъ, и казнѣ отпустилъ навѣтному рабу.

Плоть: Добрѣ оглагола ми, о господине моя, о сем. Сиче ми разумѣй, любимая, и о души и о тѣлѣ. Понеже не всхотѣ пребывати якоже создана бысть, но забы абѣ благородие свое и вѣнцѣ предѣлъ своихъ не всхотѣ пребывати и миро съ, егже зриши, имѣти в жребии собѣ, но наслаженѣ, радость и веселие, но обоженѣ самое всхотѣ похитити, равночестна, равна Богу по оному быти; вправду убо Богъ възнесе суд и тѣло богозданное, егже исперва ону оболче обрадованную, и чюдное, совлече яко согрѣшную: да не како и паки согрѣшит.

Аще ли хочещи увѣдѣти естество и доброту тѣла оногя якова и колика, — звѣздамъ точно является и лунѣ, яко наго не требоваше одежда ни покрова, но якоже солнце само своею наготою украшается ныне, такоже и оно оставлено бысть естественнымъ. От того совлече ту и облече и в мерзкое и гнусное и скверное се; обаче не измѣни перстнаго существа, но премѣни ему естества, егже исперва, и от Едема изрину его тогда абие, и взбрани ему причаститися древу и плоду жизнному, милуя его, не завидя же, да не будетъ, животу бессмертному, но удержавая добрѣе устремленѣе *грѣховное*. *Смерть бо, прочее*, не мученѣе бываетъ, но врачеванѣе добрѣйше и спасенѣе паче, и смотренѣе, державная, премудрости исполнено, удержаваетъ бо яко намнозѣ грѣха устремленѣе, умры бо, рече, оправдися от нея. Прочее, работаетъ души елико силу иматъ: или 10, или 20, или 50 летъ, или много убо дващи толико глаголю, — и тако разрушается, растлѣваетъ же и в четыре сѣи отходитъ сставы, от нихже сставленѣе от Бога приятъ: яко от земля — паки в землю, по глаголу Его.

Ты же, госпоже моя, нага оставлена бывъши, уединена всячѣски, не имущи тѣла и егже ты здѣ сдержаваша яко съжителя имѣя, — паче же та сдержитъ то, и стяжетъ, и иматъ, — абѣ убо всходитъ в своя ея: аще схранила естъ добро егже по образу ея неблазненно и чисто и настоящемъ житии, яко умна — ко умнымъ, яко и невеществена — невещественнымъ, — тоя, глаголю, сродникомъ, ангеломъ святымъ свѣтозарнымъ же свѣтлымъ в горний миръ. Аще свѣтла, къ свѣтлымъ сочтавается абие, яко от вышнихъ — горѣ, и радости исполняется. Аще ли очернися и помрачися вся въ страстехъ пагубныхъ и нечистыхъ паки, к темнымъ и мрачнымъ ангеламъ сочтавается, яко темна — темнымъ и мрачнымъ лицомъ, яко тѣхъ сдѣлавши хотѣния и дѣла. От дѣянь своихъ душа въображаются и каяждо является, якова естъ и колика убо: дѣла свѣта светлы и свѣтоносны, дѣла же тмы черны и мрачны творятъ. Душа бо, господини моя, с тѣломъ воспитана, къ видимымъ симъ и чювственнымъ поущьшися, ничтоже бестелесно когда видѣвши спроста, дондеже привязана естъ сей земнѣй плоти; внегда же совлечеться, видитъ невзбранно.

Се тебѣ притча конецъ сдѣ въсприять. Аще ли не мнить ти ся подобнѣ реченая рещися, яже рѣхом притча нынѣ въ словѣ, испытай, что ни что есть притча, — ни всячѣски имат, притча позънавай, госпоже, равное въсприемлет, зане и не бывала притча, якоже рѣхом, но тождѣство паче.

Душа: Да коего глаголеши челоуѣка, рабыне, рци ми, имущаго якоже мощно еже по образу Божию и по подобію Его, — сам бо реклѣ еси — тѣло се тлѣнное или душу самую? Моусии челоуѣка рече по образу Божию еже изначала первозданнаго быти.^[16] И како наречетѣся челоуѣкѣ безъдушное тѣло? И паки же словесное души како наречетѣся, не сущу телу челоуѣка отнудѣ? Рече бо нѣгдѣ Моисий в Бытии тако: «И созда Богъ челоуѣка персть отъ земля». Се тѣло челоуѣка нарече, о рабыне. «И тако дуну на лице его дыханіе животнo, — якоже пишет, — словесно и божественно, и бысть челоуѣкѣ въ душу живу тогда».^[17] Еже по образу, рабыне моя, в чомъ отдамы — и в плоти ли, служительнице, или въ души самой?

Плоть: Слыши, господине моя, сдѣ реченіе Павлово и разумѣши искомое удобѣ отъ сего: «Елико внѣшний нашъ челоуѣкѣ растлѣваетѣ, толико внутреній обнавляетѣся вяще».^[18] И два убо челоуѣка наречена съединена, внутреняго и внѣшняго, челоуѣкы именует, си рѣхъ душа и тѣло — обоихъ тако. Но убо воистину челоуѣкѣ душа глаголетѣся. Не смотряй, господине моя, внешняго челоуѣка, ниже сумнися отнудъ о созданиіи его, то бо покрывало есть и одѣвало тоя. Еже по образу же — душа, и по подобію его. Не мни же, господине моя, челоуѣка глаголитѣся тѣло се тлѣнное и челоуѣка внѣшняго. Но егда убо Писаніе услышиши, глаголющее: «Створимъ челоуѣка по образу Своему»,^[19] — и внутреняго разумѣвай челоуѣка, душевное существо, не явлено се, но скровенное, си невидимое и незримое естествомъ. Истиннѣе же яко внутрь паче есмы. По внутренему бо челоуѣку «азъ» паче есмь, внѣшняя же не «азъ», но «моя» разумѣвай. Не рука бо «азъ», прочее, или нога «азъ» паки, но «азъ» — словесное души в лѣпоту. Рука же убо, и нога, и прочая части челоуѣчѣскаго тѣла суть уди. Тѣло бо ссудъ есть васнѣ, и колесница, и союзъ души челоуѣчѣстѣй. Воистину же челоуѣкѣ душа глаголетѣся. А помысль убо — властникъ страстемъ и владыка. По властному убо бывати ту вѣмы и паки в помысленѣмъ стяжаніи быти ради истиннѣйшая части быти ума ея и премудрости, яже Богъ дарова тому.

Подражаетѣ бо нѣкакo умъ челоуѣчѣски Бога, во мгновеньи бо обтичетъ вся, и соображаетѣся, — и вечерняя, вкупѣ и восточная, паки и ужная, и сѣверная, и яже подъ землею, и небесная же убо и невходимая она, — не сущѣствомъ своимъ, не непщію се отнудѣ, — мечтаніемъ же единѣмъ помысленнымъ, госпоже. Единѣ бо Богъ сущѣствомъ и естествомъ, сице и премудростію Своею, и силою же паки, иматъ неописанное выше

всякого естества. Еже по образу, владычице, обладателно знаменуеть. Якоже никтоже вышши на небеси есть Бога, всех Творца — видимых и невидимых, сице никтоже на земли вышши от чловѣкъ есть. Но якоже имат Богъ всѣх владычество, сице даль есть и тебѣ бесловесных и животных, всѣми убо владем вкупѣ, скоты же и звѣрми, и всѣми господствуем — птицами, и гады, и рыбами, всѣми и животными, ихже положилъ есть Богъ в сем мирѣ. Сим есмы, якоже показася, по образу Божию.

А еже по подобию — мы исправляемъ от хотѣния нашего и произволенъя же, на подобительное взводимся тому. Подобны быти тому даль есть власть нам, вложивъ, прочее остави повелѣнию нас дѣлателя быти свѣтом и хотѣнием — еже к нему, госпоже моя, подобна глаголю — и яко да конецъ, прочее, будетъ нашему труду, дѣланъя мзда. Вонми, душе, и разумѣй, яко да всяко будет исправление твое, а не чюжо то, тебѣ остави се, еже по подобию быти, яко же рече: «Будите свершени, якоже свершенъ есть наш небесный Отецъ»^[20] же и Владыка, яко солнце свое сияеть на вся, злыя же и благыя, и дождить паки сице. Аще же и ты, госпоже моя, злобоненавистна будешь, и непамятозлобна, и кротка, братолюбива и милостива, Богу поподобишися тѣм. Еже по образу убо Богъ дарова тебе — еже имѣти словесное, и обладателное тако же, и самовластное же в себѣ, господине. Бываеши и по подобию — благостию, аще хочещи. Аще бо и по подобию ты бы Богъ створилъ, где тѣ благодать, страстна? Чесого ради венчалася бы? Царство небесное како отверзло ти ся бы? Добро есть душе спастися от подвигъ и от трудовъ, яко долж ы въздание, а не дар ы благодать, еже есть неразумѣва и лениваго раба.

Душа: Добрѣ и сия рекла еси и ктому не сумнюся. Обаче и еще ми сие скажи, о рабыне: тѣло праотца Адама, рци ми, како создано бысть убо — тлѣнно ли, или нетлѣнно, мертвено или не тако?

Плоть: И о сем, владычице, речем ти яже вѣмы: ни же тлѣнно, ни нетлѣнно, ни бесмертно паки. Посреде бо то созда тля и нетлѣнна, посреде мертвости, глаголю, и бесъмертия. Яко да аще изволит душа добрая и сладкая, бесмертна будет от дѣль лучьших, якоже убо и выше научило есть слово. Аще ли паки телесным страстемъ поведеться, тлѣненъ и мертвенъ будет, еже и пострада. Аще бо бы смертна Богъ створилъ того, не бы осудилъ есть смертию согрѣшша, смертному бо мертвость никтоже осужаеть. Аще ли паки бесмертна, не бы пища требовал телесныя же и тлѣнныя и погибающая, ни аще покался бы о нихъже сдѣя, ниже паки бесмертное мертвено тѣм створилъ бы. Ниже бо являет о согрѣшших ангелѣх се створивъ Богъ же и Владыка, но естество имут еже исперва, паки бесмертни пребыша, обаче не свѣтоносни, и нужди ждут, прочее, о согрышши казнѣ.

Душа: Надолго прострохом бесѣду, о рабыне, сирѣчь любопрѣние, еже любезнѣ речеса, не вражебнѣ — да не будет, — приятелна же паче. Прочее, и взисканья разрѣшила ми еси абѣе. Нынѣ же убо скажи ми, иже исперва впрашах, да некако и забытие будет и не въспомяну се. Обаче вся прости ми, яже преже глаголаная.

Плоть: Да убо что есть вопрошенье твое, забыла есмь.

Душа: Въпросих, о рабыне моя, и суприжница, и другине, гдѣ препочивают душа праведных, подобнѣ и грѣшных, и кое есть мѣсто их даже до воскресенья и Христова пришествия.

Плоть: Аще убо хочещи навикнути еже впрашаеши, госпоже, и zde вонми разумно и навикнеши сия.

Якоже Писание учить мя, на небеси есть идеже препочивает всяка душа праведная. Но и имени многознаменито есть, страна бо живых наречеса, и земля кротких, паки празднующихъ глас же и сѣнь праведных, пищи поток, исполненъ бесмертья. И слыши и увѣрися от глаголь Павловых, ихже в Коринфѣ написа, таже и в Филиписих: «Вѣмы бо, вѣмы, — рече, — тѣла нашего сия храма земная аще разориться, храмину имамъ нерукотворену же на небесѣхъ от Бога, вѣчную и лучшую».[21] Тъмже, от тѣла исходяще, надѣмся еже внити къ Христу. Се есть любочестье. Добрѣ убо вzywаше Павелъ с дерзновеньем: «Желание ми есть, — рече, — отрѣшиться и со Христом моим и Богомъ на небесѣхъ быти».[22] И преже Павла Соломон вопиет сице: «Душа праведных в руцѣ Бога же и Владыки на небесѣхъ пребывают и суть в мирѣ убо».[23] И Иоанъ Дамаскынъ подобная сим глаголетъ: «Душа убо имате, — рече, — на небесѣх в руку Бога жива и того поите от земля, яко со ангелы преставистесь на небеса с славою».[24] Имам ины свѣдѣтеля, душе моя, вѣрнѣйша равно согласующим трием предреченым зѣло.

Душа: Да како си зовими суть и коея страны, глаголи.

Плоть: Назианзу Григорие, Василие Великий и Златый во всем языкомъ Иоанъ,[25] и всебожественный ликъ отеческы — вси на небесих быти душамъ праведным глаголють: и мѣсто и число наполняют оно, отнуду

же отпаде злѣ ангельское множество вкупѣ и с первым тѣх отступником злѣйшим, — яко да исполнится вышній миръ, *любимая*. *Якоже Григорие Богословесный*^[26] пишетъ: «Внегда бо испльнитъсе вышній миръ, глаголя, ожидай скончанья настоящего вѣка». Вси бо явственѣ о сем свѣдѣтельствуют. Елма же убо глава всѣм нам есть и глаголетъся, и первы же от мертвыхъ воскреснути, но убо и первѣнецъ из мертвыхъ воскресе, и первѣнецъ, душе, или первородны многих иныхъ братьей есть и первый — Христосъ, 2 Адамъ, конечнаго ради благоутробия и «предтеча о нас», по гласу Павлову,^[27] на небеса убо взиде к своему Отцю и того убо сѣде одесную, господине. Идеже убо глава, вмалѣ елико послѣдует и прочее все тѣло. Исполненъ бо главѣ бывает тѣло, исполненъ тѣлу глава бывает. Ни бо тѣлу мощно есть без главы быти, ниже паки главѣ, тѣлу не сущу.

Нынѣ же убо всходятъ вся душа точью спасаемых, владычице, святыхъ и праведныхъ к своей убо главѣ, рекъше Христу. О чудо! По воскресении же и с телеса убо. Дивство славы Христовы и чѣсти, душе моя, и человеколюбия его и благыхъ всѣх, ихже восприяхомъ вкупѣ исперва, создани бывше, и паки же напоследок по благодати его! Прочее, душе моя, вѣруй: сих свѣдѣтельство истинно и извѣстно в вѣру сущее. И сия убо рекошася о душахъ праведныхъ, еже от сея лютыя злобы очищешихся.

Аще же и грѣшныхъ душа увѣдѣти хочещи, и кдѣ затворяются и суть, о душе моя, и о сихъ от Писания отвѣщаю тебѣ. Подо всею землею долу суть, господине. И слыши, и рыдай прежде конца зде: сѣнь смертную, преисподний ровъ ада сего нарече, тѣм же и взываетъ: «Взвелъ еси от ада душу мою»,^[28] на мнозѣ не оставилъ еси тамо пребывати. О адѣ убо и Иовъ, плачася, глаголаше: «Земля темная, и мрачная, и вѣчная тма, животъ человѣчскы не видѣти, свѣта бо тамо нѣсть». Адѣ мѣсто убо есть долнѣйшее долнихъ преисподнихъ мрачныхъ, болѣзнено естествомъ, во н же сниде Христосъ и, душа исхитивъ, ихже держаше исперва от первосозданнаго, изиде яко побѣдитель. Благо же, Христе мой блаже!

Но будущее слыши и вострепещи прежде конца: во второй приход и Христово пришествие и общее воскресенъе исходятъ изъ ада; каяждо убо свое восприимлет тѣло и паки возвращается къ аду, — увы мнѣ, — якоже рече Пѣснопѣвецъ,^[29] яже о нихъ: «Тогда да възвратятся, — рече, — грѣшници въ адъ».^[30] А еже «да възвратятся» являетъ, отнуду же изидоша. Оттолѣ лютѣйше перваго и горше, горчайше и злѣнѣйше, болѣзнуют и рыдаютъ, сѣтуютъ же и плачутъ без успѣха, душе моя, бесконечнѣ и вѣчнѣи. Пощади, Христе мой, пощади!

Тогда, душе, отходиши убо к своему тѣлу, егоже преже мала отлучися, бернныя плоти, яко да внидеши в не, якоже Писанье учить. И видиши то смердящее все и осквернено, гнусно и мерьско и сгнившее до конца. И, тако то видящи, отвращаешися, ненавидяще, но от ангель страшных биема, увы мнѣ, немилостивно, нещадно, с лютою мною, входиши паки в то, душе, и нехотящи.

Но не таковая телеса суть яже праведных, но яко блещайся бисеръ сияют с славою и якоже солнце, рече, но и множае сего. Аще ли не вѣруеши ми, о душе, воскресенье повѣдующи, приведу ти свѣдѣтеля вѣрны, имже не невѣруй.

Душа: Да кто си суть, котораго племени и языка?

Плоть: В первых, Иезикил и Исая, паки и Давидъ праотець и Пѣснопѣвецъ подобнѣ, иже преже Христа изрядни и велиции пророци; и по тѣх паки Христосъ от дѣлъ увѣряет, но убо и первороденъ от мертвых воскресе, якоже и Писание учит мя Иеуангельское; и Павелъ учит вселеную всю, о воскресении сущим в Коринфѣ пишет: «Падъ убо въ землю, сие вещестное тѣло в немощи и тлѣнии и безъдушно в гробѣ сгнивающе и разрушаемо, и в ничтоже бывшее, встает нетлѣнно и духовно в славѣ, бесмертно, и присноживотно, и обрадованно».[\[31\]](#) Да реку ти и притча, юже сам реклъ есть: яко зерно наго, в земную боку пад убо и сгнивъ, не наго встает, яково же наго паде зерно, едино паки, но и зѣло благороднѣ и одѣяно бывает: стебль, листвие, колѣнца, осилия, — и иная зерна приносит многосугубна и красна видѣнем, — сице ми разумѣвай и воскресенье еже тогда человекомъ всѣмъ убо, малымъ же и великимъ.

И слыши и почюдися Божию смотренью: тогда ни долгъ, ни коротокъ бывает, ниже чернѣ, ни бѣлѣ, ни тонок, ниже дебелѣ паки, ни русѣ, ни черменѣ, ниже кудрявѣ тамо есть; хром, сухорукъ не бывает, ниже бѣснуя кто; единоног, единоокъ, единорукъ, ниже прокаженѣ, слукъ же, ни слеп, ни горбав, ни горкавѣ, ни гугнив, ни травлюяй, ни премудрѣ, ниже буй, ни старецъ, ни отроча, ни рабъ, ни свободѣ, ни варварѣ, ниже скифинѣ. Ни мни, яковъ же бѣ умрый, таков и воскреснетъ, но яковъ же первозданный от Бога созданъ бысть и яковъ же бѣ исперва преже ослушания. Тамо нѣсть мужьска полу, ни женьскаго естества, ни дѣтородни уди мужстии и женстии к смѣшенью блудному и скверному, ни убо! Но ино, странно ино, еже вѣсть Богъ единѣ, бесмертно и присноживотно и нетлѣнно отнудѣ, непричастно суще печали же и скорби, попеченья всякого и тщания, к жизни сдѣлующаго. Бракъ никакоже бывает отнеле же воскреснем; ни посагают, прочее, не сущу ражженью тогда; естество женско никако, но ниже скопецъ есть;

желанье телесное нѣсть, ни помысль блудный; но ниже бѣси тамо, ниже брань, ни свары, но яко ангѣли Божии суть вси. Христось бо се рече нѣкогда к садукеем. [\[32\]](#)

И еще же не умершей и погребеньем скрытии, но въ житии обращаются — мали же и велиции — и вси в мегновении измѣняются тогда. Будуть же вси въ едином возрастѣ, якоже предрекох прежде мала в словѣ, нази же вси вкупѣ и обвѣленѣ. Нагое же, господине моя, и объявленное, яко от предложенья овчатъ разумѣвай, еже на жертву Богу приводимыхъ всѣхъ. Якоже она кожа одираема тогда во испытанья всякая кости же и мозга, являхуся внутрь скровеная явѣ, сице котораго же дѣяния являються. Различье слышащи, сице ми разумѣй: се нѣсть отъятье самого существа, но убо мертвости иждие же и престание и тли изнурение. Смерть бо сия тѣло не погубляет, но тля разоряет. Сущство же, добрѣйшая, пребывает же и есть, славою множайшею встающее тогда. Но не о всѣхъ, владычице, *глаголахъ азъ*. Се въскресение убо общее всѣмъ будет; воскресение же, душе, еже с славою, будет иже правѣ пожившихъ, въскресение бо животу сии; злая же сдѣлавшей — в судѣ мученья.

Душа: Несуменно слово твое, и вся приемлю ти, вся ти вѣровах, развѣ точю сего единого, егоже слышыши Писание явѣ вопиющее. Внегда убо Христось сниде въ адъ душа вся исхитити еже тамо сѣдящая, от Адама и прочая по ряду свободи вся. Ты же рече нынѣ быти душамъ тамо всѣмъ грѣшником и нечѣстивым, о рабыне. Аще убо изять тыя от утробы адовы, и кая благодать будет, аще и еще оны паки яко осуженици суть подѣ адом? Прочая, не согласна к Писанью твоя обрѣтаю и непщюю, яко ты не истиньствуеши, рабыне.

Плоть: Слыши убо мя, владычице, и вонми нынѣ сде и Писание и истину, с нею и азъ глаголю, и разумѣй глаголемое от притча.

Нѣкако положи быти нѣкому мучителю, злодѣю и отступнику, отбѣгнувшу ему нѣкогда от царя и отшедшу далече в неже вжелѣ мѣсто, и тамо град создавшу высокъ же и великъ столпѣм отвсюду утвержень зѣло. Посреде же его ископаша ровъ глубок и велик — глубину дажь до дна зѣмнаго и вяще, в широту же широкъ паче всѣхъ широтъ, злосмраденъ и мрачнѣиши и темень зѣло, и стража всячѣскыя тамо устрает, смраднѣйша, увы мнѣ, тыя же и зловонны зѣло. И по сих, разумѣй ми, вражий гнѣвъ во всю землю протече; и собра многы звѣря и ядовитыя гады, змия же и смоквы, скорпия и ехидны, и прочая от всѣхъ по ряду, и сия убо затвори въ мрачнѣйшемъ рвѣ на мученье явѣ якоже тамо человекомъ с нужею хотящимъ затворятися от него. Луна и звѣзды никакоже, ни солнце нѣсть тамо, глаголю, в градѣ вражьи, но мгла

часта. Близъ града же оного путь бяше народный, и инуду не бѣ пути еже ити в весь миръ. Имже путем прохожаху вся племена и языци, цесареви вси врази и друзи вкупѣ. Прочее, приходяще в руцѣ, и не хотяще, вси отступнику и врагу, мали же и велици, и всѣх превземагаше, и всѣх держаше. Силою убо ручною, нужею и областью связуя руцѣ же и нозѣ, лютѣ страсоваше и затвореныя вся воряше, и темницу исполни темныя она вся. Не терпяше убо царь неправды сия, намнозѣ не остави люди озлоблятися, но посла тамо сына своего, глаголя: «Поиди и исхити люди наши вся от руку лукаваго и отступника вскорѣ». Он же, пришед и ем спротивника, вся ему сломи и кости и жилы и с полумертва створи и недѣйствена того, ископа очи его и зѣница очныя; верея и врата низложивъ и затворы скрушив, изять всѣх яко побѣдник и удалник, — врагы и друзы вкупѣ, — от преисподних и възведе въ горняя всѣх от глубины, и от узъ убо разрѣши твердыхъ вся, и на лица земнѣм ходити остави. И по сих зри ми разсуждение добрѣйшее: друзы избра отца своего присныя и, поим сих, отиде к своему отцю въ красную полату и чюдную ону — еже быти тѣм всегда съ цесаремъ и веселитися имъ купно с ним в вѣк. Врагы же и нечестивыя остави убо тамо, дондеже изволиться отцю о них подобное, и изречет отвѣтъ праведны о них.

Къ сим ты, госпоже моя, како непщюеши: убо прияша ли и ти нѣкое благодѣтельство — нечестивии же и врази глаголю цесареви, — или не мниться благодати быти? Како любо се? Азъ убо се непщюю спасенье велие еже бо мучителя яти и связати спротивника узами нерѣшимами, тому же и очи изяти, и от безднѣ земныхъ възвести сих, и темница мрачныя, и узы, и затворы, и злосмрадныя воня же, и гады ядовитыя — сихъ всѣхъ злыхъ свободны створити и ходити сѣмо и онамо свободни въ ослабѣ, не сущю темничнику, не сущимъ слугамъ, врагъ бо погибе со всѣмъ воинствомъ крѣпцѣ.

Аще бо и быти слышала еси, душе, убо быти въ адѣ, но не суть, якоже первѣе, в болѣзняхъ тяжкихъ, ниже в нуждахъ, ни убо, ни въ узахъ нерѣшимыхъ, но въ ослабѣ отчасти и в малѣ покои. Мнѣ убо велико является се благодѣтельство. Разумѣ ли всяко реченое, или сумнишися и еще?

Душа: Разумѣхъ и домыслихся, и являешися истиньствовати. Всѣхъ благодѣтель есть по праведному суду: врагы убо мене, друзы же большее. И благодѣтъ сия велика глаголется отъ всѣхъ добрѣ смыслящихъ, и есть велика паче зѣло.

Плоть: Госпоже моя, како разумѣ реченое гаданье мое? Хоощю увѣдѣти, аще добрѣ реченая разумѣ.

Душа: Да слыши, служительнице, раздрѣшение сих сдѣ. Отступникъ есть спадый Денница, град же, егоже созда, адъ; якоже мню, ровъ глубочайший и темницу его — суть, служительнице, чрево адово, народны же путь — житие се есть, имже ходим мали и велици вкупѣ; мучительство же вражье и разбойничьство его — смерть, якоже подобиться, яже всхищает всѣх, къ аду лютому отпускает абье; а иже во рвѣ гади и лютии звѣрье, якоже мню, — нестерпимая болѣзнь, яже тамо есть; царь же — Богъ, и Сынъ его паки избавитель есть Христосъ роду человечьскому; друзи — иже праведнии, нечестиви же паки — врази его, вкупѣ грешники непщюю; красная же полата, и веселие его, и радость непрестанная Небесное Царство есть.

Плоть: Добрѣ и зѣло и благоумнѣ разумѣла еси реченое мною, госпоже моя и владычице, и благодѣть Христу моему! Но вѣжь, яко притча не по всему имат равное и приемлеться. Елма не бы была притча, якоже рѣхом, но тождѣство паче. «Взлегъ, почи, якоже левъ», [\[33\]](#) — слышала еси патриарха, глаголяще о Христѣ, господине. И паки убо в другом: «Срящю тѣх же, — рѣче, — яко медвѣдь страшнѣйши гладенъ зѣло». Убо приуподобим ли яже звѣрем суцая вся сдѣ Христови? Ни убо, владычице моя. Но подобает потребное избравшим от сих въ еже приято есть, то прочее убо все оставлено творяще удобѣ, мимоидѣмъ сия. Страшное убо лвово и цесарское восприимем, медвѣдя же паки точю мучительное, а не ино что, ихже имат. Также и о прочихъ притчах творити, И слыши, господине моя, яко имам и еще сдѣ мужа свята и премудра — Иоана зѣлнаго Дамаскина и Мансура [\[34\]](#) — и множае увѣришися. Той бо опаснѣйше яже тамо бывшая научает добрѣ и явственѣ всѣх. И навькни, яже рече здѣ нѣкако на стихи:

«Не просто бо спасѣть есть жизнодавецъ Христосъ, сшедъ въ адъ, всѣхъ, но рѣчеся, яко тамо вѣровавшихъ, иже суть отци и пророци, судья и царье, с ними и мѣстни князи, и инии нѣции от людей жидовескихъ бесчислени и предъявлени всѣм. Мы же сия противу *речемъ* сдѣ суцим, яко: ни даръ или богатство, слава, ниже чюдно и славно сие, еже спасти Христу преже вѣровавшая, елма ссуди праведенъ есть единъ, и всяк иже тому вѣровавый не погибнет. Достояше бо сим спастися всѣм и от адьскихъ узъ избавитися схожениемъ Бога и Владыки, еже и бысть того промышлениемъ. А *иже* паки человеколюбия ради спасѣшеся суть, якоже и *сии*, житие честнѣйше имяху и дѣяние добро всяко свершаху, тонцѣ живуще, въздержателнѣ и цѣломудрнѣ, вѣру же истинную и божественую не достигоша, не обѣучени быша всяко, но ненаучени пребывше отнудъ. Сих всепромысленик Владыка всѣхъ привлече и улови мрежами божественными, и тѣхъ преклони вѣровати ему, восиявъ на ня божественныя луча и показавъ имъ истинны свѣтъ; не бо суди, милостивенъ сы естеством, втоще тѣхъ труды быти, стяжаша бо труднѣйшее житие, болѣзненно же и тѣсно паче слова, самодержьци страстемъ бывше и сласти оплеваше, вкупѣ нестяжанье же всяко

исправлеше, вздержанье же со бдѣниемъ паки, и всяко просто изрядно жителство, не благочестивнѣ убо, но обаче прошедше, вышний промыслъ, якоже мняху, изряднѣ чтуще, обаче погрѣшнѣ. Суть же нѣции иже божественую славу всемошныя достигоша Троица тонцѣ и темнѣ, но не прославиша обаче. Ини же воплощенье рекоша Слова, страсти честныя и встанье его. Другии же рождество, еже от Девы, имя же тоя пронарекъше, Мария бо, рече, имя нѣкое отроковици. Паки нѣции предначтоша вся преестественая Христова чюдотворенья, мерьтвых же и слѣпых, и гугнивых, прокаженных, и глухых, и огничавых, трудоватых, вкупѣ и сухоруких, и морское хоженье, отсюду хлѣбом благословенье и рыбам, преложенье водѣ в вино паки, кровоточивыя и слукыя вкупѣ здравье предрекъше со инѣми многими. Сих божественая Слова сила не стерпѣ презрѣти погибающихъ, ниже погубити дѣлания изрядных. Заимствованный бо тѣмъ слова конецъ, якоже рѣхом, не помрачается, но сохраненъ одѣвается всѣмъ иже добрѣ пожившимъ с прилогом. А иже не жившей право житие, сѣмя или плод никакоже стяжавше, и ниже дождя божественаго, съ небесе излиывшася на них, възрастивша всяко, ни бо, яко же варивъ рѣх, вложиша сѣмя, ниже, восиявшю солнцю славы, съзрѣяша, яко бесплодни отнудъ. Сих не ползова Христосъ спроста, совъздвигъ, якоже мню, падшихъ, яко недостойны всячѣскы спасенью, ниже бо вѣроваша ему, мнѣться мнѣ. Ослѣпи бо тѣх помыслы и, увы мнѣ, и очи сердца тмы взятие, первый змий, емуже служителе исперва, яко да, видяще, не видят вправду и разумѣют отнудъ. Ини же вси, сѣмя имуще, и съзрѣяше, солнцю являшюся, и возрастоша же, дождю бывшю. Сих спаслъ есть, якоже мню, Христосъ мой, егда сниде въ адъ хотѣнемъ».

Душа: Вся добрѣ сказала ми еси, учителнице и рабыне, и истинна и извѣстна. И не прерѣкую отнудъ, но имамъ еще възыскание, недоумѣнье велико. Рци и се явленѣ, аще можеши рещи.

Плоть: Да что есть и каково и которое есть, скажи.

Душа: Како, оставльши убо тлѣнно и нетлѣнно же обрѣтши, тѣло убо свое душа како познает? Ова бо оставила есть слѣпо и безъ очью то, ова же глухо и нѣмо, скудоумна же другая, скопыца же и иная, и тонко, и сухонаво, дебело, полно и тучно же, чревато другая, другая же безъ брады, космато же ти о другая; иная паки женьско, черно иная и смядо, бѣло же паки другая; безъ руку и безъ ногу остави паки иная, и младенца иная несвершена и малѣйша зѣло, и старца; и иная съгнивши зѣло, и черно власы другая, бѣло же иная паки. Во воскресенье убо, якоже глаголеши и учиши мя, рабыне, ино от иного бывъшее, якоже варивъ рекла еси, по подобию Адамову, — како убо познает то и не имущее знаменья, ни образы, ни мѣры?

Плоть: Да слыши, господини моя, вещи сея дивное. Тогда не ищи естественаго послѣдования чинъ, но выше естества вся и мѣтайся и разумѣвай. В сем бо житии суть сия вся, в будущем же ничтоже от сих будет тамо. Но промыслом Божиимъ и хотѣньем его знаменье убо дасться, и познаваетъ вся едина каяждо совлече ея тѣло, якоже овца познавает своя агница и младенцы доими своим матеремъ не от иного чего, ниже от видѣнія, но обонянья точью от единого познавают. Много убо сличная въ агньцѣх бывают, и множайша и ты суща. Видѣх азъ многожды всхожаше и низхожаше многожды множицею мати, въ агньцехъ свое агня ищющи, и к ней прихожаху много от агнецъ, никое же не прият, ни накорми ни едино, обонявающи вся, мимоходящи вся, дондеже обрящеть сама свое ея агня. Подобно сему познание душамъ и тѣлом, еже тогда и будет. Промыслом Христа моего будущее датися от него знамение. Азъ убо не то знаю, — онъ точью един вѣсть. *Умнѣ* сущи души, умно же и оно; безътелесна же сущи, безътелесно и се, не чювственно, не вещно, якова суть яже сдѣ. Подобнѣ убо и сродници, и друзи к другом, невѣжде же познают другъ друга тогда, яко ти притча показа, господине. Да не мнить же никако никтоже, яко еда нѣсть комуждо познание комуждо тогда на страшном сборѣ оном, душе моя: ей, каждо познает тамо искренняго си, — не образом телесным, ниже от знамени, но оком душевнымъ презрительнымъ.

Душа: Да откуда се вѣдомо? Впрашаю тя, о рабыне, еже представити свѣдѣтеля о словеси сем. Тебѣ бо яко рабынѣ не вѣрую и сумняюся о нихъже глаголеши.

Плоть: Слыши убо, госпоже моя, въ-первых, Христа моего, явственѣ учаща въ Благовѣстованиих, яко позна богаты Лазаря оного в надрѣх Аврамовых сѣдяща посреде, такоже и Аврама, великаго патриарха; и паки же другоици рѣче къ июдѣом, яко: «Аврама узрите, и Исака тогда, и Якова, и вся пророки такоже въ царствии Божии, вас же вѣнѣ его изгнаемъ далече». *И* да нѣ кто непщует и рчетъ, яко притчею рѣчена бысть убо вещь и разум неприятенъ быти о сих, божественныя бо притча Спасовы, любимая, суть образи истиннии вещем настоящим, възможным, непрелестным и показаным.

Душа: Вѣрнѣйши и добрѣйши свѣдѣтел сея есть. Имаши ли к сему и иного кого, соглашающа и подобная вѣщающа о глаголаныхъ?

Плоть: Имам, господине моя, многы, но не могу всѣх нынѣ приносить реченья, лѣню бо ся сия писати. Обаче 3, и 4, и 5 представлю ти и глаголаніе коегождо сдѣ напишу.

Иоанъ Златы языком сице глаголетъ: «Не токмо бо яже здѣ знаемыя познаем, но и ихже никогдаже видѣхом в лице: Аврама, Исака, и Якова, и вся праотца, отца же и дѣдъ и прадѣдъ, пророки, и апостолы же, и мученики».[35] Душе моя, си видѣвши, познаеши всѣх абие на торжищи оном велицѣм. И паки к сим подобна Василие Великий, бесѣдуя к лихоимцем рече сице: «Не примеша ли пред очима своимъ Христово судище, внегда тя обидут, представше внезапу, и ближни, и дални, и мали же, и велиции, обидѣнии тобою, взопють на тя. Яможе бо аще възведеши око тогда, узриши убо явѣ озлобленных образы: отсюду убо сирья, отонуду же убо вдовья, на иномъ же нищя, ихже обидѣлъ еси всѣх, — сусѣды же вся, яже прогнѣвалъ еси здѣ». Но убо и Григорие Богословный пишет: «Тогда, рече, — Кесария узрю свѣтлоносна, яковъже ми во снѣ явился еси, брате любезнѣйши».[36] Ефрѣмъ же блаженный сице учит, глаголя: «Тогда, — рече, — своя родителя осудятъ чада своя имъ, увы, осуженья, яко дѣла благая нынѣ не сдѣявшю. И знаемых видят в час онъ. И внегда от них узрят нѣкыя, увы мнѣ, в десных частех причтеных бывша, тогда рыдают убо разлученья и расъпряженья сих».[37] Афанасий Великий чюдный, церковное основанье и поборник ея, и се: «Богъ, — рече, — праведникомъ всѣм даровалъ есть познанье общаго и сбораго, душе моя, воскресенья, еже быти другъ с другом, веселитися и радоватися в вѣки вѣкомъ. Лишени же суть грѣшници утѣшения сего: не имутъ познания еже друг с другомъ тогда... Якоже дѣяния вся откровена суть, сице, — рече, — и лица всѣмъ знаема бывают, дондеже всѣх послѣднее разлученье конецъ примет и каждо посланъ будетъ въ свое ему мѣсто: праведници с Богомъ, такоже и друг с другом, грѣшници же паки в далних мѣстѣхъ. Аще бо и друг с другомъ будет, но обаче незнаемъ. Якоже бо предречеся, лишени будут и сего утѣшенья, рекше и благодѣти, таковыя. Аще бо не явѣ будут, — рече, — всѣмъ тогда студъ, которы будутъ повиннымъ всѣмъ. Тогда бо, — рече, — лютъ есть срамъ и великъ, внегда кто познавает и познаваемъ бывает. Всякъ бо стыдяйся знаемыхъ стыдиться, невѣдомыхъ же никакъ, сущю ему невѣдому. Страмъ же не бываетъ никакъ незазорному».[38] Се убо не невѣрно и не отречено есть, яко явѣ вси другъ друга познаваемъ. Прият ли ми свѣдѣтеля, о нихже рѣхъ всяко, или еще паки, якоже и мнѣ, не вѣрова и симъ?

Душа: Ни, служительнице, ни. Не ктому сомняся, яко зѣло ми благоразумнѣ недоумѣнье се сказала и разрѣшила еси. И благодарствую тя: вѣрнѣйше и извѣстно и истинно есть свѣдѣтельство многих, — от Христа навикнуя. Нынѣ же имамъ желанье научитися и сему.

Предрече бо ми выше в словѣ, рабыне, яко убо измѣнятся на воскресенье небо же и земля в созданье божественѣйше, такоже и телеса челоукомъ всѣмъ — в нетлѣнье и та измѣнятся тогда. Убо и азъ ли, служительнице, измѣнюся тогда, или паки буду та же, якоже есмь нынѣ, тричастное неразлучно имущи тогда: помысленное, желательное и яростное же? Убо и тогда ли в самомъ тождѣстоитъ пребуду, тричастна с тобою буду в вѣки? И паки которое же дѣйствуютъ своя, желанье же

глаголю и ярость? Также во мнѣ зрима суть, окаянно ми и страстно
воскресенье будет, яко паки страстна, и сквернава, и паки нечиста
буду сих ради. Аще ли не будут со мною двѣ части сия, цѣла како буду,
отъята бывъши сих? Еже бо всяко скудно есть, цѣло како и будет? И аще
надво раздѣлюся, не азъ есмь вся, но нѣкаа и несвершена, и скудна,
якоже вѣси. Но убо како несѣкомое сѣкомо покажется. На части же и
рассѣченье раздѣляемо тогда? Аще бо, якоже предрекла еси, весь миръ
мене ради создася и бысть видимый сей, аще бо в лучшее то
премѣнится зданье и естество добрѣйшее и божественѣйшее воистину,
свѣтей, краснейше и въобразитися тогда Зиждителя и Здѣтеля свѣтомъ и
волею, прочее, азъ, рабыне, обидима зѣло, аще и тогда буду якова же
есмь и нынѣ, и възращение не прииму, и почтена буду болше, якоже и
ты, рабыне, прославишися, якоже рекла еси. Тля бо и мертвости
будеши тогда тужда, и нетлѣнна, присноживущи и бесѣмертна будешь.
Аще убо плоть, рабыне моя, паче естества почтет Создатель, якоже
обѣщася, Богъ и Владыка, владычицу же самую бещестну оставит, долѣ
горняя будут, якоже и горняя долняя. Назданъ бо бывши той назданьем
и странным, не подобаетъ владычицы мнѣ тако презрѣнъ быти, но
воистину чюдным измѣненьем и странным измѣнитися и мнѣ
хотѣньемъ Владычним яко царицы всего здѣшняго мира сущи, —
премѣнитися и самой, яко всѣхъ вышши. И понеже хочет обновити
безъдушныя стихия и нечювьственная же, и служительная мнѣ, рабыне,
мене паче яко словесну и чювствену достояше. Рци к сим, рабыне моя,
и что ми подобаетъ надѣяться?

Плоть: Госпоже моя и владычице, в глубину разумѣний и пучину
непроходную въвергла мя еси нынѣ. Неудобѣдостижно, неудобъразумно
взысканье твое есть. И недоумѣю и боюся неудобно, все сущее
недовѣдя, стыдящеся, готовападежна явится. Иного нѣкоего впреси от
разумныхъ се, мене же прости, яко невѣжю всяко.

Душа: И иного убо не хочу се увѣдѣти, рабыне. Тебе бо сущи близъ,
далече ити не подобает, и впрашати безнадежнѣ, и трудитися всуе.
Прочее, начъни, рабыни моя, покажи, яже вѣси. Аще ли непокоритися
мнѣ хочещи, не надѣйся ясти, ни снѣдь бо или питие оставлю тя пряти,
нѣ ниже песь изѣлъ есть, якоже мниши, жезла.

Плоть: Да слыши, госпоже моя, сде мало и вонми. И видѣ и прежде рѣхъ
тебѣ, и нынѣ паки глаголю.

Миръ убо видимый, и мысленный также, и явлена сия, елика якова суть,
Зиждитель и Сдѣтель тебе ради привель есть. И паки тогда тебе ради
обновитъ всячская к благоугождению твоему и чести же и славѣ в веселие
и радость и красное наслаждение. Обновлеши бо ся и азъ, твоя похвала

будет, честь бо и слава моя тебѣ будет тогда, якоже и безчестье мое тебѣ и нынѣ есть.

От сих же всѣхъ ниедино же требует Богъ сущихъ сдѣ, ни солнечное сиянье, ни небесную доброту, ни земное благолѣпие и приношение всяко: нескуден бо всѣхъ сый, сихъ никакоже требует. Тебѣ бо дарована быша та нынѣ и в будущий. Прочее, елма яже о тебѣ сие прославит тогда, кольми паче тебѣ, душе, иже и владычицю сим. Желания и ярости, спитателникъ твои, глаголю, съотъемлет абѣ вся ис корене, якоже от нихъ ражаемая и прозябающая страсти. Аще страсти всяко глаголати подобает, или ни, господини, и именовать та, еже нѣсть сие, егда добрѣ направляет помысль сия. Требование сихъ добро есть, добродѣтель глаголемъ быти, недоброе же паки — злобу створяти. Тогда наглость, ни гнѣвъ, ни ярость приидетъ ти, но ниже вражда будетъ в тебѣ, ни памятозлобие, ни боязнь же, ни страх; ни потреба тогда мужеству; ревность и зависть престанетъ отъ тебе, госпоже; похоть бесловесная и сласть такоже. Матерь же всѣмъ симъ — предреченѣи двѣ. Но ниже мнѣние в тебѣ, ниже тщеславие, но ниже вѣра; надежда съотидетъ ти, другине; такоже память престанет, не требуши бо ея. Пять сия отроди помыслу суть, а не яростному, ни желательному. Сия бо вся отходят, якоже рѣхъ, отъ тебе. Желательно послѣднее отняли же кто постигнет, не требуетъ ни единого же отъ предреченныхъ отнудъ, ветхаго бо челоуѣка совлекшеся всего, с нимъ совлечеши его студы тогда и скверны и къ животу бестрастному паки встечеши. Любовь едина будетъ тебѣ тогда и ничтоже ино, от ихъже имамъ вкупѣ или особѣ нынѣ. Ни бо сия являются тебѣ существена, не суть бо словеснаго естества сия, ни и убо, бесловеснаго же паче свойствена видятся. Ибо лстиваго зря врага и яраго и брань, юже на тя, ущедривъ Зиждитель и въоружи и облече къ отмщенью его обѣма сима, владычице, де некако, нагу обрѣтъ тя, язвитъ же и ранитъ тя елижды аще хочет. Брани же, госпоже моя, тамо яко не сущи, но смѣрению твердо, кая потреба оружию? Врази бо твои погибоша со всѣмъ воинствомъ крѣпцѣ. Здѣ бо есть все: и борбы и побѣды, — тамо же сихъ престанетъ держава и помощь. Ихъже бо съде боишися посмѣшися тогда, въ огонь геоньскый видяще ввержены. Ты же имѣти хочещи тогда несмѣсное и особое все: словесное, госпоже моя, и помысленное же, — боговидно и зрительно и богоподобно. Тогда еже по образу чисто первое, якоже и первѣе, яково же исперва прияла еси и паки въсприимеши божественное вдуновение, аще что се разумѣется. Благороднѣйши бо ты и славнѣйши паки паче всѣхъ воинствъ, глаголя, явишися тогда. О душе, дивно еже слышати, страшнѣйше и преславно еже видѣтися паче: еже по образу его бывше, господине, имать къ первообразному по всему всяко сего ради подобие началообразнаго все: умное убо — умнаго и бестелесное паки бессмертно, вселюбезно, по всему подобно, яко премѣнено доблества всякого оно и всего убѣгая убо растоятельнаго; сего ради по измѣрению — подобнѣ, якоже и оно, по естѣственному же подобью убо ино что отъ оноу, — глаголю же началодобраго, — разумѣваемъ по Писанию^[39] и существо, и естество. Не к тому есть образъ, аще во всѣхъ будетъ то же оно, владычице. Но в нихъже видится в несозданнѣмъ естествѣ оно, добрѣиша мнѣ, в тѣхъ же убо и создано естество показуеть се. И аще се

истинно, якоже се истинно есть, убо да что бы хотѣла болшее сея славы, или ино что бы хотѣла лучшее сего быти?

Разумѣ ли нынѣ, владычице, добрѣ глаголанная? Вѣрова ли и приять яко истинна сия, или яко ложна являютъ ти ся вся глаголанная и бляди сия тебѣ мнятся? Азъ убо не мня. Рци к симъ, владычице, и како вмѣниша ти ся?

Душа: Ни, рабыне моя, ни, но сладцѣ и усредно, радостно и весело же и любезнѣ сия и прияхъ и прииму глаголанная вся, обрадованнѣ, яко недоумѣние мое раздрѣшися! Служителнице, невѣруй вельнью сему отнудъ христианинѣ нѣсть, ниже православен тѣ, ни части иматъ никакоже съ Христомъ моимъ иматъ и царствия его не приметъ тогда, но есть весь невѣренъ и от садукей^[40] горѣй. Аз же благодатью Божию вѣрую сия тако и суща и быти хотяща, якоже научи мя. Не невѣрую словесѣмъ твоимъ, не буди ми се. Обаче о семъ и еще молюся тебѣ, яко да принесеши ми Писание, да слышу и то. И аще принесетъ и то повелѣние согласно тобѣ, тогда паче будетъ извѣстнѣйше се, неколѣблемо, недвижимо и добрѣ утвержено. Но убо глаголы Писания да не размѣниши отнудъ и на стихи речеши ми тѣхъ силу, но убо тако, якоже суть, сие ми скажи сихъ.

Плоть: Слыши убо, госпоже моя zde, прочее, и вонми. Мужъ мудръ, и святъ, и благороден сугубо иного нѣкоего премудра еже о Христѣ премудростию впрашаше сие, ихже ты ищещи, тричастное души како есть, увидѣти хотя. И нынѣ вонми разумно того вопрошение сдѣ.

ГРИГОРИЯ НИСЬСКАГО ВОПРОС ОТ МАКРИИНИХ^[41]

Умно глаголють быти существо душа и телесну сущу с' суду животную силу къ чювьственѣй силѣ вѣдваряти. Не бо точью о художьственѣй же и зрительнѣй мысли и дѣйства есть наша душа, въ умнѣмъ существѣ таковое дѣлаючи; ниже чювьства едина къ еже по естеству дѣйству устраять; но много убо еже по желанию, много же еже по ярости движение видимо есть въ естествѣ. Коемуждо сихъ обоих роднѣ в насъ сущу, на многа же и различна разньства видимъ происходящее дѣйствы обоихъ движенье. Многа убо есть видѣти, имиже дѣлательное обладаетъ, многажды от яростыня вины прозябають. И никое же сихъ тѣло есть; бестелесное же умно всяко. Умную же нѣкую вещь душу уставъ нарече. Яко убо двѣма безмѣстныма другое от послѣдования възникнути слову: или ярость и желание ины в насъ быти душа и множество душъ вмѣсто едины видѣтися, или ниже смышеное еже в насъ душа мнѣти, умное бо

равно всѣмъ приуподобляемо. Или вся сия душа покажетъ, или котороеждо сихъ от равнаго собѣства души изметъ.

ОТВѢТ МАКРИНИ

Многимъ убо инѣмъ ищущимъ словесе по ряду сам поискалъ еси, яко: что убо подобаетъ непщевати быти желательное же и яростное — или ссущьствена души и от перва абие устройства с нею суща, или что ино у нея быти и послѣ же намъ прибывъша. Еже бо зрѣтися въ души симъ, от всѣхъ равнѣ исповѣдуеть; а еже что подобаетъ от тѣхъ мнѣти, не у опаснѣ обрѣло есть слово яко извѣстно еже о сихъ имѣти мнѣние. Но и еще мнози различными еже о сихъ славами съмнятся. Мы же, оставлеше внѣшнее любомудръство, различно сущее, свѣдѣтеля божественное и боговдохновенное Писание сътворимъ, еже ничтоже изряднѣе душа быти възаконѣвати, еже в ней божественаго естѣства свойствено. Яко подобие Божие душа быти, сице все, еже чюжее быти есть Бога, кромѣ быти устава душевнаго отрече. Ни бо в размѣненныхъ спастись подобное. Тѣмже елма таково ничтоже съ божественнымъ видится естѣствомъ, ни же души ссущна быти сия по слову убо кто помыслит. Что убо есть, иже глаголемъ? Словесное се животное, челоуѣкъ, ума же, художьства приятно быти и от внѣшнихъ слова, еже на насъ свѣдѣтельствовася. Не убо сице уставу естѣство наше написующу, аще зрѣлъ бы ярости и желание и яже от нихъ прозябающая ссущьствена естѣству, ни бо о иномъ нѣкотором уставѣ кто отдасть подлежащимъ, общее вмѣсто особнаго глаголю. Елма убо желательное же и яростное по равности и в бесловеснѣм же, и словеснѣм естѣствѣ видится. Никтоже благословнѣ от общаго въображаетъ особое. А еже и къ естѣственному написанию лихо есть и отвержено, како мощно есть яко часть естѣства на взбранение устава крѣпость имѣти? Всякъ бо уставъ сущьства къ особному подлежащаго зрѣть, яко аще внѣ особящагося будетъ, яко чюже призираеться уставу. Но убо еже по ярости и желании дѣйство общее, всего быти бесловеснаго исповѣдуется естѣства. Все же общее не то же есть со особнымъ. Нужда убо сихъ ради есть не в сих быти та помышляти, в нихже по изрядному челоуѣческое въображается естѣство. Но якоже оцютителное, и налитателное, и растителное в насъ кто видѣвъ, не възвращаетъ ради сихъ отъдаанаго от души устава. Не бо понеже се есть въ души нѣсть онъ. Сице и яже от ярости и желани поразумѣвъ естѣства нашего движения не ктому благословнѣ со уставомъ свариться, яко скудно показавшу естѣству. Явѣ убо яко отвнѣду видимыхъ суть сия, страсти естѣственныя сущая, а не сущьствомъ обое. Еже есть ярость же, възрѣние окрестъ сердечныя крови мнозѣ быти мнится; индѣ же — желание же възопечалити преже наченшаго, якоже мы непщуетъ или ярость есть устремление озлобити раздражившаго. Ихже ничтоже еже о душе уставу случается. И аще желание о себѣ уставимъ, похотѣние речемъ потребнаго, или любовь сладостныхъ наслаждения, или печаль о еже не въ области сущему в помыслѣ, или нѣкое къ сладкому любление, емуже настоить в'сприятие. Сия убо вся и таковая желание убо и

показуютъ, уставу же душевному не прикасаются, но елика ина о души зрятся, яже от спротивныхъ другъ къ другу видимая, рекше страхование и дерзость, болѣзнь и небрежение, и елика таковая, ихже коеждо сроднѣи убо имѣти мнится к желателному или яростному, особящему же ся уставу свое напсиуетъ естество, яже вся о души суть, душа не суть, но якоже мравия нѣкыя от помысленныя части души прозябающе; яже части убо быти, заеже с нею быти мняться, а не оно быти, иже есть душа по существу.

Глаголем бо души видѣтелную же и судителную и сущихъ назирателную силу своя быти по естеству ей, боговидныя благодѣти сих ради в себѣ наверхати образъ. Елма и божественое еже что по естеству есть в сих быти помысль сматрять, внегда назирати всячьская и расъсужати доброе от горшаго. Елика же души в предѣлѣ лежат, к коемуждо от спротивныхъ приклонно по своему естеству, ихже существеная потреба, или на доброе, или не спротивное ведетъ сбытие; рекше ярость, или страх, или аще чѣто таково от еже в души движение есть, ихже кромѣ нѣсть видѣтися естеству. Сия отвнѣ пребывати вмѣняемъ, заеже в началообразнѣй добротѣ ниединому же такову видѣнию быти начертанию, яже не всяко на зло нѣкое челоуѣчьскому отдѣлена быша животу. Ибо бы Содѣтель злымъ вину имѣлъ, аще отонудъ прегрѣшениемъ быша были нужна вложенъ естеству. Но сущною потребою произволенья или добродѣтели, или злобѣ ссуди таковая души двизанія бывають. Якоже желѣзо по свѣту хитреца воображаемо, к коему же аще хочетъ хитрѣствующаго помышление, к сему и въображается — или мечъ, или нѣкое земнодѣльное орудіе бываетъ, страху убо послушательное вотваряющю, ярости же мужьственное, боязни же утверждение, желателному же устремленью божественую же и нетлѣнную сладость ходатайствующю. Аще ли отвержетъ воженья слово и, якоже нѣкій яздець объять бывъ колесницею, вспять от нея влекомъ есть, тамо ведом, иде бесловесное устремление въпраженныхъ несется. Яково жъ и в бесловесныхъ есть видѣти, понеже не настоятельствууетъ помысль естѣственѣ в тѣхъ лежащему движению. Но егда убо к лучшему тѣхъ движенью будетъ, похваламъ быти та, яко Данилу желание,[\[42\]](#) и Финеесу ярость,[\[43\]](#) и dobroплачущему слеза, рекше печаль. Аще ли к горшему уклонение будетъ, тогда въ страсти устремления совращается, и бывають, и именуются.

Зрителное же и разсудителное свойствено, свойство есть благовидному души, елма и божественое в сихъ достижемъ. Аще убо всякую злобу душа чистотѣствуетъ, доброму всяко будетъ. Добро же своимъ естествомъ божественое. К нему же ради чистоты совокупление имѣти иматъ своему совокупляющюся. Аще убо се будетъ, не ктому потреба есть еже по желанію движения, аще на добро намъ владычѣствуетъ. Ибо во *тмѣ* пребыванье имѣяй, то в желание свѣта будетъ, желание прииметъ наслаженье. Область же наслаженія праздно и суетно желание сдѣлаетъ, яко ниедино же имущий скуднѣ от еже на благое

разумѣваемых, та благыхъ сущи исполнение, ниже по причастию добра нѣкоего в добрѣм бывающи, но сама сущи добраго естество.

Еже что и быти доброе ум наказует, ниже уповательное движение в себѣ приемлет, к несущему убо упование дѣйствуетъ точью. «А еже имать кто, что и уповае?» — рече апостоль.[\[44\]](#)

Но ниже поминателнаго дѣйства сущих в художеству потребѣ есть, видящее бо ся вспоминатися не требуетъ. Понеже убо всякого блага вышши есть божественное естество, благое же благому любимо всяко, сего ради и, в себѣ видящи, и еже имати хочет, и еже хочет имат, ничто от внѣшних приемлющи в собѣ. Внѣ же ея ничтоже, развѣ злоба едина точью, яже — аще и преславно есть рещи — в небытии бытие имать. Не бо но ино нѣкое есть злобѣ бытие — точью сущаго лишенья. А еже воистину сущее — благо естество есть. Еже убо в сущемъ нѣсть, вне же не быти всяко есть.

Внегда убо и душа, различная вся отвергши естественная движения, боговидна будет и, превъзшедши желание, въ оном будет, к нему же от желания подвизашеся, не ктому нѣкое упражнение вдавает в собѣ, ниже упованию, ниже памяти, уповаемо бо имать, о наслаждение благыхъ упражнением и память отмѣтает от мысли, и тако преизящную подражаетъ жизнь, свойства божественнаго естества въображылися, яко ничтоже той остати от инѣхъ всѣх, развѣ любовнаго ея устройства, естественѣ доброму прозябающаго. Се бо есть любовь еже къ благому вжелѣнному вседушное любление.

Егда убо проста, и единовидна, и опасно богоподобна душа бывши, обрящетъ еже по истиннѣ простое же и невещественное благое оно едино любовное и вжелѣнное, приплѣтается убо ему и срастворяется любовным движением же и дѣйствомъ къ еже присно достигаемому же и обрѣтаемому себе въображающи, и то бывши благаго подобием, еже ей приемлемаго естество есть. Желанию же во оном не сущю, заеже никоего же блага скудости в немъ быти, послѣдованно убо есть и души, въ блазѣм бывши, отложить от себе желательное движение же и устройство.

Таковаго же велѣния и божественный апостоль взнепщева, всѣх сущихъ нынѣ в насъ и от лучшемъ чюдимых престание нѣкое и утоление прозвѣстивъ, любви единой не обрѣте устава. «Пророчества бо, — рече, — упразднятся и разуми престануть, любовь же николиже не отпадает»,[\[45\]](#) еже равно есть еже присно такоже имѣти; не вѣру и

упование пребыти любовь глаголю, пакы от сихъ ту выше полагает в лѣпоту. Упование бо даже дотолѣ движется, дондеже не приидеть уповаемымъ восприятие. И вѣра такоже утверждение уповаемыхъ безвѣствѣя бывает. Сиче бо и ту устави, глаголя «Вѣра же уповаемыхъ составъ».[46] Всегда же приидетъ уповаемое, инѣмъ всѣмъ утѣшеномъ, еже по любви дѣйство пребываетъ, приемлющее ту не обрѣтающе. Тѣмже и первѣствуетъ еже по добродѣтели исправнымъ всѣмъ и законнымъ завѣщаниемъ. Аще убо в сий нѣкогда конецъ dospѣетъ душа, неоскуднѣ имать инѣхъ, яко исполнению емшюся сущихъ.

В настоящемъ убо жизни различнѣ же и многовиднѣ намъ дѣйствующи, многа убо суть, ихже требуемъ и приемлемъ, рекше лѣта, въздуха и мѣста, пищу и питѣя же, и покрывала, и солнца, и свѣтилника, и инѣ к потребѣ жития многихъ. Чаемое же блаженство сихъ убо нѣ коего же скудно есть. Вся же намъ и вмѣсто всѣхъ божественное естьство будетъ ко всякой потребѣ жизни оная, себе подобнѣ раздѣляюще. И се явѣ отъ божественныхъ словесъ духовныхъ, яко и мѣсто бываетъ Богъ достойнымъ, и домъ, и одежда, и пища, и питие, и свѣтъ, и богатство, и всяко имя же и разумѣние к благымъ нашея свершающимся жизни.

Плоть: Се ти заповѣдание исполнихъ, господине, и приведохъ, прочее, отъ Писания свѣдѣтельство, якоже рекла еси, якоже заповѣда и якоже просила еси. Но вѣжъ: претрудихся много зѣло, суду и онуду испытуя, изыскуя съ трудомъ и книги осязуя, и кожа превращая, яко да обрящу, якоже зриши, сие свѣдѣтельство. И ниже глаголы премѣнныхъ по прощению твоему, но сущая та, якоже обрѣтохъ я, сиче и положихъ та и написахъ сде. Рци к симъ, владычице, и како прияла еси се? Еда что нагласно азъ рѣхъ паче сихъ?

Душа: Ни, служительнице, ни, не непщующая се отнудъ. Суть бо зѣло подобна и свойственна во всѣхъ. Нынѣ есть извѣстно и нынѣ утвержено вѣлѣние твое, яко показася, и твердо во всемъ, и не прерѣкованно се к людямъ непокорнымъ. Но съ трудолюбнымъ, кто-либо есть, елма тако взискание высоко же и велико взиска еже увѣдѣти, тричастное убо глаголю души како есть, и наученъ бысть о семъ, непщующая, яко впрашалъ есть и ино что оногo премудраго отъ Писания нѣчто к сему. Рци и то, рабыне моя, рци и не укрый. Много бо мя ползова съ предглаголаннѣми. Аще ли не всхощеши, рабыни моя, рещи ми и се, судъ весь будетъ на главѣ твоей.

Плоть: Много убо впраша его о души, господине, полезная, подобная и зело потребная, но да оставятся та. Едино же ти точью реку — еже впраша его послѣ же всѣхъ, другыне, еже о възкресении вѣлѣнии увидѣти възхотѣвъ. И слыши, госпоже моя, того впрошение здѣ. Не

размѣню же глаголь ни мал, ни великъ. Имати глаголаніе сихъ в началѣ сице: «Увидѣти аще всхотѣл еси, якови и колици въсхощем вси человѣци въскреснути тогда, во второй приход и Христово пришествіе, яже здѣ внимателнѣ прочти и разумѣши».

О ВСКРЕСЕНИИ ВПРОС ОТ МАКРИНИНЫХ

Иже убо быти нѣкогда воскресенію и еже привестися к немздоприемному суду человѣку, еже от Писанія показанми и от уже предистязанныхъ мнози от слышащихъ сложатся. Прочее убо буди смотрити, аще нынѣшнее суще и уповаемо будеть.

Еже аще тако будеть, ненавистно бых рекль человѣком упование воскресенія быти. Аще бо, якова бываютъ prestaюща от житія человѣческая телеса, такова к животу паки устроятся, убо кая некончаемая бѣда воскресенія ради уповається! Что умиленьѣиши будетъ видѣніе, еда в послѣдней старости обетшавшаа телеса претворяють на грозное же и безобразно есть, плоти ихъ изнурени бывше временѣхъ, враскавѣмъ же костемъ опавшися кожи, жиламъ же всѣмъ изърваннымъ, заеже не ктому естествоноу влагою разбоѣвати, и сего ради всему сгноену телеси, безъ силы же! И умилень позоръ бываетъ: главѣ убо к колѣнома преклоненѣ, руцѣ же отсюду и отонуду, къ естествоному убо дѣйству бездѣлнѣ сущи и трепетомъ же поневольному трясущихъ! Якова же паки иже лѣтъними недуги искаившимъ телеса, яже толико разлучается отъ обнаженныхъ костей, елико прикрыватися мнятъ тонкою измождалою кожею. Якоже иже в водотрудовитыхъ болѣзняхъ отекающихъ! А иже священнымъ недугомъ одержимыхъ, нелѣпую проказу глаголя, кое убо на лицѣ приведе слово, яко помалу тѣхъ вся уды ссуда телеснаго и чюства проходяще сгнитье поядаетъ! А иже в трусѣхъ и в бранехъ или от иныхъ нѣкихъ вины руцѣ и нозѣ отсѣчены имущихъ и прежде смерти время нѣкое в бѣдѣ сихъ положившихъ! Или иже от роженія съ вредомъ нѣкимъ погибшихъ в развращенныхъ удовыхъ! И что убо рчетъ си кто о прежде мало роженныхъ младенцевъ и о изметаемыхъ или удавляемыхъ и о еже самомъ о собѣ погибшихъ, — что есть смышляти, аще таковаа паки к животу възведутся? Убо остану та и въ младенчествѣ? И что окааннѣйшее! Но ли в мѣру придутъ возраста? И которымъ млеко паки та въздоятся?

Тѣмъ аще всѣмъ то же намъ тѣло оживетъ паки, бѣда есть чаемое. Аще ли не то же, инъ нѣкы възстаяи будетъ паче лежащаго: аще паде убо отроча, възстаетъ же свершенъ, или спротивно есть. Како есть рещи тому исправитися лежащему възрастнѣи тли, падшему измѣнену сущю? И вмѣсто старца уношю кто зря, иного вмѣсто ина възнепщюеть: вмѣсто прокаженнаго — цѣла и вмѣсто истаявшася — иже в плоти и иная вся та, якоже яко да не, по единому кто глаголя, молбу приводить слову.

Аще не таково оживеть тѣло паки, яково же бѣ, егда земли примѣсися, не умершее вѣстаетъ, но иного человѣка, земля паки познана будетъ. Что убо есть мнѣ в'скресение, аще вмѣсто мене ин живетъ? Како бо познаюся сам себѣ, не видя себе в себѣ? Ни бо буду поистиннѣ «азь», аще не всѣ ми будетъ та же в себѣ, якоже бо в настоящемъ жити. Аще ни чѣе имамъ в памяти начертание, да есть же по таковому словеси, травливъ таковой, уст нѣсть, тупоносъ, бѣлузливъ, благооченъ, сѣдина въ власы и врасковою кожею, таже ищющи такового, налучаю нарастомъ долгоноса, черноплотна, и прочая вся еже по образу начертанья инаго имуща, убо сего видѣвъ, оного ли вмѣню быти?

Паче же аще потребно есть меньшихъ отъ съпротивлении пребыти, крѣпчайшихъ оставль. Кто не вѣсть, яко теченью нѣкому уподобилося есть человѣческое естество, отъ рождѣства въ смерть нѣкимъ движеніемъ преходяще, тогда отъ движенія престающе, егда и отъ еже быти престанетъ. Движение се не мѣстно нѣкое есть преставление, не бо исходитъ отъ себе естество, но измѣненіемъ имать происхождение. Измѣнение же, дондеже есть се еже глаголется, никогдаже в томъ же пребываетъ. Како бо в тождествѣ пребудетъ, измѣняющеся? Но якоже сущи в кандилѣ огнь, еже убо мнѣтися присно то, свѣтити иматъ частымъ бо движеніемъ, не отторжено, но и совкуплено к себѣ показываетъ, истинною же всегда то приемля себе, никогда то же пребываетъ. Извлечена бо теплотою влага вкупѣ же и сполѣ... и въ плытость собою измѣни подлежащее. Якоже убо, дващи по тому же пламени прикасающемусе, нѣсть того же дващи вжечи. Острое бо измѣненіе не ждетъ еже второе паки прикасающагося, аще скорѣйше се творить, но присно движется, и новѣ есть пламень, всегда ражаяся и присно себе примеля, и никогдаже в томъ же пребывая.

Таково нѣкое и отъ тѣла нашего естествѣ есть. Пребывающее бо естества нашего, ради измѣннаго присноходяще же и подвижно, тогда стоить, егда отъ живота престанетъ. А дондеже въ животѣ есть, стоянія не имать и любо исполняется, или издыхаетъ или обоими всяко производится.

Аще убо, кто ни рождѣся, кто животно тѣже есть, но другій премѣненіемъ бываетъ, егда възведетъ паки тѣло наше къ животу в'скресение, скорѣ нѣкій человѣкъ всяко единъ будетъ, яко да ничтоже скудно есть вѣстающему, — отроча ражаемо, младенецъ, отрочишь, уноша, мужъ, старецъ и яже посредѣ вся.

Цѣломудрию же и блужению плотью дѣйствуему, и терпящимъ же о благочестіи болѣзная мукамъ, и ослабающимъ паки къ симъ ради

телеснаго чювьства, обоим симъ показуемом, како есть на судѣ спастися праведному или тому же прегрѣшившю, паки же ради раскаяния очищющюся, и, аще сице случится, паки на прегрѣшенъе поползишися, премѣнившю же ся послѣдованию естъства и оскверненому телеси и не сы, и инѣм от сихъ до конца пребывшю. Котораго блуднаго тѣло мучимо будет: обетшавшее в старости къ смерти? Но другое бѣ се от сдѣлавшаго грѣх. Но ли еже осквернися страстию? И где старое? Или бо не воскреснетъ, сы недѣйственное въскресение, или се встанет, и убѣгнетъ муки подлежаи.

Реку ти что и ино — от произносимыхъ намъ от неприемлющихъ Слово. Ничтоже глаголють бездѣлно от сущихъ в телеси удовъ естъство створило есть. Ова бо животнаго вину и силу в насъ имат, ихже кромѣ стояти иже в плоти животу невозможно есть; рекше сердце, ятро, мозгъ главный, душникъ, утроба и прочая вся утробная. Ова убо чювьственному движенью отдѣлена быша, ова же дѣйства суть, ина же к пріятию пребывающихъ художнѣ имат. Аще убо в тѣхъ же еже потомъ житье намъ будет, ничтому же преставление бывает. Аще ли истинно есть, — якоже убо истинно есть — еже ни браку жителствовати в житии же по въскресении повелѣвающее, ниже снѣдью питаемъ тогдашнему сдержатися животу, кая будетъ потреба уdomъ телеснымъ? Не к тому тѣмъ, ихже ради нынѣ суть уди, в животѣ ономъ уповаемомъ. Аще бо яже брака ради къ браку суть, егда то не будет, ничтоже от сущихъ к нему требуемъ. Сице и к дѣлу руцѣ, и к течению нозѣ, и к пріятию брашному уста, и къ пищнѣй пици зубы, и к отсланию утроба, и къ отложению непотребствуемыхъ исходнии проходи. Егда убо она не будетъ, яже тѣхъ ради бываемае, како или коего ради будетъ? Якоже нужи быти? Аще убо не суть о тѣлѣ, яже ничсому же есть к жизни оной сдѣловати хотящая, не быти ни еже нынѣ исполняющимъ наше тѣло. Въ обоихъ бо жизнь есть. И не ктому убо что таковое въскресение именуетъ: коемуждо бо от удовъ заеже во ономъ жизни непотребства не съвѣстающимъ телеси.

Аще ли всѣми сими будетъ дѣйствено въскресение, *суетнѣ намъ и непотрѣбнѣ къ жизни оной сдѣтельствуеъ Дѣйствуеъ въскресение*. Но убо и быти ли потребно есть вѣровати въскресению и не суетно быти? Тѣмже да внимаемъ Слову, яко да намъ всяческими в вѣлѣнии подобное свершится.

СИЯ УБО ВПРАШАЙ, СЛЫШИ ЖЕ И ОТВѢТ

ВОПРОСИВШІЙ ОБ ЭТОМЪ, ПОСЛУШАЙ И ОТВѢТ

Не недоблествено, по глаголемѣй риторикки, еже о въскресении догматомъ начинание, препирателнѣ новотворьными словесы окрестъ

обтеки истинну. Яко иже не велми рассмотрившим истинно таинство пострадати что по-лѣпотѣ противу слову и мнѣти не вѣ подобающаго отводиться реченых недоумѣнием. Имат же и сице рече истинна, аще и немощно имамы от подѣбных противу вѣщати слову. Но убо истинное слово о сих вѣ тайных премудрости скровище хранимо есть, тогда вѣ явление прияти хотя, ввѣгда дѣлом вѣскресения таинству научимся, егда не ктому требѣ будет намѣ глаголь кѣ уповаемых явлению. Но якоже в нощи пребѣдѣвающимъ мнозѣмъ подвижимом словесѣмъ о солнечном сияньи, каково есть, празно творит словеса прописание являшися точѣю лучѣная благодать, сице всяко промысль смотрѣнѣ, будущаго вѣскресания, прикасающися ни во чтоже показуеѣ, егда будет намѣ вѣ искусь чаемое. Елма же потребно есть не всячьскы неистязана оставити принесеная нам спротивления, сице от сих слово восприимемѣ.

Помыслити же подобает первѣе, который разум есть еже о вѣскресении вѣлѣния и что ради от святаго Писания речено быѣти и вѣруеѣся. Тѣмже убо якоже кто уставомъ нѣкимъ такое обоимъ пропишет, сице речем, яко: вѣскресение есть еже древле еѣства наше то устроение. В первѣй бо жизни, и еже самѣ быѣти сдѣтель Богѣ, ни старость бѣ, якоже подобаше, ни младенчество, ни яже по многонравных болѣзняхъ страсти, ниже ино что от телесныхъ страданий ничтоже. Ни бо лѣпо бѣше таковая створити Богу. Но божествена нѣкая вещь бѣше человѣчьское еѣство преже дажѣ не во устремлении быти злаго человѣчьскому. Ся бо вся входомъ злобнымъ намъ совнидоша. Тѣмже ни единому нужю имѣти хоѣет еже кромѣ злобы житие, во иже тоя ради случившимся быти. Якоже послѣдует иже в зиму путьствующему померзати тѣло, или еже погоряѣе и лучи ходящему почернѣвает видѣнием, аще ли кромѣ обоихъ сихъ будет, избавляется всяко и почернѣния, и померзновения, — и ничтоже благословнѣ вѣиѣет, еже о нѣкихъ винахъ прилучающееся, винѣ не сущи, — тако и еѣство наше *страстно* бывше, нужнѣми послѣдованми страдателной жизни принесено быѣти, к бестрастному же блаженству паки вѣтекше, не ктому злобными бесѣдованми сприведетѣся. Елма убо *елика* от бесловесныя жизни человѣчьскому примѣсишася еѣству, не первѣе быша в нас — преже дажѣ в страѣ злобы ради впаднути человѣчьскому, нужна убо еѣсть оставлѣшимъ страсти *и вся, елика с нею видима суть, оставим*. Тѣмже никтоже благословнѣ в житѣи ономъ яже о страсти оная прилучѣшаяся вѣиѣет. Якоже бо аще кто, на себѣ сквернаву имѣя ризу, обнажитѣся таковаго одѣния: не ктому отверженаго нелѣпоту на себѣ видѣти, тако намъ, совокупльшимъ мертвую ону и гнусную одежу, от бесловесныхъ кожей намѣ наложную. Кожю же слыша, образъ бесловеснаго еѣства разумѣвати ми мнѣ, яже кѣ страсти присвоивѣшася, одѣяни быхомъ. И вся, елика бесловесныя кожа о насъ суть, во отложении одежнѣмъ съотлагаемѣ. От бесловесныя же кожа смѣшание, зачатие, рожество, скверна, доение, пища, гною извергѣ, еже по-малу кѣ свершенью раѣенье, уностьство, старость, недугѣ, смерть. Аще она убо на насъ не будут, како намѣ яже от онѣхъ останутъ? Тѣмже суетно еѣсть иного нѣкоего устроения в будущую жизнь уповаемаго, заеже никако той с причащающимся к вѣлѣнию вѣскресения. Что бо общее имат изможданье и многоплотие, истаянье и

добелство, и аще что ино тлѣнному естѣству телесному прилучается — противу жизни оной, яже текущаго же и мимоходящаго житийскаго пребывания очюждена есть?

Едино ищет точью въскресения слово — еже родитися рождением чловѣку, паче же, якоже рече Еуаггелие, яко: «Родися чловѣкъ в миръ».[47] Долгожителное же или скоросмертное, или смертный образъ аще сиецевъ или инаковъ случится, суетно есть въскресения славу истязовати. Како бо се дамы поставу имѣти, в подобнѣ всяко есть: ниже неудобству, ни неражденью от такового различья о воскресении сущю. Еже убо жити начинающее, пожити потребно есть всяко; еже посредѣ ради смерть случшемуся ему раздрѣшенію, на воскресение исправлешюся, а еже како или когда раздрѣшение бывает, что се къ воскресенію? К другому бо разуму блюдет.

Иже о семь свѣтѣ, рекше по сласти, иже в житїи, или печалюя по добрѣ ли, или по злобѣ, похвалнѣ или повинни, окаанѣ, или блаженнѣ преиде житие, — сия бо вся таковая от мѣры животныя и от вида, иже в житии обрѣтаются. И яко противу суду положившим, нужна убо будет судии страсть и проказу, и недуга, и старость, и възраст, и юность, и богатство, и нищету испытovati: како кто, в коемждо сих бывать, — добрѣ или злѣ отдѣленное ему житие мимотечет, и аще многих бысть приятенѣ добрых или злых, и в долзѣм времени, или ниже началу каждо сих отинудѣ прикоснуса, в несвершенѣ сѣмыслѣ еже жити престав. Егда же к первому устроению чловѣка воскресеніемъ Богъ възведет естѣство, празных убо будет еже таковая глаголати и еже ради таковых спротивления мнѣти силѣ Божии и къ разуму забавлятися. Разум же ему въ скончавшагося уже в которыхждо чловѣкох всего естѣства нашего исполнения: овѣмъ убо абѣ в житїи семь от злобы очищеном, овѣмъ же по сих огню вѣчному осуженом, овѣмъ же равно и добраго и злаго искусь в нынѣшнем житїи не познавшемъ... в себѣ добрых, яже рече Писание, «ниже оку видѣти, ни слуху яти, ниже помыслу достиже быти».[48] Благое бо, еже выше ока, и слуха, и помысла, то убо будетъ се, еже всего превыше сущее. А еже по добродѣтели или злобѣ житїю различье в нынѣшнее время по сему покажется добрѣе, внегда скорѣе или коснѣйше прияти уповаемаго блаженства. По мѣрѣ бо бывшаа комуждо злобы изравнится всяко и врачения протяжение. Врачевание же убо будет души — еже от злобы очищение. Сие кромѣ болѣзнина устроение исправитися невѣзможно есть, якоже в предваршем истязано бысть.

Вяще же убо разумѣет спротивление лихо и неистовствоное, въ глубину приникъ апостольскыя премудрости, коринфѣном бо о семь объявля таинство, — таяже равно вѣщающимъ и онѣмъ к нему, яже и нынѣ от еже на вѣлѣние вѣстающихъ къ възбраненію вѣрованнымъ приносятся, — своимъ саномъ благоучения тѣхъ въздражая дерзость, сие глаголетъ:

«Речеши же ми убо, како встают мертви? Коим же тѣломъ приходятъ? Безумне, — рече, — ты еже съѣши не оживет, аще не умреть. И еже съѣши — не тѣло сущее съѣши, но и голо зерно, аще ли случится, пшеницы или етеру прочих. Богъ же даетъ ему тѣло, якоже всхотѣ, и коемуждо сѣмени свое тѣло». [\[49\]](#) Сдѣ убо възущати мнѣ мнится неразумѣющихъ своего естества мѣры и противу своей крѣпости божественую възъязяющихъ силу и мнящихъ толико быти възможно Богу, елико вмѣщаетъ человѣчское постиженіе. А еже выше насъ сущее и Божию проходитъ силу. В'просивый бо апостола, како встаютъ мертви, яко невозможно суще расыпанное телесныхъ составъ въедино стекутся паки приити, отрицаетъ. И паки сему немоущю, иному же тѣлу на сочтание составомъ неостанущю, сие рече по лютыхъ отъ спирающихся сочѣтавъ нѣкимъ послѣдованиемъ, яже глагола: аще тѣло есть сочтание составомъ, симъ же нев'можно есть второе собратися, которое примутъ тѣло, встающе? И сие убо мнящися тѣмъ нѣкоею хитростною премудростію сплетено безуміе именована не сматряющимъ въ прочей твари преимущее божественныя силы, оставивъ высочайшая Божиихъ чудесъ, имиже в недоумѣніе бѣ привести слышащаго, яково, что есть небесно тѣло и откуда, что же ли солнечное сияніе и лунное, или же въ звѣздахъ являемо, ефиръ, въздухъ, вода, земля. Но отъ обычныхъ намъ и обещаннѣйшихся *обличаетъ съпротивляющихся* не смотриливое. Ни земледѣланіе ли тя научаетъ, рече, якоже суетенъ еси иже противу своей мѣрѣ божественныя силы сматряя преимущее. Откуда сѣменемъ прерастающая телеса? Что же обладаетъ отраслю? Не смерть ли? Аще смерть есть составляемаго разрѣшенія, сѣмя бо не придетъ въ прозябеніе, не раздрѣшився въ браздѣ и бывъ рѣдко и многоразботѣвшю, яко примѣситися подлежащей влазѣ мастию, и тако в корень и отрасль, и не в сихъ пребыти, но преложитися в стебель и сущими посреде колѣнцѣ яко нѣкими союзы, препоясанъ въ еже мощи носити правѣмъ образомъ класъ, плодомъ отягчаемъ. Кдѣ убо сѣя на пшеницѣ бѣша прежде еже в браздѣ ея раздрушенія? Но убо отинуд се есть. Аще бы не бы первѣе оно было, не бы класъ былъ. Якоже убо еже о класѣ тѣло от сѣмене прозябаетъ, Божественнѣй силѣ отъ самого оногo се любохитрѣствующи и ниже всѣми то же есть сѣмени, ниже всячскы другое, сѣе, рече, таинство воскресенія уже тебѣ отъ еже в сѣменехъ чудотворимыхъ предсказуется, — яко силѣ божественнѣй въ преимущи области, не точію оно раздрушившееся паки отдаючи, но тебѣ и другая велика же и добра прилагаючи, имиже ти к великолѣпному естеству устраивается. «Сѣетъ бо сѣя, — рече, — во тлю, и встаетъ в нетлѣніе; сѣется в бещестіи, и встаетъ в славу; сѣется в немощи, и встаетъ в силу; сѣется тѣло душевно, встаетъ тѣло духовно». [\[50\]](#)

Якоже бо оставлеши в браздѣ пшеница еже в количествѣ малости и еже в *качествѣ* образа своего *свойство* себе не остави, но, в себѣ пребывая, класъ пребываетъ, премного разнѣствуя самъ себе величествомъ и добротою, и быстротою, и образомъ, и по тому же образу и человѣчское естество оставлеше в смерти вся яже о немъ свойства, елика ради страстнаго устроения притяжа, — бещестіе глаголя, тля, немощь, еже *по* возрастохъ различье, себѣ не оставляетъ, но якоже в класѣ нѣкыи, к нетлѣнію претавляетъ, в честь, и в славу, и еже во всемъ свершеніе, и

еже не ктому жизнь самая съсматрѣти естественными свойствы, но духовно нѣкое и бестрастное проити устроение. Сие бо есть душевнаго тѣла свойство, еже присно нѣким течением и движениемъ от еже в немже есть измѣнитися и преллагати в другое, яже бо нынѣ не въ чловѣцѣ точю зримъ добрая, но и в садовых и пасѣтвах. Ничтоже в тогдашнем житѣи останет.

Мнить же ми ся и всѣми съглаголовати апостольское слово нашему непщеванию о воскресении, и се показывает еже и наше уставление обдержит, глаголя ничтоже ино быти воскресение...

Понеже убо в первѣм бытии мирстѣм — сия от Писания навыхом, — яко «прозябе земля былье травное»,[\[51\]](#) якоже слово рече, таже от проращения сѣмя бысть, емуже на землю низъпадшю, то же паки видѣ иже исперва прозябшаго, встече, рече божественый апостолъ и о воскресении бывати. Не точю же сему от него научаемся на великолѣпное преставлятися чловѣчеству, но яко уповаемое ничтоже ино есть, развѣ еже в первых бѣше. Понеже бо исперва не клас от сѣмене, но от класа сѣмя, по сих же се от сѣмене прозябает, якоже и приточное послѣдование явѣ показывает, нужна убо всему еже воскресения ради възрастающему нам блаженству к сущей исперва въсходити благодати. Клас бо сущи исперва образом нѣкимъ, понеже зноем злобным исхохом; въсприемши же землѣ смертью разрѣшихся, паки в весну воскресения клас пожатное се зерно телесное велик же и часть и правъ и на небесную высоту протяжен, вмѣсто стебля и осилья нетлѣнием и прочими от боголѣпных позваний украшен. «Подобает бо, — рече, — мертвенному сему облещися в бессмертьство и тлѣнному сему облещися в нетлѣние». [\[52\]](#) Нетлѣние же, и слава, и честь, и сила естества ради быти исповѣдается. Якоже первѣе въ еже по образу бѣша и паки уповаема суть.

Первый бо клас — первый чловѣкъ Адам; понеже злобным входом естества на множество раздѣлися, якоже бывает плодъ в класѣ. Сице и каждо насъ, облажшеся класнаго оногo вида и земли примѣсившеся, паки въскрeсeнiе на первобытную доброту възрастающе, и вмѣсто единого перваго класа безъчистѣни от нивѣ бывающи.

А еже по добродѣтели житѣе в сѣм к злобѣ различье имать, яко ови и здѣ в житѣи добродѣтелью себе въздѣлавше, абие в нивѣ класъ възрастают. А иже злобою изможданна и вѣтротлѣнна бысть в житѣи сем яже въ душевнѣмъ сѣмени сила, якоже глаголемая бесплодная, иже таковых художнии глаголють бывають, сице и сии, аще прораstутъ воскресением, многою наглостъ от Судия примутъ, яко не могуще въстещи въ класа видѣ и быти оно, еже бѣхом прежде еже в землю

низъпадения. Служение же настоящаго житом плевелом же и тернию есть сбирание совзрѣвшими сѣмены. Всяцѣй питающий корень силѣ к лучшему притекши, ихже ради ненапитано же и несвершено плодом присное же пребысть сѣмя, с прирастъшим прозябением подавлено. Елма убо здѣ елико лестно же и чюжее истачается от питомаго въ ищезновение приидеть, божественому и невещественному огню, яже чрес естества *поядшу*, тогда въ благопищно естество и плодъ обратится, ради таковаго прилежанья же и тщанія общи видѣ, иже изначала нам от Бога въсприложены, восприимше. Блажени же, имже абие свершеная доброта класовная совосияет спрозубающими въскресения ради.

Сия же глаголемъ не яко телесному нѣкоторому различью, во иже по добродѣтели или злобѣ поживших на въскресение явитися хотящю, яковаго убо несвершена тѣлом непщевати, ового же мнѣти свершено имѣти. Но якоже в житїи ужники же и свободны имут убо обои приближена телеса, много же посредѣ обоих есть в сладости же и печали различье, сице мню приимати благых же и злых, въ еже по сих времени въмѣняти, различье. Свершение бо иже от сѣтвы възрастающимъ сѣменем въ *нетлѣнны* же, и славѣ, и чести, и силѣ бывати, апостоломъ глаголет. Таковых же умление не телесно нѣкое прозябшаго назнаменует скрушенье, но коемуждо же въ благых разумѣваемых лишение же и чюжденье. Елма убо едино нѣкое потребно есть быти о насъ всяко еже по спротивлению разумѣваемых — или благыхъ, или злыхъ, явѣ яко, яко еже въ блазѣх глаголати не быти, указание бывает въ злыхъ всяко быти. Но убо о злобѣ ни честь, ни слава, ни нетлѣние. Нужа же вся о нихже не суть сия, сим яже от съпротивных бываемая и разумѣваемая приходити не невѣровати — немощь, безчестье, тля и елика таковаго рода суть... страсти всячскы тѣм размѣшшася и совзростаю и едино къ оной бывающа. Таковымъ убо с подобным прилежанием изчищенным же здѣ *и* без *вѣ*сти бывшим, котороеждо от еже с лучшему разумѣваемых вмѣсто ихъ внидеть — нетлѣние, животъ честь, благодать, слава, сила и аще что ино таково самому же Богу видѣтися непщюемъ и образу его, еже есть чловѣчское естество.

Плоть: Се вопрошение слыша, *вкупѣ* же и сказание о велѣнии въскресения, господине, премудрыхъ мужий святыхъ онѣхъ. Прочее, рци мнящая ти ся о реченыхъ.

Душа: Слыши, служительнице, истинное, якоже есть многихъ многая слышах, многая же и прочтохъ о велѣнии сем, даже убо и донынѣ таковая не слышах, ниже писанія обрѣтохъ. Впрошение убо добро, *но* убо и сказание. И кто суть сии, скажи ми, коего племени и рода сия вѣтйствовавшей и сказавшей сице?

Плоть: Кто убо суть, не глаголю ти. Но аще хоцещи увидѣти, якоже поискахъ азъ прилѣжно и обрѣтохъ, тако и ты поищи болѣзни и обрящещи имена их и родъ, и отчѣство, и прочих же и прочее якова и колика. Не хоцю быти ти лѣнивъ и низълежащей, искателнѣ паче и трудолюбнѣ зѣло. И егда хоцещи навѣкнуги от Писания чисто и божественно, испытай и обрѣтай искомое все. Мене же остави, с' сустахъ бо, яко да почию и славу вослю Господеви моему.

[1] *...конь сверѣпъ, егоже глаголють Етиарь...* — В греческом оригинале его имя — Сиртиарий.

[2] *Невидимая бо его... и от тварей разумѣваема...* — Ср. Рим. 1, 20.

[3] *Якоже очи азъ погублю, вся помрачена бываю... якоже рече и Христосъ в Благовѣствованьих...* — Ср. Мф. 6, 23.

[4] *«Просяй примет... еже хоцет, обрѣтает».* — См. Мф. 7, 8; Лк. 11, 10.

[5] *...Пократ...* — Иппократ, Гиппократ (460—377 до н. э.), древнегреческий врач, основатель научной медицины, философ, под влиянием идей которого медицина находилась вплоть до Нового времени.

[6] *...Галин...* — Гален (131—200), крупнейший римский врач, анатом, философ, комментатор трудов Гиппократа.

[7] *Нисьский же Григорий...* — Григорий Нисский (332 — не ранее 394), брат Василия Великого, с 372 г. епископ города Ниссы, плодовитый писатель, великий христианский богослов.

[8] *...душа чѣстнѣйши... якоже Христос рекль есть...* — См. Мф. 16, 26; Мр. 8, 36.

[9] *Божественный бо апостоль учит ме сему: «Не все ли суть службнии дуси... наслѣдовати царствие».* — Евр. 1, 14.

[10] *...Господь въ Еуангелихъ: «Да не прѣобидите... иже есть на небесехъ».* — Мф. 18, 10.

[11] *«Вещьши есть душа пищу»...* — Мф. 6, 25.

[12] *«Одежде тело болше есть».* — Ср. там же.

[13] *«Въ печелех родиши чеда».* — Быт. 3, 16.

[14] *«Бози будете абие, аще снѣсте от дрѣва».* — Ср. Быт. 3, 5.

- [15] *...съвърже иже иногда Денницу... грьдости, ееже ради онъ отпаде.* — См. Ис. 14, 12—14.
- [16] *Моусии челоуѣка рече по образу Божию... первозданнаго быти.* — См. Быт. 1, 26.
- [17] *«И тако дуну на лице его... въ душу живу тогда».* — Ср. Быт. 2, 7.
- [18] *«Елико внѣшний нашъ челоуѣкъ... обнавляється вяще».* — 2 Кор. 4, 16.
- [19] *«Створим челоуѣка по образу Своему»...* — Быт, 1, 26.
- [20] *«Будите свершени... нашъ небесный Отець»...* — Мф. 5, 48.
- [21] *...«Вѣмы бо, вѣмы... от Бога, вѣчную и лучшую».* — Ср. 2 Кор. 5, 1.
- [22] *«Желание ми есть... на небесѣхъ быти».* — Ср. Фил. 1, 23.
- [23] *...Соломон вопиетъ сие: «Душа праведныхъ въ руцѣхъ Бога... въ мирѣ убо».* — Ср. Прем. 3, 1; 4, 7. Соломон, сынъ царя Давида отъ Вирсавии, его преемникъ, авторъ библейскихъ книгъ Притчи Соломона, Премудрость Соломона, Екклесиастъ и Песнь песней.
- [24] *И Иоанъ Дамаскынъ... глаголетъ: «Душа убо имате... на небеса славую».* — Иоанн Дамаскинъ (конецъ VII в. — до 753 г.), по родовому прозвищу Мансуръ, сириецъ по происхождению, защитникъ иконопочитания, великий богословъ и гимнографъ.
- [25] *Назианзу Григорие, Василие Великий и Златый во всемъ языкомъ Иоанъ...* — Григорій Назианзинъ, или Богословъ (ок. 329—389), отецъ и учитель Церкви, в 381 г. епископъ Константинополя; Василий Великий (329—379), вселенский отецъ и учитель Церкви, архиеп. Кесарійскій; Иоаннъ Златоустъ (между 344 и 354—407), отецъ и учитель Церкви, блестящій писатель и проповѣдникъ, епископъ Константинополя в 398—404 гг.
- [26] *...Григорие Богословесный...* — Григорій Назианзинъ, см. предыдущее примеч.
- [27] *...«предтеча о насъ», по гласу Павлову...* — Евр. 6, 20.
- [28] *«Възвель еси отъ ада душу мою»...* — Пс. 29, 4.
- [29] *...рече Пѣснопѣвецъ...* — Имѣется въ виду библейскій царь и поэтъ Давидъ, авторъ большей части книги Псалтирь.
- [30] *«Тогда да възратяться... грѣшници въ адъ».* — См. Пс. 9, 18.
- [31] *«Падъ убо въ землю... присноживотно, и обрадованно».* — Ср. 1 Кор. 15, 41—44.

[32] *...яко аныгъли Божии... нѣкогда к садудеим.* — См. Мф. 22, 23—30.

[33] *«Възлег, почи, якоже левъ»* — Ср. Чис. 24, 9; Вт. 33, 20.

[34] *...Иоана зѣлнаго Дамаскина и Мансура...* — Иоанн Дамаскин (конец VII в. — до 753 г.), по родовому прозвищу Мансур, сириец по происхождению, защитник иконопочитания, великий богослов и гимнограф.

[35] *Иоанъ Златы языком сице глаголетъ: «Не токмо бо яже здѣ знаемая познаем... и апостолы же, и мученики».* — Иоанн Златоуст (между 344 и 354—407), отец и учитель Церкви, блестящий писатель и проповедник, епископ Константинополя в 398—404 гг.

[36] *...Григорие Богословный пишет: «Тогда, — рече, — Кесария узрю... брате любезнѣйши».* — Григорий Назианзин, или Богослов (ок. 329—389), отец и учитель Церкви, в 381 г. епископ Константинополя.

[37] *...Ефрѣмъ же блаженный... «Тогда, — рече, — своя родителя осудять... разлученья и расъпряженья сих».* — Ефрем Сирин (ум. 373), сирийский христианский писатель, автор аскетических и экзегетических произведений, молитв и песнопений; они были переведены на греческий и читались и пелись в церквях.

[38] *Афанасий Великий... «Богъ, — рече, — праведником всѣм даровать есть... не бывает никакого незазорному».* — Афанасий Великий (293—373), архиепископ Александрийский, борец с арианством, автор многочисленных трудов, разъясняющих сущность христианского учения.

[39] *...разумѣваемъ по Писанию...* — Ошибка либо славянина-переводчика, либо его предшественника писца-грека: слова ката μορφῶν — «по форме», были приняты за ката Γραφῆς — «по Писанию». Исправляем ошибку в переводе на современный русский язык.

[40] *...садудей...* — Имеются в виду саддукеи, упоминаемые в Евангелиях от Матфея (3, 7; 22, 23—24) и в Деяниях апостолов (4, 1; 23, 6, 8). Так назывались члены одной из религиозных сект Древнего Израиля (в отличие от ессеев и фарисеев), получившей название от Садока, относительно личности которого существуют разные предположения. Для саддукеев характерно неверие в воскресение мертвых, отвержение талмудических толкований Моисеева Пятикнижия и склонность к буквальному его пониманию. Саддукеем был Каиафа, председательствовавший на осудившем Иисуса Христа на смерть синедрионе.

[41] *...Григория Нисскаго вопрос от Макрииних.* — Григорий Нисский (332 — не ранее 394), брат Василия Великого, с 372 г. епископ города Ниссы, плодовитый писатель, великий христианский богослов. Макрина (ум. в 379 г.) — его старшая сестра, глава общины монахинь, ревностная христианская подвижница, оказавшая большое влияние на Григория, очень им любимая и горько оплакиваемая. После многих лет разлуки

Григорий посетил ее, когда она была уже близка к смерти. Состоявшийся между ними тогда разговор был описан Григорием в «Послании к монаху Олимпию» и в трактате «О душе и о воскресении», а затем использован Филиппом Пустынником в «Диоптре».

[42] *...Данилу желание...* — Пророка Даниила называет «мужем желаний» прилетевший к нему во время молитвы архангел Гавриил. См. Дан. 9, 23.

[43] *...Финеесу ярость...* — Финеес, сын Елеазара, внук Аарона (Быт. 6, 25), убивший копьем израильтянина, который возлег с мадианитянкой (Чис. 25, 7—8), третий первосвященник иудейский.

[44] *«А еже имать кто, что и упоает?»* — рече апостоль. — См. Рим. 8, 24.

[45] *«Пророчьствия бо, — рече, — упразднятся... николиже не отпадает»* — См. 1 Кор. 13, 8.

[46] *«Вѣра же уповаемых съставъ».* — Евр. 11, 1.

[47] *...рече Еуаггелие, яко: «Родися человекъ в миръ».* — Ин. 16, 21.

[48] *...рече Писание, «ниже оку видети, ниже слуху яти, ниже помыслу достиже быти».* — Ср. Ис. 64, 4; 1 Кор. 2, 9.

[49] *«Речеши же ми убо, како встают мертвии? ...и коемуждо сѣмени свое тѣло».* — 1 Кор. 15, 35—38.

[50] *«Сѣет бо ся, — рече, — во тлю... встает тѣло духовно».* — 1 Кор. 15, 42—44.

[51] *...от Писания навыхом, — яко «прозябе земля былье травное»...* — Быт. 1, 12.

[52] *«Подобает бо, — рече, — мертвенному сему... обещися в нетлѣние».* — Ср. 1 Кор. 15, 53.

ПЕРЕВОД

ВСЕГО В ТРЕТЬЕМ СЛОВЕ 1654 СТИХА

СЛОВО 3

1. Что душа ничего не совершает и не делает помимо тела, но действует только с помощью всех его членов, а через это и познается, какова она и какая.

2. Что если не полностью разовьются члены и части тела, действия душевные останутся непроявленными.

3. Что если какой-нибудь из членов тела погибнет или иначе повредится, душа окажется не в состоянии действовать присущим этому члену образом.

4. В какой части тела следует считать пребывающим ум.

5. Что сращена душа с телом и одновременно появились душа и тело, а не одно прежде другого.

6. Что с разрушением тела не разрушается с ним и душа; и о том, как бессмертное и славное было создано со смертным и бесславным, и что чего первозданней.

7. Кто согрешил в Адаме сначала — душа или тело, и — что смерть не мука, но врачевание и прекрасное предвидение, и что душа, пока привязана к этой плоти, мысленного видеть не способна.

8. Что у человека по образу и что по подобию, и кто из обеих обладает этим — душа или тело.

9. Тленной или нетленной была создана Адамова плоть.

10. Где следует считать пребывающими души прежде отошедших, и — что в последний день все от начала веков умершие воскреснем и какими.

11. Христос, сойдя в ад, все ли от века там находящиеся души освободил, по Писанию, или нет, и как и каким образом каждая душа опознает свое тело при воскресении.

12. Что все тогда будут узнавать всех, пока не разделятся на стоящих справа и слева, после чего одни только праведные будут узнавать друг друга, а грешные нет.

13. Что с воскресением всяческая тварь обновится, сделавшись нетленной и став лучше и красивей, также и человеческие тела, а с ними и души, но не трехчастны, как теперь, они тогда будут, ибо отнимутся две части у них — способности ярости и влечения.

14. И еще о воскресении.

НАЧАЛО ТРЕТЬЕГО СЛОВА

Душа: Вот новая тема, вот и новый вопрос. Из того, о чем я спросила тебя вчера, во втором слове, ты многое мне раскрыла и много мне сказала. А теперь я захотела разузнать, что надлежит нам думать о том, где пребывают души прежде умерших: если «в аду» скажешь мне, — где ад? Ответь мне на это ясно, ответь, не поленись.

Плоть: Ты очень невнимательна, о душа моя. Ведь если б ты внимала смиренно тому, что читаешь и что многократно каждый день поешь, то очень много узнала бы, и поняла все это, и не имела бы потребности ни в учителе, ни в толкователе. И слыхано ли это, владычица, не знать этого и спрашивать свою рабу, меня, окаянную!

Душа: Коль от тебя не узнаю, у кого научусь? А из Писания я слышала, что спрашивать полезно и советоваться со многими спасительно.

Плоть: Да какое же дело теперь тебя занимает, и где, скажи, твой ум скитается и блуждает.

Душа: Такое дело — постигать божественное: откуда я пришла, и по какой причине, и кто создатель мой, и почему, создав меня высшей всех сущих в мире тварей и подчинив мне животных, зверей, и гадов, и птиц,

и прочее, можно сказать, все: небо вместе с тем, что в нем, и землю, и иное, — при этом он поместил меня в тебе, смрадной, и куда потом я пойду, с тобой, наконец, расставшись?

Плоть: Ты правильно ответила и хорошо сказала; и это постигай всегда; пусть это будет твоим делом, чтобы ты научилась лучшему и божественному.

Душа: Я ведь того и желаю всегда и хочу хорошее поучение об этом услышать. Но как свинья, что нечистотам радуется и скверне и каждый день валяется в них, наслаждаясь, так и ты, презлая Плоть, вечно этими своими плотскими страстями, и уладами постыдными, и скверными деяниями оскверняешь меня каждый день, валяясь в них безбоязненно, словно свинья, и вниз меня влечешь, и никак не позволяешь мне взглянуть ввысь, о горнем помышлять и к горнему стремиться. Способность видеть, то есть ум мой, во мне ты угасила. И как смогу я понимать, будучи помраченной и ослепленной во всем и видеть неспособной?

Плоть: Да ведь ты руководишь мною, ты меня повсюду носишь! Ты ведь управляешь мною, как всадник конем. Я без тебя вовсе ничего не совершаю: ни добрых дел, ни злых, ни тех, что между злым и добрым. Так за что же ты меня укоряешь и за что бесчестишь? Хорошо ли, дурно ли мы живем — зависит от твоей воли.

Душа: Полагаешь, злейшая, что разумно мне перечишь? Но не так обстоит дело, как ты сказала, не так, как говоришь! Но словно конь свирепый, что зовется Сиртиарий, неудержимый, страшный и весьма непокорный, когда грызет узду, стиснув ее зубами, и, шею яростно задрав, к берегам устремляется, и в пропасти, и в ямы, в рвы, наполненные грязью, сам себя повергает вместе со всадником; если же попытается, то будет еще хуже, — подобно этому и мы страдаем обе вместе. Ты, враждебная, свирепеешь, как этот названный мной конь, и тогда я не могу вести тебя, куда хочу, но ты, куда хочешь, несешь меня против моей воли. Если же я побью тебя палкой и помучу тебя или голодом накажу тебя и суровой жизнью, если трудами нагружу тебя многими и тяжелыми и работы возложу на тебя такие, чтобы пострадала ты — чтоб не буйствовала больше, не озоровала, не скакала совсем, — умерщвленной и полумертвой низложу тебя, чтобы заставить тебя быть покорной, то лишаюсь тогда своего слуги и помощника, и не с кем мне будет добрых дел сделать! Как добродетель тогда стяжать и сотворить мне?

А если же дам тебе покой и ужогу тебе, вновь на меня восстаешь со злобой и бешено воюешь со мной, и низвергаешь меня вниз, в деяния несправедливые. Однако же иногда ты помогаешь мне совершить любимое Богом, способствуешь мне во многом, но воюешь со мной; и помощник ты мне, и соперник разом, противник беспощадный и враг свирепый. Горе, горе мне! Как это: враг — и друг мой любимый! Как мне поступить, не знаю, и что сделать, не ведаю. Если бы дал Бог от тебя освободиться, вышла бы я из твоей зловонной и смрадной темницы, быстро пошла бы, наставляемая ангелом, в мое отечество и, оставив все мирское, в надмирном мире жила бы.

Плоть: Слишком возвысилась ты, о душа, и чрезмерно вознеслась: и невещественна ты, и добра, и все-то ты превосходишь, и осмысленна ты, и словесна, и бессмертна, и происходишь из высшего небесного мира, а этот мир недостоин тебя, а я злородна, я раба из этого изменчивого и скверного мира, из всех его четырех стихий вся состою, и мерзка я, и скверна, и нечиста, как ты говоришь. И говори, что хочешь, ведь госпожа ты мне. Но хотя ты меня и называешь, укоряя, злой и бесчестишь, но если бы ты меня не имела, владычица, не стояла бы ты и медяка.

Душа: С чего ты потеряла стыд, с чего бесчестишь ты меня, что унижаешь? Хочу понять твои слова.

Плоть: Тогда внимай и, слыша, не огорчайся и не гневайся на меня понапрасну, как если бы я бесчестила тебя, как если бы я обнаглела и стыд отложила от лица моего. Скажу тебе правду, хочешь ты того или не хочешь. Послушай теперь осмысленно и разумей, что я буду говорить.

Без помощи моих органов, госпожа, Творца своего и Бога не можешь ты славословить, — если ты не имеешь меня своей сотрудницей и помощницей. Без меня не можешь ты ни возблагодарить своего Создателя как его творенье, ни покаяться в согрешениях со слезами и воздыханиями, как это сделали блудница она и Петр. Со мной расставшись, разумеешь ли, кто ты есть?

Душа: Да как только вообще язык твой поворачивается говорить мне такое, и при этом ты не стыдишься?!

Плоть: А почему бы мне не говорить и отчего умолкнуть, если я отдана тебе, чтобы ты имела меня своей рабою? Вины своей я не знаю и, что сказать, не ведаю. Ведь ты не прежде меня возникла, но вместе со мной. Неужто горшечник меня создал, а тебя Бог? Что ты такое без меня и *какая*, скажи-ка? Невидима, неведома для всех ты вся, и никто не может знать тебя, никто и не увидит тебя, добра ли ты или же зла, никто не распознает, *какая* ты — мудра, или безумна, или смышлена, или разумна и притом простодушна.

Душа: Да что такое ты говоришь? Я не понимаю сказанного.

Плоть: Так слушай же и верь, и соглашайся с тем, что говорю. Все существующее познаваемо чувством, а умственное умом постигается. Итак, все чувственное мы познаем чувством ведь, а мысленное — мыслью, как я уже сказала. Чувственное способно давать показания чувству, а постигаемое мысленно, о страстная, не прямо само по себе познается, но по действиям. Неведомою будучи, о душа, и полностью невидимой, ты правильно познаешься от собственных действий, как познается Бог по им сотворенному. Ведь Бога никто никогда не видел, ибо он невидим существом и природой, но отчасти познается так, как сказано. Ведь что невидимо в нем, то, сказал божественный Павел, путем наблюдения по тварям уразумевается, от заключенной в тварях премудрости Творец-Создатель бывает познаваем, каков он. Все, чему он дает бытие, равно всякий день своего Создателя проповедует. Красота творения и его величественность ясно свидетельствуют о своем Творце. Я тобою, госпожа, оживляема и движима, и от того, как ты мною действуешь и что делаешь, через меня ты познаешься, *какая* ты и что ты есть. Я ныне показываю тебя всем, что ты собой являешь, какова ты на деле, что совершаешь в жизни. Ведь ты владеешь всеми моими частями и органами, ими действуешь и с их помощью все делаешь, сокрыта будучи во мне и заперта. Ты невидима, ибо ты вся и всегда невещественна, помышления и все рассуждения, какие ты имеешь, сокрыты, о госпожа. То, что в тебе, ни ритор, ни философ, ни также геометр, ни враг-колдун, — никто не знает то, доколе ты не воспримешь от меня шестиструнные уста и потребные для голоса мои приспособленья: горло с легкими, гортань с языком, зубы и губы с ними, — и произведешь голос. И лишь тогда становится сокровенное открытым, и известными делаются твои рассуждения. Глядишь ты моими глазами и все видишь, говоришь моим языком, слышишь ушами, обоняешь моими ноздрями, а руками занимаешься ремеслами и всякими художествами от малых и незначительных до самых великих. И без меня никак не можешь ты ничего сделать ни из житейских и телесных дел, ни из духовных. Я всем тебя явила, я прославила тебя. Не хвались моим и столь не заносись. А если хочешь убедиться в том, что правдива моя речь, внимай теперь с умом, и ты легко все постигнешь.

Тебе ведь кажется, что ты большою и красивой помещена во мне и совершенна от самой утробы. Я же, когда рождаюсь, как известно, несовершенным младенцем пребываю, из детей малейшим. И ты тогда сразу ничего не можешь делать: явственно не говоришь, совсем не ходишь, и руками вообще не владеешь, но во всем бездейственной оказываешься. И ждешь ты меня, владычица, твою рабу, — пока мои члены, все части тела, понемногу вырастут, окрепнут и станут, как я сказала, зрелыми в соответствии с моим возрастом. И лишь тогда ты ими можешь действовать как хочешь. А после этого, опять же, если какому-либо из моих членов случится погибнуть, то и против желания, любимая, ты в деле его снова становишься бессильной, не будучи способной то дело делать. Если же мозг мой поражен будет мечом или как-нибудь иначе поврежден будет, слепую ты делаешься, не различающей доброе от недоброго, становясь навсегда полностью бессмысленной и скудоумной, во всем бездельной, как прежде я сказала. Так же, если я потеряю глаза, во мраке пребываю и в бездействии, как и Христос в Евангелиях сказал, хоть и прочие мои все члены целы. Так и ты, прелюбезная, коль скоро ум погубишь. А для ума нужнейшим из всех прочих членов и наилучшим из органов является головной мозг. В нем обитают три умственные силы: память, воображение и мышление. Воображение находит себе место впереди, а память сзади, мышление же в середине головы, конечно же. Старайся хорошо уразуметь, что я говорю: три твои части, ума лишившись, ни на что не нужны, хотя бы все это пребывало здоровым и целым, — я имею в виду способности мышления, ярости и третью, каковой является, владычица моя, влечение, ради которых изначально душа существование приняла, быв со мной создана, — эти твои три умственные стихии. А если мой мозг здоров и цел, то три твои умственные силы, о душа, рождают в тебе четыре родственные им добродетели, четвероконную их упряжку: мышление порождает справедливость и мудрость, влечение — целомудрие, а ярость рождает в тебе мужество. *(Но стоит головному мозгу стать хромым, теряешь все: и справедливость, и мудрость, и мужество, и целомудрие)*, а с ними и умственные силы, о госпожа, — память, воображение и мышление, а с ними и пять твоих чувств, любимая: ум и мысль, представление и воображение, и, наконец, понимание; а также и мои все: зрение, обоняние, слух, вкус и осязание, вселюбимая, — отходят все полностью — и умственное, и чувственное, и мысленное с ними.

И пусть твои три части совершенно здоровы — разум, ярость и влечение, но, однако, бездейственны и неприменимы все три, коль скоро тот не будет здоров, — я о мозге говорю. И если так продлятся дни моей жизни, что восьми десятков лет достигнут или больше, и ослабеют все мои составы, части тела, вместе с чувствами моими, какими ты гордишься, не будет тогда и мышление твоё здоровым и ясным, и то же — если я буду сильно обожжена огнем, потому что разрушится моя сила, а с нею и способность ума мыслить и рассуждать. Ибо если не имеет ум в своем распоряжении здоровый и неповрежденный орган, то ни в чем не сможет показать свое искусное действие. Когда я расту, — он растет, я перестану — и он перестает. Ведь если слаб орган, слабо и

звучание. Я зрю глазами, ты же умом. Коль тот нездрав, погубила ты все. Уразумела ли ты, о душа, то, что немного раньше я тебе сказала, — что без меня ты сама и гроша не стоишь?

Душа: Уразумела, и поняла, и весьма удивилась. В самом деле, как ты сказала, так оно и есть, служанка. Кто же тебя научил, где ты это постигла и откуда это знаешь?

Плоть: Удивляюсь и изумляюсь и, что сказать, не знаю: ты спрашиваешь, как деревенщина! И слышать странно. От чрева матери моей я совсем ничего не знаю. Но с той поры как родилась и в жизнь приведена была, я слышала, что сказано: «Просящий получит, и прилежно ищущий, что хочет, обретает». Вот так и я, о мучительница, ищу и постигаю. Теперь слушай меня, владычица, и внимай.

Аристотель мудрый и с ним Гиппократ говорят, что ум пребывает в сердце. Гален же не соглашается и говорит, что он в головном мозгу. Григорий Нисский не согласен с ними и иначе, чем они, учит, так как называет бестелесное нелокализуемым: нельзя пространством очертить бесплотную природу, и никакими частями тела ум не содержится. Но по всему телу проходя, на всех здоровых органах тела, частях телесных, он осуществляет свое действие. В немощных же остается бездейственным и не может никакого искусного действия произвести.

Как кузнец, что различные орудия для дела и искусства своего ремесленного держит и с ними делает, что ему нравится и что он хочет, — но среди тех, что он имеет, есть два, что всех других потребней, о душа: это наковальня и молот, — без них он ничего не делает. То же и про ум уразумей: если он не имеет сердца и головного мозга, двух этих органов, здоровых и неповрежденных, бездействен пребывает.

Скажу тебе, владычица, и нечто большее и важнейшее. Тем, что ты, душа, — такая светоявленная, и умная, и невещественная, и божественная, обязана тому, что ты во мне бываешь сущей; ведь не в себе ты зачалась, но во мне образовалась. Не будь я создана, не была бы создана и ты со мной. Или ты отдельно и я также отдельно появились? Нет, окаянная, нет, не думай того вовсе. Ведь в единстве создает Создатель нас обеих. Ни тело раньше души и ни душа прежде тела создались и возникли, как то многие считают, но обе разом, ни одна не будучи первожданной и другой не опережая, как я уже сказала. Единовозрастная, ты ровесница мне во всем. Бестелесною душа и бездушным тело не были и не бывают с самого начала, пойми. От

одушевленных — одушевленное и от живых — живое, — живым и одушевленным рождается тело. Вот и оказывается, что человек есть тленное животное.

Душа: Довольно непросто постичь сказанное; невероятен союз нас двоих. Так разъясни же мне значение и смысл речи: если Творец создал обеих нас одновременно, сопряг нас, рабыня, двоих и соединил, почему же ты, смрадная, вдруг отбегаешь от меня, и тотчас разлагаешься, и становишься пылью и прахом, а я не разрушаюсь, но пребываю вечно живой? И тебя без меня нет, я же существую и помимо тебя. Ты без меня жить не можешь, а я без тебя живу.

Плоть: Так послушай, любезная, как обстоит то, о чем ты говоришь. Что я поняла из Писания, то тебе и скажу.

Все, что ни есть, чем-либо движется; и, стало быть, не от самого себя жизнь получает, но явно от чего-то иного, движущего его; и дотеле существует, и живет, и пребывает, доколе имеет в себе действующую силу, — я разумею — ему сопутствующую. Когда же действующее перестает действовать, тогда исчезает и движимое, — по причине отсутствия движущего. А ты, госпожа моя, будучи самодвижущейся, имеешь непрестанное бытие, никогда не исчезаешь; ибо вместе со способностью самодвижения тебе свойственно вечное движение; а тому, чему свойственно вечное движение, свойственна и непрерывность; непрерывное же, вселюбимая, некоторым образом и бесконечно; бесконечное же всегда бессмертно и вечно живо. Я же тленна, и изменчива, и смертна вся; лишь благодаря тебе я и живу, и движусь. После того как оставляешь ты меня, я уже не пребываю, но отхожу тогда в то, из чего была составлена. Так что без тебя я ничто, один зловонный смрад.

Душа: Как же, будучи столь знатной, я была создана вместе с презренным, а не прежде, как великая и большая, а ты была создана не после меня, как меньшая, о рабыня? И каким образом бессмертное было сопряжено со смертным?

Плоть: Хочешь уразуметь то, о чем спрашиваешь? Тогда, госпожа, послушай.

Весь мир был создан ради души, а не душа ради него была создана, любимая. И обычно Зиждителю творить сначала меньшее, большее же напоследок, ибо так и подобает. Поскольку же душа драгоценней всего мира, как сказал Христос, надлежало, чтобы сначала появились поселение ее и жилище, а потом — она сама. Бог создал два мира: вышний и нижний. Вышнему принадлежит мысленное, нижнему же — чувственное. И в вышнем мире создал он ангелов, умных и бесплотных, дух огненосный. В нижнем же — различных животных земных и водных, а также птиц. Подобающим образом и прекрасно создал он все: в мысленном мире — мысленное, я имею в виду всех ангелов; в нижнем же — чувственное, поскольку чувствен и он, всеми видимое и все явленное. И из того и другого сотворил он человека двойственным: небесным и земным, животным смешанным, госпожа, — и вещественным, и невестественным, словесным и одновременно бессловесным, смертным и бессмертным, видимым и невидимым, взяв лучшее из вышнего, из нижнего же — тело, примесив божественную душу к земному. И поместил ее посреди одушевленного и бездушного, как некий образ чувственно-мысленного, чтобы, будучи тому и другому родственным, человек мог наслаждаться всем: божественным — благодаря душе, каковая более божественна, земными же *благами* — благодаря брэнной плоти, чтобы те приносили потребное ей, словно дань. Природа же умственная, точно так, как и ангельская, охраняет его и заботится о его спасении. Божественный ведь апостол учит меня этому: «Не все ли они суть служебные духи, посылаемые, — говорит, — на служение тем, кто имеет наследовать царствие?» Подобным образом говорит и Господь в Евангелиях: «Не презрите, — сказал, — ни одного из малых сих, ибо ангелы их видят каждый день лицо Отца моего небесного». Потому-то прежде он создал мир и все то, что в нем, то есть то, что ты видишь, госпожа.

Мир состоит из четырех стихий великих, которые прежде всего Создатель всего ввел в бытие, из небытия составив; я имею в виду воздух, огонь, землю и воду. Остальное же все, о душа, что посреди них, какое бы оно ни было, малое и великое все, звери и скоты, и змеи, и виды растений, и семена все, и травы всяческие — основание получило в этих четырех. И, как мудрый мастер, он создал все уже из сущего, не как стихии. А когда завершил весь этот мир, сотворил человека, чтобы он обладал миром и царствовал в нем по своей воле и усмотрению. Ведь подобает владеющему являться не раньше владеемого, но позже, чтобы сначала было подготовлено владение, а затем явился и его царь; так же и гостеприимный хозяин приводит приглашенного, душа, не раньше, чем заготовит все снеди, но благолепно весь обед снарядив и все виды пищи приготовив, напоследок вводит гостя. Ведь пастбище — сначала, затем — скоты; стало быть, поскольку, как я сказала выше, сотворенное появилось ради души, так же и тело, — для того, чтобы помогать и служить ей, как отцы говорят и учителя все. Ведь ради чего-то существующее все, что ни есть, менее важно, чем то, ради чего оно существует, как и Христос в Евангелиях учит: «Душа больше пищи», — и справедливо, и опять же: «И тело важнее одежды». Ибо душа появилась не пищи ради, любимая, ни опять же тело одежды ради, но и

то и другое — ради души и тела. Стало быть, как ясно из этого, я могу назвать тело колесницей души. Послушай *еще*, владычица, и будь внимательна к моим словам.

Поскольку двойственным Бог пожелал сотворить человека — из души и тела, — сначала создал он тело из четырех, любимая, стихий мира великих: теплого и холодного, влажного и сухого, — и кровь, и мокроту, и слизь, и желчь сотворил, и взял их, как мастер, за основание, и устроил плоть для служения душе. Душу же потом вдохнул, как и откуда — знает только он сам, и какую — знает он один, — не из стихий этих составленную, как остальное, но от Бога, как мы сказали, и из высшего мира, совершенно невещественную, разумную и бессмертную, причастную высшему и божественному благородию и к нему всячески всегда стремящуюся; с худшим, чем она, связанная телом, подвигом и борьбой с низменным вышнюю славу и пищу наследует она непременно. Ведь испытание добродетели сопряжено с подвигами и трудами, — чтобы то, на что она уповает, не было только Божьим даром,, чтобы она и худшее к себе привлекла и возвысила, избавив понемногу его от тяжести и грузности, тело земное, и научила хорошо служанку-материю, и присвоила Богу товарищей той по рабству. Я имею в виду вещественную плоть, происходящую из нижнего мира, и душу уподобляю владычице, плоть же — рабе для прислуживания душе и угождения ей.

Вот, госпожа, я *сказала* тебе, почему ты, славная и великая, ни с чем не сравнимая, не была создана первой и почему, будучи бессмертной, ты сопряжена со смертным.

Душа: Истинны твои слова, и все их я приемлю, во всем тебе поверила, разве только одно, из того, что ты сказала, неверно, о рабыня. Ибо чуть раньше ты сказала, что сращены мы обе, а сейчас говоришь, что душа после появилась, а *сначала тело*. Так как же было в действительности то, о чем ты говоришь?

Плоть: О том, как было в действительности, послушай теперь, добрая, что я скажу. И как в ином не лгала, так и в этом не солгу.

Тела праотцев наших, о душа, Адама и Евы, богозданные, богосотворенные, без семени были созданы и помимо соития. Мужское — из праха, женское же — из его ребра. Разумей, душа моя, разумей: недвижимой и бездушной Адамова плоть сначала была создана и лишь после одушевлена. Поскольку же не сохранил он заповедь Создателя

из-за обмана и зависти дьявола, потерял то, что было создано сначала, и оделся в это кожаное, — увы мне, — смертное, тленное, изменчивое и полное смрада. Потому выселены они были из рая и прокляты как преступники. И Ева услышала: «В печалях будешь рожать детей». И после того рождаемое обязательно пребывает во чреве и без семени не зарождается. И вот семя и зачатие с тех пор и доныне, и соитие мерзкое — для того именно, чтобы появились одушевленные тела, мужские и женские. И Адам, будучи одушевлен, одушевленное посеял семя во чреве праматери, тоже одушевленной, и зачал целиком одушевленного *Каина*, плоть и душу разом зачав, госпожа. Подобным образом и прочие люди доныне: одушевленный человек одушевленное сеет семя в утробе женской, как незадолго до этого я сказала тебе, и растут и те и другие и множатся — души и тела — вплоть до конца света, из рода в род, как видишь, госпожа.

Душа: Непонятное ты мне объяснила. Чтобы я не сомневалась больше, скажи мне, служительница, и научи меня вот чему. Поскольку ты уподобила душу госпоже, плоть же рабыне, и подручнице ее, кто повинен, скажи мне, в грехопадении первозданных людей, которое некогда они совершили в раю: словесная способность души или бессловесная сила тела? Хотела бы я понять, кто первый согрешил.

Плоть: Интересующее тебя, владычица, выше меня, трудно для постижения, трудно для уразумения, непостижимо совершенно. Но, однако, поскольку я немного знаю Писание, что сама поняла, то и расскажу тебе, госпожа, а ты послушай, любезная моя, немного о том, что тебя интересует.

Словесная душа была с самого начала вооружена Богом для содействия ей двумя видами сильного оружия: яростностью и влечением. Она же, будучи вооружена ими для содействия ей, во зло использовала их в тот час, когда начинатель зла, змей, сказал обманные слова, ложью исполненные: «Богамы станете тотчас, если вкусите от дерева». Ведь услышав про обожение, женщина прельстилась и, помыслив, дурно рассудила, что о хорошем обожении идет здесь речь. Также и другая способность — имею в виду влечение — извратилась и та: вожелела плода дерева, — сладости, во-первых, и затем тщеславия, ибо дерево показалось ей красивым, а плоды его в высшей степени пригодными для еды, а обожение — наилучшим из всего. Эти две причины, владычица, способствовав обману Евы, и Адама ввели в обман так же, как и ее. Так они, насладившись дурно, предали истинное, обманувшись, увы! Но ведь и другое — я имею в виду способность к ярости, не использовал он подобающим образом, ибо не прогневался на врага и не воспротивился ему мужественно, чтобы не покориться ему и не послушаться его. Ясно, что радость и надежда от услышанного ослепили его ум, имею в виду душевное око, и, надеясь на обожение, он

внезапно пал. Здесь внимай, душа, и увидь страдание великое, пагубное и тяжелое, и силу, какую оно имеет. Как можно посягать на небо! Ужаснись, душа моя, ужаснись! Оттуда ведь Бог сверг некогда Люцифера, тщеславия я имею в виду прародителя, — увы мне, — и питателя, как написано, гордости, из-за которой он и отпал. Посмеялся тот и над ними. И обрати здесь внимание, владычица, на пагубность страсти — ведь ее раб восстает на Бога, Божьего же супостата имеет лукавым союзником и другом. Поскольку Бог гордым противится, и этому первому из них он быстро воспротивился.

Душа: Из того, что ты сказала, следует, что тело было обижено: раз согрешение было душевным, почему наказание — телу? Оно ведь тотчас стало изменчивым и подверженным страданиям, многострастным и гниющим, многоболезненным весьма, тленным и смертным, и, как видишь, гораздо худшим. Душа же пребывает какой была и прежде того — совершенно невещественной, умственной и бессмертной, рабыня, ибо никак не пострадала, хотя и была смерти достойна.

Плоть: Так слушай, владычица, и разумей, что тогда случилось. Вся кара, добрейшая, как и подобало, коснулась не тела, но именно души, хотя на первый взгляд и кажется, что она ничего плохого не претерпела. Послушай притчу, и ты поймешь.

Некогда один царь купил себе у жестокого, строптивого и лукавого хозяина раба — убогого и нагого, безобразного на вид, высохшего и отощавшего, весьма исхудалого, страдальца и горемыку, совершенно непотребного, всего в струпьях, в коросте, обессиленного от ран, голода и тяжких страданий; и очистил его от всяческой скверны, *облек* его в светлую и мягкую одежду, сделал его князем великим и славным, подарил ему и имения, и имущество, и богатство, и сделал его первым в своем дворце. Тот же, злейший неблагодарный раб, вскоре устроил заговор против царя, на царство его вступить захотев. Царь же лишил его имения и богатства, снял и одеяния, пояс и все цветные одежды окаянного того, и в рубище преветхое и рваное все, худое, и непотребное, и истлевшее совершенно облек наветника несчастного этого, и прогнал его далеко от дворца в пустое, и ненаселенное, и непрохожее место, чтобы был тот там до конца жизни. И продержится его рубище то ветхое или семь, или восемь, или десять лет, а затем рассыплется окончательно, и с тех пор будет ходить он нагим, как и родился, до самого конца жизни, пока не вынужден будет с нею расстаться.

Спрашиваю тебя, превысокая, кто претерпел мучения и казнь принял за то согрешение: раб ли лукавый, как виновный, будучи обнажен и лишившись богатства и славы, как существо самовластвующее собой и словесное, или же имущества те и богатство его, бездушная, бесчувственная и неподвижная материя?

Душа: Ясно, рабыня моя, — конечно, человек, хотя царь тот вовсе его не поранил, ни страданий ему не причинил, однако же перенес он тяжелое мучение.

Плоть: Спрашиваю тебя, — ты же ответь мне, госпожа моя, на это: суд царев праведным ли был или нет, когда изгнал он того из царских дворцов?

Душа: Конечно, рабыня, вполне праведным. Если бы не был тот царь добрым и кротким, он лишил бы его глаз, а не только на имущества излил бы гнев, и казни предал бы заговорщика-раба.

Плоть: Хорошо ты ответила мне, госпожа моя, на это. То же разумею, любимая, и о душе и теле. Поскольку не захотела душа пребывать такой, какой была создана, но тут же забыла о благородстве своем и внутри пределов своих не пожелала оставаться, и мир этот, который ты видишь, иметь как свою долю, но наслаждение, радость и веселие, даже обожение самое захотела получить и равной в чести быть Богу; справедливо Бог совершил суд, и то тело, каким он сначала облек ту, обрадованную, богозданное и чудесное, совлек, как с согрешившей: чтобы как-нибудь вновь не согрешила.

Хочешь узнать о природе и красоте тела того — каковы и какой меры, — звездам подобным было оно и луне, ибо нагое не нуждалось ни в одеждах, ни в покрове, но как солнце само своей наготой украшается ныне, так же и оно оставлено было естественным *благообразием украшаться*. Совлек он с нее то тело и облек ее в мерзкое, и гнусное, и скверное это; не изменил он, однако, самой его земной сущности, но переменял изначальную природу и из Эдема изгнал его тотчас, и запретил ему прикасаться к дереву жизни и его плоду, — жалея его, не отказывая, ни в коем случае, в жизни бессмертной, но наилучшим образом удерживая устремленность ко греху. Смерть, таким образом, не мезтью оказывается, но врачеванием наилучшим и скорее спасением, устройением, державная, премудрости исполненным, так как в большой мере удерживает устремление ко греху, ибо умерший, говорят, уже за него наказан. *Итак*, рабствует оно душе, насколько силу

имеет: или десять, или двадцать, или пятьдесят лет, или, если долго, дважды столько, — а затем разрушается, подвергается тлению и распадается на четыре те составные части, из которых Богом было составлено; из земли исшедшее снова уходит в землю, по слову его.

Ты же, госпожа моя, нагой оставлена, будучи одинокой совершенно, не имея тела, которое тебя здесь содержало и сожителем имело, — а скорее, ты содержишь его, и образуешь, и имеешь — тотчас восходишь в свою область: если хорошо сохранила то, что у тебя по образу Божию, неоскверненным и чистым в настоящей жизни, то как умственная — к умственным, как и нематериальная — к нематериальным, к своим, имею в виду, родственникам, ангелам святым, светозарным и светлым, в вышний мир. Если душа светла, со светлыми сочетается тут же; будучи от вышних, восходит вверх и радости исполняется. Если же она погрязла и помрачилась вся в страстях пагубных и нечистых, то к темным и мрачным ангелам причисляется; будучи темной — к темным и лицами мрачным, так как их она выполняла желания и дела. От дел своих душа получает образ и каждая является такой, какова она есть: дела света делают светлыми и светносными, дела же тьмы черными и мрачными. Душа ведь, госпожа моя, с телом воспитана, ко всему видимому и чувственному прилепившись, ничего бестелесного никогда не видит, пока привязана к этой земной плоти; когда же она совлечет ее, видит без помех.

Вот тебе смысл этой притчи. Если же тебе кажется, что нами здесь сказанное выражено неподобающим образом, ибо я говорила притчей, поинтересуйся тем, что такое притча, и знай, госпожа, что притча не во всем в равной мере точна; иначе она и не была бы притчей, но скорее тождеством.

Душа: А что в человеке, рабыня, скажи мне, имеет, насколько это возможно, образ Божий и подобие его, ты говоришь? Что он имел в виду — тело это тленное или же душу? Моисей сказал, что человек первозданный был создан по образу Божию. А можно ли назвать человеком бездушное тело? И опять же, можно ли назвать так словесную силу души, если не будет тела у человека совершенно? Сказал ведь, кажется, Моисей в Книге Бытия так: «И создал Бог человека из праха земного». Это он о теле человеческом *сказал*, рабыня. «И затем вдунул в лицо ему дыхание жизни, — как он пишет, — словесное и божественное, и стал человек душою живою тогда». То, что по образу, рабыня моя, в чем оно находится — в плоти ли, служительница, или в самой душе?

Плоть: Послушай, госпожа моя, здесь изречение Павлово и уразумеешь искомое из него: «Насколько внешний наш человек истлевет, настолько внутренний больше обновляется». Двух соединенных человек упоминая, он называет так, внутренним и внешним человеком, душу и тело, обоих. Но ведь по-настоящему-то человеком душа называется. Не смотри, душа моя, на внешнего человека и не обманывайся относительно его сути, ибо это лишь покрывало и одежда той. А что касается образа и подобия, относится к душе. Не думай, госпожа моя, что человеком называется это тленное тело, человек внешний. Но когда слышишь Писание, говорящее: «Сотворим человека по образу Своему», — то внутреннего подразумевай человека, душевное существо, которое не явлено, но сокровенно, и невидимо, и незримо по природе. Больше правды в том, что мы преимущественно внутренней жизнью живем. Ибо ко внутреннему человеку более «я» относится, под внешним же — не «я», но «мое» подразумевай. Не рука ведь «я», стало быть, и не нога «я», опять же, но «я» — это, конечно же, разумность души. Рука же, и нога, и прочие части человеческого тела суть члены. В соответствии с этим тело есть орудие, колесница и союзник души человеческой. Воистину же человеком душа называется. А разум — господин страстей и владыка. Мы знаем, что она должна быть покорной владыке и пребывать в стяжании смысла, при помощи истиннейшей части ума ее и посредством мудрости, которую Бог тому даровал.

Походит ведь некоторым образом ум человеческий на Бога, ибо во мгновение обходит он все и охватывает — и запад, и восток, и юг, и север, и то, что под землей, и что на небесах, и то, куда нет входа, — но не существом своим — вовсе этого не подумай, — а представлением только мысленным, госпожа. Одному ведь Богу с его существом и естеством, а также премудростью и силой свойственна неописуемость, превышающая всякую природу. То, что по образу, владычица, обозначает властвующее. Как никого нет на небесах выше Бога, Творца всех, видимых и невидимых, так никого на земле нет выше человека. И как Бог владычествует всем, так и тебе подчинил бессловесных животных, чтобы мы вкупе всеми владели и над всеми скотами и зверями господствовали — над птицами также, и змеями, и рыбами, и всем живым, что поместил Бог в этот мир. Вот что у нас, как показано, по образу Божию.

А то, что по подобию, — то мы осуществляем в зависимости от желания нашего и произволения, путем уподобления возводясь к нему. Дал он нам, вложив, возможность уподобиться ему. И оставил нашему произволению, быть ли нам по своей воле и желанию создателями его, госпожа моя, подобия, чтобы это и было венцом нашего труда, платой за работу. Внимай, душа, и разумей: чтобы именно твоим был успех, а не чужим, тебе предоставил он это, быть по его подобию, о чем и сказал: «Будьте совершенны, как совершенен Отец ваш небесный» и Владыка, ибо солнце его сияет на всех, на злых и на добрых, и мочит дождь тоже так же. И если ты, госпожа моя, ненавистницей зла будешь,

незлопамятной, кроткой, братолюбивой и милостивой, то Богу уподобишься. То, что по образу Бог даровал тебе, — иметь разум и власть, а также свободу своей воли, госпожа. Бываешь и подобной — благостью, если захочешь. Ведь если бы по подобию тебя Бог сотворил, на что тебе благодать, о страстная? За что венчалась бы? Царство небесное как открылось бы тебе? Прекрасно для души спастись за подвиги и труды, получив спасение как долг и награду, а не как подарок и милостыню, подобно неразумному и ленивому рабу.

Душа: Хорошо и это ты сказала, и больше я не сомневаюсь. Однако вот что еще скажи мне, рабыня: тело праотца Адама, объясни мне, каким было создано — тленным или нетленным, смертным или же нет?

Плоть: И об этом, владычица, скажем тебе, что знаем: ни тленным, ни нетленным, и не бессмертным. Ибо он создал его между тлением и нетлением, между смертностью и бессмертием. Чтобы, если решит душа его добрая и сладкая, бессмертным оно стало через добрые дела, как и разъяснено уже в сказанном выше слове. А если же телесным страстям предастся тленным и смертным будет, как с ним и случилось. Ведь если бы смертным Бог сотворил его, не осудил бы на смерть согрешившего, ибо смертному смертность никто не присуждает. А если бы бессмертным, не нуждался бы он в пище телесной, тленной и погибающей и не покаялся бы в содеянном, и смертным не сделал бы тем самым бессмертное. Ибо не видно, чтобы так поступил Бог и Владыка с согрешившими ангелами, ведь имеют они первоначальную свою природу, оставшись бессмертными, хотя и не светносными, и вынужденными, стало быть, ожидать за согрешение наказания.

Душа: Долго мы беседуем, рабыня, спорим, но в хорошем смысле слова, можно сказать, по-дружески, не враждебно нисколько, скорее приятельски. Итак, вопросы мои ты хорошо разрешила. А теперь скажи-ка мне о том, о чем вначале я тебя спрашивала, чтобы не забыть нам как-нибудь и не упустить этого. А кроме того, прости мне прежде сказанное.

Плоть: А о чем вопрос твой — я забыла.

Душа: Я спрашивала, рабыня моя, соупряжница и подруга, где почивают души праведных, а также и грешных, и где пребывают они до всеобщего воскресения и Христова пришествия.

Плоть: Если хочешь узнать то, о чем, госпожа, спросила, слушай меня теперь вдумчиво, узнаешь и это.

Как Писание учит меня, на небе находится место, где покоится всякая душа праведная. Названий же у него много, ибо и страной живых оно называется, и землей кротких, и празднующих воспеванием, и сенью праведных, и пищи потоком, наполненным бессмертия. Послушай и убедись словами Павловыми, написанными им в Коринфе и в Филиппах: «Ибо знаем, знаем, — сказал, — что, когда тела нашего этот земной дом разрушится, мы имеем дом нерукотворный на небесах от Бога, вечный и лучший». Потому, от тела отходя, мы надеемся войти к Христу. Это и есть любочестие. Хорошо взывал Павел, с дерзновением: «Желание у меня есть, — сказал, — разрешиться и со Христом моим и Богом на небесах быть». И раньше Павла так сказал Соломон: «Души праведных в руке Бога и Владыки на небесах пребывают и находятся в мире». И Иоанн Дамаскин подобное же говорит: «Души ваши, — сказал, — на небесах в руке Бога живого, и его воспевайте с ангелами, потому что с земли преставитесь на небеса со славою». Имею и других свидетелей, душа моя, вернейших и вполне согласных с тремя уже приведенными.

Душа: А как они зовутся и из какой страны, скажи.

Плоть: Назианзин Григорий, Василий Великий, Златоустый во всем Иоанн и всебожественный лик отеческий — все говорят, что на небесах находятся души праведных и что место они занимают и число восполняют, погибельно отпавшего ангельского множества во главе с первым из них злейшим отступником — чтобы наполнился вышний мир. Как и Григорий Богослов говорит: «Когда наполнится вышний мир, ожидай окончания настоящего века». Все ведь явственно об этом свидетельствуют. Главой же всех нас является и именуется, и первым из мертвых воскрес, и первенцем, душа, или первородным и первым среди других братьев является Христос, второй Адам; по причине крайней доброты и «предтеча за нас», по выражению Павла, на небеса он взошел к своему Отцу и сел от него по правую руку, госпожа. А ведь где голова, туда вскоре последует и прочее все тело. Ибо завершение головы — тело, завершение тела — голова. И ни телу невозможно без головы быть, ни также голове без тела.

Ныне же возносятся лишь души всех спасаемых, владычица, святых и праведных, к своей голове, то есть ко Христу. О чудо! По воскресении же — взойдут и с телами. О чудо славы Христовой и чести, душа моя, и человеколюбия его и благ всех, которые все мы восприняли и с самого начала, будучи созданы, и напоследок вновь по благодати его получили! Итак, душа моя, веруй: свидетельства эти истинны, надежны и

заслуживают доверия. Сказано же это было о душах праведных, очистившихся от всей лютой злобы.

Если же и о грешных душах узнать хочешь и где они затворяются и находятся, о душа моя, и о них от Писания отвечу тебе. Под всей землей внизу они пребывают, госпожа. Слушай и рыдай, пока не кончилась здешняя жизнь: сенью смертною *Давид*, преисподним рвом, адом то место назвал, почему и взывает: «Ты вывел из ада душу мою», надолго не оставил ее там пребывать. Об аде ведь и Иов, плача, говорил: «Земля темная и мрачная, и вечная тьма, жизни человеческой там не видно, ибо света там нет». Ад ведь есть место нижайшее из нижних преисподних, мрачных и мучительных по природе мест, куда сошел Христос и, захватив души, содержащиеся там изначально, начиная с первозданного, вышел победителем. Прекрасно, Христос мой благой!

Но о будущем слушай и вострепещи прежде конца: во второе пришествие Христово и явление при общем воскресении выйдут все они из ада; каждый свое восприимет тело и вновь возвратится в ад, увя мне, как сказал Песнопевец о них: «Тогда да возвратятся, — сказал, — грешники в ад». Слова «да возвратятся» показывают, откуда они вышли. И с тех пор будет им еще хуже и горше, тяжелее и больнее, будут мучиться и рыдать, сетовать и плакать безнадежно, душа моя, вечно и бесконечно. Пощади, Христос мой, пощади!

Тогда ты, душа, отойдешь к своему телу, с которым незадолго до того рассталась, к брэнной плоти, чтобы войти в нее, как учит Писание. И ты видишь его все смердящим и скверным, гнусным и мерзким и сгнившим до конца. И, таким его видя, отвращаешься с неприязнью, но под ударами грозных ангелов, увя мне, немилосердными, беспощадными, наносимыми с большой суровостью, вновь в него входишь, душа, поневоле.

Но не таковы суть тела праведных, но как сверкающий бисер сияют они со славой, словно солнце, и даже ярче него. Если же ты, о душа, не веришь моему рассказу о воскресении, я приведу тебе надежных свидетелей, которым поверь.

Душа: А кто они, какого племени и народа?

Плоть: Во-первых, Иезекииль и Исая, затем Давид-праотец и Песнопевец он же, прежде Христа бывшие избранные и великие пророки; а после них также и Христос делами уверяет, ведь он первый из мертвых воскрес, как учит меня Евангельское Писание; и Павел учит всю вселенную, и коринфянам о воскресении пишет: «Пав в землю, это вещественное тело в немощи и тлении и бездушным в гробе сгнивая и разрушаясь и в ничто превращаясь, встает нетленным и духовным в славе, бессмертным, вечно живущим и обрадованным». Скажу тебе и притчу, которую он сказал: как одно зерно, нагое, в землю упав и сгнив, не нагим встает, каким оно пало, и одним лишь зерном, но весьма благородно одетым в стебель, листья, коленца, колосья и иное, и приносит зерна во множестве и прекрасные видом, — подобным тому представляй себе и тогдашнее воскресение всех людей, малых и великих.

Послушай и удивись Божьему устройению: тогда ни высоких, ни низких не будет, ни черных, ни белых, ни тонких, ни толстых, ни русских, ни рыжих, ни кудрявых там не будет, ни хромых, ни сухоруких, ни бесноватых, ни одноногих, одноглазых, одноруких, ни также прокаженных, согбенных, слепых, горбатых, картавых, косноязычных, шепелявых, ни мудрых, ни глупых, ни старых, ни юных, ни рабов, ни свободных, ни варваров, ни скифов. Не думай, что каким умер, таким и воскреснет человек, но — каким первозданный Богом был создан и каким был изначально, прежде послушания. Там не будет ни мужчин, ни женщин, ни детородных органов мужских и женских для соития блудного и скверного, никаких! Но — иное все, совсем иное, что знает один Бог, бессмертное, вечно живое и нетленное, непричастное печали и скорби, всяких хлопот и забот, с жизнью связанных. Брака вовсе не будет по воскресении; не будут тогда выходить замуж по причине отсутствия влечения; естества женского не будет никакого, но также и скопцов не будет; ни желания телесного, ни помысла блудного; и ни бесов там, ни брани, ни свары, но все — словно ангелы Божий. Христос ведь это некогда сказал саддукеям.

И также еще не умершие и погребеньем не скрытые, но в жизни вращающиеся, малые и великие, все мгновенно изменятся тогда. Будут же все в одном возрасте, как прежде я сказала тебе, совершенно нагими и открытыми. Наготу же их, госпожа моя, и открытость по подобию жертвенных ягнят разумеи, приводимых на заклание Богу. Ведь как с тех кожа сдирается для испытания сокрытых внутри них костей и мозга, так же и деяния каждого объявляются. Что касается различья, пойми следующее: это не будет отъяти-ем самого существа, но смертности утратой и прекращением и от тления избавлением. Ведь эта смерть тела не губит, но тление его разоряет. Существо же, добрейшая, пребывает и остается, со славой множайшей вставая тогда. Но не обо всех, владычица, я говорила. Это воскресение общее для всех будет; воскресение же, душа, со славой будет лишь для праведно

поживших, ибо они пробудятся для воскресения жизни; зло же соделавшие — для суда мучительного.

Душа: Не вызывает сомнений речь твоя, всю ее принимаю, во всем тебе поверила, кроме одного только того, о чем, как ты слышишь, Писание ясно гласит. Ведь когда Христос сошел в ад, чтобы души все освободить, там пребывающие, он освободил всех начиная с Адама и прочих по порядку. Ты же, о рабыня, сказала теперь, что там находятся души всех грешников и нечестивых. Но если он тех изъял из утробы адовой, то где же тут благодать, если они вновь, как осужденные, находятся под адом? Значит, несогласие с Писанием я нахожу у тебя и предполагаю, что ты, рабыня, неправа.

Плоть: Послушай же меня, владычица, и пойми теперь и Писание, и истину, которую я тебе скажу с помощью притчи.

Существует, положим, некий мучитель, злодей и отступник, бежавший некогда от царя и ушедший далеко, в какое ему понравилось место, и там выстроил город, высокий и великий, стенами отовсюду хорошо защищенный. Посреди же его он выкопал глубокую и великую яму, глубиной даже до дна земного и больше, в ширину же шире всех широт, злосмрадную, мрачнейшую и очень темную, и сторожей всяческих там он поставил смраднейших, увы мне, весьма зловонных. И после этого, правильно пойми меня, злобная враждебность на все земли распространилась; собрал он многих зверей и ядовитых гадов, змей, пресмыкающихся, скорпионов и ехидн и прочих всех тварей такого рода, и запер их в мрачнейшей яме, чтобы мучить, конечно, людей, которых он хотел туда заключать. Ни луны, ни звезд, ни солнца там нет, я имею в виду в городе вражьем, лишь мгла густая. Вблизи же этого города путь был торный, и иной дороги не было, какой можно было бы пройти в весь мир. Этим путем шли все племена и народы, как враги царя, так и его друзья. И вот все они приходили, того не желая, в руки отступника и врага, и малые и великие, и он всех их одолевал и всеми овладевал. Пользуясь силой рук, мощью и своим могуществом, связывая руки и ноги им, он страшно лютовал и обращал их в заключенных и темницу наполнил темную ту всю. Не стерпев же несправедливости этой, царь не оставил надолго людей выносить страдания и послал туда сына своего, говоря: «Пойди и скорее освободи людей наших всех из рук обманщика и отступника». Тот же, придя и схватив противника, все ему сокрушил — и кости, и жилы и оставил его полумертвым и бездейственным, вырвал глаза у него и глазницы; запоры и ворота поверг, и засовы сломал, и освободил всех как победитель и хозяин добычи, — разом и врагов, и друзей, — из преисподни их всех вывел наверх из глубины, и от крепких уз освободил всех, и по лицу земли ходить им предоставил. А после этого, смотри, он принял прекраснейшее решение: избрал верных друзей отца своего и, взяв их,

ушел к своему отцу в прекрасный и чудесный его дворец, — чтобы те были всегда с цесарем и веселились вместе с ним вовеки. Врагов же и нечестивцев он оставил там, пока отец не решит, что им подобает, и не вынесет он суд справедливый о них.

Как ты на это смотришь, госпожа моя: не получили ли и те тогда некоторого благодеяния, — нечестивых я имею в виду и врагов цесаревых, или же ты не думаешь, что было для них совершенно благодеяние? Как тебе кажется? Я же считаю, что благом великим было то, что мучитель был схвачен и связан противник узами нерасторжимыми, и что глаз был лишен, а из бездн земных были выведены те, и из темниц мрачных, из уз и запоров, от смрадного зловония и гадов ядовитых, — от всех этих зол освобождены и что было им предоставлено свободно ходить повсюду, ибо не стало тюремщика и его слуг, так как враг погиб со всем своим воинством, быв побежден.

Хоть и слышала ты, что в аду находятся души, но они не так пребывают, как прежде, не в страданиях тяжелых, не в нуждах, ведь нет, не в узах нерасторжимых, но в частичном послаблении и в некотором покое. Мне это представляется великим благодеянием. Все ли ты поняла из сказанного или и еще сомневаешься?

Душа: Уразумела и поняла я, правду ты говоришь. Всех он облагодетельствовал по правому суду: врагов меньше, друзей больше. И благодать эту великой называют все добромыслящие, и она весьма велика.

Плоть: Госпожа моя, как же ты поняла рассказанную мной загадку? Хочу узнать, хорошо ли ты сказанное уразумела.

Душа: Слушай, служительница, теперь ее отгадку. Отступник — это падший Люцифер, город же, который он построил, — ад; как я думаю, яма глубочайшая и темница его — это, служительница, чрево адово, торный же путь — это жизнь, которой мы идем, малые и великие вместе; мучительство же вражеское и разбойничество его — смерть, как представляется, которая похищает всех и в лютый ад посылает тотчас же; а находящиеся во рву гады и лютые звери, как я думаю, — тамошнее нестерпимое страдание; царь же — Бог, а сын его, избавитель рода человеческого, — это Христос; друзья — праведники, а нечестивые — враги его и грешники, полагаю; прекрасный же дворец и веселье в нем, и радость непрестанная — это Царство Небесное.

Плоть: Хорошо и весьма разумно поняла ты сказанное мною, госпожа моя и владычица, слава Христу моему! Но знай, что притча не во всем точна и не должна восприниматься буквально. Иначе это не притча была бы, как мы сказали, но скорее тождество. «Возлеги, уснул, как лев», — слышала ты патриарха, говорящего о Христе, госпожа. И еще в другом месте: «Встречу их, — сказал, — как медведь страшнейший, голодный весьма». Разве применимо зверям присущее все здесь ко Христу? Нет ведь, владычица моя. Но подобает, нужное взяв, что подходит, прочее все оставить, пройдя мимо него. Выберем здесь страх, который внушает лев, его царственность, и только мучение от медведя, а не что-либо иное из того, что им свойственно. Так же и к другим притчам относись. Послушай, госпожа моя: у меня здесь есть и еще один муж святой и премудрый — знаменитый Иоанн Мансур Дамаскин, — и ты еще больше уверишься. Ибо он более точно о том, что там будет, учит прекрасно и открыто для всех. И послушай, что он сказал здесь некоторым образом в стихах:

«Не просто ведь всех спас живодавец Христос, сойдя в ад, но сказано, что и там — уверовавших, каковы суть отцы, пророки, судьи, цари, а с ними и поместные князья, и некоторые другие бесчисленные из народа еврейского и известные всем. Мы же вот что скажем по этому поводу тем, кто находится здесь: не дар, не богатство, не слава, и не нечто удивительное и невероятное — то, что Христос спас прежде уверовавших, потому что он один судия праведный, и всякий, в него поверивший, не погибнет. Подобало ведь всем им спастись и от адовых уз разрешиться схождением Бога и Владыки, что и произошло по его промыслу. А кто по причине его человеколюбия спасся при этом, как и те, провели честную жизнь и всякие добрые дела совершали, строго живя, воздержанно и целомудренно, веры же истинной и божественной не достигли, не просвещены будучи вовсе, и совершенно ненаученными оставшись. Этих всех людей обо всех заботящийся Владыка привлек, и уловил мережами божественными, и склонил их веровать в него, воссияв на них божественными лучами и показав им свет истины; не захотел он, милостивый по естеству, чтобы вотще их труды *были, ибо* они избрали труднейшую жизнь, мучительную и невыразимо скудную, быв самодержцами своих страстей и сласти выплевая, вместе с тем и к нестяжанию всякому прилежа, воздержанию со бдением также, и всякому вообще доблестному жительству, хотя и не будучи благочестивыми, но тем не менее высший промысел, как им казалось, наилучшим образом почитая, пусть ошибочно. Есть же некоторые, кто поверхностно и смутно постигли божественную славу всемогущей Троицы, но не прославили ее однако. Иные же предсказали воплощение Слова, страсти его честные и воскресение. Другие же — рождество от Девы, имя ее предсказав, — Мария, ибо, сказали, имя отроковицы. Опять же некоторые предначертали все сверхъестественные Христовы чудотворения с мертвыми и слепыми, косноязычными, прокаженными, глухими, лихорадочными, водяночными, а также сухорукими, и по морю хождение, затем хлебов благословение и рыб, превращение также воды

в вино, кровоточивой и согбенной выздоровление предсказав со многим иным. Божественная сила Слова не сдержалась, чтобы пройти мимо таковых погибающих и дать погибнуть делам наилучших. Ибо занятое у них, как мы сказали, с окончанием времени не уничтожается, но, будучи сохранено, возвращается всем хорошо пожившим с лихвою. А те, кто не жил праведной жизнью, семени или плода никакого не стяжали, от дождя божественного, с неба на них пролившегося, вовсе не возросли, ибо, как я прежде говорила, не посеяли они семя и, когда воссияло солнце славы, не созрели, будучи совершенно бесплодными. Таковым не принес Христос пользы вовсе, не совоздвиг их, думаю, видя падшими, потому что они вовсе не достойны спасения, так как не поверили ему, как мне кажется. Ибо ослепил их помыслы и очи сердечные, увы мне, тьмы сгусток, первый змей, которому они служили с самого начала, чтобы, видя, они не видели по правде и не понимали ее ничуть. Другие же все, семя имеющие, созрели, когда появилось солнце, и выросли, когда прошел дождь. Тех спас, как мне кажется, Христос мой, когда сошел в ад добровольно».

Душа: Все хорошо сказала ты мне, учительница и рабыня, и правильно, и ясно. И не противоречу я совершенно, но имею еще вопрос, недоумение большое. Скажи мне и об этом ясно, если можешь сказать.

Плоть: Да что это такое и каково, скажи.

Душа: Как, оставив тленным, а найдя нетленным, тело свое душа узнает? Ибо то, что она оставила, или слепо и без глаз, или же глухо и немо, другое же скудоумно, оскотвлено же иное, и тонко, и сухощаво, и толсто, полно и тучно же, брюхато другое, другое же без бороды, космато опять же другое; иное также женского пола, черно иное и мрачно, бело опять же другое; без рук и ног остались также иные, и младенцы иные несовершеннолетние и маленькие очень, и старцы; и иные — сгнившие сильно, и черноволосы другие, иные же светлы. При воскресении же, как ты говоришь и учишь меня, рабыня, тело одно от другого происшедшее, как прежде сказала мне, по подобию Адамову, — как опознается то, не имеющее ни прежних признаков, ни вида, ни размера?

Плоть: Послушай, госпожа моя, об этом странном деле. Тогда не ищи обычного порядка естественного соответствия, но выше естества все вообрази и представь. В этой ведь жизни все такое, какого в будущем ничего не будет. Но промыслом Божиим и желанием его знамение будет дано, и опознают все до одной души свои тела, с них совлеченные, — как овца узнает своих ягнят, и сосунки-детеныши своих матерей не по виду и не по иному чему-нибудь, но обонянием только

одним опознают их. А ведь много схожих ягнят бывает, и множество их существует. Видел я многократно, как мать взбиралась и спускалась многое множество раз, своего ягненка среди ягнят разыскивая, и к ней подходили многие из ягнят, — но она никого не подпускала и не кормила ни одного, всех обнюхивая, проходя мимо всех, пока сама не найдет своего собственного ягненка. Подобно этому произойдет опознание душами своих тел, которое будет тогда. Промыслом Христа моего в будущем будет дано от него знамение. Я же его не знаю, — он один только знает. Поскольку душа умственна, умственным будет и то; поскольку ж она бестелесна, и оно бестелесно, не чувственно, не материально, каково все сущее здесь. Подобным ведь образом и родные, и друзья своих друзей, и незнакомые друг друга узнают тогда, как притча тебе, госпожа, показала. И пусть никто не думает вовсе, что не все и не всех узнают тогда на страшном этом соборе, душа моя; да, каждый узнает там близкого своего, — не по телесным образу и признакам, но оком душевным проницательным.

Душа: Да откуда это известно? Прошу тебя, рабыня, представить свидетеля в подтверждение этих слов. Ибо я тебе как рабыне не верю и сомневаюсь в том, о чем ты говоришь.

Плоть: Послушай же, госпожа моя, во-первых, Христа моего, ясно учащего в Евангелиях, что узнал богатый Лазаря одного на ложе Авраамовом сидящего, также и Авраама, великого патриарха; а кроме того, в другом месте он сказал иудеям: Авраама увидите, и *Исаака* тогда, и *Иакова*, и всех пророков также в царствии Божиим, себя же — изгнанными далеко вне его. И пусть никто не думает и не говорит, что это только притча и что смысл ее нельзя понимать буквально, ибо божественные притчи Спасовы, любимая, заключают истинные образы вещей настоящих, возможных, необманчивых и явных.

Душа: Это — наивернейший и наилучший свидетель. Есть ли и иной кто-нибудь, с ним согласный и то же говорящий об этом?

Плоть: Есть, госпожа моя, многие, но не могу всех их теперь приводить изречения, ибо ленюсь их все писать. Однако три, и четыре, и пять могу представить тебе и высказывание каждого здесь напишу.

Иоанн Златоуст так говорит: «Не только ведь здесь знакомых нам мы узнаем, но и тех, кого никогда не видели в лицо: Авраама, Исаака, Иакова и всех праотцов, отцов, и дедов, и прадедов, пророков, апостолов и мучеников». Душа моя, увидев их, узнаешь ты всех их тотчас же на

торжище том великом. Также и Василий Великий, обращаясь к лихоимцам, сказал подобное этому: «Не представишь ли пред глазами своими Христово судище, когда тебя окружают, представ внезапно, и близкие, и далекие, и малые, и великие, обиженные тобою, и будут громко тебя обвинять. Куда только не возведешь глаза ты тогда, увидишь лишь озлобленные лица: с одной стороны — сирые, с иной — вдовы, с другой — нищие, которых ты всех обидел, соседей всех, которых ты здесь прогневил». Также и Григорий Богослов пишет: «Тогда, — говорит, — Кесаря я увижу светоносного, который мне во сне явился, брат любезнейший». Ефрем же блаженный учит, так говоря: «Тогда, — говорит, — своих родителей осудят дети их собственные за то, что дел благих они ныне не сделали. И знакомых увидят в тот час. И когда увидят некоторых из них, увя мне, к правым причисленными, тогда возрыдают они по причине разлуки и расставания с ними». Афанасий Великий, чудный, основание и поборник Церкви, и он сказал: «Бог праведникам всем даровал возможность познания при общем и соборном, душа моя, воскресении, быть друг с другом, веселиться и радоваться во веки веков. Лишены же грешники утешения этого: не смогут они узнать друг друга тогда — *(с того момента, как произойдет разлучение их с праведными)*. Как дела все открыты тогда, так, — сказал, — и лица всех узнаваемы будут, пока окончательно разлучение всех не свершится и каждый не будет послан в свое место: праведники — с Богом и друг с другом, грешники же — в дальние места. Хоть друг и окажется с другом, не узнает один другого. Как уже сказано, будут они лишены и этого утешения или же и такой благодати. Ведь в противном случае явно всем будет, — сказал он, — то стыдное, в чем они все виноваты. Ибо тогда, — он сказал, — будет лютый и великий стыд, когда кто-нибудь узнает кого-нибудь или узнан окажется. Всякий ведь стыдящийся знакомых стыдится, а тех, кого не знает, — нисколько, — ведь и его не знают. От незазорного же не бывает никакого срама». И это верно и потому бесспорно, что ясно мы все друг друга узнаем. Приняла ли ты моих свидетелей, о которых я говорила, или по-прежнему, как и мне, не веришь и им?

Душа: Нет, служительница, нет. Больше я не сомневаюсь, потому что весьма благоразумно ты объяснила и недоумение мое разрешила. И я благодарю тебя: более верно, надежно и истинно свидетельство многих, как я от Христа узнала. Теперь же я имею желание уразуметь вот что.

Ты раньше в своей речи сказала мне, рабыня, что при воскресении небо и земля примут более божественный вид, тоже и тела всех людей — и те в нетленные переменятся. А я, служительница, изменюсь тогда или буду такой же, какой являюсь ныне, три свои части сохранив неразлучными: способности к мысли, влечению и ярости? Буду ли я и тогда тождественной себе? Тричастной с тобой вовеки пребуду? И каждая часть опять будет делать свое дело, — я имею в виду влечение и ярость? Если такими же они останутся во мне, тяжелым и мучительным для меня воскресение будет, потому что вновь подверженной страстям,

и скверной, и вновь нечистой буду я из-за них. Если же не будет со мной двух этих частей, невредимой как я останусь, будучи их лишена? Ибо то, что как-то оскудеет, может ли быть невредимым? И если я разделюсь надвое, то не буду цельной, но буду в чем-то несовершенной и оскудевшей, сама понимаешь. Да и как неделимое окажется делимым, на различные части будучи тогда разделяемо? Ведь если, как ты прежде сказала, весь мир этот видимый ради меня был создан и появился, и если он в лучшее переменится создание и преобразится тогда в естество воистину прекраснейшее и божественнейшее, более светлое, более красивое, Зиждителя и Создателя желанием и волей, то, значит, я, рабыня, окажусь весьма обойденной, если и тогда останусь такой, какова сейчас, и приращения не получу и не почтена буду, как и ты, рабыня, когда ты прославишься, как ты сказала. Ибо тления и смертности будешь ты тогда чуждой, нетленной, вечно живущей и бессмертной станешь. Если плоть, рабыня моя, сверхъестественно Создатель почитит, как он обещал, Бог и Владыка, владычицу же саму в бесчестии оставит, внизу окажется вышнее, дольнее же вверху. Созданной таким необычайным образом, не подобает мне, владычице, в таком презрении пребывать, но надлежит воистину чудным и странным изменением перемениться и мне по желанию Владыки как царице всего здешнего мира, — перемениться и мне самой, как всех вышней. Ведь поскольку он собирается обновить бездушные стихии и бесчувственные и мне, рабыня, служащие, подобало бы обновить и меня — и как словесную, и как чувственную. Ответь мне на это, рабыня моя: на что мне подобает надеяться?

Плоть: Госпожа моя и владычица, в глубину раздумий и пучину непроходимую ввергла меня ты теперь. Трудно для постижения, трудно для уразумения то, что ты спрашиваешь. Я недоумеваю и боюсь, смущенная, не обо всем на свете зная, к стыду своему, оказаться близкой к падению. Другого кого-нибудь это спроси из разумных, меня же прости, так как я вовсе не знаю.

Душа: От другого я не хочу это узнать, рабыня. Раз ты поблизости, далеко идти мне не подобает, а спрашивать безнадежно, и стараться напрасно. Так что начни, рабыня моя, покажи, что знаешь. Если же покориться мне не хочешь, не надейся есть, ибо ни пищи, ни питья не позволю тебе принять; и, как ты знаешь, дубинку не съела собака.

Плоть: Послушай теперь немного, госпожа моя, и пойми. Я ведь и прежде тебе говорила и сейчас опять говорю следующее.

Мир как видимый, так и мысленный, и явления все, сколько их и какие только ни есть, Творец и Создатель тебя ради привел в бытие. И опять

же, тогда ради тебя обновит он все — для благоугождения тебе, для чести и славы, для веселия, радости и для прекрасного наслаждения. Мое обновление станет твоей похвалой, ибо мои честь и слава твоими будут тогда, как и бесчестье мое твоим является ныне.

Ведь в том, что здесь, ни в чем не нуждается Бог, — ни в солнечном сиянии, ни в небесной красоте, ни в земном благолепии и приношении всяческом: изобилуя всем, он этого вовсе не требует. Тебе ведь дарованы они в настоящем и в будущем. Так что если то, что существует ради тебя, так он прославит тогда, куда больше — тебя, душа, прославит, владычицу того. Вместе с влечением и яростью, твоими, так сказать, совоспитанниками, он вырвет с корнем и от них рождающиеся и возрастающие страсти. Если только можно вообще, госпожа, называть страстью то, что не является таковым, когда им хорошо управляет разум. Добрый плод таковых мы зовем добродетелью, недобрый творит зло. Тогда ни раздражение, ни гнев, ни ярость не придут к тебе, ни враждебности не будет в тебе, ни злопамятства, ни боязни, ни страха; не потребно тогда мужество; ревность и зависть прекратятся в тебе, госпожа; похоть бессловесная и сластолюбие также. Матери же всего этого — вышеназванные две. И ни самодовольства не будет в тебе, ни тщеславия, но не будет и веры; надежда тоже отойдет от тебя, подруга; также и память действовать перестанет, ибо не будет потребности в ней. Эти пять дети разумности суть, а не ярости и не вожделения. Ведь это все покидает, как я сказала, тебя. С той поры и предела желаний достигнув, никто не будет нуждаться ни в чем из вышеназванного совершенно, потому что ветхого человека совлеки полностью, с ним ты совлечешь и его постыдные дела и скверны и к жизни бесстрастной вновь возвратишься. Одна любовь будет у тебя тогда и ничего другого, из того, чем теперь мы совместно владеем или порознь. Ведь то не является для тебя существенным, так как не принадлежит оно к разумной природе, нет ведь, бессловесной скорее свойством видится. Ибо коварного и яростного врага нападение на тебя увидав, расщедрился Творец и вооружил тебя и снарядил для отпора ему теми двумя, владычица, — чтобы не застал он нагою тебя, и не уязвил тебя, и не поранил, как только захочет. Поскольку же, госпожа моя, там брани нет, но мир твердый, какая потребность в оружии? Враги ведь твои со всем воинством погибнут окончательно. Здесь ведь все это: и борьба, и победа, — там же прекратятся их власть и мощь. Над теми, кого здесь боишься, ты посмеешься тогда, в огонь геенский видя их вверженными. У тебя же будет тогда беспримесное и особое все — и разум, госпожа моя, и мышление, — боговидным, проницательным и богоподобным, по образу Божию, как в самом начале, когда ты получила Божие вдуновение. И вновь ты воспримешь его, что бы под ним ни разумелось. Благоднее, а также славнее всех ангельских воинств, говорю, явишься ты тогда. О душа, дивно и слышать это, и более страшно и странно видеть: ведь то, что создано по чьему-то образу, госпожа, непременно бывает во всем прототипу подобно: разумностью — как разумному, а бестелесному — бессмертностью, вселюбезная, по всему подобно, как лишенное всякой плотности и всей пространственности;

поэтому мерою оно — как и то, по природным же свойствам оно представляет собой нечто отличное от того, — я говорю об архетипе, — имею в виду по форме, по природе и по существу. Это уже не образ, если во всем будет таким же, владычица, как и тот. Но что в несозданном естестве видится, добрейшая моя, то же и в созданном естестве обнаруживается. И если это истинно, а это и есть истинно, что хотела бы ты большее этой славы? Или иного чего-нибудь захотела бы ты как лучшего, чем это?

Хорошо ли теперь, владычица, поняла ты сказанное? Поверила ли и восприняла ли ты как истинное это, или ложным кажется все, что я говорила, и вздором тебе представляется? Я ведь не знаю. Скажи, владычица, как ты это уразумела?

Душа: Нет, рабыня моя, нет, сладостно и с охотой, радостно и весело, с удовольствием восприняла и восприму все сказанное, радуясь, что недоумение мое разрешилось! Служительница, неверующий учению этому вовсе не христианин, и не православен таковой, и общего ничего с Христом моим не имеет, и царствия его не наследует, но весь он неверен и саддукеев хуже. Я же по благодати Божией верую, что это так и есть, и будет, как ты научила меня. Не сомневаюсь в словах твоих, да не будет со мною этого. Однако еще об одном молю тебя, — приведи мне свидетельство Писания об этом, чтобы мне и его услышать. И если окажется, что и то учит согласно с тобой, тогда все это будет более ясным, непоколебимым, надежным и крепко утвержденным. Но слов Писания ты не изменяй совершенно и не в стихах передавай мне их смысл, но именно такими, каковы они суть, мне их и прочти.

Плоть: Тогда послушай, госпожа моя, теперь и понимай. Некий мудрый, святой и сугубо благородный муж иного некоего премудрого Христовой премудростью человека спрашивал именно то, чем ты интересуешься, трехчастность души в чем состоит, желая узнать. А теперь внимательно выслушай этот его вопрос.

ГРИГОРИЯ НИССКОГО ВОПРОС К МАКРИНЕ

Умным называют существо души и говорят, что к чувственным свойствам телесного организма оно добавляет жизненную силу. Ибо наша душа действует не только в сфере познавательной и теоретической мысли, осуществляя таковую деятельность умственной частью своего существа; и органы чувств не сами по себе прилежат свойственной им по природе деятельности; но ведь, как можно

заметить, многое в нашей природе движимо влечением, а многое и яростью. Поскольку и то и другое нам родственно, мы видим во многих различных видах движение, совершаемое энергиями обоих родов. Ведь многое можно опознать, чем вождение управляет, и многое также, что от порыва ярости произрастает. И ничто из этого не является телом; бестелесное же обязательно принадлежит к сфере ума. Умственной некоей вещью определение называет и душу. Следуя логике речи, приходим, таким образом, к одной из двух нелепиц: либо влечение и ярость составляют в нас иные души, и тогда различаем множество душ вместо одной, либо и присущий нам смысл нельзя считать душой, ибо к умственному относится равным образом все. Либо все это — души, либо все эти свойства нельзя считать равным образом присущими душе.

ОТВЕТ МАКРИНЫ

Пришел и твой черед задать этот интересующий многих вопрос: чем надлежит считать влечение и ярость — чем-то присущим душе и с момента первого ее устройства с ней пребывающим или посторонним для нее и позже у нас появившимся. Все равно полагают, что они свойственны душе, но я еще не нашла убедительного ответа, позволяющего составить твердое мнение о том, чем они являются. И до сих пор многие расходятся в своих о них предположениях. Но мы, оставив пеструю внешнюю философию, сделаем свидетелем божественное и боговдохновенное Писание, которое учит, что ничто нельзя считать свойством души, что не свойственно божественной природе. Поскольку душа является подобием Божиим, все чуждое Богу оказывается за границей души. Ведь в изменившемся не сохранилось бы подобия. А поскольку ничто такого рода не может считаться свойственным божественной природе, постольку нельзя считать это и соприсущим душе. Что означают наши слова? Человек — это словесное животное и людьми внешними по отношению к нашему Слову определяется как существо, восприимчивое к уму и науке. Если бы определение не так описывало нашу природу, если бы оно рассматривало ярость и влечение и то, что из них произрастает, как соприсущее ей, то не иначе как такое определение отдало бы предпочтение общему вместо частного. Ведь влечение и ярость равным образом свойственны природе и бессловесных, и словесных существ. А никто в здравом разуме не определяет по общему частное. А что не годится и отбрасывается при определении природы, как может, будучи ее частью, служить помехой для определения? Ведь всякое определение указывает на особенность подлежащего определению существа, и если оно упустит особенное, рассматривается как чуждое определению. Но ведь связанная с влечением и яростью деятельность признается общей для всей бессловесной природы. Все же общее не совпадает с особенным. Поэтому следует думать, что они не принадлежат к тому, что способно служить для определения особенности человеческой природы. Подобным образом, видя у нас

способность чувствовать, необходимость питаться, возможность роста, из-за них не отменяют данное душе определение. Ведь дело не меняется оттого, что все это не принадлежит душе. Подобным образом неразумно, и указывая на связанные с влечением и яростью движения нашей природы, отвергать определение как якобы ограничено ее раскрывающее. Ясно ведь, что те находятся за пределами рассмотрения, будучи свойственными природе страстями, а не ее существом. Что же касается того, что представляет собой ярость, то многим она представляется кипением околосердечной крови, другому — стремлением доставить ответную неприятность напавшему первым, мы же предполагаем, что это — побуждение причинить зло раздражающему. А из этого ничего к определению души не относится. И если мы станем давать определение влечению самому по себе, то назовем его или тягой к недостающему, или стремлением к чувственному наслаждению, или печалью по причине необладания желанным, или своего рода предчувствием сладости, каковую предстоит вкусить. Все это и тому подобное показывает, чем является влечение, определения же души не касается, но представляется чем-то посторонним душе и противоположным друг другу, как-то: страх и отвага, печаль и (*радость*), и тому подобное, — все это родственно влечению и ярости и подмешивает к отличительной особенности души свою природу, и все это около души находится, душою же не является, но как некие муравьи из помыслительной части души вырастает; и кажется — по причине сопребывания — ей принадлежащим, но это не то же, чем душа является по существу.

Ведь мы говорим, что способность души созерцать, различать и воспринимать сущее свойственна ей по природе и что именно в ней она сохранила в себе боговидный и благодатный образ. Когда же делается умозаключение, что что-то из такового является по природе божественным, то имеется в виду способность, все воспринимая, отличать доброе от худшего. А то, что лежит в пограничной области души, обнаруживает по своей собственной природе склонность к каждому из противоположного и ведет — в зависимости от использования — либо к хорошему или к противоположному результату; таковы ярость и страх или какое-нибудь такое из душевных движений, без каких невозможна природа. Таковые мы считаем извне присоединившимися, потому что в первоначальном совершенстве ни одна из этих черт не различима; и они не все на какое-то зло выпали жребием человеческой жизни. Ибо оказался бы Создатель ответственным за зло, если бы с тех пор необходимость греха была вложена в природу. Но таковые движения души оказываются — в соответствии с использованием их по свободному выбору — орудиями либо добродетели, либо зла. Как железо, по мысли мастера формируемое, в зависимости от того, что захочет мастер сделать, тем и становится, обращаясь либо в меч, либо в какое-нибудь земледельческое орудие, так и страх способен быть обращен в послушание, ярость — в мужество, робость в уверенность, порыв же вождения в божественную и нетленную радость. Если же разум отбросит вожжи и, как некий ездок, зацепленный колесницею,

окажется ею влекомым, то туда будет направляем, куда устремится бессмысленное движение упряжки. Что и можно видеть у бессловесных, если не руководствует смысл свойственным их природе движением. Но когда их движение направляемо к лучшему, оно оказывается причиной похвал, как Даниилу — возжелание, Финеесу — ярость, а имеющему причину плакать — слезы и печаль. При уклонении же к худшему устремления обращаются в страсти, становятся ими, и называются.

Созерцающая же и различающая способности принадлежат богоподобному в душе, поскольку с их помощью мы и божественного достигаем. И если душа очистится от всякого зла, непременно будет принадлежать добру. Добро же по своей природе божественное. И что по причине чистоты имеет с ним соприкосновение, непременно оказывается и с тем соединенным. А когда это происходит, исчезает необходимость направлять к добру порождаемое влечением движение. Ибо стремиться к свету может тот, кто пребывает во тьме, а когда он оказывается на свету, желание его получает удовлетворение. Изобилие удовлетворения сделает влечение праздным и суетным, так как ни в чем оно не будет иметь недостатка, о чем только можно помыслить как о ведущем к добру, само будучи полнотой благ, не по причастности к какому-либо добру к добру принадлежа, но само являясь природой добра.

Не все то, что кажется уму добром, привлекает к себе устремление надежды, ибо надежда действует только по отношению к не имеющемуся в наличии. «Если же кто имеет, то чего ему и надеяться?» — говорит апостол.

И также в действии памяти для познания мира не будет потребности, ибо то, что видишь, в припоминании не нуждается. Поскольку же выше божественная природа всякого добра, благое же благим всегда любимо, постольку и она, в себя глядя, что имеет, того и хочет, и что хочет, то и имеет, ничего внешнего в себя не приемля. Вне же ее ничего нет, за исключением только зла, каковое, если можно столь парадоксально выразиться, в небытии бытие имеет. Ибо происхождение зла есть не что иное, как лишение сущего. По-настоящему же сущее — это природа добра. То, чего нет в сущем, того нет, конечно же, и вне его.

И когда душа, отвергнув все многообразные естественные движения, станет боговидной и, превзойдя влечение, в том пребудет, к чему была влечением подвигается, с тех пор уже не будет предаваться ни упражнениям, ни надежде, ни воспоминаниям, ибо то, на что она надеялась, она будет иметь, и, беззаботно наслаждаясь, она изгонит из

помысла память о благах и будет так подражать возвышенной жизни, проникшись свойствами божественной природы, что совершенно ничего другого у нее не останется, кроме состояния любви, по природе с добром сращенного. Это ведь и есть любовь — связь всей душой с вождленным благом.

Став же простой, однородной и совершенно богоподобной, душа находит то поистине простое и невещественное благо, единственное возлюбленное и вождленное, с каковым и срастается и сливается в любовном движении и действии, формируя себя в соответствии с вечно достигаемым и обретаемым и тем же становясь по причине уподобления добру, каковое является природой ею приемлемого. Влечение при этом отсутствует, поскольку в никакой из благ там недостатка нет, да естественно для души, оказавшись среди блага, отложить от себя движение и состояние влечения.

Такое учение и божественный апостол нам проповедал, провозвестив прекращение и конец всего ныне в нас сущего и лучшим почитаемого и одной любви не найдя предела. «Пророчества, — говорит он, — прекратятся, и разумения упразднятся, любовь же никогда не перестанет», — а это равносильно тому, что иметь ее всегда одной и той же, — не говорит при этом он, что вера и надежда пребудут с любовью, но выше тех ее справедливо полагает. Ведь надежда дотолѐ только действительна, доколе не наступит наслаждение тем, на что надеются. Также и вера бывает опорой при неясности того, на что надеются. Так ведь ее определил он, говоря: «Вера есть основа ожидаемого». Когда же приходит то, что ожидают, и все остальное успокаивается, только любовь продолжает действовать, наследника себе не обретаая. Потому она и первенствует среди всего, чего требует добродетель, и среди заповедей закона. Когда достигает такой цели душа, она уже не имеет нужды ни в чем другом, так как охватывает полноту сущего.

В настоящей же жизни у нас много ведь того, в чем мы, различно и многообразно действующие, нуждаемся и что получаем, как-то: время, воздух, пространство, пища, питье, одежда, солнце, лампа и множество другого, необходимого для жизни. В чаемом блаженстве ни в чем из этого нет нужды. Всем для нас и вместо всего, что нужно для удовлетворения всякой потребности, в той будущей жизни явится божественная природа, надлежащим образом себя разделяя. Как это ясно из божественных слов духовных, и местом будет Бог для достойных, и домом, и одеждой, и пищей, и питием, и светом, и богатством, и всем, что только можно помыслить и назвать, что может быть нужно для исполнения нашей жизни благами.

Плоть: Вот я твое повеление исполнила, госпожа, и привела свидетельство из Писания, как ты сказала, как ты приказывала и как ты просила меня. И знай: я очень сильно утомилась, там и тут проверяя, изыскивая с трудом, доставая книги и пергаменные листы переворачивая, дабы отыскать, как видишь, это свидетельство. И ни слова я не изменила, как ты просила, но какими их нашла, точно такими и включила их, вписав сюда. Ответь, владычица, как ты это восприняла? Разве что-нибудь несогласное с этим я говорила?

Душа: Нет, служительница, нет, вовсе так не думай. Все это очень схоже и близко во всем. Теперь удостоверено и подтверждено твое учение, как выясняется, незыблемо во всем и неопровержимо для людей непокорных. Но тот трудолюбивый, буде такой найдется, кто захочет вникнуть в такой высокий и великий вопрос, как трехчастность души, — понять, в чем она состоит, услышав это, тут же, я полагаю, попросит привести к этому и еще что-нибудь другое столь же премудрое из Писания. Прочти еще, рабыня моя, прочти, не укрой. Большую ведь пользу ты мне принесла уже сказанным. Если не захочешь, рабыня моя, почитать мне еще, суд весь будет на твоей голове.

Плоть: Много тот человек спрашивал другого о душе, госпожа, полезного, подобающего и очень нужного, но уже хватит об этом. Одно только тебе скажу — о чем он спросил его в последнюю очередь, подруга, захотев узнать учение о воскресении. Ну, послушай, госпожа моя, теперь его вопрос. Не изменю ни малого слова, ни большого. В начале этого Слова написано так: «Коль скоро ты захотел узнать, каковыми и коликими воскреснут тогда все люди, во второй приход Христов, или пришествие, внимательно прочти написанное здесь, и уразумеешь».

О ВОСКРЕСЕНИИ ВОПРОС У МАКРИНЫ

Благодаря показаниям Писания и тому, что было рассмотрено выше, многие из слушающих согласятся, что некогда будет воскресение и что человек будет привлечен к неподкупному суду. Остается рассмотреть, окажется ли сущее сейчас тем, что ожидается.

Если бы это было так, то ненавистной, я бы сказал, была бы для людей надежда на воскресение. Ведь если такими же, какими бывают, уходя из жизни, составятся человеческие тела для новой жизни, какая тогда нескончаемая беда нас ожидает по воскресении! Ибо что может быть

более жалким, чем вид в крайней старости обветшавших тел, превратившихся в нечто отвратительное и безобразное, когда плоть их погубило время, дряхлость костей обнажилась опавшей кожей, все жилы стянулись, не будучи насыщаемы естественной влагой, и потому все тело согнулось и не имеет силы! Какое жалкое зрелище предстанет: голова склонилась к коленям, руки висят по сторонам, неспособные к естественному для них делу, постоянно невольно трясущиеся! А тела изъеденных хроническими болезнями, отличающиеся от обнаженных костей лишь постольку, поскольку они прикрыты тонкой изможденной кожей! А в водяночных болезнях отекающие! А вид священным недугом страдающих — я о безобразной прокаже говорю — какое может передать слово, когда все члены и чувства их сосуда телесного, понемногу поражая, гниение поедает! А те, кто при землетрясениях, в битвах или по какой-то другой причине руки и ноги потеряли и до смерти некоторое время в этом бедствии прожили! Или в родах от травм с поврежденными членами погибшие! А о прежде срока рожденных младенцах, о выкидышах, об удавленных и самих по себе погибших — что и думать, если они такими вновь к жизни восстанут? Пребудут ли они в младенчестве? Что может быть более жестоким! Или же они станут взрослыми? А каким молоком тогда они будут вскормлены?

Так что, если во всем то же наше тело оживет, беда нас ожидает. А если не то же, значит, некто другой восстанет вместо умершего: лег отрок, встанет взрослый или наоборот. Можно ли сказать, что у того лежащего, разрушившегося и изменившегося, восстановится то, что истлело с возрастом? Да и вместо старца юношу видя, сочтут его иным, а не им: вместо прокаженного — здоровый, вместо высохшего — плотный, и все остальное подобным образом, чтобы не перечислять все, удлиняя речь, по порядку.

А если не таким будет вновь жить тело, каким оно с землей смешалось, не умершее встанет, но другого человека, только землю тогда опознают. Для чего мне воскресение, если вместо меня другой станет жить? Да и как я узнаю сам себя, не видя в себе себя? Ведь я не буду поистине «я», если не все будет у меня таким же, как в настоящей жизни. Если, скажем, в памяти у меня образ человека косноязычного, губастого, тупоносого, белокожего, голубоглазого, с сединой в волосах и морщинистой кожей, а затем, отыскивая такового, я встречаю молодого, долгоносого, темнокожего и все остальные черты образа иные имеющего, неужели же, этого увидев, я сочту его тем?

Если так рассуждать, то даже малейшим из особенностей необходимо сохраниться, не говоря уж о более крупных. Но кто не знает, что своего рода потоку подобно человеческое естество, от рождения к смерти своего рода течением приходящее и тогда лишь течь переставшее,

когда и быть перестает. Течение же это представляет собой не пространственное перемещение, ибо из себя естество не выходит, но происходит путем изменения. Изменение же, пока оно является тем, чем называется, никогда на том же самом не останавливается. Ибо как в тождестве пребудет изменяющееся? Так, например, огонь в лампаде, представляющийся всегда одним и тем же, потому что благодаря непрерывности движения он кажется неотторжимым от себя и единым с самим собой, на деле, всегда сам будучи себе преемником, никогда тем же самым не пребывает. Ибо извлеченная жаром влага, оказавшись тут же воспламененной и сожженной, *(в дым обращается. И всегда движение пламени происходит в силу изменения)*, в дым через себя обращая основу. Так что дважды к тому же пламени прикасающегося не может то же самое дважды обжечь. Ибо стремительность изменения не ждет второго прикосновения, как бы скоро оно ни делалось, но всегда движется и всегда ново пламя, постоянно рождающееся и всегда себе наследующее и никогда на одном и том же не останавливающееся.

Нечто подобное свойственно и природе нашего тела. Ведь течение нашей природы, всегда вследствие ее изменчивости идущее и движущееся, лишь тогда останавливается, когда уходит из жизни. А пока в жизни пребывает, остановки не имеет, ибо или наполняется, или опорожняется, или и то и другое делает разом.

Если, стало быть, кто бы не родился, живя, одним бывает, а когда воскресение возведет наше тело к новой жизни, он обратится в другого, то появится некий совершенно новый единый вид человека, в котором восстающему ничего не будет недоставать, был ли он утробным плодом, младенцем, отроком, юношей, мужем, старцем или кем-то промежуточным.

Целомудрие и распущенность действуют через плоть, и люди то претерпевают ради благочестия болезненные муки, то вновь расслабляются, уступая телесному чувству, так вот, когда то и другое будет открыто, как возможно на суде сохранить справедливость, если человек сначала согрешил, затем покаянием очистился, а при случае снова на грехе поскользнулся, и сменили естественным порядком друг друга и оскверненное тело, и неоскверненное, и ни одно из них до конца не пребыло тем же. Которое блудника тело мучимо будет — сморщившееся в старости перед смертью? Но другое оно по сравнению с соделавшим грех. Или же то, что осквернилось страстью? А где старческое? Либо оно не воскреснет, и тогда не действует воскресение, либо оно восстанет, и тогда избегнет муки заслужившее ее.

Скажу тебе и нечто иное — из того, что возражают нам неприемлющие Слово. Природа, говорят они, ничего не сотворила ненужным из имеющихся в теле членов. Они содержат в нас основу и силу процесса жизни, и без которых жизнь плоти поддерживаться не может; таковы сердце, печень, головной мозг, легкие, желудок и все прочие внутренности. Одни из них призваны обслуживать чувственное движение, другие — практическую деятельность, третьи — подобающее восприятие необходимого. Если в том же и следующая наша жизнь состоять будет, то ни к чему перемена. А если истинно то, — а это истинно, — что и брак по воскресении не будет существовать, будучи изгнан за пределы жизни, и не пищей и питием станет тогда поддерживаться жизнь, какая же тогда будет нужда в телесных членах? Ни к чему в той ожидаемой жизни органы, благодаря которым сейчас человек существует. Если то, что нужно для брака, существует ради брака, то когда его не будет, ничего из нужного для него нам не потребуется. Так же и руки — для работы, ноги — для ходьбы, рот — для приема пищи, зубы — для ее пережевывания, утроба — для пищеварения, выводящие проходы — для извержения ставшего бесполезным. Когда того не будет, тогда существующее ради того, — для чего? На что оно нужно? Как сейчас у тела нет ничего из того, что будет содействовать той жизни, так и там не будет того, что ныне наполняет наше тело. А и тут, и там — жизнь. Значит, не стоит таковое называть воскресением, ибо по причине бесполезности для той жизни каждого из органов не воскреснут с нами тела.

Если же и для всех них окажется действенным воскресение, то напрасным, неподходящим для той жизни сделает нам Действующий воскресение. Но тогда надо ли и веровать, что воскресение будет и что оно не напрасно? Так что давай послушаем Слово, чтобы нам во всем подобающим образом в учении усовершенствоваться.

ВОПРОСИВШИЙ ОБ ЭТОМ, ПОСЛУШАЙ И ОТВЕТ

Мужественно, руководствуясь так называемой риторикой, напал ты на учение о воскресении, ловко опровергающими словами кругом обойдя истину. Боюсь, как бы те, кто не слишком внимательно рассмотрели таинство истины, не пострадали как-нибудь по заслугам из-за этой речи и не были сбиты с толку высказанным недоумением. Истина же говорит, что это не так, пусть даже мы не сможем подобающим образом ответить на эту речь. Но ведь истинное об этом слово в скрытых сокровищницах премудрости сохраняется и лишь тогда явным сделается, когда мы на деле узнаем воскресения таинство, когда не нужны нам будут больше слова для разъяснения нашей надежды. И подобно тому как бодрствующим среди ночи после многих слов о солнечном сиянии, каково оно, ясным делает предмет речи только красота показавшегося луча, так и всякое гадательное суждение,

будущего воскресения касающееся, ни во что обратится, когда явится нам на опыте ожидаемое. Поскольку же не следует совершенно неисследованными оставить выставленные нам возражения, мы об этом скажем так.

Помыслить подобает, во-первых, какой смысл в догмате о воскресении и чего ради в святом Писании говорится о нем и в него веруют. Для этого, как будто кто-то его определением неким охватив, описал его, скажем так: воскресение есть восстановление нашей природы в древнем виде. Ведь в прежней жизни, каковою ее создал Бог, ни старости не было, как и подобает, ни младенчества, ни бедствий, вызываемых многообразными болезнями, ни каких-либо других телесных страданий. Нелепо ведь было бы таковое сотворить Богу. Но чем-то божественным была человеческая природа, прежде чем явилось у человека устремление ко злу. Ведь все это вместе со злом к нам пришло. Так что в лишенной зла жизни никакой нужды не будет терпеть тот, кому доведется в ней быть. Как, бывает, зимой путешественник мерзнет, а если под знойными лучами ходит, то у него темнеет кожа, а когда вне и того и другого оказывается, и согревается, и от загара избавляется, и уже никому не сыскать того, что по какой-то из этих причин получается, поскольку нет причины, — так и природа наша, став подверженной страстям, неизбежными последствиями была приведена к страдательной жизни, будучи же вновь возведена к бесстрастному блаженству, последствиям зла подверженной больше не будет. Раз того, что примесилось к человеческому естеству от бессловесной жизни, первоначально — прежде, чем в страсть по причине зла впал человек, — у нас не было, по необходимости, когда мы оставим страсть, с нею вместе мы оставим и все, что с нею связано. Так что неразумно искать в жизни оной то, что мы приобрели из-за страсти. Как если кто-нибудь, одетый в грязную одежду, снимет таковое одеяние, то в безобразии изгнанника больше себя не увидит, также и мы, — совлеки мертвое и гнусное это облачение, из кож бессловесных существ на нас наложенное. О коже слыша, мне кажется правильным разуместь природу бессловесных, в которую, предавшись страсти, мы были облечены. А все, что у нас связано с кожей бессловесных, при совлечении одежды мы вместе с ней отложим. От кожи бессловесных также — соитие, зачатие, рождение, нечистота, кормление грудью, пища, испускание семени, медленное к совершенству возрастание, юность, (зрелость), старость, болезнь, смерть. Если того, что на нас наложено, не будет, как же то, что из этого следует, будет нам оставлено? Потому тщетно ожидание иного некоего устройства в будущей жизни, так как ничего нет общего у того, что к нему относится, с учением о воскресении. Ибо что общего имеет изможденность и многоплотие, худоба и тучность, и все иное, что бывает свойственно изменчивой телесной природе, с жизнью оной, чуждой текущего и преходящего житейского пребывания?

К одному только стремится учение о воскресении — породив, вырастить человека или, как говорит Евангелие, чтобы «родился человек в мир». А долгожителем или недолговечным он будет, и смерть к нему в том или ином виде придет, — напрасно вместе с учением о воскресении распытывать. Что бы мы ни предположили, все едино: ни трудности, ни легкости из-за различий в этом при воскресении не будет. Ибо жить начавшее обязательно должно пожить, а поскольку среди жизни по причине смерти приходит ему конец, при воскресении оно восстанавливается; а то, как и когда конец наступит, — что в этом для воскресения? Ведь иное имеет в виду это исследование.

Наслаждаясь ли в этой жизни сладостью житейской или страдая за добро или из-за злодеяния, достойно ли похвал или обвинений, преступно или блаженно провел время жизни — все это и таковое в зависимости от меры жизни и от вида того, что с ней связано, рассматривается. И когда на суд привлекают, нужно будет судье учитывать и страдание, и проказу, и недуги, и старость, и возраст, и юность, и богатство, и нищету: как кто, в чем-то из этого побывав, — достойно или дурно прошел отведенную ему жизнь, и много ли благ или несчастий получал, и в течение долгого ли времени, или даже и к началу всего этого вовсе не прикоснулся, в несовершенном возрасте с жизнью расставшись. Пустое дело — говорить и думать, что такие помехи смогут воспрепятствовать силе Божией в достижении цели, когда Бог станет к первоначальному устройению возводить, воскрешая естество человека. Ведь его цель состоит в достижении каждым человеком полноты всего нашего бытия: и теми, кто уже тут, в течение этой жизни, от зла очистился, и теми, кто после нее подлежат вечному огню, и теми, кто равным образом добра и зла искуса в нынешней жизни не познали, — *(всем предлагается причастие)* свойственных ему благ, каковых, как говорит Писание, «ни око не видит, ни слух не воспринимает, ни помыслами достигнуть невозможно». Ведь то добро, что выше ока, и слуха, и помысла, оно будет все превосходящим. И различие в добрых или злых делах нынешней жизни будет лучше видно по тому, как, быстрее или медленнее, воспримут люди ожидаемое блаженство. Ибо мере привившегося каждому порока точно соответствует протяженность лечения. Врачеванием же души будет от зла очищение. А это безболезненно не совершается, как прежде было показано.

Лучше же уразумеет излишество и неразумие возражений всякий, кто заглянет в глубину апостольской премудрости. Разъясняя коринфянам связанное с этим таинство, — причем те отвечали ему, как и ныне старающиеся опровергнуть этот догмат возражают уверовавшим, — смирив достоинством своей просвещенности дерзость их невежества, он так говорит: «Скажи мне, как восстанут мертвые? И в каком теле придут? Безрассудный, — говорит, — то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет. И когда ты сеешь, то сеешь не тело будущее, а голое зерно, какое случится, пшеничное или другое какое. Но Бог дает ему тело,

какое хочет, и каждому семени свое тело». Мне представляется, что здесь он обуздывает тех, кто не осознает пределов собственной природы и, со своей силой сопоставляя Божественную мощь, полагает, что для Бога возможно только то, что вмещает человеческое постижение. Но это выше нас — превзойти Божью силу. Ведь тот, кто спросил апостола, как восстают мертвые, отрицал как невозможное новое соединение рассыпанных телесных составов. А раз это невозможно, иного же тела для сочетания составов не остается, то и говорит, делая из важнейших возражений своего рода вывод: если тело есть сочетание составов, а во второй раз им собраться невозможно, какое же тело воспримут воскресающие? Именно это, казалось бы, с некоторым философским искусством теми сплетенное, он наименовал безумием их, не предусматривающих превосходства Божественной силы в будущей твари, не говоря уж о невнимании к высочайшим из Божьих чудес, какими можно было бы в недоумение привести слышащего, как, например, то, что представляет собой небесное тело и откуда оно, что такое солнечный свет, или лунный, или у звезд наблюдаемый, эфир, воздух, вода, земля. Но с помощью обычного у нас и для всех хорошо знакомого он обличает слепоту сопротивляющихся. Не научает ли тебя земледелие, говорит он, что безумен ты, по своей мере о превосходстве Божественной силы судящий? Откуда берутся произрастающие из семян тела? Что влечет их прорастание? Не смерть ли их? Если смерть есть распад составленного, то ведь семя не прорастет, если не распадется в борозде, став достаточно рыхлым и многопористым, чтобы, напившись окружающей влагой, выпустить корень и росток и на этом не остановиться, но перемениться в стебель, словно некими скрепами препоясанный посредине коленцами, чтобы мог, стоя прямо, держать колос, плодами отягченный. Где было все то, что свойственно пшенице, до разрушения в борозде семени? А ведь оттуда все это. Если бы его сначала не было, и колос бы не появился. И по тому как тело колоса из семени произрастает, поскольку Божественная сила одно в другое искусно преобразует, и он оказывается совершенно не тождественным семени, но и не вовсе чем-то иным, и таинство воскресения растолковывается тебе в его словах по чудесам, происходящим с семенем, — а именно, что Божественная сила в превосходстве своего могущества не только то распавшееся тело снова тебе подаст, но и другое великое и прекрасное приложит, благодаря которому к большему великолепию наше естество снарядится. «Сеется ведь, — говорит он, — в тлении, восстает в нетлении; сеется в бесчестии, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе; сеется тело душевное, восстает тело духовное».

Подобно тому как упавшая в борозду пшеница количественной малости и свойственной ей качественной особенности не сохраняет, но, оставаясь собою, становится колосом, существенно отличаясь от самой себя величиной, красотой, устройством и обликом, и человеческое естество, оставив со смертью все свои свойства, какие оно приобрело, подчинившись страстям, — я имею в виду уничиженность, тленность, слабость, возрастные различия, — собою быть не перестает, но словно некий колос восходит к бессмертию, к чести, к славе, к совершенству во

всем и к такому состоянию, при котором жизнь не зависит от физических свойств, но к некоторому духовному и бесстрастному устройению переходит. Ведь это свойство душевного тела — постоянно своего рода течением и движением из того состояния, в каком находится, изменяясь, перелagаться в другое, что мы ныне прекрасно видим не только у людей, но и у растений, и у животных. Ничего подобного в тогдашней жизни не останется.

Представляется мне, что апостольское слово во всем соответствует нашему мнению о воскресении и показывает как раз то, что и наше определение содержит, говоря, что воскресение — это не что иное, *(как восстановление природы в прежнем виде)*.

Поскольку же в первоначальном бытии мира — о чем мы из Писания узнали — сначала, как сказано, «произвела земля растение травяное», а потом из ростка появилось семя и оно, упав на землю, выпустило из себя росток того же изначально созданного вида, апостол и говорит, что то же будет при воскресении. И не только тому мы от него научаемся, что к большему великолепию человечество переменится, но и что ожидается не что иное, как то, что было прежде. Раз не колос поначалу появился от семени, но семя от колоса, а после этого снова он произрастает из семени, согласно ясной последовательности событий в этой притче, непременно должно все по воскресении расцветающее для нас блаженство восходить к первоначальной благодати. Ведь мы, колосом своего рода сначала явившись, зноем зла были иссушены; земля же, воспринявшая нас, по причине смерти разрушившихся, в весну воскресения вновь нас явит, возведя колосом, — нагое это зерно телесное — великим и развесистым, прямым и к небесной выси вытянутым колосом, вместо стебля и остий украшенным нетлением и остальными из богоподобных признаков. «Ибо надлежит, — говорит, — смертному сему облечься в бессмертие, и тленному сему облечься в нетление». Нетление же, и слава, и честь, и сила признаются свойствами (божественной) природы. Что первоначально было по образу Божию, то и вновь ожидается.

Первый колос — первый человек, Адам; из-за проникновения в него зла его природа разделилась на множество, как это бывает с плодом в колосе. Подобно этому каждый из нас, будучи лишен, как колос, своего вида и с землей смешавшись, вновь по воскресении возрастет в первоначальной красоте, вместо одного колоса бесчисленные нивы образуя.

А добродетельная жизнь в том с порочной различье имеет, что те, кто в здешней жизни добродетелью себя возделали, сразу на ниве колосьями

произрастут. А у кого по причине порока пропала всхожесть и сила душевного семени оказалась за время этой жизни поврежденной ветром, как у так называемых керасвол, которые, как говорят знающие люди, бывают бесплодными, — те хотя и прорастут при воскресении, но большую суровость со стороны Судии встретят за то, что не смогут подняться в виде колоса и стать тем, чем мы были прежде, чем пали в землю. Служение же пекущегося о жите состоит в том, чтобы выбрать плевелы и терния, выросшие вместе с семенами. Ибо если вся питающая корень сила утечет к инородному, чахлым и недозрелым останется благородное семя, будучи привнесенными ростками подавлено. Когда же все, что здесь есть инородного и чуждого, будет вырвано хозяином и истребится, пожженное божественным невестественным огнем как враждебное природе, тогда хорошо разовьется природа и станет способной к плодоношению, восприняв, по причине такого прилежания и ухода, общий вид, изначально нам Богом приданный. Блаженны те из произращенных воскресением, кому сразу совершенная красота колосьев воссияет.

Мы говорим это не оттого, что по воскресении обнаружится какое-то телесное различие у тех, кто, следуя добродетели, и у тех, кто, следуя пороку, пожил, так что у одного, скажем, тело окажется несовершенным, а у другого совершенным. Но как при жизни узники и свободные имеют схожие тела, но громадное между ними различие в радости и в печали, так, думаю, надо понимать и различие в благах и бедствиях, которое будет после этого времени. Ведь совершенство посеянных и взошедших семян состоит в том, чтобы родиться в нетлении, славе, чести и силе, как говорит апостол. Умаление таковых означает не какое-либо телесное сокрушение проросшего, но лишение и отчуждение от всего того, что мы считаем благом. Поскольку же лишь одному чему-то надлежит быть у нас из считающегося противоположным — либо хорошему, либо плохому, ясно, что если о ком-то нельзя сказать, что он окажется в хорошем, отсюда следует, что он окажется в плохом. А плохому не свойственны ни честь, ни слава, ни нетление. И по необходимости к тем, кому не будет свойственно таковое, придет, вне сомнений, то, что является и представляется противоположным, — немощь, бесчестие, тленность и тому подобное, (о чем говорится в предыдущих словах: *потому что окажутся трудноустраняемыми из души происходящие из порочности*) страсти, всю ее захватившие, со всею нею сросшиеся и чем-то единым с ней ставшие. Но когда таковые с подобающим прилежанием будут вычищены из нее и забыты, вместо этого придет к ним все то, что почитается наилучшим, — нетление, жизнь, честь, радость, слава, сила и все прочее тому подобное, что мы считаем свойственным Богу и его образу, каковым является человеческая природа.

Плоть: Вот ты слышала и вопрос и ответ этих мудрейших и святых мужей о догмате воскресения. Теперь скажи мне, каким тебе показалось высказанное.

Душа: Послушай, служительница, поистине от многих многое я слышала и много читала об этом догмате, но до сих пор такого не слышала и среди написанного не находила. Вопрос хорош, но и ответ тоже. А кто они такие, скажи мне, какого они племени и рода, говорившие и высказавшие это?

Плоть: Кто они, не скажу тебе. Но если хочешь узнать то, как я старательно искала и отыскивала, так и ты поищи трудолюбиво и найдешь и имена их, и род, и отечество, и прочее, и прочее, что да как. Хочу, чтобы ты была не ленивой и валяющейся, а ищущей и трудолюбивой. И когда хочешь узнать из Писания что-то божественное, изыскивай и находи все, что нужно. Меня же оставь, ибо я устала, дай поспать и славу восславить Господу моему.

ИЗ "ЖИТИЯ ВАСИЛИЯ НОВОГО". ХОЖДЕНИЕ ФЕОДОРЫ ПО ВОЗДУШНЫМ МЫТАРСТВАМ

Подготовка текста Ю. А. Грибова и А. В. Пигина, перевод М. Б. Михайловой и В. В. Семакова, комментарии А. В. Пигина

ВСТУПЛЕНИЕ

Сказания о посмертной судьбе человеческой души издавна вызывали большой интерес у древнерусского читателя. Уже в XI—XII вв. на Руси были известны переводные византийские апокрифы, в которых о загробном устройстве рассказывалось в очень занимательной форме, с привлечением множества подробностей (см. т. 3, с. 306—321). Эсхатологические сказания существовали преимущественно в двух жанровых разновидностях: герои либо совершали путешествие («хождение») в загробный мир, либо постигали его тайны духовно, в «страшном» видении. В обоих случаях это были «душеполезные» произведения, призванные напомнить об ответственности человека за его земные дела, разрешить сомнения в каком-либо религиозно-нравственном вопросе, вызвать чувство сострадания и привести к покаянию.

Среди переводных эсхатологических сочинений особое место в древнерусской литературе занимает фрагмент из византийского «Жития Василия Нового» (X в.) — «Хождение Феодоры по воздушным мытарствам», которое часто встречается в рукописях как отдельное произведение. В греко-славянской литературе это наиболее полное

описание загробных испытаний в греховности — мытарств. «Мних» Григорий, от имени которого ведется повествование в Житии, был удостоен чудесного откровения. В ночном видении ему явилась старица Феодора, прислуживавшая при жизни их общему духовному отцу Василию Новому, и рассказала о своей смерти, о муках ада, о райском блаженстве, но главное — о пройденных ею 21(20) воздушных мытарствах.

При написании «Хождения...» автор воспользовался уже существовавшей традицией. Учение о мытарствах является каноническим: оно содержится в произведениях церковных писателей IV—V вв. — Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Макария Великого, Кирилла Александрийского и др. После смерти человека его душа, руководимая ангелами, должна подняться по «лестнице» мытарств. На каждой ступени ее подстерегают лукавые бесы («мытари»), которые испытывают душу в том или ином пороке и взимают с нее дань. За все свои грехи душа должна расплатиться добрыми делами, совершенными при жизни. Души праведных, у которых добрых дел больше, чем дурных, проходят все мытарства и спасаются. Грешников же бесы свергают своими огненными копьями во «тьму кромешную». Однако если в сочинениях «отцов Церкви» этот эсхатологический миф не получил детальной разработки, то автор «Хождения...» создал на его основе монументальную «эпопею смерти» (Ф. Батюшков), которая поражала воображение средневекового читателя своими яркими мистическими картинами потустороннего мира.

Известное на Руси с XI—XII вв. «Житие Василия Нового» оказало заметное влияние на древнерусскую литературу, изобразительное искусство и фольклор. В XII — начале XIII в. рассказ о мытарствах был использован при составлении «Слова о небесных силах», предположительно атрибутируемого Авраамии Смоленскому. Описание облика Смерти, являющейся к человеку с различными орудиями, включил в свою редакцию «Повести о споре жизни и смерти» неизвестный книжник XVI в. (см. *ПлДР*, т. 7, с. 48—52). Особую популярность «Житие Василия Нового» приобрело в XVII—XIX вв., преимущественно у старообрядцев (этому интересу способствовало также наличие в Житии еще одного пространного эсхатологического рассказа — «Видения мниха Григория» (о Страшном Суде)). Оно печаталось в старообрядческих типографиях, сохранилось в большом числе списков. Как самостоятельная статья «Хождение Феодоры» помещалось в лицевые рукописные сборники эсхатологического содержания. Известны также старообрядческие настенные лубки XIX в. на этот сюжет. По-видимому, именно «Хождение Феодоры» послужило источником духовных стихов о мытарствах:

«Принесли душу грешную
Ко лестнице ко небесной.
На первую ступень ступила,
И вот встретили душу грешную
Полтора врагов;
На другую ступень ступила —
Вот и двести врагов;

Вот на третью ступень ступила —
Вот две тысячи врагов возрадовались:
“Ты была наша потешница!
Ты была наша наставщица! ”
Вот несут они письма да раскатывают,
Да раскатывают, все грехи рассказывают».

(Русские народные песни, собранные

П. Киреевским.

Ч. I. Русские народные стихи. М., 1848.

№ 22).

Сюжет «Хождения Феодоры» бытовал и как устный прозаический рассказ народно-легендарного характера. Одну из таких его фольклорных версий записал Г. С. Виноградов в Восточной Сибири в первой четверти XX в.: «... “Как умерла ты, Федора?” Она говорит: “Чижолая смерть была, жестокая. Сперва смерть пришла с косой, с пилой... Вот вражье набралось к душе (вот правда, станет человек умирать, глаза-то остолбенеют, вытарашшит, быдто каво боится...), караулят душу вражье. Прилетают несколько анделов. Смерть тогда пилой отпиливает руки и ноги (вот ить сначала ноги и руки отымутца, — это она пилой отпилит...), а потом косой голову снесет. Святые андели облелеют: «Уйди, нечистая сила, отсторонися!» Вот тожно смерть косой голову снесет”. — “А каково тебе, Федора, мытарства были?” — “Сорок мытарств прошла, сорок ступенек, и на каждой ступени вражье кричат: «Душа наша, душа наша!» (Оне всё пишут про нас, все худое, а добро анделы пишут... Оне всё и кричат про грехи). Ох, святой Григорий, чужало проходить мытарства!.. Вот последнее мытарство — блуд. Ох, как я его пройду. Возьмут мою душу вражье. (Должно, она блудила...). Прошла! Андели говорят: «Душа наша, она очищена»”. Вот и прошла она в пресветлый рай». (Виноградов Г. Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожиланого населения Сибири // Сб. тр. профессоров и преподавателей Государственного Иркутского ун-та. Иркутск, 1923. Вып. 5. С. 312—313). (Представление о мытарствах вообще очень глубоко вошло в круг народных эсхатологических верований. Побывавшие в загробном мире («обмиравшие») рассказывают о том, что душам умерших приходится взбираться на огромную гору, на которой бесы устроили свои мытарства. (Поднимаются по ней только те, у кого есть ногти). В отдельных уголках России на сороковой день после смерти кого-либо из близких было принято печь длинную пшеничную лепешку с поперечными перекладинами по числу мытарств — «лесенку». Считалось, что, съедая ее, помогают душе усопшего преодолеть на том свете всех духов тьмы).

«Житие Василия Нового» существует в двух основных редакциях: Первая и Вторая русские редакции, которые представляют собой переводы двух разных греческих редакций. Первая редакция является гораздо более полной и древней (XI—XII вв.), хотя самые ранние из сохранившихся ее списков датируются XVI в. (см. Вилинский С. Житие св. Василия Нового в русской литературе. Одесса, 1913. Ч. I: Исследование; 1911. Ч. 2: Тексты). Текст «Хождения Феодоры» публикуется в Первой редакции по Успенскому списку Великих Миней

Четых: *ГИМ*, Синодальное собр., № 992, л. 658—670 (XVI в.). Отдельные исправления и дополнения вносятся по спискам: *РГБ*, собр. Ниловой пустыни, № 46 (нач. XVI в.); *ГИМ*, собр. Чудова монастыря, № 336 (1779 г.). Сложный синтаксис памятника и наличие «темных мест» не всегда сделали возможным дословный последовательный перевод его на современный язык. Для прояснения смысла отдельных предложений и фрагментов переводчики использовали тексты греческого оригинала и Второй русской редакции.

ОРИГИНАЛ

Въ время то умре достойнопамятнаа Феодора, иже много преподобному^[1] служивши въ днехъ своихъ. Отнюдь по ней вси печальни быша, елико же духовныа любве к преподобному имяаху, понеже имяахуть ю исходатайцу к преподобному, якоже и с любовию всѣхъ приимаше, благими словесы всѣхъ утѣшаючи, повелѣваючи всѣмъ на благое. Всегда кротка убо бѣ жена, друголюбезна же, и милостива, и христоролюбива, и цѣломудрена разумом, и проста нравомъ, и всѣмъ угождаючи.

Якоже рекохомъ, умерши ей, помышление прекословно въздвигохъ в сердцѣ своемъ о ней: которое улучи въздание в вѣцѣ ономъ, десное или шее. И множицею молихся преподобному, да исповѣсть ми о ней. Он же не радяше исповѣдати о ней, понеже досадихъ преподобному. И не възхотѣ мене опечалити, сего ради въ единъ от дний рече к мнѣ: «Хощеши ли видѣти Феодору?» Мнѣ же рекъшу: «Гдѣ ю хощю отселе видѣти, святыи отче? Уже отшедши ей от временныхъ к вѣчнымъ». Блаженный же рече ко мнѣ: «Узриши ю ктому и многотрудное свое помышление уставиши». Мнѣ же дивящюся: како и гдѣ ю мню видѣти? Зѣло бо жадахъ ея, якоже и она зѣло мя любляше.

Въ ту же ночь мало уснувшю ми, видѣхъ нѣкоего юношу, глаголюща ми: «Възвѣщаетъ ти, — рече, — честныи отецъ: “Прииди вскорѣ, зане ити хощю, в нихже пребываетъ Феодора сущи, аще желаеши убо видѣти ю”». Мнѣ же по възвѣщеніи острѣ ускорившю, видѣхъ бо, яко пришедшю ми къ преподобному, в нихже сам пребывааше, и не обрѣтох его. Въпрошающю же ми о немъ, рекоша ми нѣции ту сущи: «Отшел есть, глаголюще, сестру и прежде слугу видѣти». Мнѣ же ктому изумившюся, нѣкто отгуду сказа ми и путь ми показаль, по нему же ми шедшю и достигнухъ онѣх. Идущю же ми по пути, мняхъ тѣмъ путемъ ити, иже къ церкви честныа Влахѣрны, реку же, Святѣй Богородицы.^[2] Идущю же ми, обрѣтохся вънезаапу къ высокоу мѣсту идуща, преходище всечестное. И прешедшю ми то, приближихъ къ вратомъ, та же бяхуть зѣло утвержена. Смотрихъ же утрѣ скважнею, да некли кого видѣти възмогу. Видѣхъ же зѣло двѣ женѣ краснѣ сѣдящи. Възгласихъ едину от нею скважнею, рекохъ к ней: «Госпоже и сестро, чий есть домъ сий?» И отвѣщавши, рече ми: «Преподобнаго отца нашего Василя». Радому же ми убо бывшю, рекохъ к ней: «Здѣ ли есть, госпоже моа, преподобныи

отець нашъ Василий?» Она же рече ми: «Здѣ бысть, брате. По малѣмъ же отшествии пришедъ здѣ да посѣтитъ чядѣ своихъ». И рекохъ к ней: «Убо молю ти ся, отверзи ми, да вниду, яко и азъ чядо есмь преподобнаго отца Василиа и недостойнъ есмь». И рече ми она: «Никогдаже бо ты прииде сѣмо иногда или кимъ образомъ, не знаю тебе. Како ти отверзу врата и отиду отсюдѣ? Ибо бесъсѣта преподобнаго или повелѣниемъ госпожа Феодоры не могу сего сътворити». Мнѣ же молящюся ей и здрѣзновениемъ толкую: «Отврьзайте врата, да вниду».

Феодора же, внутри мятежъ слышаши, къ вратомъ приближися, хотяши вину увѣдѣти, и не вѣдяши, якоже страненъ нѣкто у вратъ пребываетъ сварящися, рече, смотряше изоуть, хотяши увѣдѣти, кто и откуда прииде. И якоже мя узрѣ предъ враты стоаща, острѣе множицею възглаашаше женамъ: «Отврьзѣте, ибо възлюбленный сынъ се есть господина моего». Они же вскорѣ отврьзоша. И възиде в срѣтение мнѣ, иже въ блаженнѣй обители пребываетъ, вся бо радостию неизреченною исполнена, яко часто видяхъ. Цѣловаше же, обиемлющи мя, и приимаше мя любезнѣ, и радовашеся, милостнѣ глаголаше: «Кто тя сѣмо присла, сладкое мое чядо, и паче отъ мира сего къ невечернему дню сему цы уже преставилься еси, яко сѣмо прииде?» Мнѣ же чюдящюся, что есть, о немъ же ми бесѣдуетъ, якоже бо не мняшетъ ми ся, якоже въ ужасѣ и въ видѣнии вижду видѣние. Рекохъ к ней: «Госпоже моя, азъ ти не умрохъ и еще бо молитвами преподобнаго отца Василиа въ мирѣ семъ пребываю. Тебѣ же ради приидохъ сѣмо и достигохъ, желаниемъ бо желалъ видѣти твое лице отъ того дню оставила еси насъ, и не вѣдѣ, камо прешла еси, како бо пребываеши, како нужду смертную преиде, како духи лукавыя преиде, како видяше, онѣхъ злокозненное пронырство. Видяхъ бо по ряду о сихъ в малѣ нѣкоемъ прежде мало възвращаа житие свое».[\[3\]](#)

Она же отвѣщавши рече мнѣ: «Что ти имамъ рещи, о чядо, о сихъ? Не изумѣюся, яже по дѣломъ моимъ вся злая ми и лютаа присрѣтоша мя. Заступлениемъ преподобнаго отца нашего Василиа тяжкаа легка ми быша, и лютаа и сопротивнаа — права, и, просто оному заступившу, сключыша ми ся вся злая на благое преложишася, благодати помиловавши насъ. Егда бысть ми умрети, чядо, како могу исповѣдати смертныя труды, каку бѣду имуть, каку нужду и колику горестъ отъ бесчисленныя болѣзни и стужения лютаа. Дондеже изыдетъ душа отъ тѣла, толикиа болѣзни стужаетъ си умирающи: яко нѣкто обнаживъ все тѣло свое и възляжетъ на угли горяща, множество прострѣнныхъ на земли, и помалу истлѣетъ огненнымъ жежениемъ, и горцѣ трѣпять. И тако ктому раставаяся разидетъ и отрѣкается душа — тако есть смерть горка, о чядо, и, свѣдѣтель Господь, паче подобныи мнѣ грѣшникъ. О праведницѣ же, како есть и бываетъ, не свѣдѣ и азъ бо окааннаа иже грѣхомъ жилище бывахъ.

Егда бо душу извлячях, видяхъ чистѣ множество ефиоп[4] синихъ, окрестъ одра моего мятущася и мльву творяща, рыкающе, яко пси и волцы дивии, яко море горкое грозящеся и зубы скрегчюще, бѣсящеся, въпиюще, яко свинии, испытующе дѣла моа, хартию вынимающе, другое оклеветаниемъ черниломъ написавше. И сквернена, и темна лица ихъ, ихже видѣние токмо бысть, яко видѣние геона огненаа, тии сквернии, сихъ убо лютыхъ не могуще зрѣти. И не доволна ми бѣшетъ си горестъ смертнаа, но имяхъ сихъ бѣду, что убо будетъ. Вращаючи ми ся сѣмо и онамо и от скверненаго видѣния и инде умнаго зрѣния мечуща, не хотяхъ зрѣти ни слышати нечестивыхъ крамол.

Видѣхъ от преславнаго оноу нѣкаа два юноши пришедша ко мнѣ, златы власы имуща на главѣ украшенѣ, бѣли, яко снѣгъ, краснѣ зѣло, сладцы вельми на видѣние, облечена же бѣаше в ризу, яко в молнию. Предста же на десное и стаа близ мене, втайнѣ к себѣ бесѣдующе. И глагола единъ от нею к синцемъ онѣмъ: “Бесстуднии и темнии, злии, проклятии и злобнии! Коя ради вины имѣете сего по обычаю лукавнѣ нападающе на всякого чловека житие, възстающе на мя и блядуще мятущеся, и плищюете злѣ шумяще? О губителие дивии, безумнии и несытии, и христоненавистницы! Не вельми радующеся, здѣ бо ничтоже не будетъ вамъ, нѣсть вамъ чѣсти ни жребиа. Едино токмо, еже стекостеся и отидете натщее”. Си ему глаголющу о нихже, еже сътворихъ от уности моя или дѣломъ, или словомъ, или помышлениемъ, выношаахуть на среду и възкликоса, поистиннѣ, яко безумнии нѣции, яко похаби, глаголюще: “Ничтоже не имамъ, глаголюще? А сий грѣхъ кто сътворилъ есть от юности своя?” Сихъ и инѣхъ блядуще, ктому ждахуть смерти.

Прииде бо и то. И бысть видѣниемъ яко левъ рыкаа, другойцы же яко юноша суровъ и бѣсяся. Оружиа всякаа нося и мечя, серпы, и пилы, и секиры, рожны и теслы, и ины многи пристроа, имже казнить различными образы на единого кождо смерть на всѣхъ. Видѣвши убо убогаа душа мучителя того, страхомъ обиата бысть. Глаголють убо ему юноша оны: “Что стоиши? Разрѣши съуз, тихо приими, не убо много имать тяжкий грѣх”. Пришед бо с малою секирою прикоснуса ногамъ моимъ и потом к рукамъ, и вся съставы моа испроверже, и исторже ми ногти. И абие убо умрыцвени руцѣ мои и нозѣ мои. Не имяхъ ся имущи руцѣ мои и нозѣ. Аз же, чядо, от горкиа болѣзни умрыцвена быхъ. Пришед убо паки усѣче главу мою, и ктому не можахъ двигнути главы моя, чюжи бо бяхъ. Потомъ же раствори в чѣши не вѣдѣ что, вдавъ ми пити нуждею. И, якоже испихъ, тако бѣаше горко, о чядо, якоже въздриновена бы душа нуждею страшною и отиде от тѣла. И убо уноши они краснии, отшедшей от неа, въ одеждахъ своихъ хламидныхъ приаша ю. В сердцы бо, о чядо, чловеку вся възлежить душа и в разумѣ духъ. Якоже бо мя приимшей они краснии, видѣхъ тѣло мое, идеже лежаше, бездушно и умрыцвено, неподвижимо и неключимо, чюдѣщися и дивѣщися, якоже нѣкто совлечетъ риз своихъ и положить на одрѣ своемъ, и той станеть, зря ихъ. И глаголахъ ти, о чядо, како истовѣ увѣдѣхъ аз, яко тако строатся убогому чловеку.

Якоже убо ктому дръжаахуть аггели Божии, объступиша тѣхъ темнии они, повѣдающе прегрѣшения ихъ. Аз же имяхъ слово въздати о нею. Пытающем же онѣмъ ктому, или есть у мене дѣло благо. И обрѣтаахуть благодать Господню, и сиа избираахут: или коли напоихъ чяшу студены воды или вина, или коли шедши посѣтихъ больнаго, или в темницы, или страннаго в келию свою введохъ или накормихъ, или коли сътворихъ стопы к церкви идущи помолитися, или коли вѣлѣхъ масло въ кандило на посвѣтъ святыхъ и честныхъ иконъ, или коли смирихъ гнѣвъ имущаа межи собою, или когда пролиахъ слезы ко Господу Богу моему, стоащи на молитвѣ моей, или коли лаяша ми, и претръпѣхъ, или коли умыхъ нозѣ братии, яко огнь полящи и смирение ми любяще, или коли слабого утвердихъ, или коли малодушнаго утѣшными словесы утѣсихъ, или кого когда възвратихъ от грѣхъ да не съгрѣшитъ, или коли страннаго введохъ суща духовна и полезна, или коли поклонихся Господеви моему покаяниемъ и паче въ дни святаго пощения и отвратихъ лице свое от всякаго оклеветания, и лъжа, и оболгания, и от лъжеклятия, или что праведно сътворихъ на томъ свѣтѣ. И събирающе же та, извѣсяхуть противу моимъ съгрѣшениемъ, и от когождо ихъ искупахуть ю. Сихъ онѣмъ прилежащимъ, велми мя ефиопи они клеветааху, противящимся аггеломъ Божиимъ.

И сему тако бывающую межю тѣмъ, внимаа узрѣхъ, се господинъ мой святой Божий Василие предста тѣмъ Духомъ Святымъ, рече краснымъ онѣмъ юношамъ, иже по мнѣ подвизаахуса: “Господие мои, та душа мнѣ в наслѣдие бысть, мнѣ бо поработа по вся дни и часы. Помолихся Господеви о ней, и Господь ми дарова ю. Приимете обаче сию — симъ искупит вся долги достигающи, егда миновати ей мимо мытаря”. Вынявъ изъ нѣдръ своихъ, вда обѣма уношама яко нѣкаку керстицу червлену, полную злата имущю, и рече к нима: “Аз благодатию Господнею богатъ сый зѣло по духу Господню бываа, сиа же от труда и пота моего искупихъ”. Сиа убо рекъ, въдавъ даръ и отиде. Они же убо реченнии бѣси, видѣвше, удивишася, въскорбѣвше на многъ чясъ и убояшася, въплъ же всепечальный, имже не получиша, и отбѣгоша. Сим же отбѣгшемъ, се прииде господинъ мой, сосуд масла чиста исполнена суща приносяща, повелѣша убо, и отворишася каждо сосуди они. И уноша ты възлиаша на главу мою, и быхъ исполнена масла, и очистися лице душа моя зѣло, и смотрѣхъ свѣтло и чисто, и радости бысть духъ мой исполнен. Рече избранный общій отецъ нашъ Василий иже мене хотяше свести: “Господие мои, егда достойнаа на души той скончаете, на мое устроение от Господа божественаго покоа ту, и сию съхраните”. И, се рекше, отидоша от лица мене носяще. И взявше убо они краснии юноши, и отступивше ногами своими от земли, яко облакъ или корабль по морю, тако к восточному пути на въздухъ мене носяще идяхуть на высоту невъзвратно.

Начяток первому мытарству. Усрѣтохом, еже творяхуть оболгание, ихже бысть съборъ ефиоп черныхъ нѣкий. Старѣйшина от нихъ с лукавствомъ многимъ пресѣдяше. Достигшем же намъ, стахомъ. И свѣдѣтели праведнаго суда, о чядо, ихже яко чловѣкъ оклеветахъ и коли и въ которомъ часѣ в мирѣ оном, обличяхуть предъ лицомъ лукавнующе. Откуда си увѣдѣвше, не вѣдѣ. Отрекшим бо ся намъ, онѣмъ же поистиннѣ облыгающимъ мене. Носящимъ от святаго оного одарения, еже ми отецъ мой вда, преподобный Василие, и абие минувше, и на вышний преидохом.

Потом же доидохом втораго мытарства, еже бяхуть суще оклеветание. И ту же подобна быша первому мытарству: от блаженнаго дара въздавшимъ намъ, безъ бѣды и сихъ минухом.

Идущимъ намъ напред, бесѣдовааху къ себѣ мене носящей: “Молитву въздати, — рекуще, — убогаа сиа душа о угодницѣ Божии Василии, яко велиа ей благаа съдѣа, понеже быхом нужду велику достигли, начяла и власти тмы преходяще”.

И якоже си бесѣдующе, доидохом третиаго мытарства, еже бѣ зависть. Благодатию же Господа нашего Исус Христа ничтоже не имущемъ суетнымъ онѣмъ оклеветати мя, ибо не помнях, коли кому завидѣхъ. Радующеся, и сихъ лукавыхъ минухом. И скрежетаахуть на мя они скверненоличнии ефиопи, якоже мняще ми, якоже в той чяс мене и мене носящихъ яко живыхъ въ гнѣвѣ пожрети.

Еще убо намъ на высоту идущимъ, постигохомъ четвертое мытарство, еже нарицается лъживыхъ. Бяхут бо ту ефиопи събрани мнози, ихже лица суетна и нелѣпотна зѣло. И старѣйшина мытарства удивленъ зѣло и предсѣдай въ лъстехъ. Видѣвше же насъ, скоро противу намъ вѣсташа. И дошедшимъ намъ до нихъ, мятяхуться проклятии, и приносяще на ны всяку лжу, и на мя нѣ с коимъ възвѣщаниемъ повѣдающе име, иже коли яко от несмысленыхъ женъ сългахъ. И сътворивше доволнаа иже мене водящей, и тако скверныа минухом молитвами и молениемъ, иже мою худость помиловахъ.

Еще намъ идущимъ напред, достигохомъ пятаго мытарства, болийъ соборъ ефиопъ имуще, иже нарѣкаашется ярость и гнѣвъ и съ гнѣвомъ ярость, иже окрестъ себе повелѣваашет. Онѣмъ же съ гнѣвомъ изыдающимъ самѣмъ, яко пси нѣции ядовитии. Якоже убо приидохомъ къ тѣмъ, развращена намъ съ гнѣвомъ и яростию отвѣщаша, да аще казни ради, или на чядо свое, или на кого иного разгнѣваахся или

прогнѣвание имяахъ, то и та исповѣдають лукавнующе обличяху, или что з гнѣвом и съ злопоминаниемъ гнѣваахся и прогнѣвахъ. Яко море горько и злѣ волнуется, тако въздаахут ми, ярящеся на мя. И приношахуть по именемъ посреде и тѣхъ, ихже прогнѣвахъ, яко человекъ, яряся на мя, и та словеса, яже тогда срекохъ, на негоже враждовахъ, и того чяса и того дни, часто представляюще. И отвѣщаючи к симъ достойнаа възлюблении они юноши, иже мя защищахуть. И отшедше оттудѣ, на высокий въздухъ идяхомъ.

Идущим же намъ, достигохомъ шестаго мытарства, иже нарицается гордыни. И ищущимъ онѣмъ оклеветати мя зѣло, благодатию же Божию не обрѣтоша ничтоже. Аз бо во ономъ вѣцѣ раба худа бѣх, а кому ся бѣхъ хотѣла гордѣти. Преидохомъ бо и сихъ, ничтоже плативше тѣмъ.

И еще нам идущимъ, достигохомъ седмаго мытарства, еже нарѣкашется буесловие, и срамословие, и безстуднаа словеса. Усрѣтоша ны власти мытарства издалеча, зѣло нудяще ны въздати суд. Приближихомъ бо ся убо к нимъ, и обличяхуть мя, еже въ уности моей блядослова съдѣх, елико же пояхъ срамныхъ, прикладываахуть ми, окааннии, лаанна ли или играюще срамословие, острѣе приводящи на искушение. Поистиннѣ сица бывша свѣдѣтельствующе, яко бояти ми ся, сих слышащи. Како бо сиа вѣдяхуть, окааннии? Ихъже и сама аз по толицѣхъ лѣтѣхъ забых минувшихъ. По достоинству бо симъ въздавше слово, идохомъ путемъ своимъ на выше идуще.

И достигохомъ осмаго мытарства, еже нарѣкаашеся лихва и лѣсть. Слуги убо мытарства того истинну о мнѣ испытавше, ничтоже обрѣтоша лѣсти ради и, не могуще обличити, остряхуть на мя зубы. Мы же, отшедше оттуду, путь свой далний шествовахомъ въистинну далече числа человекъ не имущи.

Доидохомъ паки девятаго мытарства, иже нарѣкашется уныние, сирѣчь тщеславие. Мнѣ же к тѣмъ ничтоже не имущи испытавше, преидохомъ вскорѣ.

И доидохомъ десятаго мытарства, еже нарѣкашется сребролюбие. Голка бысть в мытарствѣ паче инѣхъ мытарствъ. И в семь бо всякого человека ловятъ окааннии они и, в нихже вселяющеся, нудятъ я се творити, и паче иже на въздухъ въ всѣхъ иже старѣйшинство имуще творять. Испытавше и ти, въ мнѣ ничтоже не обрѣтоша, гдѣ бо у мене бысть злато, да быхъ имѣла к нему любовь.

Якоже убо и ты минухом, и достигохомъ иже въ пианственное мытарство. И стоахуть слуги того мытарства отдалеча, якоже волцы хищницы, всякого хотяще пожрети, проклятцы. Онии же убо носяще мя, якоже убо вдано есть, яко пытаются душа мимоходяще от князь власти тмы въздушныа. На то мытарство приидоша, нападше убо на ны горцыи они испытницы и мытоимцы и тычяша, яже в животѣ своемъ испихъ, в число и в мѣру имяахуть, речяхуть убо ко мнѣ: “Не испила ли еси в семь мѣстѣ селико чяшь? И уписа убо в сей день и в праздникъ при сихъ? — и сего нарицаючи. Не упи ли ся, не испи ли селико чяшь, егда к онсии еси дошла, егда тя усрѣлъ онси?” И вся ми о томъ сотворивши, нарицаахуть, хотяще мя исхитити от руку носящих мя, рикающе. Елико же вѣщааху, истинна бяхуть. Множицею бо якоже посредѣ житиа сущи, и ако едина от человекъ сущи, другу нѣкому приходящу, излиха испивахъ с нимъ купно и абие упиваахся. И что потомъ, — въдаше и симъ мои добрии вожди должное искупити грѣхи моа, и и-шедше, идяхомъ.

И бесѣдовааху ко мнѣ святии аггели, вѣнегда идяхом, рекуще къ мнѣ: “Видиши ли, каку бѣду имуть преити сих начялъ князь темныхъ въздуха сего?” Аз же рекох: “Ей, господие мои, многи нужди и бѣды бывають. Да кто сиа възможеть преити без бѣды и без мятежа? И мню бо, господие мои, никтоже в мирѣ ономъ, отнюдуже изидох, что здѣ бываетъ, не вѣдают отнюдѣ”. Рекоша они: “Вѣдаемъ и мы, якоже не вѣдуще, что ся здѣ дѣеть. Но аще быхъ чистѣ вѣдала о сихъ, то много ся быхъ попекла о сихъ грѣсѣхъ, паче же и о милостыни, та бо много поможетъ здѣ, и ктому противилася бы противу злымъ, искупилися быша, егда умирают, и сего ради преидуть духи. Но понеже не свѣдаютъ и живут в лѣности, потомъ же приходятъ вся та на ня. Да горе тому, иже не имать добраа и духовна. Да крѣплии будетъ на кровопиица, сиа достигаа и преходя, вѣнегда мимоидеть”.

Сиа намъ бесѣдующимъ, доидохомъ вторагонадесяте мытарства, иже нарѣкашется зловѣспоминание. И достигшимъ намъ, и к тѣмъ проклятымъ дошедшимъ, яко лукавии разбойницы скоро пытааху, егда что обрящютъ въ своемъ лукавѣмъ свитцѣ написано о мнѣ, да възмогут мене обливовати. И по молитвѣ святаго и преподобнаго отца нашего Василиа ничтоже не възмогоса обрѣсти и посрамишася лукавнии, ибо ласкова бяхъ въ ономъ мирѣ къ всѣмъ зѣло, любовь имущи и к малымъ, и к великимъ, яко и ты лѣплѣ свѣдаеши, о *чадо*. Ничтоже ми сотвориши, якоже речено, ни в семь имущи мене обиати, отидохъ посрѣдѣ ихъ, ничтоже от тѣхъ не приимши. И на прочее идяхомъ.

Идущимъ же намъ, въпрошаахъ ведущихъ мя: “Господие мои, молюся вамъ, ползу ми сътворите о семь словеси: о како сии вѣдаютъ сиа

дѣлающе беззаконие, коль далече суще, что мы, человеѣцы, въ ономъ вѣцѣ творимъ, бесчисленное удаление межю собою имуще?” Рече единъ отъ нихъ къ мнѣ: “Не вѣси ли, якоже всякий христианинъ лукаваго аггела имѣетъ с собою и вѣслѣдъ его послѣдующа и вся дѣла его злаа написающа? Тако же имущему благому благихъ дѣла, имже образомъ лукавнии, и тому пишущю вся. Елико же знаменають лукавнующии въ ономъ мирѣ коегождо *христианина грѣхы*. *И абие различають грѣхы, кожеждо* мытарства достоинство посылаетъ, да и онии же написущей я. Егда вѣсходитъ душа, и кождо ихъ имѣють нѣчто в себѣ, имже вѣзмогутъ препрѣти ихъ и вѣзвратити а в бездну, иже не имутъ дѣлъ благихъ. Егда мимоходя хочеть исповѣдаться, аще бо наша добраа дѣла умалются, егда по правдѣ препирають нас, вѣнегда та сравнаются с вѣсиломъ искупающе грѣхы, и мимоидем. Ибо, якоже речено, не имущемъ намъ дѣлъ праведныхъ, къ антихристовѣ злобѣ нас исторгающе, но от рукъ нашихъ биюще, въ бездну ю посылаютъ и заключающе въ тмѣ и сѣни смертнѣй до Страшнаго оного неотрочнаго суда. И такимъ образомъ елико же творятъ сѣгрѣшающе в мирѣ ономъ”.

И тако водящимъ мя бесѣдующимъ, мнѣ же дивящимся, достигохом третиагонадесять мытарства, еже нарѣкашется чародѣйство и потвори, волхвование и обавникъ, и подобнии имъ. Бяху воловнии дуси, иже в томъ мытарствѣ, змиини, и змиеви, и единорогимъ образу подобящеся, ихже видѣние тма и поползение. Горести бо бяху всякоа исполнени. И не имущемъ имъ оболгати мя, минухомъ и тѣхъ, ничтоже ихъ мнѣвѣше.

Паки же убо начяхъ вѣпрошати водящихъ мя: “Господие мои, молюся вамъ, всякъ грѣхъ, иже сотворить человекъ в мирѣ ономъ, всякому ли вѣздати слово отсюда отшедши, егда умереть, о тѣхъ, иже сотвори? Вижу бо, како мене и вѣмалѣ пытаются, и дивлюся”. Рекоша они ко мнѣ: “И всѣмъ не тако. Аще бы ты исповѣдала грѣхы своа духовному своему отцу, было ти епитимию приемши и послужила бы тѣмъ, да егда бы скончала та ти, тогда бы приала прощение от Бога и отца твоего и мытарства злаа и пагубнаа прешла бы нынѣ бес пакости, никомуже не могущю рещи слова на тя. Егда бо исповѣсть кто во ономъ мирѣ грѣхы своа и ктому дастъ себе на покаание, и отдасть ему Богъ, елико же будетъ согрѣшилъ, и ктому будетъ свободенъ, приимъ самъ невидимо оставление свое. Сии же в мытарствѣ бѣси, имуще сихъ беззакония в свитцѣхъ своихъ написавше, скоро отвивающе, яже написана, ничтоже ихъ бяху написали ни знамена отъ нихъ могуще обрѣсти, ибо Святыи Духъ невидимо заглади ихъ оттудѣ. Вѣдають бо иже въ мытарствѣ вси, якоже исповѣданиемъ загладишася, и скорбятъ, не уллучивше. Дивно бо есть покаатися преже смерти. Аще кто не упразнится покаатися, потааетъ прежняя своа сѣгрѣшениа, мнится въ покаании преставъ отъ грѣхъ, иже не покаются, здѣ имже видиши и твоя испытана”.

И тако намъ бесѣдующим, достигохом четвертагонадесяте мытарства, иже нарицашется чревообиадение. И от того мытарства изыдоша нѣции толсти и тучни, дивии, злии суще, большии бо суще, нежели прежнии. И сии обличахут мя, како ядях от юности моея от утра имже образомъ и свиниа, не вѣдающе о горцѣмъ семь мытарствѣ, како ядяхъ в говѣние от перваго часа, не сотворивши молитвы, якоже ядяхъ всегда вси в велицѣхъ пространствѣхъ, заврокающе и обѣдующи, сирѣчь и полуднююще, и вечеряюще, объадающеся чреву обиадениемъ. Сиа вся обличяху и поносяхуть ми, искусахутся пожрети мя, рекуще: “Въ крещении убо своемъ рекла еси и обѣщалася еси, отмѣтающеся сотоны и всѣхъ дѣлъ его. И како нынѣ по страшныхъ обѣщаниихъ онѣхъ и потомъ творила еси прегрѣшениа?” Въдавшимъ убо намъ и тѣмъ должное и испутивше прегрѣшениа моа, о нихже препирахут мя, преидохомъ и то скверное мытарство.

Достигохомъ пятагонадесять мытарства, иже нарицашется кумиролужение и всякоа ересе. Тѣмъ, иже с ними любовь имуще, испытахут тамо тако. Никакоже убо к симъ о семь възвратихом, ничтоже бо ти ко мнѣ о томъ имяхуть. Егда же в мыши и въ свиниа дивиа превращахуся, имуще величества долготу, якоже кити страшнии. И смрад страшный сушь окрестъ ихъ зѣло, и в сласть имяхуть смрада того, почивающе в немъ. Многи бо души, глаголахуть, привлекающе, всегда творяще тѣмъ подобнаа и умирающе, тѣмъ тамо хотящимъ преити, да поклонятся престолу благодатному, суще позорище идольское скверненаа и учюжденаа от всякаго благаго видѣния бываахут. Якоже разумѣвше, якоже женский духъ, ничтоже не имяхуть пытати. Се токмо испиташа въ мнѣ, рекуще, егда когда уна суши, сверстницѣ своей отроковицы любовь имущи, въ единой постели ноцию почивающи, яко женский ложественый грѣхъ сотвориши обою. Ничтоже в томъ тѣмъ обрѣтшим, и отступихом оттуду от скверныхъ тѣх.

[\[5\]](#)

Доидохомъ шестагонадесять мытарства, уже приближающеся къ вратомъ небеснымъ, ктому иже нарицашется прелюбодѣйство испытаниа. Бѣси же скоро нас усрѣтоша, пытахуть, тщание крѣпко имуще. И еще блаженному не пришедшю к намъ, съ другомъ своимъ пребываахъ в невѣжествѣ, ничтоже намъ в томъ не имущемъ, юномъ сущем, прельстившися, падохъ. Сего ради онѣмъ вельми мя препирающимъ. Водящии же мя вельми противляхуся, рекуще: “Не от иерей благословиася”. Сиче убо межю собою прѣвшимся, побѣдиша мои. Ничтоже имъ не вдаше, мимоидохом. Рекоша же они иже в томъ мытарствѣхъ суще: “Аще и нас преидосте, но вышнихъ не преидете, достигшимъ блуднаго мытарства”.

Идущимъ намъ тамо, достигохом седмагонадесяте мытарства, иже нарицашется убийство. Въ немже бѣ всякое убийство и всяки раны или

биение, или ино что, въсхищение или неправда от ближняго бывши. И истязаютъ бѣси, егда мимоидуть душа. Малы преобидѣвше нас и о сихъ, якоже множицею, и еще не в смыслѣ ми сущи, вражду сотворихъ жива сущи въ уности своей или коли за власы имшися с кѣмъ.

И потомъ оттуду идохом, достигохомъ осмагонадесять мытарства, иже нарицашется татьба. Тому к намъ пришедшю, подробну пытахуть. Мало насъ истязавше, мимоидохом.

Прешедше и тѣхъ, доидохом девятагонадесяте мытарства, уже къ вратомъ небеснымъ приближающеся, и то бысть блудный. Князь же убо того мытарства в ризу бѣ оболченъ, гноищемъ помазану, и кровию окропленъ, и крашашеся ризою своею по безумию своему, мняше бо нѣчто благо имѣа. Той же стоа противяшеся аггеломъ Божиимъ и с ними прашется скверныхъ дѣлъ ради о всякомъ недостоинствѣ и о совокуплении блуднѣмъ, выну смѣшающихся и в томъ пребывающе крѣпко. Слуги его вскочивъше и нас усрѣтоша, зѣло испытаахут ны о моихъ дѣлѣхъ, иже во уности моей, посредѣ покладааху, со мнозѣмъ дръзновениемъ обличяюще мя и поносяще. И тѣхъ мужьскихъ имена, с нимиже многажды, егда бѣхъ млада отроковица и въ игрѣ, страсовахъ с тѣми прироки и образы, и всѣхъ исповѣдааху, възвѣщающе. И имше мя и въсхитиша, хотяше съврещи долу. Много аггеломъ глаголющимъ, якоже преста, рече, и по чину и умолчя от всякого зла. Ти же рекоша проклятии бѣси: “Якоже, — рече, — преста и умолче, вѣдаемъ. Но обаче таи, и наша съхранена быша в ней, понеже любляшеть нас и не обличяшеть дѣлъ нашихъ покааниемъ никомуже на земли. Се мы обрѣтаемъ, якоже не исповѣдалася естъ, ни поработа епитемии, ни приаже оставления ни у единого же мниха от служебника его, иже въ свѣтлость ту обльченъ иже на очищение бесчестное. Обрѣтаемъ ту, никакоже по закону покаанию прилежавши. Да уже оставите ту нам, а вы идѣте. Что вамъ помощь, досюдѣ пришедшимъ, тоа ради и дѣлъ ея лукавыхъ, аще имате дѣло благо всегда?” Аггели же Господни, вдавшие имъ равно извѣстно от добраго дѣлания блаженнаго избавления ради душа ея, иже бѣ той себѣ стяжалъ, яко мнѣ от нихъ с показаниемъ оклеветаемъ, въземше мя, отидоша. Скрежетаху же они зубы своими на мя, страшнии они и сквернении, якоже избѣжавши ми ихъ, дивящимся тѣмъ, кто мя одари божественными тѣми дѣлы, имиже откупаахъ безакония моя от нихъ и не повиновахся имъ.

Идущимъ же намъ, рекоша аггели Господни ко мнѣ: “Видиши ли мытарство се, иже преидохом?” Мнѣ же рекущи: “Ей, видѣхъ”. Рекоша ко мнѣ: “Мало душъ отсюда избѣгають бес пакости, зане сущю суетному оному миру любоблудному, прелюбодѣйному и грѣшному. Всяку бо душу се мытарство въ единомъ приимаетъ и низлагаетъ, имже оскверняются в нечистоты блудныя, и низлагаютъ ю в бездну. Ту же заключаютъ ю въ тмѣ и сѣни смертнѣй до страшнаго пришествиа

Господа нашего Исус Христа. Ты же благодатью дивнаго оноу старца се убѣждала еси сих. И хвалящимся бес числа, якоже “Мнѣ, — рече, — исполнити имъ геону огненую, занеже душу прилежавшую нечистотѣ и блуду и повиновшися князю тмѣ и властелю сему мытарству блудному”. И се удовѣ и симъ, и ктому не узриши зла, якоже помилова тя Господь и угодника его ради Василиа”.

Сие тѣмъ исповѣдающимъ, достигоухом другаго мытарства, емуже бѣ имя немилосердие. Ту бо вси немилосердии, и вси скупии, и неблагосердии челоуѣцы горѣ от нихъ испытываемы. Егда вся заповѣди Божия исправиши, и будеши немилосердъ и немилостивъ, и ключить ти ся умрети, вся убо мытарства бес преткновения преидеши, аще и въ всѣхъ вреда не приимеши, то егда к сему достигнешь, абие того ту удержат горцыи того мытарства местницы и мытоимцы, и ако немилостива и немилосерда бують и въ мрачнѣмъ затворѣ адовѣ затворяють до общаго всѣхъ въскресения Богу, не милующю ихъ инѣхъ ради добродѣтелей. Якоже не вда убогому когда уломка хлѣба, ни мѣдницы брату нищему николиже, занеже не посѣти в болѣзни лежаща и в темницахъ и елико симъ подобнаа занеже не сотвориша, убо имуще скупость, и сребролюбие, и немилосердие, и немилостыню утѣшну показующе. Сия бо ми аггели Господни о томъ мытарствѣ ясно исповѣдаша, якоже рѣхом. И достигоухом сего мытарства. Старѣйшина мытоимства того отнюдь тонокъ, и зѣло иссохшъ, и вельми грыжавъ, якоже страсть немилосердия и скупость, немилостыня тацѣмъ образомъ и тацѣмъ студомъ себе преображается пагубный. Ибо немилостивии челоуѣцы, егда кто от убогихъ еже что от него испросит, абие грызется по обычаю, яко страсть имѣ, и отметається вопросу. Тацѣмъ образомъ нечествовашется пагубный онъ и звѣрообразный. Намъ же к мытарству дошедшимъ, слуги же его, иже ту бяху совокуплени, скоро пришедше дѣлѣ ихъ взыскааху испытывающе. Ибо множество милостыня сътворивши: егда вдавши ми укрухъ убогому, овогда же мѣдницу, или воды чяшу, или вина душа моя ради спасения просто, яко сила моя можааше. Радость ми тамо въсприимши, веселящися от нихъ, и внутрь врата небеснаа внидохъ. Ничтоже бо не возможе насъ от правыхъ възбранити.

Врата же небеснаа бяху яко обличие хрустала свѣтло свѣтящася. И окрестъ ихъ красно, яко от звѣздъ свѣтлыхъ или иного нѣкоего свѣта, яко обличие злата имущи украшена и лѣпотна. Уноши же у вратъ въ златѣ одежди, молниєю препоясани, и нозѣ ихъ украшены огнемъ непостоаннымъ свѣтломъ. И тои веселяшеся и приатъ насъ, радуася, якоже избѣже от насъ душа бес пакости горкихъ онѣхъ мытоимствъ тмы въздухъ, боле славляаху Бога. Идущимъ же намъ внутрь небеса водъ множество, иже бяху надъ твердию, идущи преидоухомъ, ибо бысть яко раступающися и бѣжащи отъ лицъ нашихъ напередъ на страны, и назади же совокупающеся.

Прошедшем же намъ тѣхъ вод, иже над твердию, приидохомъ къ въздуху нѣкому страшному и недоумѣнному. И на томъ покровъ златъ блещашься, страшнаа пространства ефера оногo въ пространствѣ противящеся. Бяхуть бо на томъ покровѣ уноша нѣкой лѣпотны, имже не бѣ числа, огнемъ облечени, якоже блескъ солнечный, идуще на запад. И власи ихъ, яко молния, ноги ихъ бѣлы, яко млеко, лица же ихъ яко снѣгъ, и паче сторицею свѣта сладчяе зѣло свѣтящеся. И узрѣвше убо мя въ руцѣ носящихъ мя честныхъ аггелъ Господнихъ, идуще спутьшествоваху, ослабляющеся и веселящеся играху, радуящеся о мнѣ, якоже, рече: “Приимшю ю душу въ час на спасение въ царство небесное”. И с нами идяху, поюще пѣние сладкое, занеже идяхом поклонитися огнеобразному престолу Божию. Идущимъ намъ, и облакъ, не яко облакъ поднебесный, но облакъ образомъ, яко цвѣтъ рдящеся, паче сихъ сторицею свѣтлѣе. На единой странѣ взятыя облакъ, якоже завѣса нѣкоя бѣла, яко свѣтъ, и та премѣнися. И се подаль дворъ златъ долѣчный ми свѣтася, многошарный, и в златѣ славѣ различными образы сияюща, и сладко веселиа ныня отшедши от тѣхъ. И се въздухъ огнеобразенъ, и благоухание Господне мастно и сладко.

И прешедшимъ намъ мало, узрѣхомъ, и се на высотѣ въздуха бысть бес числа зѣло престол Божий, престолъ бѣлъ и многоукрашенъ, сияние блистаа паче и просвѣщаа предѣлы и препитаа вся, иже ту стояти достоини. Окрестъ бо престола Божия златочистыа уноши высочество, яко кипариси, в качѣство блистание имуще лѣпотно, облечени в багряницу и въ одежду свѣтлу и страшну, ихже слово человѣчьско изрещи не можетъ. Пришедшимъ убо предъ страшный престолъ онъ, идеже бесчисленное высочество, видящимъ намъ непостоанную славу, вѣистинну правду, благость, трисѣставно въспѣша пѣние иже со мною идуще к престолу Божию. И иже на престолѣ страшнѣ почивающе от невидимых. Трижды абие поклонихомся Отцу и Сыну и Святому Духу и прославиша Святую Троицу, престоющую выспрь на огнеобразнѣ въздусѣ купно с нами, о спасении моемъ въ славѣ хваления. И се глас лѣпотенъ зѣло и крѣпокъ от высоты, рекущъ ко мнѣ *носящимъ* мя: “Ведше ю около, — рекуще, — иже къ всѣмъ душамъ, на всяком жилищѣ пребывающимъ, святымъ и к преисподним, и потомъ покойте ю, въ нихже заповѣда вамъ угодникъ мой Василие”.

Отшедшимъ же намъ оттудѣ, въ жилища святыхъ идяхом. И се бесчислени, имже не бѣ числа зѣло от солнечныхъ лучъ, от виса [\[6\]](#) и перфиры сияния и лучъ и от инѣхъ многихъ ваповъ красныхъ божественыхъ бесплотныхъ, иже просвѣщаютъ просвѣщениемъ и страшнымъ сияниемъ святыхъ обители рукою Божиею несказанною. Въ нихъже и ти доидоша на поле едемское въ благоуховную пажить, идѣже истекаше вода умнаа, вода животнаа, въ мѣстѣ покойнѣ, въ мѣстѣхъ святыхъ почивалныхъ. Си же вся бывахуть яко полаты прекрасны, жилища и храми, онии же десницею Господнею ухитришася. И другъ друга святыхъ зряще, дивяхуся от страшнаа красоты не насытящеся. Поприсну бо бяхуть апостоли, присно же

пророцы, присно же мученицы, присно же святители, присно же преподобнии и праведнии. Когождо ихъ приготова жилище себѣ, иже суть в долготу и в ширину яко царьстии гради,[\[7\]](#) от нихже она отшла есть и в нихже вселятся. Всеи же убо святии, выходящей от своихъ жилищъ, духомъ умнымъ целоваахуть мя, веселящеся и радуящеся о моем спасении.

И доидохом же до ядръ Авраамовѣхъ, и се исполнь славы нестарѣющая ядро его. Не телеснаа бо ядра его, но мѣсто отлучено есть. Ядро то дивно бывааше, исполнена воня духовныя, и воню цвѣтною и доброуханною, и ароматы духовными и небесными, и пажитми вышними утѣшена, и възлюблена, и исполнена; ихже благовѣздушно видѣние и доброты, аще исповѣдаю ти, земными словесы съвершити не можемъ. Ту бо платы умныя от свѣтлыхъ лучъ с особными патриархи духовными хитростями состроены от Господа Вседержителя, умножениемъ лучъ и страшными свѣтлостями измечтана и украшена, добраа лѣпотнаа. Въ нихже младенцы христианстии, елико же ихъ есть банею бытийскою, по разрѣшению связаниа плотскаго окрестъ его славою неизреченною ликующе, реку, окрестъ Авраама, Исаака и Якова.[\[8\]](#) Ибо и ти ту пребываахуть и со обѣманадесяте из нихже обѣнадесяте племени Израилеви на столѣхъ дивныхъ почивающе. Имже образомъ видиши солнечныя луча свѣтящася, обиаи бо сихъ не можеши, тако приравнающихся души святыхъ видимыхъ убо от тѣхъ подобныхъ святыхъ душъ образомъ телеснымъ измѣнение имущи безвещественны, якоже солнечныя луча объяти плотнѣй руцѣ не могуще.

И тако, о чядо, многаа оставивше, прешедше окрестнаа раа и долнѣйшняя и сокровища адова, иже сокруши тамо Господь Богъ нашъ Исус Христос, възвратившем же ся намъ на запад, идѣже горькиа муки и страсть ждуть убогихъ, таковых же, якоже азъ, грѣшнии. Сиа вся показа ми аггели Господни и рекоша ко мнѣ: “Видиши ли, от великиа бѣды избави тя Господь?” Ибо видѣхомъ сокровища темнаа она, въ нихже въ тмахъ и сѣни смертнѣй всяки душа иже от вѣка заключаются, якоже пѣсок, иже при краи морьстѣм, или паче персти земныхъ. И в забытие иже тамо суть лукавых не могуще свѣта сладкаго видѣти в вѣцѣ ономъ, ини выну въпиють: “Увы мнѣ!” И бес престани въскликають горцѣ, алчюще разумнѣ и жаждуще питиа спасенаго, и обнажены от всякиа одежда духовныя, и скверными прегрѣшени изъядаемы: “Охъ, ох, увы!” Выну, о чядо, якоже прежде рекохъ, душевное просвѣщение, и не ктому ини плотски въпиють, и нѣсть помилюющаго. Егда когда душа мимоходитъ, тамо свѣтъ суще, аггелы Господни просвѣщаютъ она, въ нихже они мимоидут, показующе душа праведныхъ, иже тамо вся да видѣти иматъ, в каки тмы горки уклонихомся. И на десный путь чистѣ повелѣнием Господнимъ възвратившемся и на уньший живот.

И киймъ образомъ преходит? Сиа вся преходить в четиридесяте дний, отнѣлиже отидох от убогаго моего тѣлеси и к сему покою, въ немже мя видиши сушу, не моего, но преподобнаго отца иже въ святыхъ Василиа угодника Божиа, иже еще живет в мирѣ оном, душа гиблющаа зѣло и блудящаа и приведетъ Господеви Богу жертвы духовныа в воню благоуханна. [\[9\]](#) Ибо ины многи душа быша здѣ со мною, ихже прежде мене восприят от пути безаконна ихъ и очисти ихъ добрѣ и спасе о Господѣ. Ибо вѣдаю здѣ господина Иоанна духа и оспожю Елени, [\[10\]](#) подружие его, иже добрѣ послужистѣ ему в мирѣ ономъ, прочихъ душа суть здѣ, от далнихъ временъ не вѣдомо здѣ. Но обаче прииди въкупѣ со мною, и въ внутреняа внидемъ, да увѣси, въ нихже пребываю. Ибо господинъ нашъ избрал ны преподобный отецъ в чяс сей духомъ своимъ здѣ пришед».

Нам же пришедшим, и смотряхъ на преподобную. И се вся каплющи божественое масло, и помазана миромъ и нардою [\[11\]](#) истинною многоцѣнною, и чюждахся дивяся. Пред мною идяше в бѣлу ризу, яко снѣжну, оболчена и сундарь от виса на главѣ носящу. Внидохом бо яко въ дворъ, и помость того двора златом и камениемъ блещашься и украшенъ, и скверности в немъ не бысть отнюдъ. Посредѣ же златоявленныхъ камней сади процвѣтше всяцыи красни бывааху насаждени, стоаху, неизреченную имуще радость, имже на ня зрѣти хотяще весело. Въздвигшем же ся намъ на вѣстокъ двора того, видѣхъ платы свѣтлы страшно устроено во множество велики высоты суще. И еще не отшедшимъ намъ оттуду, близ же тѣхъ полатъ, сирѣчь близ вѣсход ихъ, стоаше трапеза велика, яко лакоть 30, и тако бѣ от каменна измарагда, лучя вѣспущающи свѣтлы. Наверхъ ей амигдалный сад красен, якоже зѣло цвѣтущъ, и покрывааше выше над трапезою до конца, и красоты трапезы тоа творяше неизреченныа. На трапезѣ же велики мисы лежаща позлащены, яко молния видѣниемъ, каменообразны измарагды, сардонихи [\[12\]](#) зелении свѣтлии суще, от всякого каменна, исходящаго из раа, зѣло измечтани, приводящеся в высоту. Брашна же посредѣ ихъ лежаща, овощи страшено и ушарении украшени, багрянообразны и млечно видѣниемъ, яко стеблие кринное и червленообразно, другое многоизмѣсны и несказаны бывааху. И цвѣти же убо различни лучьшии лежааху на мисахъ, и верху цвѣтъ тѣхъ овощи неизреченнии они лежааще неизглаголаннии умомъ чловѣчьскимъ. От овоща того свою сласть имущи в себѣ, якоже смѣшающихъ онѣх воню въ единение насыщающихся сласти ихъ ктому не восхотяшется.

Бѣ же *святый* блаженный Василий на столѣ чюднѣ на верху трапезы, яко господь тѣхъ, *въ славѣ* почиваа. И стол бѣ зеленъ страшенъ блистаниемъ и своа лучя имущи. Множество же на трапезѣ с нимъ свеселяхуся дивнымъ тѣмъ овощем и съ всекрасными цвѣты, бяху бо не яко чловѣцы плоти не имуще, но яко огненными лучями солнечными кождо ихъ въ льготѣ. Тако и бяху видѣние нечловѣчно по истовому сложению обоюду имуща не увядающа, развѣ мужска полу и женска. Елико же питаахутся на трапезѣ оной дивнѣй, наипаче умножаашется

царьскаа она пища и чюднаа, духовнаа убо сущи и мановениемъ Господнимъ ту съкровена. Ядущей же неизреченныя радости исполняхуся и веселиа прерадованна, и бяхуть веселомъ лицомъ вси другъ къ другу прелетающе, и якоже сладкимъ вѣщаниемъ прекраснѣ бесѣдуще. Черпахуть же имъ образомъ нѣкимъ червленоогнено видѣниемъ зѣло свѣтло сияюще безвещественыхъ снѣжносѣянными нѣкими чашами. Егда приимаше кто отъ тѣхъ чашу испити дивныя она дѣтели, иже отъ видѣнія токмо веселие черплющихъ неизглаголанно, скоро неизреченное наслаждение Святаго Духа вси исполняхуся на многъ часъ, свѣтяшеся ему, яко свѣтъ, сластоносное лице. Ибо служащей имъ огневидны юноша прекрасны и бѣлилицы, якоже руно, и мышца ихъ, яко млеко, оболчени въ червлену ризу, безвеществены, ушарены красно, и ноги ихъ яко снѣгомъ препоясаны, яко отъ небеснаго лука, якоже тремя ряды превузами различными блещася, и наверхъ главы ихъ златыми камени и бисеромъ украшены и всяцѣми стройными вѣнцы.

Пришедши убо предъ мною дивнаа она старица, с неюже азъ тѣхъ видѣти приидохъ, повѣда о мнѣ блаженному. Онъ же, яко веселиемъ ослабився, къ себѣ приити ми повелѣ. И ктому приближившю ми ся къ ней, и общее поклонение сътворшемъ, рекшю ми: «Благослови чядо свое». И тихо вѣщаниемъ честный рече ко мнѣ: «Поздраву ли прииде, чядо? Господь Богъ ущедритъ тя, и благословитъ тя, и освятитъ тя, и съблюдетъ тя въ благо, и просвѣтитъ лице свое на тя, и исполнитъ тя отъ всѣхъ небесныхъ и на земли добраа, и послеть ти помощь отъ святаго жилища своего, и отъ Сиона аггелы и архиаггелы крѣпки и пречисты въ оружие въсхищени заступятъ тя». Мнѣ же на лице зрящю помоста онъ, рече къ мнѣ праведный: «Се Феодора, — показа мнѣ, — о нейже бес числа моляшеся, како уллучи наслѣдие. Видиши ю, како стоитъ предъ лицомъ твоимъ. Ныня убо никакоже не навѣдовай о ней, уже бо ти ю показахъ». Она же, честнаа человѣческаа и помилованнаа отъ Господа преподобнаго ради, сладкаа видѣнія смотряше на мя. «Възвеселишися, чядо, и възрадуешися, — рече, — и благословишися, якоже попечяловалъ еси о мнѣ убозѣй. И Господь Богъ поспѣшилъ ти есть и исполнитъ ти желание молитвы ради господина нашего, отца и пастуха, иже много милости сътвори съ нами». Симъ тако съвершившемся ту съ нами, всѣхъ очи иже на трапезѣ той питающихся съ нами съ молчаньемъ многимъ бывааху смотряще.

Потомъ рече къ ней преподобный: «Иди вкупѣ со мною и покажеша ему иже въ раи нашихъ садовъ красоту». Поимши бо мя *та, на десную страну двора того* идяховѣ. И се врата дивна и златомъ создана, и стѣны ограды тому на *высоту* въздвигены. И отвръзъшимся вратомъ, внутрь въ не внидохомъ. Бяшетъ бо въ оградѣ томъ позлащено былие, цвѣтомъ неизреченнымъ украшено, и добротѣ того дивящу ми ся. И воня благоуханія исхождаше отъ цвѣта того. Внимахъ бо, како мя показовааша водящии мя. Видѣхъ бесчисленный садъ, 70 измѣнений имуща, числа не приимающе, каждо ихъ множащюся плоду безмѣрну,

якоже съкрушающемся вѣтвемъ, хотящим единою бо плоди и еже на трапезѣ едоми. Якоже видя разумѣхъ страшныхъ онѣхъ избытки бываахуть. Чюдящую же ми ся о красотѣ садовнѣй и о страшныхъ и дивныхъ плодѣхъ, яко николиже толикихъ чюдесъ бѣхъ видѣл.

Рече ко мнѣ водящия мя: «Что симъ чюдишися? Аще поидеши ко оному раю, егоже на востоцѣ Господь насади, болѣ имаши ужаснутися и изумѣтися, яко сей ко оному стѣнѣ бысть и сонѣ». Глаголахъ убо азъ к ней: «Молю ти ся, кто насади раа сего? Никакоже убо азъ видѣхъ сего нигдѣже того раа». Рече она ко мнѣ: «Како бо ты възможе видѣти в суетнѣмъ мирѣ ономъ толику правду, иже рукама Вышняго състроены? Ибо вещи сиа, яже видиши, умна суть, и мы здѣ умомъ преходим. Труди бо и поти божественныхъ подвиговъ преподобнаго отца нашего Василиа, ихже от самоа уности его творяше, тружашеся, потяся и бдя, на земли легаа и моляся, зной и мразъ трѣпя въ пустыни и зелие ядый, токмо въ многа лѣта прежде въ град сей [\[13\]](#) пришествиа его — сего раа приобрѣте. Иже бо что съдѣлаеть в мирѣ ономъ, симъ причастникъ будетъ въ вѣцѣхъ семъ, трудъ бо плодъ своихъ снѣси. [\[14\]](#) Якоже многажды слышахъ преподобнаго сего глаголюща». Мнѣ же ктому дивящюся, якоже, рекши ми, умомъ дошедшимъ здѣ. Мняхъ бо тѣлесы суще здѣ, себе искахъ рукою руки осязати, есть ли въ мнѣ кость и плоть. Якоже пламень огненный видя кто и простеръ руку хочеть яти его и не възможе удрѣжати, тако себе осязаа, размышляхъ чистымъ чювствомъ помышление имущи, иже тамо дивяхся духомъ. Возвратившемся намъ предъ дворъ, трапезу же тѣщу обрѣтохомъ, ничегоже у нея. Мняхъ убо целовавъ приснопоминаемую ту отити от нея.

И мнѣвшю ми ся вѣнурѣ бывшю, възбнухъ от сна и в себѣ размыслихъ, что ли ми исповѣда, гдѣ ли бяхъ отшел, что видѣхъ внурѣ двора того, вѣшедшю ми в дивную ту и паче слова сущю. Вѣставъ, идохъ к блаженному, чяа, ци ми что исповѣсть о сихъ, истинна ли си видѣние се или неистинна быша. Бывшю же ми у блаженнаго, по поклонению моему и по повелѣнию иже к нему повелѣ ми сѣсти. Сѣдшю же ми, рече ко мнѣ: «Вѣси ли, гдѣ в сию нощь пребывахом?» Мнѣ же по искушению рекшю: «И гдѣ убо бѣхомъ, господи мой? Всячески на одрѣ моемъ сладцѣ спяхъ». «Единѣмъ токмо и намъ сущимъ вѣдѣ убо, яко тѣломъ единъ спалъ еси на одрѣ, а духомъ индѣ ходилъ еси. И не вѣси ли, колики азъ показахъ в сию нощь? Не Феодоры ли еси видѣлъ? Не ко вратомъ ли мысленаго дому, егоже доиде, и изшедши, приять тя, въ нѣ же вѣведе тя? Потомъ же и о смерти ея, яко нужда преити есть, чядо, исповѣдала ти есть власть темныхъ иже на въздусѣхъ, злобу мытарствъ тѣхъ? Не внурѣ ли еси с нею вшелъ въ дворъ? Не видѣ ли оноа чюдныа трапезы и изряднаго строения ея, и каа дѣла ея, и кии овощъ предложениа ея, и како ея дивныа цвѣты, и какия уноша иже на трапезѣ духовное служение исполняаху? Не зряше издавечя стоа дивнѣхъ полатъ? Не ко мнѣ ли на трапезу преиде, егда ти показывахъ, о нейже ти желание бысть увѣдати, кую чясть получила есть? Не мнѣ ли рекшю ей, поимши тя, в рай внити? Како златовѣсходное оно стеблие въ умѣ приимаа

ужасашеться, дивясь цвѣтныхъ тѣхъ красот, видѣль еси присноцвѣтущихъ садовъ онѣхъ и плодовъ ихъ свѣтлость и неизглаголанную красоту? Не сихъ ли видѣ в сию ночь всѣхъ и оттуду прииде? Како исповѣдаеши, якоже “Ничтоже видѣвшю ми”?»

Яко си мнѣ услышавшу, страхомъ неизреченнымъ обиятъ, и слезити начяхъ и мочити лице свое, въ умѣ приимаа, како великое се свѣтило бываетъ, якоже той поистиннѣ тамо бысть и, якоже тамо бысть, вся мудрѣ исповѣда. И, отвѣщавъ, рекохъ къ блаженному: «Ей, святче Божий, тако быша, якоже изрече. Благодарствованіе пролью предъ Господемъ моимъ, якоже мя Господь Богъ сподоби познати тя, и быти под кровомъ крилу твоею, и приати толика чюдеса страшна». Блаженный же рече ко мнѣ: «Аще житіе свое препроводиши в добродѣтели, о чядо, повелѣніемъ челоуколюбца и щедролубиваго Бога нашего примутъ тя тамо, да будеши вкупѣ со мною въ бесконечныя вѣки, ибо самъ азъ от челоучѣския вещи отхожу. И потомъ, нѣ по колицѣхъ временѣхъ, отшед житіа сего, приидеши ко мнѣ, въспитѣнъ в дѣлѣхъ добрыхъ, якоже ми Господь обѣща. Внимаи: дондеже еси в житіи семъ, да не увѣсть о сихъ никтоже всѣхъ. Подобаесть бо недостойнаго житіа моего исписавше оставити в житіи семъ, и буду ти о семъ поспѣшник». Сиа ми преподобнаго отца нашего, пастуха, и учителя, и владыки явѣ заповѣдавши, слезами обиятъ быхъ, възлюбленныи мои. И дивяхся духомъ, едва бо инѣмъ бесѣдовааше часто, якоже къ мнѣ недостойному.

Всегда вѣщавааше в притчяхъ бесѣдовааше, всѣмъ страшенъ сый и больша, в гаданиихъ зѣло хитръ сый, и мудръ, и утвержень. Многажды же бо творяше суетныя ради славы челоучѣския и буйственаа на ся нанося словесы, токмо на сиа прилагаа, а ино ничтоже, якоже бо знаменія и чюдеса творяше. И вси вѣдающе его яко единого от апостолѣ чѣтаху. И инии же излиха чюдяхуся о немъ, о чудесехъ иже творяше, в нихже изволяше простотою ти Иоанна Богословца[15] нарицааху пришедша. Тако бо бѣ възлюбленный отецъ нашъ Василие и свѣтило еже въ святыхъ. Великий отецъ нашъ Василие чюдное житіе прошедъ въ святыхъ на земли, весь равенъ аггеломъ, великое прибѣжище напастнымъ абие явися.

[1] ...преподобному... — Т. е. Василию Новому. Василий Новый — греческий святой; с юных лет принял иночество, скитался в непроходимых пустынных горах, а затем, при императорах Льве Премудром и Константине Багрянородном, подвизался в Константинополе; прославился своими мученическими подвигами, юродством, пророчествами и чудесами; умер в 944 г.

[2] *...къ церкви честныя Влахѣрны... Святѣй Богородицы.* — Влахернский храм Пресвятой Богородицы был построен в V в. и являлся домовою церковью византийских императоров. С этим храмом связан один из важнейших христианских праздников — Покров Пресвятой Богородицы.

[3] *Видяхъ бо по ряду... житие свое.* — Предложение переведено с использованием греческого текста. Дословный перевод соответствующего предложения в греческом оригинале следующий: «И я нечто знаю из Священного Писания о духах лукавых, мне ведь и самому предстоит в скором времени умереть».

[4] *Эфиопы (ефиопы)* — одно из названий бесов в древнерусской литературе.

[5] *Достигохомъ пятагонадесять мытарства... от скверныхъ тѣх..* — В греческом тексте и во Второй русской редакции данному фрагменту соответствует описание двух разных мытарств — «кумирослужения» и «мужеложества и детосквернения». В публикуемой редакции произошло объединение этих двух мытарств в одно («кумирослужение»), поскольку при переводе с греческого начало повествования о мытарстве «мужеложества и детосквернения» оказалось опущено. Вследствие этой ошибки сократилось и число мытарств: 20, а не 21.

[6] *Виссон* — драгоценная тонкая и мягкая льняная ткань пурпурового цвета. В Священном Писании — символ роскоши и праведности (ср.: «Виссон же есть праведность святых» — Апок. 19, 8).

[7] *...яко царьстии гради...* — В греческом тексте речь идет о Константинополе.

[8] *Авраам, Исаак, Иаков* — ветхозаветные патриархи, священные родоначальники еврейского народа (его 12 колен). В христианской иконографии их изображение является неотъемлемым элементом композиции Страшного Суда. Авраам, Исаак и Иаков пребывают в раю (в «лоне Авраамовом»), в их «недрах» находятся младенцы — души праведников.

[9] *...и приведетъ Господеви Богу жертвы духовныя в воню благоухания.* — Ср. Фил. 4, 18.

[10] *Иоанн и Елена* — духовные дети Василия Нового, жители Константинополя. В житии рассказывается о том, как Василий чудесным образом исцелил Иоанна от лихорадки («трясавицы»). Постигнув таким образом святость Василия, Иоанн пригласил подвижника жить в его доме. Когда Василия подвергли мучениям по приказу одного из патрициев, Елена, жена Иоанна, заступилась за святого, была жестоко избита и вскоре умерла.

[11] *Нардовое миро* — ароматная драгоценная мазь, которая производилась из нарда, индийского растения; упоминается в Священном Писании (Иоан. 12, 3).

[12] *Сардоникс* — священный драгоценный камень красно-белого цвета. В Откровении Иоанна Богослова он упоминается среди камней, украшающих основания стен небесного Нового Иерусалима (Апок. 21, 20).

[13] *...въ град сей...* — Т. е. в Константинополь.

[14] *...труд бо плод своихъ снѣси.* — Ср. Пс. 127, 2.

[15] *Иоанн Богослов* — один из двенадцати апостолов Иисуса Христа, автор четвертого Евангелия, трех Посланий и Откровения.

ПЕРЕВОД

В то время умерла достопамятная Феодора, которая много преподобному служила при жизни своей. Весьма по ней все печальны были, ибо духовную любовь к преподобному имели, она же просительницей у преподобного была и с любовью всех принимала, утешая благими словами, направляя всех на доброе дело. Ведь всегда кроткой была она, дружелюбной, и милостивой, и христоролюбивой, и целомудренной разумом, и простой нравом, и всем угождала.

Как уже сказали мы, умерла она, и воздвиг я в сердце своем сомнение: какое воздаяние получила она на том свете, райское или преисподнее. И часто просил преподобного поведать мне об этом. Он же не спешил рассказать о ней, ибо досадил я преподобному. Но не хотел меня опечалить и поэтому однажды сказал мне: «Хочешь ли видеть Феодору?» Я же ответил: «Как же увижу ее теперь, святой отец? Ведь уже отошла она от суетного к вечному». Блаженный же сказал мне: «Увидишь ее и многотрудное сомнение свое оставишь». Я же удивился: как и где смогу увидеть ее? Ведь очень тосковал я по ней, и она меня очень любила.

В ту же ночь, едва я уснул, увидел некоего юношу, говорящего мне: «Зовет тебя, — сказал, — честной отец: „Приди скорей, если желаешь увидеть ее, ибо хочу идти туда, где ныне пребывает Феодора“». И увидел я во сне, что, поспешив по зову и придя к преподобному, туда же, где и сам я жил, не нашел его. Когда же спросил о нем, ответили мне те, кто был там: «Уже ушел он, сказав, что сестру и прежнюю слугу свою увидеть хочет». Когда же удивился я этому, некто оттуда показал мне путь, по которому я должен идти, чтобы разыскать их. Когда же пошел я по этому пути, то оказался на дороге, ведущей к церкви Святой Богородицы Влахернской. Направляясь туда, внезапно почувствовал я, что иду вверх мимо храма. И, оставив его за спиной, приблизился я к

воротам, они же были плотно закрыты. Посмотрел я сквозь замочную скважину, не увижу ли кого-нибудь. И увидел, что сидят там две прекрасные жены. Позвал я через скважину одну из них и спросил ее: «Госпожа и сестра, чей этот дом?» И ответила она: «Преподобного отца нашего Василия». Обрадовавшись, спросил ее: «Здесь ли сейчас, госпожа моя, преподобный отец наш Василий?» Она же ответила мне: «Он здесь, брат. После недолгого отсутствия пришел он сюда, чтобы навестить духовных детей своих». И сказал я ей: «Молю тебя, открой мне, дай мне войти, ведь и я есть недостойное чадо преподобного отца Василия». И ответила мне она: «Но ведь никогда прежде ты не приходил сюда, и я не знаю тебя. Как же открою ворота тебе и уйду отсюда? Ведь без позволения преподобного или повеления госпожи Феодоры не могу этого сделать». Я же умолял ее и с дерзновением стучал: «Откройте врата, и войду я».

Феодора же, услышав шум и желая узнать причину его, приблизилась ко вратам и вначале не поняла, кто же это у врат спорит, и посмотрела изнутри, чтобы узнать, кто и откуда пришел. И когда увидела, что это я перед вратами стою, сразу возгласила женам: «Откройте, ибо это возлюбленный сын господина моего». Они же быстро отворили. И вышла навстречу мне она, в блаженной обители пребывающая, вся исполненная радостью неизреченной — *такая, какой* я часто ее видел. Обнимая и любезно принимая, целовала меня, и радовалась, и ласково говорила: «Кто тебя сюда прислал, сладкое мое чадо, или уже ты покинул мир свой для мира вечного, если сюда пришел?» Я же удивился ее словам, потому что не знал, что в исступлении ума и во сне видение вижу. И ответил ей: «Госпожа моя, я не умер и молитвами преподобного отца Василия в мире этом еще пребываю. Пришел же сюда с желанием лицезреть тебя, ведь с того дня, как оставила ты нас, не ведаю, куда отошла ты, где пребываешь, как муку смертную прошла, как духов лукавых прошла, как познала их злокозненное коварство. Ведь знаю о духах лукавых совсем немного, хотя и мне предстоит умереть».

Она же ответила мне: «Что же сказать тебе, чадо, об этом? Не удивляюсь, что по грехам моим все злое и мучительное встретило меня. Но по заступничеству преподобного отца нашего Василия тяжкое стало легким, лютое и враждебное — правым, ведь едва он заступился, случилось всему злему на благое переложиться, и помиловала нас благодать. Когда я была при смерти, чадо, только тогда извела я смертные муки, какую беду терпят умирающие, какую нужду и сколько страданий от бесчисленных болезней и лютого гнета. Пока не отойдет душа от тела, таковые страдания приходят со смертью: как если некто, обнажив все тело свое, возляжет на горящие угли, рассыпанные по земле, и медленно истлеет огненным жжением, и в муках терпит все это. И после этого, разлучаясь с телом, отходит и отрекается душа — такова смерть горькая, о чадо, для грешников, подобных мне, и

свидетель этому Господь. О том, что есть и бывает с праведниками, не знаю и я, ибо грешна была в жизни своей.

Когда душа моя отошла, увидела ясно множество эфиопов черных, которые, обступив смертный одр мой, бушевали и шумели, как псы и волки дикие, как море горькое грозились и скрежетали зубами, неистовствовали, кричали, как свиньи, и когда пытали о делах моих, свиток доставали и клевету чернилами записывали. И скверны, и темны были лица их, и было похоже это на видение геенны огненной, и скверных этих и лютых не могли вынести глаза мои. И здесь не закончились муки мои смертные, но должны были продолжиться и дальше. Не хотела я ни видеть, ни слышать нечестивых дел, и поэтому то в одну, то в другую сторону металась, и страшно было глядеть, а иногда и думать об этом.

Увидела вдруг, как от святого какие-то два юноши пришли ко мне — на голове золотые волосы, сами белы, как снег, обликом своим прекрасны, облачены же были в ризы, сверкающие, как молния. Появились же по правую руку и встали около меня, тихо беседуя друг с другом. И сказал один из них бесам: “Бесстыдные и мрачные, злые, проклятые и злобные! Зачем по обычаю своему бесовскому ополщаетесь на жизнь всякого человека, прекословите мне и во лжи нападаете, и буйствуете, злобно крича? О губители дикие, безумные и ненасытные, и христоненавистники! Не очень радуйтесь, ибо здесь ничего не будет вам, даже малой доли. Одно вам осталось — собраться вместе и отойти вотще”. Когда он это сказал им, бесы вынесли на середину все, что с юных лет сотворила я, делом, или словом, или помышлением, и воскликнули, воистину, как безумцы некие бесстыдные: “Ничего не будет, говоришь? А сей грех кто сотворил в юности своей?” Упрекая меня и в том, и в другом, ожидали они пришествия смерти.

И вот пришла она. И видом была похожа на льва ревущего и на юношу сурового и бесноватого. И принесла всякого оружия: мечи, серпы, пилы, секиры, рогатки и тесла и иного много, чтобы мучить всех по-разному. Увидев этого мучителя, бедная душа моя страхом объялась. Сказали же ему те два юноши: “Что стоишь? Освободи от уз ее, осторожно прими, ибо нет на ней тяжкого греха”. И пришедший малой секирой коснулся ног, а потом и рук моих, и все суставы мои исторг, и вырвал ногти мои. И тотчас мертвы стали руки и ноги мои. И не чувствовала я рук и ног моих. Я ведь, чадо, через мучение умерщвлена была. Снова подошла смерть и отсекала голову мою, и не могла я двинуть ею, поскольку чужая стала. Потом же растворила в чаше неизвестно что и силой дала мне выпить. И когда выпила я это, горько мне стало, о чадо, и извлечена была душа страшной силой и отошла от тела. И те прекрасные юноши в своих одеждах ниспадающих приняли ее. Ведь в сердце человека, о чадо, возлежит душа, а в разуме дух.

Когда же приняли они меня, увидела с удивлением тело свое лежащее, бездушное и умерщвленное, неподвижное и бесполезное, словно некто снимет одежду свою и положит на постель свою и, встав рядом, станет смотреть на это. Вот и рассказала, о чадѡ, что сама знаю, — такая участь ждет бедного человека.

И когда держали меня ангелы Божий, обступили их бесы, говоря о прегрешениях моих. Мне же предстояло отвечать за них. Ангелы же начали искать мои благие дела. И благодатью Господней нашли их и все собрали: кого напоила чашей холодной воды или вина, или посетила больного, или в темнице кого, или странника в келью свою привела и накормила, или ходила в церковь молиться, или налила масло в лампаду перед святыми и честными иконами, или примирила гневающихся друг на друга, или, стоя на молитве, проливала слезы перед Господом Богом моим, или, когда ругали меня, стерпела, или в смирении омыла ноги братии, словно водой огонь загасила, или слабого поддержала, или малодушного ласковыми словами утешила, или кого отвратила от греха, или какого странника благого приютила, или поклонилась Господу моему в покаянии и особенно в дни святого поста и отвратила лицо свое от всякой клеветы, и лжи, и лжесвидетельства, или что иное праведное сотворила я на том свете. И собрав это, ангелы положили все на чашу весов против моих грехов и искупили их. И когда сошлись вместе, стали обличать меня эфиопы, а ангелы Божий защищали.

И когда так они спорили, увидела я, что господин мой святой Божий Василий как Дух Святой предстал и сказал прекрасным тем юношам, которые мне помогали: “Господа мои, эта душа мне в наследство дана, ибо мне помогала все время. Помолился я Господу о ней, и Господь даровал мне ее. Примите, однако, то, чем искупит она долги свои, когда мимо мытаря проходить будет”. Вынув из одежд своих, дал он юношам какой-то ковчежец красный, полный золота, и обратился к обоим: “Я благодатью Господней и духом Господним богат, это же от труда и пота моего”. Сказав это и отдав дар, ушел он. Бесы же, о которых я рассказывала, увидев это, удивились и скорбели долгое время, и убоявшись, и не получив того, что хотели, издали печальный вопль и убежали. Когда же исчезли они, вновь пришел господин мой с сосудами, в которых было прозрачное масло, и повелел открыть их. И юноши те возлили масло на голову мою, и исполнилась благоуханием я, и очистился лик души моей, и взгляд мой стал светел и чист, и радостью дух мой исполнился. Сказал избранный отец наш Василий тем, кто хотел меня вести: “Господа мои, когда свершите достойное души этой, тогда в приуготовленный от Господа божественный покой мой ее отведите”. И так сказав, отошел от тех, кто меня нес. И взяв меня, те прекрасные юноши перестали касаться ногами своими земли и, словно облако или корабль в море, неся меня по воздуху к востоку, невозвратно двинулись ввысь.

Начало первого мытарства. Встретили мы тех, кто творил оболганье, и была там целая толпа эфиопов черных. Старейшина же их с лукавством многим восседал. Когда же достигли места этого, остановились. И свидетели праведного суда, бесы эти, о чадо, если человек оклеветал кого в мире том и в какое время, все знают и обличают, клевета. И откуда знают об этом, не поняла. Мы же отреклись от всего, ведь поистине лгали они обо мне. И принеся им от дара святого, который отец мой дал, преподобный Василий, быстро прошли, еще выше поднимаясь.

Потом же дошли до второго мытарства, которое называлось клевета. И там было то же, что и в первом мытарстве: часть блаженного дара отдали и безбедно прошли.

Когда пошли дальше, говорили друг другу носящие меня: “Убогой этой душе надо помолиться об угоднике Божиим Василием за то, что великое благо содейл ей, ибо достигли мы великих испытаний, начала и власти тьмы проходя”.

И так беседуя, достигли третьего мытарства, которое называлось зависть. По благодати же Господа нашего Иисуса Христа не удалось суетным тем оклеветать меня, ибо не помнила, что кому-нибудь завидовала. Радуюсь, и этих лукавых минули. И скрежетали зубами на меня те безобразные эфиопы, и казалось, что в сей же час меня и тех, кто нес меня, как живых в гневе проглотят.

Когда поднялись еще выше, достигли четвертого мытарства, называемого ложью. Были же там собраны многие эфиопы, лица их были суетны и ужасны. И старейшина мытарства восседал среди лжи в славе своей. Увидев нас, быстро встали напротив. И когда дошли мы до них, заматались проклятые и стали упрекать меня во лжи, показывая имена людей, которым в безрассудстве женском солгала. И водящие меня, помиловав худость мою, сделали все, чтобы молитвами и молением минули мы это место.

Продолжая идти вперед, достигли мы пятого мытарства, которое называлось ярость и гнев и с гневом ярость, и там еще большая толпа эфиопов вокруг властвовала. Они же сами, подобно псам ядовитым, с гневом поедали друг друга. Едва мы подошли к ним, как они с гневом и яростью стали обличать меня в том, что за обиду, мне нанесенную, или

на чадое свое, или на кого иного разгневалась, и то знают лукавые, или гневно и злопамятно гневалась на кого-либо и прогневала кого-то. Подобно морю, горько и злобно волнуемому, подступали они в гневе ко мне. И враждуя против меня, приносили имена тех, кого прогневала я, и те слова, которые сказала я будучи в гневе на кого-то, показывали час и день, когда это было. И достойно отвечая им, защищали меня возлюбленные те юноши. И отойдя оттуда, на высоту воздушную пошли.

На пути своем встретили мы шестое мытарство, которое называется гордыня. И по благодати Божией не дано было оклеветать меня тем, кто хотел этого. Ведь в жизни своей рабой бедной была — и перед кем мне было гордиться. Прошли и этих, ничего не заплатив им.

И дальше пошли, и достигли седьмого мытарства, которое именовалось празднословие, и срамословие, и сквернословие. Встретили нас властители мытарства, желая свершить суд над нами. Когда же приблизились к ним, стали обвинять меня в том, что в юности своей пустословила, срамословила, упрекали, окаянные, в ругани и в играх непристойных, приводящих к быстрому искушению. Поистине свидетельствовали о том, что было, и со страхом слушала я это. Откуда только и знают все, окаянные? Я же сама по прошествии стольких лет забыла об этом. Достойно же и этим ответив, пошли путем своим еще выше.

И достигли восьмого мытарства, которое называлось коварство и обман. Слуги же того мытарства, узнав обо мне правду, не нашли лжи в жизни моей, и не в силах обличить, лишь острили на меня зубы. Мы же, уйдя оттуда, продолжили дальний свой путь, меру которого человеку не дано понять.

Тут дошли и до девятого мытарства, которое называлось уныние, или тщеславие. Я же ничего не имела для испытания, и прошли быстро его.

И дошли до десятого мытарства, которое называлось сребролюбие. Шум был там большой, нежели в прочих мытарствах. И здесь же всякого человека ловят окаянные те и, в них вселяясь, мучают их, и сильнее, чем в прошлых мытарствах, истязают их. Испытав и меня, не нашли ничего, где бы у меня было золото, если бы я любила его.

Когда же и то минули, достигли пьянственного мытарства. И стояли слуги того мытарства поодаль, желая поглотить каждого, словно волки хищные, проклятые. Они же испытывали меня так, как испытывается любая душа, приходящая сюда, князем власти тьмы воздушной. И пришли мы на это мытарство, и напали на нас злобные те палачи и мытоимцы, и показывали, сколько в жизни своей испила я, зная число и меру этого и говоря мне: “Не испила ли ты в этом месте столько-то чаш? И не напилась ли в сей день или в праздник с таким-то? — и называют их. Не напилась ли и не испила ли столько-то чаш, когда к такому-то пошла или когда такой-то принимал тебя?” И все, что я сотворила, называли, рыча, желая вырвать меня из рук ангелов. Сколько ни говорили, истинно было. Часто ведь в жизни своей, как одна из многих, со знакомым неким встречаясь, премного испивала с ним вместе и упивалась. В конце концов отдали добрые душеводители мои и этим то, что должно было искупить грехи мои, и, исшедши оттуда, продолжили мы путь свой.

И говорили мне святые ангелы, когда шли мы: “Видишь ли, какую беду терпят те, кто проходит этих бесов князя воздушной тьмы?” Я же ответила: “Да, господа мои, много нужды и бед бывает. Да и кто может пройти их безбедно и безмятежно? И думаю, господа мои, что никто в мире том, откуда я пришла, о том, что здесь происходит, совсем не знает”. Сказали они: “Ведаем и мы, что не знала ты о происходящем здесь. Но если бы дано было тебе узнать об этом, то лучше бы позаботилась о грехах своих, и искупились бы они, как и о милостыне, которая весьма помогает здесь, и сторонила бы зла; кто поступает так, тот после смерти минует бесов. Но поскольку не ведают люди этого и живут в лености, то и приходит на них все это. Да горе тому, кто не имеет доброго и духовного. Да горше будет жестокосердному, достигшему этих мест”.

Так беседуя, дошли до двенадцатого мытарства, которое называлось злопамятство. И когда достигли его и дошли до проклятых тех бесов, то они, как злые разбойники, тотчас начали искать, не написано ли в бесовском свитке их то, чем можно оболгать меня. И по молитве святого и преподобного отца нашего Василия ничего не могли найти и посрамились лукавые, ибо дружелюбна была ко всем в мире земном, любила и детей, и взрослых, о чем и ты хорошо знаешь, о чадо. И ничего мне не сделали, как сказано, не смогли схватить меня, и прошла я, ничего не приняв от них. И дальше пошли.

Когда же шли, вопрошала я ведущих меня: “Господа мои, молю вас, поведайте мне: как узнают вершители беззакония о том, что мы, люди, творим в жизни земной, ведь столь велико расстояние отсюда до земли?” Ответил мне один из них: “Разве не знаешь ты, что всякий христианин лукавого духа имеет при себе, следующего за ним и

записывающего все его греховные дела? Имеет также и благого ангела, который дела благие все записывает. Так что отмечают бесы в том мире грехи каждого христианина. И тотчас определяют, к какому мытарству относятся они, да и записывают их. И когда восходит душа, каждый из грехов знают и могут переспорить души и увлечь в бездну их, не имеющих дел благих. Если же не хватает наших добрых дел и поистине побеждают нас бесы, то проходящий сокрушается, что не исповедался, но дальше идем мы лишь тогда, когда добрые дела сравниваются на весах с греховными, искупая их. Ибо, как сказано, если не имеем мы дел праведных, к антихристовой злобе нас исторгают и, выхватив из рук наших, в бездну душу посылают и заключают во тьме и сени смертной до Страшного неотвратимого суда. И получают столько, сколько сотворили, согрешая в мире том”.

И так беседовала я с душеводителями моими и удивлялась, и достигли тринадцатого мытарства, которое называлось чародейство и колдовство, волхование и заклинание, и подобное тому. Были в том мытарстве волообразные духи змеиные, и змеи, и подобные единорогу, а облик их темен и гадов. Горечи всякой были исполнены они. Но не могли оболгать меня, и минули их беспрепятственно.

Снова же начала я спрашивать водящих меня: “Господа мои, ответьте мне, каждому и за всякий ли грех, который сотворит человек в мире земном, нужно держать здесь ответ после смерти? Вижу ведь, что и в малейшем грехе меня пытаются, и дивлюсь этому”. Отвечали они мне: “И не всем так. Если бы ты исповедала грехи свои духовному своему отцу, приняла бы епитимью и исполнила бы ее, то по кончине твоей приняла бы прощение от Бога и отца твоего и мытарства злые и пагубные прошла бы теперь без страданий, поскольку никто бы не мог ничего сказать тебе. Когда кто исповедует в том мире грехи свои и покается, то простит его Бог в том, и будет свободен от грехов, принимая невидимо прощение свое. Эти же бесы мытарства, имеющие в свитках своих записи о беззакониях, тотчас по приходе души раскрывают свитки и не могут найти даже следов того, что раньше написали, ибо Святой Дух невидимо загладил все. Понимают все в мытарстве, что через исповедь исчезли записи, и скорбят, не получив души. Хорошо ведь покаяться перед смертью. Кто же избежит покаяния, утаит прежние свои прегрешения, решит предстать безгрешным и не покается — здесь их ты видишь, пытаемых, подобно тебе”.

И в такой беседе достигли мы четырнадцатого мытарства, которое называлось чревоугодие. И из этого мытарства вышли некий толстые и тучные, свирепые, злые, большие, нежели прежде. И они обличали меня в том, что ела в юности моей с утра как свинья, не зная о горьком этом мытарстве, что ела во время поста с самого его начала, не сотворив молитву, что ела всегда все в большом количестве, завтракая

и обеда, полдничая и ужина, насыщая чрево едой. Все они обличали и поносили меня, желая поглотить меня, говоря: “В крещении своем говорила и обещала отречься от сатаны и всех дел его. Как же после клятвенных обещаний тех потом творила таковые прегрешения?” Дали мы должное и тем и, искупив прегрешения мои, в которых упрекали меня, прошли и это скверное мытарство.

Достигли пятнадцатого мытарства, которое называлось кумиролужение и всякая ересь. Те, кто любовь имел к этому, там испытывались. Ничего мы не дали им, потому что не имели они обвинений против меня. И в мышей, и в свиней диких превращались они, становясь огромными, словно киты ужасные. И смрад страшный стоял вокруг них, и сладок был тот смрад им, в котором пребывали. Многие души, говорили они, уловленные здесь, в жизни своей творившие подобное и умершие, хотевшие пройти, чтобы поклониться благодатному престолу, обнаруживают здесь капище идольское, скверное и отличное от всякого благого вида. Когда же поняли, что женский дух перед ними, ни о чем не испытывали меня. Только испытывали меня, спрашивая, не сотворила ли в юности женский плотский грех со сверстницей своей, в любви почивая ночью в одной постели. Когда ничего не обрели они, отошли мы от скверных тех.

Приближаясь к вратам небесным, дошли мы до шестнадцатого мытарства, которое называлось прелюбодеяние. Вскоре встретили нас бесы и испытали меня с великим пристрастием. Еще до того, как блаженный к нам пришел, жила я с другом своим в греховном неведении и, прельстившись, пала, ибо юной была и не знала, что это грех. И поэтому те бесы много клеветали на меня. Водящие же меня весьма им противились, говоря: “Не была она священником венчана”. Так в споре с бесами победили мои ангелы. Ничего им не отдав, мимо прошли. Сказали же те, кто в том мытарстве был: “Хоть нас вы и прошли, но тех, кто выше, не пройдете, достигнув блудного мытарства”.

Продолжая идти дальше, достигли мы семнадцатого мытарства, которое называлось убийство. В нем же было всякое убийство, и всякое ранение или побои, или иное что, похищение или насилие над ближним. И истязают бесы, когда мимо идут души. Немного упрекали нас и в этом грехе, поскольку часто, когда еще бессмысленной была в юности, враждовала в жизни своей или за волосы кого-нибудь таскала.

И потом оттуда пошли и достигли восемнадцатого мытарства, которое называется разбой. И, подступив к нам, подробно пытали нас бесы. Немного претерпели от них и мимо прошли.

Пройдя и тех, дошли до девятнадцатого мытарства, уже приближаясь к вратам небесным, и то был блуд. Князь же того мытарства в ризу был облачен, помазанную гноем, и кровью окроплен, и хвалился ризою своей по безумию своему, считая, что нечто благое имеет. Он же, стоя, противился ангелам Божиим и с ними спорил о скверных делах, о всяком недостоинстве и о совокуплении блудном, которое возлюбили грешники. Слуги его вскочили и встретили нас и ревностно испытывали нас о моих делах, которые совершила я в юности, и на середину их положили, с большой дерзостью обличая меня и браня. И называли имена мужей, с которыми часто, будучи отроковицей, в страсти порочной пребывала, забавляясь, и об этих грехах спрашивали меня. И схватив меня и похитив из рук ангелов, хотели бросить меня вниз. Ангелы же говорили, что давно перестала я творить зло. Те же проклятые бесы ответили: “Что перестала, знаем. Но, однако, скрывала, и дела наши сохранены были в ней, поскольку любила нас и не открывала дел наших никому на земле в покаянии. И то нам ведомо, что не исповедалась, не подчинилась епитимье, не приняла отпущения грехов ни от одного монаха или священника, облеченного благодатью на очищение от бесчестного. Наша она, потому что не покаялась по закону. Оставьте ее нам, а сами идите. Зачем вам, придя сюда, помогать ей ради дел ее лукавых, если всегда вы дело благое вершите?” Ангелы же Господни для избавления души моей отдали им от добрых деяний блаженного, которые тот себе стяжал, столько, сколько клеветы от бесов получила, и, взяв меня, отошли. Скрежетали же на меня зубами своими страшные и скверные те, поскольку ушла я от них, и дивились тому, кто одарил меня божественными теми делами, ведь откупила грехи свои и не повиновалась им.

Когда же пошли, спросили меня ангелы Господни: “Видела ли мытарство то, что прошли?” Я же ответила: “Да, видела”. Сказали они мне: “Мало душ уходит отсюда без напасти, потому что суетный мир тот — блудолюбивый, прелюбодейный и грешный. Каждую душу это мытарство принимает и, если осквернена она нечистотами блудными, то низлагают и в бездну ее бросают. Там же заключают ее во тьме и сени смертной до страшного пришествия Господа нашего Иисуса Христа. Ты же по благодати дивного старца избежала этого. И похваляются непрестанно: “Мы одни, — говорят, — заполним геенну огненную, потому что души человеческие нечисты и блудолюбивы и повинуются князю тьмы и властителю этого мытарства блудного”. Но ты одолела и это и не увидишь зла, поскольку помиловал тебя Господь ради угодника своего Василия”.

Когда так они говорили, достигли мы другого мытарства, которому название было немилосердие. Там же все немилосердные, и все скупые, и неблагосердные горько от бесов страдали. Когда все заповеди Божий соблюдешь, но будешь немилосерден и немилостив, и случится тебе

умереть, все мытарства беспрепятственно пройдешь и нигде тебе вреда не будет, когда же до этого дойдешь, тотчас задержат тебя злые местники и мытоимцы мытарства этого и станут тебя, немилостивого и немилосердного, бить, и в мрачном затворе адовом затворят до общего для всех воскресения пред Богом, не прощая ради иных добродетелей. Здесь мучаются те, кто когда-то не дал убогому куска хлеба или медной монеты брату нищему, или не посетил лежащего в болезни и в темнице заточенного, или подобное этому не сотворил, выказывая скупость, и сребролюбие, и немилосердие, и немилостыню неутешную. Так мне ангелы Господни об этом мытарстве ясно поведали, как я тебе рассказала. И достигли этого мытарства. Старейшина мытарства был весьма худым, и очень иссохшим, и болезненным, поскольку немилосердие, и скупость, и немилостыня в болезнь пагубную преобразуются. Ибо немилосердный человек, если убогий какой что-то у него попросит, тотчас начинает браниться, будто болезнь какую имеет в себе, и отказывает в просьбе. Вот так грешил пагубный тот и зверообразный. Когда же мы дошли до мытарства, слуги его, которые здесь были собраны, взыскание учинили, но ничего не нашли. Ибо много милостыни творила: когда давала убогому кусок хлеба, или же медную монету, или чашу воды, или вина просто ради спасения моей души, сколько могла. Радостны стали мы и в веселии во врата небесные вошли. Ничто не смогло нас отвратить от правого пути.

Врата же небесные имели облик хрусталя светло светящегося. И вокруг них красиво, как от звезд светлых или иного какого-то света, и имели они красоту и блеск золота. Юноши же у врат в золотой одежде, молниею препоясаны, и ноги их украшены огнем мерцающим светлым. И были они веселы, и приняли нас, радуясь тому, что избежала моя душа бед горьких тех мытарств в воздушной тьме, и еще больше славилы Бога. И вошли мы внутрь обильных небесных вод, которые были над твердью, и перешли их, ибо они расступались и бежали от нас вперед и в стороны, а позади нас смыкались.

Когда мы миновали те воды, бывшие над твердью, пришли к некоему воздуху изумительному и невообразимому. Золотой блестящий покров ограждал пространство этого изумительного воздуха от прочего пространства. Были на том покрове некие бесчисленные юноши прекрасные, облаченные огнем, как закатным блеском солнечным. И волосы их были, как молнии, ноги белы, как молоко, лица — как снег, и светились в стократ ярче света. Увидев меня в руках носящих меня честных ангелов Господних, они пошли рядом, улыбаясь, веселясь и радуясь, потому что, как говорили: “Принята душа ее в срок на спасение в царство небесное”. И шли они с нами и пели сладко, потому что направлялись мы поклониться огнеобразному престолу Божию. Когда шли мы, увидели облако, но не такое, как облако поднебесное, но красного цвета, стократно светлее прочих. С одной стороны поднялось облако, как некая завеса белая, как свет, и все изменилось. И вот засиял многоцветно вдали двор золотой ровный, переливающийся в

золотой, славе, и в сладком веселии пошли мы дальше. Воздух здесь был светел, и благоухание Господне благовонно и сладко.

Когда прошли мы немного, увидели в воздухе на высоте необозримый престол Божий, престол белый и многоукрашенный, еще ярче блистающий, освещающий пределы и светом пронизывающий всех, кто там стоять достоин. Вокруг Божьего престола — златочистые юноши, высокие, как кипарисы, блистающие достоинствами, облаченные в багряницу и в одежды светлые и изумительные, которые невозможно описать словами. Когда мы подошли к этому страшному престолу бесконечной высоты и увидели непреходящую славу, истинную правду и благодать, шедшие со мной к престолу Божию троекратно песнь воспели. Пребывающие же на престоле страшном были невидимы. И мы тотчас трижды поклонились Отцу и Сыну и Святому Духу и прославили Святую Троицу, предстоящую высоко на огнеобразном воздухе вместе с нами, за спасение мое в славе восхваления. И тут с высоты прозвучал голос прекрасный и сильный, обращенный ко мне и к носящим меня: “Ведите ее вокруг, — сказал, — ко всем душам, пребывающим в разных жилищах, к святым и преисподним, а потом поселите ее там, где заповедал вам угодник мой Василий”.

Покинув то место, направились мы в жилища святых. Они были бесчисленны, и невозможно было счесть солнечных лучей, и от виссона и порфир лучей и сияния, и иных различных чудных красок, бесплотных и божественных, которые освещают светом и изумительным сиянием жилища святых, по неизреченной воле Божией. Здесь обрели они поле эдемское, благоуханную пажить, откуда истекает вода духовная, вода живая, в местах покойных, в местах святых для отдохновения. Все эти места выглядели как палаты прекрасные, жилища и обители, десницею Господней искусно сотворенные. И, глядя на святых, дивились мы неизреченной красоте, никак не насыщаясь ею. И были здесь отдельно апостолы, отдельно — пророки, отдельно — мученики, отдельно — святители, отдельно — преподобные и праведные. Каждый из них приготовил жилище себе, в длину и ширину подобное стольным городам, из которых они отошли, чтобы в такие же вселиться. Все святые, выходя из своих жилищ, духовным целованием целовали меня, веселясь и радуясь моему спасению.

И дошли мы до недр Авраамовых, и были исполнены славы нестареющие недра его. Не телесные это недра, но особое место. Дивно оно, исполнено духовного благовония, и запаха цветочного благоуханного, и ароматами духовными и небесными, и пажитями вышними услаждено, и возлюблено, и исполнено; их благовоздушный облик и красоту, хотя и рассказываю тебе о них, земными словами передать невозможно. Здесь были и палаты духовные для патриархов, из светлых лучей духовным мастерством Господа Вседержителя

созданные, умножением лучей и неизреченными светлостями украшенные и добroleпные. В них обитают младенцы христианские, принявшие святое крещение, по разрешении плотских уз они ликуют в неизреченной славе вокруг Авраама, *Исаака* и Иакова. Ибо и те тут пребывают с двенадцатью из двенадцати колен Израилевых, почивая на дивных престолах. Как видишь сияющие солнечные лучи, но обнять их не можешь, так и видимые души святых подобны их образу телесному, но бесплотны, как и солнечные лучи, не уловимые человеческой рукой.

И так, о чадо, преодолев большой путь, пройдя пределы рая, ближние и дальние, и жилища ада, которые сокрушил Господь Бог наш Иисус Христос, возвратились мы на запад, где горькие муки и страдания ждут убогих, таких же, как и я, грешников. Показали мне все это ангелы Господни и сказали мне: “Видишь, от какой великой беды избавил тебя Господь?” Ибо видели мы эти темные сокровенные места, где во тьме и сени смертной разные души от века заключены, как песок на берегу морском или как прах земной. И пребывают в забвении грешники, и не могут они видеть там свет сладкий, иные же вопиют неустанно: “Увы мне!” И беспрестанно восклицают горько, алчущие духовно и жаждущие питья спасения, свободные от всякой одежды духовной и изъедаемые скверными прегрешениями: “Ох, ох, увy!” Всегда, о чадо, как я прежде говорила, жаждут они душевного света, но тщетно зывают, ибо нет прощенья. Иногда, когда душа проходит, там появляется свет, ибо ангелы Господни освещают те места, где идут, показывая душам праведных все, что там есть, чтобы видели, от какой горькой тьмы убереглись. И вернулись мы на чистый праведный путь повелением Господним, к благой жизни.

Как же долго все это происходит? Это произошло в течение сорока дней с того дня, как отошла я от моего бренного тела к сему покою, в котором видишь меня, не моему, но преподобного отца святого Василия угодника Божия, который еще живет в мире том и приводит к Господу Богу души гибнущие и грешные как благовонное курение в жертву духовную. Ибо здесь было много иных душ со мною, которых прежде меня он отвратил от путей греховных, очистил их совершенно и спас для Господа. Ибо видела здесь души господина Иоанна и госпожи Елены, супруги его, которые хорошо послужили ему в мире том, души других людей из дальних времен, которых я не знаю. Но, однако, пойдем со мной и войдем внутрь, чтобы ты узнал, где я пребываю. Ибо господин наш, избравший нас, преподобный отец, духом своим сейчас сюда пришел».

Когда мы пришли, я посмотрел на преподобную. И вся она была окроплена божественным маслом и помазана нардовым миром, истинным и драгоценным, и в удивлении восхищался я. Она шла передо мной, облаченная в белую, как снег, ризу, и на голове ее был плат из

виссона. И вошли мы будто во двор, вымощенный золотом и украшенный сверкающими камнями, и ничто его не оскверняло. Посреди же златоподобных камней были насажены прекрасные цветущие сады, и всякий, кто смотрит на них, радуется и веселится неизреченно. Когда мы вошли на этот двор, увидел я палаты светлые, изумительно построенные, небывалой высоты. И там же, возле тех палат, у самого входа в них, стоял большой трапезный стол, локтей в 30, он был из камня изумрудного, испускающего светлые лучи. Прекрасный цветущий миндальный сад смыкался над трапезой и неописуемо украшал ее. На трапезе же стояли большие позлащенные блюда, блистающие, как молния, лежали изумруды, светлые сардониксы и разные другие камни райские, прекрасные и совершенные. Между ними лежали яства, плоды неописуемые и пестро украшенные, багряные или молочно-белые видом, как стебли лилейные и красные, и другие, небывалые и несказанные. И разные великолепные цветы лежали на блюдах, и неизреченные плоды поверх тех цветов, непостижимые для ума человеческого. Каждый плод имел свой особый вкус, и насытившийся сладостью их воедино смешавшихся благоуханий уже ничего не желал более.

Святой блаженный Василий сидел во главе чудной трапезы, как господин над всеми, в славе почивая. Стол же был светел от изумительного блистания и испускал лучи. Многие с ним на трапезе наслаждались дивными теми плодами и прекрасными цветами, и были они не как люди, имеющие плоть, но будто созданы светлыми солнечными лучами. Имели они образ бесплотный, неувядающий и не разделялись на мужчин и женщин. Сколько бы ни вкушали они от трапезы той дивной, все умножалась эта чудная райская пища, потому что была она духовной и мановением Господним здесь сохранялась. Вкушающие же были исполнены неизреченной радостью и весельем благодатным, и веселыми лицами друг к другу обращались, и вели сладкую прекрасную беседу. Черпали они нечто огненно-красное, очень ярко сверкающее и безвещественное сияющими, как снег, некими чашами. Когда кто-нибудь из них пил из такой чаши дивную ту влагу, от одного только вида которой они приходили в несказанное веселье, тотчас неизреченным наслаждением Святого Духа переполнялись все на долгое время, и сияли, как свет, их чудесные лица. И служившие им огневидные юноши — прекрасны и белолицы, как руно, и мышцы их как молоко, облачены же они в красные ризы, бесплотны, украшены дивно, и ноги их белоснежные препоясаны тремя рядами блестящих повязок, как небесной радугой, и головы их украшены золотыми камнями, бисером и разными искусными венцами.

Дивная старица, с которой я пришел, чтобы увидеть их, сказала обо мне блаженному. Он же, улыбнувшись радостно, повелел мне подойти. Когда я приблизился к ним, мы поклонились друг другу, и я сказал: «Благослови чадо свое». И тихим голосом он обратился ко мне: «Невредимо ли преодолел путь, чадо? Господь Бог помилует тебя, и

благословит тебя, и освятит тебя, и сохранит тебя, и обратит лицо свое на тебя, и исполнит тебя всех благ небесных и земных, и пошлет тебе помощь от святого жилища своего, и ангелы, и архангелы Сиона, сильные и пречистые, с оружием победы защитят тебя». Я же стоял, потупив взор, и сказал мне праведный: «Это Феодора, — и указал мне, — о которой непрестанно молился ты, желая узнать ее участь. Видишь ее — вот она стоит перед лицом твоим. Теперь никогда не спрашивай о ней, ибо я тебе ее показал». Она же, честная и помилованная Господом преподобного ради, сладким взором смотрела на меня. «Возвеселишься, чадо, и возрадуешься, — сказала она, — и благословен будешь, ибо печалился обо мне, убогой. И Господь Бог помог тебе исполнить твое желание ради молитвы господина нашего, отца и пастыря, который много милости сотворил нам». Когда так мы разговаривали, все, кто сидел за трапезой, смотрели на нас в глубоком молчании.

Потом сказал ей преподобный: «Пойдем вместе со мной и покажешь ему красоту наших райских садов». И, взяв меня с собой, пошли на правую сторону того двора. И тут находились врата дивные из золота и высокие стены ограды. Когда открылись врата, мы вошли внутрь ограды. И была там позлащенная трава с невиданными цветами, и красоте той дивился я. И аромат благоухания исходил от тех цветов. И на все, что показывали мне водящие меня, внимательно взирал я. Увидел я необъятный сад с 70 видами деревьев, исчислить которые невозможно, и на каждом дереве такое безмерное множество плодов, что ветви склонялись к земле, желая отдать плоды сидящим за трапезой. Увидев это, понял я, какое непостижимое изобилие бывает. Удивлялся я красоте сада, изумительным и дивным плодам тем, потому что никогда столь великих чудес не видел.

Сказала мне водящая меня: «Что ты удивляешься этому? Если пойдешь к тому райскому саду, который Господь насадил на востоке, еще больше будешь потрясен и изумлен, потому что этот сад по сравнению с тем — тень и сон». *Сказал* я ей: «Молю тебя, скажи, кто насадил этот райский сад? Никогда я не видел такого, нигде нет подобного сада». Ответила она мне; «Как бы ты смог увидеть в суетном мире том такую истину, которая руками Вышнего сотворена? Ибо вещь эта духовная, и мы здесь духом пребываем. Труды и тяготы божественных подвигов преподобного отца нашего Василия, которые он с самой юности своей совершал, трудясь, изнемогая и бодрствуя, на землю повергаясь и молясь, зной и холод претерпевая в пустыне и травой питаюсь в течение многих лет еще до пришествия в сей град, — вот чем насажден этот сад. Ведь то, что совершает человек в земном мире, унаследует и в этой жизни, ибо мы вкушаем плоды своих трудов. Я часто слышала, как преподобный это говорит». Я же удивлялся тому, что, как сказала мне, духом пребываем здесь. Ведь я думал, что телесно здесь находимся, и пытался осязать свои руки, есть ли у меня кость и плоть. Подобно тому как если кто-нибудь, видя пламя огненное и протягивая руку, хочет взять его и не может удержать, так и я ощущал себя только мысленно и

удивлялся этому. Когда возвратились мы во двор, трапеза была уже пуста. И виделось мне, что, поцеловав приснопамятную, я оставил ее.

Когда мне казалось, что нахожусь еще там, я очнулся от сна и стал размышлять о том, что мне было открыто, откуда я вернулся, что видел на том дворе, когда вошел в то дивное и несказанное место. Встав, пошел я к блаженному, надеясь, что он объяснит мне, истинное ли это было видение или неистинное. И пришел я к блаженному, и после моего поклона и обращения к нему он повелел мне сесть. Когда я сел, он сказал мне: «Знаешь ли ты, где находились мы этой ночью?» Я же, в искушении, ответил: «Где же мы были, господин мой? Я все время на одре своем сладко спал». «Только нам с тобой известно, что лишь телесно ты спал на одре, а духом в ином месте пребывал. И разве не помнишь, сколько всего я показал тебе в эту ночь? Не Феодору ли ты видел? Не достиг ли ты врат духовного дома, выйдя из которого, она приняла тебя и в который ввела тебя? Потом же и о смерти своей, через которую должна была пройти, о власти темных сил, о лютости их воздушных мытарств, чадо, не рассказала ли тебе? Не вошел ли ты с нею внутрь двора? Не видел ли там дивную трапезу и несравненное украшение ее, и чудеса ее, и какие плоды дарит она, и какие удивительные цветы на ней, и какие юноши исполняют за трапезой духовное служение? Не видел ли издалека дивные палаты? Не у меня ли на трапезе был, когда я показал тебе ту, о которой ты хотел узнать, какая участь ее постигла? Не я ли сказал ей, чтобы вместе с тобой в райский сад вошла? Не восхищался ли ты златоподобными стеблями, дивясь красоте их цветов, не видел ли сияние и неизреченную красоту неувядаемых деревьев и их плодов? Не это ли все ты видел нынешней ночью и не оттуда ли пришел? Почему говоришь: “Я ничего не видел”?»

Когда услышал я это, страх неизреченный меня объял, и начал я плакать, омочил слезами лицо свое, постигая умом, как велик сей светильник, ибо он воистину там был и поэтому мудро обо всем рассказал мне. И ответил я блаженному: «Да, святой Божий, так и было, как ты сказал. Благодарение возношу Господу моему за то, что сподобил меня Господь Бог узнать тебя, и быть под покровом крыл твоих, и изведать столько страшных чудес». Блаженный же сказал мне: «Если жизнь свою проведешь в добродетели, о чадо, то повелением человеколюбивого и щедролубивого Бога нашего примут тебя там, и пребудешь со мной вечно, я же сам от человеческого естества отхожу. И потом, через некоторое время, отойдя от жизни сей, придешь ко мне, наставленный в делах добрых, как мне Господь обещал. Внимай: пока ты пребываешь в земной жизни, пусть не узнает обо всем этом никто. Но должен ты недостойное житие мое описать и оставить в мире сем, и буду я тебе в этом помощник». Ясно заповедовал мне это преподобный отец наш, пастырь, учитель и владыка, я же обливался слезами, возлюбленные мои. И удивлялся я, потому что едва ли он с другими беседовал так часто, как со мной, недостойным.

Всегда говорил он притчами, величиим своим всех изумлял, был прозорлив, очень мудр и тверд. Часто он показывал себя несмысленным, произнося безумные речи, но делал это только из презрения к суетной славе человеческой, которую снискал за свои знамения и чудеса. И все почитали его как одного из апостолов. А иные же, более других удивлявшиеся чудесам, которые он творил, называли его по простодушию своему Иоанном Богословом. Таким ведь был возлюбленный отец наш Василий, светило во святых. Великий отец наш Василий чудесное житие святое прожил на земле, во всем равен ангелам, великое прибежище для страждущих собой явил.

ПОВЕСТЬ О БЕСЕ ЗЕРЕФЕРЕ

Подготовка текста, перевод и комментарии А. В. Пигина

ВСТУПЛЕНИЕ

«Повесть о бесе Зерефере» — переводное византийское сказание, входившее первоначально в состав Азбучно-Иерусалимского и Сводного патериков. Повесть была очень популярна у древнерусского читателя: она сохранилась в большом числе списков (наиболее ранние датируются XIV в.), проникла в лубочную литературу, была опубликована отдельным изданием типографом Киево-Печерской лавры Памвой Берындой (1626 г.). В основе повести лежит «бродячий» сюжет о «кающемся» бесе, известный по византийской агиографии, «Великому Зерцалу», литературному Синодику и устным народным легендам. Повесть разрабатывает одну из важнейших тем христианской литературы — тему благодатности и всесильности покаяния. Бог прощает покаявшихся «великих грешников» (см., например, «Повесть об Андрее Критском» (ПЛДР, т. 10, с. 270—274)), но возможно ли покаяние и восстановление (апокатастасис) самого беса, олицетворяющего собой всемирное зло? Этот вопрос не раз поднимался в богословской литературе — Ориген и Григорий Нисский решали его положительно, однако на поместном Константинопольском соборе 543 г. Церковь осудила учение об апокатастасисе. В святоотеческой традиции закрепилось мнение: «Чем именно служит для людей смерть, этим для Ангелов служит падение. Ибо после падения для них невозможно покаяние, подобно тому как и для людей оно невозможно после смерти» (Иоанн Дамаскин. Точное изложение православной веры. СПб., 1894. С. 51). Повесть иллюстрирует эту мысль и в то же время существенно уточняет ее. Покаяние беса не может состояться не потому, что Бог отвергает его, а потому, что бес сам не хочет смириться, «навыкнув бо в гордости своей». Автору повести дорога прежде всего христианская идея свободы выбора между добром и злом, между «тесным» и «широким» путем. Этой свободы и возможности

спасения Бог по великому «благоутробию» своему не лишает никого, даже беса.

Повесть была хорошо известна Ф. М. Достоевскому. Она послужила ему одним из источников при написании романов «Бесы» и «Братья Карамазовы» (см. *Лотман Л. М.* Реализм русской литературы 60-х годов XIX века. (Истоки и эстетическое своеобразие). Л., 1974. С. 312—315; *Смирнов И. П.* Древнерусские источники «Бесов» Достоевского // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 217—220). В XX в. повесть пересказал А. М. Ремизов (*Ремизов А.* Древняя злоба // Путь. Орган русской религиозной мысли. Париж, 1926. № 2. Январь. С. 187—190).

Текст повести публикуется по списку: Отдел рукописей Научной библиотеки МГУ, 2 Ст. 170, лл. 129—133 об. (XVI в.). Отдельные исправления сделаны по списку: ГИМ, Музейское собр., № 92, лл. 131—134 (XVII в.).

ОРИГИНАЛ

ПОВЕСТЬ ДУШЕПОЛЕЗНА О ПРИШЕДШЕМ БѢСЕ НА ПОКАЯНИЕ К ПОЛЗѢ ИЖЕ ОТ ВСЕГО СЕРДЦА ХОТЯЩИМЪ ПОКАЯТИСЯ К БОГУ

Бѣ нѣкий от святыхъ старецъ, [\[1\]](#) великъ и прозорливъ, превшед бѣсовская искушения, ктому ни во что же коварства их вмѣняше. Но бѣ зря чюственне и аггелы, и бѣсы, како пекутся о челоувчестей жизни, каждо ихъ подвизающесе обращати ихъ ко своей части. Сице же великъ бѣ в добродѣтелях, яко досажати и ругатися ему нечистымъ духомъ, множицею оскорбляти ихъ, и воспоминая тѣмъ еже от небесъ извержение и будущее во огни мучение. Тѣм же бѣси другъ ко другу хваляху старца оного великаго, глаголюще, яко «Никтоже нас смѣетъ отнынѣ приблизитися к нему, зане преити ему в великое оно безстрастие, обожився Святымъ Духомъ».

И яко убо сице сим бывшим, единъ от бѣсовъ глагола ко другому: «Брате Зереферъ, — се бо бѣ имя бѣсу тому. — Аще убо покается кто от нас, примет ли его Богъ в покаяние или ни?» Онъ же к нему отвѣща сице: «То кто се вѣсть?» Зереферъ же рече: «Хощеши ли, иду к великому оному старцу искушу его о семъ?» Он же рече: «Иди, но блюди, понеже старецъ прозорливъ есть, еда како уразумѣет твое лукавство, не восхощетъ вопросити о семъ Бога. Обаче иди, еда како желаемое получиши».

Тогда шед Зереферъ ко старцу и, преобразивъ себе въ челоувка, начать плакати пред нимъ и рыдати. Богъ же, хотя показати, яко ни единого же отвращается хотящаго покаяться, но всѣхъ приемлетъ притекающих к нему, не прояви старцу совѣтъ бѣсовскій. Но яко челоувка сего зряше, а не яко бѣса. Глагола к нему старецъ: «Что тако рыдая плачещи, челоувче, сокрушая мою душу своими слезами?» Бѣс же рече: «Азъ, отче святой, нѣсмъ челоувкъ, но бѣс. Якоже множества ради беззаконий моих плачюся». Старецъ же рече: «Что хощеши, да сотворю тебѣ, брате?» Мнѣвъ бо старецъ, яко от многоаго смирения себе бѣса

нарекъ — Богу не объявившу ему бываемаго. И глагола бѣсъ: «Не о иномъ чесомъ молю тя, отче святыи, развѣ еда молиши Бога прилѣжно, яко да объявитъ ти, аще приметъ диявола в покаяние. Да аще оного приметъ, то и мене приметъ, подобна тому дѣла сотворша». Старецъ же рече: «Якоже хочещи, сотворю, чадо. Обаче иди в дом свой днеси и заутра прииди. И реку ти, что о семъ повелитъ Богъ».

В вечеръ же той воздѣвъ старецъ преподобнѣи свои руцѣ къ челоуколюбцу Богу показати ему, аще приметъ диявола, обращающася в покаяние. И абие аггелъ Господень предста ему, яко молнии, и рече к нему: «Сиче глаголетъ Господь Богъ твой: “Что молиши о бѣсѣ мою дръжаву? Той бо, лукавствомъ искушая, тебе прииде”». Старецъ же отвѣщавъ рече: «Како не яви мнѣ Господь?» И рече аггелъ: «Да не смутишися о вещи сей. Смотрение нѣкое се бываетъ дивно к ползѣ исполняющимъ. Яко да не отчаются согрѣшающии, яко ни единого отвращается преблагый Богъ приходяща к нему, аще и сам дияволъ приидеть. Подобне же яко да явится симъ образомъ и бѣсовское жесточество и *отчаяние*. Егда же убо приидеть к тебѣ, искушая, да не соблазниши его исперва, но рци ему сиче: “Да вѣси, яко челоуколюбецъ Богъ николиже никогоже не отвращается приходящаго к нему, аще и дияволъ будетъ. И се общася и тебе прияти, но аще сохраниши повелѣния от него”. И егда приидеть к тебѣ и речет: “Что есть повелѣнное мнѣ от него?” — и рци к нему: “Сиче глаголетъ Господь Богъ: “Вѣдаю тя, кто еси и откуда прииде, искушая. Ты бо еси древняя злоба. Но древняя злоба нова добродѣтель не можетъ быти, навывнувъ бо в гордости своей». И како возможеши смиритися в покаяние и обрѣсти милость? Но не имаша бо сего отвѣта извѣщати в день Судный, яко «Хотѣхъ покаяться, и не приятъ мя Богъ».

Смотри же глаголемыхъ, како хочещи покаяние начати. Сиче глаголетъ Господь: «Да совершиши три лѣта на единомъ мѣсте стоя, обращѣшися къ востоку, нощию и днемъ взывая велиимъ гласомъ: “Боже, помилуй мя, древнюю злобу!” — глаголя сего числомъ 100. И паки другое 100 глаголя: “Боже, помилуй мя, мерзость заустѣния!”^[2] И паки третие 100 такоже глаголя: “Боже, помилуй мя, помраченную прелесть!”» И сия глаголи въздыхая ко Господу беспрестанно. Ибо ты не имаша телеснаго сосуда, яко да трудно не будетъ тебѣ и *не* изнеможеши. *Егда же совершиши сия со смиренномудриемъ, тогда приять будещи* в первый той чинъ, причтешися со аггелы Божиими. Да аще убо общается сиче сотворити, приими убо его в покаяние. Но вѣмъ, яко древнее зло ново добро быти не можетъ. Напиши же сия послѣднимъ родомъ, яко да не отчаваются хотящеи покаяться. Зѣло убо увѣряются от сея главизны челоуцы не отчаятися удобъ своего спасения». Сия изрекъ аггелъ ко старцу и възиде на небо.

Утру же бывшу, прииде дияволъ и нача издалеча рыдати и плакати, къ старцу же пришедъ и поклонися. Старецъ же исперва не обличи его, но во умѣ своемъ глаголаше: «Злѣ прииде, лживый дияволе, древнее зло, ядовитый змию вселукавый». Таче глагола к нему: «Да вѣси, яко молихъ Господа Бога моего, еже общахъ ти. И приемлетъ тебе в покаяние, аще приимеши, яже мною заповѣдаетъ ти державный и всесильный Господь». Бѣс же рече: «Что суть еже повелѣ Богъ сотворити ми?» Старецъ же

отвѣщав рече: «Заповѣдает тебѣ Богъ сице: яко да стоиши на едином мѣсте 3 лѣта, обращѣши къ востоку, взывая день и ночь: “Боже, помилуй мя, древнюю злобу!” — глаголя сие числом 100. И паки другое 100: “Боже, помилуй мя, запустѣния мерзость!” И паки то же числом: “Боже, помилуй мя, помраченную прелесть!” И егда сия сотвориши, тогда съпричтешися со аггелы Божиими, якоже и преже».

Зереферъ же лестный онъ покаяния образъ отвергъ, велми возсмѣявся и глагола ко старцу: «О калугере!^[3] Аще бы азъ хотѣлъ нареши себе древнюю злобу, и мерзость запустѣния, и помраченную прелесть, прежний от нас кто се хотех сотворити и спастися. И нынѣ древняя злоба азъ не буди то, и кто се глаголетъ? Азъ даждь донынѣ дивенъ и славенъ бѣх, и вси боящеся повинуются мнѣ. И аз самъ себе нареку мерзости запустѣние и помраченную прелесть? Никакоже, калугере, ни же! Дажь донынѣ обладовахъ грѣшными. И нынѣ паки сотворю себе непотребна? Никако, калугере, не буди то тако в таковое бесчестие себе вложу». Сия рекъ дияволъ и абие невидимъ бысть. Старець же, възставъ, благодаряше Бога, глаголя: «Воистинну глаголалъ еси, Господи, яко древнее зло ново добро быти не можетъ».

Сия же, братие, просто понудихомся на среду привести, яко да навикнете Владычнее благоутробие. Яко да аще диявола приемлетъ покаявшася, то колми паче человекы, за нихже кровь свою пролия. Грѣшен ли еси, покаяйся. Аще ли ни, то горши бѣсовъ хоцещи мученъ быти в геенѣ огненѣй: не яко согрѣши — никтоже бо без грѣха, вси согрѣшихомъ — но понеже не восхотѣ покаятися и умолити Судию преже кончины своея. Якоже бо обрящеть смерть каждо нас сице и посылаетъ его тамо. Аще умреши без покаяния, работая дияволу многообразными и различными грѣхи, со дияволомъ осудишися в вѣчном огни, уготованнѣ дияволу и аггеломъ его.^[4] Аще ли преже кончины отбѣгъ грѣха, Господеви угодиши покаяниемъ и исповѣданиемъ, о коликых благъ по конѣчинѣ сподобишися! И блаженству свѣтлыми аггелы вводимъ, идѣже красота неизреченная и присносущное радование съ Безначальным его Отцемъ и с Пресвятым и Благим и Животворящимъ Духом, и нынѣ и присно и въ вѣки.

^[1] *Бѣ нѣкий от святыхъ старецъ...* — Согласно некоторым редакциям повести, Антоний Великий (Египетский) (251—356) — один из основателей монашества. «Житие Антония Великого» (IV в.), написанное Афанасием Александрийским, повествует о многочисленных искушениях от бесов, которым подвергался святой. Димитрий Ростовский поместил повесть в свои Минеи Чети под 17 января как приложение к этому житию.

^[2] *Мерзость запустения* — Ср. Дан. 9, 27; 11, 31; 12, 11; Мф. 24, 15; Мр. 13, 14.

^[3] *Калугер* (греч.) — почтенный старец, монах.

[4] ...в вѣчномъ огни, уготованиѣ Дияволу и аггеломъ его. — Ср. Мф. 25, 41.

ПЕРЕВОД

ПОВЕСТЬ ДУШЕПОЛЕЗНАЯ О БЕСЕ, ПРИШЕДШЕМ НА ПОКАЯНИЕ, К ПОЛЬЗЕ ЖЕЛАЮЩИМ ОТ ВСЕГО СЕРДЦА ПОКАЯТЬСЯ ПЕРЕД БОГОМ

Некий святой старец, великий и прозорливый, победил бесовские искушения и козни их презирал. Но наяву видел он и ангелов, и бесов, как пекутся они о человеческой жизни, стремясь направить ее каждый в свою сторону. Так был велик в добродетелях, что поносил и укорял нечистых духов, часто и бесчестил их, напоминая им их изгнание с небес и будущее мучение в огне. И бесы за это хвалили друг другу того великого старца, говоря: «Никто из нас не смеет отныне приблизиться к нему, потому что достиг он великого бесстрастия, исполнился Святым Духом».

И когда так они рассуждали, один из бесов обратился к другому: «Брат Зерефер, — таково было имя того беса. — Если кто-нибудь из нас покается, примет ли Бог от него покаяние или нет?» Он же ему так отвечал: «Кто же это знает?» И сказал Зерефер: «Хочешь, пойду к тому великому старцу и искушу его в этом?» Тот же сказал: «Иди, но будь осторожен, потому что старец прозорлив и, наверное, раскроет твой обман и не захочет спросить об этом Бога. Однако иди, может быть, получишь желаемое».

Тогда пошел Зерефер к старцу и, приняв человеческий облик, начал плакать пред ним и рыдать. Бог же, желая показать, что ни от одного кающегося не отвращается, но всех обращающихся к нему принимает, не открыл старцу бесовский замысел. И казалось старцу, что человек перед ним, а не бес. Спросил у него старец: «Отчего так горько плачешь, человеке, сокрушая мою душу своими слезами?» Бес же ответил: «Святой отец! Я не человек, а бес. Плачу же от множества беззаконий моих». Старец же сказал: «Что ты хочешь, чтобы я сделал для тебя, брат?» Старец полагал, что от большого смирения назвал себя бесом — не открыл ему Бог истины. И сказал бес: «Святой отец! Ни о чем другом тебя не прошу, только, может быть, помолишь Бога усердно, чтобы открыл тебе, примет ли покаяние от дьявола. Если от него примет, то и от меня примет, потому что мои деяния подобны его». Старец же сказал: «Сделаю то, о чем просишь, чадо. Но сейчас иди домой, а поутру приходи. И скажу тебе, что Бог повелит».

В тот же вечер обратил старец свои преподобные руки к человеколюбцу Богу, чтобы открыл ему, примет ли дьявола, желающего покаяться. И тотчас ангел Господень предстал перед ним, подобно молнии, и сказал ему: «Так говорит Господь Бог твой: “Зачем ты молишь мое владычество о бесе? Это он, обманом искушая, приходил к тебе”». Старец же сказал в ответ: «Почему не открыл мне Господь правды?» И сказал ангел: «Не печалься об этом. Некое чудесное усмотрение заключено в этом к пользе кающихся. Да не впадут грешники во отчаяние, потому что ни от

одного приходящего к нему не отвращается преблагой Бог, даже если и сам дьявол придет. Также да явлено будет этим бесовское ожесточение и отчаяние. Когда же придет к тебе, искушая, сначала не обличай его, но скажи ему так: «Да будет тебе известно, что человеколюбец Бог никогда ни от одного приходящего к нему не отвращается, даже и от дьявола. Обещал он и тебя принять, если исполнишь его повеления». И когда придет к тебе и спросит: «Что повелел он мне?» — скажи ему: «Так говорит Господь Бог: «Знаю, кто ты и откуда пришел, искушая. Ты — древняя злоба. Но древняя злоба новой добродетелью не может быть, потому что сроднилась с гордостью своей». И разве в силах ты смириться для покаяния и обрести милость? Но не сможешь дать такой ответ в Судный день: «Хотел покаяться, но не принял меня Бог»».

Послушай же о том, как тебе совершить покаяние. Так говорит Господь: «Проведи три года на одном месте стоя, обратясь к востоку и громко взывая денно и ночью: «Боже, помилуй меня, древнюю злобу!» — и скажи это 100 раз. И затем снова 100 раз скажи: «Боже, помилуй меня, мерзость запустения!» И в третий раз еще 100 так скажи: «Боже, помилуй меня, мрачное заблуждение!»» И так говори, вздыхая Господу беспрестанно. И, поскольку у тебя нет тела, трудно не будет тебе и не устанешь. Когда же совершишь это со смирением, тогда принят будешь в свой первый чин, причтешься к ангелам Божиим». Если обещает это исполнить, то прими его к покаянию. Но знаю, что древнее зло новым добром быть не может. Напиши же об этом будущим поколениям, чтобы желающие покаяться не впали в отчаяние. Да послужит это писание для уверения людей, чтобы не теряли надежду на свое спасение». Сказал это ангел старцу и возшел на небо.

Утром же пришел дьявол и начал издалека рыдать и плакать, затем подошел к старцу и поклонился. Старец же сначала не обличил его, но сказал про себя: «Зло явилось, лживый дьявол, древнее зло, ядовитый змей вселукавый». Затем сказал ему: «Да будет тебе известно, что молил я Господа Бога моего, как обещал тебе. И примет от тебя покаяние, если исполнишь то, что заповедует тебе через меня могущественный и всесильный Господь». Бес же спросил: «Что повелел мне Бог совершить?» Старец же сказал в ответ: «Вот что заповедует тебе Бог: проведи стоя на одном месте 3 года, обратись к востоку и взывая денно и ночью: «Боже, помилуй меня, древнюю злобу!» — и скажи это 100 раз. И затем еще 100: «Боже, помилуй меня, мерзость запустения!» И вновь столько же: «Боже, помилуй меня, мрачное заблуждение!» И когда сделаешь это, тогда сопричтешься с ангелами Божиими, как и прежде».

Зерефер же лживый отверг путь покаяния, громко рассмеялся и сказал старцу: «О калугер! Если бы я хотел назвать себя древней злобой, и мерзостью запустения, и мрачным заблуждением, то кто-нибудь из нас прежде это уже сделал бы и спасся. Ныне же не будет того, и кто назовет меня древней злобой? Я даже и доньше дивен и славен, и все в страхе повинуются мне. И я сам себя назову мерзостью запустения и мрачным заблуждением? Никогда, калугер, нет! Я даже и доньше повелеваю грешниками. И сейчас так унижу себя? Никогда, калугер, не бывать тому, чтобы я себя такому бесчестию подверг». Сказал это

дьявол и тотчас стал невидим. Старец же, встав на молитву, поблагодарил Бога, говоря: «Истинно сказал, Господи, что древнее зло новым добром быть не может».

Побудили же мы себя, братья, рассказать об этом только для того, чтобы познали вы Божие милосердие. Если Бог дьявола принимает покаявшегося, то тем более людей принимает, за которых и кровь свою пролил. Если грешен, покайся. Если же не покаешься, то горше бесов будешь мучиться в геенне огненной: не потому, что согрешил, — никого нет без греха, все согрешили — но потому, что не захотел покаяться и умолить Судию прежде кончины своей. Каждого ведь из нас настигает смерть и посылает на тот свет. Если умрешь без покаяния, служа дьяволу многообразными и различными грехами, то с дьяволом и будешь осужден в вечный огонь, уготованный для дьявола и бесов. Если же прежде кончины отвратишься от греха и Господу угодишь покаянием и исповедью, о скольких благ по кончине сподобишься! И приведен будешь светлыми ангелами в райское блаженство, где неизреченная красота и вечная радость с Безначальным его Отцом и с Пресвятым и Благим и Животворящим Духом, и ныне и присно и веки.

ПОВЕСТЬ О ВИДЕНИИ АНТОНИЯ ГАЛИЧАНИНА

Подготовка текста, перевод и комментарии А. В. Пигина

ВСТУПЛЕНИЕ

Повесть была создана в 1520-е гг. в Иосифо-Волоколамском монастыре. В рукописной традиции она бытовала и как самостоятельное произведение, и как посмертное чудо Павла Обнорского, входившее в состав жития этого святого (исследование повести и издание всех ее редакций см.: *Пигин А. В.* Литературная история Повести о видении Антония Галичанина // ТОДРЛ. СПб., 2000. Т. 52. С. 225—292).

Повесть принадлежит к очень популярному в средневековую эпоху жанру видения потустороннего мира. «Страхи и надежды, порожденные ожиданием перехода в мир иной, неотступно преследовали средневекового человека, и он не мог не составить себе каких-то идей об устройстве его. <...> Обычной формой описания загробного мира в средние века был рассказ о человеке, который чудесным образом оказывался в запредельных краях, после чего возвращался к жизни и открывал окружающим виденное им “там”» (*Гуревич А. Я.* Западноевропейские видения потустороннего мира и «реализм» Средних веков // *Тр. по знаковым системам.* Тарту, 1977. Вып. 8. С. 4).

В древнерусской литературе жанр видения был представлен апокрифами, многочисленными повестями из патериков, Пролога,

«Великого Зерцала» и т. д. Особую известность в Древней Руси приобрело откровение «мниха» Григория о загробной участи преподобной Феодоры Цареградской из византийского Жития Василия Нового (X в.). Некоторые мотивы повести об Антонии Галичанине находят близкую аналогию в тексте Жития Василия Нового. Так, бесы, явившиеся к Антонию с различными орудиями и смертной чашей, напоминают облик Смерти из этого памятника (ср. также с Житием Андрея Цареградского (БЛДР. Т. 2). Очень подробно в Житии Василия Нового описываются и загробные мытарства, которые привели Антония Галичанина в «страх и трепет» («Всѣ есмь мытарства видѣль страшныя...»). Мотив «суда совести» (грехи Антония предстают перед ним в виде неких кругов) разработан в ряде других переводных памятников эсхатологического содержания — в видениях Макария, апостола Павла и др. (см.: *Батюшков Ф.* Спор души с телом в памятниках средневековой литературы. СПб., 1891). Своей «живописностью», «наглядностью» греховные круги Антония близки книжной миниатюре древнерусских «цветников» и синодиков. По древнерусским представлениям, этот «загробный кинематограф» (В. И. Иванов) ожидает человека и в час расставания его души с телом, и на Страшном Суде, и в аду. «Видѣти будетъ пред собою мучимый вся грѣхи, иже сотвори, якоже на стѣнѣ написана, да вящую скорбь имать от размышления сего мучитися» (Агапий Критянин. «Грешных спасение» (БАН, 31.6.38, XVII в., л. 186 об.)).

В отличие от многих других средневековых видений в повести об Антонии загробное устройство подробно не изображается. Содержание этого памятника ограничивается тем, что в других видениях служит лишь преддверием к потрясающим воображение эсхатологическим картинам. Антоний предпочитает умолчать о загробной космологии. Его помыслы сосредоточены на собственных переживаниях и физической боли, на воспоминаниях детства, на своей беспокойной совести. Рассказ Антония — это предсмертная исповедь. Она предельно откровенна, порой даже натуралистична, глубоко эмоциональна, изложена простым безыскусным языком. В повести угадывается зарождение тех стилистических черт, которые получают полное художественное развитие в автобиографическом повествовании XVII в. (Житие протопопа Аввакума и др.).

Поскольку в первоначальной редакции повести имя персонажа не названо, текст памятника публикуется в его второй, тоже ранней (1520-е гг.), волоколамской редакции по списку первой половины XVI в. из сборника Фотия, инок Волоколамского монастыря: *РГБ*, Волоколамское собр., № 491, лл. 160—162 об.

ОРИГИНАЛ

ПОВѢСТЬ СТРАШНА И ЗЪЛО ПОЛЕЗНА

Лѣта 7034 мѣсяца июля, на память святаго отца Андрѣя,^[1] преставися старецъ Антоние Галичанинъ в Павловѣ пустыни.^[2] А лежалъ в недужѣ долго время и пред смертию видѣние видѣ.

Приидоша дѣмони и глаголюще к нему издалеча, яко саженой за десять и дале. Инѣ стояше, яко древо высота его, и подперся палицею великою, а инѣ стояше и кричаше, аки свинѣя. А инии приидоша близѣ его, глаголюще между собою, показующе друг другу оружие свое. Инѣ глаголаше, казаше удицы, а инѣ — клещи, а инѣ — пилы малыя, а инѣ — рожны, а инѣ — шила, а инѣ — бритвы. А инѣ глаголетъ: «Распорем его да опять сошьем его». А инѣ чашу держит в руцѣ. А инѣ стоячи понуждает держащаго чашу, веля ему, глаголя: «Дай же ему пити, во-се покушает, сладко ему будет!» А инѣ держит пилу великую и глаголетъ: «Претерти его поперекъ!» А на бедрѣ у коегождо их у иного — брусъ, а у иного — осла. И сѣдши и остряше каждо свою снасть. А инѣ во обоих руках держит свою снасть да бряцаетъ ею, а иныя толко брячат и грѣмятъ своею снастию. А инѣ прискоча з бритвою да обоих рукъ въдруг задкы срѣзалъ с мясом. А инѣ держа дѣску велику мѣдяную и глаголетъ: «Во-се накину на него, и он умрет». Да много того сказати немочно всего въдругъ.

Таже прииде на них нѣкая сила, якоже подражати мѣсту тому, яко великъ вихоръ сильный или грозная буря на хмелевое перие, и по всему воздуху развѣев ихъ. Иного несет вверхъ ногами, а внизъ головою, а иного — поперекъ, а иного — кое-какъ. Да всѣх разомчало по воздуху без вѣсти, и исчезоша, и мечтание их погибе, и ничтоже бысть.

Той же брат Антоние повѣда ми въ другой день, глаголя со слезами, яко «На нѣкоемъ мѣстѣ обрѣтохся незнаемъ и видѣ тамо яко нѣкую улицу и в ней множество человекъ рищущих. И вси ходяще тужат и горюють, и глаголють: “Ох, ох! Горе, горе!” Азъ же мнѣхся поверху ихъ ни се хожу, ни се лѣтаю, яко невидимая сила ношаше мя по воздуху, яко съ человека высотой от земли лѣтати ми, яко на полотнѣх носиму. И видѣх пред собою грѣхы моя от юности моея, никымже держимы, яко круги или аки доски. Всякъ грѣх воображенъ, написана не книжными словесы, но яко на иконах, а не красными писано, но дегтем, но толико прозрачно и разумно. Какъ возришь, так и спомнишь лѣто, и мѣсяць, и недѣлю, и день той, и час, коли который грѣх сотворенъ, — все то объявлено. Еще ми сущу пяти лѣт, мати моя спаше, и азъ у нее сквозѣ подолъ за срамное то мѣсто осязалъ — ино так и написано. Да замахивался есми на мать свою батогом — ино так: она сѣдит, а яз какъ замахнулся — ино тако есть и написано, и батог-от тутю же. Да в чернечествѣ есми шутя руку положилъ на женщину — ино тако и написано: язъ да она сѣдит, и рука моя на ней лежит. Или завтракалъ или пил до обѣда, или бранился с кѣм, или кого ударил, или кого осудил, или на кого гнѣвъ держал, или на кого воздохнулъ со гнѣвом — то все так и написано, день и час.

Ино о том гнѣвѣ круг великъ стоитъ, мраченъ, и мѣглянъ, и темень — таковъ, что немочно на сем свѣте таковой тмѣ быти никакоже. Ино такова в нем горестъ, еже сказати ми немочно, а не живет такова горестъ на сем свѣтѣ. Да мразъ великъ зѣло и студенъ — не бывает такового мраза на сем свѣтѣ никакоже. Азъ же мнѣхъ, что у мене ноги по лодыжки отзябли да и отпали, а мысли измѣтаны, якоже онучи или яко издирки портяныя. А иного ти не скажу, а ты мене не спрашивай, а сказати ми немочно — велми страшно и грозно».

Азь же въспросих его, чтобы ми и то сказалъ. Он же отвѣща ми послѣднее слово: «Что мя вопрошаеши? Всѣ есмь мытарства видѣлъ страшныя, да немочно ми их сказати, страх убо и трепеть обдержит мя. Нѣсть бо сего страха страшнѣе и злѣе, а не избыти того страха никомуже. Да Бога ради, господине, остави мя нынѣ, да не спрашивай, да и не ходи ко мнѣ. Прости же мя, господине, и благослови, а тебе Богъ простит, уже бо ся не имам с тобою ктому видѣти на сем свѣтѣ».

[1] *Андрей* — святой Андрей Критский, день его памяти — 4 июля (по старому стилю).

[2] *Павлова пустынь* — Троицкий Комельский (Павлов Обнорский) монастырь, основанный в начале XV в. недалеко от Вологды учеником Сергия Радонежского Павлом Обнорским.

ПЕРЕВОД

ПОВЕСТЬ СТРАШНАЯ И ВЕСЬМА ПОЛЕЗНАЯ

7034 (1526) года месяца июля, на память святого отца Андрея, преставился старец Антоний Галичанин в Павловой пустыни. А лежал он в недуге долгое время и перед смертью видение видел.

Пришли демоны и говорили ему издалека, саженой за десять и дальше. Один стоял, с дерево высотой, и подперся великой палицей, а другой стоял и кричал, как свинья. А иные подошли к нему, говоря между собой, показывая друг другу свои орудия. Один говорил, показывая удицы, а иной — клещи, а иной — небольшие пилы, а иной — рожны, а иной — шила, а иной — бритвы. А один из них говорит: «Распорем его да опять сошьем его». А иной держит чашу в руке. А иной стоит и понуждает того, кто держит чашу, веля ему: «Дай ему испить, пусть отведает, сладко ли ему будет!» А еще один держит огромную пилу и говорит: «Распилим его поперек!» А на бедре у каждого: у кого — брус, а у кого — оселок. И, усевшись, каждый точил свою снасть. А один двумя руками держит свое орудие и бряцает им, и другие лишь бренчат и гремят своими орудиями. А один подскочил с бритвой да с задков обеих рук вдруг мясо срезал. А иной держит большую медную доску и говорит: «Сейчас брошу на него это, и он умрет». Да многое невозможно сразу рассказать.

Потом пришла на них некая сила, будто задрожало то место, будто великий сильный вихрь или грозная буря налетели, и по всему воздуху, как хмель, их развеяло. Одного несет вверх ногами и вниз головой, а другого — поперек, а иного — непонятно как. Да всех разогнало по воздуху без вести, и исчезли они, и мечтания их погибли, и ничего не стало.

Тот же брат Антоний поведал мне на другой день со слезами: «Оказался я в каком-то незнакомом месте, видел там будто некую улицу и на ней множество людей мечущихся. И все ходят, тужат и горюют, говоря: “Ох, ох! Горе, горе!” Мне же казалось, что я над ними не то хожу, не то летаю, будто некая невидимая сила носила меня по воздуху, будто я летал на высоте человека от земли, будто на полотне меня носили. И видел я перед собой мои грехи, от самой юности, в виде кругов или досок, которые никто не держал. Каждый грех изображен, но написан не книжными словами, а как на иконах, но не красками написано, а дегтем, только прозрачно и разумно. Как посмотришь, так и вспомнишь и год, и месяц, и неделю, и день тот, и час, когда какой грех сотворен, — все это явлено. Когда мне было всего пять лет, мать моя спала, и я ее сквозь подол трогал за срамное место — это так и написано. Да замахивался на мать свою батогом — так и есть: она сидит, а я как замахнулся — так и написано, и батоги тут же. Да в чернечестве шутя руку положил на женщину — так и написано: мы с ней сидим, и рука моя на ней лежит. Или завтракал или пил до обеда, или бранился с кем, или кого ударил, или кого осудил, или на кого гнев держал, или кого обидел во гневе — все так и написано, день и час.

Круг же гнева велик стоит, такой мрачный, мглистый и темный, что никак такая тьма не может быть на сем свете. И такая горесть в нем, что сказать не могу, не живет такая горесть на сем свете. Да мороз, великий и студеный, — не бывает такого мороза на сем свете. Мне казалось, что у меня ноги по лодыжки отмерзли да и отпали, а мысли истрепаны, словно онучи или лохмотья одежды. А больше не скажу тебе, и ты меня не спрашивай, потому что сказать не могу я — очень страшно и грозно».

Я же попросил его, чтоб и остальное рассказал. Он же ответил мне последнее слово: «Что меня спрашиваешь? Все страшные мытарства видел я, но невозможно мне о них рассказать, потому что страх и трепет охватывают меня. Нет этого страха страшнее и злее, и никому не избыть этого страха. Да Бога ради, господине, оставь меня ныне, да не спрашивай, и не ходи ко мне. Прости же меня, господине, и благослови, а тебя Бог простит, ибо не увидимся уже с тобой на этом свете».